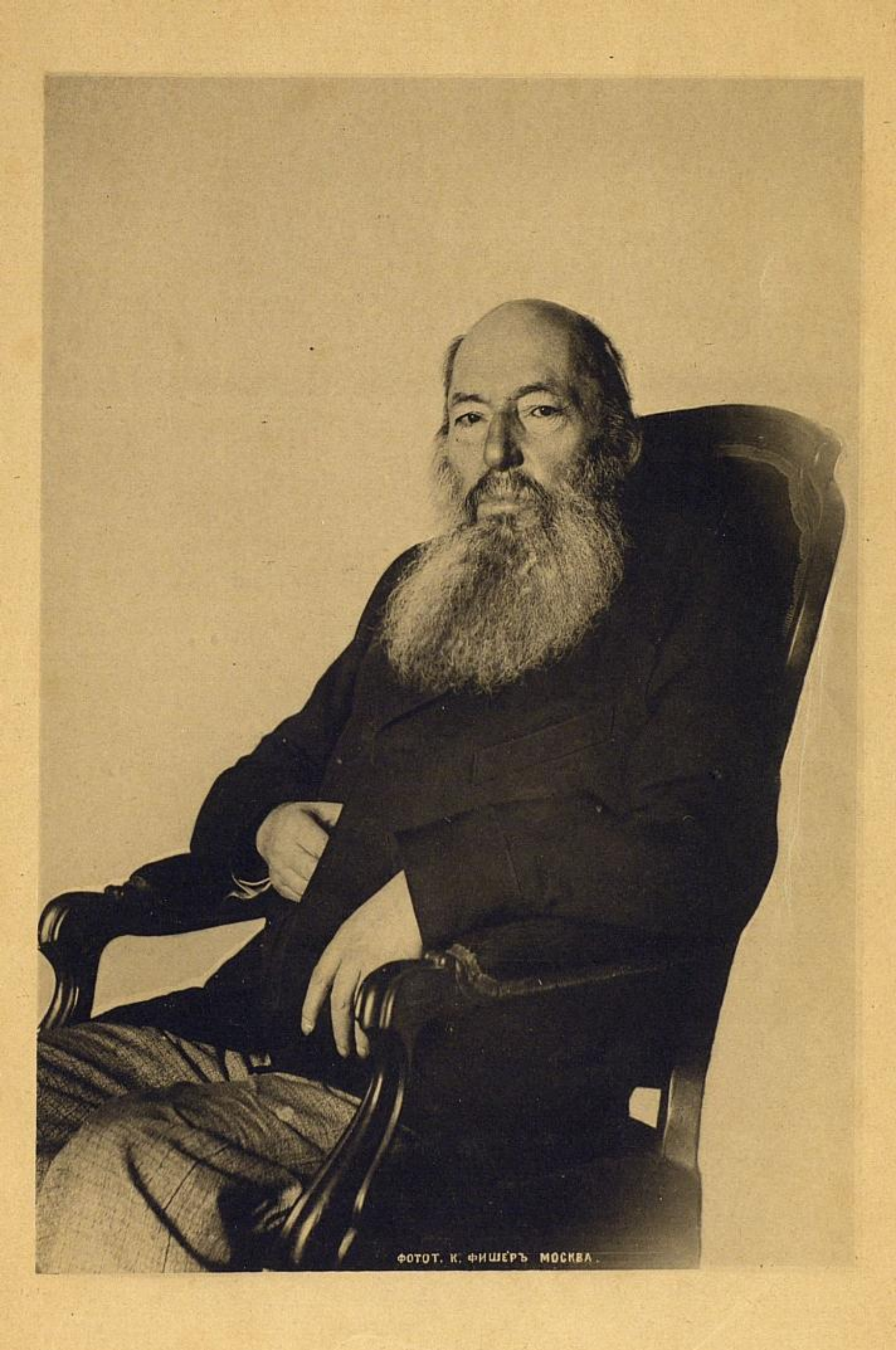
РАННІЕ ГОДЫ

МОЕЙ ЖИЗНИ

А. ФЕТА.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1893



А. Фетъ

Предисловіе.

Когда то желая выдти къ читателю со своими воспоминаніями черезъ двери журналовъ, я началъ разсказъ со времени поступленія въ гвардію, когда по обстоятельствамъ я вошелъ въ тѣсный кругъ писателей, представлявшій полный расцвѣтъ литературы конца 50-хъ годовъ. Мнѣ и самому было пріятно пересмотрѣть подкладку той блястящей одежды, которая, выразивъ наше своеобразное нравственное богатство, привлекла на насъ вниманіе всего образованнаго міра. Близость съ этою подкладкой я засвидѣтельствовалъ приложенными письмами знаменитыхъ писателей. Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Не взирая на то, что судьба, бросившая меня, какъ нарочно, изъ блестящей умственной среды прямо въ сельскую, переживавшую изумившую вселенную реформу, при которой приходилось съ величайшимъ усиліемъ выплывать на взбаламученномъ морѣ, литература сосредоточила свое вниманіе только на приведенныхъ мною письмахъ.

Но не такъ отнеслись къ моей задачѣ тѣ люди, для которыхъ литература лишь средство высказать свою силу. Надѣюсь, что въ дѣлѣ критики литературнаго интереса едва ли можно отыскать болѣе надежнаго судью, чѣмъ гр. Л. Н. Толстой. Онъ то, когда я передъ нимъ заговорилъ по окончаніи моихъ гвардейскихъ воспоминаній о намѣреніи начать мой разсказъ съ дѣтства, сказалъ: „это будетъ гораздо интереснѣе

позднѣйшихъ воспоминаній, такъ какъ поведетъ въ среду мало извѣстную и невозвратно исчезнувшую".

Сердечно радуюсь, что наконецъ удалось мнѣ перечитать раннія страницы моей жизни, передать ихъ содержаніе съ полнымъ, какъ мнѣ кажется, безпристрастіемъ. Я нигдѣ не украшаю родной среды, но считаю низостью всякую не нее клевету въ угоду кому бы то ни было. Если помимо моего желанія я пристрастенъ, то это по отношенію къ одному Государю Николаю Павловичу. Но и въ этомъ случаѣ я останавливаюсь на близко мнѣ извѣстномъ.

А. Фетъ.

РАННІЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

I

Первые проблески памяти. — Родная семья. — Наша жизнь во Мценскѣ.— Илья Аѳанасьевичъ.—Смерть сестры.—Процессія съ тѣломъ государя Александра I.—Новоселки.—Дѣвичья.—Дядя Петръ Неофитовичъ.

Какъ бы педагоги и физіологи ни отнеслись къ словамъ моимъ, я буду настойчиво утверждать: первымъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ моей памяти, было, что кудрявый, темнорусый мужчина, въ свѣтлосинемъ халатѣ на черномъ калмыцкомъ мѣху, подбрасываетъ меня подъ потолокъ, и мнѣ было болѣе страшно, чѣмъ пріятно. Самыя черты лица этого человѣка твердо врѣзались мнѣ въ память, такъ что я узналъ его двадцать лѣтъ спустя, хотя въ теченіи всего этого времени не видалъ даже его портрета. Этотъ человѣкъ былъ родной братъ матери моей, сынъ Дармштадтскаго оберъ-кригсъ-коммисара Карла Беккера, носившій въ Россіи имя Эрнста Карловича, точно такъ же, какъ мать моя, до присоединенія къ православной церкви, носила названіе Шарлотты Карловны. Но какъ воспріемникомъ ея былъ родной братъ отца моего Петръ Неофитовичъ, то мать въ православіи называлась Елизаветой Петровной. Такое свѣтлое пятно на непроницаемомъ мракѣ памяти моей въ данное время почти невѣроятно, такъ какъ мнѣ не могло быть болѣе 1½ года отъ роду. Конечно, я ничего не помню, какимъ образомъ дядя Эрнстъ прибылъ къ намъ въ Новоселки и снова уѣхалъ въ Дармштадтъ. Точно такъ же, какъ память моя до самыхъ слабыхъ сумерковъ своихъ находитъ лики моихъ родителей и моего

крестнаго отца, дяди Петра Неофитовича,—я не помню времени, когда бы при мнѣ не было крещеной нѣмки Елизаветы Николаевны. Равнымъ образомъ не помню нашего переѣзда во Мценскъ, въ наемный домъ съ мезониномъ, по случаю службы отца въ должности уѣзднаго предводителя дворянства. Въ этотъ періодъ ребяческая память сохранила нѣсколько совершенно ясныхъ пятенъ. Такъ я помню прелестную дѣвочку, сестру Анюту, годомъ моложе меня, и худощаваго, болѣзненнаго мальчика, брата Васю, моложе меня на два года. Сестренку свою я любилъ съ какою-то необузданностью, и когда набрасывался цѣловать ея пухленькія ручки и ножки, какъ бы перевязанныя шелковинками, кончалось тѣмъ, что жестоко кусалъ дѣвочку, и та поднимала раздирающій вопль. На крикъ вбѣгала мать и сама плакала съ отчаянія. Напрасно прибѣгала она ко всякаго рода наказаніямъ: ничто не помогало. Однажды, услыхавъ крикъ дѣвочки, мать совершенно потеряла голову и, схвативъ меня за руку, сильно ее укусила. Симпатія подѣйствовала: съ той поры я ужь не кусалъ сестру. Ту же безграничную любовь, которую внушала мнѣ сестренка, чувствовалъ ко мнѣ братъ Вася. Образъ отца, возникшій передо мною съ ранняго дѣтства, мало измѣнился впослѣдствіи. Круглое, съ небольшимъ широкимъ носомъ и голубыми открытыми глазами, лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность. Особенный оттѣнокъ придавали этому лицу со тщательно выбритымъ подбородкомъ небольшіе съ сильною просѣдью бакенбарды и усы, коротко подстриженные. Стройная, небольшаго роста, темнорусая, съ карими глазами и правильнымъ носикомъ мать видимо старалась угодить отцу. Но никогда я не видалъ ни малѣйшей къ ней ласки со стороны отца. Утромъ при встрѣчѣ и при прощаньи по поводу отъѣзда онъ цѣловалъ ее въ лобъ, даже никогда не подавая ей руки. Въ первый разъ въ моей памяти я вижу отца быстро вальсирующимъ по нашей Мценской залѣ съ 4-хъ лѣтней Анютой. При этомъ волосы съ сильной просѣдью, которые онъ зачесывалъ съ затылка на обнаженный черепъ, длинными косицами свалившись съ головы, трепались у него за спиною. Такимъ остался отецъ до глубокой

старости, съ тою разницей, что все короче подстригалъ на затылкѣ скудныя сѣдины, сохраняя тѣ же стриженые усы и бакендбарды и ту же несообщительную сдержанность выраженія.

Изрѣдка признаки ласки къ намъ, дѣтямъ, выражались у него тѣмъ же сдержаннымъ образомъ. Никого не гладя по головѣ или по щекѣ, онъ сложенными косточками кулака упирался въ лобъ счастливца и сквозь зубы ворчалъ что-то вродѣ: „ну"...

Бѣдная мать, утрачивая вмѣстѣ съ здоровьемъ и энергію. все полнѣла, и хотя никогда не была чрезмѣрно толста, но по мѣрѣ прибавленія семейства все рѣже и рѣже покидала кровать, обратившуюся наконецъ въ мучительный одръ болѣзни.

Набравшись, какъ я впослѣдствіи узналъ, принциповъ Руссо, отецъ не позволялъ дѣтямъ употреблять сахару и духовъ; но доктора, въ видахъ питанія организма, присудили поить Васю желудковымъ кофеемъ съ молокомъ. Напитокъ этотъ для насъ, не знавшихъ сахару, казался чрезвычайно вкуснымъ, и Вася, еще плохо произносившій слова: Аѳанасій, братъ и кофей,—каждое утро подходилъ ко мнѣ и тянулъ къ своей кружкѣ, повторяя: „Ась батъ, фофа".

Почти ежедневно черезъ залу, гдѣ мы играли, въ кабинетъ къ отцу проходилъ съ бумагами его секретарь, Борисъ Антоновичъ Овсяниковъ. Часто послѣдній обращался ко мнѣ, обѣщая сдѣлать превосходную игрушку—бѣговыя санки, и впослѣдствіи я не могъ видѣть Бориса Антоновича безъ того. чтобы не спросить: „скоро ли будутъ готовы санки?" На это слѣдовали отвѣты, что вотъ только осталось выкрасить, а затѣмъ высушить, покрыть лакомъ, обить сукномъ и т. д. Явно. что санки существовали только на словахъ.

Какъ разъ по другую сторону улицы, противъ нашей квартиры, въ большомъ, сѣромъ деревянномъ домѣ помѣщались музыканты квартировавшей во Мценскѣ артиллерійской батареи. Въ настоящее время я полагаю, что бывавшій у насъ тогда въ гостяхъ генералъ съ золотыми эполетами былъ артиллерійскій бригадный начальникъ, Алексѣй Петровичъ Никитинъ, впослѣдствіи инспекторъ резервной кавалеріи и графъ.

Въ то время, я помню, въ гости къ сестрѣ Анютѣ пріѣзжала съ гувернанткой дочь Никитина, Лиза, которая подарила Анютѣ прелестную восковую куклу, открывавшую и закрывавшую глаза. Кукла эта, стоя на подставкѣ, едва ли не была ростомъ больше самихъ дѣвочекъ. По временамъ, вечеромъ съѣзжались у насъ окрестные или зимующіе въ городѣ помѣщики, и пока въ залѣ, куда дѣтей не пускали, до полуночи играли въ карты, пріѣзжіе кучера и форейторы разминались, стараясь согрѣться, на улицѣ или на просторномъ дворѣ передъ окошками. Увидавъ однажды, какъ они кулаками тузятъ другъ друга, я, не взирая на свою обычную сдержанность, разразился болѣзненнымъ крикомъ, дошедшимъ до слуха отца, который, бросивъ гостей и карты, прибѣжалъ узнать, что случилось. На бѣду я во время плача былъ подверженъ невольнымъ спазматическимъ всхлипываніямъ, которыя мѣшали твердому желанію перестать плакать.

Въ праздничные дни я съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ въ невысокую калитку противъ оконъ нашей дѣтской одинъ за другимъ, наклоняя голову, чтобы не зацѣпить высокимъ качающимся султаномъ за притолку, выходили со своими инструментами пестрые музыканты. Слышать военную музыку было для меня верхомъ наслажденія.

Не помню обстоятельствъ смерти бѣднаго брата Васи. Впослѣдствіи отъ няни, Елизаветы Николаевны, я узналъ, что онъ погребенъ на Мценскомъ монастырскомъ кладбищѣ.

Слугъ по тому времени держали много; но выдающимся изъ нихъ былъ камердинеръ отца, Илья Аѳанасьевичъ, сопровождавшій его къ Пирмонтскимъ водамъ и въ Дармштадтъ, откуда вмѣстѣ съ ними черезъ Краковъ пріѣхала въ Новоселки мать моя. Впослѣдствіи не разъ она разсказывала о соляныхъ каменоломняхъ Велички, гдѣ, кромѣ подземныхъ улицъ и жилищъ изъ каменной соли, высѣченъ храмъ, великолѣпно мерцающій при освѣщеніи.

Илья Аѳанасьевичъ, безусловно, подобно всѣмъ въ домѣ, боявшійся отца, постоянно сохранялъ къ намъ, дѣтямъ, какой-то внушительный и наставительный тонъ.

— Вамъ, батюшка баринъ, скоро надо учиться, schprechen

sie deutsch, пойдете въ полкъ да станете генераломъ, какъ Алексѣй Петровичъ, и стыдно будетъ безъ науки.

Это не мѣшало Ильѣ Аѳанасьевичу весною изъ сочной коры ветлы дѣлать для меня превосходныя дудки, что давало мнѣ возможность, конечно въ отсутствіе отца, бить въ подаренный крестнымъ отцомъ барабанъ, продолжая въ то же время дуть въ громогласную дудку.

Не могу сказать, при какихъ обстоятельствахъ мы переѣхали въ Новоселки, но хорошо помню, что сестра Анюта заболѣла, и меня къ ней на антресоли въ дѣтскую не допускали. Тѣмъ не менѣе черезъ Елизавету Николаевну и горничныхъ я зналъ обо всемъ, что происходило наверху: какъ ежедневно пріѣзжалъ туда докторъ, какъ поставилъ за уши ребенку двѣнадцать піявокъ и положилъ на голову пузырь со льдомъ. Мать не отходила отъ кровати ребенка, и наконецъ положеніе больной стало дотого безнадежно, что на меня уже не обращали никакого вниманія, и я упросилъ Елизавету Николаевну дозволить мнѣ взглянуть на сестру. Та пустила меня наверхъ, запретивши говорить что либо. Помнится, кто то сказалъ: „умираетъ“. Не зная собственно что это такое, я неслышной стопой подошелъ къ кроваткѣ, на которой лежала Анюта. Яркій румянецъ игралъ на ея дѣтскомъ лицѣ, и большіе, голубые глаза неподвижно смотрѣли въ потолокъ.

— Анюта, сказалъ я, забывая запрещеніе.

Голубые глаза склонились ко мнѣ съ несомнѣнною улыбкою, но остальное лицо оставалось неподвижно. Это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ. Къ вечеру того же дня дѣвочка умерла, и мощный отецъ, хотя и ожидавшій этого конца, упалъ въ обморокъ.

Въ началѣ зимы того же года я снова помню себя во Мценскѣ; но не на прежней квартирѣ, а въ залѣ какого то купеческаго дома. Помню, что на этотъ разъ насъ съ матерью сопровождалъ не Илья Аѳанасьевичъ, а старый, еще дѣдовскій слуга Филиппъ Агаѳоновичъ, съ которымъ впослѣдствіи мнѣ суждено было тѣснѣе сблизиться, такъ какъ онъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ моимъ дядькой. Помню, что около меня часто повторялись слова: „царскія

похороны“, но помню, что долго и впослѣдствіи слово „похороны“ связывалось въ моемъ воображеніи съ чѣмъ то, начинающимся со звука *похъ,* вродѣ нѣмецкаго pochen — бухать,

Вечеромъ во Мценскѣ меня къ матери посадили въ заскрипѣвшій по снѣгу возокъ, а затѣмъ Филиппъ Агаѳоновичъ, держа меня на плечѣ, тискался въ соборѣ сквозь густую толпу народа. Помню, какъ хромой, знакомый намъ, городничій крикнулъ Филиппу Агаѳоновичу: „вотъ ты старый человѣкъ, а дуракъ! ребенка въ такую тѣсноту несешь“. Помню, какъ тотъ же Филиппъ Агаѳоновичъ вынесъ меня обратно на паперть и сказалъ: „постойте, батюшка, минуточку; я только мамашу“...

Оставшись одинъ и увидавъ вокругъ собора у яркихъ костровъ грѣющихся на морозѣ солдатиковъ, причемъ составленныя въ ко̀злы ружья красиво сверкали, я самъ захотѣлъ быть солдатомъ и прошелъ съ паперти къ нимъ.

— Ахъ отцы мои небесные! раздался надо мною голосъ Филиппа Агоѳоновича: пожалуйте въ возокъ, домой, домой!

На другое утро мама̀ сидѣла подъ окошкомъ и, глядя на проходящія толпы, утирала слезы платкомъ. Не помню послѣдовательности погребальной процессіи, но я уже зналъ, что въ скорости повезутъ тѣло государя Александра Павловича.

— А вотъ и папа̀, сказала матушка.

И дѣйствительно, отецъ шелъ въ своемъ мундирѣ, при саблѣ и съ красной уланской шапкой на головѣ. Затѣмъ послѣдовали сани съ устроеннымъ на нихъ катафалкомъ подъ балдахиномъ. Катафалкъ везли веревками многочисленные мценскіе обыватели; провели и траурнаго коня.

Помню себя снова въ Новоселкахъ и съ тѣхъ поръ воспоминанія мои проясняются до непрерывности.

Для большей наглядности домашней жизни, о которой придется говорить, дозволю себѣ сказать нѣсколько словъ о родномъ гнѣздѣ Новоселкахъ. Когда по смерти дѣда Неофита Петровича отцу по раздѣлу достались: лѣсное въ 7 верстахъ отъ Мценска Козюлькино, Новосильское пустынное Скворчее и неменѣе пустынный Ливенскій Тимъ, — отецъ выбралъ Козюлькино своимъ мѣстопребываніемъ и, расчистивъ значитель-

ную лѣсную площадь на склоняющемся къ рѣкѣ Зушѣ возвышеніи, заложилъ будущую усадьбу, переименовавъ Козюлькино въ Новоселки.

Замѣчательна общая тогдашнимъ основателямъ усадебъ склонность строиться на мѣстностяхъ, искусственно выравненныхъ посредствомъ насыпи. Замѣчательно это тѣмъ болѣе, что, не взирая на крѣпостное право, работы эти постоянно производились наемными хохлами, какъ теперь производятся большею частію юхновцами. На такой насыпи была построена и Новосельская усадьба, состоявшая первоначально изъ двухъ деревянныхъ флигелей съ мезонинами. Флигели стояли на противоположныхъ концахъ первоначальнаго плана съ нѣсколько выдающимся правымъ и лѣвымъ боками. Правый флигель предназначался для кухни, лѣвый для временнаго жилища владѣльца, такъ какъ между этими постройками предполагался большой домъ. Стѣсненныя обстоятельства помѣшали осуществленію барской затѣи, и только впослѣдствіи умноженіе семейства принудило отца на мѣстѣ предполагаемаго дома выстроить небольшой одноэтажный флигель.

До того времени пришлось всѣмъ намъ довольствоваться лѣвымъ флигелемъ, получившимъ у насъ названіе дома, а у прислуги хорòмъ. Что эти хоромы были невелики, можно судить потому, что въ нижнемъ этажѣ было всего двѣ голландскихъ печки, а въ антресоляхъ одна. Поднявшись умственно по ступенямъ широкаго каменнаго подъ деревяннымъ навѣсомъ крыльца вступаешь въ просторныя сѣни, въ которыхъ была подъемная крышка подъ лѣстницею въ подвалъ. Налѣво изъ этихъ теплыхъ сѣней дверь вела въ лакейскую, въ которой за перегородкой съ балюстрадой помѣщался буфетъ, а съ правой стороны вдоль стѣны поднималась лѣстница въ антресоли. Изъ передней дверь вела въ угольную такого же размѣра комнату въ два окна, служившую столовой, изъ которой дверь направо вела въ такого же размѣра угольную комнату противоположнаго фасада. Эта комната служила гостиной. Изъ нея дверь шла въ комнату, получившую современемъ названіе классной. Послѣдней комнатой по этому фасаду былъ кабинетъ отца, откуда небольшая дверь снова выходила въ сѣни. Нужно при-

бавить, что въ отцовскомъ кабинетѣ аршина три въ глухой стѣнѣ были отгорожены для гардероба. Весь мезонинъ состоялъ изъ одного 10-ти аршиннаго сруба, разгороженнаго крестообразно на четыре комнаты, двѣ поменьше и двѣ побольше. Меньшія были дѣвичьими, а изъ двухъ большихъ одна была спальною матери, а другая дѣтской, выпустившей изъ своихъ стѣнъ, кромѣ умершихъ, пять человѣкъ дѣтей.

Такъ какъ моя Елизавета Николаевна всею душой предана была насущнымъ интересамъ многочисленныхъ горничныхъ, то и я въ свою очередь не зналъ ничего отраднѣе обѣихъ дѣвичьихъ. Эти двѣ небольшихъ комнаты не отличались сложностью устройства, зато какъ богаты были содержаніемъ! Вмѣсто стульевъ въ первой и во второй дѣвичьей, съ дверью и лѣстницей на чердакъ, вдоль стѣнъ стояли деревянные съ висячими замками сундуки, которые мама̀ иногда открывала, къ величайшему моему любопытству и сочувствію. Выдавая повару надлежащее количество сахарнаго горошка, корицы, гвоздики и кардамона, она иногда клала мнѣ въ руку пару миндалинокъ или изюминокъ. Изюмъ и черносливъ не входили въ разрядъ запретныхъ сахарныхъ и медовыхъ сладостей.

Вотъ на этихъ то сундукахъ вечеромъ и въ особенности рано утромъ со свѣчами усаживался на донцахъ съ гребнями говорливый сонмъ горничныхъ. Въ такое раннее время изъ уваженія къ нашему сну онѣ привлекательно перешептывались. Я зналъ, что тамъ передаются самыя свѣжія новости: какъ вчера у отставнаго дѣдушкинаго повара Игната Семеновича заболѣла голова, а Павелъ буфетчикъ въ той же избѣ въ своемъ углу сталъ на щипокъ отхватывать „барыню“ на балалайкѣ, и какъ Игнатъ Семеновичъ два раза крикнулъ ему: „перестань!“ а потомъ не посмотрѣлъ, что онъ съ барскаго верха и расколотилъ ему балалайку; какъ третьяго дня хоронили мать дурочки Акулины, и какъ дурочка чудесно по ней голосила и причитала: „сестрицы родимыя, вскиньтесь бѣлыми голубками, прилетайте поплакать надо мною, сиротинкой!“ и т. д.

А не то, опять про жаръ-птицу и про то, какъ царь на походѣ сталъ пить изъ студенаго колодца, и водяной, схва-

тивъ его за бороду, сталъ требовать того, чего онъ дома не знаетъ... Кажется, вѣкъ бы сидѣлъ и слушалъ!

Въ пятомъ часу утра, уступая неудержимому стремленію къ фантастическому міру сказокъ, я вскакивалъ въ затемненной ставешками дѣтской съ кроватки и направлялся къ яркой чертѣ просвѣта между половинками дверей, босикомъ, въ длинной ночной сорочкѣ съ растегнутой грудью.

— Вишь ты, кому не спится то! говорила шопотомъ мнѣ навстрѣчу шаловливая Прасковья, пощипывая тонкій ленъ лѣвой рукой и далеко отводя правою крутящееся веретено. Не взирая на такую проническую встрѣчу, я каждый разъ усаживался на скамейкѣ подлѣ Прасковьи и натягивалъ черезъ приподнятыя колѣни рубашку, образуя какъ бы палатку вокругъ своего тѣла. Затѣмъ начиналась вполголоса неотвязная просьба: „Прасковья, скажи сказочку“.

Когда Шехеразада молчала, моя дѣтская рука хватала ее за подбородокъ, стараясь повернуть ее голову ко мнѣ, и въ десятый разъ повторялось неизмѣнное: „Прасковья, скажи сказочку!“

Нѣкоторыя горничныя особенно щеголяли пряжей, тонкой какъ паутина, и, конечно, хлопки (очески) такой намыки были воздушны какъ облако.

Зная, вѣроятно, по опыту, чтò такой хлопокъ можетъ только мгновенно вспыхнуть, проказница Прасковья однажды, когда я очень надоѣлъ ей, бросила въ отверстіе моей палатки т. е, въ разверстый воротъ рубахи, такой зажженный хлопокъ; не успѣли мы всѣ ахнуть, какъ фейерверкъ внутри палатки потухъ, не причинивъ мнѣ ни малѣйшаго вреда. Но и такой рискованный урокъ не отбилъ у меня охоты къ сказкамъ.

По вечерамъ, когда мать уходила въ спальню рядомъ съ нашей дѣтскою, горничныя, которымъ нельзя уже было черезъ запертыя сѣни нижняго этажа шнырять то на кухню за утюгомъ и кушаньемъ кормилицѣ, то на дворню, то къ приказчицѣ за яблоками, охотно присаживались за гребни возобновить свою болтовню шепотомъ.

Я зналъ, что, когда дѣло было особенной важности, дѣвушки бросали работу и собирались слушать рѣшающіе при-

говоры Елизаветы Николаевны, которая, еще плохо владѣя русскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе до тонкости знала весь народный бытъ, начиная съ крестинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ, и которой раньше всѣхъ было извѣстно, что у садовника Илларіона такой касарецкій *), какого никто не видывалъ.

Въ случаѣ важной таинственной новости всѣ уходили въ маленькую дѣвичью, въ которой, отворивши дверь на морозный чердакъ, можно было видѣть между ступеньками лѣстницы засунутый войлокъ и подушку каждой дѣвушки, въ томъ числѣ и Елизаветы Николаевны. Всѣ эти постели, пышащія морозомъ, вносились въ комнату и разстилались на полъ, между прочимъ передъ нашими кроватками и колыбелками.

Однажды, догадавшись о важномъ собраніи, я пробрался въ маленькую дѣвичью и могу передать только то, что отрывочно удержалось въ моей памяти.

„Самъ приказчикъ Никифоръ Федоровичъ, сегодня вернувшись изъ Мценска, сказывалъ: „всѣхъ бунтовщиковъ переловили и въ тюрьму посадили. Добирались до царской фамиліи, апъ не на того напали. Онъ тутъ же въ тюрьмѣ то былъ ряженый, они и говорятъ: „не мы, такъ наши дѣти, наши внуки“. Тутъ то ихъ уже, которыхъ не казнили, сослали со всѣмъ родомъ и племенемъ“.

Отецъ не былъ противъ игръ и даже бѣготни дѣтей, но непривѣтливо смотрѣлъ на игрушки, даримыя посторонними. „Не раздражайте желаній, говорилъ онъ; ихъ и безъ того появится много; деревянные кирпичики, колчушки — самыя лучшія игрушки“.

Справедливость этого я испытывалъ самъ. Хотя у меня и была картонная лошадь, но въ воскресенье и праздничные дни, когда дѣвичьи скамейки были свободны, съ гораздо большимъ наслажденіемъ запрягалъ ихъ и отправлялся въ далекія и трудныя путешествія, не двигаясь съ мѣста. Благодѣтельная фантазія сильнѣе работаетъ при меньшей правдоподобности, а потому и болѣе восторгаетъ. Эта же богиня уса-

*) Убитый подъ Рождество боровъ.

живала меня верхомъ на колѣни къ молодой красавицѣ сосѣдкѣ нашей Александрѣ Николаевнѣ Зыбиной, когда послѣдняя пріѣзжала въ гости къ мама и садилась въ своемъ свѣтлосѣромъ шелковомъ платьѣ на кресло въ гостинной около дивана. Хотя, подскакивая на ея колѣняхъ, я держалъ въ рукахъ, какъ возжи, ея жемчужное ожерелье, но должно быть дѣлалъ это достаточно осторожно, такъ какъ Зыбина нѣсколько разъ позволяла мнѣ это катанье.

Кромѣ колѣнъ добрѣйшей Александры Николаевны, у меня была еще болѣе отрадная лошадка: грудь моего крестнаго отца и дяди.

Онъ былъ холостякъ, нѣжно любилъ моего отца и, пріѣзжая весьма часто верхомъ или на бѣговыхъ дрожкахъ за 4 версты со своего Ядрина, считалъ нашъ домъ нераздѣльнымъ со своимъ.

И отецъ, и дяди были съ мундирами въ отставкѣ: первый въ уланскомъ съ малиновымъ подбоемъ на лацканахъ, а дядя въ пѣхотномъ съ краснымъ подбоемъ и георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Услыхавъ о пріѣздѣ дяди, я тотчасъ же бѣжалъ въ кабинетъ отца, гдѣ обыкновенно заставалъ послѣдняго въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, а дядю — лежащимъ навзничь на кушеткѣ. Поцѣловавши у дяди руку, какъ этого требовалъ домашній этикетъ, я взлѣзалъ на кушетку и садился на грудь дяди верхомъ.

— Какъ же ты такъ безпокоишь дядю! говаривалъ отецъ; но на это постоянно слѣдовало возраженіе дяди:

— Ты пожалуйста ужь оставь насъ въ покоѣ. Мы съ нимъ другъ друга знаемъ.

Не знаю, что могъ видѣть дядя въ моихъ глазахъ, но онъ всегда съ улыбкой бралъ меня за уши, за подбородокъ, щеки, носъ и т. д. и спрашивалъ: „что это такое?“ и когда я отвѣчалъ: „носъ, ухо“,—дядя говорилъ: „врешь, плутишка, это глаза“.

Хотя у отца, до моего 15-ти лѣтняго возраста, было, какъ я потомъ узналъ, въ Новоселкахъ, Скворчемъ и на Тиму — всего при трехъ стахъ душахъ 2200 десятинъ, изъ коихъ 700 находилось въ пользованіи крестьянъ, тѣмъ не менѣе

отецъ, какъ превосходный хозяинъ, могъ бы жить безбѣдно, если бы не долги, оставшіеся еще съ военной службы, вслѣдствіе увлеченія картами. Уплата частныхъ и казенныхъ процентовъ сильно стѣсняла и омрачала и безъ того мало общительный нравъ отца. Самыя Новоселки значительно обременили его бюджетъ своимъ возникновеніемъ.

Бѣдная мать напрягала всѣ усилія, чтобы избѣгать денежныхъ тратъ, обходясь по возможности домашними произведеніями, что при тогдашнемъ образѣ жизни ей удавалось почти вполнѣ. За исключеніемъ свѣчей и говядины, да небольшаго количества бакалейныхъ товаровъ, все, начиная съ сукна, полотна и столоваго бѣлья и кончая всевозможной съѣстной провизіей, было или домашнимъ производствомъ, или сборомъ съ крестьянъ. Жалованье прислугѣ и дворнѣ выдавалъ самъ отецъ, но въ какихъ это было въ размѣрахъ, можно судить потому, что горничныя, получавшія обувь, бѣлье и домашнюю пестрядь на платья, получали кромѣ того, какъ говорилось на подметки, въ годъ по полтинному.

Отецъ, и безъ того постоянно отъѣзжавшій на Скворчее и на Тимъ, вынужденъ былъ изъ-за хлопотъ по процессу ѣхать въ Петербургъ. Впослѣдствіи онъ неоднократно разсказывалъ, какъ, бѣгая по недостатку въ деньгахъ пѣшкомъ по Петербургу, онъ, намявши мозоли, вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, продолжать мучительную бѣготню. Тѣмъ не менѣе онъ привезъ мнѣ венгерку съ великолѣпными плетешками и пуговицами, матери дорогаго въ то время и красиваго ситцу Битепажа и столовые англійскіе часы.

Подростая въ небогатомъ кругу, я въ торжественные визиты, по одному цвѣту и покрою шелковаго платья, могъ безошибочно назвать входящую гостью. Зыбина, Александра Николаевна, появлялась въ свѣтлосѣромъ, Каврайская, Варвара Герасимовна, въ свѣтлозеленомъ, Борисова, Марья Петровна, въ муаравомъ коричневомъ, и т. д. У матери нашей, вѣроятно, не было-бы ни одного шелковаго платья, если бы дядя Петръ Неофитовичъ не былъ нашимъ общимъ воспріемникомъ и не считалъ долгомъ класть кумѣ золотой на зубокъ и дарить шелковое платье на ризки.

Ко времени, о которомъ я говорю, въ дѣтской прибави-

лось еще двѣ кроватки: сестры Любиньки и брата Васи. Назвавъ меня по своему имени Аѳанасіемъ, отецъ назвалъ и втораго за покойнымъ Васею сына тѣмъ же именемъ, въ угоду старому холостяку, родному дядѣ своему Василію Петровичу Шеншину.

II

Начало ученья.—Переводы нѣмецкихъ стиховъ.- Рафаэлева Мадонна.—Аннушка.—Петръ Степановичъ.—Филиппъ Агафоновичъ. — Мансуровы.—Зыбины.—Борисовы.—Дядька Сергѣй Мартыновичъ.—Холера.

Понятно, что при денежной стѣснительности нечего было и думать о спеціальномъ для меня учителѣ. Положимъ, сама мать при помощи Елизаветы Николаевны выучили меня по складамъ читать по нѣмецки; но мама, сама по немногу выучившаяся говорить и писать по русски, хотя въ правописаніи и твердости почерка впослѣдствіе и превосходила большинство своихъ сосѣдокъ, тѣмъ не менѣе не довѣряла себѣ въ дѣлѣ обученія русской грамотѣ. Во время моего дѣтства Россія, не забывшая вѣковаго прошлаго, знала одинъ источникъ наукъ и грамотности — духовенство; и желающіе зажечь свой свѣтильникъ вынуждены были обращаться туда же. По отношенію образованія крѣпостныхъ людей, отецъ всю жизнь неизмѣнно держался правила: всякій крестьянинъ или дворовый, по достиженіи сыномъ соотвѣтственныхъ лѣтъ, обязанъ былъ испросить позволенія отдать его въ обученіе извѣстному ремеслу, и бывшій ученикъ обязанъ былъ принести барину на показъ собственнаго издѣлія: овчину, рукавицы, подкову, полушубокъ или валенки, и только въ случаѣ одобренія работы, отцу дозволялось просить о женитьбѣ малаго. И вотъ одна изъ главныхъ причинъ сравнительнаго благосостоянія отцовскихъ крестьянъ. Что же касается до грамотности, то желающимъ предоставлялось отдавать мальчика къ попу; но отецъ никогда не провѣрялъ успѣховъ школьниковъ, такъ какъ всѣ счеты въ заглазныхъ имѣніяхъ

велись неграмотными старостами по биркамъ, а общіе счеты отецъ сводилъ собственноручно, для чего нерѣдко просиживалъ ночи, чѣмъ не мало гордился, называя это своими мозолями. Тѣмъ не менѣе среди окружающей насъ дворовой молодежи почти всѣ были грамотными. Такъ буфетчикъ и кондитеръ Павелъ Тимоѳеевичъ въ силу своей грамотности попалъ при распродажѣ дубоваго лѣса въ приказчики и собственноручно записывалъ расходъ дубовъ и приходъ денегъ. Ему не только хорошо были извѣстны буквы и цифры, но и знаки препинанія, постоянно выручавшіе его изъ бѣды. Такъ, когда въ словѣ: „получено"—ножка л слишкомъ близко подвигалась подъ брюшко о, и читающій могъ принять это сочетаніе за а,—на выручку являлась запятая, указывающая, что это двѣ буквы, а не одна.

Такъ какъ литературные интересы въ то время далеко затмѣвались кулинарными, то, по причинѣ частаго поступленія дворовыхъ мальчиковъ въ Москву на кухни Яра, Англійскаго клуба и князя Сергѣя Михайловича Голицына,—прекрасныхъ поваровъ у насъ было много. Они готовили попеременно, и одинъ изъ нихъ постоянно сопровождалъ отца при его поѣздкахъ на Скворчее и на Тимъ. Одинъ изъ нихъ, Аѳанасій, превосходно ворковавшій голубемъ, былъ выбранъ матерью быть моимъ первымъ учителемъ русской грамоты. Вѣроятно, привыкнувъ къ механизму сочетанія нѣмецкихъ буквъ, я не затруднялся и надъ русскими: азъ, буки, вѣди; и въ скорости, двигая деревянною рогулькою по стрѣлкамъ, не безъ труда пропускалъ сквозь зубы: взбры, вздры и т. п.

Въ ту пору я могъ быть по седьмому году отъ роду, и хотя давно уже читалъ по верхамъ: азъ-арабъ, буки-бесѣдка, вѣди-ведро, тѣмъ не менѣе нѣмецкая моя грамотность далеко опередила русскую, и я, со слезами побѣждая трудность дѣтскихъ книжекъ Кампе, находилъ удовольствіе читать въ нихъ разныя стихотворенія, которыя невольно оставались у меня въ памяти. Писать я тогда не умѣлъ, такъ какъ отецъ весьма серьезно смотрѣлъ на искусство чистописанія и требовалъ, чтобы къ нему прибѣгали хотя и поздно, но по всѣмъ правиламъ подъ руководствомъ мастера выписывать палки и оники. Это не мѣшало мнѣ наслаждаться ритмомъ затвержен-

ныхъ нѣмецкихъ басенокъ, такъ что по ночамъ, проснувшись, я томился сладостною попыткой переводить нѣмецкую басню на русскій языкъ. Вотъ наконецъ послѣ долгихъ усилій русскіе стихи замѣняютъ нѣмецкіе. Но какъ безграмотному удержать свой переводъ?

Такъ какъ отецъ большею частію спалъ на кушеткѣ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, или былъ въ разъѣздахъ по имѣніямъ, то я зналъ, что мама не только одна въ спальнѣ на своей широкой постели, но что за высокими головашками послѣдней подъ образами постоянно горитъ ночникъ. Когда мною окончательно овладѣвалъ восторгъ побѣжденныхъ трудностей, я вскакивалъ съ постели и босикомъ бѣжалъ къ матери, тихонько отворяя дверь въ спальню.

— Что тебѣ надо? сначала спрашивала мать, встревоженная моимъ неожиданнымъ приходомъ, но впослѣдствіи она уже знала, что я пришелъ диктовать свой стихотворный переводъ, и я безъ дальнѣйшихъ объясненій зажигалъ свѣчку, которую ставилъ на ночной столикъ, подавая матери, по ея указанію, карандашъ и клочекъ бумаги. Одно изъ такихъ ночныхъ произведеній удержалось въ моей памяти и въ оригиналѣ, и въ переводѣ:

Ein Bienchen fiel in einen Bach,
Das sah von oben eine Taube
Und brach ein Blättchen von der Laube
Und warf's ihm zu. Das Bienchen schnamm danach.
In kurzer Zeit sass unsre Taube
Zufrieden wieder auf der Laube.
Ein Iäger hatte schon den Hahn danach gespant.
Das Bienchen kam: pik! stach's ihn, in die Hand,
Puff ging der ganze Schuss daneben.
Die Taube flog davon. Wem dankte sie ihr Leben?

а затѣмъ мой переводъ:

Летѣла пчелка, пала въ рѣчку,
Увидя то, голубка съ бережечку
Съ бесѣдки сорвала листокъ
И пчелкѣ кинула мостокъ.

—

Затѣмъ голубка наша смѣло
На самый верхъ бесѣдки сѣла.

Сталъ егерь цѣлиться въ голубку,
Но никъ! пчела его за губку.
Пафъ! дробь вся пролетѣла,
Голубка уцѣлѣла.

Не менѣе восторга возбуждала во мнѣ живопись, высшимъ образцомъ, которой являлась на мои глаза дѣйствительно прекрасная масляная копія Святаго Семейства, изображающая Божію Матерь на креслѣ съ Младенцемъ на рукахъ. младенцемъ Іоанномъ Крестителемъ по лѣвую и Св. Іосифомъ по правую сторону. Мать растолковала мнѣ, что это произведеніе величайшаго живописца Рафаэля и научила меня молиться на этотъ образъ. Сколько разъ мнѣ казалось, что Божія Матерь тѣмъ же нѣжнымъ взоромъ смотритъ на меня. какъ и на своего Божественнаго Младенца, и я проливалъ сладкія слезы умиленія...

Какъ ни страстенъ я былъ къ неисчерпаемымъ сказкамъ Прасковьи, но долженъ сказать, что, подобно всему дому, испытывалъ невольное влеченіе къ горничной или, какъ тогда говорили, фрейлинѣ мама Аннушкѣ. Это была прелестная. стройная блондинка съ свѣтлосѣрыми глазами, и хотя и она прошла черезъ затрапезное платье, но мать наша всегда находила возможность подарить ей свое ситцевое или холстинковое и какую нибудь ленту на поясъ. Изъ этого Аннушка при своемъ мастерствѣ и врожденной граціи умѣла въ праздникъ быть изящно нарядной. Припоминая ея образъ, я въ настоящее время не сумѣлъ бы вѣрнѣе воспроизвести его, чѣмъ словами Пушкина:

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ за ушей змѣями кудри русы,
Косыночка крестъ на крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы.....

Никто не могъ выпрясть болѣе тонкихъ талекъ (мотковъ) на полотно, не уступающее батисту. Вышитые Аннушкой въ пяльцахъ воротнички приводила въ восхищеніе сосѣднихъ барынь.

Случалось, что мама передъ пріѣздомъ гостей заставляла свою горничную въ спальнѣ перемѣнить мнѣ чулки; и когда.

бывало, Аннушка, завязавши подвязку бантомъ спереди, ловко пришлепнетъ рукою по этому банту, мнѣ казалось, что она присадила туда астру: такъ хороши выходили у нея банты. Надо было видѣть Аннушку разряженною на Святой недѣлѣ. Однажды, видя, какъ я неловко царапаю перочиннымъ ножомъ красное яйцо, чтобы сдѣлать его похожимъ на нѣкоторыя писанныя, Аннушка взяла изъ рукъ моихъ яйцо, со словами: „позвольте, я его распишу". Усѣвшись у окна, она стала скрести ножичкомъ яйцо, отъ времени до времени, вѣроятно для ясности рисунка, слизывая соскобленное. Желая видѣть возникавшіе подъ ножичкомъ рисунки и цвѣты, я дотого близко наклонялся къ ней, что меня обдавало тончайшимъ и сладостнымъ ароматомъ ея дыханія. Къ этому упоенію не примѣшивалось никакого плотскаго чувства, такъ какъ въ то время я еще твердо вѣрилъ, что проживающая у насъ по временамъ акушерка приноситъ мнѣ братцевъ и сестрицъ изъ колодца. Если бы меня теперь спросили, чѣмъ благоухало дыханіе Аннушки, я бы не затруднился отвѣтить прелестной эпиграммой Марціала—кн. III, 65:

Мальчику Діадумену.

Чѣмъ отъ нѣжной кусающей яблоко дѣвушки дышитъ,
Чѣмъ вѣтерокъ, набѣжавъ на Кориційскій шафранъ,
Чѣмъ зацвѣтаетъ впервой лоза заболѣвшая гроздомъ,
Чѣмъ трава отдаетъ, срѣзана зубомъ овцы,
Чѣмъ и миртъ, или жнецъ арабъ и янтарь послѣ тренья,
Чѣмъ благовоненъ огонь, ладонъ эосскій куря,
Чѣмъ земля, какъ ее окропитъ лѣтнимъ дождикомъ малость,
Чѣмъ вѣнокъ, что съ волосъ, нардомъ упитанныхъ снятъ,
Этимъ дышатъ твои, Діадуменъ, поцѣлуи.
Что же, если бы ты всѣ ихъ давалъ не скупясь?

Вѣроятно, подъ вліяніемъ дяди Петра Неофитовича, отецъ взялъ ко мнѣ семинариста Петра Степановича, сына мценскаго соборнаго священника. О его вліяніи на меня сказать ничего не могу, такъ какъ въ скорости по водвореніи въ домѣ этотъ скромный и вѣроятно хорошо учившійся юноша попросилъ у отца бѣговыхъ дрожекъ, чтобы сбѣгать во мценскій соборъ, куда, какъ увѣдомлялъ его отецъ, ждали владыку. Вернувшись изъ города, Петръ Степановичъ разсказы-

валъ, что дорогой туда сочинилъ краткое привѣтствіе архипастырю на греческомъ языкѣ. Вѣроятно, привѣтствіе понравилось, ибо черезъ мѣсяцъ Петръ Степановичъ получилъ хорошее мѣсто чуть ли не въ самомъ Орлѣ. Даже за короткое время его пребыванія мнѣ казалось, что Аннушка нравится ему болѣе, чѣмъ мнѣ; и я заключилъ, что стихотвореніе, забытое имъ впопыхахъ на столѣ, начинавшееся стихами:

„Цвѣтокъ милый и душистый,
Цвѣти для юности моей“...

— относилось къ ней.

Съ отъѣздомъ Петра Степановича я остался снова безъ учителя. Но такъ какъ въ дѣтскую акушерка вмѣстѣ съ новой кормилицей принесла изъ колодца вторую сестричку Аночку,—меня перевели въ комнату между гостиной и кабинетомъ отца, получившую вслѣдствіе этого названіе классной. Съ тѣмъ вмѣстѣ я поступилъ на руки Филиппа Агаѳоновича. Старикъ на прогулкахъ, конечно, не могъ поспѣть зарѣзвымъ мальчикомъ, величайшимъ удовольствіемъ котораго было забѣжать по саду впередъ и взлѣзть на самую макушку дерева. Я приходилъ въ восторгъ, когда приспѣвшій Филиппъ Агаѳоновичъ, воздѣвая руки, отчаянно причиталъ: „ахъ отцы мои небесные! что жъ это такое!“

Натѣшившись отчаяніемъ старика, я съ хохотомъ соскакивалъ съ дерева. Но такія проказы случались рѣдко: большею частію старикъ умѣлъ занять меня своими разсказами про нашего дѣдушку Неофита Петровича и бабушку Анну Ивановну, у которыхъ съѣзжалось много гостей и были свои крѣпостные музыканты въ лаптяхъ. Какъ однажды бросившійся на дѣдушку задержанный собаками волкъ сильно изранилъ ему правую руку, которою тѣмъ не менѣе онъ въ глотку закололь волка кинжаломъ. Какъ однажды, когда дѣдушка, по привычкѣ, лежа въ зимней кибиткѣ на пуховикахъ и подъ медвѣжьими одѣялами раздѣтый, проснувшись, громко крикнулъ: „малый!“ — въ то время какъ кучеръ и слуга для облегченія лошадей и чтобы самимъ размяться на морозѣ, шли въ гору за кибиткой; какъ лошади испугались этого внезапнаго крика, и вся тройка подхватила, даромъ что дѣло

было въ гору. Къ счастію, возжи лежали на головашкахъ, и дѣдушка, поднявшись въ одной сорочкѣ, остановилъ лошадей, успѣвшихъ проскакать съ четверть версты.

Филиппъ Агаѳоновичъ разсказывалъ, что былъ при дѣдушкѣ парикмахеромъ и самъ носилъ косу, отчего волосы его сохранили способность ложиться за гребнемъ безразлично во всѣхъ направленіяхъ; въ подтвержденіе этого онъ доставалъ роговой гребень изъ кармана и говоря: „извольте видѣть“,—гладко зачесывалъ свои сѣдые волосы назадъ.

— Были мы, говорилъ онъ, съ вашимъ папашей на войнѣ въ Пруссіи и Цецаріи. Вотъ дяденьку Петра Неофитовича пулей въ голову контузили, а насъ-то Богъ миловалъ.

Хотя я и не безъ усилій читалъ главнѣйшія молитвы, но Филиппъ Агаѳоновичъ умѣлъ упросить меня возобновить это чтеніе, которое, конечно, ему было пріятнѣе бѣготни по саду и по лѣсу.

— Которую же вамъ прочитать, Филиппъ Агаѳоновичъ? Вотъ эту что ли? говорилъ я сидящему у стола съ шерстянымъ на толстыхъ мѣдныхъ спицахъ чулкомъ въ рукахъ: — эту что ли: Вѣрую во единаго?

— Эту самую, батюшка, отвѣчалъ Филиппъ Агаѳоновичъ, продолжая какъ бы медленно читать по книжкѣ: Бога Отца, Вседержителя ..

— Филиппъ Агаѳоновичъ, да развѣ вы умѣете читать?

— Какъ же, батюшка, говорилъ старикъ, въ дѣйствительности совершенно неграмотный: да вотъ глаза больно плохи, такъ ужъ вы мнѣ, батюшка, отъ божественнаго то почитайте.

И преодолѣвъ съ величайшимъ трудомъ „Вѣрую“, я переходилъ къ безконечному „Помилуй мя Боже“...

Во все время моего заикающагося чтенія, Филиппъ Агаѳоновичъ, поставивши кулакъ на кулакъ, упирался лбомъ на эту надежную подставку и во снѣ громко переводилъ духъ, сперва въ засосъ натягивая воздухъ, а затѣмъ испуская его; при чемъ губы очень внятно дѣлали: пфу.

— Филиппъ Агаѳоновичъ, да вѣдь вы меня не слушаете!

— Все время, батюшка, слушалъ, да ужъ такъ то вы сладко-читаете, что я задремалъ.

Петръ Степановичъ, остававшійся у насъ не долго, тѣмъ не менѣе успѣлъ начать со мною русскую грамматику, хотя часто пріѣзжавшій дядя Петръ Неофитовичъ справедливо совѣтовалъ упражнять меня болѣе въ чтеніи. До сихъ поръ не могу себѣ объяснить, почему мнѣ такъ трудно давался механизмъ чтенія? Въ то время мнѣ было лѣтъ девять отъ роду, но обучаясь впослѣдствіи разнымъ наукамъ, я продолжалъ читать весьма неудовлетворительно. Вообще трудно себѣ представить пріемы обученія, болѣе отталкивающіе, чѣмъ тѣ, которымъ подвергали мою далеко не блестящую память. Наемные учителя были равнодушны къ моимъ успѣхамъ, и сама мать, напрягавшая всѣ силы для моего развитія, не умѣла за это взяться.

Помню, какъ однажды, когда, за отсутствіемъ учителя, мать, сидя въ классной, заставляла меня дѣлать грамматическій разборъ какой-то русской фразы, и я сталъ втупикъ,— она, желая добиться своего, громко и настоятельно начала повторять: „какой это падежъ? какой это падежъ?“ При этихъ восклицаніяхъ находившійся въ числѣ прислуги молодой и щеголеватый портной Меркулъ Кузьмичъ проворно растворилъ дверь класной и внушительно доложилъ: „коровій, сударыня, у Зыбиныхъ коровы падаютъ“.

Та же добрая мать, желая большей ясностью облегчить дѣло памяти и не подозрѣвая, что ris и torum родительные падежи mare м cete — заставляла меня учить: mare—море и ris—море; cete—китъ и torum—китъ.

Важныя мѣропріятія въ домѣ шли отъ отца, не терпѣвшаго ни-чьего вмѣшательства въ эти дѣла. Было очевидно, до какой степени матери было непріятно рѣшать что либо важное во время частыхъ разъѣздовъ отца. Должно быть, какъ лицу, ко мнѣ приближенному, старику Филиппу Агаѳоновичу сшили нанковую пару сѣро-синяго цвѣта.

Однажды, когда я спросилъ про Филиппа Агаѳоновича, мнѣ сказали, что онъ боленъ, а черезъ нѣсколько дней, забѣжавъ въ столярную, я увидалъ, что Иванъ столяръ дѣлаетъ длинный ящикъ. На вопросъ мой: „что это такое?“ Иванъ отвѣчалъ, что это гробъ Филиппу Агаѳоновичу, заказанный съ утра прикащикомъ Никифоромъ Ѳедоровичемъ.

Около полудня слуга, войдя въ дѣтскую, доложилъ о приходѣ Никифора Ѳедоровича.

— Сударыня, сказалъ послѣдній: осмѣлюсь доложить, домашніе Филиппа Агаѳоновича убрали его въ гробъ и надѣли на него новую лѣтнюю пару, ни у кого не спросясь. Теперь онъ уже закоченѣлъ, и ломать покойника не приходится, а какъ бы Аѳанасій Неофитовичъ не прогнѣвались.

— Ну, ты доложи барину, что это я позволила.

Я никогда ничего болѣе не слыхалъ объ этомъ разрѣшеніи.

Въ числѣ ближайшихъ сосѣдей было въ селѣ Подбѣлевцѣ семейство Мансуровыхъ съ почтеннымъ старикомъ Михайломъ Николаевичемъ во главѣ. Отъ времени до времени старикъ пріѣзжалъ къ намъ на дрожкахъ, запряженныхъ парою добрыхъ гнѣдо-пѣгихъ лошадей. Старикъ очевидно передалъ завѣдываніе хозяйствомъ въ руки старшаго сына Дмитрія Михайловича, который по временамъ тоже пріѣзжалъ къ намъ въ гости и нерѣдко съ двумя сестрами смолянками: Анной и Варварой Михайловнами. Это были весьма милыя и образованныя дѣвушки, въ особенности меньшая Варвара, до конца жизни бывшая преданною подругой моей матери, которую снабжала интересными книгами, такъ какъ отецъ, кромѣ Московскихъ Вѣдомостей и Вѣстника Европы, никакихъ книгъ не выписывалъ.

Въ семействѣ былъ еще младшій братъ Дмитрія Михайловича Александръ, проживавшій со своими книгами въ отдѣльномъ флигелѣ, изъ котораго изрѣдка предпринималъ одиночныя прогулки по тѣнистому саду. Кушанье носили ему прямо во флигель, и никто не видалъ его за семейнымъ столомъ. Говорили о немъ какъ о больномъ.

Выше я упоминалъ о сосѣдкѣ Александрѣ Николаевнѣ Зыбиной. Во время, когда я принималъ ея колѣна за лошадку, помню сопровождавшаго ее иногда плотнаго супруга въ отставномъ военномъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ. Домъ въ имѣніи Зыбиныхъ, снабженный двухъэтажными балконами на обѣ стороны, примыкалъ къ обширному саду, одна изъ аллей котораго вела къ калиткѣ церковной ограды. Каменная, далеко не казенной архитектуры, Ядринская церковь была и нашимъ Новосельскимъ приходомъ.

Внутри церковь была расписана крѣпостнымъ Зыбинскимъ живописцемъ; и отецъ, ознакомившійся съ за-граничными музеями и петербургскимъ Эрмитажемъ, не разъ указывалъ на дѣйствительно талантливое письмо на стѣнахъ и иконостасѣ. Еще теперь помню двухъ ангеловъ въ сѣверномъ и южномъ углахъ церкви: одинъ съ новозавѣтнымъ крестомъ въ рукахъ, а другой съ ветхозавѣтными скрижалями. Какъ удачно живописецъ накинулъ полупрозрачное покрывало на ликъ ветхозавѣтнаго ангела, намекая тѣмъ на ученіе о прообразованіи.

Какъ часто съ матерью въ праздничные дни пріѣзжали мы къ обѣднѣ, по окончаніи которой нельзя было отказаться отъ любезнаго приглашенія къ Зыбинскому завтраку.

Вѣроятно, невоздержность въ пищѣ и спиртныхъ напиткахъ въ скоромъ времени до того утучнила расположеннаго къ полнотѣ Дмитрія Александровича, что онъ оставался во время пріѣзда гостей въ кабинетѣ и никому не показывался. Всѣ три сына его были старше меня и потому мнѣ съ ними вступать въ близкія отношенія не приходилось.

Кромѣ Зыбиныхъ и Мансуровыхъ, ближайшими нашими сосѣдями были Борисовы, проживавшіе въ родовомъ имѣніи Фатьяновѣ, верстъ за 10 отъ Новоселокъ.

Низменный, рецептомъ протянувшійся, деревянный домъ, съ несоразмѣрно высокою тесовою крышей, некрашенный и за древностью принявшій темно-пепельный цвѣтъ, выходилъ однимъ фасадомъ на высокомъ фундаментѣ въ садъ, а съ другой стороны опускался окнами чуть не до земли. Комнатъ среднихъ и малыхъ размѣровъ въ длину было много, начиная съ такъ называемой пріемной, въ которой помѣщался шкафъ съ книгами, и кончая самой отдаленной кладовою, куда красивая хозяйка Марья Петровна собственноручно убирала варенье и всякаго рода бакалеи. Кромѣ спеціальнаго кабинета хозяина Петра Яковлевича, комнатъ требовалось немало для семерыхъ дѣтей съ ихъ нянькамии и мамками и соотвѣтственнымъ числомъ горничныхъ.

На томъ же дворѣ подъ прямымъ угломъ къ старому дому стоялъ такъ называемый новый флигель, въ которомъ въ трехъ комнатахъ проживала мать владѣльца, добродушная старушка Вѣра Александровна. Она появлялась за домашній

общій столъ, но кромѣ того, пользуясь доходами небольшаго Болховскаго имѣнія, варила собственное сахарное и медовое варенье, которымъ чуть не ежедневно угощала многочисленныхъ внуковъ, имена которыхъ рѣшаюсь выставить въ порядкѣ по возрасту: Николай, Наталья, Петръ, Александръ, Екатерина, Иванъ, Анна.

Всѣ окрестные помѣщики считали Петра Яковлевича весельчакомъ и неистощимымъ шутникомъ и забавникомъ. По своему умѣнью попасть въ тонъ каждаго, по щедрости, съ которою онъ совалъ деньги чужой прислугѣ, что въ тѣ времена не было въ обычаѣ, онъ былъ всѣми любимъ, за предѣлами собственнаго дома, въ которомъ за всѣ проигрыши и неудачи искалъ сорвать сердце на первомъ встрѣчномъ. Конечно, такой балагуръ въ обществѣ не затруднялся позабавиться насчетъ заочнаго лица.

У Зыбиныхъ подъ домомъ была великолѣпная купальня, въ которой растолстѣвшій до невозможности Дмитрій Александровичъ въ лѣтніе жары искалъ прохлады. Борисовъ увѣрялъ, что передъ Зыбинымъ въ купальнѣ на доскѣ графинъ и рюмка. „Выпьетъ рюмку и окунется"...

Нѣтъ безумія, затѣи, продѣлки, штуки, которой бы Петръ Яковлевичъ не способенъ былъ предаться съ полнымъ увлеченіемъ, лишь бы на то хватило у него матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Надо ему отдать справедливость, что онъ обладалъ комическимъ талантомъ, заставлявшимъ смѣяться даже наименѣе сочувствовавшихъ его продѣлкамъ.

Въ тѣ времена многіе изъ духовенства отличались невоздержностью къ крѣпкимъ напиткамъ. И вотъ этотъ то порокъ сельскаго попа былъ поводомъ Борисову къ многочисленнымъ продѣлкамъ во время праздничныхъ посѣщеній причта. Такъ напоивъ попа, Петръ Яковлевичъ приказывалъ украсть вороную кобылу, а самъ между тѣмъ одобреніями и насмѣшками доводилъ его до рѣшимости стрѣлять въ цѣль изъ двухствольнаго ружья, устраивая такъ, что пьяному приходилось стрѣлять изъ лѣваго ствола, обращеннаго кремневою полкою къ стрѣлявшему. На эту полку незамѣтно клали косу попа и, присыпавъ ее порохомъ, закрывали огниво.

— Ну цѣлься, батька, хорошенько! говорили окружающіе. И вслѣдъ затѣмъ раздавался громъ холостаго, но двойнаго заряда, и приходилось тушить волосы неудачнаго стрѣлка, который вопилъ: „сжегъ, спалилъ, разбойникъ! сейчасъ ѣду къ преосвященному съ жалобой!“

Но тутъ подходилъ дьячекъ съ извѣстіемъ, что вороная кобыла пропала.

— Что же, поѣзжай, коли на то пошло, говорилъ Петръ Яковлевичъ: тутъ всего верстъ 30 до Орла. Украли кобылу, такъ мои Разореныя тебя духомъ сомчатъ.

Разореными Петръ Яковлевичъ называлъ шестерикъ бурыхъ лошадей, на тройкѣ которыхъ онъ всюду скакалъ по сосѣдямъ.

По данному знаку телѣжка, запряженная тройкою Разореныхъ съ отчаяннымъ кучеромъ Денискою на козлахъ, подкатывала подъ крыльцо, и челобитчикъ во весь духъ мчался на ней за ворота. Но такъ какъ у телѣжки чеки изъ осей были вынуты, то всѣ четыре колеса соскакивали, и жалобщикъ, послѣ невольнаго сальтомортале, возвращался во дворъ съ новымъ раздраженіемъ и бранью. Тогда хозяинъ начиналъ его уговаривать, доказывая, что никто не виноватъ въ его неумѣніи обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что съ Дениски взыщется за неисправность телѣжки, и что въ доказательство своего благорасположенія онъ готовъ подарить попу кобылу, которая нисколько не хуже его прежней, хотя и пѣгая. Конечно, благодарности не было конца; и только на другой день по пріѣздѣ домой одаренный убѣждался, что вернулся на собственной кобылѣ, разрисованной мѣломъ.

Смутно помню, какъ однажды, собравъ у насъ вокругъ себя мужскую молодежь, Борисовъ читалъ вслухъ запрещенную рукописную поэму: „Имамъ-козелъ“. Всѣ смѣялись содержанію, состоявшему, если память мнѣ не измѣняетъ, въ томъ, что корыстолюбивый Имамъ, желая напугать правовѣрныхъ ликомъ дьявола, надѣлъ свѣжую шкуру убитаго козла, которая приросла къ нему и содѣлала его общимъ посмѣшищемъ.

Постепенно увеличивающаяся тучность Зыбина привела его къ роковому концу.

Однажды, когда мать повторяла со мною какой то урокъ,

вошелъ буфетчикъ Павелъ Тимоѳеевичъ и доложилъ въ неизмѣнной формѣ о просьбѣ сосѣда дозволить половить рыбы подъ нашимъ берегомъ Зуши: „Дмитрій Александровичъ приказали кланяться и о здоровьи узнать, приказали просить дозволенія рыбки половиться и приказали долго жить“.

— Неужели скончался? спросила матушка, поднося платокъ къ глазамъ.

— Точно такъ-съ, сегодня въ пять часовъ утра.

Жена Борисова, Марья Петровна, была весьма красивая женщина, умѣвшая расположить къ себѣ интереснаго и вліятельнаго человѣка. При небольшихъ средствахъ и постоянномъ безденежьи безалабернаго мужа, она умѣла придать своему гостепріимству показный видъ. Что же касается до домашнихъ приготовленій, которыхъ въ тѣ времена бывало очень много, начиная съ маринованныхъ грибовъ и рыбъ до разныхъ соленій и вареній,—то въ настоящее время они бы смѣло попали на выставку. Конечно, наша мать употребляла всѣ усилія, чтобы сравняться въ этомъ отношеніи съ искусною соперницей. Напрасно добрѣйшая жена прикащика Никифора Ѳедоровича, бѣлая и румяная ключница Авдотья Гавриловна, утѣшала мать мою, говоря: „матушка, не извольте безпокоиться объ нашихъ огурцахъ! подлинно они не хуже Борисовскихъ, но вѣдь у насъ я подаю ихъ рядомъ, а у нихъ, когда вы пожалуете, такъ длиннымъ деревяннымъ ковшомъ всю кадку до самаго дна перероютъ; все ищутъ огурца, чтобы былъ какъ стеклянный“.

Даже по части дѣтскихъ игръ домъ Борисовыхъ отличался разнообразіемъ. У дѣтей была колясочка на рессорахъ, отдѣланная совершенно на подобіе большой; няньки и дѣти сами возили ее по саду. А у перваго сына Николиньки, старше меня на два года, былъ небольшой клеперъ, съ остриженною гривой и подрѣзаннымъ хвостомъ.

Старшая дочь Наташа, весьма красивая дѣвочка, была должно быть нѣсколько моложе меня. Петръ Яковлевичъ, въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ, увѣрялъ, что въ коляску надо заложить клепера и посадить въ нее меня съ Наташей—жениха и невѣсту; мнѣ дать въ руки трубку, а ей вѣеръ.

Помню, въ какой восторгъ однажды пришелъ нашъ отецъ,

которому ловкій Петръ Яковлевичъ сумѣлъ съ должнымъ выраженіемъ разсказать, какъ мы, съ сестрою Любинькой посаженные за дѣтскимъ столомъ въ отдѣльной комнатѣ, отказываясь отъ сладкаго соуса къ спаржѣ, сказали: „это съ сахаромъ, намъ этого нельзя“. Конечно, отцу и въ голову не приходило, какое чувство униженія онъ вселялъ въ мое сердце, выставляя меня передъ сторонними дѣтьми какимъ то паріемъ. Тутъ дѣло было не въ ничтожной сласти, а въ безконечномъ приниженіи. О, какъ осторожно надо обращаться съ чувствами ребенка!

У Борисовыхъ дѣтей были игрушки, которыхъ я ужасно боялся. Это было собраніе самыхъ безобразныхъ и страшныхъ масокъ, съ горбатыми красными носами и оскаленными зубами. Страшнѣе всего для меня были черные эѳіопы съ бровями изъ заячьяго пуху. Хотя я и видѣлъ съ изнанки простую бумагу, но стоило кому нибудь надѣть эѳіопа, и я убѣгалъ, подымая ужасный крикъ.

Мнѣ было, должно быть, около десяти лѣтъ, когда молодой Дмитрій Михайловичъ Мансуровъ женился на одной изъ дочерей богатыхъ Сергѣевыхъ. Большое состояніе Сергѣевыхъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, шло отъ Лутовиновыхъ, которые выдали двухъ единственныхъ дочерей, одну за Сергѣева, а другую за Тургенева.

Конечно, Мансуровъ женился не по любви, такъ какъ дѣвица Сергѣева, кромѣ нѣсколько тяжеловѣсной полноты, была и хрома, чего не могла скрыть и поддѣльнымъ каблукомъ. На свадебномъ обѣдѣ мать моя была одною изъ почетнѣйшихъ гостей, но мнѣ лично живо помнится этотъ обѣдъ потому, что въ ряду тѣсно сдвинутыхъ стульевъ пришлось сидѣть между большими, и очень хотѣлось полакомиться прекрасно зарумяненными дупелями; но такъ какъ локтей поднять было невозможно, то у меня не хватало силы рѣзать жаркое, и я напрасно щипалъ вилкой небольшія пряди мяса, которыя удавалось оторвать.

Въ то время рояли еще не были распространены, и полновѣсную новобрачную упросили сыграть на фортопьяно.

Слушатели размѣстились въ залѣ, а Борисовъ, ставши передъ матерью моей за дверью гостиной, представлялъ ру-

ками мѣсящую тѣсто; въ этихъ тѣлодвиженіяхъ нельзя было не увидать сходства съ игравшею. Мать моя безъ малѣйшей улыбки старалась не глядѣть на проказника.

Въ домѣ Мансуровыхъ, кромѣ свадьбы, случились и похороны: скончался ученый отшельникъ Александръ Михайловичъ, давшій вольную своему крѣпостному слугѣ Сергѣю Мартынову и завѣщавшій ему весь свой гардеробъ. Вѣроятно, хорошая слава трезваго и усерднаго Сергѣя Мартыновича побудила отца нанять его въ качествѣ дядьки при мнѣ.

Я давно уже спалъ на кровати въ классной, и новый мой дядька на ночь, подобно остальной прислугѣ, приносилъ свой войлокъ и подушку и разстилалъ его на полъ.

Мнѣ хорошо памятна зима 30 года тѣмъ, что по распоряженію отца по обѣимъ сторонамъ дороги, проходившей чрезъ усадьбу, разложены были день и ночь курившіяся навозныя кучи. Толковали, что это предохранительное средство отъ холеры, отъ которой много погибаетъ народу. Но лично я не помню, чтобы видѣлъ такое множество похоронъ, какое мнѣ позднѣе пришлось видѣть въ Малороссіи въ 48 году.

Однажды, лежа въ кроваткѣ въ зимнюю, лунную ночь, я услыхалъ, какъ изъ гостиной тихо отворилась дверь въ классную, и хотя говорили шепотомъ, тотчасъ же узналъ голосъ буфетчика Павла Тимоѳеевича.

— Мартынычъ! а Мартынычъ! ты спишь?

— А? что такое, братецъ ты мой?

— Вставай, иди въ людскую! Оказія, братецъ ты мой! Холеру поймали!

Покуда Сергѣй Мартыновичъ собирался и надѣвалъ сапоги, Павелъ продолжалъ:

— У колодца поймали; пузырьки на ней нашли, что ядъ то народу подливаетъ. Старая такая, худощавая, страсть поглядѣть! Сидитъ, крестится и чудно̀ какъ то говоритъ: „я восточная“.

Черезъ полчаса Сергѣй Мартыновичъ снова улегся. Поутру мы узнали, что „холеру“ сдали сотскому для отправки въ городъ. Въ скорости разъяснилось, что мнимая холера была запоздавшая прохожая богомолка Анна Ивановна, недавно принявшая православіе и нашедшая пріютъ у добро-

душной А. Н. Зыбиной. Анна Ивановна несла изъ Кіева въ пузырькѣ святое масло отъ лампады и подходила къ колодцу напиться. По чрезмѣрной худобѣ и сильному иностранному выговору ее приняли за „холеру", и не умѣвши сказать: „я православная", она говорила: „я восточная".

Впослѣдствіи я не разъ встрѣчалъ Анну Ивановну въ церкви и въ домѣ Зыбиныхъ, и даже съ подвязанною лѣвой рукой, которую ей сильно повредили мужики, еще разъ гдѣ-то принявшіе ее за холеру.

III

Василій Васильевичъ.—Отецъ Сергій.—Игра на скрипкѣ.—Докторъ Вейнрейхъ.—Митька.—Чистописаніе.—Чтеніе стиховъ.—Ѣзда верхомъ.—Святая недѣля.—Старикъ Ипатъ.—Кормилица и ея семья.—Дядя Иванъ Неофитовичъ.—Новая тетенька.

Такъ какъ мнѣ пошелъ уже десятый годъ, то отецъ, вѣроятно, убѣдился, что получаемыхъ мною уроковъ было недостаточно, и снова нанялъ ко мнѣ семинариста Василія Васильевича. Въ то же время отецъ заботился о доставленіи мнѣ общественныхъ талантовъ. На мое стремленіе къ стихамъ онъ постоянно смотрѣлъ неблагосклонно, зато музыку считалъ вѣрнымъ средствомъ для молодого человѣка быть всюду пріятнымъ гостемъ. Рѣшено было, что такъ какъ я буду служить въ военной службѣ и могу попасть въ мѣста, гдѣ не случится фортопьянъ, то мнѣ надо обучаться игрѣ на скрипкѣ, которую удобно всюду возить съ собою. Послѣднее мнѣніе поддержалъ и отецъ Сергій, весьма образованный мценскій священникъ, къ тому же и музыкантъ; родители мои нерѣдко прибѣгали къ нему за совѣтами въ домашнихъ недоразумѣніяхъ. По просьбѣ отца моего, отецъ Сергій купилъ для меня скрипку и подговорилъ скрипача пріѣзжать на урокъ два раза въ недѣлю. Помню, съ какимъ отчаяніемъ въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ я вечеромъ наполнялъ домъ самыми дикими звуками. Но судьбѣ угодно было избавить меня и домъ отъ

незаслуженной пытки. Во-первыхъ, музыкальный мой учитель, вѣроятно, запилъ и пересталъ являться на уроки, а затѣмъ. сдѣлавшись позднѣе страстнымъ любителемъ птицъ, я ночью услыхалъ ударъ сорвавшейся съ окна клѣтки. Убѣдившись, что уронила ее кошка, пробравшаяся къ щеглу, я внѣ себя въ полумракѣ, за отсутствіемъ другаго орудія, схватилъ со стѣнки смычекъ и ударилъ имъ кошку такъ усердно, что смычекъ разлетѣлся въ куски. На другой день со слезами я похоронилъ въ саду пестрые останки щегла.

Отецъ Сергій мало по малу сдѣлался у насъ домашнимъ человѣкомъ и не стѣснялся обратиться съ какою-либо исполнимою просьбой.

Такъ однажды весной онъ писалъ Василію Васильевичу:

„Прогони мою досаду,
Исходатайствуй разсаду“.

Иногда, независимо отъ служившаго у насъ въ домѣ приходскаго отца Якова съ причтомъ, отецъ Сергій привозилъ и свои церковныя книги и облаченіе и служилъ всенощную съ особенно назидательнымъ выраженіемъ. Даже ходившая въ это время за матерью Полячка сказала: „ужъ какъ отецъ Сергій „негліже“ служитъ!“ прибавивъ: „никуда не оглядываясь“.

Мать по временамъ страдала истерическими припадками, и потому мценскій уѣздный докторъ Вейнрейхъ иногда пріѣзжалъ къ намъ. Воспитанникъ дерптскаго университета, онъ былъ человѣкъ и образованный, и общежительный.

Помню, какъ однажды докторъ Вейнрейхъ, войдя въ гостиную, положилъ передъ матерью захваченный съ почты послѣдній номеръ Московскихъ Вѣдомостей, прибавивъ: „здѣсь прекрасное стихотвореніе Жуковскаго на смерть императрицы Маріи Θеодоровны“. И онъ сталъ читать:

„Итакъ твой гробъ съ мольбой объемлю“.

— Das ist in Iamben, сказалъ Вейнрейхъ.

Это замѣчаніе осталось мнѣ на всю жизнь самымъ твердымъ урокомъ. Позднѣе я слушалъ метрику въ московскомъ университетѣ у незабвеннаго Крюкова, но не помню ни одного

слова изъ его лекцій. Зато понынѣ узнаю ямбъ, прикидывая его къ стиху:

„Итакъ твой гробъ“....

Могу сказать, что я съ дѣтства былъ жаденъ до стиховъ, и не прошло часу, какъ я зналъ уже наизусть стихотвореніе Жуковскаго.

Для возбужденія во мнѣ соревнованія въ наукахъ, положено было учить вмѣстѣ со мною сына прикащика Никифора Ѳедорова Митьку. При тогдашнемъ дѣтоубійственномъ способѣ обученія, не могу не посочувствовать мысли посадить ко мнѣ въ классъ Митьку.

Если laudaturus, laudatura была какая то мутная микстура, и Архелай, Агизелай и Менелай и даже Лай являлись какимъ то клубкомъ, въ которомъ поймать конечную нить голова моя отказывалась, то при помощи Митьки у насъ скоро развилось въ домѣ множество пойманныхъ птицъ, которымъ по мѣрѣ достоинства и занимаемыхъ комнатъ давались подходящія названія. Такъ висѣвшая въ клѣткѣ въ буфетѣ голосистая синичка прозывалась: *синица пѣвица, красная дѣвица, буфетница*. Какъ разъ передъ окнами классной зимою въ палисадникѣ на липовой вѣткѣ раскачивалась западня въ два затвора, и когда на послѣднюю садились синички, заглядывавшія въ затворъ, глаза наши безъ сожалѣнія слѣдили за всѣми движеніями наиболѣе отважной.

— Что жъ вы молчите? что жъ вы молчите? повторяетъ Василій Васильевичъ: — вы не умѣете склонять *тиs?* Митька, склоняй!

Но мы оба съ Митькой увидали, что синицу захлопнуло западней, и по колѣно въ снѣгу несемся вынимать драгоцѣнную добычу.

Весною, помню, я ловилъ чижей, цѣлымъ стадомъ садившихся на упомянутую липку. А такъ какъ рамы у насъ были подъемныя, то, повѣсивъ за окномъ клѣтку съ чижомъ, я приподымалъ окно настолько, чтобы можно было просунуть тонкій прутъ съ волосяною петлей на концѣ. Замѣчательно, что когда изъ трехъ чижей, усѣвшихся на клѣтку, одинъ вслѣдъ за накинутою на шею петлею, трепеща крыльями, исчезалъ

въ отверстіе окна, два другихъ продолжали сидѣть на клѣткѣ.

Какъ ни безслѣдно проходили томительные уроки, все-таки нельзя сказать, чтобы почерпаемыя нами свѣдѣнія оставались безъ всякаго примѣненія.

Митька оказался великимъ искусникомъ въ выдѣлкѣ оружія, и запасшись луками и стрѣлами, первое время еще безъ желѣзныхъ наконечниковъ, мы становились другъ противъ друга, стараясь побольнѣе попасть въ противника. Получая удары, мы сходились все ближе и ближе, громко восклицая: Горацій и Курьяцій. Можно благодарить Бога, что эти древне-римскіе бойцы не выбили другъ другу глазъ.

Если дядя Петръ Неофитовичъ настоятельно совѣтовалъ болѣе читать, справедливо говоря: „можно ли учиться по книжкамъ, затрудняясь ихъ чтеніемъ“? то отецъ, вѣроятно, насмотрѣвшійся на успѣхъ чиновниковъ-калиграфовъ, настаивалъ на чистописаніи. Думаю, что въ то время это было общею задачей воспитателей, такъ какъ со всѣхъ сторонъ родители хвастались чистописаніемъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ М. П. Борисова, заставляя своего Николиньку писать калиграфическія поздравленія моей матери, возбуждала въ послѣдней не меньшее соревнованіе, чѣмъ несравненными соленьями и вареньями.

Но главными источниками нашихъ съ матерью мученій были калиграфическія тетрадки моихъ двоюродныхъ братцевъ. Сестры отца моего, Любовь и Анна, были замужемъ. Первая за богатымъ Болховскимъ помѣщикомъ Шеншинымъ, а вторая за небогатымъ офицеромъ изъ поляковъ — Семенковичемъ и проживала въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи подъ Орломъ, на рѣкѣ Оптухѣ. У Шеншиной былъ сынъ Капитонъ, а у Семенковичъ было двое сыновей: Николай и Александръ. Вотъ эти-то двоюродные братцы съ двухъ сторонъ присылали чистописанія такой красоты, которой подражать нечего было и думать.

— Василій Васильевичъ, говорила мать, со слезами подавая тетрадь учителю: неужели вы не можете обучить ребенка такому чистописанію?

— Сударыня, отвѣчалъ Василій Васильевичъ, да вѣдь это

все не писаное, а наведенное; это, можно сказать, одинъ отводъ глазамъ.

Любитель исторіи и поэзіи, дядя Петръ Неофитовичъ продолжалъ восхищаться моею памятью, удерживавшей съ необычайною легкостью всякіе стихи.

— Вотъ, говорилъ онъ, учи на память переводъ Раича „Освобожденный Іерусалимъ", и я буду платить тебѣ по тысячѣ рублей за каждую выученную пѣсню.

Я дѣйствительно выучилъ наизусть почти всю первую пѣсню; но такъ какъ корыстолюбіе въ такіе годы немыслимо, то я набросился на „Кавказскаго плѣнника" и затѣмъ на „Бахчисарайскій фонтанъ", найденные мною въ рукописной книжкѣ Борисовыхъ, выпрошенной Василіемъ Васильевичемъ для прочтенія. По изумительной игрѣ жизни книга эта въ числѣ небольшой библіотеки внука Петра Яковлевича Борисова въ настоящее время у меня, и я дозволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ. Трудно опредѣлить первоначальное назначеніе книги въ 1/4 листа, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, въ которой на первомъ листѣ почеркомъ 18-го вѣка написано:

„1790 года декабря 11-го взяли штурмомъ городъ Измаилъ, гдѣ убитъ сея книги хозяинъ, товарищъ и однокашецъ мой пріятель Иванъ Кузьмичъ секундъ-маіоръ Воиновъ, а я въ ногу раненъ".

Литературныя произведенія начала 19-го вѣка внесены въ эту книгу другою рукой не позже 20-хъ годовъ, и выборъ ихъ явно указываетъ на наклонность къ романтизму.

О, какое наслажденіе испытывалъ я, повторяя сладостные стихи великаго поэта, и съ какимъ восторгомъ слушалъ меня добрый дядя, конечно не подозрѣвавшій, что память его любимца, столь вѣрная по отношенію къ риѳмованной рѣчи,— прорванный мѣшокъ по отношенію ко всему другому.

Вмѣстѣ съ поступленіемъ къ учителю, во мнѣ стало возникать уклоненіе отъ женскаго вліянія вообще. Великолѣпно вышитый кружевными мотыльками откидной воротничекъ кругомъ шеи, составлявшій быть можетъ въ праздникъ гордость матери, скорѣе унижалъ меня, чѣмъ доставлялъ удовольствіе; и хотя при проходѣ моемъ черезъ лакейскую ученый и бывалый Илья Аѳанасьевичъ, видя меня въ такомъ воскресномъ нарядѣ, и

восклицалъ: „господинъ Шеншинъ, пожалуйте ручку“,—мнѣ хотѣлось быть настоящимъ Шеншинымъ, а не съ отложнымъ воротничкомъ. Меня тянуло взлѣзть на гумнѣ на старостину лошадь и проѣхать на ней нѣсколько шаговъ, просунувъ ноги вмѣсто слишкомъ длинныхъ стремянъ въ ихъ путлища. Я старался въ 12 часовъ, когда староста, пріѣхавъ въ людскую къ обѣду, ставилъ засѣдланную лошадь на крытый ворокъ, отвязать послѣднюю и ѣздить на ней кругомъ стѣнъ, насколько возможно шибче. При этомъ я однажды чуть не лишился жизни, или по крайней мѣрѣ не изувѣчился въ конецъ. Съ большаго ворка въ боковые отдѣлы вели калитки настолько высокія, что самый большой человѣкъ или рослая лошадь могли проходить безпрепятственно. Смѣривъ издали калитку глазами и считая ее достаточно высокой для проѣзда верхомъ съ наклоненной головой, я разогналъ и, пригнувшись насколько возможно, направилъ ее въ калитку. Вдругъ съ сильнѣйшимъ ударомъ по лѣвой брови и придавленный сверху къ сѣдлу, скатываюсь черезъ крупъ лошади, какъ смятый мѣшокъ на землю. Нѣкоторое время я не могъ даже сообразить, гдѣ я; но затѣмъ, не взирая на страшную боль въ поясницѣ, для сокрытія слѣдовъ приключенія, взялъ лошадь за поводъ и привязалъ къ комягѣ, откуда увелъ ее. Увидавши мой совершенно черный лѣвый глазъ, отецъ спросилъ: „что это у тебя“?

— Должно быть дурная муха укусила, подхватилъ Василій Васильевичъ.

Святая недѣля прошла совершенно сухая, хотя и холодная. Отца не было дома, и я отпросился у матери съ Василіемъ Васильевичемъ къ заутрени въ церковь. Такъ какъ каретная четверка была съ отцомъ въ отъѣздѣ, намъ запрягли въ рессорныя дрожки пару разгонныхъ, и по приказанію матери мы отправились съ вечера въ домъ Ал. Н. Зыбиной, откуда должны были вмѣстѣ съ хозяйкой идти въ церковь.

Не смотря на предстоящія часа черезъ три розговѣны, у Зыбиныхъ по установленному порядку подали великопостный ужинъ на зеленомъ конопляномъ маслѣ. Въ домѣ всюду передъ образами были зажжены лампадки, и наконецъ раздался громогласный благовѣстъ къ заутрени.

Въ церкви среди толпы народа я узнавалъ и своихъ крестьянъ и прифрантившихся дворовыхъ. Много было густыхъ приглаженныхъ волосъ уже не бѣлыхъ, а отъ старости съ сильно зеленоватымъ оттѣнкомъ. При сравнительно дальнемъ переходѣ по холодной ночи въ церковь, нагрѣтую дыханіемъ толпы и сотнями горящихъ свѣчей, дѣло не обошлось безъ неожиданной иллюминаціи. Задремавшій старикъ поджегъ сзади другому скобку, и близко стоящія бабы стали шлепать горящаго по затылку, съ крикомъ: „дѣдушка горишь! дѣдушка горишь"!

Помню, что я очень гордился новою синей суконной чуйкой на сѣромъ калмыцкомъ мѣху. Но гордиться мнѣ долго не пришлось. Почувствовавъ себя дурно, я шатаясь пошелъ къ выходу, ловя за руку не знаю какъ очутившагося тутъ Сергѣя Мартыновича. На паперти я упалъ, и не помню, какъ меня доставили въ темный и совершенно умолкнувшій домъ Зыбиныхъ. Тутъ Сергѣй Мартыновичъ сдалъ меня въ передней на руки какой то женщинѣ, которая привела меня въ просторную полутемную комнату; впечатлѣніе обстановки, хотя и мгновенное, осталось въ памяти моей навсегда. За широкой кроватью въ углу, при мерцаніи нѣсколькихъ лампадъ, выступалъ широкій рядъ образовъ въ богатыхъ ризахъ, а въ самомъ углу сіялъ огромный золотой вѣнчикъ, кажется, образа Спасителя въ натуральную величину.

Женщина раздѣла меня до бѣлья и положила на широкую кровать, и я въ ту же минуту заснулъ. Проснувшись при полномъ свѣтѣ дня, я узналъ, что комната моего отдыха была спальня Ал. Н. Зыбиной.

На другой день Свѣтлаго праздника къ намъ въ домъ и затѣмъ на деревню приносили образа и появлялись, какъ говорили, „священники", хотя священникъ былъ одинъ, даже безъ дьякона. Тѣмъ не менѣе церковнослужителей съ ихъ семьями, при многочисленности послѣднихъ, набиралось человѣкъ двадцать, начиная съ попадьи и дьячихи, которыхъ можно было узнать по головамъ, тщательно завязаннымъ шелковыми косынками съ двойнымъ отливомъ. Усердные люди (оброчники), всѣ безъ шапокъ, приносили образа, въ видахъ неприкосновенности святыни, на полотенцахъ. Въ числѣ про-

вожатыхъ причта неизмѣнно появлялся сѣдоватый и всклокоченный съ разбѣгающимися во рту, какъ у старой лошади, и осклабленными зубами, огромнаго роста, дуракъ Кондрашъ. Не смотря на то, что добродушные глаза его ничего не выражали, кромѣ совершеннаго безсмыслія, онъ непривычному взгляду внушалъ ужасъ и отвращеніе. Но во исполненіе непреложнаго обычая, всѣмъ, начиная съ матери нашей, доводилось цѣловаться со всѣми, до Кондраша включительно. Между тѣмъ въ залѣ для духовенства накрывался столъ, и подавался полный обѣдъ въ пять блюдъ. Передъ обѣдомъ отецъ, раздавая семинаристамъ, одѣтымъ въ новыя нанковыя чуйки и пѣвшимъ въ общемъ праздничномъ хорѣ, по гривенничку, распрашивалъ ихъ родителей объ успѣхахъ молодежи.

— Проходитъ философію, отвѣчалъ вопрошаемый: — а вотъ въ концѣ года надѣется поступить въ богословіе.

— Это хорошо, замѣчалъ отецъ: знаніе за плечами не тянетъ.

Въ концѣ недѣли передъ домомъ разставлялись для крестьянъ обоего пола столы съ пасхами, куличами, красными яйцами, ветчиной и караваями, причемъ подносилось по стакану водки.

Не могу забыть 140 лѣтняго старика Ипата, который, поддерживая лѣвою рукою дрожащую правую, до капли выпивалъ поднесенный ему стаканъ. Этого Ипата, взятаго по бездѣтности и безпріютности изъ Скворчаго въ число Новосельскихъ дворовыхъ, я зналъ уже болѣе года. Бывало, сидитъ онъ безъ шапки, съ густыми, зелеными, какъ свѣжая пенька, волосами, на солнышкѣ, на углу на камнѣ, и плететъ лапоть. Каждый разъ, проходя мимо старика, я испытывалъ желаніе заговорить съ нимъ, распрашивая о Петрѣ Великомъ, котораго онъ называлъ „царемъ батюшкой Петромъ Алексѣевичемъ“, прибавляя: „въ ту пору былъ я еще парень молодой“.

На вопросъ мой: „Ипатъ, да сколько же тебѣ лѣтъ?“ старикъ постоянно отвѣчалъ: „родился коли—не знаю, крестился коли—не упомню, а умру коли—не вѣдаю“.

Заговоривъ о долголѣтіи крестьянъ на моей памяти, останавливаюсь на семействѣ дебелой и красивой кормилицы

сестры Анюты, приходившей въ свободное отъ уроковъ время ко мнѣ съ ребенкомъ въ классную. Это безспорно была весьма добродушная женщина; тѣмъ не менѣе ея выхоленная и массивная самоувѣренность вызывали съ моей стороны всякаго рода выходки. Такъ, напримѣръ, зная лично ея мужа, Якова, я, обучая ее молитвѣ Господней, натвердилъ вмѣсто: „яко на небеси“—„Яковъ на небеси“.

Конечно, всякая невѣжливость съ моей стороны къ кому либо изъ прислуги не прошла́ бы мнѣ даромъ, но я нашелъ способъ дразнить кормилицу Афимью безнаказанно. Глядя пристально на ея бѣлое и румяное лицо и ходя вслѣдъ за нею, я убѣдительно и настойчиво твердилъ: „Кордова, Кордова“. Долго „Кордова“ безмолвно выслушивала мой географическій урокъ, но наконецъ, вѣроятно, понявъ, въ чемъ дѣло, съ неменьшей выразительностью проговорила: „И ни на что то вы непохоже затвердили Кордова да Кордова“. Убѣдившись, что стрѣла дошла по назначенію, я тотчасъ же перешелъ въ дружелюбный тонъ. Дѣда и прадѣда ея мужа я зналъ лично, но, не смотря на это, часто бесѣдовалъ о нихъ съ кормилицею. Оба старика уже не работали въ полѣ, но въ воскресный день я часто видалъ ихъ проходящими черезъ барскій дворъ по направленію къ церкви. Дѣдъ мужа Афимьи былъ сильно посѣдѣвшій старикъ съ простриженнымъ на головѣ гуменцомъ, и ходилъ къ обѣднѣ безъ палки. Ему считали отъ роду 90 лѣтъ, но удивительно, что у его отца въ густыхъ и черныхъ волосахъ не было ни одной сѣдинки. Высокаго роста, сухощавый, онъ проходилъ, опираясь на длинную палку, причемъ имѣлъ видъ человѣка, сломленнаго въ поясѣ на правую сторону. Афимья съ улыбкой говорила: „прадѣдушка росъ, росъ да и покачнулся“. Ему считали 120 лѣтъ. Хорошо помню, что когда дѣдъ Афимьи давно уже былъ снесенъ на кладбище, покрившійся на сторону отецъ его, въ чистомъ долгополомъ зипунѣ и съ длинной палкой, продолжалъ проходить мимо оконъ къ обѣднѣ версты за четыре.

Заговоривъ о старикахъ, скажу нѣсколько словъ о своихъ Шеншиныхъ, хотя бы о Петрѣ Аѳанасьевичѣ Шеншинѣ, бывшемъ воеводѣ и ѣздившемъ, какъ я слыхалъ, на лошадяхъ, кованныхъ серебромъ.

Очевидно, коренным его мѣстопребываніемъ было село Клейменово, гдѣ близь церкви на бѣломъ надгробномъ камнѣ написано: „Петръ Аѳанасьевичъ Шеншинъ, скончался въ 1709 году“.

Согласно обычаю предоставлять меньшимъ членамъ семейства главную усадьбу, Клейменово, по смерти Петра Аѳанасьевича, перешло къ меньшому его сыну Василію Петровичу, тогда какъ старшему Неофиту Петровичу досталась „Добрая Вода“, гдѣ послѣдній, выстроивъ домъ и женившись на Аннѣ Ивановнѣ Пряничниковой, сталъ отцомъ трехъ сыновей: Аѳанасія, Петра и Ивана, и трехъ дочерей: Прасковьи, Любви и Анны. О дядѣ Петрѣ Неѳфитовичѣ я уже говорилъ, но необходимо вспомнить и дядю Ивана Неофитовича, личность котораго могла бы въ рукахъ искуснаго психолога явиться драгоцѣннымъ образцомъ.

Я не разъ слыхалъ, что въ свое время Иванъ Неофитовичъ былъ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ на балахъ Московскаго Благороднаго Собранія. Онъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и всю жизнь до глубокой старости съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ продолжалъ читать Journal des Debats. Высокаго роста, но, и когда я его помню, человѣкомъ лѣтъ 45-ти, онъ уже былъ нетвердъ на ногахъ и ходилъ, какъ люди сильно выпившіе, зигзагами.

Входя въ домъ, онъ непремѣнно останавливался у перваго зеркала и, доставая гребенку изъ кармана, расчесывалъ свои жидкія бакенбарды и копромъ подымалъ съ затылка волосы. Въ родственныхъ домахъ, какъ нашъ и дяди Петра Неофитовича, онъ, усѣвшись на диванъ, тотчасъ засыпалъ, либо, потребовавъ тетрадку бѣлой бумаги, правильно разрывалъ ее на осьмушки, которыя исписывалъ буквами необыкновенной величины.

При такой работѣ онъ всегда пачкалъ пальцы въ чернилахъ и, кончивъ безконечные приказы старостѣ, кричалъ: „малый!“ и требовалъ мыла и тазъ съ рукомойникомъ. Такое омовеніе рукъ совершалось имъ по нѣскольку разъ въ день, и когда онъ высоко засучивалъ рукава сюртука и сорочки, можно было на лѣвой рукѣ прочесть крупныя пороховыя буквы имени *Варвара*. Конечно, я не смѣлъ ни его, ни кого-

либо спросить о возникновеніи видѣннаго мною имени, но впослѣдствіи мнѣ привелось услыхать, что имя это принадлежало одной дамѣ, дочери которой дано было полуимя Шеншиной: Шинская, и которой до ея замужества Иванъ Неофитовичъ помогалъ.

Какъ-то услыхавъ, что Иванъ Неофитовичъ женится, я, конечно, не обратилъ на этотъ слухъ никакого вниманія.

Однажды я только что сошелъ съ качелей, на которыхъ попавшая за мною на очередь горничная кричала благимъ матомъ отчасти отъ страха высокихъ размаховъ, отчасти отъ чувствительныхъ ударовъ, наносимыхъ ей по поясу веревкою игривыхъ качальщиковъ. Такіе удары назывались „напупчиками“ или огурчиками. Въ толпу ожидающихъ очереди прибѣжала горничная и сказала мнѣ: „мамаша приказала васъ звать въ хоромы; пріѣхала новая тетенька“.

Боявшійся старыхъ тетенекъ Любви и Анны Неофитовенъ, постоянно мучившихъ меня экзаменными вопросами, я неохотно шелъ и къ новой тетенькѣ. Но новая тетенька Варвара Ивановна, расцѣловавшая меня, оказалась молодою и румяною дамою со свѣжимъ цвѣтомъ лица подъ бѣлою бастовою шляпкой, и распространявшей сильный и сладкій запахъ духовъ. Она съ перваго же раза обозвала меня „Альфонсомъ“, какое имя я сохранилъ въ устахъ ея на всю жизнь.

Пріѣхавшій вмѣстѣ съ нею дядя не перемѣнилъ для молодой жены своихъ привычекъ. Сказавши нѣсколько словъ съ моей матерью, онъ тутъ же въ гостиной задремалъ на креслѣ. Помню, что черезъ годъ послѣ этого на мезонинѣ Добро-Водскаго дома, я заглядывалъ въ люльку моей кузины Любиньки, а черезъ годъ или два родилась ея сестра Анюта. Мужскаго потомства у дяди Ивана Неофитовича не было.

IV

Старушка Борисова.—Новосельскіе гости.—Лука Аѳанасьевичъ.—Лыковы.—Колясочка.—Метаніе копья.—Передѣлка флигеля.—Крещеніе младенцевъ.—Отецъ Яковъ.—Дѣдушка Василій Петровичъ.

Если сосѣди по временамъ пріѣзжали къ намъ въ гости на нѣсколько часовъ, то Вѣра Александровна Борисова, о которой я выше только слегка упомянулъ, пріѣзжала къ матери и гащивала иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Располагалась она на ночлегъ противъ кровати матери на длинномъ диванѣ, и тутъ я старался пробраться въ спальню и упросить бабушку (подобно дѣтямъ Борисовыхъ, мы звали Вѣру Александровну бабушкой) разсказать сказочку, которыя разсказывать она была великая мастерица. Понятно, что и мать наша, по случаю частыхъ и долговременныхъ отъѣздовъ отца, не менѣе насъ рада была гощенію доброй старухи. По середамъ и пятницамъ бабушка кушала рыбу, а потому дѣло иногда бывало не безъ приключеній. На половинѣ карася или окуня Вѣра Александровна вдругъ жалобнымъ голосомъ застонетъ: „опять я, жадная, подавилась! охъ голубчикъ Аѳоня, подойди, ударь меня хорошенько по затылку!“

Стараясь рѣшительно помочь бѣдѣ, я угощалъ бабушку сильнымъ ударомъ по шеѣ, за которымъ слѣдовало восклицаніе: „охъ, спасибо, выскочила!“ а съ другой стороны возвышенный окрикъ матери: „ты какъ смѣешь такъ бить бабушку?“

Но бабушкѣ побои были, видно, не въ диковинку. Однокашникъ, сослуживецъ, а впослѣдствіи и родственникъ мой Иванъ Петровичъ Борисовъ разсказывалъ, какъ, бывало, въ Фатьяновѣ привàженные ходить къ бабушкѣ всею дѣтскою толпою за лакомствомъ, они иногда приходили къ ней во флигель въ неурочное время, повторяя настойчиво: „бабушка, дай варенья!“ Никакіе резоны съ ея стороны не принимались, и толпа съ возгласомъ: „бабушка, дай варенья!“ все ближе и ближе подступала къ старухѣ, и когда та, выведенная изъ терпѣнія, кричала: „ахъ вы мерзкіе, пошли домой!“ толпа

ребятишекъ хватала ее за руки, за волосы, валила на полъ и колотила, продолжая кричать: „бабушка, дай варенья!“

Однажды, когда мать до слезъ огорчалась моею неспособностью къ наукамъ, бабушка сказала: „и-и, матушка, Елизавета Петровна, что вы убиваетесь заблаговременно! Выростутъ, все будутъ знать, что̀ имъ нужно“.

Сколько разъ въ жизни вспоминалъ я это мудрое изреченіе.

Кромѣ бабушки Вѣры Александровны, у матери часто за столомъ появлялись мелкопомѣстные дворяне изъ Подбѣлевца, бывавшіе точно также и въ другихъ домахъ нашего круга: у Мансуровыхъ, Борисовыхъ и Зыбиныхъ. Отецъ, въ свою очередь, былъ скорѣе привѣтливъ, чѣмъ недоступенъ и гордъ. Такъ, длиннобородые, въ скобку и долгополые хлѣбные покупатели, мценскіе купцы Свѣчкинъ и Иноземцевъ, славившійся даже въ Москвѣ своимъ пивомъ, нерѣдко сидѣли у насъ за обѣденнымъ столомъ, и я живо помню, какъ краснолицый Иноземцевъ, раздувая пѣнистый стаканъ пива, пропускалъ его сквозь усы, на которыхъ оставались нападавшія въ стаканъ мухи. Помню я за нашимъ столомъ и толстаго засѣдателя Бологова въ мундирномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и старенькаго его письмоводителя Луку Аѳанасьевича.

Великимъ постомъ отецъ любилъ ботвинью съ свѣжепросольною домашней осетриной, но особенно гордился хорошимъ приготовленіемъ крошева (рубленой кислой капусты). Помню однажды подъ вліяніемъ любви къ крошеву, отецъ спросилъ подливщаго себѣ въ тарелку квасу письмоводителя: „а что Лука Аѳанасьевичъ, хороша ли капустка?“

— Этой „копусткой“ можно похвалиться.

— Что ты говоришь?

— Этой „копусткой“ ангели святые на небесахъ питаются.

— Да вѣдь ты же еще не ѣлъ?

— Сейчасъ будемъ спотреблять.

Не взирая на такое радушіе, отецъ весьма недоброжелательно смотрѣлъ на мелкихъ Подбѣлевскихъ посѣтительницъ, вѣроятно избѣгая распространенія нежелаемыхъ сплетенъ.

Изъ этого остракизма изъята была небогатая дворянская чета, появлявшаяся изъ Подбѣлевца иногда пѣшкомъ, иногда въ телѣжкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сидѣвшій на козлахъ маленькій и худощавый въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами Константинъ Гавриловичъ Лыковъ *) никогда не подвозилъ свою дебелую супругу Вѣру Алексѣевну къ крыльцу дома, а сдавалъ лошадь у воротъ коннаго двора конюхамъ. Оттуда оба супруга пѣшкомъ пробирались къ крыльцу, и я иначе не помню Вѣру Алексѣевну въ праздничные дни, какъ въ бѣломъ чепчикѣ съ раздувающимися оборками.

Сколько разъ впослѣдствіи она говорила мнѣ, что въ годъ моего рожденія ей было двадцать лѣтъ отъ роду. Посѣщенія Вѣры Алексѣевны, отличавшейся благословеннымъ аппетитомъ, были дотого часты, что у всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ она считалась домашнимъ человѣкомъ, такъ какъ незамѣтно приходила за четыре или пять верстъ и къ вечеру лѣтней порой возвращалась домой.

Вѣроятно въ подражаніе Борисовымъ отецъ приказалъ домашнимъ мастерамъ сдѣлать тоже дѣтскую коляску на рессорахъ, но только двумѣстную безъ козелъ. За дышло коляска эта возилась легко, и я не зналъ лучшаго наслажденія, чѣмъ, подражая самому рьяному коню, возить эту коляску. Особенно любилъ я катать въ ней кого-либо. Такъ, однажды, посадивши сестру Любиньку, я свезъ ее подъ горку къ ригѣ и тамъ на гладкомъ току возилъ сестру съ возможно большею быстротою. О прочности коляски можетъ свидѣтельствовать то, что бывшій въ немилости у отца дворовый Филимонъ, желая показать мнѣ ловкость лакеевъ, кричащихъ кучеру: „пошелъ!“ и затѣмъ уже на ходу вскакивавшихъ на запятки, догонялъ меня и прыгалъ на ходу на заднюю ось. Раза два эта продѣлка ему удавалась; но никому въ голову не приходило, что шкворень подъ переднею осью не закрѣпленъ. Вдругъ при новомъ прыжкѣ Филимона колясочка, откинувшись назадъ, соскочила съ передней оси и затѣмъ, падая на всемъ бѣгу передомъ, сбросила хохотавшую дѣвочку на

---

*) Впослѣдствіи я слыхалъ, что эти Лыковы происходили отъ князей Лыковыхъ.

землю. Раздался пронзительный крикъ, и бросившаяся нянька подняла дѣвочку, у которой подбородокъ оказался глубоко разсѣченнымъ, и кровоизліяніе было какъ изъ зарѣзанной. Филимонъ дотого испугался, что я обѣщалъ ему взять вину на себя, даже не поминая его имени.

Шрамъ при помощи хирурга заросъ, надолго оставляя (правда, на малозамѣтномъ мѣстѣ) темнокрасную полоску, которая къ совершеннолѣтію хотя и побѣлѣла, но сохранилась на всю жизнь.

Дорога изъ Новоселокъ въ Подбѣлевецъ шла подъ гору до оврага, но по другую сторону оврага подымалась весьма круто въ гору, почти съ полверсты.

Бывало, когда Вѣра Алексѣевна, припрятавъ въ большомъ ридикюлѣ гостинцевъ многочисленнымъ своимъ дѣтямъ, говорила: „ну, мнѣ пора домой“, мы хоромъ кричали: „Вѣра Алексѣевна, мы васъ подвеземъ въ коляскѣ“.

— Да что вы это! восклицала Вѣра Алексѣевна: вы посмотрите-ка на меня, вѣдь я тоже хлѣбъ съ солью; развѣ ваша коляска выдержитъ меня?

— Выдержитъ, выдержитъ! восклицали мы, подвозя коляску къ крыльцу. И чтобы прекратить все усиливающееся волненіе, Вѣра Алексѣевна съ хохотомъ садилась въ коляску, и мы безъ всякаго затрудненія везли ее съ полверсты подъ гору до оврага. Предвидя, что придется везти Вѣру Алексѣевну на длинную и крутую гору, мы, проѣзжая мимо дворовыхъ избъ, закликали съ собою, кромѣ Митьки, еще пару мальчиковъ, обыкновенно изъ многочисленныхъ дѣтей покойнаго Филиппа Агаѳоновича. Тѣмъ не менѣе взъѣздъ на гору до ровнаго мѣста требовалъ большого напряженія, и потъ лился съ насъ ручьями; но въ этомъ подвигѣ и заключалось все удовольствіе.

Однажды Митька, къ великой радости моей, принесъ копье, на которое кузнецъ насадилъ желѣзный наконечникъ, и такъ какъ наискось противъ крыльца дома стоялъ пустой флигель, бывшій когда-то на моей памяти малярной мастерской, то мы уходили въ него и, начертивши углемъ на дверяхъ круги съ чернымъ центромъ, упражнялись въ метаніи копья.

Но видно умножающееся семейство заставило отца повернуть флигель въ жилое помѣщеніе. Съ этою цѣлью навезли лѣсу и досокъ, и флигель при помощи досчатыхъ перегородокъ вокругъ центральной печки получилъ четыре комнаты, т. е. переднюю, пріемную и двѣ спальни, изъ которыхъ въ одной помѣщался отецъ, а другая предназначена была мнѣ и учителю спальнею и въ то же время классною.

Порою посѣщенія Вѣры Алексѣевны прекращались, но тогда вдругъ появлялся Константинъ Гавриловичъ въ неизмѣнномъ фракѣ и кланялся въ ноги матери нашей. При этомъ онъ всегда повторялъ: „осчастливьте сударыня! позвольте Аѳанасію Аѳанасьевичу привести младенцевъ въ христіанскую вѣру“.

— Вы говорите младенцевъ, Константинъ Гавриловичъ, спрашивала мать.

— Точно такъ, матушка: троихъ Богъ далъ.

Затрудненій къ удовлетворенію просьбы не представлялось, за исключеніемъ развѣ полтинника Подбѣлевскому причту, расходомъ котораго отецъ могъ остаться недоволенъ при провѣркѣ счетовъ.

Я самъ не безъ боязни появлялся у купели съ сестрою Любинькой у Подбѣлевскаго священника, заставлявшаго дьячка читать символъ „Вѣры“, плохо сохранявшійся въ моей памяти. Но въ большинствѣ случаевъ мнѣ приходилось крестить у нашихъ дворовыхъ, и при этомъ буфетчику Павлу не разъ случалось разыскивать меня въ саду или въ полѣ и насильно приводить къ купели, отъ которой я бѣжалъ, избавляясь отъ слова нашего приходскаго священника: „читайте Вѣрую“.

Хотя отецъ Яковъ крестилъ меня и былъ постояннымъ духовникомъ отца и матери, но отецъ смотрѣлъ на него неблагосклонно, по причинѣ его пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ, хотя о. Яковъ появлялся у насъ въ возбужденномъ состояніи только въ отсутствіе отца. Отецъ Яковъ усердно исполнялъ требы и собственноручно пахалъ и убиралъ, съ помощью работника, попадьи и дѣтей, свою церковную землю; но помянутая слабость приводила его къ крайней нищетѣ.

Помню, какъ во время великопостныхъ всенощныхъ, когда о. Яковъ приподымался на ногахъ и съ поднятыми руками восклицалъ: „Господи, Владыко живота моего“, — я, припадая головою къ полу, ясно видѣлъ, что у него, за отсутствіемъ сапогъ, на ногахъ женины чулки и башмаки.

Разъ въ годъ въ домѣ у насъ происходилъ великій переполохъ, когда заранѣе объявлялся день пріѣзда дѣдушки Василія Петровича, изъ его села Клейменова, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Зимою дѣдушка проживалъ въ собственномъ домѣ въ Орлѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ и вниманіемъ властей.

Конечно къ этому дню выпаивался теленокъ на славу, добывалась дичина и свѣжая рыба, а такъ какъ онъ любилъ гольцовъ, то Марья Петровна Борисова присылала къ этому дню живыхъ гольцовъ, которыхъ тотчасъ же пускали въ молоко.

Такъ какъ буфетчикъ Павелъ (обучавшійся въ Москвѣ у Педоти), былъ въ то же время и кондитеръ, то къ назначенному дню, кромѣ всякихъ конфетъ, появлялись различные торты и печенья и назначались къ столу наилучшія вина и наливки.

Въ назначенный день, часа за два до пріѣзда дѣдушки, появлялась крытая, запряженная тройкой бричка, и изъ нея выходили камердинеръ и рыжій, рябой, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, парикмахеръ Василій. Люди эти, немедля отставивъ отъ стѣны въ гостиной кресла, раскидывали около нея складную деревянную кровать, накладывали на нее перину и сафьянный тюфякъ и разстилали передъ нею персидскій коврикъ. Затѣмъ, убравъ постель бѣльемъ, накрывали ее розовымъ шелковымъ одѣяломъ; затѣмъ парикмахеръ приносилъ и ставилъ въ передней на окно деревянный раскрашенный болванъ для парика, а камердинеръ ставилъ на подоконникъ въ столовой серебряный тазъ съ кувшиномъ и такою же мыльницей. Часовъ въ 11 изъ-за рощи появлялась двумѣстная, гнѣдымъ цугомъ запряженная желтая карета, на запяткахъ которой стояли въ треугольныхъ шляпахъ и гороховыхъ ливреяхъ два выѣздныхъ лакея. На послѣдней ступенькѣ каменнаго крыльца ждалъ нашъ отецъ, и когда ка-

рета останавливалась, спѣшилъ къ ея дверцамъ, чтобы помочь дѣдушкѣ выйти. Мать стояла обычно или на верхней, или на второй ступенькѣ крыльца и старалась поймать руку дѣдушки, чтобы поцѣловать ее; но каждый разъ со словами: „что это ты мать моя!“ онъ обнималъ и цѣловалъ ее въ щеку. Нечего прибавлять, что мы считали за великое счастье поцѣловать руку дѣдушки.

Къ пріѣзду дѣдушки въ домъ съѣзжались ближайшіе родные: два его племянника Петръ и Иванъ Неофитовичи и родная племянница Анна Неофитовна. Любовь Неофитовна, по отдаленности мѣста жительства, пріѣзжала только крестить моихъ братьевъ и сестеръ вмѣстѣ съ дядею Петромъ Неофитовичемъ.

Такъ какъ дѣдушка былъ старинный охотникъ и, содержа псарню, въ хорошую погоду выѣзжалъ въ легкомъ экипажѣ послушать гончихъ и посмотрѣть на рѣзвость собакъ, то въ случаѣ пребыванія его въ Новоселкахъ болѣе сутокъ, отецъ приглашалъ его послушать на ближайшей опушкѣ лѣса нашихъ гончихъ и посмотрѣть нашихъ борзыхъ.

Помню, какъ однажды запуганный заяцъ, пробираясь изъ лѣсу въ другой, набѣжалъ на самыя дрожки дѣдушки и на минуту присѣлъ подъ ними; а другой подбѣжалъ въ томъ же направленіи по межѣ, близъ которой отецъ пѣшкомъ стоялъ съ своею свитой. Желая во время показать собакамъ зайца, отецъ бросился во всю прыть зайцу на перерѣзъ; но собаки раскидались, и заяцъ, помнится, ушелъ. Тѣмъ не менѣе сцена эта позабавила дѣда, и первыми словами его на крыльцѣ къ отцу было: „какъ ты, братъ, прытко побѣжалъ! у мужика куча дѣтей, а онъ бѣгаетъ какъ мальчикъ“.

Изо всѣхъ, подобострастно выслушивавшихъ сужденія дѣда о разныхъ дѣлахъ и главное сельско-хозяйственныхъ, только одинъ Петръ Неофитовичъ не стѣснялся возражать старику, когда считалъ его рѣчи неосновательными. На кроткія замѣчанія отца, что дядя можетъ разсердиться, Петръ Неофитовичъ отвѣчалъ: „а какое мнѣ дѣло! я ничего не ищу и кланяться ему не стану“.

Во время объѣздовъ племянниковъ, дѣдушка заѣзжалъ на день къ Борисовымъ, и бабушка Вѣра Александровна ска-

зывала, что дѣтямъ было строго приказано стоять въ два ряда по ступенькамъ крыльца и низко кланяться, когда Василій Петровичъ будетъ по нимъ всходить.

Такъ какъ дѣдушка зналъ, что намъ запрещены конфекты и вообще сладкое, то онъ и насъ, и Борисовскихъ дѣтей каждое утро одѣлялъ апельсинами.

Въ свою очередь отецъ и мать отправлялись въ Клейменово благодарить дѣдушку за сдѣланную честь.

V

Андрей Карповичъ.—Его концерты съ Сергѣемъ Мартыновичемъ.—Катанье съ горъ.—Троицынъ день.—Птички.— Смерть П. Я. Борисова. — Переѣздъ его дѣтей къ намъ.—„Селярдепарле".—Личность П. Я. Борисова.

Между тѣмъ и Василій Васильевичъ, подобно Петру Степановичу, получилъ мѣсто сельскаго священника, и я снова пробылъ нѣкоторое время безъ учителя.

Но вотъ однажды прибылъ новый учитель, высокій брюнетъ, Андрей Карповичъ. Это былъ человѣкъ самоувѣренный и любившій пошутить. Прибылъ онъ изъ дома богатыхъ графовъ Комаровскихъ, принимавшихъ много гостей, почему Андрей Карповичъ любилъ повторять, что видѣлъ у Комаровскихъ „сокращеніе свѣта".

Если Петра Степановича и Василія Васильевича внѣ класса можно было считать за нѣмыхъ дѣйствующихъ лицъ. то Андрей Карповичъ представлялъ большое оживленіе въ неоффиціальной части своей дѣятельности. Правда, и это оживленіе въ неурочное время мало споспѣшествовало нашему развитію, такъ какъ система преподаванія „отсюда и досюда" оставалась все та же, и проспрягавъ быть можетъ безошибочно laudo, мы ни за что не сумѣли бы признать другаго глагола перваго спряженія. Протрещавъ съ неимовѣрною быстротою: „Коронъ, Модонъ и Наваринъ" или: „Свевы, Аланы, Вандалы съ огнемъ и мечемъ проходили по Испа-

нія“,—мы никакого не отдавали себѣ отчета, что это такіе за предметы, которые память наша обязана удерживать. Не помогало также, что, когда мы вечеромъ на прогулкѣ возвращались съ берега рѣки между посѣвами разныхъ хлѣбовъ, Андрей Карповичъ, слегка нахлестывая насъ тонкимъ прутомъ, заставлялъ твердить: panicum—гречиха, milium—просо.

Но наибольшую живость характера Андрей Карповичъ высказывалъ по отношенію къ Сергѣю Мартыновичу.

Почему то оба эти совершенно здоровыхъ человѣка вообразили себя чахоточными и, наливъ часть бутылки дегтемъ, заливали ее водою и, давши ей настояться на чердакѣ флигеля, пили утромъ и вечеромъ по рюмкѣ, увѣряя, что это очень здорово. Андрей Карповичъ, будучи скрипачемъ еще въ семинаріи, привезъ съ собою скрипку въ футлярѣ и сначала упражнялся по вечерамъ на этомъ язвительномъ инструментѣ одинъ, но потомъ, сообразивъ, что играть вдвоемъ было бы и поладнѣе, и благозвучнѣе, подбилъ и Сергѣя Мартыновича, на занятіе музыкой. Въ кладовой нашлась моя скрипка но безъ смычка. Тогда обратились къ Ивану столяру, который устроилъ березовый смычекъ, вставивъ въ него прядь волосъ, вырванныхъ мальчишкой-конюхомъ изъ хвоста рабочей лошади. Канифоли у Андрея Карповича было довольно, а для своей скрипки Мартынычъ прибѣгалъ къ смоленому горлышку донской бутылки. Большого труда стоило Андрею Карповичу обучить Сергѣя Мартыновича тѣмъ двумъ единственнымъ ладамъ, которые подпадали подъ его исполненіе въ неистощимой „барынѣ“, этомъ цвѣткѣ и вершинѣ веселости русскаго лакея. Зато съ какимъ наслажденіемъ Сергѣй Мартыновичъ каждый вечеръ волнообразно пускалъ свой смычекъ по этимъ двумъ нотамъ, въ то время какъ смычекъ уносящагося въ высирь Андрея Карповича выдергивалъ изъ „барыни“ самые отчаянные возгласы. Этотъ концертъ только почерпалъ новыя силы въ окрикахъ Андрея Карповича: „валяй, валяй, Мартынычъ!“ При этомъ оба, и наставникъ, и ученикъ, страстно приникая лѣвой щекой къ скрипкѣ и раздувая ноздри отъ удовольствія, съ азартомъ подлаживались другъ къ другу, и въ то время, какъ качающійся смычекъ Мартыныча производилъ неизмѣнное: ури-

ури,—нарѣзающій и проворный смычекъ Андрея Карповича отхватывалъ: титирдити-титирдити.

Если Андрей Карповичъ охотно сопровождалъ насъ лѣтомъ на прогулкахъ, а зимою въ теплицы и мастерскія, то я не помню, чтобы онъ участвовалъ въ народныхъ забавахъ и играхъ, которымъ мы предавались уже подъ исключительной охраной Сергѣя Мартыновича. Такъ на Масляной, когда ловкіе столяры взвозили на гору Новосельской усадьбы не салазки, а большія сани и, насажавъ на нихъ десятки разряженныхъ бабъ, неслись нѣсколько сотъ саженъ съ возрастающей быстротой, мы неизмѣнно были на головашкахъ въ числѣ хохочущихъ сѣдоковъ. На „сорокъ мучениковъ" и мы выходили на проталину къ дворовымъ мальчишкамъ съ жаворонками изъ бѣлаго тѣста и, подбрасывая ихъ кверху, кричали: „чувиль-чувиль жаворонки".

На „красную горку" мы не пропускали хороводовъ и горѣлокъ, а въ Троицынь день шли къ разряженнымъ бабамъ въ лѣсъ завивать вѣнки и кумиться. Послѣднее совершалось слѣдующимъ образомъ: на вѣтку березы подвѣшивался березовый вѣнокъ, и желающая покумиться женщина вѣшала на шнуркѣ въ середину вѣнка снятый съ шеи тѣльникъ; затѣмъ кумящіеся становились по обѣ стороны вѣнка и единовременно цѣловали крестъ съ двухъ сторонъ, цѣлуясь въ то же время другъ съ другомъ. Тутъ же по прогалинамъ бабы разводили огни и на принесенныхъ сковородахъ изготовляли яичницу. Покумившіеся оставались кумомъ и кумою на цѣлый годъ. На закатѣ солнца вся пестрая толпа въ вѣнкахъ шла къ рѣкѣ, распѣвая:

„Кумитеся, любитеся,
Любите меня,
Вы пойдете на Дунай рѣку,
Возьмите меня".

Параллельно съ занятіями науки шла и охота за птичками. Мы съ Митькой очень хорошо знали, что птичка, спугнутая съ яицъ, броситъ ихъ высиживать, а потому, разыскавши въ садовыхъ кустахъ или въ лѣсу птичку на яицахъ, мы довольствовались наслажденіемъ видѣть, какъ она неподвижно припадаетъ на своемъ гнѣздышкѣ, недовѣрчиво смотря

блестящими глазками на любопытныхъ, очевидно не зная навѣрное, открыта ли она или нѣтъ. Но когда молодыя уже вывелись, птичка не покидаетъ дѣтей даже спугнутая съ гнѣзда.

Помню, однажды дворовые мальчишки поймали на гнѣздѣ сѣренькую птичку, похожую нѣсколько на соловья, и принесли ее вмѣстѣ съ гнѣздомъ, наполненнымъ молодыми пичужками, которыхъ было штукъ восемь. Мы, не зная какъ помочь бѣдѣ, вложили гнѣздо съ дѣтьми въ соловьиную клѣтку, и когда посаженная туда же птичка немного успокоилась, отворили ей дверку.

Въ это время въ домѣ почти у каждаго окна стояло принесенное садовникомъ изъ оранжереи лимонное или померанцевое дерево съ плодами и въ цвѣту. Къ величайшему удивленію и радости нашей, птичка мать, выбравшись изъ клѣтки, ловила на оконныхъ стеклахъ мухъ и, возвращаясь въ клѣтку, совала ихъ въ раскрытые желтоватые рты птенцовъ. Продолжая опытъ, мы вывѣсили клѣтку съ растворенной дверкой на дворъ за окно и къ величайшей радости увидали, что птичка, наловя на волѣ насѣкомыхъ, попрежнему возвращается съ ними въ клѣтку. Не менѣе забавно было видѣть въ комнатѣ, какъ птичка учила оперившихся птенцовъ летать, поощряя ихъ къ тому своимъ примѣромъ и громкимъ зовомъ. Сначала она звала ихъ такимъ образомъ со стула на ближайшій стулъ; затѣмъ увеличивая пространство, садилась наконецъ на сучекъ померанцеваго дерева и назойливо звала ихъ къ себѣ. Когда птенцы стали летать совершенно свободно, мы выставили ихъ въ растворенной клѣткѣ за окно, и они вмѣстѣ съ матерью улетѣли.

Съ нѣкоторыхъ поръ наше вниманіе обращали на себя птички, съ виду похожія на овсянку, только кофейнаго цвѣта, какъ соловей, и съ прелестнымъ краснымъ нагрудничкомъ. Мы называли ихъ вьюрками. Мягкій камень фундамента близь крыльца, осыпавшись отъ ненастья, представлялъ продолговатое углубленіе вродѣ грота. Не знаю чего искали краснозобые вьюрки подъ этимъ навѣсомъ, но рѣдко можно было спуститься съ крыльца, не видавши съ боку нарядныхъ хлопотуній.

Наши попытки захватить птичекъ подъ ихъ крошечнымъ навѣсомъ были очевидно напрасны. Птички не попадались ни въ разставленныя пленки, и не шли, когда мы подъ углубленіемъ устроили сѣтку, чтобы накрыть птичекъ.

Помню, какъ однажды въ минуту, когда, сойдя съ крыльца, я косился на крылатыхъ гостей, по дорогѣ за флигелемъ на своемъ темномъ клеперѣ промчался Николинька Борисовъ въ сопровожденіи, какъ тогда говорили, Ваньки доѣзжачаго, хотя этому Ванькѣ было за тридцать лѣтъ. Старше меня двумя годами, Николинька смотрѣлъ на меня съ высоты величія, какъ на ребенка, и потому я нимало не удивился, что онъ не удостоилъ заѣхать и остановиться около меня. Но мнѣ видно было, что оба верховыхъ на минутку останавливались между коннымъ дворомъ и дворовыми избами, и что когда барчукъ проѣхалъ дальше, Ванька, размахивая рукою, что то разсказывалъ кучеру Никифору. Минутъ черезъ пять въ лакейской уже говорили, что Николая Петровича Ванька повезъ будто бы отыскивать неизвѣстно куда скрывшагося Петра Яковлевича, а покуда имъ сѣдлали лошадей, въ саду у нихъ разсмотрѣли, что Петръ Яковлевичъ повѣсился на деревѣ.

На другой день отъ Борисовыхъ вернулся отправленный туда матерью кондитеръ Павелъ Тимоѳеевъ и, еще болѣе заикаясь отъ волненія, разсказалъ слѣдующее: „сидѣлъ я у крыльца на лавочкѣ, когда Петръ Яковлевичъ съ трубкою въ рукахъ прошли мимо меня послѣ утренняго чаю; но миновавъ домъ по садовой дорожкѣ, вернулись назадъ и, подавая мнѣ докуренную трубку, сказали: „отнеси въ домъ“, а сами вслѣдъ затѣмъ пошли въ садъ. Я уже успѣлъ сварить цѣлый тазъ вишенъ и накрылъ варенье ситомъ отъ мухъ, какъ идетъ буфетчикъ Иванъ Палочкинъ и говоритъ: „Тимоѳеевичъ, не видалъ ли ты барина? Столъ накрытъ и барыня приказала подавать супъ; а барина все нѣтъ. Онъ никогда такъ долго не гуляетъ“.—„Пошелъ, говорю, отъ меня еще утромъ въ садъ, а больше я его не видалъ“.—Смотрю, барыня отворила окошко и, услыхавши нашъ разговоръ, крикнула: „Павелъ голубчикъ поищи Петра Яковлевича“. Тутъ я со всѣхъ ногъ побѣжалъ по саду. Вижу навстрѣчу идетъ старикъ садов-

никъ и какъ то странно машетъ руками себѣ подъ бороду, и еще издали закричалъ: „вонъ онъ въ березовой рощѣ виситъ, удавился“. Пробѣжалъ я туда, вижу, люди бѣгаютъ и кличутъ его по саду, а тамъ ужь и кликать то некого. Вернулся къ господамъ и не знаю какъ сказать обинякомъ. Сказалъ обинякомъ то,—и жена объ земь и мать объ земь. И не приведи Господи!“

Вернулся отецъ нашъ съ поѣздки на Тимъ, гдѣ затѣвалась дорогая плотина для большой мельницы.

Подъѣхалъ и дядя Петръ Неофитовичъ, и за перегородкой изъ классной я слышалъ ясно, какъ дядя говорилъ:

— Положимъ, великая бѣда стряслась надъ Борисовыми, но не понимаю, для чего ты принимаешь ихъ дѣла подъ свою опеку. Дѣтей у тебя немало, и дѣла твои далеко не въ блестящемъ видѣ; а взять на свое попеченіе еще многочисленное семейство съ совершенно разстроенными дѣлами,—едва ли ты съ этимъ справишься.

— Но нельзя же, возражалъ отецъ, оставить въ полѣ погибающаго человѣка. Безъ сторонней помощи это семейство погибнетъ. Вѣдь послѣдняя-то дѣвочка Анюта осталась году.

— Все это такъ, но ты кажется поучился насчетъ опекъ во время предводительства надъ Телѣгинскимъ дѣломъ. Ты довѣрился мошеннику секретарю Борису Антонову, а тотъ имѣніе разорилъ и по сю пору, попавши подъ судъ, сидитъ во мценскомъ острогѣ, а на твое то имѣніе по этому дѣлу наложено запрещеніе. Поди-ка, скоро ли его съ шеи скопаешь!

— Знаю, братъ, знаю, говорилъ отецъ, но что хочешь говори, хоть ты тамъ „Утушку“ пой, я не могу не помочь этому несчастному семейству. Борисовъ убитъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и если никто за это дѣло не возьмется, то и самое преступленіе можетъ остаться ненаказаннымъ.

— Дѣлай, какъ хочешь, сказалъ въ заключеніе дядя: я знаю, что ты великій упрямецъ.

Уже на слѣдующій день всѣ четыре мальчика Борисовы были привезены въ Новоселки, и Николай поступилъ, подобно мнѣ, въ вѣдомство Андрея Карповича. Три же дѣвочки остались въ Фатьяновѣ, подъ надзоромъ мамзели, обучавшей ихъ

первоначальной грамотѣ и французскому языку. Съ Борисовскими дѣтьми прибылъ въ Новоселки ихъ дядька, черномазый и кудрявый Максимъ, который, принося своимъ барченкамъ утромъ вычищенные сапоги, попеременно выкрикивалъ: „Петръ Петровичъ или: Иванъ Петровичъ, извольте вставать, се ляръ де парле едекриръ корректеманъ".

Въ силу этого изреченія, Сергѣй Мартыновичъ обозвалъ Максима „Селярдепарле", и это имя осталось за нимъ окончательно. Съ Николинькой Борисовымъ прибылъ и его клеперъ, на которомъ онъ ежедневно катался.

Пребываніе у насъ Борисовыхъ продолжалось до поздней осени, когда, по раскрытіи, наказаніи и ссылкѣ убійцъ, все дѣло было покончено. Тогда только впервые я услыхалъ имя молодаго и красиваго сосѣда, владѣльца села Воинъ, Петра Петровича Новосильцова, служившаго адъютантомъ у московскаго генералъ-губернатора князя Голицына. Видно, молодая вдова Борисова обладала искусствомъ заслужить вниманіе нужныхъ ей людей. Къ зимѣ Николай былъ отданъ въ Москву въ частный пансіонъ Кистера, а три брата его въ кадетскій корпусъ. Вслѣдъ за удаленіемъ осиротѣвшаго семейства изъ нашего дома языки домашнихъ развязались, и повѣсть объ убійствѣ въ сосѣдней и близко знакомой средѣ разрослась въ цѣлую поэму, въ которой всякій старался помѣстить новую подробность или оттѣнокъ. Я не въ состояніи теперь указать на отдѣльные источники стоустой молвы, а могу только въ общихъ чертахъ передать дошедшее до моего дѣтскаго слуха. Ни отъ отца, ни отъ матери, ни отъ дяди я никогда ни слова не слыхалъ о потрясающемъ событіи.

Даже въ бытность мою студентомъ, я не разъ при распросѣ о дорогѣ въ Фатьяново слыхалъ отъ окрестныхъ крестьянъ вмѣсто отвѣта на вопросъ „къ Борисову?" вопросъ: къ „забалованному?" это было обычное имя Петра Яковлевича у сосѣднихъ крестьянъ. Понятно, что сосѣднимъ помѣщикамъ, не соприкасавшимся со сферами лакейскихъ и дѣвичьихъ, знакома была только забавная сторона Борисова. Такъ во время моего студенчества проживавшій въ Москвѣ у Большаго Вознесенія и баловавшій меня Семенъ Николаевичъ Шеншинъ часто говаривалъ: „веселый человѣкъ былъ покойный Петръ

Яковлевичъ. Бывало, на дрожкахъ тройкой съ колокольчиками и бубенчиками пріѣдетъ и скажетъ: „ну, господа, продалъ гречиху и хочу проиграть вамъ деньги“. А затѣмъ къ утру, проигравшись до копѣйки, сядетъ снова на свои дрожки и, зазвеня колокольчиками и бубенчиками, умчится во весь духъ“.

Про него же не разъ разсказывалъ мнѣ, студенту, проживавшій на Якиманкѣ въ великолѣпномъ собственномъ домѣ старый Михаилъ Ѳедоровичъ Сухотинъ.

„Такого исправника, говорилъ онъ, какимъ былъ Борисовъ, намъ не нажить. Бывало, какъ узнаетъ о кражѣ лошадей или другаго добра, сейчасъ же возьмется за славнаго вора старика Шебунича. Тотъ, бывало, хоть запори его, своихъ не выдастъ. „А, не знаешь? крикнетъ Петръ Яковлевичъ: топи овинъ! коптить его!“ И вотъ въ самомъ густомъ дыму, зацѣпленный за ногу веревкой, Шебуничъ виситъ на переметѣ. Тутъ ужь некогда запираться, и все разыщется“.

Но никто кромѣ прислуги не зналъ, какъ весело проигравшійся Борисовъ возвращался домой на тройкѣ Разореныхъ. Голосъ у кучера Дениски былъ звонкій, и онъ, какъ бы развеселясь, подъѣзжая къ дому, еще на выгонѣ за полверсты кричалъ: „эхъ вы, Разореныя!“ извѣщая этимъ домочадцевъ о пріѣздѣ барина, которому въ это время никто не попадайся.

Воздерживаюсь отъ передачи жестокихъ выходокъ избалованнаго самодура. О нихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе его отношеніе въ минуты раздраженія къ собственной семьѣ. Находя пирожки къ супу или жареное неудачными, онъ растворялъ въ столовой окно и выбрасывалъ все блюдо борзымъ собакамъ, причемъ не только жена и дѣти, но и мать Вѣра Алекс. оставались голодными.

Позднѣе изъ разговоровъ Андрея Карповича, Сергѣя Мартыновича и остальной прислуги я узналъ слѣдующія подробности.

У Борисовскаго повара Тишки была сестра, дѣвушка, состоявшая въ любовной связи со стремяннымъ Ванькой, сопровождавшимъ Николеньку при проѣздѣ черезъ Новоселки въ день убійства. Съ этой дѣвушкой Борисовъ вступилъ въ связь къ безмѣрному озлобленію повара и стремяннаго, возбужденныхъ кромѣ того, подобно кучеру Денискѣ, частыми жесто-

костями Борисова. Сговорившись между собою, эти три лица научили дѣвушку назначить свиданіе въ рощѣ, и тамъ всѣ трое, поднявшись изъ густой травы, набросились на коренастаго Борисова, который, при первоначальномъ безучастіи Дениски, успѣлъ было забрать подъ себя перевернувшаго ему галстукъ повара Тишку, а затѣмъ и помогавшаго ему Ваньку. Говорили, что на хриплыя слова Борисова: „Тишка, Ванюшка, пустите душу на покаяніе! я васъ на волю отпущу!“—Ванька крикнулъ: „ну, Дениска, если не поможешь, первымъ долгомъ тебѣ ножъ въ бокъ!“ Тутъ и Дениска навалился на борющагося, и когда послѣдній былъ покончѣнъ, они, изготовивъ петлю на веревкѣ, перекинутой черезъ сукъ, встащили его на дерево.

Ознакомившись со всѣмъ нехитростнымъ сплетеніемъ домашней жизни покойнаго Борисова, нетрудно было разъяснить ходъ преступленія, въ которомъ соучастники признались во всѣхъ подробностяхъ. Къ осени всѣ они были наказаны и сосланы.

VI

Новыя постройки.—Учитель музыки.—Молодые Зыбины. — Смерть Наташи и Николиньки Борисовыхъ. — Въ домѣ у Зыбиныхъ. — Протасовъ. — Субочевъ.— Зыбинское катанье.

При страсти отца къ постройкамъ, вся Новосельская усадьба, за исключеніемъ мастерской и кузницы, передвинулась выше въ гору и ближе къ дому. Во время же, о которомъ я говорю, около кухни подъ лѣсомъ возникла липовая баня, крытая тесомъ, расписанная зелеными и темнокрасными полосками. Такъ какъ, по случаю перестройки дома, матери съ меньшими дѣтьми пришлось перебираться во флигель, занимаемый отцомъ и моею классною, намъ съ отцомъ были поставлены кровати въ самой банѣ, а Андрею Карповичу въ передбанникѣ.

Впрочемъ, не взирая на пристройку дома, отецъ зачастую уѣзжалъ на Тимъ къ безконечному устройству дорогой пло-

тины и крупчатки. Сестрѣ Любинькѣ могло быть въ то время лѣтъ семь, и родители стали заботиться о ея музыкальномъ образованіи. Въ этомъ дѣлѣ совѣтникомъ продолжалъ быть тотъ же домашній другъ отецъ Сергій, который, будучи въ то же время хорошимъ столяромъ, держалъ фортопьяннаго мастера и не только чинилъ старыя, но и дѣлалъ новыя фортопьяна. Онъ то и прислалъ во флигель къ матери небольшіе клавикорды, говоря, что для ребенка это будетъ инструментъ вполнѣ подходящій.

Однажды послѣ обѣда во флигелѣ у матери доложили о приходѣ фортопьяннаго учителя, объявившаго себя вольноотпущеннымъ музыкантомъ князя Куракина, причемъ прибавилъ: „насчетъ жалованья не извольте безпокоиться, — что пожалуете“.

Не полагаясь на собственный судъ, мама тотчасъ отправила музыканта съ запискою во Мценскъ для испытанія къ о. Сергію, который отвѣчалъ, что посланный вполнѣ можетъ давать первоначальные уроки. Сказавши, что до пріѣзда мужа она не можетъ дать окончательнаго отвѣта, мать разрѣшила музыканту, ночуя со слугами въ передней, дождаться пріѣзда барина, ожидаемаго дня черезъ два.

На другое утро, по снятіи ставешковъ съ оконъ, въ спальнѣ стало необычайно свѣтло отъ выпавшаго въ ночь перваго зазимка. Когда матери принесли кофей, она спросила: „почему сливки поданы, вмѣсто серебрянаго съ барельефами молочника, въ фарфоровомъ?“ ей сказали какой-то пустой предлогъ. А когда она взглянула на туалетъ, то подъ зеркаломъ увидала пустую подставку безъ часовъ. Это открытіе повело къ другимъ, и оказалось, что въ буфетномъ шкафу, гдѣ хранилось все серебро, не осталось ничего. Даже графинъ съ водкой былъ пустъ, и половина ситнаго хлѣба исчезла.

— Боже мой, вспоминала мать, обращаясь къ своей горничной Пелагеѣ: „Поличка, да вѣдь я слышала надъ головою шумъ и окликала тебя, говоря: „тутъ кошка, выгони ее“. А ты проговорила: „никого нѣтъ“, — и легла снова.

— Барыня, да я не осмѣлилась пугать васъ; а я какъ встала въ потьмахъ да развела руками, а тутъ прямо кто-то мнѣ въ руки. Я подумала, что нечистая сила, да кому жь

больше и быть въ спальной, — такъ и не пикнула, а онъ у меня ерзь изъ рукъ. А пожалуй это онъ къ серебрянымъ окладамъ образовъ пробирался.

Конечно по разъясненію дѣла тотчасъ же разосланы были верховые въ разныя стороны. Часовъ въ 10 утра я, проходя по двору, увидалъ подъѣзжавшаго верхомъ со стремяннымъ и борзыми дядю Петра Неофитовича, выѣхавшаго по первой порошѣ за зайцами. — Бросившись ему навстрѣчу, я разсказалъ о случившейся бѣдѣ.

— Разослали нарочныхъ? спросилъ дядя.

— Разослали.

— Теперь надо ждать, прибавилъ дядя.—Конечно, очень непріятно, но мнѣ жаль сестру Елизавету Петровну, на которую братъ будетъ сердиться за такую неосторожность. Пойдемъ къ ней.

Покуда дядя старался по возможности успокоить мать, появился одинъ изъ верховыхъ нарочныхъ, неся въ рукахъ салфетку, завязанную большимъ узломъ. На распросы: что? какъ?—нарочный сказалъ: „пустился я изъ дому подъ гору къ Зыбинскому селу, торопя лошадь большою рысью; а самъ все посматриваю по сторонамъ, нѣтъ ли слѣдовъ; но такъ какъ снѣжокъ то должно выпалъ подъ самое утро, то и слѣдовъ никакихъ не было. У самыхъ Зыбинскихъ плетней на околицѣ наѣхалъ я на бабу; она шла съ гумна. „А что, говорю, тетка, не видала ли тутъ какого прохожаго?“—„Не видала, касатикъ, никакого, развѣ мы за ними смотримъ? А вонъ тамъ на гумнѣ какой то спитъ подъ ометомъ, и то только однѣ ноги изъ подъ соломы торчатъ“.—„А можно, тетушка, поглядѣть?“ спросилъ я бабу.—„Чего жь, ступай, гляди“. Какъ увидалъ я, что изъ соломы торчатъ рыжіе дворовые сапоги, я слѣзъ съ лошади и давай будить соннаго, раскидавши солому. Насилу дотолкался, вижу, пуртупьянщикъ и есть; я его призналъ да и говорю: „ну, братъ, куда дѣвалъ серебро? Отъ меня не уйдешь! запорю арапникомъ: ты пѣшій, а я конный“.—„Вотъ оно“, говоритъ, отрывая въ соломѣ этотъ самый узелъ;—„ведите, говоритъ, меня къ барынѣ: все цѣло, ни одной ложечки не потерялъ. А вотъ и часы, сказалъ онъ, вынувъ ихъ изъ кармана. Ночью то Пелагея меня схватила,

я и отхилился отъ нея въ полукруглую туалетную вырѣзку, притаивъ дыханье. Слышу, за спиной чикаютъ часы: кстати, молъ, думаю. Протянулъ руку, да въ карманъ".

Охотника до чужаго серебра передали въ полицію, и о судьбѣ его я болѣе не слыхалъ.

Сравнительно богатые молодые Зыбины воспитывались въ московскомъ дворянскомъ пансіонѣ и не разъ пріѣзжали въ мундирахъ съ красными воротниками и золотыми галунами къ намъ съ визитомъ, но никогда, не взирая на приглашеніе матери, не оставались обѣдать. Вѣроятно, желая казаться свѣтски развязными, они громогласно хохотали за каждымъ словомъ, чѣмъ заставили случившагося въ гостиной о. Сергія неосторожно сказать: „Per lisum multum"... (по причинѣ выпавшаго зуба онъ говорилъ lisum вмѣсто risum).

Когда о. Сергій вышелъ изъ гостиной, старшій Николай нахмурясь громко сказалъ: „попъ-то хотѣлъ удивить своей латынью; настолько то и мы понимаемъ и знаемъ конецъ поговорки: „debes cognoscere stultum"—узнаешь дурака. И кто тутъ вышелъ дуракомъ, неизвѣстно", прибавилъ онъ, захохотавъ во все горло.

Зимой того же года раздражительная, но граціозная, съ прекрасными русыми въ двѣ косы волосами, Наташа Борисова умерла отъ чахотки; а прибывшій на лѣтнюю вакацію Николинька хотя и разыгрывалъ роль взрослаго молодаго человѣка и пользовался баловствомъ Марьи Петровны и обожавшей его бабушки, тѣмъ не менѣе имѣлъ усталый видъ, и про него всѣ говорили: нездоровъ. Иногда мнѣ случалось бывать вмѣстѣ съ нимъ у молодыхъ Зыбиныхъ. Тутъ Николинька старался безъ церемоніи смѣяться надъ моимъ сравнительнымъ ребячествомъ, такъ какъ и онъ, и Зыбины не только свободно катались верхомъ, но и показно затягивались Жуковымъ, о чемъ я въ то время не смѣлъ и помышлять. Однако больному юношѣ не суждено было вернуться въ Москву. Осенью того же года онъ скончался, подобно сестрѣ своей, отъ чахотки, и погребенъ на семейномъ кладбищѣ.

На слѣдующій годъ всѣ три брата Зыбины поступили въ уланскіе полки, двое съ малиновыми, а меньшой Александръ съ голубыми отворотами на мундирахъ. Молодые юнкера въ

тонкихъ мундирахъ съ коваными эполетами не разъ появлялись въ нашей гостиной, причемъ однажды тотъ же о. Сергій назвалъ ихъ въ глаза украшеніемъ юношества.

Домъ Зыбиныхъ, во время пребыванія юнкеровъ въ отпускахъ, представлялъ постоянное оживленіе. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались ихъ родственники съ молодыми женами и дочерьми.

Говоря о домѣ Зыбиныхъ, нельзя не упомянуть двухъ ближайшихъ родственниковъ Александры Николаевны: добродушнаго и вѣчно хихикающаго роднаго ея брата Ник. Ник. Голостьянова и двоюродную ихъ сестру Анну Сергѣевну. Оба они были музыканты; Ник. Ник. игралъ на всѣхъ инструментахъ: на фортопьяно, скрипкѣ, флейтѣ, гитарѣ и кларнетѣ; а Анна Сергѣевна, кромѣ того что играла на фортопьянахъ, весьма пріятнымъ голосомъ пѣла романсы. Когда она по просьбѣ моей садилась пѣть, я съ восторгомъ слушалъ ее, заглядываясь на ея гладко причесанную миловидную головку и стараясь не глядѣть на безобразный горбъ, портившій небольшую ея фигурку.

Въ воскресенье и праздники можно было разсматривать въ церкви всевозможныя прически и красивыя платья пріѣзжихъ дамъ. А послѣ обѣда небольшія фортопьяны переносились изъ гостиной въ залу, и подъ танцы, наигрываемые Анной Сергѣевной съ аккомпаниментомъ скрипки Николая Николаевича, начинались безконечные вальсы, кадрили и котильоны. Помню, какъ вальсировала моя мать, приглашенная однажды вечеромъ Николаемъ Зыбинымъ.

Зимою во время святокъ веселье у Зыбиныхъ достигало своей вершины. Помню, какъ однажды красавцу мальчику лѣтъ 18-ти, Голостьянову, еще безбородому, выводили на антресоляхъ усы помадой съ сажею.

Въ новомъ съ иголочки синемъ армякѣ брюнетъ съ черными выразительными глазами и наведенными усами былъ дѣйствительно прелестнымъ кучеромъ.

Одинъ изъ гостей, молодой и ловкій блондинъ Даниловъ, привезъ съ собою крѣпостныхъ плясуновъ, для которыхъ выписывалъ особенные сапоги изъ Москвы, такъ какъ говорили, что у обыкновенныхъ сапогъ на тонкихъ подошвахъ

послѣднія вылетали при первомъ кругѣ, оставляя плясуна босымъ.

Дальніе и ближніе пріѣзжіе гостили по цѣлымъ недѣлямъ, и общество, особенно по утрамъ, раздѣлялось на двѣ половины: мужскую и дамскую.

Первая, сойдя съ антресолей, преимущественно держалась мужскаго кабинета и пріемной, выходившей стеклянною дверью на балконъ. Изъ той же пріемной большая дверь въ буфетъ была постоянно открыта, и тамъ желающимъ наливали водку, ромъ, хересъ и наливку. Послѣднее обстоятельство сильно помогало шумному разговору и громкому смѣху, раздававшемуся какъ въ пріемной, такъ и на балконѣ, гдѣ на столикѣ лежало большое зажигательное стекло, для желающихъ закурить на солнцѣ трубку. Помню, какъ второй Зыбинъ, Василій Дмитріевичъ, умѣвшій хорошо рисовать и писать, забавлялся посредствомъ зажигательнаго стекла выжиганіемъ вензелей на деревянныхъ колоннахъ балкона, выкрашенныхъ бѣлою краскою. Въ этой же пріемной я удостоился увидать знаменитаго мценскаго силача Протасова Василія Семеновича. Легенды о его необычайномъ ростѣ и силѣ повторялись со всѣхъ сторонъ. Такъ, разсказывали, что изъ своего имѣнія въ городъ онъ постоянно ѣздилъ на крѣпкихъ бѣговыхъ дрожкахъ, въ которыхъ запряженъ былъ саврасый меринъ.

Въ крутой и каменистой соборной мценской горѣ будетъ до ста саженей. Однажды Василій Семеновичъ, подъѣхавъ къ ней, сказалъ: „ну саврасый, ты много меня возилъ, а я тебя ни разу". Съ этими словами мценскій Милонъ взвалилъ себѣ на плечи обѣ переднія лопатки саврасаго, которому осталось только послушно переступать задними ногами. Протасовъ встащилъ лошадь вмѣстѣ съ дрожками на гору къ самому собору.

Разсказываютъ также, что въ тѣ времена, когда окрестности Мценска представляли чуть не сплошной лѣсъ, Василій Семеновичъ, возвращаясь поздно вечеромъ черезъ Сатыевскій верхъ, услыхалъ передъ собою свистъ и затѣмъ вопросъ: „слышишь?"—„Слышу", отвѣчалъ Василій Семеновичъ; и когда четыре молодца бросились къ нему, сказалъ: „не трогайте,

братцы, меня, я васъ не трогаю". Когда грабители, остановивъ лошадь, подошли къ нему, онъ, вставъ съ дрожекъ, схватилъ первыхъ подошедшихъ и засунулъ одного къ себѣ подъ мышку, а другаго въ колѣни. Когда два остальныхъ подоспѣли на выручку товарищей, онъ схватилъ и этихъ за волосы и, щелкнувъ голова объ голову, бросилъ на землю. То же самое повторилъ онъ съ защемленными въ колѣняхъ и подъ мышкой. Затѣмъ преспокойно сѣлъ на дрожки и продолжалъ путь.

Мнѣ довелось видѣть состарившагося Полифема все еще въ грозномъ, но далеко непривлекательномъ видѣ. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ подобнаго человѣка. Сѣдые подстриженные волосы торчали копромъ на его громадной головѣ; бѣлки и вѣки большихъ сѣрыхъ глазъ были воспалены, вѣроятно вслѣдствіе излишне выпитыхъ рюмокъ; громадный шарообразный животъ, поддерживаемый толстыми какъ у слона ногами, одѣтъ былъ въ поношенный коричневый суконный сюртукъ, оказывавшійся чрезмѣрно широкимъ. Поневолѣ думалось, каковъ былъ Василій Семеновичъ, когда сюртукъ былъ ему впору. Василій Семеновичъ сидѣлъ на старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, съ трудомъ въ немъ умѣщаясь. Ловкій и сильный Даниловъ подъ видомъ похвалы давалъ чувствовать старику, что время его силы невозвратно прошло.

— Что обо мнѣ говорить! сказалъ старикъ: теперь ваша взяла! бороться съ тобою я не стану, а ты вотъ поди да стань у меня между колѣнками, а я тебя ими придержу; вотъ ты, силачъ, и вырывайся руками и ногами, какъ знаешь, и если вырвешься, то будь твой верхъ; я ужь съ тобою мѣряться силой не стану.

По общей просьбѣ Даниловъ пошелъ на такое испытаніе.

Старикъ сжалъ его колѣнками; раза два рванувшись видимо съ крайними усиліями, Даниловъ сказалъ, при общемъ любопытномъ молчаніи: „пусти, дѣдушка, не только я одинъ, а если бъ насъ и трое было, и то бы не вырвались".

Когда вслѣдствіе частыхъ посѣщеній буфета, шумъ въ пріемной увеличился, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, обращавшіеся къ Протасову съ просьбой: „дѣдушка, хрюкни!" Долго старикъ отнѣкивался, но наконецъ, остановившись по-

среди комнаты, сталъ съ совершеннымъ подсвистываньемъ борова хрюкать, причемъ непонятнымъ образомъ двигалъ и вращалъ своимъ огромнымъ сферическимъ животомъ.

За этимъ представленіемъ на сцену появилось другое. Къ старичку небольшаго роста Субочеву, очевидно достаточно побывавшему въ буфетѣ, подступилъ молодой забавникъ Бѣльковъ, говоря: „вѣдь вотъ видите, какъ мы всѣ васъ уважаемъ, да и нельзя не уважать, такъ какъ вы въ 12-мъ году достославно исполнили порученіе дворянства по сдачѣ въ Москву сапоговъ для арміи. Все бы хорошо было, но одно вышло неладно“.

— Что такое? что такое? спросили многіе, какъ бы не зная въ чемъ дѣло.

— Да плохо то, что когда по отъѣздѣ нашего достопочтеннаго депутата хватились большаго колокола у Ивана Великаго, колокола на мѣстѣ не оказалось. Бросились по Серпуховской дорогѣ и догнали депутата. „Вы господинъ Субочевъ“? — „Я“. Стали обыскивать, а колоколъ то у него въ заднемъ карманѣ.

— Какъ вамъ не стыдно! восклицалъ старикъ дрожащимъ голосомъ, — вѣрить подобнымъ наговорамъ! Возможно ли подозрѣвать честнаго дворянина въ воровствѣ!

Ко всѣмъ Зыбинскимъ забавамъ слѣдуетъ присовокупить ихъ 5-ти верстное катанье по льду до Мценска. Самому мнѣ съ Андреемъ Карповичемъ приходилось не разъ кататься на одиночкѣ или парой въ городъ съ кучеромъ Никифоромъ, который, проѣзжая мимо гауптвахты, часто раскланивался съ кѣмъ то, стоявшимъ за сошками въ грязномъ овчинномъ полушубкѣ. На вопросъ—„кто это?“ Никифоръ отвѣчалъ: „да это Борисъ Антоновичъ Овсяниковъ, бывшій папашинъ секретарь, что теперь подъ судомъ“.

При нашихъ поѣздкахъ во Мценскъ, намъ неоднократно попадалась тройка отличныхъ бурыхъ лошадей, мчавшихъ во весь духъ широкія сани, за которыми иногда, сильно отставая, скакали другія сани. Тройку бурыхъ, которыхъ съ трудомъ удерживалъ правившій по ямски въ стойку кучеръ, Зыбины называли „Зарѣзами“. Эту тройку нерѣдко можно было видѣть во Мценскѣ передъ виннымъ погребомъ Шарапова.

Распивая заморскія вина, господа не забывали подносить водки и кучеру для смѣлости. Такимъ образомъ въ веселіи сѣдоковъ, уносимыхъ „Зарѣзами", сомнѣваться было невозможно.

Въ нашей скромной семьѣ, состоявшей, за частыми отлучками отца, изъ матери и дѣтей, не было никакого мужскаго господскаго элемента, и потому наши затрапезныя сѣнныя дѣвушки сидѣли, какъ мы ихъ видѣли, наверху за работой. Но у Зыбиныхъ, гдѣ домъ былъ раздѣленъ продольнымъ корридоромъ на двѣ половины, горничныя, поневолѣ поминутно встрѣчаясь съ мужскимъ поломъ, щеголяли самыми изысканными прическами и нарядами.

VII

Мои поѣздки на Ядрино къ дядѣ Петру Неофитовичу. — Его птичникъ. — Именины дяди. — У дяди Ивана Неофитовича. — Смоленскіе дворяне. — Тетенька Семенковичъ.—Тетенька Любовь Неофитовна.—Ея сынъ.

Въ праздничные дни для меня большимъ наслажденіемъ было ѣздить къ дядѣ Петру Неофитовичу на его Ядрино, въ которомъ онъ въ небольшомъ, но удобномъ домѣ проживалъ зажиточнымъ холостякомъ, ружейнымъ и псовымъ охотникомъ. Стрѣлки и доѣзжачіе составляли его многочисленную и внимательную прислугу. Будучи отъ природы добродушнымъ человѣкомъ, дядя былъ любимъ домашними, которые знали, что не надо только его раздражать, такъ какъ вспыльчивый, онъ могъ оборвать человѣка сразу, хотя остывалъ въ скоромъ времени. При немъ нерѣдко проживали ближайшіе мелкопомѣстные дворяне, составлявшіе ему партію на билліардѣ или въ бостонъ.

Свѣтлый и высокій домъ, обращенный переднимъ фасадомъ на широкій дворъ, а заднимъ въ прекрасный плодовый садъ, примыкавшій къ рощѣ, снабженъ былъ продольнымъ корридоромъ и двумя каменными крыльцами по концамъ. Около лѣваго крыльца была устроена въ уровень съ верхней пло-

щадкой большая каменная платформа, набитая землею. Въ эту землю посажены были разнородные деревья и кустарники, образовавшіе такимъ образомъ небольшую рощу. Все это пространство было обнесено легкою оградой и обтянуто проволочной сѣткой и представляло большой птичникъ. Тамъ въ углу сѣялась и рожь. По деревьямъ развѣшены были скворечники, наваливался хворостъ. Такимъ образомъ, въ этомъ птичьемъ ковчегѣ проживали попарно и плодились, за исключеніемъ хищныхъ, всевозможныя птицы, начиная отъ перепелокъ и жаворонковъ до соловьевъ, скворцовъ и дроздовъ.

Дядя обычно былъ ко мнѣ внимателенъ и любилъ слушать мое восторженное чтеніе стиховъ. Тѣмъ не менѣе я сильно побаивался, чтобы онъ, хорошо знакомый со всеобщей исторіей, не задалъ мнѣ какого либо историческаго вопроса. Я уже не разъ говорилъ о слабости моей памяти внѣ стихотворныхъ предѣловъ, но если бы я обладалъ и первоклассною памятью, то ничему бы не могъ научиться при способѣ обученія, про которое можно сказать только стихомъ изъ Энеиды:

„Несказанную скорбь обновлять мнѣ велишь ты, царица“.

Всѣ эти поверхностныя облегченія не только мѣшаютъ знать дѣло въ настоящемъ, но приносятъ съ собою убожество и будущему обученію. Такъ, знакомившись съ греческимъ алфавитомъ по соображенію съ русскимъ, въ которомъ не оказывается буквы *кси,* я по сей день, ища въ лексиконѣ, затрудняюсь отыскивать мѣсто этого бѣглеца.

О Петровомъ днѣ, именинахъ дяди, въ Новоселкахъ знали заранѣе. Такъ какъ гостей на Ядринѣ ожидалось преимущественно изъ холостыхъ окрестныхъ помѣщиковъ на два или на три дня, то къ нашей Новосельской кладовой надъ ледникомъ пріѣзжало нѣсколько исправныхъ телѣгъ на барскихъ лошадяхъ за перинами, подушками, вареньями, соленьями и наливками. Къ этому же дню, въ ожиданіи пріѣзда матери нашей въ желтой каретѣ шестерикомъ, за два дня выгонялись крестьяне справлять довольно крутой и длинный спускъ по лѣсной дорогѣ къ рѣчкѣ Ядринкѣ, за которою тотчасъ дорога подымалась по отлогому взлобку къ воротамъ усадьбы. Въ этотъ день дядя, державшій вообще прекрасный столъ, не

щадилъ никакихъ издержекъ, чтобы угостить на славу, и мать являлась за столомъ на Ядринѣ такою же хозяйкой, какой была и въ Новоселкахъ. Вечеромъ вся мужская компанія усаживалась за карты, а мы въ той же желтой каретѣ возвращались домой.

Именинныя поѣздки не ограничивались однимъ Ядринымъ, и разъ въ годъ родители наши считали необходимымъ съѣздить съ одной стороны за 15 верстъ въ родовое наше гнѣздо „Добрую Воду“ къ дядѣ Ивану Неофитовичу, а оттуда еще верстъ на 20 ближе къ Орлу къ теткѣ моей Аннѣ Неофитовнѣ Семенковичъ; а съ другой стороны въ совершенно иномъ направленіи верстъ за 70, въ Болховской уѣздъ, къ теткѣ Любви Неофитовнѣ Шеншиной. Справедливость требуетъ сказать, что поѣздки эти совершались вовсе не изъ родственной нѣжности, а ради пристойности, про которую отецъ говаривалъ, что это небольшой звѣрокъ, который однако очень больно кусается.

Хотя, при помощи развивавшейся съ годами наблюдательности, я буду подробнѣе говорить ниже о дядюшкѣ Иванѣ Неофитовичѣ и тетушкѣ Варварѣ Ивановнѣ, но никакая наблюдательность не поможетъ мнѣ произвести окончательный надъ нимъ судъ. Мнѣ кажется, что наиболѣе вѣрно охарактеризовалъ его мой отецъ, говоря нерѣдко: „братъ Иванъ Неофитовичъ колпакъ“. Не смотря на природное добродушіе, онъ, назначенный опекуномъ нѣкоего Бибикова, допустилъ совершенное разореніе имѣнія, но зато всю жизнь держалъ Бибикова въ своемъ домѣ и одѣвалъ его и кормилъ со стола; но такъ какъ самъ былъ совершенно равнодушенъ къ гастрономіи, то обыкновенно складывалъ въ одну или двѣ тарелки весь обѣдъ, суя въ супъ котлетки, зеленый соусъ, жареное, а пожалуй и пирожное. Такъ какъ многочисленная прислуга въ лакейскихъ только за какихъ нибудь 40, 50 лѣтъ ушла отъ лаптей, а слова: „малый, дай огня, да льду, позови старосту“, раздавались поминутно, то понятно, что, изъ опасенія наноса въ хоромы налипнувшей грязи, въ большинствѣ переднихъ была наложена салома для обтиранія ногъ.

Тетушку Варвару Ивановну можно было всегда застать въ ея кабинетѣ румяною, расчесанною, расфранченною и

сильно раздушенною. а дядю въ его кабинетѣ читающимъ Journal des Debats.

Когда тетушка пускалась въ какія либо объясненія, она говорила весьма стремительно и неудержимо, причемъ не переставала заявлять, что всѣ дѣла по имѣніямъ и долгамъ ведетъ она, такъ какъ „Фанъ Фидичъ“ ничего не хочетъ дѣлать. Въ потокѣ ея рѣчей сторонній человѣкъ слышалъ только непрестанные взрывы „Фанъ Фидичъ“, „Фанъ Фидичъ“, какъ она называла мужа. Когда она съ этимъ обращалась къ моему отцу. то я удивлялся, какъ не замѣчаетъ она ироніи, съ которою онъ смотрѣлъ на нее своими голубыми глазами. Но затѣмъ наединѣ съ нами отецъ не забывалъ сказать: „братъ—колпакъ“.

Однажды по приказанію отца я поѣхалъ одинъ на „Добрую Воду“. Въ гостиной на диванѣ рядомъ съ дядею засталъ пожилаго мужика въ худыхъ лаптяхъ и порванномъ кафтанѣ.

— А, mon cher! воскликнулъ дядюшка, пряча отъ меня за спину руку, и подставляя на поцѣлуй жидкую бакенбарду: это у насъ Андрей; онъ иногда по праздникамъ заходитъ къ намъ съ деревни.

Въ тѣ времена посѣщенія подобныхъ Божіихъ людей были не рѣдкость. Бывали въ то время посѣтители и другаго не менѣе жалкаго рода. Не надо забывать, что это было какихъ либо двадцать пять лѣтъ спустя послѣ нашествія Наполеона. Помню, какъ не разъ на дворѣ усадьбы останавливались двѣ или три рогожныя кибитки, запряженныя въ одиночку, и Павелъ буфетчикъ, подавая сложенныя бумаги, заикаясь докладывалъ матери: „сударыня, смоленскіе дворяне пріѣхали“.

— Проси въ столовую, былъ отвѣтъ. И минутъ черезъ десять дѣйствительно въ дверь входило нѣсколько мужчинъ, различныхъ лѣтъ и роста, въ большинствѣ случаевъ одѣтыхъ въ синіе съ мѣдными пуговицами фраки и желтые нанковые штаны и жилетки; притомъ всѣ, не исключая и дамъ, въ лаптяхъ.

— Потрудитесь, сударыня, говорилъ обыкновенно старшій, взглянуть на выданное намъ предводителемъ свидѣтельство. Усадьба наша сожжена, крестьяне разбѣжались и тоже въ конецъ разорены. Не только взяться не за что, но и приходится просить подаянія.

Черезъ часъ, въ теченіи котораго гости, разсѣвшись по стульямъ, иногда разсказывали о перенесенныхъ бѣдствіяхъ, появлялось все, чѣмъ наскоро можно было накормить до десяти и болѣе голодныхъ людей. А затѣмъ мать, принимая на себя отвѣтственность въ расточительности, посылала къ прикащику Никифору Ѳедорову за пятью рублями и передавала ихъ посѣтителямъ.

Къ тетенькѣ Семенковичъ мы ѣздили въ ея небольшое имѣніе подъ Орломъ довольно рѣдко; но зато по причинѣ значительнаго разстоянія въ ночевку. Этотъ небогатый помѣщичій домъ могъ служить образцомъ неизмѣняемости и постоянства, вызвавшихъ вѣроятно пословицу: „у барина животъ тонокъ да дологъ".

Тетушку я постоянно помню въ одномъ и томъ же платьѣ и чепцѣ, а единственнаго слугу Павла въ томъ же темносѣромъ сюртучкѣ, дома на Оптухѣ и у насъ въ Новоселкахъ, когда онъ на облучкѣ брички пріѣзжалъ къ намъ. Слѣдомъ за бричкой ѣхала зеленая телѣжка парой, и въ ней сидѣли два молодыхъ Семенковича, Николай и Александръ, столь притѣснительные для меня своей каллиграфіей и ученостью, какъ это мнѣ старались внушить. Конечно старшіе меня лѣтами, полуюноши смотрѣли на меня нѣсколько свысока. Впрочемъ, я долженъ отдать справедливость тетушкѣ Аннѣ Неофитовнѣ въ томъ, что ни при жизни мужа, ни овдовѣвъ, она никогда не придиралась ко мнѣ съ экзаменами, чего никакъ не могу сказать о тетушкѣ Любви Неофитовнѣ, ежегодно пріѣзжавшей въ Новоселки въ неизмѣнной желтой шали крестить дѣтей. Она привозила съ собою изъ за Болхова и единственнаго своего сына Капитона, котораго не оставляла въ покоѣ, ежеминутно восклицая: „Capiche, venez ici". Но Capiche. мало обращавшій вниманія на эти возгласы, закинувъ кверху голову, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подкидывалъ заложенными за спину руками короткія фалдочки полуфрачка съ такою увѣренностью, какъ бы это былъ настоящій фракъ. Я очень радовался, что мать такъ меня не муштруетъ, но сильно завидовалъ, что на мнѣ не полуфрачекъ, а куцая куртка.

VIII

Прасковья и Сергѣй Мартыновичъ. — Ястребиная охота. — Охота на перепелокъ и утокъ.—Ярмарка. — Дядя даритъ мнѣ ружье. — Рожденіе сестры Надиньки. – Заяцъ.—Н. П. Новосильцовъ.—Андрей Карповичъ поступаетъ учителемъ въ Ливны.—Учитель Петръ Ивановичъ.—Уроки о. Сергія.—Рожденіе брата Петруши.

Между тѣмъ домъ былъ передѣланъ и пристроенъ. Большая передняя съ буфетомъ была присоединена къ столовой, а мѣсто для буфета было отгорожено неподвижными стрѣльчатыми ширмами.

Моя бывшая сказочница Прасковья вышла замужъ за старшаго повара Сергѣя Яковлева и была приставлена къ буфету въ огражденіе хрусталя и фаянса отъ безпощаднаго крушенія многочисленной прислугой.

Хотя Прасковья за это время успѣла замѣтно постарѣть, но видимо не забывала своихъ проказъ. Жертвою ея шутокъ сдѣлался Сергѣй Мартыновичъ, который почему-то сильно брезговалъ ея руками; этого было достаточно, для того чтобы Прасковья нежданно проводила у него рукою по лицу сверху внизъ. Тогда Сергѣй Мартыновичъ отплевывался и восклицалъ: „тьфу ты мерзость какая! Прасковь! я тебѣ говорю, ты не смѣй! а то я тебѣ, надобно сказать, такую пыль задамъ! ты, надобно сказать, самая паскудная женщина!“

За этимъ нерѣдко въ совершенномъ безмолвіи слѣдовалъ новый мазокъ по лицу.

— Самая, надобно сказать, паскудная женщина!

Сергѣй Мартыновичъ, подобно буфетчику Павлу Тимоѳеевичу, былъ страстный ружейный охотникъ, а Павелъ Тимоѳеевъ, кромѣ охоты на порошу за зайцами съ барскимъ ружьемъ, былъ облеченъ наравнѣ съ Тихономъ садовникомъ и оффиціальной должностью ястребятника. Такъ какъ охота эта представляла и матеріальную выгоду, то отецъ обращалъ на нее особое вниманіе.

Онъ разспрашивалъ: не замѣтили ли надъ усадьбой и садомъ хорошаго ястреба? и если есть, то надо бы его пой-

мать. Съ послѣдней цѣлью на огородѣ устраивалась вышка, на которой по двумъ отвѣснымъ стойкамъ, связаннымъ вверху перекладиной, легко двигалась четвероугольная рамка съ привязанною на ней въ видѣ колпака сѣткой. Вся эта рамка за верхушку колпака приподымалась къ серединѣ перекладины и держалась на настороженномъ съ помощью зубчатой дощечки клинушкѣ. Отъ этой дощечки были пропущены къ низу нитки, прикрѣпленныя къ тонкому обручу, висящему на воздухѣ, вокругъ поставленной съ живыми воробьями клѣтки. Конечно, при малѣйшемъ прикосновеніи къ обручу, зубчатая дощечка (сторожекъ) соскакивала съ клинушка, и мягкая сѣть падала, накрывая тронувшаго обручъ. Такое приспособленіе снаряда, называвшагося „кутнею", было окончательнымъ, предварительно же верхняя сѣть прочно укрѣплялась, и воробьи подъ сѣтью клѣтки выставлялись на жертву хищныхъ птицъ. Когда ястребъ насмѣливался летать подъ кутню, что бывало въ опредѣленные часы дня, то, подстороживъ кутню, ждали, когда онъ попадется. Тутъ его бережно вынимали и тотчасъ же пеленали, чтобы, махая крыльями, онъ не испортилъ перьевъ. Правда, въ случаѣ перелома пера, Павелъ Тимоѳеевичъ обрѣзалъ послѣднее по самую дудку, въ которую съ клеемъ вставлялъ утиное; но этого онъ избѣгалъ, потому что въ осеннюю пору въ дождливое время клей размокалъ, утиное перо вываливалось, и полетъ ястреба терялъ свою рѣзкость. Пока ястребъ находился въ пеленкахъ, на ноги ему надѣвались самые легкіе и въ то же время прочные опутенки (путы) изъ конскаго волоса, и къ хвосту или къ ногѣ привязывался крошечный бубенчикъ, дающій знать охотнику о мѣстѣ, на которомъ ястребъ щиплетъ пойманнаго имъ перепела. Конечно, развязанный ястребъ рвался улетѣть съ правой руки охотника, которую тотъ въ перчаткѣ подставлялъ ему, придерживая птицу за опутенки. Но вотъ истомленный напрасными усиліями ястребъ усаживался наконецъ на перчаткѣ. Онъ еще вполнѣ дикая птица, чуждающаяся человѣка, что видно по его бѣлымъ перьямъ, пушащимся изъ подъ верхнихъ пепельнаго цвѣта. Только когда ястребъ, переставая ерошиться, изъ бѣло-сѣраго превратится въ сѣраго, онъ станетъ ручнымъ и не будетъ болѣе такъ дичиться. Достигнуть

этого можно единственно не давая ему заснуть; ибо выспавшись, онъ снова начинаетъ дичиться; поэтому необходимо проходить съ нимъ иногда трое сутокъ, передавая его, и то на короткое время, другому умѣлому охотнику. Изнемогающій отъ безсонницы ястребъ дозволяетъ себя трогать и гладить и окончательно убираетъ бѣлыя перья. Хорошихъ испытанныхъ ястребовъ Павелъ Тимоѳеевичъ и Тихонъ оставляли на зиму въ большихъ деревянныхъ клѣткахъ. Такой перезимовавшій ястребъ цѣнился болѣе вновь пойманнаго или купленнаго и назывался „мытчимъ“, т. е перелинявшимъ. Иногда ястребъ бывалъ двухъ и трехъ мытовъ. Когда ястребъ становился ручнымъ, нетрудно было голодомъ пріучить его летать кормиться на руку.

Перепеловъ въ нашихъ мѣстахъ была такая бездна, что ястребятники, отправлявшіеся каждый на лошади верхомъ съ лягавою собакой и ястребомъ, приносили вечеромъ матери на подносѣ каждый отъ тридцати до пятидесяти штукъ. Перепелокъ этихъ, слегка просоливъ, клали въ боченки съ коровьимъ масломъ и малосольныя онѣ сохранялись цѣлый годъ.

Однажды въ воскресенье, во время поспѣванія ржи, Павелъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ на лугъ ловить выслушаннаго имъ замѣчательнаго перепела. Конечно, я пошелъ съ величайшей радостью. Прислушавшись въ лугу къ хриплому вавакаnью интересовавшаго его перепела, Павелъ разостлалъ легкую сѣть по колосьямъ высокой ржи, а затѣмъ самъ полѣзъ подъ сѣть и залегъ, приглашая и меня послѣдовать его примѣру. Какъ только перепелъ начиналъ вдали вавакать, Павелъ перебивалъ его трюканьемъ кожаной дудки. Минутъ черезъ пять хрипъ и „спать пора“ перепела раздавались снова, но на гораздо ближайшемъ разстояніи.

— Лежите смирно, шепнулъ Павелъ Тимоѳеевичъ: хоть бы онъ совсѣмъ къ лицу подошелъ.

Дѣйствительно, я услыхалъ громкое ваваканье чуть не около самой головы своей, но въ это время Павелъ вскочилъ и бросился съ порывистымъ шиканьемъ впередъ, заставившимъ меня невольно вздрогнуть. Перепелъ вспорхнулъ и запутался въ слабо раскинутой сѣти.

Неудивительно, что будучи отъ природы страстнымъ пти-

целовомъ, я по воскресеньямъ отпрашивался у матери сопровождать Сергѣя Мартыновича на Лыковскія болота, отстоявшія отъ Новоселокъ верстъ на пять. Сергѣй Мартыновичъ отправлялся туда съ тяжеловѣснымъ одноствольнымъ ружьемъ, а я съ одною пестрою палочкой. Правда, безъ собаки Сергѣю Мартыновичу рѣдко доводилось захватить на чистомъ мѣстѣ неосторожнаго селезня или куличка. Но за то какое утро! какая въ лугу по плечи трава и освѣжительная роса! На обратномъ пути измоченное платье высыхало, и если намъ попадалась утка, куликъ или коростель, то я съ восторгомъ приносилъ ихъ матери.

Хотя бы я менѣе всѣхъ рѣшался испрашивать отцовскаго позволенія ѣздить верхомъ, тѣмъ не менѣе мнѣ иногда удавалось выпрашивать у матери позволеніе прокатиться по близости верхомъ на смирномъ пѣгомъ меринѣ въ сопровожденіи молодаго кучера Тимоѳея, который на этотъ конецъ разыскалъ на верху каретнаго сарая небольшое исправное венгерское сѣдло. На этихъ поѣздкахъ мы съ Тимоѳеемъ старались держаться степныхъ и лѣсныхъ долинъ для избѣжанія огласки.

Однажды явившаяся къ намъ Вѣра Алексѣевна, разливаясь въ похвалахъ своему церковному празднику, стала подзывать на него и мать, говоря: „вы бы, матушка, пожаловали къ намъ въ будущую пятницу на Казанскую. Она, матушка, у насъ милостивая, и народу на ярмаркѣ и крестьянъ, и однодворцевъ видимо-невидимо; и товару по палаткамъ всякаго довольно“.

Конечно мать осталась равнодушна къ прелестямъ ярмарки, зато я положилъ непремѣнно отпроситься въ этотъ день верхомъ.

— Хорошо, сказала мать, поѣзжай, но ни въ какомъ случаѣ не ѣзди на ярмарку; только подъ этимъ условіемъ я разрѣшаю тебѣ.

Помню, что мы съ Тимоѳеемъ берегомъ Зуши незамѣтно добрались до самаго Подбѣлевца, первоначально безъ намѣренія заѣзжать на ярмарку; но тутъ не столько желаніе увидать ярмарку, сколько соблазнъ проскользнуть верхомъ мимо многочисленной и пестрой толпы, заставилъ меня забыть за-

прещеніе матери. Да и кто же меня увидитъ? Если есть знакомые помѣщики, то они въ церкви, а прошмыгнувъ по краю ярмарки, мы тотчасъ пронесемся черезъ бугоръ и проселокъ и скатимся въ Дюковъ лѣсной верхъ, гдѣ до самаго дома будемъ скрыты отъ нескромныхъ взоровъ. Сказано—сдѣлано. Но каковъ былъ мой испугъ, когда, проносясь черезъ проселокъ, я какъ разъ пересѣкъ дорогу во всю рысь подъѣзжавшей коляскѣ тройкой по направленію къ Новоселкамъ. Сворачивать въ сторону значило бы возбуждать подозрѣніе въ незаконности моего появленія. Оставалось, скрѣпя сердце, пропустить передъ собою коляску, изъ подъ верха которой любезно кланялись мнѣ А. Н. Зыбина и В. А. Борисова. Я почтительно снялъ картузъ и раскланялся.

Черезъ четверть часа Тимоѳей повелъ лошадей на конный дворъ, а я отправился въ домъ; у крыльца котораго не безъ душевнаго трепета замѣтилъ Зыбинскую коляску. Не успѣлъ я поцѣловать ручки дамъ, какъ Зыбина воскликнула, обращаясь къ матери: „какой онъ у васъ молодецъ! мы полюбовались, какъ онъ во весь духъ несется съ ярмарки“.

— Не откушаете ли вы съ нами? сказала мать гостямъ.

— Нѣтъ, насъ ожидаютъ дома, отвѣчала Зыбина, вставая и направляясь къ коляскѣ.

Проводивши гостей, мать вернулась въ гостиную и сказавъ: „такъ ты, мерзкій мальчишка, не исполнилъ моего приказанія и рѣшился обмануть мать!“—ударила меня по щекѣ.

Добрая мать никогда ни на кого не подымала руки, но на этотъ разъ явный обманъ со стороны мальчика вывелъ ее изъ себя.

Однажды, когда, играя съ дядею у него на Ядринѣ на билліардѣ, я проболтался, что, раздобывшись небольшимъ количествомъ пороху, я изъ разысканнаго въ гардеробномъ чуланѣ пистолета пробовалъ стрѣлять воробьевъ, дядя приказалъ принести маленькое двуствольное ружье и подарилъ мнѣ его, къ величайшему моему восторгу; но такъ какъ ружье было кремневое, то я помню, какъ нѣсколько дней спустя, я цѣлый вечеръ до совершенной темноты стрѣлялъ на рѣкѣ въ нырка, который при первомъ щелканьи замка былъ уже подъ водою, тщетно осыпаемый запоздалою дробью.

Ежегодно у насъ праздновался 5 сентября день именинъ матери, и одинъ изъ этихъ дней навсегда остался мнѣ памятнымъ по двумъ причинамъ. Въ домѣ у насъ съ мѣсяцъ уже проживала старушка акушерка съ воспитанникомъ Пашей, служанкой Нюшкой и гувернеромъ французомъ Деверетомъ.

Когда утромъ я изъ столовой шелъ во флигель вслѣдъ за отцомъ, и послѣднiй по обычаю, напившись чаю въ красномъ узорчатомъ шлафрокѣ, подошелъ уже къ крыльцу флигеля, его догнала буфетчица Прасковья и сказала: „Аѳанасiй Неофитовичъ, смѣемъ поздравить васъ, Елизаветѣ Петровнѣ Богъ послалъ младенца“.

— Что тамъ? спросилъ, сдвигая брови, отецъ.

— Дочка, отвѣчала Прасковья.

— Любовь и Анна есть, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и къ Андрею Карповичу; — пускай же эта будетъ Надежда. Право, стоило бы Анну переименовать въ Вѣру.

Часа черезъ два въ новой коляскѣ на четверкѣ бурыхъ съ форейторомъ подъѣхалъ дядя Петръ Неофитовичъ поздравить именинницу.

— Кстати я привезъ заячьи почки, сказалъ дядя: прикажи ихъ достать изъ коляски, а другiя лежатъ въ полѣ. Я подозрилъ русака недалече отъ дороги, какъ разъ противъ Зыбинскаго лѣснаго оврага. Пошли за нимъ Павлушку съ ружьемъ. А знаешь ли, прибавилъ онъ,—вмѣсто Павлушки, пока коляску еще не отложили, возьмемъ ружья и поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ съ тобою!

— Въ самой вещи такъ, сказалъ отецъ и приказалъ Сергѣю Мартыновичу зарядить двѣ одностволки. (Двуствольныхъ у насъ не было).

Я бросился за Сергѣемъ Мартыновичемъ къ отцовскому шкапу, гдѣ ему было приказано достать снаряды.

— Голубчикъ, Сергѣй Мартыновичъ, зарядите и мою двустволку, попросилъ я, и когда ружья были заряжены, а коляска подана, я, обращаясь къ отцу, сказалъ: „позвольте и мнѣ съ вами“.

— Да тебѣ мѣста не будетъ, отвѣчалъ отецъ.

— Мы съ Сергѣемъ Мартыновичемъ встанемъ на запятки.

Когда старшіе усѣлись, я, схвативъ припасенную за дверью двустволку, быстро вскочилъ съ Сергѣемъ Мартыновичемъ на запятки. Какъ ни смотрѣлъ я вправо съ дороги, когда мы поравнялись съ Зыбинскимъ оврагомъ, я ничего не видалъ.

— Да быть можетъ онъ уже вскочилъ? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ дядя: вонъ онъ. Надо только проѣхать немного подальше и не идти на него прямо, а дугою.

Устремивъ глаза на одну точку, импровизованные охотники и не замѣтили, что и я за ними иду съ ружьемъ.

— Ну довольно, шепталъ дядя: тутъ до него не болѣе сорока шаговъ. Ты, братъ, стрѣляй лежачаго, а я, если побѣжитъ. стану добивать.

Долго цѣлился отецъ, но когда грянулъ выстрѣлъ, я впервые увидалъ вскочившаго и побѣжавшаго зайца. Грянулъ другой выстрѣлъ дяди, придавшій зайцу только быстроты. „Большіе охотники, подумалъ я, дали по промаху; отчего же и мнѣ не выпустить попусту снаряда?“ Я прицѣлился и выстрѣлилъ, и заяцъ мгновенно покатился черезъ голову.

— Браво! воскликнулъ дядя: будешь хорошій артиллеристъ.

Напрасно сталъ бы я описывать свою гордость и радость, удвоенную тѣмъ, что фактическое разрѣшеніе стрѣлять было мнѣ дано, такъ какъ отецъ ничего не сказалъ.

Выше я говорилъ о красивомъ и вдовомъ сосѣдѣ адъютантѣ московскаго генералъ-губернатора П. П. Новосильцовѣ, но приходится сказать нѣсколько и о старшемъ братѣ его Николаѣ Петровичѣ, товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ, бывшемъ въ милости при дворѣ. Такъ какъ отецъ нашъ пользовался славою замѣчательнаго сельскаго хозяина, то пріѣхавшій на лѣто въ деревню Н. П. Новосильцовъ явился въ Новоселки, прося совѣтовъ отца, которому жаловался на малодоходность своихъ превосходныхъ имѣній. Очевидно, такая просьба была по душѣ отцу, и онъ обѣщалъ по сосѣдству наблюдать за имѣніями Новосильцова.

Въ послѣднее время Андрей Карповичъ сильно задался мыслью выйти изъ духовнаго званія и занять штатное мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ. Мысль носить шпагу и треугольную шляпу приводила его въ восхищеніе.

— Ты, Мартынычъ, ко мнѣ тогда въ гости приходи, повторялъ Андрей Карповичъ: ты придешь, а я тебя шпагой! Ты придешь, а я тебя шпагой! Шпагой тебя!

По однообразію и безцвѣтности, послѣдніе годы моего пребыванія въ деревнѣ какъ-то смутно рисуются въ моемъ воспоминаніи. Андрей Карповичъ, получившій дѣйствительно мѣсто учителя въ Ливенскомъ училищѣ, отошелъ, а у меня нѣкоторое время пробылъ новый учитель, семинаристъ Петръ Ивановичъ, но и тотъ ненадолго. Исключившись изъ духовнаго званія, онъ поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію.

Два раза въ недѣлю стали посылать телѣжку во Мценскъ за о. Сергіемъ, который не столько являлся въ качествѣ моего репетитора, сколько въ качествѣ законоучителя 8-ми или 9-ти лѣтней сестры моей Любиньки. Уроки ихъ въ классной мало меня занимали. Помню только, какъ однажды на изреченіе о. Сергія: „природа человѣческая наклонна ко злу“,—Любинька любопытно спросила: „а праведные будутъ овечки?“

За какой либо годъ до моего отъѣзда изъ дому, родился меньшой нашъ братъ Петруша, котораго дѣвичья прозвала „поскребышкомъ“, и кормилицею къ нему поступила знакомая мнѣ полновѣсная кормилица сестры Анюты, которую я когда-то дразнилъ „Кордовой“.

IX

Отъѣздъ изъ Новоселокъ.—Во Мценскѣ у дяди Петра Неофитовича.—Пріѣздъ въ Москву. - У П. П. Новосильцова.—Свиданіе съ Петромъ Ивановичемъ.—Дорога въ Петербургъ. — Въ Петербургѣ. — Ловля голубей. — Свиданіе съ Н. П. Новосильцовымъ.

Мнѣ было уже лѣтъ 14, когда около Новаго года отецъ рѣшительно объявилъ, что повезетъ меня и Любиньку въ Петербургъ учиться. Приготовлены были двѣ кожаныхъ кибитки съ фартуками и круглыми стеклянными по бокамъ окошечками, и какъ бы вродѣ репетиціи отецъ повезъ насъ съ сестрою на „Добрую воду“, на Оптуху къ Семенковичамъ и наконецъ, главнымъ образомъ, въ Орелъ проститься съ дѣдушкой. Нервная мать все время не могла удержаться отъ слезъ, но это видимо только раздражало отца, и онъ повторялъ: „нѣтъ, нѣтъ, это не моя метода; такъ-то, говорятъ, обезьяны обнимаютъ дѣтей, да и задушатъ. Дѣти не игрушки; по моему, поѣзжай хоть въ Америку, да будь счастливъ“.

Конечно, все дѣлалось по совѣщанію съ дядей Петромъ Неофитовичемъ, и я даже подозрѣваю, съ его матеріальной помощью. Домашній портной Антонъ не только смастерилъ мнѣ фрачную пару изъ старой отцовской, но сшилъ и новый синій сюртукъ, спускавшійся мнѣ чуть не до пятъ. Дядя подарилъ мнѣ плоскіе серебряные часы съ золоченымъ ободкомъ и 300 рублей ассигнаціями денегъ.

Наконецъ, въ переднюю кибитку по возможности нагруженную, подобно задней, всякимъ добромъ, преимущественно конфектами въ подарки, сѣли мы съ отцомъ, а во второй слѣдовала нянька съ Любинькой, а на облучкахъ ѣхали: Илья Аѳанасьевичъ и дорожный поваръ Аѳанасій, мой бывшій учитель.

Дѣти, если это возможно, еще большіе эгоисты, чѣмъ взрослые, и прощаясь съ матерью, я, гордый предстоящей, какъ я думалъ, свободой, не понималъ, съ какою материнскою нѣжностью разлучаюсь.

Незадолго до нашего отъѣзда, годовой братъ Петруша

сильно заболѣлъ, и я какъ теперь помню на рукахъ кормилицы выздоравливающаго изнеможеннаго ребенка, едва держащаго голову на исхудалой шеѣ.

Дядя Петръ Неофитовичъ, соскучась зимою въ деревнѣ, купилъ себѣ во Мценскѣ небольшой домикъ, состоявшій изъ передней, порядочной столовой и спальной. У него почти ежедневно обѣдали и по вечерамъ играли въ карты артиллерійскіе офицеры, и онъ говорилъ шутя: „я выставлю надъ крыльцомъ надпись: „клубъ для благородныхъ людей“.

Вотъ къ этому-то дому и подъѣхали наши кибитки по пути въ Москву, и передъ наступленіемъ сумерковъ привели ямскихъ лошадей.

— Илюшка, сказалъ Ильѣ Аѳанасьевичу на прощанье дядя: вотъ тебѣ по цѣлковому вашимъ ямщикамъ, если они птицей пролетятъ первую станцію. Такъ и скажи имъ.

Къ сожалѣнію, мы попали въ такіе ухабы и развалы, при которыхъ о птичьемъ полетѣ нечего было и думать. Вѣроятно, избѣгая еще худшей дороги, мы поѣхали не на Тулу, а на Калугу, и это единственный разъ въ жизни, что мнѣ удалось побывать въ этомъ городѣ, въ которомъ помню только громадное количество голубей, да надпись на окнѣ постоялаго двора: „мы пріѣхали въ Калугу къ любезному другу“.

Въ Москвѣ, остановившись въ гостинницѣ Шевалдышева, на нижнемъ концѣ Тверской, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ домъ нашего деревенскаго сосѣда, генералъ-губернаторскаго адъютанта П. П. Новосильцова, въ его собственный домъ у Харитонія въ Огородникахъ. Тамъ я въ первый разъ познакомился съ 6-ти лѣтнимъ сыномъ Новосильцова Ваничкой, бѣгавшимъ въ красной шелоновой рубашкѣ съ золотымъ прозументомъ на воротѣ. Не взирая на малыя лѣта ребенка, я уже засталъ при немъ молодаго рыжеватаго наставника нѣмца Фелькеля; а Любинька познакомилась со старшей сестрою Ванички Катенькой (впослѣдствіи княгиней Вяземской). Всѣмъ домомъ свѣтскаго красавца Новосильцова завѣдывала небогатая родственница, къ которой дѣти, рано лишившіяся матери, привязались на всю жизнь, и называли ее: Агрипинъ.

— Если вы хотите послушать моего совѣта, говорилъ за

обѣдомъ Петръ Петровичъ, то не останавливайтесь съ дѣтьми въ Москвѣ; тутъ вамъ ихъ помѣстить некуда. И вы, такъ же какъ и я, не располагаете отдать сына въ кадетскій корпусъ, да и женскіе институты наилучшіе въ Петербургѣ. Поэтому поѣзжайте въ Петербургъ и обратитесь тамъ къ брату Николаю Петровичу; онъ завѣдуетъ институтами и будетъ сердечно радъ служить вамъ, а насчетъ сына обратитесь къ нашему земляку Жуковскому; онъ тоже дастъ вамъ наилучшій совѣтъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

На другой день, пока отецъ ѣздилъ хлопотать въ опекунскій совѣтъ, я вздумалъ навѣстить въ академіи бывшаго своего учителя Петра Ивановича; а какъ деньги по милости дяди у меня были, то я попросилъ Илью Аѳанасьевича нанять мнѣ извощика въ академію.

— Извощикъ, извощикъ! закричалъ Илья Аѳанасьевичъ, когда мы сошли на крыльцо гостинницы.— Что возьмешь въ *Иже-херувимскую* академію?

За двугривенный санки подвезли меня къ желѣзной калиткѣ академіи на Рождественкѣ, и мы радостно бросились съ Петромъ Ивановичемъ другъ другу въ объятія. Петръ Ивановичъ даже явился къ намъ обѣдать въ гостинницу.

На другой день тѣмъ же порядкомъ, какъ до сихъ поръ, т. е. на сдаточныхъ съ своими замороженными щами и скороспѣлыми обѣдами приготовленія Аѳанасія по постоялымъ дворамъ,—потянулись мы къ Петербургу. Тутъ утромъ и вечеромъ по длиннымъ деревнямъ, въ которыхъ каждый дворъ исполнялъ должность постоялаго, происходила одна и та же продѣлка: кибитка останавливалась передъ крыльцомъ двора, и Аѳанасій или Илья, отстегивая край кожи, снявъ шапку, спрашивалъ отца: „прикажете спросить?“ „Спроси, говорилъ отецъ, да смотри, чтобъ не было угару“.

Минуты черезъ двѣ слуга возвращался съ донесеніемъ, что хозяинъ меньше пятиалтыннаго за самоваръ не беретъ.

— Ну, чтожь ты, дуракъ, меня безпокоишь? Ступай дальше, ищи въ гривенникъ и сливки въ пять копѣекъ.

За вновь уходящимъ слугой передвигались и наши повозки къ другому постоялому двору, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока слуги кричали: „пожалуйте!“ Тогда вноси-

лась чайная шкатулка, запасные бублики и начиналось чаепитіе.

Я забылъ сказать, что передъ отъѣздомъ подъ предлогомъ перемѣнившихся у меня зубовъ и невозможностью проводить далѣе безсахарнаго житія, намъ разрѣшенъ былъ чай и вообще сладкое.

Но какъ всему бываетъ конецъ, то и наше путешествіе окончилось на постояломъ дворѣ средней Мѣщанской въ Петербургѣ.

Пока отецъ сглаживалъ передъ нами дальнѣйшіе пути жизни, я проводилъ время или въ комнатѣ молодой хозяйской дочери, распѣвавшей надъ шитьемъ: „И колокольчикъ гаргалгая"..., или ловлею голубей на галлереѣ во внутрь двора. Раздобывшись при посредствѣ Аѳанасія конскими волосами, я надѣлалъ изъ нихъ петель и деревянными клепышками набилъ ихъ на деревянную рампу балясника и взятой у Аѳанасія крупы насыпалъ среди петель. Изъ окна я слѣдилъ затѣмъ, какъ голубь, усердно клюющій крупу, коралловой ножкой попадалъ въ петлю и начиналъ биться. Первое время я безразлично ловилъ голубей и связавши имъ крылья, чтобы они не выбили оконъ, пускалъ ихъ въ кухнѣ; затѣмъ непремѣнно пожелалъ имѣть пару бѣлыхъ, а пойманныхъ сизыхъ или глинистыхъ выпускалъ на волю. Такъ вмѣсто одной пары бѣлыхъ я наловилъ ихъ двѣ.

На другой или третій день отецъ повезъ насъ на Милліонную въ домъ министра Новосильцова, гдѣ кромѣ его жены мы были представлены и старухѣ матери съ весьма серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ огромною на щекѣ бородавкою. Въ глаза бросалось уваженіе, съ которымъ высокопоставленные гости относились къ этой старухѣ, говорившей всѣмъ генераламъ: „ты батюшка"...

До сей поры я продолжалъ ходить съ отложными воротничками, но однажды отецъ привезъ мнѣ черный шелковый платокъ, подгалстушникъ на щетинѣ и пеструю лѣтнюю шейную косынку.

— Я поѣду къ Ник. Петр. обѣдать, а вы обѣдайте дома, а въ 8 час. вечера ты пріѣзжай туда, и я тебя представлю Жуковскому.

Вечеромъ, желая явиться во всемъ блескѣ, я къ фрачной парѣ надѣлъ свой прелестный пестрый галстукъ. Къ счастію, Жуковскаго на этомъ блестящемъ вечерѣ не было, и конечно никто не обратилъ вниманія на провинціальнаго мальчишку. Но возвращаясь домой, отецъ сказалъ: „зачѣмъ ты надѣлъ пестрый лѣтній галстукъ? этого никто не дѣлаетъ“.

Въ непродолжительномъ времени Любиньку отвезли въ Екатерининскій институтъ, а по отношенію ко мнѣ Жуковскій, у котораго отецъ былъ безъ меня, положительно посовѣтовалъ везти меня въ Дерптъ, куда далъ къ профессору Моеру рекомендательное письмо.

X

Дерптъ. — Свиданіе съ Моеромъ. — Пріѣздъ въ Верро. — Поступленіе въ школу. Школьная жизнь.—Булочникъ Шлейхеръ.—Товарищескіе побои.— „Медвѣдь - плясунъ“. — Драка съ Менгденомъ. — Уроки геометріи. — Уроки исторіи.—Переходъ во второй классъ.

Такимъ образомъ, оставивъ на постояломъ дворѣ одну изъ повозокъ, мы съ отцомъ отправились въ Дерптъ, куда и прибыли на третьи сутки.

Главное, бросившееся мнѣ въ глаза на другой день, при поѣздкѣ къ профессору Моеру, было, что извощикъ сидѣлъ передъ нами въ саняхъ въ капотѣ съ короткимъ многоэтажнымъ воротникомъ, а его парочка лошадокъ въ дышлѣ была запряжена въ шоры безъ всякой шлеи, такъ что при спускѣ съ горы шоры всползали лошадкамъ на самый затылокъ.

Старикъ Моеръ, принявшій насъ весьма радушно, высказалъ мнѣніе, что для воспитанника, до такой степени отрываемаго отъ семейнаго надзора, Дерптъ по шумной студенческой жизни не представляетъ достаточно благонадежнаго пріюта, и что слѣдуетъ попытать счастья, не согласится ли его пріятель, директоръ учебнаго заведенія, въ сосѣднемъ городкѣ Верро, принять меня въ свою школу? Съ этой цѣлью

Моеръ написалъ директору Крюммеру письмо и просилъ переслать его съ эстафетомъ, съ которымъ на другой же день долженъ былъ получиться отвѣтъ. Отвѣтъ пришелъ благопріятный, и на слѣдующій день повозка наша подъѣхала къ одному изъ домовъ широкой улицы, вдоль которой съ площади до самаго озера тянулась широкая березовая аллея. Извощиковъ въ городѣ Верро не оказалось, и на утро, помню какъ разъ въ воскресенье, отецъ повелъ меня пѣшкомъ къ параднымъ угольнымъ сѣнямъ училища. Когда изъ небольшихъ сѣней мы переступили въ главную залу, то какъ разъ попали на воскресный молитвенный хоръ всего училища и на послѣдніе аккорды органа, послѣ которыхъ слушавшіе проповѣдь расходятся. Находя вѣроятно, что мы явились невпопадъ, отецъ снова отперъ за собою дверь и, выведя меня въ сѣни, самъ снова вошелъ въ зазу. Минуты черезъ двѣ, которыя показались мнѣ безконечными, дверь снова отворилась, и я по знаку отца вернулся въ залу, представляя собою общій предметъ любопытства школьниковъ. Навстрѣчу къ намъ послѣ директора подошелъ, какъ мы потомъ убѣдились, главный преподаватель института, многоученый Мортимеръ. На увѣренія отца, будто бы я такъ же твердо знаю латинскую грамматику, какъ и русскую,—фраза, въ которую я и самъ со словъ моихъ наставниковъ семинаристовъ готовъ былъ вѣрить, — Мортимеръ попросилъ меня перевести на латинскій языкъ слова: „я говорю, что ты идешь“. Какъ я ни силился, но не могъ попасть на винительное съ неопредѣленнымъ, пока Мортимеръ не подсказалъ мнѣ: „Dico te venire“.

Этимъ и кончился довольно плачевно мой вступительный экзаменъ. Часа черезъ два мнѣ указано было мое мѣсто по возрасту въ старшей палатѣ, номеръ первый, а по ученью я былъ назначенъ въ третій классъ этажемъ ниже, занимавшій во время уроковъ помѣщеніе второй палаты. Вещи мои сданы были на другую половину института, гдѣ помѣщались наши дортуары, въ отдѣленіе болѣе чѣмъ пожилой гардеробъ-мейстерши. На вопросъ Крюммера, обращенный къ отцу, что̀ я желаю пить утромъ и вечеромъ, такъ какъ большинство учениковъ предпочитаетъ молоко, отецъ, снисходя къ моему желанію, просилъ давать мнѣ чаю.

— Очень хорошо, сказалъ Крюммеръ: это безразлично, такъ какъ чай и кофей дѣлается для учителей.

Затѣмъ, ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отецъ, заказавъ почтовыхъ лошадей, далъ поцѣловать мнѣ свою руку, и я, мечтавшій о свободѣ и самобытности, сразу почувствовалъ себя среди иноплеменныхъ людей въ зависимости, съ которой прежняя домашняя не могла быть поставлена ни въ какое сравненіе.

У длиннаго крашенаго стола съ подъемными крышами на обѣ стороны и соотвѣтственными рядами неподвижныхъ скамеекъ, мнѣ указали мѣсто, которое я могъ занять своими тетрадями и письменными принадлежностями, причемъ я получилъ и ключъ отъ ящика въ столѣ. Снабдивъ меня бумагой для черновыхъ и бѣловыхъ тетрадей, директоръ выдалъ мнѣ и соотвѣтственные моему классу учебники. Книги эти помѣщались на открытыхъ вдоль стѣны полкахъ.

Образъ школьной жизни былъ почти неизмѣнно однообразенъ и состоялъ въ слѣдующемъ.

Вечеромъ для старшихъ классовъ въ 10 часовъ, по приглашенію дежурнаго надзирателя, всѣ становились около своихъ мѣстъ и, сложивши руки съ переплетенными пальцами, на минуту преклоняли головы, и затѣмъ каждый, смѣнивъ одежду на халатъ, а сапоги на туфли, клалъ платье на свое мѣсто на столъ и ставилъ сапоги подъ лавку; затѣмъ весь классъ съ величайшей поспѣшностью сбѣгалъ три этажа по лѣстницѣ и, перебѣжавъ черезъ нетопленныя сѣни, вступалъ въ другую половину зданія, занимаемаго, какъ сказано выше, темными дортуарами. Въ дортуарахъ вдоль по обѣимъ стѣнамъ стояли шкафы; дверка такого шкафа скрывала складную кровать, которую стоило опустить, чтобы она при помощи отворенной дверки представила родъ отдѣльной корабельной каюты. Всякіе разговоры въ постели строго воспрещались, и никто не могъ знать, не проходитъ ли въ темнотѣ по корридору неслышной стопою кастелянша, или же и самъ Крюммеръ, коего ночное шествіе обозначалось только слабымъ мерцаніемъ пѣнковой трубки и ароматнымъ запахомъ кнастера. Въ 6 часовъ утра дежурный надзиратель безмолвно проходилъ вдоль кроватей, стуча рукою по громозвучнымъ

ихъ дверцамъ, и тогда—о горе!—приходилось изъ нагрѣтой постели, накинувъ халатъ, бѣжать по холоднымъ сѣнямъ въ свою палату, гдѣ неуклюжій на видъ чухонецъ Мертъ успѣвалъ уже, дурно ли хорошо ли, перечистить платье и сапоги. Равнымъ образомъ толстыя, бѣлокурыя и въ кружокъ остриженныя чухонки въ отсутствіе учениковъ успѣвали вынести подставную въ умывальникѣ лохань съ грязной водой и наполнить деревянный надъ нимъ резервуаръ свѣжею. По окончаніи туалета такія же корпулентныя чухонки приносили на одномъ подносѣ кружки съ молокомъ, а на другомъ ломти домашняго ситнаго хлѣба; затѣмъ каждый старался окончить приготовленіе къ предстоящимъ урокамъ. Ровно въ 8 часовъ внизу въ корридорѣ раздавался громогласный звонокъ, по которому всѣ устремлялись въ большую залу на утреннюю молитву, продолжавшуюся минутъ пять, и состоявшую изъ лютеранскихъ стиховъ, пропѣтыхъ общимъ хоромъ подъ мастерскую игру на органѣ знакомаго намъ уже Мортимера. Затѣмъ до 11-ти час. слѣдовали три утреннихъ урока, по окончаніи которыхъ до половины двѣнадцатаго на завтракъ въ палаты приносились такіе же ломти ситнаго хлѣба, весьма ловко и прозрачно намазанные масломъ. Съ половины двѣнадцатаго до половины перваго шелъ четвертый утренній урокъ для старшихъ классовъ; а въ половинѣ перваго снова по звонку все бѣжало въ общую залу къ двойному ряду столовъ, гдѣ всякій за обѣдомъ занималъ свое обычное мѣсто. Здѣсь на первомъ столѣ самъ Крюммеръ, а на второмъ старшій надзиратель одного изъ меньшихъ классовъ наливали изъ объемистой оловянной суповой чаши каждому по тарелкѣ супу съ картофелемъ или щей, и надлежащая порція достигала по передачѣ своего назначенія. Запасный хлѣбъ на возобновленіе съѣденнаго куска лежалъ по близости раздавателей благостыни, и надо было имѣть сильную протекцію, чтобы дождаться желаннаго повторенія. На второе блюдо почти неизмѣнно слѣдовала жареная говядина съ круглымъ жаренымъ картофелемъ. Этимъ въ будни и кончалась трапеза, украшаемая въ воскресные дни драченой или жареными въ маслѣ розанами.

Нечего грѣха таить, что мы постоянно были впрого-

лодь. Въ воскресенье послѣ обѣда входная дверь съ улицы въ залу растворялась, и рослая, краснощекая и въ кружокъ остриженная бѣлокурая чухонка вступала съ двумя полными корзинами печенья отъ сосѣдняго хлѣбника Шлейхера. Чего тутъ не было, начиная съ простыхъ бѣлыхъ или сдобныхъ хлѣбовъ и кренделей до лакомыхъ пряниковъ, которыми Шлейхеръ славился и гордился. Были они большею частію въ формѣ темно-красныхъ сердецъ. Каждаго перваго числа Крюммеръ, по просьбѣ родителей, снабжалъ учениковъ карманными деньгами даже до размѣра двухъ серебряныхъ рублей. Будучи по милости дяди, сравнительно съ другими учениками, богачемъ, я по воскресеньямъ, кромѣ оставляемыхъ по завѣщанію уходившими къ родителямъ товарищами порцій завтрака и вечерняго молока, покупалъ у посланной отъ Шлейхера по тогдашнимъ цѣнамъ громадную провизію на 20 копѣекъ. При этомъ ящикъ моего стола наполнялся всяческой благодатью, и я, съ наслажденіемъ приподымая крышку и пощипывая запасъ, съ радостью мечталъ и о завтрашнемъ утоленіи голода всласть. Но увы! по большей части къ вечеру ящикъ мой пустѣлъ окончательно. Здѣсь я долженъ упомянуть о довольно характерномъ обычаѣ школы. Несмотря на то, что передъ обѣдомъ круглый годъ, даже учителямъ не подавалось ни водки, ни вина, разъ въ годъ, въ день рожденія Крюммера, красное вино раздавалось всей школѣ въ весьма почтенныхъ размѣрахъ, увеличивавшихся по мѣрѣ возраста учениковъ палаты. Такъ, наприм., въ самую многочисленную низшую четвертую палату съ 20-ю учениками отъ 7 до 11 лѣтняго возраста выдавалось четыре бутылки, и затѣмъ начиналось тамъ громогласное пѣніе, крикъ, задоръ, и павшіе въ битвѣ относились въ постель. О нашей первой палатѣ, состоявшей изъ 16-ти человѣкъ, говорить нечего: намъ отпускалось бутылокъ десять, и расходившись мы нерѣдко тихонько посылали отъ себя за виномъ.

Въ часъ вставали изъ за стола и, не взирая ни накакую погоду, отправлялись подъ надзоромъ дежурнаго учителя гулять. Учителями этими являлись черезъ день иностранцы, т. е. въ одинъ день французъ, а въ другой русскій, и соотвѣтственно этому на прогулкахъ было обязательно говорить не

иначе какъ по-французски или по-русски. Прогулка длилась часъ, въ два часа всѣ садились за приготовительный получасовой урокъ, а отъ половины третьяго до половины пятаго шли два послѣобѣденныхъ урока въ младшихъ классахъ; а въ двухъ старшихъ присоединялся отъ половины пятаго до половины шестаго третій послѣобѣденный ежедневный латинскій урокъ независимо отъ утренняго. Затѣмъ у старшихъ на вечернее молоко оставалось только полчаса времени до шести, а въ шесть часовъ до восьми всѣ садились снова приготовлять уроки. Въ 8 часовъ по звонку всѣ бѣжали къ ужину, состоявшему, какъ и обѣдъ, изъ двухъ блюдъ, но только съ замѣною супа размазней и жареной говядины—вареною съ такимъ жс картофелемъ. Съ половины девятаго до половины десятаго полагался отдыхъ, и затѣмъ раздѣваніе и бѣгство въ дортуаръ.

Два раза въ недѣлю, въ среду и субботу, тотчасъ послѣ ужина классы одинъ за другимъ по звонку отправлялись въ гардеробъ, гдѣ на столахъ было разложено кастеляншею каждому его свѣжее бѣлье. Здѣсь мы имѣли случай разсмотрѣть нашу кастеляншу, которая при чухонской курносости отличалась весьма сильнымъ ростомъ бороды, которую она напрасно тщательно подстригала.

Вернувшись въ классъ, мы, перемѣнивши бѣлье, завязывали грязное въ носовой платокъ или въ полотенце и по дорогѣ въ дортуаръ складывали на столъ въ гардеробѣ. Надо отдать справедливость кастеляншѣ: она никогда не путала нашего бѣлья.

Поступленія новичковъ въ третью и четвертую палату (Stube) я не видалъ, находясь въ самомъ верхнемъ этажѣ корпуса въ первой; а въ эту, за исключеніемъ меня, новичковъ не поступало, и я могу только разсказать о томъ, что было со мною. Между благодушными и юмористическими товарищами, нѣкоторые, обладающіе по возрасту значительной силой и ловкостью, были, къ несчастію, склонны практиковать свою силу надъ новичкомъ. Въ нашемъ классѣ нѣкто Фурхтъ не безъ основанія внушалъ страхъ, какъ гласила его фамилія. Не было возможности спастись отъ его кулака, которымъ онъ по заказу билъ куда хотѣлъ, заставляя видимымъ ши-

комъ въ грудь, животъ или носъ невольно защищать угрожаемое мѣсто; но тутъ то его кулакъ, какъ молнія, билъ въ указанный бокъ. Хотя и съ меньшей ловкостью, не меньшимъ задоромъ и силой отличались Менгденъ и Каленъ. Послѣдній не выжидалъ случаевъ или предлоговъ къ нападенію, а не только въ рекреацію, но и въ часы приготовленія уроковъ вполголоса говорилъ: „я иду, защищайся". И затѣмъ жестокіе удары сыпались куда попало. Жаловаться дежурному въ палатѣ учителю нечего было и думать, такъ какъ этимъ пріобрѣталось бы только позорное прозваніе „Clatsche"—доносчика и удвоеніе ударовъ. Но ежедневно умножающіеся синяки вынудили меня на отчаянное средство. Я пошелъ въ кабинетъ директора и не жалуясь ни на кого сказалъ: „господинъ Крюммеръ, пожалуйте мнѣ отдѣльную комнатку, такъ какъ я не въ силахъ болѣе выносить побоевъ".

— Ну хорошо, отвѣчалъ Крюммеръ: ступай въ свой классъ, тамъ видно будетъ.

Не знаю, принялъ ли директоръ какія либо мѣры, но на другой же день просьба моя: „господинъ Крюммеръ, пожалуйте мнѣ отдѣльную комнату", — насмѣшливо повторялась большинствомъ класса, и удары продолжали сыпаться съ прежнимъ обиліемъ.

Къ этому присоединялись насмѣшки: „хорошъ! нечего сказать, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, и отецъ-то выпихнулъ его за дверь!" Дѣйствительно, во всей школѣ среди разнообразныхъ и небогатыхъ, но зато коротконолыхъ сюртучковъ и казакиновъ, я одинъ представлялъ синюю сахарную голову. Чтобы разъ навсегда окончить съ поводомъ постоянныхъ насмѣшекъ, я разложилъ свой синій сюртукъ на столъ, обозначилъ мѣломъ на цѣлыхъ двѣ четверти кратчайшій противъ подола кругъ и съ нѣкоторымъ упоеніемъ обрѣзалъ по намѣченной чертѣ губительныя полы. Я долженъ прибавить, что изъ обрѣзковъ портной состроилъ мнѣ модную, кверху въ видѣ гречневика съужающуюся шапку.

Такъ какъ ни одинъ учитель или ученикъ не избѣгалъ прозвища, то, вѣроятно, въ намекъ на мое происхожденіе изъ глубины Россіи, я получилъ прозваніе „медвѣдь-плясунъ", что при случаѣ употреблялось въ смыслѣ упрека, а иногда и ла-

скательно. Выпрашивая что либо, просящій гладилъ меня по валъ: „Tanzbaer, Tanzbaer". Про самого Крюммера злоязычплечу и приговариники говорили, что онъ былъ „Прусскій барабанщикъ", и между собою никто не говорилъ: Крюммеръ, а всѣ: „Trommelschleger".

Однажды передъ приходомъ учителя въ нашъ третій классъ, помѣщавшійся во второй палатѣ, широкоплечій Менгденъ безъ всякой съ моей стороны причины сталъ тузить меня. Но должно быть, задѣвши черезъ чуръ больно, онъ привелъ меня въ ярость и заставилъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Не думая о получаемыхъ ударахъ, я сталъ гвоздить своего противника кулаками безъ разбора сверху внизъ; тогда и онъ, забывъ о нападеніи, только широко раздвинувъ пальцы обѣихъ рукъ, держалъ ихъ какъ щиты передъ своею головой, а я продолжалъ изо всѣхъ силъ бить, попадая кулаками между пальцами противника, при общихъ одобрительныхъ крикахъ товарищей: „валяй, Шеншинъ, валяй!" Отступающій противникъ мой уперся наконецъ спиною въ классный умывальникъ и, схвативъ на немъ мѣдный подсвѣчникъ, сталъ остріемъ его бить меня по головѣ. Въ одинъ мигъ бросившіеся товарищи оттащили насъ другъ отъ друга, такъ какъ я уже ничего не видалъ изъ подъ потока крови, полившейся по лицу изъ просѣченной до кости головы. Рубецъ этого шрама, заросшаго подъ волосами, я сохранилъ на всю жизнь, но зато эта битва положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ на меня нападеніямъ.

Для желающихъ пить, на умывальныхъ столахъ стояли глиняныя кружки, въ которыя жаждущій нацѣживалъ изъ резервуара воды. Въ третьемъ классѣ Мортимеръ давалъ намъ уроки географіи передъ нѣмыми картами изданія самого Крюммера. Когда, по указанію прутика на одинъ изъ острововъ Ледовитаго Океана, никто не умѣлъ назвать острова, Мортимеръ пояснилъ, что это *Новія Цемлія.* Захотѣвъ во время урока пить, я молча всталъ и, напившись изъ классной кружки, снова сѣлъ на свое мѣсто.

— Шеншинъ, кротко сказалъ Мортимеръ: вы теперь будете знать, что пить можно только въ приготовительные часы, а не во время урока.

Какъ ни плохъ я былъ въ латинской грамматикѣ, тѣмъ не менѣе, приготовившись, съ грѣхомъ пополамъ слѣдилъ за ежедневнымъ чтеніемъ Цезаря, а уроки геометріи въ нашемъ классѣ предодавалъ Крюммеръ. На доскѣ рисовалъ онъ фигугу новой теоремы, требуя, чтобы до слѣдующаго урока мы представили ему правильный рисунокъ теоремы въ большой тетради и буквальное разрѣшеніе ея въ маленькой. При этомъ кромѣ разрѣшенія задачи онъ требовалъ опрятнаго письма и присутствія промокательной бумаги, безъ чего свое V, т. е. видѣлъ, нарочно ставилъ широкой чернильной полосой чуть не во всю страницу и потомъ захлопывалъ тетрадку, а вначалѣ слѣдующаго урока, раздавая работы по рукамъ, кидалъ такую подъ столъ, говоря; „а вотъ, Шеншинъ и твоя тряпка“.

Такъ какъ къ счастію директоръ начиналъ свои уроки съ первыхъ теоремъ Эвклида, то я тотчасъ же усердо принялся за геометрію, въ которой, какъ и въ алгебрѣ, особенныхъ затрудненій не находилъ. Зато уроки исторіи были для меня истиннымъ бѣдствіемъ. Вмѣсто общаго знакомства съ главнѣйшими періодами и событіями, учитель третьяго класса расплывался въ неистощимыхъ подробностяхъ о Пипинѣ Короткомъ, Карлѣ Великомъ и Генрихѣ Птицеловѣ, такъ что я наконсцъ не умѣлъ различить этихъ скучныхъ людей одного отъ другаго. Къ этому я долженъ для краткости присовокупить, что быть можетъ весьма ученый преподаватель исторіи во второмъ классѣ, гдѣ я пробылъ два года, буквально изъ гоцу въ годъ, стоя передъ нами и пошатываясь за спинкою стула, вдохновенно повторялъ разсказы о рыжихъ Германцахъ, которые на своихъ пирахъ старались отпивать ступеньки лѣстницы, поставленной въ бочку съ пивомъ. Но такъ какъ провѣрокъ по этому предмету было очень мало, и многорѣчивый учитель охотнѣе спрашивалъ наиболѣе внимательныхъ и способныхъ учениковъ, то вначалѣ слѣдующаго года я учительской конференціей съ директоромъ во главѣ былъ переведенъ, въ виду успѣховъ моихъ въ математикѣ и въ чтеніи Цезаря, во второй классъ.

XI

Математикъ Гульчъ.—Раздѣленіе угла на три части. — Латинскіе и греческіе уроки.—Обученіе музыкѣ. — Перемѣна моей фамиліи. — Французъ Симонъ.—Мои шалости.—Карцеръ.—Болѣзнь учителя Эйзеншмидта.

Для полноты воспроизведенія устройства школы слѣдуетъ сказать, что ученики перваго класса только частію и предварительно оставались въ нашей первой палатѣ, но приближающіеся къ экзамену въ Дерптскій университетъ перемѣщались въ двѣ большихъ комнаты надъ нашими дортуарами, такъ называемомъ педагогіумѣ, находившемся и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи подъ руководствомъ Мортимера. Послѣдній былъ исключительнымъ преподавателемъ исторіи, географіи и древнихъ языковъ, такъ что на долю главнаго математика Гульча доставалось преподаваніе только этой науки.

Такъ называемые педагогисты имѣли право сами выбирать время приготовленія уроковъ и одиночныхъ прогулокъ по городу; имъ же дозволялось куреніе табаку, строго запрещенное всѣмъ прочимъ ученикамъ.

Чѣмъ Мортимеръ былъ для перваго класса, тѣмъ Гульчъ былъ для нашего втораго, съ тою разницей, что онъ, кромѣ главныхъ уроковъ, цѣлый день проводилъ въ нашей первой палатѣ въ качествѣ надзирателя, мѣняясь черезъ день съ французомъ Симономъ.

Обрисовать въ своемъ воспоминаніи почтенную личность Гульча значитъ не только воспроизвести весь второй классъ, но указать отчасти и на тѣ нравственныя складки, которыя сложились въ душѣ моей подъ руками этого незабвеннаго наставника. Это былъ совершенная противоположность моихъ деревянныхъ учителей - семинаристовъ. Въ своихъ урокахъ онъ, если можно такъ выразиться, подвигался плечо въ плечо съ ученикомъ, которому считалъ необходимымъ помочь. При отвѣтахъ ученика его не столько раздражало незнаніе, сколько небрежность, мѣшавшая логически поискать темно сознаваемаго отвѣта. Наводя въ такомъ случаѣ уче-

ника на должный отвѣтъ, добродушный Гульчъ не гнушался и школьнымъ прозвищемъ ученика. Такъ весьма способный и прилежный ученикъ Бражъ за свое вертлявое искательство получилъ прозванiе „утинаго хвоста“, иные просто называли его „вертуномъ“. Убѣждаясь изъ отвѣтовъ, что Бражъ не дастъ себѣ труда сосредоточиться, Гульчъ восклицалъ: „Бражъ, Бражъ, не вертите!“ Сочувственная улыбка проносилась по всему классу, и Бражъ, подумавши, давалъ надлежащiй отвѣтъ. Гульчъ во всемъ требовалъ систематической и логической отчетливости. Такъ, задавая задачи по задачнику, отъ котораго ключъ былъ только у него, онъ до тѣхъ поръ не допускалъ до новаго вида задачъ, пока ученикъ изъ хорошо усвоенныхъ имъ не разрѣшитъ извѣстнаго числа, напримѣръ, пятидесяти безъ ошибки. Если бы ученикъ, безошибочно разрѣшивъ 49, случайно ошибся въ 50-й, то весь предварительный его трудъ считался ни во что, и надо было начинать сызнова. Затруднительныя задачи Гульчъ усердно провѣрялъ собственнымъ вычисленiемъ, и въ рабочiе уроки я не могу его себѣ представить иначе, какъ сидящимъ за учительскимъ столомъ съ откинутыми на лысѣющую голову очками, машинально посасывающимъ потухающую фарфоровую трубку съ отливомъ и нагибающимся по близорукости къ бумагѣ или грифельной доскѣ. Въ такiя минуты, погруженный въ занятiе, онъ ничего сторонняго не видалъ и не слыхалъ. Шалуны это хорошо знали и пользовались случаемъ развеселить товарищей. На одной сторонѣ книжной полки, на гвоздѣ, висѣлъ ключъ, въ которомъ всѣ попремѣнно нуждались, иногда только для того, чтобы безвозбранно покурить табаку. Чтобы уйти изъ палаты, конечно не во время уроковъ, нужно было сказаться надзирателю. И вотъ тутъ-то опытные шалуны доходили до крайней отваги, громогласно восклицая: „Г. Гульчъ, могу ли я уѣхать въ Америку?“—разнообразя каждый разъ шутку другими отдаленными пунктами земли.

Не взирая на углубленiе въ занятiя, Гульчъ никогда не отказывалъ подходящимъ къ нему ученикамъ съ неудомѣнiями по поводу приготовленiя уроковъ. Подобные вопросы Гульчъ разрѣшалъ съ полной симпатiей и удовольствiемъ. Хотя въ нѣмецкомъ существуетъ нѣсколько выраженiй, со-

отвѣтствующихъ словамъ: я думалъ, я предполагалъ, но самое обычное изъ нихъ: я вѣрилъ — ich glaubte. Когда дѣло шло о математическомъ вопросѣ, и ученикъ въ извиненіе ошибки говорилъ: „ich glaubte", Гульчъ не безъ волненія говорилъ: „оставьте вы свою вѣру для чего либо другаго, а здѣсь она совершенно неумѣстна. Здѣсь нужно основаніе и выводъ".

Во время рекреацій, Гульчъ разсказывалъ о разныхъ неразрѣшимыхъ математическихъ задачахъ, за разрѣшеніе которыхъ тамъ или сямъ установлены преміи. Такъ говорилъ онъ о милліонной преміи, назначенной англичанами, за дѣленіе геометрическимъ путемъ угла на три части.

Будучи стрѣлкомъ и ружейнымъ охотникомъ, Гульчъ живо сочувствовалъ красотамъ и особенностямъ природы и однажды пришелъ въ восторгъ, когда я, умѣвшій нѣсколько рисовать, во время отдыха нарисовалъ на память ходившую у насъ въ Новоселкахъ подъ охотникомъ черноморскую лошадь. Глядя на тяжелую горбоносую голову и прямую изъ плечъ съ кадыкомъ шею и крупъ съ выдающимися маслаками, Гульчъ, заливаясь восторженнымъ смѣхомъ, восклицалъ: „да, поистинѣ это черноморка!"

Однажды, когда расхохотавшись подобнымъ образомъ по поводу вновь воспроизведенной мною на доскѣ черноморки, онъ хватился оставленной имъ въ своей комнатѣ фарфоровой трубки, за которою ему черезъ весь школьный дворъ не хотѣлось идти, я сказалъ: „пожалуйте мнѣ вашъ ключъ; я въ одну минуту сбѣгаю и набью вамъ трубку".

— Пожалуйста, сказалъ онъ, добродушно передавая мнѣ ключъ.

Въ комнатѣ Гульча я изъ только что начатаго фунтоваго картуза Жукова набилъ предварительно вычищенную мною трубку и, вырубивъ огня, раскурилъ ее самымъ лакомымъ образомъ.

Возвращаясь черезъ дворъ съ пылающей трубкой, я съ такимъ усердіемъ затягивался благовоннымъ дымомъ Жукова, что чуть среди двора не упалъ отъ головокруженія. Тѣмъ не менѣе, трубка была доставлена по принадлежности, и черноморка на классной доскѣ неоднократно доставляла мнѣ удовольствіе затянуться Жуковымъ.

Между тѣмъ нераздѣлимость угла на три части сильно меня мучила, и понаторѣвшій во всякихъ вспомогательныхъ математическихъ линіяхъ и подходахъ, я однажды пришелъ къ убѣжденію, что задача мною разрѣшена. Надо было видѣть изумленные глаза, съ которыми добрый Гульчъ смотрѣлъ на мой рисунокъ на классной доскѣ.

— Да, воистину, wahrhattig!—восклицалъ онъ,—онъ разрѣшилъ задачу!

Я стоялъ въ какомъ-то онѣмѣніи восторга и вдругъ въ классѣ раздался раскатистый хохотъ Гульча.

— А это что такое? сказалъ онъ, указывая на софистическій пріемъ, лишенный всякаго математическаго основанія. Фантастическій мыльный пузырь мой исчезъ безслѣдно.

Латинскихъ уроковъ Гульчъ давалъ намъ ежедневно два: утромъ мы читали Ливія и черезъ день переводили изустно съ нѣмецкаго на латинскій, а послѣ обѣда съ половины пятаго до половины шестаго неизмѣнно читали Энеиду, изъ которой, въ случаѣ плохой подготовки, приходилось учить стихи наизусть.

Со втораго класса прибавлялся ежедневно часъ для греческаго языка съ $11^1/_2$ ч. до $12^1/_2$; и если я по этому языку на всю жизнь остался хромъ, то винить могу только собственную неспособность къ языкамъ и въ видахъ ея отсутствіе въ школѣ туторства. Вѣдь другіе же мальчики начинали учиться греческой азбукѣ въ одинъ часъ со мною. И черезъ годъ уже безъ особеннато затрудненія читали Одиссею, тогда какъ я, не усвоивъ себѣ съ первыхъ поръ основательно производства временъ, вынужденъ былъ довольствоваться сбивчивымъ навыкомъ.

Не меньшее горе испыталъ я съ игрою на фортепьяно, которой отецъ положилъ обучать меня, соображая, что въ каждомъ значительномъ домѣ, куда молодому человѣку интересно будетъ войти, есть фортепьяно. То, что было у меня и съ другими унаками и въ особенности съ греческой грамматикой, случилось и съ музыкой. Учитель наименовалъ мнѣ всѣ семь фортепьянныхъ косточекъ и указалъ соотвѣтственныя имъ пятнышки на дискантныхъ и басовыхъ линейкахъ, и я каждый разъ долженъ былъ находить ноту

на фортепьянахъ въ послѣдовательномъ алфавитномъ порядкѣ, отсчитывая соотвѣтственное ей пятно и на печатныхъ нотахъ, такъ какъ не умѣлъ назвать ее ни тамъ, ни сямъ по прямому на нее взгляду. Конечно, такая двойная ежеминутная работа превышала мои силы. Къ этому присовокуплялось еще затрудненіе: одновременный счетъ пятнышекъ басоваго ключа. Неудивительно, что я объявилъ учителю музыки, что въ единовременномъ разыгрываніи скрипичнаго и басоваго ключей вижу невозможное чтеніе двухъ книгъ разомъ. Такъ промучился я съ фортепьянами цѣлый годъ у начальнаго учителя; но въ виду безуспѣшности моихъ уроковъ, меня передали главному и болѣе строгому учителю музыки. Когда я, развернувши свои ноты, сѣлъ за фортепьяно, учитель спросилъ меня, знаю ли я ноты? Желая быть правдивымъ, я сказалъ: „не знаю“.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего у меня дѣлать,— сказалъ онъ.

Испугавшись дальнѣйшихъ мытарствъ, я сказалъ: „знаю, знаю“,— и сталъ ковылять двухтактный маршъ и не болѣе сложный вальсъ. Съ этой минуты всѣ свободные часы я долженъ былъ сидѣть въ залѣ за однимъ изъ роялей, между прочимъ и съ 11-ти до половины двѣнадцатаго утра, когда къ специальной закускѣ собирались учителя. Но ежедневныя музыкальныя мученія нисколько не подвигали дѣла, и казалось, что чѣмъ болѣе я повторялъ заученныя по пальцамъ пьесы, тѣмъ чаще пальцы мои сбивались съ толку; такъ что однажды Крюммеръ за завтракомъ при всѣхъ учителяхъ громко черезъ всю залу спросилъ меня: „ты, большунъ, или это все та же новая пьеса, которую ты два года играешь?“ Чаша горести перелилась черезъ край: на другой день, набравшись храбрости, я пошелъ въ кабинетъ директора и объявилъ ему, что готовъ идти въ карцеръ и куда угодно, но только играть больше не буду. Такъ разстались мы навсегда съ богиней музыки, ко взаимному нашему удовольствію.

Еще въ концѣ перваго года моего пребыванія въ школѣ, когда товарищи, привыкнувъ ко мнѣ, перестали меня дразнить, одно обстоятельство внесло въ мою душу сильную смуту и заставило вокругъ меня зашумѣть злоязычіе, подобно

растроганной колодѣ пчелъ. Дядя, отецъ и мать по временамъ писали мнѣ и чаще всѣхъ дядя, изрѣдка влагавшій въ свое письмо воспитаннику Шеншину сто рублей. Часто директоръ по полученіи почты самъ входилъ въ классъ и, смотря на конверты, громко называлъ ученика по фамиліи и говорилъ: „это тебѣ, Шеншинъ", передавая письмо.

Но однажды отецъ безъ дальнѣйшихъ объясненій написалъ мнѣ, что отнынѣ я долженъ носить фамилію Фетъ, причемъ самое письмо ко мнѣ было адресовано: Аѳ. Аѳ. Фету. Вѣроятно отецъ единовременно писалъ объ этомъ и Крюммеру, который, не желая производить смущенія, продолжалъ передавать мнѣ отцовскія письма, говоря попрежнему: „это тебѣ, Шеншинъ", такъ какъ школа никакого Фета не знала. Какъ ни горька была мнѣ эта нежданная новость, но убѣжденный, что у отца была къ тому достаточная причина, я считалъ вопросъ дотого деликатнымъ, что ни разу не обращался за разрѣшеніемъ его ни къ кому. „Фетъ такъ Фетъ, подумалъ я,—видно такъ тому и быть. Покажу свою покорность и забуду Шеншина, именемъ котораго надписаны были всѣ мои учебники". Затѣмъ въ первомъ письмѣ къ дядѣ я подписался этой фамиліей. Черезъ мѣсяцъ на это письмо я получилъ отвѣтъ дяди:

„Я ничего не имѣю сказать противъ того, что быть можетъ въ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить оффиціальныя отношенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоей новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами; и ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ".

Вся эта передряга могла бы остаться въ семейномъ кругу, такъ какъ никто сторонній не читалъ моихъ писемъ. Но однажды Крюммеръ, стоя у самой двери классной, тогда какъ я сидѣлъ на противоположномъ ея концѣ, сказавши: „Шеншинъ, это тебѣ",—передалъ письмо близь стоящему для передачи мнѣ. При этомъ никому неизвѣстная фамиліяФетъ на конвертѣ возбудила по уходѣ директора недоумѣніе и шумъ.

— Что это такое? у тебя двойная фамилія? отчего же нѣтъ другой? откуда ты? что ты за человѣкъ? и т. д., и т. д.

Всѣ подобные возгласы и необъяснимые вопросы еще сильнѣе утверждали во мнѣ рѣшимость хранить на этотъ счетъ молчаніе, не требуя ни отъ кого изъ домашнихъ объясненій.

Упомянувши незабвеннаго Гульча, не могу не сказать нѣсколько словъ о другомъ надзирателѣ въ нашей первой палатѣ, французѣ Симонѣ, дежурившемъ черезъ день съ Гульчемъ. Насколько добродушный Гульчъ мало думалъ о щегольствѣ, настолько Симонъ представлялъ изъ себя тщательно прибраннаго человѣка среднихъ лѣтъ. Черные, какъ смоль, волосы его, подымающіеся дыбомъ, образовали какъ бы мѣховую шапку на его головѣ; красиво подстриженныя бакенбарды оканчивались густымъ, но тоже подстриженнымъ подбородкомъ. Сюртукъ и остальная часть туалета отличались щегольскимъ покроемъ и безукоризненной чистотою. Не менѣе щеголевато покуривалъ онъ изъ нарядной пѣнковой трубки, не затягиваясь, а выпуская дымъ самыми мелкими колечками. Находясь во время рекреацій въ добромъ расположеніи духа, онъ обращался къ ученикамъ въ дидактическомъ тонѣ, неизмѣнно начинавшемся фразой: „Chez nous à Gèneve....“ и затѣмъ слѣдовало самое невѣроятное хвастовство, такъ что между собою мы его иначе не называли, какъ „chez nous“. Принимая въ аллеѣ участіе въ нашей игрѣ въ лапту, онъ старался по возможности ловко подбить мячъ и особенно вызывающе крикнуть на бѣгу: „toquez“. Но въ минуты раздраженія, подозрѣвая оппозицію, онъ не скупился на выраженія: „grossier и gaillard“.

Раза два пришлось и мнѣ попадать подъ рѣзкую митральезу этихъ выраженій. Однажды, когда вечеромъ, вынесши изъ класснаго чуланчика въ лѣвомъ рукавѣ глиняную стамбулку съ коротенькимъ чубучкомъ, туго набитую Жуковымъ, и вышедши за двери сѣней, на морозѣ я вдоволь насладился отчаянными затяжками, я сунулъ снова въ рукавъ докуренную трубку и, чтобы поскорѣе отнести ее на прежнее мѣсто, быстро бросился черезъ сѣни. Но не успѣлъ я растворить дверей, какъ уже рука Симона крѣпко схватила мою лѣвую, причемъ онъ настойчиво повторялъ: „où est-ce que vous avez été? Voyons?“

Я сначала сказалъ было: „nulle part“, но, почувствовавъ, что говорю глупость, замолкъ совершенно.

Увидавъ въ моемъ молчаніи оппозицію, Симонъ засыпалъ меня словами: „gaillard и grossier“, подвергая меня притомъ жестокой пыткѣ: раскаленную трубку я вложилъ въ рукавъ такимъ образомъ, чтобы она висѣла въ немъ, не касаясь моего тѣла; если бы схватившій меня за руку Симонъ охватилъ ее настолько, чтобы пальцы его сомкнулись съ противоположныхъ сторонъ, то онъ тотчасъ же ощупалъ бы чубукъ. Но такъ какъ, не сближая пальцевъ, онъ плотно притянулъ ими рукавъ къ исподу моей руки, то тѣмъ самымъ припекалъ меня разгорѣвшеюся трубкой. Вынося нестерпимую боль, я, съ одной стороны, вспоминалъ спартанца, заѣденнаго украденною лисицей, а съ другой — даже самого Муція-Сцеволу. Такъ я и отдѣлался сильнымъ обжогомъ.

Въ другой разъ, зимой, когда чухонка принесла въ классъ утреннее молоко съ ситнымъ хлѣбомъ, я похвасталъ, что перебѣгу съ нашего параднаго крыльца на уголъ черезъ улицу и принесу кренделей, только что выпущенныхъ изъ печки Шлейхера.

— И мнѣ, и мнѣ, послышался шепотъ со всѣхъ сторонъ, и каждый совалъ мнѣ въ руку свою долю мѣдяковъ.

Взбѣжавъ по высокому крылечку, я въ булочной у Шлейхера биткомъ нагрузилъ кренделями всѣ карманы моего сѣраго польскаго сюртучка, а также и карманы брюкъ, такъ что, полагаю, по одному взгляду, не говоря объ осязаніи, можно было видѣть, до какой степени я былъ навьюченъ. Перебѣжавъ обратно съ угла на уголъ какихъ нибудь двадцать шаговъ, я взбѣжалъ на наше парадное крылечко. Но не успѣлъ, отворя дверь, вступить въ темный залъ, какъ почувствовалъ что кто-то схватилъ меня за руку, и я узналъ голосъ Симона.

— Ah, je le savais bien. D'où venez vous? Tiens, tiens, maintenant je le sais! Allons chez monsieur Crummer!

— Выкладывай свои трофеи, сказалъ Крюммеръ, снимая съ гвоздя ключъ,—и пойдемъ-ка въ карцеръ.

Съ этимъ вмѣстѣ мы отправились въ холодныя переходныя сѣни, и тамъ, отомкнувъ темный чуланъ съ крошечнымъ окошкомъ, сквозь которое никакая голова пролѣзть не могла, директоръ сунулъ меня туда. Въ чуланѣ не оказалось ника-

кой скамейки, на которой можно бы присѣсть, и такъ какъ туда попадали большею частью ученики меньшихъ классовъ, и никто никогда этого класса не чистилъ, то, я полагаю, никакія подземныя Хивинскія тюрьмы не превзошли бы неопрятностью этого помѣщенія, предназначеннаго для дѣтей чопорнаго прибалтійскаго дворянства. Къ этому надо присовокупить, что карцеръ, подобно сѣнямъ, былъ нетопленъ, и вода въ немъ застывала.

Что бы сказали объ этомъ теперешніе родители? А между тѣмъ въ теченіи трехлѣтняго моего пребыванія въ школѣ среди 70-ти учениковъ не было ни одного смертнаго случая. Да и заболѣванія были весьма рѣдки. Въ школѣ не только не упоминалось слова докторъ, но даже не было помѣщенія, называемаго больницей. Заболѣвающій мальчикъ отправлялся на свою обычную дортуарную койку, и затѣмъ кастелянша мочила ему голову уксусомъ, или давала малины или липоваго цвѣта.

Скука въ безлюдномъ дортуарѣ заставляла мальчика при первой возможности бѣжать обратно въ классъ. Такой режимъ по отношенію къ больнымъ напоминаетъ мнѣ эпизодъ болѣзни одного изъ ученѣйшихъ преподавателей заведенія Эйзеншмидта. Услыхавъ, что Эйзеншмидтъ сильно заболѣлъ и лежитъ безъ всякаго призора въ своей комнатѣ, человѣка два-три изъ взрослыхъ товарищей, въ томъ числѣ и я, условились проводить ночи въ его комнатѣ, засыпая на стульяхъ и попеременно бодрствуя. Припоминая безъ того худощаваго Эйзеншмидта во время его болѣзни, продолжавшейся около двухъ недѣль, я полагаю, что у него былъ тифъ. Онъ не только ничего не ѣлъ и не пилъ, но даже не двигался, а только порою раскрывалъ и снова закрывалъ глаза. Конечно, мы пошли караулить его изъ сочувствія. Но онъ былъ, подобно большинству нѣмецкихъ учителей, человѣкъ курящій, и стоило первому изъ бодрствующихъ учениковъ набить и слегка закурить его трубку, чтобы затѣмъ трубка эта, переходя изо рта въ ротъ, всю ночь не угасала, вслѣдствіе чего мы всѣ, въ томъ числѣ и бѣдный больной, сидѣли въ двухсаженной въ квадратѣ комнатѣ, накуренной какъ коптильня.

XII

Коробицынъ.—Чихоновецкій.—Вульфы.—Чивита-Векія.—Лѣтнія прогулки.—Встрѣча съ русскими ямщиками.—Стрѣльбище.—Мертъ.—Текстеръ.

Стоя на вершинѣ многолѣтія, справедливѣе относишься и къ себѣ, и къ другимъ, видя ясно, что люди въ большей или меньшей степени держатся убѣжденія дикаря, что если онъ украдетъ чужую жену, то это благо, а если у него украдутъ, то это зло. Казалось бы, мнѣ болѣе всего надлежало убѣдиться въ несправедливости и безнравственности безпричиннаго приставанія къ слабому. Но и я въ свою очередь не могъ удержаться, чтобы не надоѣсть другому хотя бы и не такимъ грубымъ образомъ.

Въ цѣлой школѣ насъ русскихъ, не слушавшихъ по субботамъ уроковъ лютеранскаго катихизиса, было только пятеро: три Ѳедоровыхъ изъ Петербурга, до невозможности сухощавый Коробицынъ и я. Въ субботу, въ которую послѣобѣденныхъ занятій не было, мы всѣ пятеро отправлялись черезъ весь городъ въ домъ единственнаго русскаго священника на урокъ Закона Божія. Силуэтъ сухопараго Коробицына дотого былъ угловатъ, что я ухитрился собрать на классной доскѣ мѣломъ его образъ изъ треугольниковъ, такъ что большой треугольникъ, сходившій вершиною книзу въ видѣ подбородка, украшался кверху маленькимъ въ видѣ носа. Такими же удлинненными треугольниками являлись руки и ноги, изъ которыхъ послѣднія стояли на двухъ треугольникахъ въ видѣ сапоговъ. Подъ этимъ изображеніемъ я подписывалъ крупными буквами: „изъ однихъ треугольниковъ состоящій человѣкъ“,—къ восхищенію класса, восклицавшаго: „Коробицынъ, Коробицынъ“.

Чувствомъ козырянія насчетъ ближняго изо всѣхъ выдавался мальчикъ третьей палаты полякъ Чихоновецкій. Недурной собою, широкоплечій брюнетъ, онъ отличался атласной гладкостью лица и сильнымъ румянцемъ щекъ и даже горбатаго носа. Совершенно чужой въ нашихъ высшихъ па-

латахъ, онъ тѣмъ не менѣе изыскивалъ предлоги и случаи приходить къ намъ, гдѣ его радушно встрѣчали за его льстивость и вкрадчивость: „душенька", говорилъ онъ, обращаясь къ кому либо изъ насъ: „я такъ тебя люблю, ну, позволь мнѣ тебя обнять". При этомъ все лицо его выражало чувство полнѣйшаго умиленія. „Ну, позволь, продолжалъ онъ, дать тебѣ только бузю". (Такъ онъ называлъ поцѣлуй). Съ этимъ вмѣстѣ онъ приникалъ атласистой щекой плотно къ щекѣ собесѣдника, который, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ лишался возможности видѣть, что лицо Чихоновецкаго принимало грозный видъ по сосѣдству съ ухомъ избранника. Между тѣмъ Чихоновецкій мгновенно выставлялъ дразнящій языкъ, въ соотвѣтствіе съ приподнятымъ кулакомъ.

Нерѣдко такія лобзанія кончались жестокимъ щипкомъ со стороны Чихоновецкаго, мгновенно бѣжавшаго къ двери и исчезавшаго. Однажды этотъ полячекъ даже заочно сдѣлался предметомъ веселости для класса. Были у насъ два прекрасныхъ ученика Вульфы, изъ которыхъ меньшой при отличныхъ способностяхъ отличался упрямствомъ. Обладая прекрасной памятью, онъ былъ постоянно первымъ на первой скамьѣ въ классахъ исторіи и географіи.

— „Вульфъ, какъ называется вотъ этотъ городъ?" спросилъ однажды Гульчъ, указывая прутикомъ на кружокъ нѣмой карты. Вульфъ не отвѣтилъ. „Слѣдующій", сказалъ учитель. „Чивита-Векія", отвѣчалъ слѣдующій и былъ пересаженъ на первое мѣсто. „Вульфъ, какъ называется городъ?"— „Чи-чи, Чихоновецкій". Весь классъ захохоталъ. „Слѣдующій, какъ называется городъ?"—„Чивита-Векія".—„Пересядьте вверхъ". — „Вульфъ, какъ называется городъ?" — „Чихоновецкій". И такъ 18 разъ, пока Вульфъ, захлебываясь отъ рыданій со словомъ Чихоновецкій, изъ перваго сдѣлался послѣднимъ, и затѣмъ выгнанный за дверь, долженъ былъ выучить тамъ 25 стиховъ изъ Энеиды.

Я уже говорилъ о мѣсячныхъ карманныхъ деньгахъ, но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о классной штрафной книжкѣ, бывшей въ рукахъ у всякаго надзирателя. Въ ней штрафовались не проступки, подвергавшіеся другимъ карамъ, а простыя небрежности и нарушеніе правилъ приличія. За

каждое такое нарушеніе, напримѣръ, стояніе или сидѣніе на столѣ, разговоръ въ рекреаціонное время на нѣмецкомъ языкѣ, когда слѣдовало говорить по-французски или по-русски, пролитіе чернилъ и т. д., слѣдовалъ штрафъ въ размѣрахъ одной копѣйки. Тѣмъ не менѣе, изъ такихъ штрафовъ въ теченіи года собиралась достаточная сумма, размѣровъ которой опредѣлить я не берусь. Знаю только, что лѣтомъ на прогулкахъ до ближайшей молочной фермы на эти деньги покупались шайки кислаго молока и черный хлѣбъ, которымъ ученики могли лакомиться всласть. Въ городѣ во время созрѣванія ягодъ, надзиратель платилъ хозяину сада извѣстную сумму изъ этихъ денегъ за право учениковъ щипать ягоды сколько хотятъ. Троицынъ день у лютеранъ въ особенномъ почетѣ, и если я не ошибаюсь, въ школѣ онъ праздновался въ теченіи трехъ сутокъ. Тутъ младшихъ два класса подъ предводительствомъ надзирателей уходили на какую-нибудь ближайшую ферму, а намъ, старшимъ, предоставлялось право нанимать верховыхъ лошадей и подъ предводительствомъ надзирателя пускаться въ довольно отдаленныя прогулки.

Такъ однажды, я помню, мы не только добрались до Нейхаузена съ его историческими развалинами замка, но проѣхали и до Печоръ, гдѣ побывали и въ монастырѣ, и въ прилегающихъ къ нему пещерахъ, углубляющихся въ гору на подобіе кіевскихъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться позднѣе.

Въ пограничной Псковской корчмѣ, гдѣ мы давали вздохнуть нашимъ наемнымъ конямъ, мы наткнулись на великорослыхъ русскихъ троечниковъ, везшихъ какой-то товаръ. Обрадовавшись землякамъ, я тотчасъ же пустился въ разговоры и долженъ былъ въ свою очередь отвѣчать на ихъ вопросы.

— Такъ сами-то вы, добивался мой ражій собесѣдникъ, какъ сюда зашли? А затѣмъ, выслушавъ мои объясненія, прибавилъ: „значитъ разными иностранными языками обучаетесь“.

Когда мы за Нейхаузеномъ, перешедши черезъ мостокъ, очутились на русской землѣ, я не могъ совладѣть съ закипѣвшимъ у меня въ груди восторгомъ: слѣзъ съ лошади и бросился цѣловать родную землю.

Независимо отъ нашихъ школьныхъ поѣздокъ верхомъ,

а для меньшихъ классовъ въ фургонахъ, въ праздники Пятидесятницы на противоположномъ берегу широкаго озера, доходящаго до самаго сада школы, знаменитый нашъ хлѣбникъ Шлейхеръ устраивалъ народное стрѣльбище въ цѣль на призы. Въ хорошую погоду такой городской праздникъ выходилъ великолѣпный, и, конечно, мы, школьники, присутствовали на немъ только въ качествѣ зрителей и усердныхъ покупщиковъ Шлейхеровыхъ пряниковъ во всѣхъ видахъ. Зато двое изъ нашихъ учителей, Гульчъ и не менѣе его страстный охотникъ и стрѣлокъ Текстеръ, играли между стрѣлками, соискателями премій, самыя оживленныя роли. Надо было видѣть, съ какимъ тщаніемъ аккуратный Гульчъ приготовлялъ къ стрѣльбѣ въ цѣль свою прекрасную винтовку. Устройство самаго стрѣльбища было очень немногосложно. Передъ широкой палаткой съ развернутыми по направленію къ озеру полами вкопанъ былъ столбъ съ большимъ круглымъ щитомъ, съ концентрическими бѣлыми и черными кругами, посреди которыхъ, въ качествѣ центральной цѣли, вколочена была черная деревянная пробка, а за этимъ щитомъ, выставленнымъ на берегу озера, въ 200-хъ шагахъ отъ палатки былъ выкопанъ ровъ, за насыпью котораго сидѣлъ маркеръ, забивавшій молоткомъ на длинной рукояткѣ запасный клепышекъ въ пробитую послѣдней пулею дыру въ щитѣ. Когда же стрѣлокъ давалъ полный промахъ по щиту, маркеръ съ насмѣшливыми ужимками махалъ своимъ молоткомъ по воздуху. Хотя каждый стрѣлокъ и видѣлъ, въ какой изъ концентрическихъ круговъ онъ попалъ, но въ смыслѣ полученія приза это было безразлично, такъ какъ состязаніе на призъ возникало только между попавшими въ самую кнопку, которая, пораженная пулей, выбивалась, надписывалась и замѣнялась новою. Степень близости выстрѣловъ къ центру въ послѣдовательномъ порядкѣ опредѣлялась по окончаніи стрѣльбы въ самой палаткѣ стрѣлковъ экспертами съ помощью циркуля. Кромѣ собственныхъ штуцеровъ, принадлежавшихъ стрѣлкамъ-любителямъ, въ палаткѣ находились штуцера и заряды, предлагавшіеся Шлейхеромъ, помнится, по 5 коп. за выстрѣлъ, независимо отъ права выстрѣлить три раза, стоившаго 10 копѣекъ.

Подъ покровительствомъ Гульча и я очутился въ числѣ соискателей приза. Помню, призовъ было нѣсколько, начиная съ большаго серебрянаго кубка, дюжины серебряныхъ ложекъ, большаго серебрянаго суповаго ковша до пѣнковой трубки въ серебрѣ. Немало было наше изумленіе, когда среди стрѣлковъ появился нашъ неуклюжій школьный слуга Мертъ. Подвыпивъ съ пріятелями, онъ со словами: „хоть я и не стрѣляю, но отецъ мой стрѣлялъ, отчего же и мнѣ не попытать счастья?“— отправился въ палатку. Здѣсь, по примѣру другихъ, онъ положилъ наемный штуцеръ на подсошку и выстрѣлилъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда маркеръ указалъ молоточкомъ на самую середину кнопки. Много пуль выпустилъ затѣмъ восторженный Мертъ, но всѣ онѣ летѣли въ озеро, ни разу не задѣвая щита. По окончаніи стрѣльбища совершенно охмѣлѣвшій Мертъ оказался царемъ стрѣлковъ и въ этомъ качествѣ требовалъ, чтобы несли его на щитѣ въ палатку, что и было исполнено къ общей веселости.

Заговоривъ о миломъ Гульчѣ въ качествѣ охотника и стрѣлка, не могу не припомнить и другаго учителя охотника, бывшаго кадета и впослѣдствіи отставнаго офицера Текстера. Какъ о преподавателѣ русскаго языка, о немъ не стоило бы и говорить. Заставляя изъ году въ годъ учениковъ долбить Греча, онъ ничѣмъ не оживлялъ своего преподаванія, и не мудрено, что я нерѣдко былъ изловляемъ имъ и штрафованъ на копѣйку за нѣмецкій разговоръ во время рекреаціи, когда подъ надзоромъ его слѣдовало говорить по-русски.

Говорить по-русски съ такими собесѣдниками представляло истинную пытку. Живо помню небольшую сухопарую и остроносую фигурку Текстера, въ будни въ сѣромъ короткомъ сюртучкѣ, а въ праздникъ въ синемъ фракѣ съ ясными пуговицами, съ неизмѣнно заложеннымъ въ боковой карманъ лѣвымъ рукавомъ, такъ какъ руку эту онъ самъ раздробилъ себѣ, потащивъ за стволы въ камышѣ ружье, которое и взвелось и выстрѣлило, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ. Съ потерей лѣвой руки онъ повидимому совершенно свыкся, и цѣлый день съ неизмѣнной жадностью затягивался Жуковымъ изъ неугасающей трубки. Онъ былъ страстный охотникъ. Порываясь въ праздникъ на цѣлый день на озеро,

онъ готовъ былъ въ будни отдежурить вдвое за товарища, снабжающаго его воскреснымъ досугомъ. Такъ какъ предусмотрительный Крюммеръ понемногу скупалъ отдѣльные городскіе домики, сдавая ихъ впослѣдствіи женатымъ учителямъ, то и Текстеръ съ женою и дѣтьми помѣщался въ небольшомъ такомъ домикѣ на самомъ берегу озера. Когда весною вода, прибывавшая съ притоковъ, не успѣвала изливаться въ нижестоящее озеро, половодье не разъ заставляло семью Текстера выбираться на квартиры къ пріятелямъ. Разсказывали даже, что въ одну весну въ комнаты его жилья забѣжала рыба и, не нашедши обратнаго выхода, обмелѣла на полу.

Рано утромъ въ воскресенье Текстеръ, отвязавши свою лодку, клалъ передъ собою на скамейкѣ заряженное ружье и ягташъ съ охотничьими принадлежностями, коробочку съ червями и одну или двѣ удочки. Затѣмъ прижимая легкое весло верхнимъ концомъ къ груди, онъ ловко гребъ и давалъ желаемое направленіе лодкѣ. Затѣмъ, отъѣхавъ отъ берега, онъ, насадивъ на крючки червяковъ, забрасывалъ удочки въ воду и втыкалъ удилища въ приготовленныя на бортахъ отверстія; затѣмъ, вынувъ изъ зубовъ неразлучную трубку, онъ тщательно вычищалъ ее, набивалъ табакомъ изъ висящаго на ягташѣ кисета и доставалъ изъ него же превосходный кремень, трутъ и огромное огниво. Съ этимъ огнивомъ онъ никогда не разлучался, а каждый разъ, чтобы высѣчь огня, зажималъ его между колѣней и, прихвативши кусокъ трута къ острому кремню, проводилъ послѣднимъ по огниву. Такимъ образомъ огонь добывался мгновенно. Запасшись пылающею трубкой, неутомимый Текстеръ укладывалъ все на прежнее мѣсто, снова брался за весло и направлялъ лодку въ камыши, гдѣ надѣялся подкараулить неосторожную утку или поживиться болѣе крупною рыбой.

XIII.

Воейковъ. — Перейра.—Имѣніе Сербигаль.—Каникулы.—Поѣздка съ Крюммеромъ въ Петербургъ.—Отъѣздъ изъ Верро.

Однажды зимою въ нашей школѣ появился толстоватый и неуклюжій на видъ пожилой человѣкъ, приведшій чернаго, кудряваго и высокорослаго сына совершенно цыганскаго типа, но какъ оказалось получавшаго до 15-ти лѣтняго возраста воспитаніе въ Швейцаріи и говорившаго только гнусливымъ и мало понятнымъ французскимъ языкомъ.

У насъ онъ поступилъ, несмотря на свой ростъ, въ меньшой классъ. Фамилія его была Воейковъ. Услыхавъ, что я русскій, старикъ Воейковъ, проживщій въ гостинницѣ около недѣли, выпросилъ у Крюммера позволеніе взять меня вмѣстѣ съ сыномъ своимъ къ себѣ.

Я забылъ сказать, что по рукописной книгѣ Борисовской библіотеки я дома познакомился съ большинствомъ перво-классныхъ и второстепенныхъ русскихъ поэтовъ отъ Хераскова до Акимова включительно, и помнилъ стихи, наиболѣе мнѣ понравившіеся. Я замѣтилъ, что грубоватому Воейкову было пріятно, что я помнилъ много куплетовъ изъ его „Сумасшедшаго дома". Просилъ онъ меня принять участіе въ его сынѣ, но участіе мое ни къ чему не повело: молодой Воейковъ не оказывалъ никакихъ успѣховъ ни по части общежительности и дружбы, ни по части наукъ. Кажется, въ теченіи того же года отецъ взялъ его изъ школы, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Мое качество кореннаго русскаго обратило на себя вниманіе лифляндскаго помѣщика испанскаго происхожденія Перейры, обрусѣвшаго въ русской артиллеріи, въ которой, достигнувъ чина полковника, онъ женился на весьма милой дочери лифляндскаго богача Вульфа, обладавшаго, какъ мнѣ говорилъ самъ директоръ Крюммеръ, 360-ю большихъ и малыхъ имѣній и фольварковъ. Отставной артиллерійскій полковникъ Перейра получилъ за женою въ приданое прекрасное имѣніе и прижилъ съ нею двухъ дѣтей: мальчика Аль-

фонса и дѣвочку, носившую имя матери Елизавета. Молодой Перейра, малый моихъ лѣтъ, былъ во второй палатѣ и никакъ не выше третьяго класса, но зато отличался всякаго рода шалостями и непокорствомъ. Считая вѣроятно для сына, предназначаемаго въ военную службу, мое товарищество полезнымъ, хотя бы въ видахъ практики въ русскомъ языкѣ, полковникъ сперва упросилъ Крюммера отпускать меня въ гостинницу въ дни, когда самъ пріѣзжалъ и бралъ къ себѣ сына, а затѣмъ, узнавши, что изо всей школы на время двухмѣсячныхъ каникулъ я одинъ останусь въ ней по отдаленности моихъ родителей, онъ упросилъ Крюммера отпустить меня къ нимъ вмѣстѣ съ сыномъ. Полковникъ Перейра, оказалось, былъ человѣкъ зажиточный, содержавшій имѣніе и домъ при помощи привѣтливой и красивой блондинки жены въ примѣрномъ порядкѣ. Мы съ Альфонсомъ пользовались полною свободой, но причудамъ и шалостямъ послѣдняго представлялось въ имѣніи отца слишкомъ тѣсное поприще, такъ какъ всякая изъ выходокъ могла дойти до отца, который, поставляя меня въ примѣръ благонравія, не щадилъ сына рѣзкими замѣчаніями. За неимѣніемъ лучшаго развлеченія, Альфонсъ забавлялся преслѣдованіемъ своей милой сестры, гонялся за ней и нещадно теребилъ ее за прекрасныя свѣтлорусыя косы. Бѣдная дѣвочка кричала и плакала; на голосъ ея выходила мать и останавливала шалуна, но по уходѣ ея преслѣдованія сестры начинались снова, такъ что я нерѣдко вступался за дѣвочку. Зато когда насъ привозили по сосѣдству въ знаменитое имѣніе Сербигаль къ богатому дѣду Альфонса Вульфу, проказамъ и своеволію мальчика не было границъ. Престарѣлый дѣдъ и бабка души не чаяли въ ненаглядномъ внукѣ; онъ это зналъ и распоряжался въ домѣ какъ баши-бузукъ. Хотѣлось ли ему сластей, люнеля или дорогаго рейнвейна, онъ выжидалъ минуты, когда ключница шла въ кладовую и въ погребъ; тамъ онъ, насыпавши полные карманы изюму, миндалю и черносливу, вырывалъ у ней изъ рукъ бутылки съ дорогимъ виномъ, и когда та начинала ворчать: „но, господинъ Перейра, какъ же это можно?“—онъ кричалъ ей: „убирайтесь вы! какъ это глупо такъ приставать къ людямъ!“

Сербигальскій дворецъ, какимъ я засталъ его, стоитъ быть упомянутымъ по своему устройству и обиходу. Стеклянный подъѣздъ посреди главнаго фасада велъ въ просторную швейцарскую съ постояннымъ швейцаромъ въ ливреѣ и съ булавой. Прямо передъ входомъ подымалась широкая лѣстница, расходившаяся съ площадки на двѣ стороны втораго этажа, т. е. направо въ женскую половину, а налѣво въ мужскую. Вправо изъ швейцарской дверь вела въ кабинетъ хозяина, а ближайшая къ лѣстницѣ противъ входа шла во внутренніе покои, начиная съ громадной столовой, за которой слѣдовали двѣ гостиныхъ и обширная зала, выходившая зеркальною дверью и такимъ же окномъ въ зимній садъ, наполненный всевозможными растеніями. Въ залѣ па другомъ ея концѣ, прямо противъ зеркальныхъ стеколъ оранжереи, вставлены были два зеркала. Такимъ образомъ зала, повидимому, съ обоихъ концовъ примыкала къ саду. Наверху въ дамскомъ отдѣленіи я не былъ. Зато налѣво мужское хорошо мнѣ знакомо, такъ какъ въ немъ мы нерѣдко гостили съ Альфонсомъ. Мужское отдѣленіе напоминало корридоромъ и рядомъ отдѣльныхъ комнатъ прекрасно устроенную гостинницу, въ которой гость находилъ все необходимое и изящное подъ руками. Смежные номера, какъ и въ гостинницахъ, могли быть по желанію соединяемы растворенными дверями.

Кромѣ швейцара и дежурнаго слуги, въ лакейской въ обширномъ домѣ въ теченіи дня не видно было никакой прислуги. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, около лѣстницы постоянно можно было встрѣтить курносаго, шестипалаго карлика, и мускулистый Альфонсъ никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи схватывать пищащаго карлика и разжимать ему насильно шестипалыя кисти рукъ, которыя тотъ старался сворачивать въ кулакъ.

„Неужели, думалось мнѣ, пронзительный крикъ карлика не достигаетъ ушей стариковъ?“

Помнится, что, кромѣ завтрака въ полдень, въ 5 часовъ дня всѣ обязательно приходили къ столу. Говорю всѣ, такъ какъ я большею частію попадалъ на стороннихъ гостей, между которыми выдавался сановитый приходскій пасторъ. Прекрасный обѣдъ отправлялся весьма торжественно. Всѣ

парадныя комнаты, начиная съ швейцарской, были въ бельэтажѣ, подъ которымъ во весь громадный домъ находились кухня, кладовыя и многочисленныя мастерскія разнородныхъ ремесленниковъ: портныхъ, башмачниковъ, столяровъ, ткачей и т. д. За полчаса до господскаго обѣда всѣ эти мастеровые прекращали работы, умывались, надѣвали ливрейное платье и шли въ столовую накрывать столъ. Къ этому времени садовники приносили нѣсколько пышныхъ букетовъ, которые разстанавливались по изящно и богато накрытому столу. За усѣвшимися за обѣдъ скромно одѣтыми старичками и ихъ гостями для услугъ разстанавливались ливрейные лакеи. Пока вставшіе изъ-за стола гости получали въ гостиной по чашкѣ кофея, собственноручно налитаго хозяйкою, раздвинутый столъ въ столовой исчезалъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезала и ливрейная прислуга, возвращавшаяся къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ. Хотя старики никуда не выѣзжали, тѣмъ не менѣе въ просторной конюшнѣ содержалось до сорока лошадей, и тутъ-то моему Альфонсу было полное раздолье.

Такъ какъ мы въ ту пору предпочитали верховую ѣзду экипажной, онъ иногда по нѣскольку разъ въ день приказывалъ сѣдлать любыхъ лошадей, и мы пускались скакать по окрестнымъ лѣсамъ и полямъ.

Не могу опредѣлить времени кабинетныхъ занятій старика Вульфа, такъ какъ я всего раза два или три заглядывалъ въ его кабинетъ. Тутъ на шкафахъ съ книгами стояли два громадныхъ глобуса: земной и небесный, а свободныя стѣны были покрыты большими географическими картами. Посреди пола въ паркетъ врѣзано было кольцо, за которое приподымалась четырехугольная крышка. При своихъ посѣщеніяхъ кабинета дѣда, Альфонсъ менѣе всего интересовался учебными пособіями и болѣе всего паркетною крышкой. Откинувъ ее, онъ по небольшой лѣсенкѣ спускался въ погребокъ, снабженный по всѣмъ четыремъ стѣнамъ полками въ нѣсколько рядовъ. Всѣ полки были установлены ящиками съ сигарами, и конечно, между прочимъ, весьма дорогими.

Однажды, когда я стоялъ въ кабинетѣ, смотря на хозяйничанье Альфонса въ подпольѣ, онъ перочиннымъ ножомъ

вскрылъ ящикъ регалій и, высыпавъ его въ полы сюртука, побѣжалъ съ своею добычей къ конюшнямъ, гдѣ и роздалъ конюхамъ дорогія сигары.

Скача по окрестностямъ, мы однажды наѣхали на высокую и пространную каменную ограду съ желѣзными рѣшетчатыми воротами, надъ которыми виднѣлся потускнѣвшій золоченый крестъ.

— Что это такое? спросилъ я, когда мы подъѣхали къ воротамъ.

— Кладбище, отвѣчалъ Альфонсъ, слѣзая съ лошади и привязывая ее. — Привяжи свою лошадь, мы сейчасъ туда пойдемъ.

— Какъ же мы взойдемъ, когда ворота на запорѣ?

— Пустяки, сказалъ Альфонсъ, просовывая руку между прутьями рѣшетки и отодвигая незамкнутый засовъ.

Все значительное пространство кладбища было покрыто частію старыми могилами, а частію крестами и памятниками.

— А это что такое? спросилъ я, указывая на каменное строеніе, похожее на погребъ съ плотно запертыми дверями.

— Вотъ бы взойти! сказалъ Альфонсъ, подходя къ дверямъ: вѣдь какъ шатается! говорилъ онъ, сильнымъ плечомъ напирая въ ветхую дверь.

Дверь не подавалась.

— Что жъ ты стоишь? обратился онъ ко мнѣ: хоть бы налягнулъ! а то точно баба! сказалъ онъ, щеголяя русскимъ выраженіемъ.

Налегъ и я, и стало слышно, какъ съ каждымъ нашимъ дружнымъ толчкомъ дверь подавалась все больше и больше, и наконецъ съ глухимъ лязгомъ пріотворилась. Сначала ничего не было видно во мракѣ, но когда мы нарочно широко распахнули обѣ половинки дверей, то увидали ряды гробовъ, мѣстами поставленныхъ въ два яруса. Возиться съ большими гробами мы не хотѣли, но близко отъ входа на большихъ стоялъ маленькій.

— Надо посмотрѣть, что тамъ, сказалъ Альфонсъ, и снявши гробикъ, мы поставили его на самую полосу врывающагося свѣта. Удивительно, что крыша, когда мы ее вскрывали, не представила ни малѣйшаго сопротивленія. Надо по-

лагать, что гвозди или винты, которыми она была прикрѣплена къ гробу, не могли уже крѣпко держаться въ сгнившемъ деревѣ. Взорамъ предстала совершенно бѣлая какъ мѣлъ дѣвочка лѣтъ 10-ти, съ тихимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ у спящаго ребенка.

Одѣта она была въ легкое бѣлое платье, обшитое широкими кружевами. Брезгуя прикасаться къ мертвой, я схватилъ попавшійся мнѣ подъ руку обломокъ вѣтки и попробовалъ тронуть платье. Кружева и самое платье не представляли моему прутику никакого сопротивленія и разсыпались подъ нимъ такъ же для меня нечувствительно, какъ если бы я чертилъ по водѣ.

То же самое происходило и съ тѣломъ. Мы закрыли гробъ и снова поставили его на прежнее мѣсто, а затѣмъ, затворивши, насколько возможно было, дверь склепа и желѣзныя ворота, сѣли на лошадей и поскакали домой.

Случилось однажды, что въ богатомъ Сербигалѣ, когда туда собрались наши товарищи, дѣти окрестныхъ помѣщиковъ, случайно пріѣхалъ и Крюммеръ, пользовавшійся въ краѣ всеобщимъ уваженіемъ. Въ видѣ особаго почета онъ былъ помѣщенъ внизу въ аппартаментахъ самого хозяина, и поэтому веселое общество, собравшееся у насъ въ номерахъ мужскаго отдѣленія, чувствовало себя совершенно свободнымъ.

Альфонсъ на этотъ разъ превзошелъ самого себя въ обильномъ снабженіи насъ всевозможнымъ продовольствіемъ. Отворенныя двери нѣсколькихъ номеровъ представляли амфиладу общихъ комнатъ, на столахъ которыхъ среди всякихъ бутылокъ появились всевозможныя сласти, а на одномъ запасы дѣдовскаго табаку и дорогихъ сигаръ, вслѣдствіе чего комнаты оказались накуренными, какъ коптильня, и въ довершеніе всего по распечатаніи новыхъ картъ, на ломберныхъ столахъ завязалась карточная игра, въ которой я, впрочемъ, не принималъ никакого участія. Разгоряченные рейнвейномъ, всѣ болтали, шумѣли за полночь, почти не слушая другъ друга, и вдругъ все умолкло и замерло: въ дверяхъ, въ красномъ халатѣ и туфляхъ, съ дымящейся пѣнковой трубкой въ рукахъ стоялъ Крюммеръ. Злополучныя карты полетѣли подъ столъ, но не ускользнули отъ взгляда педагога. Черезъ чет-

верть часа по уходѣ грознаго посѣтителя мы потушили свѣчи и лежали по своимъ кроватямъ.

Передъ возвращеніемъ въ школу, мы поѣхали благодарить стариковъ Вульфовъ за ихъ гостепріимство. Старикъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ, а про хозяйку намъ сказали, что она занята на кухнѣ; мы оба сошли на кухню и тамъ у горячей плиты застали баронессу въ ея неизмѣнномъ кружевномъ бѣломъ чепцѣ, стоящую съ засученными рукавами надъ тазикомъ и мѣшающую варенье, какъ это дѣлаютъ въ Балтійскихъ провинціяхъ.

Въ домѣ Перейры я слыхалъ отъ домашнихъ, что добрѣйшая хозяйка во время полнолунія иногда выходитъ изъ спальни въ залу, открываетъ рояль и играетъ съ открытыми глазами; но на другой день ничего не помнитъ о своей ночной прогулкѣ.

Вѣроятно, наша ночная оргія въ Сербигалѣ сильно не понравилась отцу Перейры, который должно быть пришелъ къ заключенію, что мое товарищество мало способствуетъ нравственному воспитанію Альфонса. Перейры болѣе не брали меня къ себѣ на каникулы; и оставаясь одинъ въ громадной пустой школѣ и пустомъ для меня городѣ, я слонялся безцѣльно цѣлый день, напоминая болѣе всего собаку, потерявшую хозяина. Къ счастію моему, Гульчъ женился на очень милой дѣвушкѣ, и я хотя изрѣдка заходилъ въ небольшой ихъ домикъ. Раза съ два я увязывался даже за Гульчемъ на болотную охоту, причемъ городской его товарищъ по охотѣ любезно снабжалъ меня двухствольнымъ ружьемъ и патронташемъ. Въ первый разъ я лихо срѣзалъ первымъ выстрѣломъ взлетѣвшаго передо мной бекаса, но затѣмъ промахъ слѣдовалъ за промахомъ. На слѣдующій разъ, когда, уставши равняться со старыми охотниками, я поставилъ кремневую двухстволку со взведенными курками прикладомъ на ягташъ, прикладъ, неожиданно соскочивъ, заставилъ меня внезапно сжать шейку ружья; палецъ мой попалъ на лѣвую собачку, и раздался никѣмъ неожидаемый выстрѣлъ. Мнѣ было совѣстно и больно на обожженной правой щекѣ.

— Что такое? что такое? спрашивали мои товарищи, между которыми я шелъ, и вдругъ Гульчъ, взглянувъ на меня, раз-

разился гомерическимъ смѣхомъ: правая щека моя представляла подбородокъ негра. При вспышкѣ полка, находящаяся прямо противъ правой щеки, закоптила послѣднюю и глубоко загнала въ нее пороховыя зерна.

На другой день Крюммеръ, увидавши на полу моей классной около умывальника громадную дохлую крысу, спросилъ: „это должно быть та дичина, которую ты вчера застрѣлилъ?“

Чтобы не остаться татуированнымъ на всю жизнь, я вынужденъ былъ иглою выковыривать засѣвшія въ щеку порошинки.

Вслѣдствіе неудачи, я опять пошелъ по цѣлымъ днямъ безцѣльно и тоскливо слоняться по городу, причемъ щеголялъ пестрымъ бухарскимъ архалукомъ, купленнымъ мною, по примѣру одного изъ франтоватыхъ товарищей, у проѣзжаго татарина. Зачастую заходилъ я въ главную овощную лавку на большой улицѣ, куда и въ учебное время на классныхъ прогулкахъ надзиратели позволяли намъ забѣгать на минутку за какой-либо мелочью. Именинники наканунѣ забѣгали туда купить фунтъ или два шоколаду плиточками, который сдавали экономкѣ, прося угостить на другой день классъ шоколадомъ, сваренным на обычной порціи молока. Сидѣльцы лавки были чрезвычайно къ намъ, школьникамъ, предупредительны. И когда я отъ нечего дѣлать ходилъ болтать съ ними, то нерѣдко находилъ ихъ забавляющимися надъ лохматыми чухнами, выпрашивающими себѣ въ даръ изъ бочки копѣечную селедку. Кромѣ самыхъ необходимыхъ словъ, я никогда не понималъ по-чухонски, тѣмъ болѣе громогласной болтовни по поводу селедки.

— Зачѣмъ вы рубите топоромъ селедку на двое? спросилъ я сидѣльца.

— А затѣмъ, что ихъ двое, и если хотите, я сейчасъ устрою потѣху: вцѣпятся другъ другу въ волоса и исцарапаются до крови,— стоитъ только имъ подарить цѣльную селедку на двоихъ.

Конечно я просилъ этого не дѣлать.

Не разъ, желая показать себя взрослымъ, вмѣсто пряниковъ и шоколада, я требовалъ себѣ бутылку Мозель-вейна. При этомъ услужливый сидѣлецъ говорилъ: „здѣсь за при-

лавкомъ вамъ неудобно, а не пожалуете ли въ каморку? тамъ и столикъ, и стулья, и диванчикъ. Можно подать вамъ и кусочекъ колбаски. Недавно получили,—самая свѣжая“.

Однажды, опорожнивъ бутылку и закуривши трубку, я разлегся на диванѣ, и вдругъ почувствовалъ жгучую боль на лѣвой груди. Встрепенувшись, я увидалъ, что вата на груди моего архалука прогорѣла, и огненное пятно разошлось уже шириною въ ладонь. Выхвативъ носовой платокъ, я тотчасъ же потушилъ загорѣвшееся платье, но сорочка моя прогорѣла, и грудь была значительно обожжена.

— Я собираюсь проѣхать въ Петербургъ, сказалъ однажды Крюммеръ: не хочешь ли проѣхаться со мною на половинныхъ издержкахъ?

Не зная, что это будетъ стоить, я съ радостью согласился. Мы сѣли съ Крюммеромъ въ рессорную крытую бричку, помѣстивши въ ноги два небольшихъ чемодана, и отправились на почтовыхъ въ путь. Однажды мы уже ѣздили такимъ образомъ съ Крюммеромъ въ Дерптъ на его парѣ лошадей, заѣзжая по дорогѣ къ знакомымъ помѣщикамъ. Тогда насъ сопровождалъ и коричневый пудель Крюммера Азоръ, привязавшійся ко мнѣ не менѣе, чѣмъ къ своему хозяину. Куда бы я ни пошелъ по Дерпту, Азоръ всюду слѣдовалъ за мною. Проходя мимо каменной стѣны, я прочелъ на воротахъ надпись: „Ботаническій садъ“. Когда я отворилъ калитку, Азоръ весело понесся по песчанымъ дорожкамъ между клумбами. Но не успѣлъ онъ опередить меня, какъ появившійся навстрѣчу коренастый садовникъ, схватилъ его за кольцо мѣднаго ошейника и, заперши на ключъ въ сторожку, обратился ко мнѣ и сказалъ: „пожалуйте 25 руб. штрафу. Надъ входомъ въ садъ прописано воспрещеніе водить сюда собакъ подъ угрозою такого штрафа“. Горько было мнѣ ущерблять такъ значительно свой капиталъ. „Но какъ, подумалъ я, явиться къ Крюммеру безъ Азора?“ И не пускаясь въ дальнѣйшія возраженія и обзоръ сада, я заплатилъ штрафъ и увелъ Азора.

Не буду описывать нашей петербургской поѣздки, потому что меня ничего не поражало, и ничто не останавливало моего вниманія. Помню только, что директоръ всюду возилъ

меня съ собой, и я, не взирая на все мое уваженіе къ нему и даже раздраженіе, ребячески хохоталъ надъ его русскимъ языкомъ. Мы оба не знали топографіи Петербурга.

Однажды, когда Крюммеру показалось, что плохенькій извозчикъ для своей выгоды возитъ насъ въ объѣздъ, онъ вдругъ закричалъ на возницу: „ти дуракъ, ти хочешь накожà“ (du willst auf's Fell haben; смыслъ: у тебя шкура чешется).— „Ти насъ гуляешь. Чему же ты хохочешь? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: это и неприлично, и глупо“.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ я, задыхаясь отъ смѣха.

Въ Кронштадтѣ, указывая на тушу черкасскаго вола, Крюммеръ спросилъ мясника: „какъ онъ труденъ (schwer)?“ Замѣчательно, что мясникъ тотчасъ понялъ вопросъ и отвѣчалъ: „пудовъ тридцать“.

Но вотъ съ окончаніемъ каникулъ наступила и вторая половина семестра, вѣнчающагося для лучшихъ учениковъ переходомъ въ высшій классъ. Каждый разъ передъ концомъ семестра и роспускомъ учениковъ, Крюммеръ послѣ молитвеннаго пѣнія подъ органъ говорилъ напутственную рѣчь, изъ которыхъ одна запечатлѣлась въ моей памяти. Смыслъ ея былъ приблизительно таковъ:

„Мои милые! (meine lieben!), родители ваши помѣстили васъ сюда въ надеждѣ, что въ своей школѣ я снабжу васъ свѣдѣніями, необходимыми для образованнаго человѣка. При настоящемъ возвращеніи вашемъ подъ домашній кровъ, родители вправѣ спросить, въ какой мѣрѣ вы воспользовались годичнымъ срокомъ для преуспѣянія, и насколько я исполнилъ долгъ свой, сообщая вамъ эти свѣдѣнія? Конечно, способы сообщенія свѣдѣній могутъ быть, подобно всякимъ инымъ усиліямъ, добросовѣстны и умѣлы, или напротивъ небрежны и неудовлетворительны; но люди, помышляющіе только о вашихъ успѣхахъ, могли бы отчасти смотрѣть на меня, какъ на человѣка, обладающаго возможностью, помимо всякихъ съ вашей стороны трудовъ, влить вамъ въ голову надлежащія свѣдѣнія. Не буду говорить, что послѣдняго я сдѣлать не могу; но скажу, что если бы могъ, то и тогда бы не дѣлалъ, такъ какъ главное значеніе школы въ моихъ гла-

захъ не тѣ или другія свѣдѣнія, которыя сами по себѣ большею частію являются совершенно безполезными въ жизни, а въ привычкѣ къ умственному труду и способности въ разнообразіи жизненныхъ явленій останавливаться на самыхъ въ данномъ отношеніи существенныхъ. Такой умственной зрѣлости возможно достигнуть только постепеннымъ упражненіемъ въ логическомъ пониманіи вещей, пониманіи, въ которомъ небрежный пропускъ одного связующаго звена дѣлаетъ всю дальнѣйшую работу несостоятельной. Я, какъ вы знаете, ничего не имѣю противъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ памятью. Всѣ географическія нѣмыя карты въ нашей школѣ составлены и изданы мной, между тѣмъ исторія и географія составляютъ только богатство памяти, тогда какъ упражнять разумъ для будущаго правильнаго мышленія можно только надъ математикой и древними языками“.

Мнѣ доходилъ 17-й годъ, и я разсчитывалъ попасть въ первый классъ, такъ какъ въ изустныхъ и письменныхъ переводахъ съ нѣмецкаго на латинскій и въ классѣ Энеиды, равно какъ и на урокахъ математики и физики я большею частію занималъ второе мѣсто и нерѣдко попадалъ на первое. Нѣмецкими сочиненіями моими учитель былъ весьма доволенъ и ставилъ ихъ въ примѣръ прочимъ ученикамъ-нѣмцамъ. При этомъ не могу не вспомнить о русскихъ стихотворныхъ потугахъ, иногда овладѣвавшихъ мною при совершенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ тихія минуты полной беззаботности я какъ будто чувствовалъ подводное вращеніе цвѣточныхъ спиралей, стремящихся вынести цвѣтокъ на поверхность; но въ концѣ-концовъ оказывалось, что стремились наружу однѣ спирали стеблей, на которыхъ никакихъ цвѣтовъ не было. Я чертилъ на своей аспидной доскѣ какіе то стихи и снова стиралъ ихъ, находя ихъ безсодержательными. Любившій надо мною подтрунить, Крюммеръ говорилъ въ моемъ присутствіи кому-то, чуть ли не полковнику Перейрѣ, будто я пишу на аспидной доскѣ стихи извѣстныхъ русскихъ поэтовъ и потомъ выдаю ихъ за свои. А между тѣмъ удивительно, что Крюммеръ могъ говорить о моихъ мараніяхъ стиховъ, такъ какъ я ихъ никому не показывалъ.

Вдругъ, въ концѣ декабря совершенно для меня нежданно

явился отецъ и сказалъ, что рѣшено не оставлять меня въ такомъ отдаленіи отъ родныхъ, а везти въ Москву для приготовленія въ университетъ.

— А ну сыграй-ка на фортопьянахъ, сказалъ отецъ, когда я пришелъ къ нему въ гостинницу.

Я вынужденъ былъ разсказать о случившемся, къ немалому неудовольствію отца.

XIV

Поступленіе къ Погодину. — Описаніе Погодинскаго дома. — Рудольфъ Ивановичъ. — Дмитріевъ. — Вегнеры.—Тындоевъ. – Варпановъ.—Аграфена Михайловна.—Молочная каша.—Привидѣнія.

На другой день мы были уже въ кибиткѣ и черезъ Петербургъ доѣхали въ Москву. Здѣсь, по совѣту Новосильцова, я отданъ былъ для приготовленія къ университету къ профессору московскаго университета, знаменитому историку М.. П. Погодину.

Въ назначенный часъ я явился къ Погодину.

Вмѣсто всякаго экзамена, Михаилъ Петровичъ вынесъ мнѣ Тацита и, снабдивъ перомъ и бумагой, заставилъ въ комнатѣ, ведущей къ нему въ кабинетъ, перевести страницу безъ пособія лексикона. Не знаю, въ какой степени удовлетворительно исполнилъ я свою задачу; полагаю даже, что почтенный Михаилъ Петровичъ и не провѣрялъ моего перевода по оригиналу, но на другой день я вполнѣ устроился въ отдѣльномъ лѣвомъ флигелѣ его дома.

Помѣщеніе мое состояло изъ передней и комнаты, выходящей заднимъ окномъ на Дѣвичье поле. Товарищемъ моимъ по комнатѣ оказался нѣкто Чистяковъ, выдержавшій осенью экзаменъ въ университетъ, но недопущенный въ число студентовъ на томъ основаніи, что одноклассники его по гимназіи, изъ которой онъ вышелъ, еще не окончили курса. Такимъ образомъ, жалуясь на судьбу, Чистяковъ снова принялся за Цицерона, Энеиду и историческія тетрадки Ивана Дмитр.

Бѣляева, котораго Погодинскіе школьники прозывали „хромбѣсомъ“ (онъ былъ хромъ), въ отличіе отъ латинскаго учителя Бѣляева, который прозывался „черненькимъ“.

Когда послѣдній въ видѣ экзамена развернулъ передо мною на удачу Энеиду, и я, не читая по-латыни, сталъ переводить ее по-русски, онъ закрылъ книгу и поклонившись сказалъ: „я не могу вамъ давать латинскихъ уроковъ“. И дѣйствительно съ той поры до поступленія въ университетъ я не бралъ латинской книги въ руки. Равнымъ образомъ для меня было совершенно безполезно присутствовать на урокахъ математики, даваемыхъ нѣкоимъ магистромъ Хилковымъ школьникамъ, проживавшимъ въ самомъ домѣ Погодина и состоявшимъ въ вѣдѣніи надзирателя нѣмца Рудольфа Ивановича, обанкрутившагося золотыхъ дѣлъ мастера. Рудольфъ Ивановичъ къ намъ съ Чистяковымъ вхожъ не былъ; но и у своихъ шаловливыхъ и задорныхъ учениковъ не пользовался особымъ вниманіемъ и почетомъ.

Обѣдать и ужинать мы ходили въ домъ за общій столъ съ десяткомъ учениковъ, составлявшихъ Погодинскую школу, въ которой продовольственною частью занималась старуха мать Погодина, Аграфена Михайловна, отличавшаяся крайней бережливостью.

Для ясности воспоминаній скажу нѣсколько словъ о расположеніи Погодинскаго дома и принадлежащихъ къ нему угодій.

На восходящей отъ параднаго крыльца стеклянной галлереѣ было двое дверей; направо противъ крыльца нашего флигеля, въ которомъ мы проживали съ Чистяковымъ, и налѣво въ переднюю, изъ которой не широкій корридоръ проходилъ черезъ весь домъ до противоположнаго дѣвичьяго крыльца, отдѣляя бо̀льшую половину дома съ пріемной, обширной гостиной, превращенной въ кабинетъ Погодина съ балкономъ на Дѣвичье поле, отъ домашнихъ помѣщеній. За парадной амфиладой находилась спальня и вообще женскія комнаты.

За глухою стѣной Погодинскаго кабинета находилась довольно обширная столовая, освѣщаемая сверху стекляннымъ куполомъ, крыша котораго виднѣлась со всѣхъ пунктовъ Дѣ-

вичьяго поля. Снизу столовая эта представлялась снабженною хорами, но въ сущности они были балюстрадой, ведущей въ комнаты мезонина, въ которыхъ мнѣ бывать не пришлось, но памятныхъ тѣмъ, что тамъ съ полгода проживалъ Гоголь. Впослѣдствіи столовая эта была превращена Погодинымъ въ портретную галлерею писателей, лики которыхъ въ натуральную величину писалъ для него какой-то живописецъ, вѣроятно, за болѣе чѣмъ умѣренное вознагражденіе. Тамъ красовались всѣ представители исторической науки и поэзіи отъ Ломоносова до Лермонтова и гр. Ростопчиной включительно. Посрединѣ корридора дверь направо шла мимо домашнихъ комнатъ въ садъ, начинавшійся лужайкою съ бѣломраморною посрединѣ вазой. Далѣе шла широкая и старинная липовая аллея до самаго конца сада съ бесѣдкой изъ дикаго винограда.

Кромѣ разнородныхъ и тѣнистыхъ деревьевъ, свѣшивавшихся черезъ высокій деревянный заборъ на Дѣвичье поле и обширныхъ прудовъ, задернутыхъ лѣтомъ „зеленой сѣтью травъ“, при садѣ было большое количество земли, сдаваемой ежегодно подъ огородныя овощи.

Выше я говорилъ о своемъ флигелѣ, по правую сторону при входѣ въ домъ; приходится упомянуть о другомъ флигелѣ, гораздо большемъ, по лѣвую сторону дома. Флигель этотъ былъ въ два этажа и въ нижнемъ помѣщалась мужская Погодинская прислуга. Тамъ же была и кухня. Во второй этажъ вела деревянная лѣстница, раздѣлявшая флигель на двѣ части: направо съ окнами на Дѣвичье поле были небольшія комнаты, въ которыхъ помѣщался Рудольфъ Ивановичъ съ женою, малолѣтними дѣтьми и кухаркой Марфой.

Такъ какъ главною задачей Михаила Петровича было платить какъ можно меньше, то я воображаю, что мѣсячное жалованье Рудольфа Ивановича было крайне скудно, да по правдѣ сказать, едва ли онъ и стоилъ дороже. Главною заботою его было навязать своимъ воспитанникамъ оставшіеся на рукахъ недорогіе перстни съ дешевыми сибирскими камнями, о которыхъ онъ говорилъ съ внушительной похвалой. Между воспитанниками, конечно, были и дѣти богатыхъ родителей. Но что это было за разновидное сборище тупицъ вся-

каго рода и вида! Вотъ, напримѣръ, въ темносиней курткѣ съ небольшими мѣдными пуговицами, расположенными лирой, 16-ти или 17-ти лѣтній сынъ сенатора М. А. Дмитріева, оберъ-прокурора московскаго сената. Дмитріевъ этотъ, племянникъ баснописца Ивана Ивановича Дмитріева, замѣчательно образованный человѣкъ, переводчикъ сатиръ Горація, по убѣжденіямъ сторонникъ Хомякова, Аксаковыхъ и Погодина, былъ въ то же время острякъ въ Пушкинскомъ родѣ. Когда однажды чуть ли не Снѣгиревъ, вслѣдствіе ложной вѣсти о смерти Дмитріева, выпустилъ слѣдующую эпиграмму:

„Михайло Дмитріевъ умре,
Считался онъ лишь въ пятомъ классѣ,
Былъ камеръ-юнкеръ при Дворѣ
И камердинеръ при Парнасѣ".

Дмитріевъ отвѣчалъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Не умеръ я, хвала судьбѣ,
Могу полезнымъ быть я снова,
Быть въ явной съ Вяземскимъ борьбѣ
И молча плюнуть въ Снѣгирева".

Вотъ этотъ-то поэтъ, съ которымъ мнѣ впослѣдствіи пришлось ближе познакомиться, передалъ другу своему Погодину сына, прося дѣлать что угодно для его исправленія, такъ какъ малый де отъ рукъ отбился.

Были тамъ два брата Вегнеры, о которыхъ ничего не могу сказать, кромѣ того, что, вопреки строгому запрету Погодина, они накуривали дортуаръ, служившій вмѣстѣ и классною, Жуковымъ до невозможности. Былъ тамъ горбоносый, смуглый и черноволосый тифлисскій армянинъ Тындоевъ, хваставшійся количествомъ верблюдовъ у своего отца. О, какъ премудры современные педагоги, толкующіе о неподсильности древнихъ языковъ для своихъ воспитанниковъ! Ничего страннѣе и несообразнѣе не могло быть Тындоева, держащаго въ рукахъ латинскій словарь и Корнелія Непота. Совершенный верблюдъ, читающій по-латыни. Конечно, далѣе покупки блестящей циммермановской шляпы къ Святой, образованіе его идти не могло.

Но главнымъ махровымъ цвѣткомъ небольшаго букета былъ широкоплечій, мелкокудрявый Варпановъ. Чистяковъ любилъ разсказывать о Погодинскомъ ученикѣ Ниротморцевѣ, котораго я уже не засталъ. У этого Ниротморцева была французская сабля его отца, которую въ рѣшающія минуты жизни онъ требовалъ у своего крѣпостнаго Филиппа говоря: „Филиппъ, дай французскую". Чаще всего онъ требовалъ французскую по отношенію къ Варпанову.

Такъ, напримѣръ, въ глубокую осень, когда Погодинскій прудъ покрывался тонкимъ льдомъ, немогущимъ еще держать человѣка, Ниротморцевъ пускалъ по льду на середину пруда палку и кричалъ: „Варпановъ, пиль апортъ!"

Понятно, что послѣднему не хотѣлось, проламывая ледъ, лѣзть по горло въ прудъ за палкой. Но тогда раздавалось категорически: „Филиппъ французскую!" и послѣ двухъ трехъ фухтелей по спинѣ Варпанова, послѣдній со слезами на глазахъ шелъ въ прудъ и приносилъ палку.

Но зато самъ Варпановъ зачастую проявлялъ стремленіе къ своеобразной игривости и шуткамъ, носившимъ какой-то телячій оттѣнокъ. Пуще всѣхъ доставалось отъ него опрятно одѣтому съ сильной просѣдью и золотою сережкой въ ухѣ Рудольфу Ивановичу, любившему поддержать свое достоинство нѣмецкими фразами.

— Господа, дружнѣе подходите къ супу; кушанье стынетъ. Господинъ Вегнеръ, вы вашими разговорами мѣшаете другимъ заниматься.

На это Варпановъ, оскаливая зубы и встряхивая кудрявой головой, съ убѣжденіемъ восклицалъ: „Рудошка, зачѣмъ обнимаешь Марфу?" На что Рудольфъ Ивановичъ, всплеснувъ руками, отвѣчалъ: „ахъ; Herr Варпановъ, какія вы слова говорите!"

Человѣкъ, пустившій въ ходъ пословицу: „каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку",—могъ бы не на одномъ Дмитріевѣ провѣрить справедливость мысли о безплодности увѣщаній.

Напрасно напримѣръ М. П. Погодинъ безцеремонно выговаривалъ Аграфенѣ Михайловнѣ, вопервыхъ, ея грязную скупость, а вовторыхъ, непрошенныя вмѣшательства въ по-

рядки его кабинета. Кто бывалъ въ этомъ кабинетѣ до продажи Михаиломъ Петровичемъ своего собранія въ казну и даже послѣ этой продажи, помнитъ невообразимый хаосъ, представлявшійся въ комнатѣ глазамъ непосвященнаго. Тутъ всевозможныя старинныя книги лежали грудами на полу, а на орѣховыхъ столахъ громадныя каменныя глыбы съ татарскими и сибирскими надписями, не говоря уже о сотняхъ рукописей съ начатыми работами, мѣста которыхъ, равно какъ и ассигнацій, запрятанныхъ по разнымъ книгамъ, зналъ только ученый исторіографъ. Но стоило Михаилу Петровичу куда либо отъѣхать, какъ, не взирая на увѣщанія первой его жены, прелестной и образованной блондинки Елизаветы Васильевны, ретивая Аграфена Михайловна принималась приводить въ порядокъ кабинетъ сына, обметая вездѣ пыль и вводя симметрію.

— Вотъ, Мишинька, я таки твой кабинетъ привела въ порядокъ.

Тутъ отчаянію Михаила Петровича не было границъ.

— Помилуйте, маменька! вы произвели величайшій безпорядокъ, который я и въ полгода не исправлю.

Разъ, наскучивъ за ужиномъ неизмѣннымъ картофелемъ, школьники сказали горничной Аграфены Михайловны, косоглазой Пелагеѣ: „скажи своей Аграфенѣ Михайловнѣ, что если на ужинъ опять будетъ картофель, то мы его въ вазу покидаемъ“, (подразумѣвая мраморную на лужайкѣ).

Конечно, Пелагея передала эти слова своей госпожѣ, но вѣроятно незнакомая со словомъ ваза, сказала: „въ васъ покидаютъ“. Такого непочтенія Аграф. Мих. не вынесла и пошла жаловаться Мих. Петр.:

— Мишинька, твои мальчики собираются кидать въ меня картофелемъ.

— Вотъ видите, маменька, до чего доводитъ васъ ваша скупость. Нельзя мальчиковъ морить голодомъ.

Но такое увѣщаніе осталось безплоднымъ.

Однажды, когда мы всѣ сидѣли за ужиномъ, отворилась дверь, и вошелъ Мих. Петр., оставшійся недовольнымъ продовольствіемъ.

— Скажи сейчасъ, грозно крикнулъ онъ, обращаясь къ слугѣ, чтобы сварили побольше хоть молочной каши и подали.

Не знаю, какое неблагопріятное извѣстіе сообщилъ Рудольфъ Ивановичъ по поводу ужинавшаго съ нами Дмитріева, помню только, что въ то время, когда съ кухни принесли огромное блюдо каши, которая стала переходить на тарелки ужинающихъ, Погодинъ разразился противъ стоящаго передъ нимъ цѣлой бурей упрековъ.

— А! ты опять мальчишка?! Третьяго дня я бранилъ тебя, насколько могъ! Я думалъ, говорилъ задыхаясь Михаилъ Петровичъ, что слова мои должны тремя стрѣлами пронзить тебя!

При этомъ гнѣвный ораторъ, подогнувъ два послѣднихъ пальца правой руки и выставивъ впередъ три первыхъ, съ размаху ткнулъ ими Дмитріева въ грудь.

Движеніе это вышло настолько же неожиданно, какъ и комично. Но смѣяться никто не дерзалъ. Случайно я взглянулъ на Чистякова, сидѣвшаго на противоположномъ отъ меня концѣ стола противъ Тындоева.

Не ожидая трехъ стрѣлъ, выскочившихъ изъ рукава Погодина, Чистяковъ набралъ полонъ ротъ горячей каши. Но смѣхъ не дозволялъ ему проглотить ее; я видѣлъ попеременное вздрагиваніе и распуханіе его щекъ, и вдругъ каша, бѣлою струей вырываясь у него изо рта, обдала лицо неожидавшаго такого сюрприза Тындоева. Тогда никто уже не могъ удержаться отъ хохота.

— Вѣдь вотъ! гнѣвно обратился къ Чистякову Мих. Петр.: мнѣ бы слѣдовало наброситься съ него да на васъ! вмѣсто того чтобы плакать о негодяѣ товарищѣ, вы хохочите. Это вамъ не дѣлаетъ чести.

Была зимняя лунная ночь, и не знаю, кому изъ молодой колоніи пришла съ вечера мысль попугать Рудольфа Ивановича. Въ полночь всѣ мы, захвативши свои простыни, собрались въ большой нетопленной залѣ налѣво съ площадки Рудольфа Ивановича.

Безшумно войдя, мы при лунномъ свѣтѣ разстановились кругомъ стѣнъ, придерживая поднятыминадъ головой руками покрывавшія насъ простыни, причемъ видимый ростъ каждаго увеличивался почти на аршинъ. По данному знаку всѣ разомъ испустили самый пронзительный крикъ, который, сли-

ваясь въ общемъ хорѣ, представлялъ какую-то дикую какофонію. Ярый крикъ продолжался до тѣхъ поръ, пока дверь съ площадки не отворилась и не появился Рудольфъ Ивановичъ въ халатѣ со свѣчею въ рукахъ и блѣдный какъ смерть. Крики умолкли, для того чтобы онъ не могъ распознать голосовъ; но зато по предварительному соглашенію всѣ стали понемногу, повидимому, проваливаться сквозь землю, сперва опуская приподнятыя руки, а затѣмъ становясь на колѣни и окончательно безшумно садясь на полъ.

Но такъ какъ проваливаться далѣе было нельзя, то всѣ разразились отчаяннымъ смѣхомъ, убѣждая Рудольфа Ивановича, что передъ нимъ живые школьники, а не привидѣнія.

— Господа! воскликнулъ онъ: ахъ, Gott und Vater! Марья Ивановна вскочила, Машенька schreit, Мароа дѣлаетъ пш-пш! Господи, Господи!

И всѣ мы гурьбою отправляемся спать.

XV

Хилковъ.—Чистяковъ.—Пожаръ.—Кутежи у цыганъ. — Варпановъ и банка помады. -Медюковъ.—Иринархъ Введенскій.—Мороженое.

Между учителями, дававшими уроки у Погодина, общей любовью пользовался магистръ математики П. П. Хилковъ, чуть ли что не одолженный своимъ образованіемъ Погодину, и потому питавшій къ нему безграничное сыновнее почтеніе и страхъ. Не смотря на свое пристрастіе къ модному платью и дорогимъ духамъ, Павелъ Павловичъ былъ весь дѣвичья скромность, начиная съ шепеляво мягкой рѣчи, вродѣ: „ахъ-сь. помилюйте-сь, какъ-зе-сь мозно-сь", причемъ малѣйшій намекъ на что либо говорящее въ его пользу приводилъ его въ смущеніе и краску. Конечно, эта слабость не прошла у мальчишекъ не замѣченной, и не только они, но помню даже. что и я не упускалъ случая потѣшиться надъ смущеніемъ Павла Павловича. Тогда была мода на дорогіе индѣйскіе фу-

ляры, и когда, бывало, Павелъ Павловичъ доставалъ свой, чтобы отереть съ пальцевъ мѣлъ, которымъ писалъ на доскѣ, и въ комнатѣ разносился сильнѣйшій запахъ англійскихъ духовъ, мы попеременно восклицали: „Павелъ Павловичъ, приходится васъ поздравить".

— Съ цѣмъ-съ, господа-съ? недоумѣвая спрашивалъ Павелъ Павловичъ.

— Какъ-же, Павелъ Павловичъ, вы такъ разодѣты, раздушены, что навѣрное вы женихъ и навѣрное прямо отсюда поѣдете къ невѣстѣ.

— Ахъ-сь, ахъ-сь! восклицалъ Пав. Пав., испуганно похихикивая: госьпода-сь, Михаль Петлевиць!

Конечно, вслѣдствіе краски стыда, разливавшейся по лицу Павла Павловича, увѣренія въ предстоящей свадьбѣ удвоялись со всѣхъ сторонъ, къ великому мученію Павла Павловича.

Однажды когда онъ усердно чертилъ на доскѣ фигуры и уравненія, Вегнеры дотого накурили, что весь классъ съ Павломъ Павловичемъ вмѣстѣ плавалъ въ сизомъ туманѣ. Вдругъ дверь изъ корридора распахнулась, и на порогѣ въ полной парадной формѣ показался Михаилъ Петровичъ, собравшійся на какое то засѣданіе или молебствіе. Надо прибавить, что Погодинъ не выносилъ табачнаго дыма.

— А... а... а! кричалъ онъ, втягивая въ себя воздухъ для громогласной ругани; но вмѣсто словъ онъ разразился страшными чиханіями.

— Здлявія зеляю! воскликнулъ, смиренно изгибаясь Хилковъ.

— У... у... у! а-а-а чхи!

— Здлявія зеляю!

Еще и еще разъ грозное у! у! прерываемое чиханіемъ и увѣнчанное: „здлявія зеляю!"

— Да не здравія желаю! а посмотри, что у тебя мальчишки дѣлаютъ! прокричалъ наконецъ Погодинъ, захлопывая за собою дверь.

— Вотъ-сь, господа-сь, говолиль я-сь: Михаль Петлевиць: вотъ онъ Михаль Петлевиць и есть.

Послѣднимъ надворнымъ строеніемъ обширной Погодин-

ской дачи былъ деревянный флигель на углу Дѣвичьяго поля и переулка къ Саввѣ Освященному. Во флигелѣ этомъ помѣщался мѣщанинъ, отдѣлившій въ немъ помѣшеніе для мелочной лавки.

Я не припомню, чтобы намъ во флигелѣ, или ученикамъ въ домѣ подавался завтракъ; поэтому неудивительно, что кромѣ чубуковъ, трубокъ и табаку мы посылали въ лавку къ сыну торговца Николаю или Николашкѣ, какъ мы его называли, за незатѣйливыми съѣстными припасами: калачами, дешевой паюсной икрой, колбасою и медомъ. Не разъ приходившій къ намъ въ комнату съ просьбою дать затянуться изъ трубочки, Варпановъ приносилъ вѣсть, что „Вегнеры кутятъ, купили калачей и, положа ихъ на плечо, расхаживаютъ по комнатѣ, протестуя противъ Аграфены Михайловны и намѣреваясь съѣсть калачи съ покупнымъ медомъ“.

Вѣроятно подъ вліяніемъ того же протеста я однажды разразился сатирическимъ стихотвореніемъ на Аграфену Михайловну, въ которомъ былъ куплетъ:

„Нѣтъ, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда,
Пошлю я въ лавку за икрой
И ждать не стану до обѣда“.

Каждый четвергъ родители Чистякова присылали ему со слугою большую кулебяку, преимущественно съ кашей. Кулебяку эту на блюдѣ, завязанномъ въ салфетку, слуга Чистякова приносилъ на головѣ черезъ Крымскій мостъ изъ-за Москвы рѣки. Однажды, когда мы съ Чистяковымъ присѣли къ теплой еще кулебякѣ, дверь отворилась и вошелъ Погодинъ.

— Вонъ какое пированіе! воскликнулъ онъ и, пожелавъ добраго аппетита, ушелъ.

Однажды Погодинъ, внезапно захвативши у насъ одного изъ Вегнеровъ курящимъ и выхвативъ у него мой длинный и превосходный черешневый чубукъ, загундосилъ въ носъ прерывающимся отъ негодованія голосомъ: „мальчишка! поганецъ! мерзавецъ!“ и удары чубукомъ слѣдовали по спинѣ убѣгающаго Вегнера, и когда тотъ скрылся за растворен-

ною настежь дверью, Погодинъ въ раздраженіи бросилъ чубукъ на порогъ и каблукомъ переломилъ его; затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „это, почтеннѣйшій, будетъ вамъ урокомъ не дозволять поганымъ мальчишкамъ курить у себя".

Не помню, по какому случаю, ужь не ради ли его дебелой возмужалости, въ нашей комнатѣ помѣстился и Тындоевъ. Конечно, ни я, ни онъ не могли спорить въ прилежаніи съ Чистяковымъ, долбившимъ тетрадки напропалую, поздно ночью, когда мы съ беззаботнымъ армяниномъ глубоко спали. На это позднее сидѣніе со свѣчей на столикѣ у постели я неоднократно ворчалъ съ вечера, такъ какъ свѣтъ прямо падалъ мнѣ въ глаза. Однажды, проснувшись отъ стѣсненнаго дыханія, я увидалъ, что дымъ, непроглядно наполнявшій комнату, достигалъ уже уровня нашихъ постелей, тогда какъ въ нижнемъ слою было свѣтло. Взглянувъ по направленію къ кровати Чистякова, я увидалъ зарево, и первымъ порывомъ моимъ было сильно толкнуть лежавшаго противъ меня Тындоева съ громкимъ крикомъ: „вставай!" Закашлявшійся армянинъ успѣлъ раньше меня добѣжать до зарева, и я увидалъ, какъ онъ, глухо выговаривая: „вставай!" надвигалъ голову Чистякова на подушкѣ къ пылающему углу послѣдней, причемъ разгорающійся пухъ съ трескомъ испускалъ удушающее зловоніе. Не долго думая, я запустилъ руку подъ шею Чистякова и съ крикомъ: „горишь!" насильно заставилъ его сперва приподняться, а затѣмъ и соскочить съ кровати. Можно было счесть чудомъ, что несчастный труженикъ не обгорѣлъ, такъ какъ ватное одѣяло уже занялось и лежало какой-то огненной ризой. Видно, изнемогая отъ усталости, Чистяковъ, свалившись головою на подушку, тѣмъ самымъ приподнялъ уголъ ея надъ горящей свѣчкой, и покойно продолжалъ спать, когда постель разгорѣлась не на шутку. Надо было тушить; вылитый на огонь рукомойникъ и графинъ съ водою конечно никакого дѣйствія не произвели; я вспомнилъ, что противъ конца нашего корридора есть колодезь съ насосомъ. Къ нему бросились мы всѣ трое въ однѣхъ сорочкахъ, и двое принялись качать, а двое (такъ какъ, пробѣгая по корридору, я крикнулъ въ дверь живущаго въ сосѣднемъ номерѣ товарища Медюкова: „горимъ!") бѣгомъ носили мѣд-

нымъ тазомъ, ведромъ и рукомойникомъ воду, которую лили на пылающую постель. Черезъ четверть часа пожаръ былъ прекращенъ, и надо было употребить всѣ усилія, чтобы ночное происшествіе не дошло до Михаила Петровича. Поэтому, покуда онъ ѣздилъ въ университетъ, родители Чистякова прислали не только новую постель, но и новую деревянную кровать, на мѣсто сильно обгорѣвшей погодинской. Надо было застрагивать и мѣста на прогорѣвшихъ доскахъ пола, и уничтожать нестерпимый запахъ горѣлыхъ перьевъ, наполнявшій наши комнаты.

Не однимъ примѣромъ долбленія служилъ для меня, провинціальнаго затворника, бывалый въ своемъ родѣ Чистяковъ. При его помощи я скоро познакомился въ Зубовскомъ трактирѣ съ цыганскимъ хоромъ, гдѣ я увлекся красивою цыганкой. Замѣтивъ, что у меня водятся карманныя деньжонки, цыгане заставляли меня платить имъ за пѣсни и угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ. Такое увлеченіе привело меня не только къ растратѣ всѣхъ наличныхъ денегъ, но и къ распродажѣ всего излишняго платья, начиная съ енотовой шубки до фрачной пары. При этомъ дѣло иногда не обходилось безъ пьянства почти до безчувствія. Надо сказать, что окно наше было окружено съ обѣихъ сторонъ колоннами, опиравшимися на высокій каменный цоколь, подымавшійся аршина на два съ половиною отъ земли. Окно съ вечера запиралось ставнями съ Дѣвичьяго поля. Выходить ночью изъ нашего флигеля можно было не иначе, какъ по стеклянной галлереѣ дома черезъ парадную дверь. Подымать подобный шумъ, тѣмъ болѣе лѣтомъ, было немыслимо, такъ какъ Мих. Петр., работая въ кабинетѣ нерѣдко за полночь, оставлялъ дверь на балконъ отпертою и по временамъ выходилъ на свѣжій воздухъ. Поэтому мы, тихонько раскрывъ свое окно и прикрывши отверстіе снаружи ставнемъ, спрыгивали съ цоколя на Дѣвичье поле къ подговоренному заранѣе извозчику, который и везъ насъ до трактира. Однажды, когда я сильно хмѣльной везъ шатавшагося передо мною на дрожкахъ, сюсюкающаго и безъ того косноязычнаго Чистякова, я заблаговременно досталъ извозчику бо̀льшую противъ ряды монету и, приказавъ подъѣхать къ нашему окну шагомъ, велѣлъ тотчасъ безшумно отъ-

ѣхать, какъ скоро мы прикроемъ за собою ставень. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ съ дрожекъ встащить на цоколь и въ комнату Чистякова. Но не успѣли мы еще потушить огня, какъ въ дверь постучались и послышался голосъ Погодина: „отоприте!“—„Боже тебя сохрани, сказалъ я Чистякову, говорить; твое дѣло,—ложись и спи“. Дѣлать было нечего, я отворилъ дверь, стараясь по возможности не дышать. „Какой тутъ извозчикъ, видѣлъ я, подъѣзжалъ къ вашему окну?“ —спросилъ Мих. Петр.

Внезапное вдохновеніе озарило меня.

— Это должно быть мѣщане, сказалъ я, ладятъ подъ нашего лучшаго въ саду соловья.

— Видишь, подлецы, сказалъ М. П., надо за ними посматривать.

— Да мы и посматриваемъ, Мих. Петр.!

— Ну то-то. Да и вамъ пора спать, — прощайте! Погодинъ затворилъ за собою дверь, и гроза миновала.

Однажды, когда мы съ Чистяковымъ готовились изъ всемірной и русской исторіи, вошелъ отецъ Чистякова съ брилліантовою Анною на шеѣ, которой никогда не снималъ, и сказалъ:

— Ну, Сергѣй, собирай свои тетрадки и поѣдемъ домой. Я за тебя экзаменъ уже выдержалъ.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ у попечителя гр. Строганова, онъ, объяснивъ, что препятствіе къ поступленію въ университетъ выдержавшаго экзаменъ сына за истеченіемъ года, на который онъ опередилъ своихъ сверстниковъ по гимназіи, само собою пало, испросилъ о допущеніи сына въ число студентовъ безъ новаго экзамена. Въ данную минуту разрѣшеніе уже было дано, и я одинъ остался готовиться, такъ какъ Тындоевъ окончательно отказался отъ надежды поступить въ университетъ.

У Варпанова былъ дядя сенаторъ, котораго имени не упомню; знаю только, что по желанію послѣдняго къ Варпанову ходилъ театральный скрипачъ давать уроки; и что даже учитель съ ученикомъ сочинили въ честь дяденьки какую-то кантату и напечатали ее, посвятивъ его пр—ству отъ имени Варпанова. Иногда въ воскресенье дядя присылалъ

за племянникомъ прекрасную коляску, запряженную четверкой вороныхъ съ форейторомъ. Тогда Варпановъ, вѣроятно потому, что, за неимѣніемъ родныхъ въ Москвѣ, я оставался дома, приходилъ ко мнѣ и звалъ кататься.

— Ну, голубчикъ, Шеншинъ, восклицалъ онъ, поѣдемъ пожалуйста кататься и заѣдемъ въ полпивную.

— Эхъ, братъ! восклицалъ я: ты бы хоть дядинаго кучера постыдился! Развѣ въ колясках четверками ѣздятъ по полпивнымъ?

Надо прибавить, что Варпановъ всегда былъ одѣтъ по послѣдней модѣ.

Сначала онъ было и упросилъ меня дозволить ему въ первой моей комнатѣ упражняться на скрипкѣ; но однажды, когда онъ окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія, я, безуспѣшно сказавши: „убирайся вонъ!" — взялъ его за ухо и вывелъ на корридоръ.

Однажды въ воскресенье Варпановъ, замѣтивъ извозчика подъ моимъ окномъ, сталъ приставать: „скажи, душенька, куда ты ѣдешь?"

Въ праздничные дни я иногда съ удовольствіемъ ѣздилъ къ Павлу Павловичу, занимавшему прекрасную квартиру въ большомъ домѣ на Знаменкѣ. Не менѣе радушно, чѣмъ онъ самъ, принимала меня и угощала чаемъ пожилая сестра его. Не имѣя причины скрываться, я отвѣчалъ Варпанову, что ѣду къ Хилкову. Тутъ я не могъ отвязаться отъ его убѣдительныхъ просьбъ взять его съ собою.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ, подходя къ непочатой банкѣ помады: позволь мнѣ попомадиться.

— Изволь, сказалъ я, стараясь отдѣлаться отъ его просьбъ, только съ тѣмъ, чтобы ты вымазалъ всю банку на голову.

— Не разсердишься? прихихикивая, спросилъ онъ.

— Сказалъ, такъ не разсержусь.

Смотрю, мой Варпановъ, запустивъ пятерню правой руки въ банку съ закругленнымъ дномъ, разомъ выковырнулъ весь комъ помады и, переложивъ его на лѣвую ладонь, сталъ правою мало по малу размазывать по своимъ кудрявымъ волосамъ. Черезъ двѣ минуты голова его стала бѣлою, какъ бы вымазанною сметаною. Накрывшись своей блестящей цим-

мермановской шляпой, онъ вышелъ и сѣлъ передо мною бокомъ на калиберъ, на которомъ я сидѣлъ верхомъ. Всю дорогу я ѣхалъ какъ бы нюхая стклянку съ духами. Даже милый и невозмутимый Павелъ Павловичъ воскликнулъ, увидавъ Варпанова: „что съ вами?"

Выше я упомянулъ о проживавшемъ съ нами въ одномъ корридорѣ Медюковѣ; но приходится нѣсколько остановиться на этой личности.

Какая то неизвѣстная намъ богатая и свѣтская барыня перемѣстила этого 17 или 18-ти-лѣтняго юношу изъ Вильны къ Погодину для приготовленія въ университетъ. Видно было, что молодой человѣкъ принадлежитъ къ порядочному кругу, такъ какъ держалъ себя со всѣми весьма прилично, не проявляя той непочатой неотесанности, которою, не тѣмъ будь помянутъ, отличался, напримѣръ, Чистяковъ, несмотря на свое прилежаніе. Учился Медюковъ у тѣхъ же погодинскихъ учителей, поневолѣ готовясь изъ латинскаго языка и русской исторіи, хотя гораздо охотнѣе льнулъ къ французскимъ и польскимъ романамъ, такъ какъ, поступивъ къ намъ изъ виленскаго пансіона Ганзіера, владѣлъ въ первое время гораздо свободнѣе польскимъ, чѣмъ русскимъ языкомъ. Это была молодая неиспорченная душа, исполненная самыхъ благородныхъ порывовъ, и я не безъ удовольствія слушалъ его, когда онъ съ любовью разсказывалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ и о полковникѣ, отцѣ своемъ, котораго онъ, кажется, никогда не видалъ. О матери онъ ни разу не вспоминалъ, и я и позднѣе не распрашивалъ его о его семействѣ. Зато при всей моей симпатіи къ этому милому юношѣ, я не вѣрилъ въ возможность поступленія его въ университетъ.

Однажды, въ то время какъ онъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ передъ самымъ вступительнымъ экзаменомъ, вошелъ прихрамывая человѣкъ высокаго роста, лѣтъ подъ 30, съ стальными очками на носу, и сказалъ: „господа, честь имѣю рекомендоваться, вашъ будущій товарищъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій".

Оказалось, что онъ чуть ли не исключенный за непохвальное поведеніе изъ Троицкой духовной академіи, недавно вышелъ изъ больницы и, не зная что начать, обратился съ пред-

ложеніемъ услугъ къ Погодину. Михаилъ Петровичъ, обрадовавшись сходному по цѣнѣ учителю, пригласилъ его остаться у него и помогъ перейти безъ экзамена на словесный факультетъ. Не только въ тогдашней дѣйствительности, но и теперь въ воспоминаніи не могу достаточно надивиться на этого человѣка. Не помню въ жизни болѣе блистательнаго обращика схоласта. Можно было подумать, что человѣкъ этотъ живетъ исключительно дилеммами и софизмами, которыми для ближайшихъ цѣлей управляетъ съ величайшей ловкостью.

Познакомившись со Введенскимъ хорошо, я убѣдился, что онъ въ сущности зналъ только одно слово: „хочу"; но что во всю жизнь ему даже не приходилъ вопросъ, хорошо ли, законно ли его хотѣнье. Такъ, первымъ разсказомъ его было, какъ онъ довелъ до слезъ въ больницѣ сердобольную барыню, пришедшую къ нему въ комнату послѣ пасхальной заутрени поздравить его со словами: „Христосъ Воскресъ!" Вмѣсто обычнаго „воистинну воскресъ", говорилъ Введенскій, я сказалъ ей: „покорно васъ благодарю". Озадаченная сердобольная назвала меня безбожникомъ. „Не я безбожникъ, отвѣчалъ я, а вы безбожница. У васъ не только нѣтъ Бога, но вы даже не имѣете о Немъ никакого понятія. Позвольте васъ спросить, что вы подразумѣваете подъ именемъ Бога?"—Конечно, я хохоталъ надъ всѣми нелѣпостями, которыя она по этому вопросу начала бормотать и, убѣдившись вѣроятно въ полномъ своемъ невѣдѣніи, разревѣлась до истерики".

И по переходѣ въ университетъ Введенскій никогда не ходилъ на лекціи. Да и трудно себѣ представить, что̀ могъ бы онъ на нихъ почерпнуть. По латыни Введенскій писалъ и говорилъ такъ же легко, какъ и по русски, и хотя выговаривалъ новѣйшіе языки до неузнаваемости, писалъ по нѣмецки, по французски, по англійски и по итальянски въ совершенствѣ Генеологію и хронологію всемірной и русской исторіи помнилъ въ изумительныхъ подробностяхъ. Вскорѣ онъ перешелъ въ нашъ флигель и поселился въ комнатѣ Медюкова, который къ нему дружески привязался.

До самаго экзамена я продолжалъ брать уроки исторіи по тетрадкамъ Бѣляева „хромбѣса", который постоянно говорилъ мнѣ о приготовляемомъ имъ въ университетъ изуми-

тельномъ ученикѣ Аполлонѣ Григорьевѣ. „Какая память, какое прилежаніе!—говорилъ онъ,—не могу нахвалиться. Если, Богъ дастъ, поступите оба въ университетъ, сведу васъ непремѣнно“.

Вмѣстѣ съ приближеніемъ лѣта, подъ наше съ Тындоевымъ окно почти ежедневно приходилъ мороженникъ съ кадкою на головѣ и угощалъ насъ своимъ лакомствомъ; между прочимъ и я наслаждался большимъ стаканомъ crême brulée, стоившимъ двугривенный. Замѣтивъ, съ какою алчностью скупой Тындоевъ бралъ и себѣ стаканъ мороженаго, Медюковъ, не прочь иногда и пошалить, подошелъ и ловко ударилъ снизу стаканъ Тындоева по дну, такъ что мороженое, исполнивъ salto mortale, шлепнуло на земь. Ярости и фырканьямъ Тындоева не было предѣловъ.

Вознегодовавъ на его грубую брань, я сказалъ: „что ты фыркаешь какъ верблюдъ? да что тамъ верблюдъ!—ты хуже верблюда! верблюда поведи на веревкѣ на рынокъ, за него все таки 30 рублей дадутъ, а за тебя ничего не дадутъ!“

— Анъ дадутъ! наивно возразилъ Тындоевъ, и тѣмъ развеселилъ насъ, а Медюковъ приказалъ мороженнику наложить Тындоеву новый стаканъ.

За нѣкоторое время до экзаменовъ, Тындоевъ объявилъ, что ему необходимо съѣздить въ Тифлисъ, но что къ зимѣ онъ снова вернется, чтобы засѣсть за работу для экзаменовъ въ будущемъ году. При этомъ онъ выпросилъ у меня на проѣздъ прекрасный кожаный чемоданъ, купленный мнѣ отцомъ въ Петербургѣ.

Съ той поры я не встрѣчался уже ни съ Тындоевымъ, ни съ чемоданомъ, за который мнѣ впослѣдствіи порядкомъ досталось отъ отца.

XVI

Поступленіе въ университетъ.-Вступительные экзамены.— Личность Введенскаго.—Поѣздка въ Троицкую лавру. — Сватовство Введенскаго. — Его кутежи. — Знакомство съ Аполлономъ Григорьевымъ. — Мои первыя стихотворенія.

— Михаилъ Петровичъ, сказалъ я, входя, за нѣсколько дней до вступительныхъ экзаменовъ въ университетъ, — къ Погодину,—не зная ничего о формальныхъ порядкахъ, прошу вашего совѣта касательно послѣдовательныхъ мѣръ для поступленія въ университетъ.

— И прекрасно дѣлаете, почтеннѣйшій. Идешь, надо узнать къ кому обратиться въ университетѣ: къ сторожу или къ его женѣ. А какой факультетъ?

— На юридическій.

— Ну хорошо, я тамъ секретарю скажу, а вы обратитесь къ нему, и онъ вамъ все сдѣлаетъ.

Начались экзамены. Получить у священника протоіерея Терновскаго хорошій балъ было отличной рекомендаціей, а я еще по милости Новосельскихъ семинаристовъ былъ весьма силенъ въ катехизисѣ и получилъ пять. Каково было мое изумленіе, когда на латинскомъ экзаменѣ, въ присутствіи главнаго латиниста Крюкова и декана Давыдова, профессоръ Клинъ подалъ мнѣ для перевода Корнелія Непота. Чтобы показать полное пренебреженіе къ задачѣ, я, не читая латинскаго текста, сталъ переводить и получилъ пять съ крестомъ.

Изъ исторіи добрѣйшій Погодинъ, помимо всякихъ Ольговичей, спросилъ меня о Петрѣ Великомъ, и при вопросѣ о его походахъ, я назвалъ ему походъ къ Азовскому морю, Сѣверную войну, Полтавскую битву и Прутскій походъ.

Изъ математики я, къ счастію, услыхалъ отъ добрыхъ людей, что Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ, спрашивая у экзаменующагося: „что вы знаете?“—терпѣть не могъ утвердительныхъ отвѣтовъ и тотчасъ же доказывалъ объявившемуся знающимъ хотя бы четыре первыхъ правила, что онъ ничего не знаетъ. Предупрежденный, я сказалъ, что прохо-

дилъ до такихъ-то предѣловъ и, удачно разрѣшивъ въ головѣ задачу, получилъ четверку.

Такимъ образомъ поступленіе мое въ университетъ оказалось блестящимъ, и я дотого возгордился, что написалъ Крюммѣру самохвальное письмо. Въ послѣдній день экзаменовъ я заказалъ себѣ у военнаго портнаго студенческій сюртукъ. объявивъ, что не возьму его, если онъ не будетъ въ обтяжку. Я зналъ нѣкоторыхъ, не менѣе меня гордыхъ первымъ мундиромъ, какъ вывѣскою извѣстной зрѣлости для научныхъ трудовъ. Но мой восторгъ мундиромъ былъ только предвкушеніемъ офицерскаго, составлявшаго мой всегдашній идеалъ. Независимо отъ того, что всѣ семейныя наши преданія не знали другаго идеала, офицерскій чинъ въ то время давалъ потомственное дворянство, и я не разъ слыхалъ отъ отца. по поводу какого то затрудненія, встрѣченнаго имъ въ герольдіи: „мнѣ дѣла нѣтъ до ихъ выдумокъ; я кавалерійскій офицеръ и потому помственный дворянинъ“.

Въ такихъ кавалерскихъ стремленіяхъ надо, кажется, искать разгадки все болѣе и болѣе охватывавшаго меня чувства отвращенія къ юридическому поприщу, на которомъ я вмѣсто гусара видѣлъ себя крючкотворцемъ. И вотъ не прошло двухъ недѣль, какъ я появился у Погодина въ кабинетѣ со слѣдующей рѣчью:

— Михаилъ Петровичъ, не откажите еще разъ въ вашей помощи. Я ненавижу законы и не желаю оставаться на юридическомъ факультетѣ, а потому помогите мнѣ перейти на словесный.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, у теперешней молодежи какіе разговоры! Ненавижу законы! Чтожь вы, почтеннѣйшій, беззаконникъ что ли? Вѣдь на словесный факультетъ надо додерживать экзаменъ изъ греческаго.

— Буду держать, Михаилъ Петровичъ.

— Да вѣдь вамъ надо сильно дорожить университетомъ, коли вы человѣкъ безъ имени. Я, почтеннѣйшій, студентовъ у себя въ домѣ не держу, но для васъ дѣлаю исключеніе до Новаго Года.

Добрѣйшій профессоръ Василій Ивановичъ Оболенскій развернулъ мнѣ первую страницу Одиссеи, хорошо мнѣ знако-

мую, и поставилъ пять. И вотъ я поступилъ на словесный факультетъ.

Когда минула горячая пора экзаменовъ, и Введенскій надѣлъ тоже студенческій мундиръ, мы трое стали чаще сходиться по вечерамъ къ моему или Медюковскому самовару. Замѣтивъ вѣроятно энтузіазмъ, съ которымъ добродушный и сирый юноша вспоминалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ, прямолинейный Введенскій не отказывалъ себѣ въ удовольствіи продернуть бѣднаго Медюкова, сильно отдававшаго польскимъ духомъ.

— Позвольте, господа, восклицалъ Введенскій: чтобы правильнѣе относиться къ дѣлу, слѣдуетъ понять, что Ганзіеръ миѳъ. Для каждаго понимающаго что такое миѳъ, несомнѣнно, что когда идетъ дѣло о русскомъ юношѣ, получающемъ образованіе черезъ сближеніе съ иностранцами, то невольно возникаетъ образъ Ганзы, сообщившей нашимъ непочатымъ предкамъ свое образованіе. Во избѣжаніе нѣкоторой сложности такого представленія, миѳъ уловляетъ тождественными звуками нужное ему олицетвореніе, и появляется Ганзіеръ миѳъ.

Надо было видѣть, до какой степени оскорбляло Медюкова такое отношеніе къ его воспитателю. Онъ кипятился, выходилъ изъ себя и, наконецъ, со слезами просилъ не говорить этого. Такимъ образомъ миѳъ Ганзіеръ былъ оставленъ въ покоѣ.

Никогда съ тѣхъ поръ не приводилось мнѣ видѣть такого холоднаго и прямолинейнаго софиста, какимъ былъ нашъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій.

Оглядываясь въ настоящее время на эту личность, я могу сказать, что это былъ типъ идеальнаго нигилиста. Ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ отношеніи онъ ничего не желалъ, кромѣ денегъ для немедленнаго удовлетворенія мгновенныхъ прихотей, выражавшихся въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Едва ли онъ различалъ непосредственнымъ чувствомъ должное отъ недолжнаго.

Во всемъ, что называется убѣжденіемъ, онъ представлялъ бѣлую страницу, но въ умственномъ отношеніи это была машина для выдѣлки софизмовъ, на подобіе спеціальныхъ машинъ для шитья или вязанья чулокъ.

— Позвольте, говорилъ онъ, услыхавъ самую несомнѣнную вещь; такое убѣжденіе требуетъ доказательствъ; а ихъ въ данномъ случаѣ не только нѣтъ, но есть множество въ пользу противоположнаго.

Но и при такой прямолинейности возможны, не скажу страсти, а минутныя увлеченія. Такъ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ водки или хересу было достаточно, чтобы Введенскій признался намъ въ любви, которую питаетъ къ дочери троицкаго полицеймейстера Засицкаго, за которою ухаживаетъ какой-то болѣе поощряемый офицеръ.

Однажды онъ даже прочелъ мнѣ письмо, написанное имъ къ разборчивой матери дѣвушки, въ которомъ онъ два пола сравнивалъ съ двумя половинками разрѣзаннаго яблока.

Въ настоящую минуту мнѣ ясно, до какой степени это сухое и сочиненное сравненіе обличало головной характеръ его отношеній къ дѣлу. Подъ вліяніемъ неудачи, онъ вдругъ невѣдомо съ чего приступилъ ко мнѣ съ просьбой написать сатирическіе стихи на совершенно неизвѣстную мнѣ личность офицера, ухаживающаго за предметомъ его страсти.

Нѣсколько дней мучился я неподсильною задачей и наконецъ разразился сатирой, которая, если бы сохранилась, прежде всего способна бы была пристыдить автора; но не такъ взглянулъ на дѣло Введенскій, и сказалъ: „вы несомнѣнный поэтъ, и вамъ надо писать стихи". И вотъ жребій былъ брошенъ.

Съ этого дня, вмѣсто того чтобы ревностно ходить на лекціи, я почти ежедневно писалъ новые стихи, все болѣе и болѣе заслуживающіе одобренія Введенскаго.

Однажды, помнится, это было по первозимью, Введенскій пригласилъ меня поѣхать къ Троицѣ. Мы наняли тройку туда и обратно и, чтобы избѣжать опросовъ у заставы, прошли за шлагбаумъ пѣшкомъ. Остановившись въ гостинницѣ, мы отправились въ домъ Засицкихъ. Неудивительно, что исполненной чувства достоинства матери и миловидной дочери мало льстило искательство угловатаго бурсака.

Въ обращеніи со мной все семейство не скупилось на привѣтствія, которыхъ тщетно добивался Введенскій. Иринархъ Ивановичъ повелъ меня показывать монастырь съ его

знаменитой ризницей, а затѣмъ отецъ казначей зазвалъ насъ къ себѣ пить чай. Чай должно быть пришелся всѣмъ намъ по вкусу, такъ какъ мы, сдобривая его, выпили большую бутылку коньяку.

Нуждаясь въ деньгахъ, Иринархъ Ивановичъ обращался къ книгопродавцу Наливкину, прося у него и у другихъ, которыхъ именъ указать не умѣю, переводной работы. Сколько разъ, уходя поздно вечеромъ изъ комнаты Введенскаго, мы съ Медюковымъ изумлялись легкости, съ которою онъ, хохоча и по временамъ отвѣчая намъ, сдвинувъ очки на лобъ, что называется, строчилъ съ плеча переводы изъ Диккенса и Теккерея, которые затѣмъ безъ поправокъ отдавалъ въ печать.

Однажды, когда передъ Рождествомъ мнѣ пришлось подавать небольшое сочиненіе на греческомъ языкѣ, я попросилъ Введенскаго написать его за меня, полагая, что, будучи въ настоящую минуту пьянъ, онъ отложитъ исполненіе моей просьбы до другаго дня. Но схватя бумагу и перо, Введенскій продолжалъ хохотать, и черезъ нѣсколько минутъ страница покрылась греческимъ письмомъ съ надлежащими знаками препинанія и удареніями. Не будучи самъ въ состояніи написать подобной работы, я вынужденъ былъ преднамѣренно сдѣлать нѣкоторыя ошибки, безъ которыхъ добродушный Оболенскій замѣтилъ бы подлогъ.

Но въ данное время подъ вліяніемъ Введенскаго я какъ то безсознательно попалъ на стезю подлоговъ. Не отказываясь отъ своей мечты, Введенскій, какъ онъ мнѣ признался, сообщилъ обо всемъ Погодину, прося его помощи. Погодинъ, въ душѣ добрый человѣкъ, не взирая на свою любовь къ деньгамъ, сказалъ: „почтеннѣйшій, я самъ повѣсти писалъ“, — желая этимъ сказать, что его душа не чужда романтизма.

Нагляднымъ къ тому доказательствомъ могла служить его первая жена, кроткая, прекрасно воспитанная Елизавета Васильевна, урожденная Розенштраухъ, напоминавшая Мадонну Гольбейна. Правда, будучи примѣрною женой и матерью, она тѣмъ не менѣе боялась Михаила Петровича, способнаго вскипѣть и рѣзко оборвать всякаго. Сколько разъ, встрѣчаясь въ корридорѣ, она, вручая мнѣ для прочтенія французскій ро-

манъ, говорила: „берите, да чтобы Михаилъ Петровичъ не видалъ“.

Черезъ нѣсколько времени Введенскій объявилъ мнѣ, что Засицкая будетъ въ Москву и пріѣдетъ навѣстить его. Что Погодинъ принялъ живое участіе во Введенскомъ, было очевидно. Но кто входилъ въ подробности его обстановки, сказать не умѣю. Вмѣсто общей съ Медюковымъ комнаты, Введенскому отдана была та большая комната во флигелѣ Рудольфа Ивановича, въ которой мы нѣкогда представляли мертвецовъ. Введенскому за изящными ширмами была устроена великолѣпная кровать съ разостланнымъ передъ ней ковромъ. По всей комнатѣ были устроены отдѣльные пріюты для письменнаго стола и дивана съ круглымъ передъ нимъ столомъ, окруженнымъ креслами.

На время пріѣзда Засицкой въ распоряженіе Введенскаго Погодинъ предоставилъ свою карету съ парою прекрасныхъ рыжихъ лошадей. Не нужно было обладать большимъ соображеніемъ, чтобы понять, что все это не болѣе какъ мишура, которая спадетъ сама собою по отъѣздѣ Засицкой. А если такой умный и почтенный человѣкъ, какъ Михаилъ Петровичъ, плелъ эту мишуру, то неудивительно, что и я пробовалъ отличиться на томъ же поприщѣ; и когда Введенскій, накупивъ конфектъ и фруктовъ, приказалъ запрягать карету, чтобы ѣхать за ожидаемой гостьей, то заглянувши въ свой бумажникъ, сказалъ: „эхъ, досада! все хорошо, а главнаго то, денегъ—мало!“

— Хотите, сдѣлаю много? спросилъ я. Только слушайтесь меня. Показывайте, много ли у васъ въ бумажникѣ денегъ.

— Да вотъ двѣ четвертныхъ, три красненькихъ, четыре синенькихъ, стало быть всего товару наберется рублей сто.

Я вспомнилъ, что видѣлъ у Рудольфа Ивановича бѣлую китайскую бумагу, въ которую онъ завертывалъ свои рѣдкости, и выпросилъ у него нѣсколько листовъ. Въ лавочкѣ нашлась красная промокательная бумага, а пустые картузы Жукова были у Вегнеровъ и у меня самого. Всю эту бумагу я аккуратно порвалъ по формату ассигнацій и, уложивъ пачками, вложилъ каждую въ соотвѣтственную ей ассигнацію. Когда бумажникъ вздулся почти до нескромности, я ска-

залъ: „черезъ полчаса послѣ вашего пріѣзда съ барынею, я прибѣгу на минутку извиниться, что безпокою васъ просьбой дать мнѣ взаймы 5 рублей. Глядите, эти 5 рублей будутъ лежать рядомъ съ пачкою 5-ти рублевыхъ. Сдѣлайте видъ, что ищете, разворачивая бумажникъ, и дайте мнѣ ее“.

Справедливость требуетъ сказать, что ни Погодинская карета, ни туго набитый бумажникъ не подѣйствовали на барыню, которая, забравши навязанные ей фрукты и конфекты, уѣхала въ гостинницу и болѣе не возвращалась.

Между тѣмъ Введенскій, тряхнувъ вѣроятно академической стариной, сталъ частенько отлучаться изъ дому, не ночуя даже дома.

Мы съ Медюковымъ, насколько могли, скрывали эти выходки отъ Погодина. Но быть дядькою необузданнаго чело вѣка, старшаго лѣтами, весьма скучно. И когда однажды лихачъ въ малиновой бархатной шапкѣ, привезши совершенно пьянаго Введенскаго, потребовалъ за провозъ рубль, я выдалъ эти деньги, а Введенскаго, совершенно раздѣвши, мы уложили на кровать, а платье спрятали. Но эта мѣра мало помогала.

Пьяный, заявляя желаніе ѣхать со двора, такъ крѣпко билъ кулакомъ по переплету зимней рамы, что можно было ожидать, что онъ изрѣжется, попавъ въ стекло. Не помню, кто еще, чуть ли не Варпановъ, подошелъ на эту сцену. И я нарочно громогласно заявилъ, что чего бы Введенскій ни дѣлалъ, ни платья, ни денегъ ему не дадимъ, потому что послѣднихъ ни у кого нѣтъ. Тогда Введенскій, сидѣвшій въ одной сорочкѣ съ ногами на кровати, вдругъ испустилъ какой-то звѣроподобный визгъ и пальцами правой руки сдавилъ себѣ горло.

— Пусть, пусть, господа, его куражится! сказалъ я.

Но когда прошло приблизительно двѣ, три минуты, показавшіяся намъ вѣчностью, и Введенскій, продолжая сжимать горло, повалился на подушку, я побоялся, чтобы глупая комедія не превратилась въ трагедію, и сталъ разжимать ему закостенѣвшіе пальцы. Много труда стоило освободить сдавленное такимъ образомъ горло; но когда и затѣмъ дыханіе не возобновлялось, мы перетрусили не на шутку и броси-

лись къ тому же колодцу, который однажды уже спасъ насъ во время пожара. Нѣкоторое время кувшины и тазы холодной воды обильными струями изливались на Введенскаго, не вызывая въ немъ никакихъ признаковъ жизни. Съ кровати текло, и мы ходили по полу въ водѣ. Наконецъ, онъ громко вздохнулъ: „охъ!“

Но судьбѣ угодно было съ дороги мертвящей софистики перевести меня на противоположную стезю беззавѣтнаго энтузіазма.

Познакомившись въ университетѣ, по совѣту Ив. Дм. Бѣляева, съ одутловатымъ, сѣроглазымъ и свѣтлорусымъ Григорьевымъ, я однажды рѣшился поѣхать къ нему въ домъ, прося его представить меня своимъ родителямъ.

Домъ Григорьевыхъ съ постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижкѣ находился за Москвой-рѣкой на Малой Полянкѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ церкви Спаса въ Наливкахъ. Принявъ меня какъ нельзя болѣе радушно, отецъ и мать Григорьева просили бывать у нихъ по воскресеньямъ. А такъ какъ я въ это время ѣздилъ къ нимъ на парномъ извозчикѣ, то уже въ слѣдующее воскресенье старики буквально довѣрили мнѣ свозить ихъ Полонушку въ циркъ. До той поры они его ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не отпускали изъ дому. Оказалось, что Аполлонъ Григорьевъ, не взирая на примѣрное рвеніе къ наукамъ, успѣлъ, подобно мнѣ, заразиться страстью къ стихотворству, и мы въ каждое свиданіе передавали другъ другу вновь написанное стихотвореніе.

Свои я записывалъ въ отдѣльную желтую тетрадку, и ихъ набралось уже до трехъ десятковъ. Вѣроятно замѣтивъ, наше взаимное влеченіе, Григорьевы стали поговаривать, какъ бы было хорошо, если бы, отойдя къ Новому году отъ Погодина, я упросилъ отца помѣстить меня въ ихъ домъ вмѣстѣ съ Аполлономъ, причемъ они согласились бы на самое умѣренное вознагражденіе.

Всѣ мы хорошо знали, что Николай Васильевичъ Гоголь проживаетъ на антресоляхъ въ домѣ Погодина, но никто изъ насъ его не видалъ. Только однажды, всходя на крыльцо погодинскаго дома, я встрѣтился съ Гоголемъ лицомъ къ

лицу. Его горбатый носъ и свѣтло-русые усы навсегда запечатлѣлись въ моей памяти, хотя это была единственная въ моей жизни съ нимъ встрѣча. Не будучи знакомы, мы даже другъ другу не поклонились.

О своихъ университетскихъ занятіяхъ въ то время совѣстно вспомнить. Ни одинъ изъ профессоровъ, за исключеніемъ декана Ив. Ив. Давыдова, читавшаго эстетику, не умѣлъ ни на мунуту привлечь моего вниманія, и, посѣщая по временамъ лекціи, я или дремалъ, поставивши кулакъ на кулакъ, или старался думать о другомъ, чтобы не слыхать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась въ объемѣ, и однажды я рѣшился отправиться къ Погодину за приговоромъ моему эстетическому стремленію.

— Я вашу тетрадку, почтеннѣйшій, передамъ Гоголю, сказалъ Погодинъ: онъ въ этомъ случаѣ лучшій судья.

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Погодина тетрадку обратно со словами: „Гоголь сказалъ, это несомнѣнное дарованіе".

Добрый Медюковъ былъ почти единственнымъ слушателемъ моего восторженнаго чтенія чужихъ и собственныхъ стиховъ и разжигалъ меня своимъ неподдѣльнымъ участіемъ. Хотя онъ и называлъ какую то госпожу Л—ву, которую посѣщалъ по воскресеньямъ, и которая щедро снабжала его карманными деньгами, но никто никогда не разспрашивалъ его о семейныхъ подробностяхъ.

Однажды онъ съ полной наивностью и даже съ усмѣшкой разсказывалъ, что вчера въ воскресенье знакомыя дамы стали выбирать для него подходящую фамилію и выбрали Всеславинъ. При этомъ одна воскликнула: „прекрасно, прекрасно! отъ души желаю всѣ славы вамъ".

Бѣдный и милый юноша! онъ никогда не дѣлалъ даже попытокъ къ поступленію въ университетъ и могъ бы служить грустнымъ примѣромъ неудачнаго стремленія на классическую стезю людей совершенно къ ней неспособныхъ. Подумаешь, что, кромѣ университетскихъ, жизненныхъ путей не существуетъ.

XVII

Кончина дѣдушки Василія Петровича. — Поѣздка домой на Рождество.— Нѣмецъ Фритче. — Дружба съ Куляпкой. — Николашка. — Пріѣздъ отца въ Москву. — Заложенные часы. — Знакомство отца съ Григорьевыми.—Мой переѣздъ къ нимъ.

Еще до возвращенія моего въ Новоселки въ семействѣ нашемъ произошла значительная перемѣна. 87-лѣтній дѣдъ Вас. Петр. скончался, и ближайшіе наслѣдники полюбовно раздѣлили оставшееся состояніе слѣдующимъ образомъ. Отцу досталась Грайворонка, Землянскаго уѣзда съ коннымъ заводомъ; дядѣ Петру Неофитовичу село Клейменово и деревня Долгое Мценскаго уѣзда, а дядѣ Ивану Неофитовичу вторая половина родоваго имѣнія Доброй Воды и домъ въ Орлѣ.

Приближалось время Рождественскихъ вакацій, и конечно меня тянуло домой и къ дядѣ похвастать мундиромъ. Но по случаю распродажи мною всего носильнаго платья, начиная съ енотовой шубки, и отсутствія денегъ, надо было достать послѣднихъ на переѣздъ до Мценска. Часы мои были тоже въ закладѣ, и оставалось единствен ное средство занять 50 руб. у Погодинской кормилицы, которой я далъ слово выслать деньги въ скоромъ времени попріѣздѣ въ деревню. Наконецъ лекціи кончились, и я съ отпускнымъ билетомъ въ рукахъ нанялъ сдаточнаго ямщика. Дорожа единственнымъ мундирнымъ сюртукомъ, я завязалъ его въ узелокъ съ бѣльёмъ, а самъ выпросилъ у Введенскаго его нанковый халатъ на тонкой подкладкѣ изъ ваты; сверхъ этого легко подбитая ватой студенческая шинель съ мѣховымъ воротникомъ и лѣтняя форменная фуражка составляли всю мою одежду при 25-ти градусномъ морозѣ. Помню, на одной станціи я такъ застылъ, что долженъ былъ подыматься какъ бы на ходуляхъ, такъ какъ ноги не сгибались въ колѣняхъ. Пока ямщики собирали перекладную, я продолжалъ шагать по двору, не входя въ избу. Я зналъ, что, войдя прямо въ тепло, рисковалъ жестоко обморозиться.

Не буду описывать радости домашней встрѣчи. Ее значительно омрачало матеріальное мое положеніе. Конечно, я не открывалъ его никому за исключеніемъ матери, которой объяснилъ необходимость выслать немедленно 50 руб. кормилицѣ Погодина.

До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ мать, не имѣвшая никогда подобной суммы, ухитрилась достать ее.

Деньги были немедленно отправлены Введенскому, съ убѣдительной просьбой передать ихъ кормилицѣ. Такимъ образомъ главнѣйшее затрудненіе было на первыхъ порахъ устранено. Дальнѣйшее устроилось безъ моего почина. Убѣдившись вѣроятно, что неопредѣленная выдача карманныхъ денегъ ведетъ молодаго человѣка только къ безразсчетнымъ тратамъ, отецъ и дядя, снабдивъ меня необходимымъ платьемъ, рѣшили давать мнѣ въ годъ карманныхъ денегъ, въ томъ числѣ и на платье, по 200 руб. Съ той поры я уже никогда не впадалъ въ безысходное безденежье и научился по одежкѣ протягивать ножки.

Въ Новоселкахъ я нашелъ въ отцовскомъ флигелѣ вмѣсто француза Каро классически образованнаго нѣмца Фритче, выписаннаго отцомъ вѣроятно при помощи Крюммера для 12-ти лѣтняго брата Васи. Этому Фритче я старался буквально переводить свои стихотворенія, отличавшіяся въ то время, вѣроятно подъ вліяніемъ Мочалова, самымъ отчаяннымъ нессимизмомъ и трагизмомъ. Не удивляюсь въ настоящее время тому, что добродушный нѣмецъ совѣтовалъ мнѣ не читать этихъ стиховъ матери, которую воззванія къ кинжалу, какъ къ единственному прибѣжищу, не могли обрадовать.

Ко времени возвращенія въ Москву стужа сдалась, и я доѣхалъ до Погодинскаго дома безъ особенныхъ приключеній. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда при первой встрѣчѣ кормилица набросилась на меня съ упреками, и я узналъ, что Введенскій высланныя мною деньги истратилъ на собственныя прихоти.

Началась снова тоскливая жизнь ничѣмъ незанятаго студента, вырывающаяся изъ тѣсноты подобно пиву, пѣнящемуся во время перевозки.

Медюкова, переѣхавшаго на квартиру къ какой-то барынѣ, я уже не засталъ у Погодина.

Не припомню хорошенько, какимъ образомъ подружился я съ милымъ Куляпкой, ученикомъ пансіона профессора Павлова на Дмитровкѣ, въ домѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщался лицей Каткова. Не могу припомнить ни одной неблагоприличной оргіи въ сотовариществѣ съ Куляпкой. Онъ любилъ театръ и всегда бралъ кресло для себя и для меня на драматическія представленія съ Мочаловымъ.

Во время, о которомъ я говорю, Куляпка уже вышелъ изъ пансіона и помѣстился на Тверской, на квартирѣ изъ 3—4 комнатъ. При этомъ отношенія между нами устроились съ полной братской простотою. Когда у меня еще водились деньги, Куляпка не разъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: „Шеншинъ, одолжи мнѣ шестьдесятъ рублей, черезъ недѣлю отдамъ“. На это я обычно отвѣчалъ, подавая бумажникъ: „отсчитай самъ“.

Зато и мнѣ, въ свою очередь, не разъ приходилось обращаться съ той же просьбой къ веселому Куляпкѣ и получать отвѣтъ: „возьми самъ въ конторкѣ“.

При періодическихъ денежныхъ приливахъ и отливахъ, положеніе наше во флигелѣ иногда принимало острый характеръ. Бывало, кто либо изъ насъ, выглянувъ въ окно на дворъ, крикнетъ: „Николашка идетъ!“ Присутствующіе въ комнатѣ подбѣгали къ окошку и убѣждались, что сынъ лавочника Николай идетъ изъ за угла дома къ нашему крыльцу на колѣняхъ; на колѣняхъ всходитъ на лѣстницу, отворяетъ дверь въ томъ же положеніи и, переступя черезъ порогъ на колѣняхъ, стукается лбомъ объ полъ.

— Господа, Бога ради, восклицаетъ широколицый и рябой Николай: не дайте пропасть, заплатите должокъ! (обыкновенно между 10 и 15 рублями). Отецъ сегодня увидалъ, что я отпустилъ въ долгъ, схватилъ меня за скобку, повалилъ на полъ и, наступя на волосы, сталъ ухаживать мѣднымъ безменомъ.

(Полагаю, что послѣднее Николашка присовокуплялъ для яркости картины). Конечно, Введенскій ежедневно обѣщался получить съ Паливкина деньги за переводъ и со мною раз-

считаться. Но въ моей комнатѣ Николашка появлялся довольно часто.

Однажды, когда, пуская дымъ изъ длиннѣйшаго гордоваго чубука, я читалъ какой то глупѣйшій романъ, дверь отворилась и на порогѣ совершенно неожиданно появился отецъ въ медвѣжьей шубѣ. Зная отъ меня, какъ враждебно смотритъ отецъ мой на куреніе табаку, не курившій Введенскій, услыхавъ о пріѣздѣ отца, вбѣжалъ въ комнату и сказалъ: „извини, что помѣшалъ, но я забылъ у тебя свою трубку и табакъ".

Эта явная ложь дотого не понравилась отцу, что онъ впослѣдствіи не иначе говорилъ о Введенскомъ, какъ называя его „соловьемъ разбойникомъ!"

Когда отецъ уѣхалъ, приказавъ мнѣ пріѣхать въ гостинницу Шевалдышева, къ его обѣду, я тотчасъ же бросился къ Куляпкѣ, желая выдти по возможности изъ запутаннаго денежнаго положенія.

На этотъ разъ Куляпка вышелъ ко мнѣ въ небольшую столовую и какимъ то томнымъ жестомъ указалъ на сосѣднюю комнату.

Понявъ, что что-то не ладно, я вполголоса объяснилъ ему, что отецъ мой нежданно пріѣхалъ, и я прошу его меня выручить.

— А я только что хотѣлъ бѣжать къ тебѣ, отвѣчалъ Куляпка: мой тоже сегодня пріѣхалъ.

Такимъ образомъ, пожавъ другъ другу руки, мы грустно разстались, и я поѣхалъ въ гостинницу Шевалдышева.

— Гдѣ же твои часы? спросилъ отецъ.

— У часовщика.

— Какъ? съ самаго Рождества? это, братецъ, неисправный часовщикъ. Поѣдемъ взять у него часы.

Когда мы у дверей гостинницы сѣли въ санки, отецъ спросилъ: „куда же ѣхать?" я указалъ дорогу по направленію къ Большому театру, около котораго часы были въ закладѣ.

Но вотъ мы проѣхали театръ; и бойкій извозчикъ повернулъ вверхъ по Кузнецкому мосту.

„Какъ это глупо! подумалъ я: ну куда же я везу старика,

откладывая роковое объясненіе на какія либо двѣ или три минуты“.

— Папа, надо вернуться назадъ сказалъ я.

— Я такъ и зналъ, отвѣчалъ отецъ: часы въ закладѣ; надо выкупить. Съ тобой закладная росписка?

— Со мной.

— Давай ее сюда.

Когда мы подъѣхали къ подъѣзду, я проводилъ отца на площадку лѣстницы до двери закладчика, за которою отецъ велѣлъ мнѣ остаться, а самъ минутъ черезъ пять вернулся и передалъ мнѣ часы, не сказавши ни слова.

— Ты говорилъ мнѣ, сказалъ онъ, о семействѣ Григорьевыхъ. Поѣдемъ къ нимъ. Я очень радъ познакомиться съ хорошими людьми. Да и тебѣ, по правдѣ то сказать, было бы гораздо полезнѣе попасть подъ вліяніе такихъ людей вмѣсто общества „соловья-разбойника“.

И при этомъ отецъ не преминулъ прочитать наизусть одни изъ немногихъ стиховъ, удержавшихся въ его памяти вслѣдствіе ихъ назидательности:

„Простой цвѣточекъ дикій
Нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой,
И что же? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ.
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ“.

У Григорьевыхъ взаимное впечатлѣніе отцовъ нашихъ оказалось самымъ благопріятнымъ. Старикъ Григорьевъ сумѣлъ придать себѣ степенный и значительный тонъ, упоминая имена своихъ значительныхъ товарищей по дворянскому пансіону. Что же касается до моего отца, то напускать на себя серьезность и сдержанность ему никакой надобности не предстояло.

Мать Григорьева Татьяна Андреевна, скелетоподобная старушка, поневолѣ показалась отцу солидною и сдержанной, такъ какъ при незнакомыхъ она воздерживалась отъ всякаго рода сужденій. Мой товарищъ Аполлонъ не могъ въ то время кому бы то ни было не понравиться. Это былъ образецъ скромности и сдержанности. Конечно, родители не преминули блеснуть его дѣйствительно прекрасной игрой на рояли.

Пока мы съ Аполлономъ ходили осматривать антресоли, гдѣ намъ предстояло помѣститься, родители переговорили объ условіяхъ моего помѣщенія на полномъ со стороны Григорьевыхъ содержаніи. Въ виду зимнихъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вакацій, годовая плата была установлена въ 300 рублей.

На другой день утромъ Илья Аѳанасьевичъ перевезъ немногочисленное мое имущество изъ Погодинскаго флигеля къ Григорьевымъ, а я, проводивши отца до зимней повозки, отправился къ Григорьевымъ на новоселье.

XVIII

Григорьевы.—Жизнь въ ихъ домѣ.—Стихи.—Философія.—Студенческія бесѣды.—Товарищи.—Семейство Коршъ.—Театръ.—Мочаловъ.—Живокини.

Домъ Григорьева, съ параднымъ крыльцомъ со двора, состоялъ изъ каменнаго подвальнаго этажа, занимаемаго кухней, служившею въ то же время и помѣщеніемъ для людей, и опиравшагося на немъ деревяннаго этажа, представлявшаго, какъ большинство русскихъ домовъ, вѣнокъ комнатъ, расположенныхъ вокругъ печей. Съ одной стороны дома, обращенной окнами къ подъѣзду, была передняя, зала, угольная гостиная съ окнами на улицу, и далѣе по другую сторону дома столовая, затѣмъ корридоръ, идущій обратно по направленію къ главному входу. По этому корридору была хозяйская спальня и дѣвичья. Если къ этому прибавить еще комнату налѣво изъ передней, выходящую окнами въ небольшой садъ, то перечислены будутъ всѣ помѣщенія, за исключеніемъ антресолей. Антресоли, куда вела узкая лѣстница съ двумя заворотами, представляли два совершенно симметрическихъ отдѣленія, раздѣленныя перегородкой. Въ каждомъ отдѣленіи было еще по поперечной перегородкѣ, въ качествѣ небольшихъ спаленъ. Впослѣдствіи я узналъ, что въ правомъ отдѣленіи, занятомъ мною, долго проживалъ дядька фран-

цузъ, тогда какъ молодой Аполлонъ Александровичъ жилъ въ отдѣленіи налѣво, которое занималъ и въ настоящее время. Французъ кончилъ свою карьеру у Григорьевыхъ, по разсказамъ Александра Ивановича, тѣмъ, что за годъ до поступленія Аполлона въ университетъ, напился на Святой до того, что, не различая лѣстницы, слетѣлъ внизъ по всѣмъ ступенькамъ. Разсказывая объ этомъ, Александръ Ивановичъ прибавлялъ: „снисшелъ еси въ преисподняя земли".

Для меня слѣдомъ многолѣтняго пребыванія француза являлось превосходное знаніе Аполлономъ французскаго языка, съ одной стороны, и съ другой—безсмысленное повтореніе пьянымъ поваромъ Игнатомъ французскихъ словъ, которыхъ онъ наслышался, прислуживая гувернеру.

— Команъ ву порте ву? Вуй, мосье. Пранъ дю те.

Ал. Ив. Григорьевъ и родной братъ его Николай Ивановичъ родились въ семьѣ владимірскаго помѣщика; но поступя на службу, отказались отъ небольшаго имѣнія въ пользу преклонной матери и двухъ, если не трехъ, сестеръ, старыхъ дѣвицъ. Николай Ивановичъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, а Александра Ивановича я засталъ секретаремъ въ московскомъ магистратѣ. Жалованье его, конечно, по тогдашнему времени было ничтожное, а размѣровъ его дохода я даже и приблизительно опредѣлить не берусь. Дѣло въ томъ, что жили Григорьевы если не изящно, зато въ изобиліи, благодаря занимаемой имъ должности.

Лучшая провизія къ рыбному и мясному столу появлялась изъ охотнаго ряда даромъ. Полагаю, что кормъ пары лошадей и прекрасной молочной коровы, которыхъ держали Григорьевы, имъ тоже ничего не стоилъ.

По затруднительности тогдашнихъ путей сообщенія, Григорьевы могли снабжать мать и сестеръ только вещами, не подвергающимися порчѣ, но зато послѣдними къ праздникамъ не скупились. Къ Святой или по просухѣ чрезъ знакомыхъ подрядчиковъ высылался матери годовой запасъ чаю, кофею и краснаго товару.

Въ шести-лѣтнее пребываніе мое въ домѣ Григорьевыхъ я успѣлъ лично познакомиться съ гостившими у нихъ матерью и сестрами.

Но о холостой жизни Александра Ивановича и женитьбѣ его на Татьянѣ Андреевнѣ я могъ составить только отрывочныя понятія изъ словъ дебелой жены повара Лукерьи, приходившей въ отсутствіе Григорьевыхъ, отца и сына, наверхъ убирать комнаты и ненавидѣвшей свою госпожу до крайности. Отъ Лукерьи я слыхалъ, что служившій первоначально въ сенатѣ Александръ Ивановичъ увлекся дочерью кучера и, вслѣдствіе препятствія со стороны своихъ родителей къ браку, предался сильному пьянству. Вслѣдствіе этого онъ потерялъ мѣсто въ сенатѣ и, приживъ съ возлюбленною сына Аполлона, былъ поставленъ въ необходимость обвѣнчаться съ предметомъ своей страсти. Когда я зазналъ Алекс. Ив., онъ не бралъ въ ротъ капли горячительныхъ напитковъ. Такъ какъ, вѣрный привычкѣ не посѣщать лекцій, я оставался дома, то, проходя зачѣмъ либо внизу, не разъ слыхивалъ, какъ Татьяна Андреевна громкимъ шепотомъ читала старинные романы, вродѣ „Постоялый дворъ“, и слыша шипящіе звуки: „по—слѣѣ-воос-хоож-деее-ні-яяя солн-цааа“, я убѣдился, что грамота нашей барынѣ не далась, и что о чтеніи писаннаго у нея не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе голосъ ея былъ въ домѣ рѣшающимъ, едва ли во многихъ отношеніяхъ не съ большимъ правомъ, чѣмъ голосъ самого старика. Осуждать всегда легко, но видѣть и понимать далеко не легко. А такъ какъ домъ Григорьевыхъ былъ истинною колыбелью моего умственнаго я, то позволю себѣ остановитьсъ на нѣкоторыхъ подробностяхъ въ надеждѣ, что онѣ и мнѣ, и читателю помогутъ разъяснить полное мое перерожденіе изъ безсознательнаго въ болѣе сознательное существо. Добродушный и шутливый по природѣ, Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ совершенно безпечный. Это основное качество онъ передалъ и сыну. Я нерѣдко присутствовалъ при незначительныхъ наставленіяхъ матери сыну, но никогда не слыхалъ, чтобы она наставляла своего мужа. Тѣмъ не менѣе чувствовалось въ воздухѣ, что тотъ заматерѣлый догматизмъ, подъ которымъ жилъ весь домъ, исходилъ отъ Татьяны Андреевны, а не отъ Александра Ивановича, который по рефлексіи догматически и беззавѣтно подчинялся своей женѣ.

Утромъ въ $7^1/_2$ часовъ лѣтомъ и зимой, когда я еще валялся на кровати, Аполлонъ или, какъ родители его называли, Полошенька вскакивалъ съ кровати, одѣвался и бѣжалъ въ залу къ рояли, чтобы звуками какой либо сонаты будить родителей. Въ 8 часовъ отецъ до половины одѣтый, но въ теплой фуфайкѣ и ермолкѣ на обнаженной головѣ, выходилъ вмѣстѣ съ женой, одѣтою въ капотъ и неизмѣнный чепчикъ съ оборкою, въ столовую къ готовому самовару. Тамъ небольшая семья пила чай, присылая мнѣ мою кружку наверхъ. Затѣмъ Александръ Ивановичъ, наполнивъ свѣжестертымъ табакомъ круглую табакерку, шелъ въ спальню перемѣнить ермолку на рыжеватый, деревяннымъ масломъ подправленный, парикъ и, надѣвъ форменный фракъ, поджидалъ Аполлона, который въ свою очередь въ студенческомъ сюртукѣ и фуражкѣ бѣжалъ пѣшкомъ за отцомъ черезъ оба каменныхъ моста и Александровскій садъ до Манежа, гдѣ Аполлонъ сворачивалъ въ университетъ, а отецъ продолжалъ путь до присутственныхъ мѣстъ. Къ двумъ часамъ обыкновенно кучеръ Василій выѣзжалъ за Аполлономъ, а старикъ большею частію возвращался домой пѣшкомъ. Въ три часа мы всѣ четверо сходились внизу въ столовой за сытнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда старики отправлялись вздремнуть, а мы наверхъ — предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ, состоявшимъ главнымъ образомъ для Аполлона или въ зубреніи лекцій или въ чтеніи, а для меня отчасти тоже въ чтеніи, прерываемомъ постоянно возникающимъ побужденіемъ помѣшать Аполлону и увлечь его изъ автоматической жизни памяти хотя бы въ самую нелѣпую жизнь взякаго рода причудъ. Въ 8 часовъ мы снова нерѣдко сходили чай пить и затѣмъ уже возвращались въ свои антресоли до слѣдующаго утра. Такъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые Аполлонъ шелъ съ отцомъ къ обѣднѣ къ Спасу въ Наливкахъ, проходили дни за днями безъ малѣйшихъ измѣненій.

Казалось, трудно было бы такъ близко свести на долгіе годы двѣ такихъ противоположныхъ личности, какъ моя и Григорьева. Между тѣмъ насъ соединяло самое живое чувство общаго бытія и врожденныхъ интересовъ. Я зналъ и

чувствовалъ, до какой степени Григорьевъ, среди стѣснительной догматики домашней жизни, дорожилъ каждой свободною минутой для занятій; а между тѣмъ я всѣми силами старался мѣшать ему, прибѣгая иногда къ пыткѣ, выстраданной еще въ Верро и состоящей въ томъ, чтобы, поймавъ съ обѣихъ сторонъ кисти рукъ своей жертвы и подсунувъ въ нихъ снизу подъ ладони большіе пальцы, вдругъ вывернуть обѣ свои кисти, не выпуская рукъ противника, изъ середины ладонями кверху; при этомъ не ожидавшій такого мучительнаго и безпомощнаго положенія рукъ противникъ лишается всякой возможности защиты. При такихъ отношеніяхъ надо было бы ожидать между нами враждебныхъ чувствъ, но въ сущности было наоборотъ. Я отъ души любилъ свою жертву, а Аполлонъ своего мучителя, и если слово воспитаніе не пустой звукъ, то наше сожительство лучше всего можно сравнить съ точеніемъ одного ножа о другой, хотя современемъ лезвія ихъ получатъ совершенно различное значеніе.

Связующимъ насъ интересомъ оказалась поэзія, которой мы старались упиться всюду, гдѣ она намъ представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену.

Начать съ того, что Александръ Ивановичъ самъ склоненъ былъ къ стихотворству и написалъ комедію, изъ которой отрывки нерѣдко декламировалъ съ жестами; но Аполлонъ видимо стыдился грубаго и безграмотнаго произведенія отцовской музы. Зато самъ онъ съ величайшимъ одушевленіемъ декламировалъ свою драму въ стихахъ подъ названіемъ: „Вадимъ Нижегородскій“. Помню, какъ, надѣвъ шлафрокъ на онашку, вродѣ простонароднаго кафтана, онъ, войдя въ дверь нашего кабинета, бросался на полъ, восклицая:

„О, земля моя родимая,
Край отчизны, снова вижу васъ!..
Ужь три года протекли съ тѣхъ поръ,
Какъ разстался я съ отечествомъ.
И тѣ три года за цѣлый вѣкъ
Показались мнѣ, несчастному“.

Конечно, въ то время я еще не былъ въ силахъ видѣть все неуклюжее пустозвонство этихъ мертворожденныхъ фразъ;

но что это не ладно, я тотчасъ почувствовалъ и старался внушить это и Григорьеву. Такъ родилась эпиграмма:

Григорьевъ, музами водимъ,
Налилъ чернилъ на соръ бумажный
И вопіетъ съ осанкой важной:
Вострепещите!—мой Вадимъ.

Писалъ Аполлонъ и лирическія стихотворенія, выражавшія отчаяніе юноши по случаю отсутствія въ немъ поэтическаго таланта.

„Я не поэтъ, о, Боже мой!“ восклицалъ онъ:

„Зачѣмъ же злобно такъ смѣялись,
Такъ ядовито надсмѣхались
Судьба и люди надо мной?“

По этимъ стихамъ надо было бы ожидать въ Аполлонѣ зависти къ моимъ стихотворнымъ попыткамъ. Но у меня никогда не было такого ревностнаго поклонника и собирателя моихъ стихотворныхъ набросковъ, какъ Аполлонъ. Въ скорости послѣ моего помѣщенія у нихъ въ домѣ моя желтая тетрадка замѣнена была тетрадью, тщательно переписанною рукой Аполлона.

Бывали случаи, когда мое вдохновеніе воплощало переживаемую нами сообща тоскливую пустоту жизни. Сидя за однимъ столомъ въ теченіи долгихъ зимнихъ вечеровъ, мы научились понимать другъ друга на полусловѣ, при чемъ отрывочныя слова, лишенныя всякаго значенія для посторонняго, приносили намъ съ собою цѣлую картину и связанное съ ними знакомое ощущеніе.

— Помилуй, братецъ, восклицалъ Аполлонъ:—чего стоитъ эта печка, этотъ столъ съ нагорѣвшей свѣчею, эти замерзлыя окна! Вѣдь это отъ тоски пропасть надо!

И вотъ появилось мое стихотвореніе

Не ворчи мой котъ мурлыка...

долго приводившее Григорьева въ восторгъ. Чутокъ онъ былъ на это, какъ Эолова арфа.

Помню, въ какое восхищеніе приводило его маленькое

стихотвореніе „Котъ поетъ, глаза прищуря", надъ которымъ онъ только восклицалъ:—Боже мой, какой счастливецъ этотъ котъ и какой несчастный мальчикъ!

Аполлонъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ и литературой, и при нашей встрѣчѣ я засталъ его погруженнымъ въ Notre Dame de Paris и драмы Виктора Гюго. Но главнымъ въ то время идоломъ Аполлона былъ Ламартинъ. Послѣднее обстоятельство было выше силъ моихъ. Несмотря на увлеченіе, съ которымъ я самъ перевелъ „Озеро" Ламартина, я сталъ фактически, чтеніемъ вслухъ убѣждать Григорьева въ невозможной прозаичности безконечныхъ стиховъ Ламартина и довелъ Григорьева дотого, что онъ сталъ бояться чтенія Ламартина, какъ фрейлины Анны Іоанновны боялись чтенія Тредьяковскаго. Зато какъ описать восторгъ мой, когда послѣ лекціи, на которой Ив. Ив. Давыдовъ съ похвалою отозвался о появленіи книжки стиховъ Бенедиктова, я побѣжалъ въ лавку за этой книжкой?!

— Что стоитъ Бенедиктовъ? спросилъ я приказчика.

— Пять рублей,—да и стòитъ. Этотъ почище Пушкина-то будетъ.

Я заплатилъ деньги и бросился съ книжкою домой, гдѣ цѣлый вечеръ мы съ Аполлономъ съ упоеніемъ завывали при ея чтеніи. Но, поддаваясь Байроновско-французскому романтизму Григорьева, я вносилъ въ нашу среду не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды Гете. Талантливый Григорьевъ сразу убѣдился, что безъ нѣмецкаго языка серьезное образованіе невозможно, и, при своей способности, прямо садился читать нѣмцевъ, спрашивая у меня незнакомыя слова и обороты. Черезъ полгода Аполлонъ рѣдко уже прибѣгалъ къ моему оракулу, а затѣмъ сталъ самостоятельно читать философскія книги, начиная съ Гегеля, котораго ученіе, распространяемое московскими юридическими профессорами съ Рѣдкинымъ и Крыловымъ во главѣ, составляло главнѣйшій интересъ частныхъ бесѣдъ студентовъ между собою. Объ этихъ бесѣдахъ нельзя не вспомянуть, такъ какъ настоящимъ заглавіемъ ихъ должно быть *Аполлонъ Григорьевъ..* Какъ это сдѣлалось, трудно разсказать по порядку; но дѣло въ томъ, что современемъ, по

крайней мѣрѣ черезъ воскресенье, на нашихъ мирныхъ антресоляхъ собирались наилучшіе представители тогдашняго студенчества. Появлялся товарищъ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцевъ, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своимъ голосомъ, переходящимъ въ высокій фальцетъ, онъ утверждалъ, что московскій университетъ построенъ по тремъ идеямъ: тюрьмы, казармы и скотнаго двора, и его шуринъ приставленъ къ нему въ качествѣ скотника. Приходилъ постоянно записывавшій лекціи и находившій еще время давать уроки будущій исторіографъ С. М. Соловьевъ. Онъ, по тогдашнему времени, былъ чрезвычайно начитанъ и, располагая карманными деньгами, неоднократно выручалъ меня изъ бѣды, давая десять рублей взаймы. Являлся веселый, ироническій князь Влад. Ал. Черкасскій, съ своимъ прихихикиваніемъ черезъ зубы, выдающіеся впередъ нижней челюстью. Снизу то и дѣло прибывали новые подносы со стаканами чаю, ломтиками лимона, калачами, сухарями и сливками. А между тѣмъ въ небольшихъ комнатахъ стоялъ стонъ отъ разговоровъ, споровъ и взрывовъ смѣха. При этомъ ни малѣйшей тѣни какихъ-либо соціальныхъ вопросовъ. Возникали одни отвлеченные и общіе: какъ, напримѣръ, понимать по Гегелю отношеніе разумности къ бытію?

— Позвольте, господа,—восклицалъ добродушный Н. М. О—въ,—доказать вамъ бытіе Божіе математическимъ путемъ. Это неопровержимо.

Но не нашлось охотниковъ убѣдиться въ неопровержимости этихъ доказательствъ.

— Конечно,—кричалъ свѣтскій и юркій Жихаревъ,—Подонскій несомнѣнный талантъ. Но мы, господа, непростительно проходимъ мимо такой поэтической личности, какъ Кастаревъ:

Земная жизнь могла здѣсь быть случайной,
Но не случайна мысль души живой.

— Кажется, господа, стихи эти не требуютъ сторонней похвалы.

— Натянутость мысли,—говоритъ прихихикивая Черкасскій,—не всегда бываетъ признакомъ ея глубины, а иногда прикрываетъ совершенно противоположное качество.

— Это противоположное,—пищитъ своимъ фальцетомъ Новосильцевъ,—имѣетъ нѣсколько степеней: il y a des sots simples, des sots graves et des sots superfins.

Что касается меня, то едва ли я былъ не одинъ изъ первыхъ, почуявшихъ несомнѣнный и оригинальный талантъ Полонскаго. Я любилъ встрѣчать его у насъ наверху до прихода еще многочисленныхъ и задорныхъ спорщиковъ, такъ какъ надѣялся услыхать новое его стихотвореніе, которое читать въ шумномъ сборищѣ онъ не любилъ. Помню, въ какомъ восторгѣ я былъ, услыхавъ въ первый разъ:

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...

Появлялся чрезвычайно прилежный и сдержанный С. С. Ивановъ, впослѣдствіи товарищъ попечителя московскаго университета. Съ великимъ оживленіемъ спорилъ, сверкая очками и темными глазками, кудрявый К. Д. Кавелинъ, котораго кабинетъ въ домѣ родителей являлся въ свою очередь сборнымъ пунктомъ нашего кружка.

Приходилъ къ намъ и весьма способный и энергичный, Шекспиру и въ особенности Байрону преданный, Студицкій. Жаль, что въ настоящее время я не помню ни одного изъ превосходныхъ его стихотворныхъ переводовъ еврейскихъ мелодій Байрона. Вынужденный тоже давать уроки, онъ всѣмъ выхвалялъ поэтическій талантъ одного изъ своихъ учениковъ, помнится Карелина. Изъ приводимыхъ Студицкимъ стиховъ юноши, въ которыхъ говорится о противоположности чувствъ, возбуждаемыхъ въ немъ окружающимъ его буйствомъ жизни, я помню только четыре стиха:

Какъ часто, внимая ихъ пѣснямъ разгульнымъ,
Одинъ я межь всѣми молчу,
Какъ часто, внимая словамъ богохульнымъ,
Тихонько молиться хочу.

Что Григорьевъ съ 1-го же курса совершенно безнамѣренно сдѣлался центромъ мыслящаго студенческаго кружка,

можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Григорьевъ былъ записанъ слушателемъ, и въ числѣ другихъ былъ причиной неоднократно повторяемой деканомъ юридическаго факультета Крыловымъ остроты, что слушатели и суть дѣйствительные слушатели. Вспоминаю объ этомъ, желая указать на то, что какой-то слушатель Григорьевъ не могъ представлять никакого интереса въ глазахъ властительнаго и блестящаго попечителя графа Строганова. Между тѣмъ Аполлонъ былъ потребованъ къ попечителю, который спросилъ его по-французски,—имъ ли было написано французское разсужденіе, поданное при полугодичномъ испытаніи? Оно такъ хорошо,—прибавилъ графъ,—что я усомнился, чтобы оно было писано студентомъ, и на утвердительный отвѣтъ Григорьева прибавилъ: „vous faites trop parler de vous; il faut vous effacer“.

Нагляднымъ доказательствомъ участія, возбуждаемаго Аполлономъ Григорьевымъ въ преподавателяхъ, можетъ служить то обстоятельство, что мало-общительный деканъ Никита Ивановичъ Крыловъ,—недавно женившійся на красавицѣ Люб. Ѳед. Коршъ, выходя съ лекціи, пригласилъ Аполлона въ слѣдующее воскресенье къ себѣ пить чай. Конечно, Аполлонъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ родителямъ и вечеромъ въ воскресенье вернулся обвороженный любезностью хозяйки и ея матери, пріѣзжавшей на вечеръ съ двумя дочерьми.

Аполлонъ разсказывалъ мнѣ, что вдова генеральша Коршъ цѣлый вечеръ толковала съ нимъ о Жоржъ-Зандъ и къ великому его изумленію говорила наизусть мои стихи, а въ довершеніе просила привести меня и представить ей. Мы оба не раскаялись, что воспользовались любезнымъ приглашеніемъ.

45-лѣтняя вдова была второю женою покойнаго заслуженнаго доктора Корша и, несмотря на крайнюю ограниченность средствъ, умѣла придать своей гостиной и двумъ молодымъ дочерямъ, Антонинѣ и Лидіи, совершенно приличный, чтобы не сказать изящный, видъ. Я не видалъ ихъ никогда иначе, какъ въ бѣлыхъ полубальныхъ платьяхъ. Иногда на вечера къ матери пріѣзжала старшая ея дочь, можно сказать, идеальная красавица Куманина. Идеаломъ всѣхъ этихъ дамъ была Консвелло Жоржъ-Зандъ, и всѣ ихъ симпатіи, по край-

ней мѣрѣ на словахъ, склонялись въ эту сторону. Въ скоромъ времени за вечернимъ чаемъ у нихъ мы стали встрѣчать Конст. Дм. Кавелина, который, состоя едва ли уже не на 4-мъ курсѣ, видимо интересовался обществомъ молодыхъ дѣвушекъ. Надо сказать правду, что хотя меньшая далеко уступала старшей въ выраженіи какой-то воздушной граціи и къ тому же, торопясь высказать мысль, нерѣдко заикалась, но обѣ онѣ, прекрасно владѣя новѣйшими языками, отчасти музыкой и, при извѣстномъ свободомысліи, хорошими манерами, могли для молодыхъ людей быть привлекательными.

Не берусь опредѣлить времени, когда намъ стало извѣстно, что старшая Антонина дала слово выйти за Кавелина.

Надо отдать справедливость старикамъ Григорьевымъ, что они были чрезвычайно щедры на всѣ развлеченія, которыя могли, по ихъ мнѣнію, помогать развитію сына. Въ этомъ случаѣ первое мѣсто занималъ Большой и Малый (французскій) театры. Хотя мы нерѣдко наслаждались съ Григорьевымъ изящною и тонкою игрой французовъ, но главнымъ источникомъ наслажденій былъ для насъ Большой театръ съ Мочаловымъ въ драмѣ, Ферзингомъ, Нейрейтеръ и Бекомъ въ оперѣ. Что̀ сказать объ игрѣ Мочалова, о которой такъ много было говорено и писано въ свое время? Не одни мы съ Григорьевымъ, сидя рядомъ, подпадали подъ власть очарователя, заставлявшаго своимъ язвительнымъ шепотомъ замирать весь театръ сверху до низу. При дальнѣйшемъ ходѣ воспоминаній придется разсказать, какъ однажды я былъ изумленъ наивнымъ отношеніемъ Мочалова къ произведеніямъ литературы вообще. Въ настоящую минуту, озираясь на Мочалова въ Гамлетѣ по преимуществу, я не умѣю ничѣмъ другимъ объяснить магическаго дѣйствія его игры, кромѣ его неспособности понимать Шекспира во всемъ его объемѣ. Понимать Шекспира или даже одного Гамлета—дѣло далеко не легкое, и подобно тому, какъ виртуозу, разыгрывающему музыкальную піесу, невозможно сознательно брать каждую отдѣльную ноту, а достаточно понимать характеръ самой піесы, такъ и чтецу нѣтъ возможности сознательно подчеркивать каждое отдѣльное выраженіе, а достаточно понимать общее содержаніе. Но въ этомъ-то смыслѣ я рѣшаюсь утвер-

ждать, что Мочаловъ совершенно не понималъ Гамлета, игрой котораго такъ прославился. Мочаловъ былъ по природѣ страстный, чуждый всякой рефлексіи человѣкъ. Эта страстность вынуждала его прибѣгать къ охмѣляющимъ напиткамъ, и тутъ онъ былъ воплощеніемъ того, что Островскій выразилъ словами: „не препятствуй моему нраву“. Поэтому онъ не игралъ роли необузданнаго человѣка: онъ былъ такимъ и гордился этимъ въ кругу своихъ приверженцевъ. Онъ не игралъ роли героя, влюбленнаго въ Офелію или въ Веронику Орлову: онъ дѣйствительно былъ въ нее безумно влюбленъ. Онъ дѣйствительно считалъ себь героическимъ лицомъ, и когда однажды, получивъ небольшое жалованіе, давно ожидаемое нуждавшимся семействомъ, онъ вышелъ изъ кассы, то на просьбу хромаго инвалида, подавая всѣ деньги, сказалъ: „выпей за здоровье Павла Степановича Мочалова“. Однажды, выпивъ подъ Донскимъ монастыремъ съ друзьями весь запасъ вина, онъ отправилъ къ настоятелю такую записку: „у Павла Степановича Мочалова нѣтъ болѣе ни капли вина, и онъ надѣется на подкрѣпленіе изъ вашего благодатнаго погреба“. Говорили, что подкрѣпленіе прибыло. Итакъ, мнѣ кажется, что Мочаловъ искалъ не воспроизведенія звѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться предъ публикой во всю ширь своей духовной безшабашности. Онъ совершенно упускалъ изъ виду, что Гамлетъ слабое нерѣшительное существо, на плечи котораго сверхъестественная сила взвалила неподсильное бремя, и который за постоянною рефлексіей желаетъ скрыть томящую его нерѣшительность; онъ. не въ состояніи разсмотрѣть, что иронически-холодное отношеніе Гамлета къ Офеліи явилось не вслѣдствіе какого-либо проступка со стороны послѣдней, а единственно потому, что, со времени роковаго открытія, ему не до мелочей женской любви. Онъ не понималъ, что въ рѣшительныя минуты слабый человѣкъ высказываетъ вспыльчивость, которой можетъ позавидовать любая энергія. Зато сколько блистательныхъ случаевъ представлялъ Гамлетъ Мочалову высказать собственную необузданность! Какое дѣло, что язвительность ироніи Гамлета есть только проявленіе непосильнаго внутренняго страданія? Гамлетъ-Мочаловъ не

бѣжитъ отъ страданія въ иронію, а напротивъ всею силой предается ей, какъ прирожденному элементу, и конечно, при такомъ условіи нервы зрителя держись... Гамлетъ-Мочаловъ страстно любитъ свою Офелію и терзаетъ ее отъ избытка любви. Нечего разбирать, говоритъ ли мучительная иронія устами Гамлета или дѣйствительное сумасшествіе; но эта иронія — удобный случай порывистому Мочалову высказать свое безумное недовольство окружающимъ міромъ. И вотъ, помимо роковаго конфликта случайныхъ событій съ психологическою подкладкой основнаго характера, помимо, такъ сказать, вопроса „почему?“—окончательные результаты этого конфликта выступаютъ съ такою силой, что сокровеннѣйшая глубина аффекта внезапно развертывается предъ нами:

„И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межь ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна“.

И дѣйствительно, зрителямъ становилось страшно... Когда Гамлетъ-Мочаловъ, увидавъ духъ своего отца, падаетъ на колѣни и, стараясь скрыть свою голову руками, трепетнымъ голосомъ произноситъ: „вы, ангелы святые, крылами своими меня закройте“, предъ зрителемъ возникалъ самый моментъ появленія духа, и выразить охватывавшаго насъ съ Аполлономъ чувства нельзя было ничѣмъ инымъ, какъ стараніемъ причинить другъ другу возможно сильнѣйшую боль щипкомъ или колотушкой. Было бы слишкомъ несправедливо приписывать намъ съ Григорьевымъ монополію потрясающихъ впечатлѣній, уносимыхъ изъ театра отъ игры Мочалова. Подъ власть этого впечатлѣнія подпадали всѣ зрители. Когда Мочаловъ своимъ змѣинымъ шепотомъ, ясно раздававшимся по всѣмъ ярусамъ, задерживалъ дыханіе зрителей, никто и не думалъ аплодировать: аплодисменты раздавались позднѣе, по мѣрѣ общаго отрезвленія. Что зрителямъ нуженъ былъ Мочаловъ, а не трагическое лицо, видно изъ того, что я самъ нѣсколько лѣтъ спустя видѣлъ Мочалова играющимъ Гамлета съ костылемъ и тѣмъ не менѣе вызывающаго все тоже во-

одушевленіе. Юноша, принцъ Гамлетъ на костылѣ—не лучшее ли это подтвержденіе нашей мысли?

Ко времени, о которомъ я упоминаю только для связи разсказа, появился весьма красивый и самонадѣянный актеръ Славинъ; послѣдній, желая блеснуть общимъ образованіемъ, издалъ книгу афоризмовъ, состоявшую изъ безспорныхъ истинъ, вродѣ: Шекспиръ великъ, Шиллеръ вдохновененъ и т. д. Наконецъ послѣдовалъ его бенефисъ въ Гамлетѣ, а затѣмъ и слѣдующее стихотвореніе Дьякова:

О ты, восьмое чудо свѣта,
Кѣмъ опозоренъ самъ Шекспиръ,
Кто изуродовалъ Гамлета,
Купцы зовутъ тебя въ трактиръ.
Ступай, они тебя обнимутъ,
Какъ удальца, какъ молодца,
И дружно съ окорока снимутъ
Гнилые лавры для вѣнца
Тебя украсить, подлеца.

Не одинъ Мочаловъ оказался властителемъ нашихъ съ Григорьевымъ сердецъ: въ неменьшій восторгъ приводила насъ нѣмецкая опера. Трудно въ настоящую минуту опредѣлить, кто изъ насъ нащипывалъ восторгъ въ другомъ; но я долженъ сказать, что мы мало прислушивались къ общественной молвѣ и славѣ, и, наслаждаясь сценическимъ искусствомъ, увлекались нестолько несомнѣннымъ блескомъ таланта, сколько кровью сердца, если позволено такъ выразиться. Такъ мы съ наслажденіемъ слушали Роберта-Бека, и оставались совершенно равнодушными къ Голланду, нѣсколько запоздавшему со своею громадною репутаціей изъ Петербурга; но подобно тому, какъ насъ приводилъ на границу безумія Мочаловъ, влюбленный въ Орлову, такъ увлекалъ и влюбленный въ Алису-Нейрейтеръ Бертрамъ-Ферзингъ. Когда онъ, бывало, приподнявъ перегнувшуюся на лѣвой рукѣ его упавшую у часовни въ обморокѣ Алису и высоко занесши правую руку, выражалъ восторгъ своей близости къ этой безупречной чистотѣ фразой: „du zarte Blüme!“ потрясая театръ самою низкою нотой своего регистра, мы съ Григорьевымъ напропалую щипали другъ друга.

Говоря о московскомъ театрѣ того времени, не могу не упомянуть о Щепкинѣ, какъ великомъ толкователѣ Фамусова и героевъ Гоголевскихъ комедій, о начинающемъ въ то время Садовскомъ и о любимцѣ русской комедіи—Живокини, котораго публика каждый разъ, еще до появленія изъ-за кулисъ, привѣтствовала громомъ рукоплесканій. Зато, что же это былъ и за перлъ смѣшнаго! Хотя я отлично познакомился съ его лицомъ на сценѣ, но онъ гриммировался такъ мастерски, что иногда безъ афиши трудно было въ *Пилюляхъ* узнать вчерашняго *Льва Гурыча Синичкина*. Силу юмора Живокини мнѣ пришлось испытать на себѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Зашелъ я въ трактиръ, такъ называемый: „*Надъ желѣзнымъ*“ (нынѣ Тѣстова), съѣсть свою обычную порцію мозговъ съ горошкомъ. Поджидая въ отдѣльной комнатѣ половаго, я сталъ на порогѣ въ большую общую залу и увидалъ противъ себя за столомъ у окна двухъ посѣтителей. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ знакомаго мнѣ на подмосткахъ Живокини и захотѣлъ воспользоваться случаемъ разсмотрѣть его при дневномъ освѣщеніи, насколько возможно лучше и подробнѣе. Должно быть вскинувшій глаза Живокини, въ свою очередь, замѣтилъ вперившаго въ него взоръ студента. Лицо его мгновенно приняло такое безнадежно глупое выраженіе, что я круто повернулся на каблукахъ и, разражаясь хохотомъ, влетѣлъ въ свою комнату.

Тогда въ балетѣ безраздѣльно царила Санковская. Даже безпощадный Ленскій, осыпавшій всѣхъ своими эпиграммами, говорилъ, что ея руки—ленты, и что ударъ ея носка въ полъ, въ завершеніе прыжка, всепобѣденъ.

XIX

Экзамены.—Дорога.—Лѣто въ Новоселкахъ.—Трезоръ.—Елена Б.

Съ наступленіемъ великаго поста все бросилось готовиться къ переходнымъ экзаменамъ. Принялся и я усердно за богословіе Петра Матвѣевича Терновскаго. Досталъ я себѣ также и усыпительныя лекціи его брата, Ивана Матвѣевича, читавшаго логику. При моемъ исконномъ знакомствѣ съ катехизисомъ, мнѣ не трудно было подготовиться изъ догматическаго богословія и я отвѣчалъ на четыре; но если бы меня спросили изъ исторіи церкви, то я бы не отвѣтилъ даже на единицу. Послѣ счастливаго экзамена по богословію, я въ присутствіи профессора латинской словесности Крюкова, читавшаго, начиная со второго курса, экзаменовался изъ логики и къ несчастію вынулъ всѣ три билета изъ второй половины лекцій, которой не успѣлъ прочитать. Услыхавъ на третьемъ билетѣ мое: „и на этотъ не могу отвѣтить", онъ сказалъ: „а меня ваша четверка сильно интересуетъ, и я желалъ бы, чтобы вы перешли на второй курсъ. Не можете ли чего-либо отвѣтить по собственному соображенію?". И когда я понесъ невообразимый вздоръ, экзаменаторы переглянулись и тѣмъ не менѣе поставили мнѣ тройку. Любезные лекторы французскаго и нѣмецкаго языковъ поставили мнѣ по пятеркѣ, а Погодинъ, по старой памяти, тоже поставилъ четверку изъ русской исторіи. Такимъ образомъ я, къ великой радости, перешелъ на второй курсъ.

На другой день по выдержаніи экзамена я, надѣвъ свѣжія лайковыя перчатки, обѣщалъ ямщику, везшему меня на перекладной, полтинникъ на водку, если онъ меня промчитъ во весь духъ мимо оконъ дѣвицъ Коршъ, которыя, конечно, только случайнымъ и самымъ невѣроятнымъ образомъ могли видѣть меня въ такомъ побѣдоносномъ видѣ.

Помню, какое освѣжительно-радостное впечатлѣніе произвели на меня зеленѣющія поля и деревья, когда я выѣхалъ за заставу пыльной и грохочущей Москвы на мягкую грун-

товую дорогу (такъ какъ въ то время даже Московско-Курскаго шоссе еще не существовало). Но губительная медленность почтовой тройки была слишкомъ тяжела для счастливаго студента, перешедшаго на слѣдующій курсъ. Приходилось, во избѣжаніе скуки, во время пути предаваться всевозможнымъ мечтамъ, а на станціяхъ тщательному пересмотру лубочныхъ картинъ, фельдмаршаловъ, топчущихъ подъ собою арміи, и карандашныхъ надписей по всѣмъ дверямъ и оконнымъ притолкамъ.

Видно, та же тоска, которая вынуждала меня читать подобныя надписи, вынуждала другихъ писать ихъ. Память сохранила мнѣ одну изъ нихъ, прочтенную на окнѣ Подольской гостинницы. Начала стихотворенія я не помню; это было описаніе разнородныхъ порывовъ, возникающихъ въ душахъ путешественниковъ; оно заключалось словами:

„Такъ что нѣкая проѣзжая дѣвица
Не могла себя въ томъ побѣдить,
Не могла себя на мѣстѣ усадить,
А бѣгала по корридору,
Аки перепелица“.

Въ Тулѣ, по крайней ограниченности денежныхъ средствъ, я купилъ себѣ пистонное ружье, но только одноствольное, помнится, не дороже 10 рублей.

Какъ выдержавшій экзаменъ, я былъ принятъ и дома, и у дяди съ большимъ радушіемъ. Еще зимой я познакомился съ восьмнадцатилѣтнею гувернанткой моихъ сестренокъ, Анюты и Нади. У нея были прекрасные голубые глаза и хорошіе темнорусые волосы, но профиль свѣжаго лица былъ совершенно неправиленъ, тѣмъ не менѣе она своею молодостью могла нравиться мужчинамъ, если судить по возгласамъ, которые я самъ слышалъ среди мужчинъ, при ея появленіи съ воспитанницами на Ядринѣ, въ именины дяди 29 іюня. Еще зимой замѣтилъ я, что она съ видимымъ удовольствіемъ принимала отъ меня знаки вниманія, обязательнаго, по мнѣнію моему, для всякаго благовоспитаннаго юноши по отношенію къ женщинѣ. Въ настоящій пріѣздъ вниманіе наше другъ къ другу скоро перешло во взаимное влеченіе. Понятно, что въ при-

сутствіи отца и матери мы за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ старались сохранять полное равнодушіе. Но стоило одному изъ насъ случайно поднять взоръ, чтобы встрѣтить взглядъ другаго. Невольные маневры эти, вѣроятно, стали кидаться въ глаза постороннимъ, такъ какъ однажды мать сдѣлала мнѣ наединѣ по этому поводу замѣчаніе.

Бѣднаго Фритче я едва узналъ, дотого болѣзнь его изнурила. Не взирая на самый материнскій уходъ со стороны матери моей, бѣдный нѣмецъ сталъ, что называется, кости да кожа. Не будучи въ состояніи давать брату Васѣ уроковъ, онъ сначала сидѣлъ въ халатѣ въ своей комнатѣ на креслахъ, а затѣмъ пересталъ вставать съ постели,—и въ самомъ скоромъ времени скромный темно-красный гробъ, поставленный на дроги и предшествуемый нашимъ сельскимъ отцомъ Яковомъ, не отказавшимся проводить лютеранина до могилы, былъ черезъ рощу повезенъ къ сельскому кладбищу, провожаемый нами и плачущею матерью нашей.

На купленномъ въ Тулѣ ружьѣ мнѣ пришлось испытать справедливость двухъ русскихъ пословицъ: „гдѣ тонко, тамъ и рвется“, и „дешево да гнило, дорого да мило“. Пришлось перемѣнить брандрурку, расплющившуюся послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; но въ это время на помощь моей бѣдѣ пріѣхалъ бывшій буфетчикъ Павелъ Тимоѳеевичъ, въ настоящее время завѣдывавшій распродажей части дубоваго лѣса, доставшейся по наслѣдству отцу совмѣстно съ двумя меньшими братьями.

— П-п-пожалуйте, баринъ, мнѣ ружье, я все равно завтра ѣду въ Орелъ и въ одинъ день исправлю его у ружейника.

Къ услугамъ Павла была предоставлена въ лѣсу надежная, но слѣпая, бѣлая лошадь и телѣжка. На этой телѣжкѣ Павелъ Тимоѳеевичъ и совершалъ свои служебные переѣзды. Вѣроятно за послѣдніе дни и отецъ нетерпѣливо поджидалъ пріѣзда Павла Тимоѳеевича съ окончательными разсчетами по лѣснымъ книгамъ и съ причитающимися деньгами. Раза два мы уже слышали восклицаніе отца:—что это Павлушка не ѣдетъ?

Однажды утромъ, когда послѣ чаю отецъ вернулся во флигель, а я послѣдовалъ за нимъ, на порогѣ его кабинета появился Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Что такъ долго? спросилъ отецъ.

— Н-н-не-несчастье случилось,—отвѣчалъ Павелъ Тимоѳеевичъ,—чуть не потонулъ на Сатыевскомъ броду. Послѣ проливнаго дождя вода привалила къ плотинѣ, а я ничего не знаю, ѣду черезъ бродъ съ Дуняшей Никифоровой: она просила захватить ее изъ Орла отъ модистки дня на два въ Новоселки къ отцу съ матерью. Ѣдемъ мы на слѣпомъ и почти ужь переѣхали рѣчку; какъ, гдѣ ни бымши, вода прорвала плотину и прямо бревномъ покатила къ намъ. Приподняло водой телѣжный ящикъ, да насъ съ Дуняшей и вонъ. Къ счастью, она въ карнолинѣ, какъ волчекъ кружится, плаваетъ; а я ужь и не знаю, за что хвататься. Поймалъ Дуняшу за карнолинъ и тащу къ себѣ. Благо меринъ, знать, испугался воды и поперъ на берегъ телѣжку, которая хоть и опрокинулась, да не соскочила съ передка. Тащусь я за задокъ, который опять сталъ на корень, да тащу за собою Дуняшу; глянулъ, а телѣжный ящикъ пустъ: ни лѣсныхъ книгъ, ни Дуняшинаго узелка, ни своего новаго платья, ни ружья Аѳ. Аѳ.—нѣту. Сбѣгалъ я на мельницу, навязали мы грабли на палку, и давай гресть по руслу. Думаю, ружье желѣзное, должно быть тутъ же на дно сѣло. Бились, бились, ничего не нашли,—такъ и бросили.

Не знаю, въ какой мѣрѣ отецъ увѣровалъ въ истинность разсказа: но, помня слѣпую вѣру его въ безупречность слугъ своихъ и замѣтивъ, какъ часто отчетныя книги подвергаются неожиданной пропажѣ, я отчасти склоненъ отнести приключеніе Павла Тимоѳеевича къ области миѳической.

Отецъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на пропажу моего ружья; зато при каждомъ свиданіи съ дядей я не переставалъ самымъ горестнымъ образомъ жаловаться на злобу судьбы.

— Да слышу, слышу, — сказалъ онъ однажды со смѣхомъ,—есть у меня про тебя двухствольное ружье, получше твоей тульской палки.

Въ Новоселкахъ я засталъ новую постройку, а именно флигель между кухней и домомъ на мѣсто предполагавшагося когда-то большаго дома. Въ этотъ новый флигель, состоявшій изъ двухъ комнатъ побольше и двухъ маленькихъ.

въ томъ числѣ и передняя, перешла мать, все болѣе и болѣе уступавшая недугу, увлекавшему ее въ уединеніе. Отецъ, попрежнему, если еще не болѣе, былъ въ отлучкахъ, занятый постройкой тимской мельницы и устройствомъ вновь полученной Грайворонки.

Хотя у меня и не было опредѣленной верховой лошади, но чрезъ конюховъ и кучеровъ я всегда зналъ болѣе подходящую рабочую и пользовался ею для разъѣздовъ. Однажды предъ обѣдомъ я велѣлъ сѣдлать лошадь, понадѣявшись, что, проскакавъ съ возможною быстротой четыре версты, я какъ разъ попаду къ дядиному обѣду, что̀ все-таки представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Прискакавъ въ Ядрино и спрыгнувъ съ лошади, я торопливо вбѣжалъ на каменное крыльцо. Пробѣжавъ по корридору, я очутился въ столовой и къ великому огорченію нашелъ дядю за пирожнымъ.

— А, здравствуй, сказалъ дядя,—ты обѣдалъ?

Не предчувствуя бѣды, я сказалъ: „нѣтъ“.

— Видишь ли, сказалъ дядя,—ты поступилъ взбалмошно и загналъ лошадь.

— Я ея не гналъ.

— Хочешь ли, я велю ее привести и покажу тебѣ, что она вся въ пѣнѣ. У васъ пошли за кушаньемъ, а ты поскакалъ ко мнѣ, забывая, что и я въ этотъ часъ обѣдаю; теперь ты меня извини: я кончилъ обѣдъ и, по обычаю, ухожу отдохнуть. Малый! крикнулъ онъ убиравшему со стола буфетчику,—прикажи сейчасъ же поварамъ готовить обѣдъ для Аѳанасія Аѳанасьевича.

— Помилуйте, дяденька, ради Бога, не приказывайте этого! воскликнулъ я въ величайшемъ смущеніи.

— Нѣтъ, любезный другъ, отмѣнить своего приказанія я не могу. Не могу же я допустить, чтобы тебя, пріѣхавшаго ко мнѣ въ домъ обѣдать, не накормили. А это маленькое обстоятельство послужитъ тебѣ урокомъ; отправляясь въ чужой домъ, ты обязанъ узнать обычай этого дома и съ нимъ сообразоваться, а не буровить, какъ въ голову придетъ. А теперь, до свиданья! Съ этими словами дядя ушелъ въ спальню.

Какъ бы желая вознаградить меня за строгій урокъ, дядя

вышелъ черезъ часъ изъ кабинета, служившаго ему спальней, съ улыбающимся лицомъ и предложилъ сыграть на билліардѣ.

Игралъ онъ, какъ и стрѣлялъ изъ ружья, замѣчательно хорошо.

— Что же у тебя за верховая лошадь, на которой ты летаешь съ такою быстротой? спросилъ онъ, подсмѣиваясь.

— Баронесса, отвѣчалъ я.

— Я довольно коротко знаю, — сказалъ дядя, — вашихъ лошадей, а что-то не помню такого имени.

— Да это я ее такъ прозвалъ, потому что она выпряжена изъ бороны.

— Ну третьяго дня я обѣщалъ тебѣ ружье, которое сейчасъ же велю тебѣ передать, а сегодня же вечеромъ пришлю добрую персидскую кобылку *Вѣдьму*, которую загонять трудно.

Я сталъ благодарить, но дядя, по-своему обычаю, не далъ мнѣ поцѣловать руки.

Въ Новоселкахъ меня встрѣтилъ нарочный, державшій на веревкѣ большую, пеструю маркловскую собаку.

— Марья Петровна Борисова,—сказалъ онъ,—приказали кланяться и для охоты прислали вамъ лягавую собаку Трезора.

Принявъ собаку, я тотчасъ, для перваго знакомства, постарался послаще накормить ее, но изъ осторожности продержалъ до утра взаперти, увѣренный, что если собака хоть разъ сходитъ со мною на удачную охоту, то уже отъ меня не уйдетъ.

Зная аккуратность Ильи Аѳанасьевича, я просилъ его распорядиться, чтобы къ четыремъ часамъ утра конюхъ, осѣдлавъ мнѣ Вѣдьму, подвелъ ее къ крыльцу, самъ сидя на разгонной лошади, а меня бы въ этотъ часъ Илья Аѳанасьевичъ разбудилъ, приготовивъ ружье и ягдташъ со всѣми принадлежностями. Какъ на другое, такъ и во всѣ послѣдующія утра, я слышалъ раздававшійся надо мной голосъ Ильи Аѳанасьевича: „Аѳанасій Аѳанасьевичъ!“—и, раскрывая глаза, видѣлъ, что стрѣлки часовъ моихъ, висящихъ на стѣнѣ, показывали 4 часа.

Сколько разъ въ теченіи нѣсколькихъ годовъ случалось мнѣ каждое утро торопливымъ шагомъ спускаться

отъ флигеля въ садъ и черезъ поле къ рѣкѣ Зушѣ, которую приходилось переѣзжать по косому броду иногда до того залитому, что Трезоръ вынужденъ былъ переправляться вплавь, затѣмъ слѣдовало переѣзжать по деревянному мосту рѣчку Чернь, впадающую въ Зушу съ полверсты ниже каменной Новиковской мельницы. Вотъ еще съ полверсты, и затѣмъ у круглаго болота я отдавалъ Вѣдьму держать конюху, а самъ, посылая Трезора впередъ, тихонько пробирался съ ружьемъ вдоль мочежины, въ надеждѣ разыскать если не дупелей, то бекасовъ, если не бекасовъ, то коростелей и утокъ. Это круглое болотце было однако же какъ бы предисловіемъ къ длинному, тянувшемуся на полверсты болоту, которое, къ величайшему наслажденію, предстояло обойти кругомъ,—причемъ выходидо съ версту прекраснѣйшей мѣстности, гдѣ заранѣе было извѣстно нахожденіе той или другой породы птицъ. Вотъ кочковатый берегъ безъ всякой поросли и камышей до самой воды... Тутъ утокъ нельзя ожидать, а можно ждать бекасовъ и даже дупелей; послѣднихъ, хотя рѣдко, бываетъ двѣ—три пары, но пару, какъ на заказъ, можно найти каждое утро. Зато въ дальнемъ концѣ болота, обращеннаго ко Мценску, среди камышей и осоки, дупелей и бекасовъ ждать нельзя, но, подойдя безшумно, можно застать выводокъ утокъ.

Трезоромъ я оставался совершенно доволенъ: обладая недурнымъ чутьемъ, онъ былъ весьма флегматиченъ и послѣ выстрѣла не гнался за улетающею птицей, а убитую легко отыскивалъ въ густой травѣ. Зато одна черта его поведенія приводила меня въ совершенное отчаяніе. Когда онъ находилъ убитую птицу, я немедля подходилъ къ нему и, взявъ ее у него изъ зубовъ, клалъ въ ягдташъ. Случалось однако же, что дупель или бекасъ, поднятый на берегу узкаго болота, летѣлъ къ противоположному берегу и убитый падалъ на него. Перейти болото, по его вязкости и глубинѣ, нечего было и думать, а обходить приходилось съ полверсты. Вѣроятно, соображая послѣднее обстоятельство, Трезоръ отправлялся черезъ болото за упавшею птицей и, сдѣлавъ сперва стойку, подходилъ и хваталъ ее зубами. На отчаянный мой крикъ: „Трезоръ ісі!“ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, я видѣлъ, какъ птица

все далѣе скрывалась въ его огромной пасти, и наконецъ, одни только крылья отваливались по обѣимъ сторонамъ его челюстей. Я жестоко билъ грубаго пса, котораго прислуга боялась трогать, говоря: „слопаетъ". Но это не измѣняло дѣла и только увеличивало привязанность ко мнѣ Трезора. Стоило мнѣ, бывало, бросить платокъ или перчатку среди двора, и Трезоръ тотчасъ же ложился около нихъ, грознымъ рычаніемъ предупреждая каждаго насчетъ неприкосновенности вещи.

Съ точки зрѣнія третейскаго судьи, на которую я становлюсь въ моихъ воспоминаніяхъ, невозможно не видѣть ежеминутнаго подтвержденія истины, что люди руководствуются не разумомъ, а волей. Какой смыслъ могло представлять наше взаимное съ M-lle Б. увлеченіе, если подумать, что я былъ 19-лѣтній, отъ себя не зависящій и плохо учащійся студентъ втораго курса, а между тѣмъ дѣло дошло до взаимнаго обѣщанія принадлежать другъ другу, подразумѣвая законный бракъ. Мы даже обмѣнялись кольцами, такъ какъ я носилъ подаренное мнѣ матерью кольцо, а у нея тоже было обручальное кольцо ея покойнаго отца. Что такое обѣщаніе было не шуткой, явно изъ того, что однажды, думая покончить эту неразрѣшимую задачу, я вышелъ изъ флигеля на опушку лѣса Дюкинскаго верха съ заряженною двустволкой и нѣкоторое время, взведя курки, обдумывалъ, какъ ловчѣе направить въ себя смертельный ударъ. Слезы измѣнили окончательную мою рѣшимость, и я ушелъ домой. Не прибавлю ничего къ описанію минуты, въ которой и самъ не берусь различить всѣхъ сокровенныхъ побужденій.

Мало ли о чемъ мечтаютъ 19-лѣтніе мальчики! Между прочимъ я былъ увѣренъ, что имѣй я возможность напечатать первый свой стихотворный сборникъ, который обозвалъ *Лирическимъ Пантеономъ*, то немедля пріобрѣту громкую славу, и деньги, затраченныя на изданіе, тотчасъ же вернутся сторицей. Раздѣляя такое убѣжденіе, Б. при отъѣздѣ моемъ въ Москву вручила мнѣ изъ скудныхъ сбереженій своихъ 300 рублей ассигнаціями,—такъ какъ тогда счетъ на серебро еще не существовалъ,—на изданіе, долженствовавшее, по нашему мнѣнію, упрочить нашу независимую будущность. Мы раз-

стались, давъ слово писать черезъ старую Елизавету Николаевну.

Весь этотъ невѣроятный и, по умственной безпомощности, жалкій эпизодъ можно понять только при убѣжденіи въ главенствѣ воли надъ разумомъ. Садъ, доведенный необычно раннею весной до полнаго расцвѣта, не станетъ разсуждать о томъ, что румянецъ, проступающій на его бѣлыхъ благоуханныхъ цвѣтахъ, совершенно несвоевремененъ, такъ какъ черезъ два-три дня все будетъ убито неумолимымъ морозомъ.

XX

Пребываніе на второмъ курсѣ.—Увлеченіе Гегелемъ.—Профессора и товарищи.—Пріѣздъ отца.—С. Н. Шеншинъ.—Братья Рубинштейны.—Изданіе Лирическаго Пантеона.—Встрѣча съ Еленой.—Развязка нашего романа.

Съ переходомъ на второй курсъ, университетскія занятія болѣе специализировались. Юристы еще болѣе подпали подъ вліяніе профессора Рѣдкина, и имя Гегеля дотого стало популярнымъ на нашемъ верху, что сопровождавшій по временамъ насъ въ театръ слуга Иванъ, выпившій въ этотъ вечеръ не въ мѣру, крикнулъ при разъѣздѣ вмѣсто: „коляску Григорьева!—коляску Гегеля!“. Съ той поры въ домѣ говорили о немъ, какъ объ Иванѣ Гегелѣ. Не помню, кто изъ товарищей подарилъ Аполлону Григорьеву портретъ Гегеля, и однажды, до крайности прилежный, Чистяковъ, заходившій иногда къ намъ, упирая одинъ въ другой указательные пальцы своихъ рукъ и расшатывая ихъ въ этомъ видѣ, показывалъ воочію, какъ борются „субъектъ“ съ „объектомъ“. Кажется, что въ то время Бѣлинскій не поступалъ еще въ *Отечественныя Записки*, какъ критикъ, и не открывалъ еще своего похода противъ нашихъ псевдо-классическихъ писателей. Не думая умалять значеніе его почина въ этомъ дѣлѣ, привожу фактъ, доказывающій, что поднятая имъ тема носилась въ воздухѣ. Одно изъ величайшихъ духовныхъ наслажденій и

представляетъ благодарность лицамъ, благотворно когда-то къ намъ относившимся. Не испытывая никакой напускной нѣжности по отношенію къ Московскому университету, я всегда съ сердечной признательностью обращаюсь къ немногимъ профессорамъ, тепло относившимся къ своему предмету и къ намъ, своимъ слушателямъ. Вслѣдствіе положительной своей безпамятности, я чувствовалъ природное отвращеніе къ предметамъ, не имѣющимъ логической связи. Но не прочь былъ послушать теорію краснорѣчія или эстетику у И. И. Давыдова, исторію литературы у Шевырева, или разъясненіе Крюковымъ красотъ Горація. Вѣроятно, желая болѣе познакомиться съ нашей умственной дѣятельностью, И. И. Давыдовъ предложилъ намъ написать критическій разборъ какого-либо классическаго произведенія отечественной литературы. Не помню, досталось ли мнѣ или выбралъ я самъ оду Ломоносова на рожденіе порфиророднаго отрока, начинающуюся стихомъ:

„Уже врата отверзло лѣто".

Помню, съ какимъ злораднымъ восторгомъ я набросился на всѣ грамматическія неточности, какофоніи и стремленіе замѣнить жаръ вдохновенія риторикой вродѣ:

„И Тавръ и Кавказъ въ Понтъ бѣгутъ".

Очевидно, это не было какимъ-либо съ моей стороны изобрѣтеніемъ. Всѣ эти недостатки сильно поражали слухъ, уже избалованный точностью и поэтичностью Батюшкова, Жуковскаго, Баратынскаго и Пушкина. Удостовѣрясь въ моей способности отличать напыщенные стихи отъ поэтическихъ, почтенный Иванъ Ивановичъ отнесся съ похвалою о моей статьѣ и, вѣроятно, счелъ преждевременнымъ указать мнѣ, что я забылъ главное: эпоху, въ которую написана ода. Требовать отъ Державина современной виртуозности, а у современныхъ стихотворцевъ Державинской силы—то же, что требовать отъ Бетховена Листовской игры на рояли, и отъ Листа—Бетховенскихъ произведеній.

Познакомился я со студентомъ Боклевскимъ, прославившимся впослѣдствіи своими иллюстраціями къ произведеніямъ

Гоголя. Въ то время мнѣ приводилось не только любоваться щегольскими акварелями и портретами молодаго диллетанта, но и слушать у него на квартирѣ прелестное пѣніе студента Мано, обладавшаго бархатнымъ тенором.

Между обычными посѣтителями Григорьевскаго мезонина сталъ появляться неистощимый разсказчикъ и юмористъ, однокурсникъ и товарищъ Григорьева Ник. Антоновичъ Ратынскій, сынъ помѣщика Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда; онъ, кажется, не получалъ отъ отца никакого содержанія и вынужденъ былъ давать уроки. Черезъ Ратынскаго познакомился я съ двумя орловскими землякамн-студентами, жившими на одной квартирѣ: Гриневымъ и поэтомъ Лизандромъ.

Пламенная переписка между Еленой Григорьевной и мною продолжалась до начала октября; но вдругъ совершенно неожиданно явился Илья Аѳанасьевичъ съ извѣстіемъ, что „папаша прибыли въ Москву и остановились съ сестрицами Анной и Надеждой Аѳанасьевными у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ П. П. Новосильцова и просили пожаловать къ нимъ“. На дворѣ Новосильцова стояла наша желтая четвероместная карета, въ которой отецъ, въ сопровожденіи няньки Афимьи, привезъ моихъ сестренокъ, чтобы везти ихъ въ Смольный монастырь. Не успѣлъ я поздороваться съ отцомъ и сестрами, какъ въ комнату вошелъ въ новомъ блестящемъ мундирѣ П. П. со словами: „какъ вы кстати пріѣхали, почтеннѣйшій Аѳанасій Неофитовичъ; я назначенъ московскимъ вицъ-губернаторомъ и сію минуту ѣду принимать присягу. Мы на дняхъ съ семействомъ переѣдемъ сюда изъ нашей Сокольничьей дачи, и вашему студенту, право, не стыдно было бы зимою бывать у насъ, гдѣ онъ по воскресеньямъ встрѣтитъ своихъ бывшихъ товарищей-кадетовъ Ваню и Петю Борисовыхъ. Славные ребята; особенно хорошо учится и ведетъ себя Ваня“.

Послѣ обѣда, приготовленнаго отцовскимъ походнымъ поваромъ Аѳанасіемъ Петровымъ, отецъ, оставшись со мною наединѣ, неожиданно вдругъ сказалъ: „безпутную Елену Григорьевну я разсчелъ, а дѣвочекъ везу въ институтъ. Матку-правду сказать, некрасивую глупость ты тамъ затѣялъ. Хо-

рошо, что я вовремя узналъ обо всемъ случайно; но прежде всего il faut partir du point où on est“.

На другой день отецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а недѣли черезъ двѣ тѣмъ же путемъ прослѣдовалъ въ Новоселки.

Во время остановки въ Москвѣ отецъ представилъ меня въ домѣ своего однофамильца и дальняго родственника Семена Николаевича, занимавшаго домъ на Большой Никитской противъ Большаго Вознесенія. Мценскій помѣщикъ Семенъ Николаевичъ, проводившій зиму съ женою и двумя взрослыми дочерьми въ Москвѣ, былъ типомъ солиднаго русскаго барина. Постояннымъ его чтеніемъ былъ Капфигъ, и вся обстановка дома отличалась безукоризненною аккуратностью. Всѣ часы въ домѣ били единовременно и строго согласовались съ золотыми карманными часами, стоявшими передъ хозяиномъ въ кабинетѣ на столѣ. Утро онъ проводилъ въ кабинетѣ въ красномъ шелковомъ халатѣ, но къ обѣду, хотя бы и безъ гостей, выходилъ въ воздушномъ бѣломъ галстукѣ, а жена и дочери обязательно парадно одѣтыми. Дворецкій и ливрейные слуги съ особеннымъ искусствомъ накрывали столъ, на которомъ приборы и вдоль и поперекъ должны были представлять прямыя линіи, такъ что каждая отдѣльная рюмка или стаканъ съ одного конца стола до другаго закрывали весь рядъ своихъ товарищей. Съ первымъ ударомъ пяти часовъ Семенъ Николаевичъ выходилъ къ столу, гдѣ около дымящагося супа уже стояла его жена и около своихъ мѣстъ ожидали красивыя и благовоспитанныя дочери. Послѣ обѣда Семенъ Николаевичъ отправлялся на часокъ отдохнуть и затѣмъ уже проводилъ вечеръ, слушая прекрасную игру на рояли преимущественно одной изъ дочерей, или же большею частію за карточнымъ столомъ съ гостями. Одною изъ оригинальныхъ чертъ Семена Николаевича былъ обычай, по которому каждый воскресный день утромъ, когда баринъ былъ еще въ халатѣ, камердинеръ, раскрывши въ кабинетѣ запертый шкафъ, ставилъ предъ Семеномъ Николаевичемъ на большомъ блюдѣ груду золотыхъ, а на меньшемъ собраніе драгоцѣнныхъ перстней и запонокъ, и Семенъ Николаевичъ мягкою щеткою принимался систематически перечищать свою коллекцію. Не знаю почему, но я съ первыхъ посѣщеній заслужилъ расположеніе Семена Ни-

колаевича и убѣдился, что этотъ въ свое время благовоспитанный и начитанный человѣкъ не особенно нѣжно относился къ членамъ своей семьи. Каждый разъ, когда я обѣдалъ у него, намъ подавали полбутылки Аи, изъ которой одной капли не попадало въ бокалы дамъ, и достаточно было при уходѣ изъ-за стола ему сказать: „а вы, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, посидите съ моими дочерьми“, для того чтобы ни одна изъ нихъ не сдѣлала шагу изъ гостиной до отцовскаго пробужденія.

Однажды вечеромъ въ залу какой то темнорусый гость ввелъ двухъ мальчиковъ.

— Устройте имъ сидѣнья предъ роялью, сказалъ Семенъ Николаевичъ, обращаясь къ дочерямъ.

Приведеннымъ мальчикамъ, повидимому, было около восьми лѣтъ; ихъ усадили на подмощенныхъ нотахъ за рояль, и учитель сталъ за ними, перевертывая ноты. Блистательная игра мальчиковъ продолжалась около часу, а затѣмъ они сѣли на паркетъ, куда имъ дали конфектъ, фруктовъ и какихъ-то игрушекъ. Мальчики эти были братья Рубинштейны, съ которыми позднѣе мнѣ случалось встрѣчаться не разъ въ періодъ ихъ славы.

Между тѣмъ я тщательно приберегъ деньги, занятыя на изданіе, и къ концу года выхлопоталъ изъ довольно неисправной типографіи Селивановскаго свой „Лирическій Пантеонъ“.

Письма отъ Елены Григорьевны вдругъ прекратились, и я отчасти понялъ тому причину.

Однажды вечеромъ, когда я тоскуя старался, по обычаю, помѣшать Аполлону въ его занятіяхъ, мальчикъ Ванюшка подалъ мнѣ небольшую запечатанную записку, въ которой я прочелъ: „выходи поскорѣе за ворота, въ каретѣ я тебя ожидаю“.

Твоя Ел.

Узнавши руку, я только надѣлъ фуражку и безъ шинели и калошъ побѣжалъ за калитку, гдѣ незнакомый слуга помогъ мнѣ сѣсть въ карету.

Мы бросились въ объятія другъ другу, и она тотчасъ же стала тревожиться, что я на морозѣ такъ легко одѣтъ.

— Ничего, ничего, — говорилъ я въ крайнемъ смущеніи; а она, далеко запахивая полу пышной песцовой шубы, старалась прикрыть меня отъ стужи. Но мнѣ было не дотого: мысли пересыпались въ моей головѣ, какъ бисеръ въ калейдоскопѣ, и я никакъ не могъ понять, куда и зачѣмъ насъ везутъ. Изъ отрывочныхъ словъ и восклицаній я могъ наконецъ понять, что отецъ мой, узнавши все, поступилъ съ Еленой, какъ она сама говорила, самымъ деликатнымъ образомъ. О нашихъ отношеніяхъ онъ не сказалъ ни слова, а только сослался на необходимость помѣстить двухъ дѣвочекъ, по примѣру старшей сестры ихъ, въ институтъ и, уплативши ей за полгода впередъ, съ благодарностью возвратилъ ей триста рублей, занятые у нея сыномъ студентомъ.

— Теперь, говорила Елена,—я поступила въ компаньонки къ дочерямъ генерала Коровкина въ Ливенскій уѣздъ, и вотъ причина, почему изъ этого дома я не могла тебѣ писать. Въ настоящее время Коровкины переѣхали въ Москву,—и она сказала ихъ адресъ.—А я по праздникамъ буду брать карету и пріѣзжать сюда, а у Коровкиныхъ буду говорить, что эту карету прислала за мною моя подруга.

Раза два намъ пришлось видѣться такимъ образомъ, хотя, признаюсь, я сталъ мало-по-малу понимать всю нелѣпую несбыточность нашихъ затѣй. Но у меня не доставало духу разочаровывать мечтательницу, и письма снова безпрепятственно стали ходить между нами.

Однажды, распечатавши письмо, я прочелъ: „все пропало; глупый извозчикъ, на вопросъ объ имени моей подруги, сказалъ, что онъ прямо съ биржи. Такимъ образомъ, все вышло наружу, принимая самый неблагопріятный оттѣнокъ по отношенію къ нашимъ съ тобою свиданіямъ. Я сегодня же оставляю ихъ домъ“.

Возмущенный до глубины души ролью человѣка, набросившаго неблагопріятную и совершенно незаслуженную тѣнь на несчастную дѣвушку, я счелъ своею обязанностью отправиться къ генералу. Я самъ чувствовалъ всю нелѣпость моей выходки. Но долгъ чести прежде всего, думалось мнѣ, и я добился желаемой аудіенціи.

— Что вамъ угодно? спросилъ генералъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— До вчерашняго дня, отвѣчалъ я,—у васъ проживала m-lle Б—а, съ которой я познакомился въ домѣ моихъ родителей и испросилъ у нея ея руку. Теперь я узналъ, что ни въ чемъ неповинная дѣвушка навлекла свиданіемъ со мною на себя незаслуженное нареканіе, и счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что въ этихъ свиданіяхъ не было и тѣни чего-либо дурнаго.

— Если вы хотѣли, отвѣчалъ генералъ,—позаботиться о чести дѣвушки, то избрали для этого наихудшій путь. Зная вашего батюшку, я увѣренъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на подобный бракъ, и разглашать самому тайныя свиданія съ дѣвицей не значитъ возстановлять ея репутацію. Я отказалъ m-lle Б—ой потому, что она не обладаетъ свѣдѣніями, которыя могли бы быть полезны моимъ дочерямъ.

Убѣдившись въ своей неудачѣ, я поклонился и вышелъ.

Дѣйствительность иногда бываетъ неправдоподобнѣе всякаго вымысла. Такою оказалась развязка нашего полудѣтскаго романа. Только впослѣдствіи я узналъ, что ко времени неожиданной смуты также неожиданно пріѣхалъ въ Москву чиновникъ изъ Петербурга и проѣздомъ на Кавказъ, къ мѣсту своего назначенія, захватилъ и сестру свою Елену Григорьевну. Впослѣдствіи я слышалъ, что она вышла тамъ замужъ за чиновника, съ которымъ конечно была гораздо счастливѣе, чѣмъ могла бы быть со мною.

XXI

А. Н. Островскій.—Мариновскій.—Обѣдъ у Гринева.—Перемѣна денежнаго счета съ ассигнацій на серебро.—Экзамены. — Единица изъ политической экономіи.—Пріѣздъ домой.—Романъ дяди.—Сосѣди.— Охота.

Кромѣ посѣщавшаго насъ студенческаго кружка, о которомъ я говорилъ выше, я познакомился съ милѣйшими товарищами словесниками Гёдике и Басистовымъ, забѣгавшими, подобно мнѣ, въ трактиръ „Великобританію" противъ манежа. Кромѣ чаю и мозговъ съ горошкомъ, привлекательнымъ пунктомъ въ этомъ заведеніи была комната съ двумя билліардами: однимъ весьма правильнымъ и скупымъ, другимъ болѣе легкимъ. Послѣдній былъ поприщемъ моимъ и подобныхъ мнѣ третьестепенныхъ игроковъ, тогда какъ трудный билліардъ былъ постояннымъ поприщемъ А. Н. Островскаго и подобныхъ ему корифеевъ, игравшихъ въ два шара или въ пирамидку. Хотя я и видалъ Островскаго ежедневно у сосѣдняго билліарда, но лично былъ съ нимъ незнакомъ.

За стаканомъ чаю въ круглой студенческой комнатѣ какъ разъ противъ манежа, мы съ Гёдике и съ Басистовымъ предавались обсужденіямъ разныхъ эстетическихъ вопросовъ; и ни разу намъ въ голову не приходило задаваться совершенно чуждыми намъ государственными или соціальными вопросами. Давнымъ давно по окончаніи лекцій сталъ подходить ко мнѣ съ научными разговорами товарищъ Мариновскій, весьма начитанный и слывшій не только за весьма умнаго человѣка, но даже за масона.

— Тутъ времени нѣтъ потолковать съ вами, сказалъ онъ мнѣ однажды,— а пріятно было бы обмѣняться мыслями на свободѣ. Не зайдете ли вы ко мнѣ отобѣдать? Я стою на Тверской и могу угостить васъ отличнымъ обѣдомъ. Пожалуйста приходите; буду ждать васъ въ воскресенье къ пяти часамъ. Да приходите пораньше.

Въ четыре часа въ назначенный день я вошелъ въ прекрасную комнату со столами, заваленными книгами.

— Какъ я радъ! воскликнулъ мнѣ на встрѣчу Мариновскій. Еще часъ до обѣда, и мы успѣемъ съ вами побесѣдовать; я только-что на минутку сбѣгаю распорядиться насчетъ закуски. Съ этимъ вмѣстѣ онъ отворилъ потайную дверь и скрылся по винтовой лѣстницѣ. Черезъ четверть часа онъ тѣмъ же путемъ появился въ комнатѣ и, извиняясь безтолковостью людей, сказалъ: „вотъ преинтересная книга Винкельмана, она можетъ занять васъ, а я побѣгу ускорить нашъ обѣдъ".

На этотъ разъ онъ пробылъ съ полчаса, показавшіеся мнѣ вѣчностью, и когда по возвращеніи я спросилъ его „какіе это распѣвающіе женскіе голоса раздаются въ комнатѣ?"— онъ пояснилъ, что это водевильныя актрисы французскаго театра репетируютъ свою роль и затѣмъ, сказавъ: „я только на минуту",— исчезъ снова. Когда я рѣшился было уйти, Мариновскій снова явился въ комнатѣ и сказалъ: „съ нашимъ народомъ ничего порядочнаго не устроишь: не пойти ли намъ съ вами въ Новотроицкій трактиръ,— тамъ прекрасно кормятъ".

— Очень радъ, отвѣчалъ я, предполагая, что Мариновскій хочетъ во что бы то ни стало накормить меня. Въ Троицкомъ трактирѣ Мариновскій дѣйствительно заказалъ прекрасный обѣдъ и спросилъ шампанскаго.

— Зачѣмъ это? сказалъ я, когда половой принесъ бутылку.

— Ну нельзя же,— презрительно отвѣтилъ Мариновскій, не поясняя почему нельзя.

Но вотъ мороженое съѣдено, кофе съ трубками выпитъ, и приходится расплачиваться.

— Представьте, сказалъ Мариновскій,— я забылъ захватить кошелекъ, такъ пожалуйста заплатите, а я завтра же вамъ отдамъ съ благодарностью.

Оказалось, что обѣдъ стоилъ какъ разъ всѣхъ наличныхъ моихъ денегъ; оставался одинъ гривенникъ, но и на тотъ Мариновскій ухитрился спросить двѣ трубки.

Конечно обѣщанная половина издержекъ никогда не была мнѣ возвращена.

Ратынскій сообщилъ мнѣ, что Гриневъ, заложивъ имѣніе

свое въ Опекунскомъ Совѣтѣ, получилъ деньги и на радостяхъ даетъ въ слѣдующее воскресенье на своей квартирѣ небольшой товарищескій обѣдъ и приглашаетъ меня, какъ земляка.

Въ назначенный день и часъ я засталъ у Гринева и Лизандра человѣкъ около двадцати, большею частію знакомыхъ студентовъ и, къ крайнему изумленію моему, Чистякова. Обѣдъ былъ кондитерскій, и столъ былъ накрытъ въ небольшой залѣ съ обычной бронзой, хрусталемъ и умѣньемъ не тѣсно усадить всѣхъ. Въ гостиной была приготовлена изысканная закуска съ цѣлой батареей водокъ и винъ. Любезные хозяева познакомили меня у закуски съ нѣкоторыми изъ гостей, а затѣмъ пригласили всѣхъ къ ярко освѣщенному обѣденному столу, окруженному чинной прислугой. По мѣрѣ практической провѣрки обѣденной карты, разговоръ и смѣхъ, благодаря обильнымъ возліяніямъ, все увеличивался. Судьба усадила меня посреди стола рядомъ съ Чистяковымъ и наискось противъ Гринева. Заикающійся и въ трезвомъ состояніи, Чистяковъ чѣмъ больше заикался, тѣмъ больше желалъ быть краснорѣчивымъ. Совершенно охмѣлѣвъ, онъ пустился въ самые невѣроятные разсказы, между прочимъ о какомъ-то балѣ, на которомъ онъ отличался въ танцахъ. „Такъ, вальсируя со свѣтскою дѣвицей, разсказывалъ онъ, я надъ самымъ ея поясомъ засунулъ палецъ за корсетъ,—и вижу, что она потомъ отъ меня отвернула голову. Я и говорю ей: „мадмуазель ву фаше сюръ муа“. Она говоритъ: „вуй, же фашъ“.— „Де села“? говорю я, показывая палецъ.—„Де села“, отвѣчала она.

— Чистяковъ, крикнулъ, ударяя о столъ кулакомъ, Гриневъ,—не смѣй говорить по-французски!

Но такое запрещеніе было излишне, ибо черезъ минуту Чистяковъ, поднявшійся съ бокаломъ въ рукѣ, вѣроятно для новаго краснорѣчія, замертво повалился на полъ, и слуги подъ руки увели его. Такъ какъ пиръ продолжался за полночь, то часть гостей, подобно Чистякову, осталась ночевать какъ попало у Гринева. Въ девять часовъ утра отецъ Чистякова въ своей Аннѣ съ алмазами на шеѣ явился съ пытливонедовольнымъ видомъ инквизитора и похитилъ свое очнувшееся чадо.

„Лирическій Пантеонъ“, появясь въ свѣтъ, отчасти достигъ цѣли. Доставивъ мнѣ удовольствіе увидать себя въ печати, а барону Брамбеусу поскалить зубы надъ новичкомъ, сборникъ этотъ заслужилъ одобрительный отзывъ *Отечественныхъ Записокъ*. Конечно, небольшія деньги, потраченныя на это изданіе, пропали безвозвратно.

Московскимъ старожиламъ вѣроятно памятно время, предшествовавшее перемѣнѣ денежнаго счета съ ассигнацій на серебро. По недостатку ли денежныхъ знаковъ, или по иной какой причинѣ, обмѣнъ денегъ дошелъ до невообразимаго хаоса. Всѣ деньги имѣли лажъ, то-есть увеличенную цѣнность. Рубль серебромъ ходилъ 4 руб. 25 коп., а пяти-рублевая ассигнація шесть рублей. Въ такой же пропорціи возрасло мелкое серебро и золото. Помню, какъ однажды вышелъ указъ о приведеніи рубля серебромъ въ цѣнность 3 руб. 50 коп. и всѣхъ остальныхъ денежныхъ знаковъ съ такимъ счетомъ. Помню и циркуляръ тогдашняго генералъ-губернатора князя Голицына, извѣщавшаго обывателей о томъ, что въ дѣйствительности они при такой перемѣнѣ ничего не теряютъ, и для примѣра приводилось пяти-рублевое кресло въ театрѣ. Но въ скоромъ времени мы съ Григорьевымъ убѣдились въ неточности такихъ утѣшительныхъ соображеній. Въ прежнее время, когда рубль серебромъ представлялъ четыре рубля, приходилось за кресло приплачивать къ рублю четвертакъ, а съ пяти-рублевой ассигнаціи, представлявшей шесть рублей, получать четвертакъ сдачи. Въ настоящее же время ирпходилось къ рублю приплачивать два четвертака, а подавая пяти-рублевую ассигнацію, вмѣсто полученія четвертака, еще приплатить 7 коп. серебромъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста театральныя представленія прекратились, и надо было думать о приготовленіи къ экзаменамъ. По неизвѣстнымъ соображеніямъ у насъ на словесномъ факультетѣ Чивилевъ читалъ политическую экономію. Наука эта по математической ясности положеній Смита, Мальтуса и другихъ своихъ корифеевъ до сихъ поръ служитъ мнѣ для объясненія ежедневныхъ передрягъ частнаго и государственнаго хозяйства. Заинтересованный совершенно новыми для меня точками зрѣнія на распредѣленіе цѣнностей

между людьми, я весьма удовлетворительно приготовился изъ этого предмета. Замѣтилъ ли Чивилевъ, что я не очень усердно посѣщалъ его лекціи, но вышло совершенно неожиданное. Къ великой радости я взялъ билетъ № 1-й: опредѣленіе политической экономіи. Если бы я сказалъ только, что политическая экономія есть наука о родномъ хозяйствѣ, говорящая о производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи цѣнностей, то и тогда экзаменаторъ могъ поставить мнѣ, кажется, не ниже средняго бала. Но Чивилевъ, сказавши: „не такъ!“ и заставивши меня отвѣтить вторично, проговорилъ: „если вы не знаете перваго опредѣленія науки, то о дальнѣйшемъ не можетъ быть и рѣчи“, и съ этимъ вмѣстѣ поставилъ мнѣ единицу. Единица эта была для меня тѣмъ ужаснѣе, что по всѣмъ остальнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по греческой словесности, я получилъ удовлетворительныя отмѣтки. А тутъ изъ-за этой единицы приходилось оставаться другой годъ на второмъ курсѣ. Чивилевъ былъ неумолимъ. О переэкзаменовкѣ въ августѣ надо было просить попечителя, и вотъ, надѣвши парадную форму, въ треуголкѣ и въ шпагѣ, я отправился къ графу С. Г. Строганову.

Если память мнѣ не измѣняетъ, графъ принялъ меня стоя на костылѣ, такъ какъ прошлой весною опрокинувшаяся подъ нимъ верховая лошадь переломила ему ногу.

— Вы просите о переэкзаменовкѣ, сказалъ графъ: но вѣдь экзаменные списки у меня, я сейчасъ вамъ ихъ покажу. Я хорошо помню ваши баллы. Хорошія отмѣтки изъ французскаго и нѣмецкаго я ни во что считаю, мой камердинеръ говоритъ по-нѣмецки; изъ латинскаго пять,—еще бы вы на словесномъ факультетѣ не знали по-латыни, а вотъ по-гречески-то у васъ тройка, а изъ политической экономіи единица.

— Я явился къ вашему сіятельству, отвѣчалъ я, — не оправдываться, а просить о переэкзаменовкѣ въ августѣ изъ политической экономіи.

— Если бы, отвѣчалъ графъ,—въ университетѣ былъ протянутъ канатъ, на которомъ вамъ слѣдовало протанцевать, и вы не протанцевали, — тѣмъ хуже для васъ. Я ничего не могу для васъ сдѣлать.

Нечего говорить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я отпра-

вился на лѣтнія вакаціи домой, гдѣ старался объяснить свою неудачу капризомъ Чивилева, чѣмъ объясняю ее и понынѣ.

Брата Васю я уже въ Новоселкахъ не засталъ, такъ какъ еще зимою отецъ отвезъ его кратчайшимъ путемъ въ Верро въ институтъ Крюммера, у котораго я самъ воспитывался. Въ домѣ съ семинаристомъ учителемъ находился одинъ меньшой семилѣтній братъ Петруша, а я попрежнему помѣстился въ сосѣдней съ отцовскимъ кабинетомъ комнатѣ во флигелѣ, и тѣ же сельскія удовольствія, то-есть рыжая верховая Вѣдьма, грубый Трезоръ и двухствольное ружье, были попрежнему къ моимъ услугамъ.

Мнѣ приходится говорить о романѣ дяди Петра Неофитовича, романѣ, о которомъ я никогда не смѣлъ спросить кого-либо изъ членовъ семейства, а тѣмъ менѣе самого дядю, и хотя онъ извѣстенъ мнѣ изъ разсказовъ слугъ, вродѣ Ильи Аѳанасьевича, тѣмъ не менѣе несомнѣнные факты были на-лицо.

Крутой правый берегъ рѣчки Ядринки, на лѣвомъ менѣе возвышенномъ побережьи которой находилась дядина усадьба,— называется Попами, такъ какъ вокругъ каменной приходской церкви и погоста селятся священно и церковно-служители. Верстахъ въ двухъ по такъ-называемой Сушковской дорогѣ, встарину весьма торной, находится деревня Чахино, Тулениново тожъ, по имени владѣльцевъ Тулениновыхъ. Главою семейства былъ, не знаю, отставной или на службѣ полковникъ Платонъ Гавриловичъ Тулениновъ, у котораго были двѣ, какъ говорятъ, красивыя сестры: Марья и Клавдія. Послѣднюю, впрочемъ, мнѣ довелось знать лично, когда она вдовою господина Богданова вышла замужъ за отставнаго чиновника Адріана Ивановича Иваницкаго.

За нѣсколько лѣтъ до моего рожденія дядя Петръ Неофитовичъ сдѣлалъ формальное предложеніе старшей Тулениновой, Марьѣ Гавриловнѣ, которая дала свое согласіе и подарила ему, какъ охотнику, на чумбуръ длинную и массивную серебряную цѣпь, которую я впослѣдствіи держалъ въ рукахъ.

Что между ними произошло, навѣрное утверждать не стану; но говорили, будто бы дядя представлялъ своего двоюроднаго брата Кривцова своей невѣстѣ, а та не успѣла

снять перчатки и дала въ ней поцѣловать руку. Зная дядю, я никогда не довѣрялъ такому объясненію событія по соображеніямъ изъ лакейской. Послѣдовала размолвка, и дядя будто бы взялъ свое слово назадъ. Говорятъ также, будто злоязычный Петръ Яковлевичъ Борисовъ раздулъ эту исторію предъ полковникомъ Тулениновымъ, и тотъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, застрѣлился въ собственномъ домѣ.

Съ Сушковской дороги по сей день, шагахъ во ста отъ окопа Ядринскаго кладбища, видѣнъ въ полѣ большой камень, и понынѣ всякій мѣстный житель скажетъ, что это могила Туленинова.

По смерти главы семейства и старшей его сестры, имѣніе перешло къ меньшой — Клавдіи Иваницкой. Впослѣдствіи я видѣлъ Клавдію Гавриловну у нашей матери въ гостяхъ, но я ее встрѣтилъ въ первый разъ въ Троицынъ день на Ядринѣ въ церкви. День былъ яркій и почти знойный. Въ церкви пахло свѣжими березками и травою, которою устланъ былъ помостъ. Бодрый, но хромой старикъ Овсянниковъ быстро ковылялъ по церкви съ пучками свѣчей и съ мѣдяками на тарелкѣ. Онъ весело раскланивался со всѣми и, видно, былъ очень доволенъ своею распорядительностью.

Впослѣдствіи мнѣ постоянно казалось, что однодворецъ Овсянниковъ списанъ Тургеневымъ съ являвшагося ко всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и приносившаго въ подарокъ свѣжаго меду изъ своего пчельника однодворца Ивана Матвѣевича Овсянникова. Старуха, жена его, Авдотья Іоновна, повязывшая голову пестрымъ ковровымъ платкомъ съ вырывающейся кверху бахромою и въ пестромъ праздничномъ платьѣ, была истымъ подобіемъ бубноваго короля.

Когда я въ бѣлыхъ лѣтнихъ штанахъ и безукоризненно новомъ сюртукѣ сталъ противъ царскихъ дверей въ сѣверныхъ дверяхъ,—съ протянутою впередъ рукою заковылялъ Иванъ Матвѣевичъ, раздвигая дорогу двумъ входящимъ дамамъ. Впереди шла плотная барыня съ выступающею на лбу изъ-подъ шляпки фероньеркой на темно-русыхъ волосахъ. Дама прошла передо мною и остановилась недалеко отъ праваго клироса, но молодая брюнетка, очевидно дочь ея, стала на мѣсто, указанное ей рукою Ивана Матвѣевича, какъ разъ

передо мною. Дѣвушкѣ не могло быть болѣе 16 — 17 лѣтъ; небольшая тирольская соломенная шляпка нисколько не закрывала ея черныхъ съ сизымъ отливомъ роскошныхъ волосъ, подобранныхъ въ двѣ косы подъ самую шляпку. Бѣлое тарлатановое платье ея было безъ всякихъ украшеній, за исключеніемъ широкой, ярко-красной ленты. Я передвинулся немного вправо, замѣтивъ, что по временамъ она оборачиваетъ голову къ матери. О, что за прелесть, что за свѣжесть лица, напоминающаго бархатистость лилеи, и что за привѣтливо-внушительные черные глаза подъ широкими черными бровями!

„Кто такія?“ спросилъ я шепотомъ во время пѣнія Ивана Матвѣевича, поймавъ его за рукавъ.

— Это Туленииновская барыня, Клавдія Гавриловна, что вышла теперь за Иваницкаго; а это ея дочка отъ перваго мужа Богданова, Матрена Ивановна.

Впослѣдствіи Клавдія Гавриловна пріѣхала съ визитомъ къ нашей матери, и хотя послѣдняя по болѣзненности не бывала въ Туленииновѣ, Клавдія Гавриловна отъ времени до времени появлялась у насъ даже за обѣдомъ. Простудила ли она когда-либо горло, но говорила постоянно шепотомъ, чѣмъ, при извѣстной полнотѣ и небольшомъ ростѣ, заслужила прозваніе утки-шептуна. Безъ золотаго обруча на волосахъ и какого-то камня на лбу я ея никогда не видалъ. Если она любила украшать свою особу, то еще болѣе любила танцы, которые, благодаря расквартированнымъ по окрестностямъ офицерамъ пѣхотнаго полка, умѣла устраивать у себя въ домѣ, не взирая на безпокойное состояніе супруга, кончавшаго день роковымъ охмѣлѣніемъ. Танцующая въ одной кадрили съ дочерью, охотница до танцевъ не стѣснялась отвѣчать на ехидные подчасъ вопросы: „а гдѣ же Адріанъ Ивановичъ?“ Затрудняясь въ своемъ хриплом шепотѣ произношеніемъ буквы б, она на подобный вопросъ отвѣчала: „онъ *припранъ*“,—обозначая тѣмъ, что въ виду предстоящаго танцовальнаго вечера шумливый Адріанъ Ивановичъ связанъ и положенъ въ пустой амбаръ. Конечно, такое обращеніе не могло нравиться Адріану Ивановичу, который терпѣлъ его, такъ какъ владѣтельницей была Клавдія Гавриловна.

Не могу утвердительно сказать въ какомъ году, но помню хорошо, что, когда послѣ чаю я пришелъ къ отцу во флигель, новый его камердинеръ, сынъ прикащика Никифора Ѳедорова, Иванъ Никифоровъ доложилъ, что пришелъ господинъ Иваницкій.

— Иваницкій? сказалъ отецъ, глядя на меня вопросительно. Что ему отъ меня надо?—Проси, сказалъ отецъ, обращаясь къ слугѣ.

Вошелъ во фракѣ съ гербовыми пуговицами сухопарый и взъерошенный господинъ и сказалъ несомнѣнно малороссійскимъ акцентомъ: „я къ вамъ, Аѳанасій Неофитовичъ, пришелъ пѣшкомъ; да, да, пѣшкомъ. Вотъ видите, какъ есть пѣшкомъ“.

— Вижу, отвѣчалъ отецъ; но что̀ же мнѣ доставляетъ удовольствіе васъ видѣть?

— Я пришелъ вамъ заявить, что меня вчера мои домашніе убили, да, да, убили, да; зарѣзали, да. И я вотъ пришелъ пѣшкомъ по сосѣдству заявить, что меня убили, да.

— Но какъ же я имѣю удовольствіе съ вами бесѣдовать, если васъ вчера убили?

— Точно, точно, да; зарѣзали; и пожалуйте мнѣ лошадку до Мценска подать объявленіе въ судъ.

— Очень жалѣю, что васъ убили, и готовъ служить вамъ лошадьми, но только въ противоположную отъ Мценска сторону, по простой русской пословицѣ: „свои собаки грызутся“...

— Такъ вы не пожалуете мнѣ лошадку?

— Извините, пожалуйста,—не могу.

Иваницкій поклонился и ушелъ.

Въ тѣ времена отъ самой Ядрины и до Оки по направленію къ дѣдовскому Клейменову тянулись почти сплошные лѣса, изрѣдка прерываемые распашными площадями и кустарниками. Этимъ путемъ дядя, давъ мнѣ въ верховые спутники егеря Михайлу, отправлялъ въ Клейменово съ тѣмъ, чтобы мы могли дорогою поохотиться и на куропатокъ и на тетеревей, которыхъ въ тѣ времена было довольно. Хотя дядя самъ нерѣдко переѣзжалъ въ Клейменово и потому держалъ тамъ на всякій случай отдѣльнаго повара, но я не любилъ

заставлять людей хлопотать изъ-за меня и довольствовался, спросивъ чернаго хлѣба и отличныхъ сливокъ.

Однажды дядя, нежданно подъѣхавъ къ крыльцу, захватилъ меня на этой трапезѣ.

— Охъ, ты все свое молочище глотаешь; ну какъ тебѣ не стыдно не заказать обѣда?

Въ Клейменовскомъ домѣ съ поступленіемъ имѣнія къ дядѣ ничего не измѣнилось изъ дѣдовской обстановки. Тѣ же бѣлые крашеные стулья, кресла, столы, зеркала и диваны времени Имперіи. Только въ комнатѣ за гостиной на стѣнѣ снова появились портреты консула Наполеона и Жозефины, находившіеся съ 12-го года въ опалѣ у дѣда и висѣвшіе въ тайномъ кабинетѣ. Когда я спросилъ объ этомъ дядю, горячаго поклонника генія Наполеона, дядя съ хохотомъ сказалъ: „да, да, какъ только Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и сжегъ Москву, такъ дядя Василій Петровичъ его вмѣстѣ съ женой и разжаловалъ“.

Въ Клейменовѣ къ дядѣ являлись тѣ же увивавшіеся около него мелкопомѣстные дворяне, между прочимъ неизмѣнный Николай Дмитріевичъ Ползиковъ въ неизмѣнномъ сѣромъ казакинѣ ополченія. Въ тѣ времена Клейменовскіе пруды, и верхній и нижній, представляли прекрасное купанье, и дядя, мастерски плававшій, не пропускалъ хорошаго лѣтняго дня не выкупавшись. Мы оба съ Ползиковымъ, хотя и весьма печальные пловцы, не отставали, не пускаясь на середку пруда, среди которой дядя отдыхалъ на спинѣ.

Однажды предъ купаньемъ мы, снявъ платье, всѣ трое лежали на берегу, чтобы, какъ говорится, очахнуть. Свѣтло-голубое безоблачное небо, какъ разъ предъ глазами лежащаго навзничь дяди, внезапно вызвало у него мысли вслухъ: „и-и-и“, воскликнулъ онъ, „такъ-то душа моя взовьется и полетитъ высоко, высоко; а ты, Аѳоня, не безпокойся; вотъ и Николай Дмитріевичъ знаетъ, что твоихъ сто тысячъ лежатъ у меня въ чугункѣ“.

Вначалѣ августа дядя какъ-то сказалъ: „теперь начинается пролетъ дупелей, и тутъ около Клейменова искать ихъ негдѣ; я дамъ тебѣ тройку въ кибитку, Мишку егеря съ его Траваломъ, Ваньку повара, благо онъ тоже охотится

съ ружьемъ, да ты возьми съ собою своего Трезора, и поѣзжайте вы при моей запискѣ въ имѣніе моего стараго пріятеля Маврина; тамъ въ запустѣломъ домѣ никто не живетъ; но съ моей запиской васъ всетаки примутъ насколько возможно удобно, да не забудь взять мнѣ кругъ швейцарскаго сыру, который у нихъ отлично дѣлаютъ въ сыроварнѣ".

Въ назначенный день тройка наша остановилась передъ длиннымъ, соломою крытымъ, барскимъ домомъ. Перекрытъ ли домъ соломою по ветхости деревянной крыши, или простоялъ онъ вѣкъ подъ нею,—неизвѣстно.

— Пожалуйте, сказалъ появившійся въ отпертыхъ дверяхъ староста, — если прикажете самоварчикъ, мы сейчасъ поставимъ.

Пришлось проходить по амфиладѣ пустыхъ комнатъ до послѣдней угольной, въ которой сохранились вокругъ стѣнъ холстомъ обтянутые турецкіе диваны. Изъ какой-то предыдущей комнаты принесли уцѣлѣвшій столъ, и, съ помощью своихъ подушекъ и простынь, я устроился на ночлегъ, такъ какъ для вечерняго поля времени было мало. Чай, сахаръ и свѣчи у насъ были свои, а молока и яицъ оказалось сколько угодно. Любопытство заставило меня взглянуть на сосѣднюю комнату, оканчивающую, подобно спальнѣ, другую амфиладу, обращенную къ саду. Только въ этой комнатѣ ставни были раскрыты въ совершенно заросшій и заглохшій садъ; во всей же амфиладѣ закрытыя окна представляли особенно къ вечеру непроглядный мракъ.

Сказавши Михайлѣ, чтобы онъ, запасшись проводникомъ, разбудилъ меня на утренней зарѣ, я отпустилъ людей, которые, забравъ самоваръ, ушли, должно-быть, ночевать къ повозкѣ, такъ что я въ цѣломъ домѣ остался одинъ.

Только впослѣдствіи, постигнувъ утѣшеніе, доставляемое чтеніемъ въ одиночествѣ, я умѣлъ запасаться книгою, надъ половиною страницы которой обыкновенно засыпалъ, никогда не забывая въ минуту послѣдней искры самосознанія задуть свѣчу; но во времена студенчества, я еще не возилъ съ собою книгъ, и, чтобы хотя на мигъ разогнать невыносимую скуку, читалъ на табачномъ картузѣ: „лучшій американскій табакъ Василія Жукова; можно получать на Фонтанкѣ, въ

собственномъ домѣ", и черезъ минуту снова: „лучшій американскій табакъ" и т. д.

На этотъ разъ я даже не зажигалъ свѣчки, а легъ на диванъ, стараясь заснуть. Сумерки незамѣтно надвинулись на безмолвную усадьбу, и полная луна, выбравшись изъ-за почернѣвшаго сада, ярко освѣтила широкій дворъ передъ моею амфиладой. Случилось такъ, что я лежалъ лицомъ прямо противъ длинной галлереи комнатъ, въ которыхъ бѣлыя двери стояли уходящими рядами вродѣ монахинь въ „Робертѣ".

Но вотъ среди тишины ночи раздался жалобный стонъ; ему скоро завторилъ другой, третій, четвертый, десятый, и все какъ будто съ разными оттѣнками. Я догадался, что это сычи, населяющіе дырявую крышу, задаютъ ночной концертъ. Но вотъ къ жалобному концерту сычей присоединился грубый фаготъ сыча. Боже, какъ тутъ заснуть подъ такіе вопли? Даже равнодушный Трезоръ, умѣстившійся около дивана, начиналъ какъ бы рычать въ полуснѣ, заставляя меня вскрикивать: тубо! Зажмурю безсонные глаза, но невольно открываю ихъ, и передо мною опять въ лунномъ свѣтѣ рядъ бѣлыхъ монахинь. Это наконецъ надоѣло; я всталъ, затворилъ дверь комнаты и понемногу заснулъ.

На другой день проводникъ направилъ насъ на неширокую рѣчку съ пловучими берегами. Дупелей оказалось мало; зато утки вырывались изъ камышей чуть не на каждомъ шагу изъ-подъ самыхъ ногъ и кряканьемъ разгоняли бекасовъ. Чтобы не топтаться всѣмъ вмѣстѣ, я пошелъ съ Трезоромъ одинъ. Дядя не признавалъ утокъ за дичину, и потому ни я, ни его егеря за ними не охотились; но тутъ утки выводили меня изъ терпѣнія. „Чирикъ-чирикъ", и ни одного бекаса на сто шаговъ не остается на берегу. „Погоди же, подумалъ я, я тебя крякну". При этомъ какъ нарочно изъ-подъ ногъ съ отчаяннымъ крикомъ поднялся громадный селезень; за выстрѣломъ онъ шлепнулъ на воду и лежалъ въ двухъ-трехъ шагахъ отъ берега; совѣстно было убить птицу и бросить ее на водѣ. Но какъ ее достать? Взявши ружье за низъ приклада и вытянувъ руку, можно бы достать до селезня и придвинуть его къ себѣ, такъ какъ Трезоръ ни за что не хотѣлъ

пускаться вплавь съ пловучаго берега, подъ которымъ глубина была неизвѣстна. Горя нетерпѣніемъ, я нагнулся насколько было возможно надъ водой и, вытянувъ ружье, дѣйствительно подкопнулъ селезня къ берегу. Увлеченный примѣромъ, Трезоръ бросился вплавь, и черезъ секунду селезень былъ бы у него въ зубахъ, если бы со мною не случилась бѣда. Вынесенная впередъ правая нога, продавивши торфъ, лишилась опоры, и я чувствовалъ, что съ ружьемъ и въ тяжелыхъ сапогахъ, не умѣя плавать, валюсь въ глубокую рѣчку. Утопающій хватается за соломинку, я же невольно схватился за плывшій передо мною хвостъ Трезора, который стремительно повернулъ назадъ и вытащилъ меня на берегъ. Вся эта, въ сущности неудачная, охота находится въ нѣкоторой связи съ позднѣйшимъ случаемъ.

Однажды на Орловскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ я увидалъ завтракающаго генерала, который показался мнѣ знакомымъ однополчаниномъ, съ которымъ я разстался лѣтъ двадцать назадъ.

— Позвольте узнать ваше имя? спросилъ я генерала.

— Глинка-Мавринъ.

— Извините ради Бога, я принялъ васъ за своего знакомаго генерала.

— Это ничего, отвѣчалъ генералъ; а кто генералъ, за котораго вы меня приняли?

Тутъ моя память какъ нарочно сыграла ту самую штуку, которую она играетъ со мною при представленіи одного знакомаго другому.

— Я забылъ имя этого генерала, отвѣтилъ я конфузливо.

— Ничего, и это бываетъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ.

Послѣ такого неудачнаго дебюта я вошелъ въ вагонъ и сѣлъ на диванъ. Каково же было мое удивленіе, когда снисходительный собесѣдникъ, усѣвшись противъ меня, спросилъ:

— Вспомнили вы имя вашего генерала?

— Постараюсь припомнить, ваше превосходительство, и сообщу его вамъ.

Мы разговорились.

— Моя фамилія Глинка, сказалъ генералъ, — но такъ какъ я женатъ на послѣдней изъ рода Мавриныхъ, то про-

силъ о Высочайшемъ разрѣшеніи присоединить къ своей фамилію жены.

Не желая утомлять вниманіе читателя описаніями болѣе или менѣе удачныхъ охотъ, которыми пополнялась деревенская жизнь моя во время вакацій, упомяну объ одной изъ нихъ въ доказательство того, какъ баловалъ меня дядя. Отправились мы съ нимъ на дупелей въ доставшееся ему отъ дяди Василія Петровича Долгое, близь рѣки Неручи, славившейся въ то время своими болотами. Если жилыя помѣщичьи усадьбы александровскаго времени, за нѣкоторыми исключеніями, принадлежали къ извѣстному типу, о которомъ я говорилъ по поводу Новоселокъ, то заѣзжія избы въ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы не проживали, носили въ свою очередь одинъ и тотъ же характеръ исправной крестьянской избы. Сквозныя сѣни отдѣляютъ чистую избу съ голландскою печью и перегородкою отъ черной избы съ русскою пекарной печью. Въ такой заѣзжей избѣ въ Долгомъ остановились мы съ дядей, сопровождаемые егерями, поваромъ и прислугой. Такъ какъ по полямъ и краямъ болотъ неудобно ѣздить четверкою въ коляскѣ, то на охоту мы выѣзжали въ боковой долгушѣ, запряженной парою прекрасныхъ лошадей въ краковскихъ хомутахъ, у которыхъ клещи подымаются кверху и загибаются въ видѣ лиры, и на которой на одномъ ея рожкѣ виситъ лоскутъ краснаго сукна, а на другомъ шкура барсука. Подъ горломъ у лошадей повѣшаны бубенчики. Самъ дядя трунилъ надъ этой упряжью, говоря, что мальчишки будутъ принимать его за фокусника и кричать вослѣдъ: „мусю, мусю, покажи намъ штуку". Кромѣ того на случай усталости дяди отъ ходьбы по болоту берейторъ велъ за нимъ любимаго имъ верховаго Катка, красивую лошадь Грайворонскаго завода, чѣмъ отецъ былъ весьма доволенъ. Помню, что предъ вступленіемъ нашимъ въ широкое болото, дядя подозвалъ трехъ или четырехъ бывшихъ съ нами охотниковъ и сказалъ: „равняйтесь и ищите дупелей, но Боже сохрани кого-либо выстрѣлить; когда собака остановится, кричи: гопъ! гопъ! и подымай ружье кверху. Стрѣлять можно по дупелю только, если Аѳанасій Аѳанасьевичъ подойдя дастъ два промаха".

При этомъ онъ не только запретилъ стрѣлять егерямъ,

но когда и его собственная собака останавливалась, онъ кричалъ мнѣ: „иди сюда, птичья смерть“. А когда, набѣгавшись такимъ образомъ отъ дупеля къ дупелю, я усталъ, онъ говорилъ мнѣ: „садись на Катка“, хотя самъ видимо утомился не меньше.

Въ тѣ времена я о томъ не думалъ, да такъ и по сей день для меня осталось необъяснимымъ, почему Семенъ Николаевичъ Шеншинъ, такъ радушно принимавшій меня въ Москвѣ на Никитской, покинувъ Москву, переселился во Мценскъ. Было бы понятно, еслибы онъ переселился въ свое прекрасное благоустроенное имѣніе Желябуху; но почему онъ избралъ Мценскъ и притомъ не только для зимняго, но и лѣтняго пребыванія, объяснить не умѣю. Онъ занималъ лучшій во всемъ городѣ двухъэтажный домъ съ жестяными львами на воротахъ. Львы эти и по сей день разѣваютъ на проходящихъ свои пасти, выставляя красные жестяные языки. Ничто въ домашнемъ обиходѣ Семена Николаевича не измѣнилось, за исключеніемъ развѣ того, что старшей дочери, вышедшей замужъ за богатаго сосѣдняго однофамильца Влад. Ал., не было въ домѣ. Любитель всевозможныхъ рѣдкостей, Семенъ Николаевичъ подарилъ своему зятю замѣчательные по цѣнѣ и работѣ карманные часы, которые всѣ желали видѣть и просили новаго владѣльца показать ихъ. Каждое воскресенье къ Семену Николаевичу собирались родные и знакомые откушать и вечеромъ поиграть въ карты. Въ Новоселкахъ я никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи послать Семену Николаевичу дупелей, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

— Очень вамъ признателенъ, сказалъ онъ однажды, когда я пріѣхалъ къ нему,—за дупелей; но тутъ же вы прислали нѣсколько перепелокъ; я ихъ не ѣмъ и боюсь; говорятъ, между ними попадаются очень жирныя, такъ называемыя лежачки, весьма опасныя для желудка.

Слова эти характерны въ извѣстномъ отношеніи. Будучи всю жизнь охотникомъ, я послѣ выстрѣла подымалъ перепелокъ и преимущественно дупелей, лопнувшихъ отъ жиру при паденіи, но лежачекъ, которыя будто бы, пролетѣвъ пять шаговъ, снова падаютъ на землю, не видалъ никогда, хотя и слыхалъ о нихъ въ тѣ времена, когда наши мѣстности изо-

биловали всякаго рода дичиной и не были еще истреблены безчисленными промышленниками.

Въ гостепріимномъ домѣ Семена Николаевича мнѣ пришлось познакомиться со многими членами его довольно обширнаго родства, къ которому очевидно принадлежалъ и нашъ домъ, такъ какъ однажды Семенъ Николаевичъ, вздвигая рукава и показывая прекрасныя коралловыя запонки, сказалъ: „это мнѣ подарилъ дядюшка Василій Петровичъ“, то-есть мой дѣдъ.

XXII.

Возвращеніе въ Москву. — Новыя литературныя увлеченія. — Ник. Иван. Григорьевъ.—Болѣзнь матери. — Приготовленіе къ экзаменамъ. — Въѣздъ въ Москву Августѣйшей Невѣсты.—Дядя Эрнстъ.— Сестра Лина.—Окончаніе экзаменовъ.

Объ обычномъ возвращеніи въ Москву на Григорьевскій верхъ говорить нечего, такъ какъ память не подсказываетъ въ этотъ періодъ ничего сколько-нибудь интереснаго. Во избѣжаніе новаго бѣдствія съ политическою экономіей, я сталъ усердно посѣщать лекціи Чивилева и заниматься его предметомъ.

Въ нашей съ Григорьевымъ духовной атмосферѣ произошла значительная перемѣна. Мало-по-малу идеалы Ламартина сошли со сцены, и мѣсто ихъ, для меня по крайней мѣрѣ, заняли Шиллеръ и главное Байронъ, котораго *Каинъ* совершенно сводилъ меня съ ума. Однажды нашъ профессоръ русской словесности С. П. Шевыревъ познакомилъ насъ со стихотвореніями Лермонтова, а затѣмъ и съ появившимся тогда *Героемъ нашего времени*. Напрасно старался бы я воспроизвести могучее впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ чисто Лермонтовскимъ романомъ. Когда мы вполнѣ насытились имъ, его выпросилъ у насъ зашедшій къ вечернему чаю Чистяковъ, увѣрявшій, что онъ сдѣлаетъ на романѣ обертку и возвратитъ его въ полной сохранности.

— Ну что Чистяковъ, какъ тебѣ понравился романъ? спросилъ Григорьевъ возвращавшаго книжку.

— Надо ѣхать въ Пятигорскъ, отвѣчалъ послѣдній,—тамъ бываютъ замѣчательныя приключенія.

Къ упоенію Байрономъ и Лермотовымъ присоединилось страшное увлеченіе стихами Гейне.

Въ домѣ у Григорьевыхъ появлялись по временамъ новые посѣтители, и именно родной братъ Ал. Ив. Григорьева, капитанъ съ мундиромъ въ отставкѣ, Николай Ив. Женатъ онъ былъ на весьма миловидной дѣвицѣ Каблуковой, далеко превосходившей его образованіемъ и воспитаніемъ. За нею онъ получилъ порядочное приданое, на которое они купили прекрасное имѣніе Обухово съ домомъ и усадьбой въ 50 верстахъ отъ Москвы по Верейской дорогѣ. У самого же Николая Ивановича ни состоянія, ни воспитанія не было, хотя онъ, устроившись на одну зиму съ женою и двумя дѣтьми въ Москвѣ, любилъ пообѣдать и поиграть въ карты въ дворянскомъ клубѣ, развязно говорить о жениныхъ родственникахъ и казаться человѣкомъ свѣтскимъ, не стѣсненнымъ въ средствахъ. Разсказывая клубные анекдоты, онъ пускалъ дымъ сквозь нависшіе рыжеватые усы и прихихикивая притоптывалъ впередъ правою ногою для большей развязности. Всходя къ намъ наверхъ, онъ постоянно издѣвался надъ монашескимъ житьемъ Аполлона, называлъ его Гегелемъ и говорилъ: „нѣтъ, я не во вкусѣ этого". (Вмѣсто: „это не въ моемъ вкусѣ"). Наша старуха Григорьева не долюбливала сильно Николая Ивановича, вопервыхъ, за деньги, которыя во время военной его службы передавалъ ему Ал. Ив., а вовторыхъ изъ-за красивой и молодой невѣстки. Поэтому она полагала всевозможныя препятствія сближенію Аполлона съ дядей и теткой. Зато я нисколько не отказывался отъ ихъ любезнаго расположенія. Собираясь на недѣлю въ свое имѣніе, они уговорили меня проѣхаться съ ними, обѣщая, что я найду тамъ выѣзженную верховую лошадь, ружье и лягавую собаку. Перспектива была дѣйствительно соблазнительна, и я прожилъ съ недѣлю у нихъ въ деревнѣ, отправляясь ежедневно на ближайшее болото, въ которомъ, не взирая на заморозки, находилъ и приносилъ домой гаршнеповъ. Однажды, прова-

лившись въ болотѣ, я едва не утонулъ и спасся, выползая спиною на пловучій торфъ при помощи локтей, такъ какъ ноги отъ пояса болтались въ водѣ, не находя точки опоры.

Пріѣхавъ на двѣ недѣли рождественскихъ праздниковъ въ Новоселки, я засталъ большую перемѣну въ общемъ духовномъ строѣ и главное въ состояніи здоровья и настроенія больной матери. Отсутствіе непосредственныхъ заботъ о дѣтяхъ, развезенныхъ по разнымъ заведеніяхъ, какъ и постоянные разъѣзды отца наводили мечтательную мать нашу на меланхолію, развиваемую въ ней съ другой стороны возрастающими жгучими ощущеніями въ груди. Отецъ собирался въ слѣдующую зиму увезти послѣдняго птенца восьмилѣтняго Петрушу къ лифляндской генеральшѣ Этингенъ, воспитывавшей своихъ внучатъ и любезно предложившей отцу помѣстить къ ней же малолѣтняго сына.

Я никогда до того времени не замѣчалъ такой измѣнчивости въ настроеніи матери. То и дѣло, обращаясь къ своему болѣзненному состоянію, она со слезами въ голосѣ прижимала руку къ лѣвой груди и говорила: „ракъ". Отъ этой мысли не могли ее отклонить ни мои увѣренія, ни слова навѣщавшаго ее орловскаго доктора В. И. Лоренца, утверждавшаго, что это не ракъ. Въ другую минуту мать предавалась мечтѣ побывать въ родномъ Дармштадтѣ, гдѣ осталась старшая сестра Лина Фетъ.

Вскорѣ по моемъ возвращеніи въ Москву отецъ привезъ изъ Петербурга сестру Любиньку, окончившую курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, но безъ шифра, о которомъ отецъ постоянно мечталъ.

Великій постъ и Святая не только подошли, но и прошли незамѣтно, особенно для меня, для котораго провалиться на экзаменѣ вторично равнялось исключенію изъ университета. Какъ нарочно, погода стояла чудная, и, сидя день и ночь надъ тетрадками лекцій, я мучительно завидывалъ каменьщикамъ, сидѣвшимъ передъ нашими окнами съ обвязанными тряпками ступнями на мостовой и разбивающими упорные голыши тяжелымъ молоткомъ. Тамъ знаешь и понимаешь, что дѣлаешь, и если камень разбитъ, то въ успѣхѣ ни самъ труженикъ, ни сторонній усомниться не можетъ. Здѣсь же

не зная, что и для чего трудишься,—нельзя быть и увѣреннымъ въ успѣхѣ, который можетъ зависѣть отъ тысячи обстоятельствъ.

— Слышали ли вы новость? сказалъ однажды снявшій мундирный фракъ и парикъ Александръ Ивановичъ, выходя къ обѣденному столу.—Конечно, вамъ теперь не до того, и вы ничего не слыхали, такъ я вамъ скажу: курьеръ привезъ извѣстіе, что Государь будетъ встрѣчать въ Москвѣ Цесаревича съ его августѣйшей невѣстой. Процессія пойдетъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль, и всѣ бросились нанимать окна по Тверской. Я тоже поручилъ знакомому человѣку взять намъ окно въ строющемся домѣ, близъ Шевалдышевой гостинницы.

Слухъ, принесенный Александромъ Ивановичемъ, распространился по всей Москвѣ, какъ несомнѣнный; и въ назначенный день не только мы съ Аполлономъ прошли за Александромъ Ивановичемъ въ недостроенный еще домъ, чтобы занять нанятое окошко, но провели за собою и Татьяну Андреевну, никуда не выходившую изъ дома, за исключеніемъ приходской церкви въ свѣтлую заутреню. Провести нашу старушку до окна было далеко не легко, такъ какъ приходилось, вопервыхъ, пробиваться сквозь толпившійся на тротуарѣ народъ, а вовторыхъ, всходить въ третій этажъ не по лѣстницѣ, а по лѣсамъ, для всхода рабочихъ; самые стулья стояли на лѣсахъ, передъ оконными отверстіями, въ которыхъ еще и рамы не были вставлены.

Съ нашей высоты въ гору почти до дома генералъ-губернатора была ясно видна вся улица съ тротуарами, окаймленными непрерывными линіями пѣхоты. Самая улица, по совершенному отсутствію прохожихъ и проѣзжихъ и даже простаго говора, хранила торжественное молчаніе. Вдругъ отъ Иверскихъ воротъ во весь духъ въ гору понеслась на почтовой парѣ зеленая телѣжка съ сидящимъ въ ней за ямщикомъ офицеромъ въ шинели и треугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ. Подъ трескъ приближающихся колесъ послышалась команда: на плечо! но когда командовавшій вѣроятно убѣдился, что это фельдъегерь,—раздалось вторично: отставь! Черезъ часъ глаза наши, обращенные въ гору, убѣдили насъ,

что шествіе приближается. Впереди всѣхъ на гнѣдой лошади въ генеральскомъ мундирѣ и въ каскѣ ѣхалъ несравненный красавецъ Государь; за нимъ шагомъ слѣдовала коляска августѣйшей невѣсты. Экипажъ ея обращалъ всеобщее вниманіе шестерикомъ цугомъ запряженныхъ бѣлоснѣжныхъ коней, подаренныхъ ей ея августѣйшимъ родителемъ великимъ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ. Когда шествіе стало спускаться подъ гору, на площади противъ дома генералъ-губернатора раздался такой очевидно давно сдерживаемый взрывъ громогласнаго *ура*,—и затѣмъ толпа, не взирая ни на что, пестрымъ потокомъ пошла подъ гору,—что, какъ говорили, многія дамы попадали въ обморокъ. Картина, происходившая передъ нашими окнами, навсегда врѣзалась въ моей памяти. По обѣ стороны кортежа народныя волны скатились по улицѣ и, совершенно запруживая ее, сомкнулись вокругъ Императора.

Въ первое время мы еще слышали его нетерпѣливое: прочь! прочь! и видѣли отталкивающій жестъ его руки, но затѣмъ народная волна и непрерывный гулъ: *ура!* очевидно побѣдили всемогущаго Царя. Во всей бѣгущей толпѣ только и видны были поднятыя правыя руки, накладывающія на себя крестное знаменіе. Непосредственно окружающіе Императора цѣловали его ботфорты, чепракъ, а не могущіе дотянуться до нихъ—самую лошадь, которая, стѣсненная со всѣхъ сторонъ приподымающимъ ее народомъ, казалось, еле дотрогивалась до мостовой. Такъ и пронесли, можно сказать, на плечахъ царственнаго всадника къ Иверской часовнѣ, гдѣ наши взоры уже не могли слѣдить за поѣздомъ. Сказывали потомъ, что на попытку полицеймейстера пріостановить потокъ народа ему отвѣчали: „чаво? Самъ тутъ!“

На другой день студенческіе помыслы наши были окончательно увлечены отъ вчерашней великолѣпной картины народнаго торжества и ото всего въ мірѣ приготовленіями къ экзаменамъ. Когда мы съ Аполлономъ сошли къ вечернему чаю въ столовую, выходящую окнами на улицу, то сначала услыхали подъѣхавшій къ калиткѣ экипажъ, а затѣмъ и громкій звонокъ. Любопытный Александръ Ивановичъ первый побѣжалъ къ деревянному помосту, ведшему отъ калитки

къ парадному крыльцу и воскликнулъ: „какой-то офицеръ, должно быть адъютантъ“. Черезъ минуту мы дѣйствительно увидали вошедшаго въ переднюю небольшаго роста адъютанта, котораго лицо мнѣ сразу показалось какъ будто знакомымъ. Но гдѣ я его видѣлъ, я не могъ сказать, да и быть можетъ мнѣ это только показалось. Какъ ни мало мы всѣ были знакомы съ военными формами, но, несмотря на обычные адъютантскіе эполеты и эксельбанты,—тотчасъ же признали въ незнакомцѣ иностранца. Незнакомецъ, оказавшійся говорящимъ только по-нѣмецки, и слѣдовательно понятно только для меня и Аполлона, сказалъ, что онъ желалъ бы видѣть студента Фета, и когда я подошелъ къ нему, онъ со слезами бросился обнимать меня, какъ сына горячо любимой сестры. Оказалось, что это былъ родной дядя мой, Эрнстъ Беккеръ, пріѣхавшій въ качествѣ адъютанта принца Александра Гессенскаго, брата высоконареченной невѣсты.

Наша хозяйка Татьяна Андреевна, подобно всѣмъ не говорящимъ на иностранныхъ языкахъ, вообразила, что дядя мой не понимаетъ ее только потому, что не довольно ясно слышитъ слова, и пустилась отчаянно выкрикивать членораздѣльные звуки. Это не подвинуло нимало взаимнаго ихъ пониманія, и дѣло пришло въ порядокъ только когда обѣ стороны убѣдились, что никакого обмѣна мыслей не будетъ, если я не буду ихъ переводчикомъ. Между прочимъ, вѣроятно, изъ любезности ко мнѣ и къ моему дядѣ, Аполлонъ характеризовалъ меня какъ поэта. „Вотъ бы, сказалъ дядя, обращаясь ко мнѣ,—тебѣ слѣдовало высказать свое дарованіе въ привѣтственномъ стихотвореніи, которое я нашелъ бы возможность представить при посредствѣ принца августѣйшей невѣстѣ“.

Черезъ день затѣмъ стихотвореніе было написано, тщательно переписано, и я ко времени завтрака отправился въ полной формѣ въ Кремль въ помѣщеніе дяди, который черезъ часъ представилъ меня принцу, благосклонно принявшему мое стихотвореніе. Такъ какъ родные перестали баловать меня значительными денежными подарками, то подаренный мнѣ дядею столбикъ въ пятьдесятъ серебряныхъ рублей показался мнѣ великою щедротой. Когда на другой день я

на минутку забѣжалъ къ дядѣ, послѣднiй встрѣтилъ меня со смущеннымъ лицомъ и сказалъ: „а я сейчасъ собирался послать за тобою, Боже, Боже, что на свѣтѣ дѣлается. Вообрази, сказалъ онъ, жалобно глядя на меня,—твоя сестра Лина здѣсь, и мы сейчасъ съ тобою поѣдемъ къ ней“.

Въ номерѣ гостинницы мы застали замѣчательно красивую и милую дѣвушку, которая, нѣжно встрѣтившись со мною, сказала, что не понимаетъ переполоха дяди, что она свой поступокъ считаетъ весьма естественнымъ. Ей хотѣлось увидать хоть разъ въ жизни свою мать и родныхъ по матери, что она доѣхала до Москвы съ знакомой ей дамой и надѣется и на возвратномъ пути найти спутницу.

Я долженъ отдать полную справедливость любезности стариковъ Григорьевыхъ, которые, услыхавъ о прiѣздѣ сестры, тотчасъ же пригласили ее въ свободную въ нижнемъ этажѣ комнату и послали за нею свою коляску. Сестра говорила по-французски, старикъ Григорьевъ тоже сохранилъ отрывки этого языка изъ дворянскаго пансiона, и поэтому объясненiя уже не представляли тѣхъ затрудненiй, какъ при свиданiи съ дядей.

Между тѣмъ экзамены шли своимъ чередомъ и до послѣдняго времени для меня благополучно. Сестра очень хорошо понимала что мнѣ было не до разговоровъ, когда я просиживалъ дни и ночи напролетъ, готовясь къ послѣднему экзамену политической экономiи. Но вотъ экзаменъ сданъ съ пятеркой, и доѣхавъ по Лѣнивкѣ до поворота на Каменный мостъ, я инстинктивно зашелъ въ винный погребъ Гревсмиля и захватилъ бутылку рейнвейна. Дома я, конечно, зашелъ съ радостною вѣстью къ сестрѣ, поджидавшей окончанiя экзаменовъ, чтобы уѣхать съ дядею Эрнстомъ въ его походной коляскѣ въ Новоселки.

— Ура! воскликнулъ я, входя и обнимая сестру:—страшный экзаменъ сданъ.

Затѣмъ выпивъ съ жадностью откупоренный рейнвейнъ, я тутъ же среди дня повалился на сестрину постель и въ ту же минуту заснулъ мертвымъ сномъ. Солнце было уже низко, когда я проснулся. Когда сестра, услыша мое пробужденiе, вошла въ комнату, она воскликнула: „Боже, что

съ тобой? У тебя лицо въ крови". Оказалось, что я, не обращая ни на что вниманія, повалился на постель, на подушкѣ которой лежала сестрина мантилья, красною шелковою подкладкой кверху. Усталый и измученный, я обильно проступившею испариной неизгладимо отпечаталъ свой силуэтъ на мантильи, а ея краску—на половинѣ своего лица. Но на радостяхъ было не до мантильи. На другой день Лина уѣхала съ дядей Эрнстомъ въ Новоселки, а я остался на нѣсколько дней поджидать его возвращенія въ Москву и отъѣзда вмѣстѣ съ дворомъ въ Петербургъ.

XXIII

Снова въ Новоселкахъ. — Поѣздки къ роднымъ. — Семья Матвѣевыхъ.— Смерть Лермонтова.— Знакомство съ В. П. Боткинымъ.— Семья Н. П. Новосильцова.— Борисовъ и Ваничка Новосильцовъ.— Фелькель.

На этотъ разъ мои каникулы были особенно удачны. Я засталъ сестру Лину не только вполнѣ освоившеюся въ семействѣ, но и успѣвшею заслужить всеобщую симпатію, начиная съ главныхъ лицъ, то-есть нашего отца и дяди Петра Неофитовича. Старушка Вѣра Александровна Борисова, узнавъ отъ матери нашей, что Лина есть сокращенное — Каролина и что покойнаго Фета звали Петромъ, сейчасъ же передѣлала имя сестры на русскій ладъ, назвавъ ее Каролиной Петровной.

Сестры Лина и Любинька подружились между собою, а братъ Петруша такъ привязался къ старшей сестрѣ, что почти не отходилъ отъ нея.

Между всякаго рода продѣлками Лины, въ видахъ оживленія общества помню одну. Въ одинъ изъ семейныхъ праздниковъ, когда гости, вышедши изъ-за стола, направились въ гостиную къ кофею и фруктамъ, намъ нежданно объявили, что барышни просятъ всѣхъ въ новый флигель, стоявшій въ то время пустымъ. Хотя до этого флигеля не было и ста ша-

говъ, и погода была прекрасная, для желающихъ стояли у крыльца экипажи. Во флигелѣ мы нашли переднюю съ раскрытыми дверями и большую половину гостиной уставленною рядами стульевъ, тогда какъ меньшая половина комнаты, упирающаяся въ глухую стѣну, была завѣшана простынями, изъ-подъ нижняго конца которыхъ виднѣлись досчатые подмостки. Когда зрители усѣлись и простыни раздвинулись въ рамѣ, обтянутой марлей, взорамъ предстали три фигуры живой картины, въ значеніи которыхъ не было возможности сомнѣваться: Любинька стояла съ большимъ, подымающимся съ полу-чернымъ крестомъ и въ легкомъ бѣломъ платьѣ; близь нея, опираясь на якорь, Лина въ зеленомъ платьѣ смотрѣла на небо, а восьми-лѣтній Петруша въ красной рубашкѣ съ прелестными крыльями, вѣроятно позаимствованными у бѣлаго гуся, и съ колчаномъ за плечами, цѣлился изъ лука чуть ли не на насъ. Конечно, можно бы было замѣтить, что въ картинѣ произошло смѣшеніе христіанской символики съ греческой миѳологіей, но критика зрителей не была такъ строга, и неподвижно цѣлящійся въ теченіи цѣлыхъ двухъ минутъ хорошенькій мальчикъ заслужилъ общую симпатію. Раздались рукоплесканія, и всѣ отправились въ домъ, исполненные дѣйствительнаго или поддѣльнаго восторга.

Въ подтвержденіе того, что Грибоѣдовъ почерпнулъ изъ жизни двустишіе Фамусова:

„Нѣтъ, я передъ родней ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ“....

— мнѣ не разъ приходилось уже говорить о нашихъ поѣздкахъ къ роднымъ, которыя отецъ считалъ обязательными со стороны приличія или пристойности, какъ онъ выражался. Бѣдная мать, проводившая большую часть времени въ постели, только чувствуя себя лучше по временамъ, выѣзжала лишь по близости и едва ли не въ одинъ домъ Борисовыхъ. Зато отецъ счелъ бы великимъ упущеніемъ не съѣздить за Болховъ, верстъ за сто къ неизмѣнной кумѣ своей Любови Неофитовнѣ и не представить ей вышедшую изъ института дочь, падчерицу и меня-студента. Опять желтая четверомѣ-

стная карета съ важами, наполненными дамскими туалетами и нашимъ платьемъ, подъѣзжаетъ шестерикомъ подъ крыльцо, дверцы отворяются, подножка въ четыре ступеньки со стукомъ подставляетъ свои коврики, и мы занимаемъ надлежащія мѣста; поваръ Аѳанасій садится съ кучеромъ на козлы, а проворный камердинеръ Иванъ Никифоровъ, крикнувъ: „пошелъ!“ на ходу вскакиваетъ на запятки и усаживается въ крытой сидѣлкѣ. И понынѣ проѣзжій по проселкамъ и уѣзднымъ городамъ, не желающій ограничиваться прихваченною съ собой закуской, вынужденъ брать повара, такъ какъ никакихъ гостинницъ на пути нѣтъ, а стряпнѣ уѣздныхъ трактировъ слѣдуетъ предпочитать сухой хлѣбъ.

Но вотъ, худо ли, хорошо ли, карета останавливается предъ крыльцомъ продолговатаго двухъэтажнаго дома, обшитаго тесомъ подъ тесовою крышей, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній и затѣй, представляющаго желтоватый брусъ, вродѣ двухъ кирпичей, положенныхъ другъ на друга. Это и есть село Пальчиково тетушки Любови Неофитовны Шеншиной.

Конечно, о пріѣздѣ нашемъ было дано знать тетушкѣ, которая на свое старенькое ситцевое платье успѣла накинуть желтую турецкую шаль. Поднялись преувеличенныя восклицанія восторга со стороны тетушки и обычные поцѣлуи въ воздухъ, такъ какъ она напирала на лицо паціента не губами, а лѣвою щекой. Разсыпалась тетушка въ преувеличенныхъ похвалахъ всѣмъ намъ вмѣстѣ и въ частности, и получивъ отъ дѣвушекъ, на вопросъ—сошлись ли они между собой, — увѣреніе въ дружескихъ отношеніяхъ, завершала рѣчь обычнымъ возгласомъ: „о, са фетъ онеръ а во пренсипъ!“

— Какъ жаль, что милая сестра Елизавета Петровна нездорова, говорила тетушка, вытирая рукой катящіяся слезы, и въ то же мгновеніе обращалась къ поднявшейся предъ нею на заднихъ лапкахъ желтой кошкѣ, съ восклицаніемъ: „кошка-капошка, покажи язычекъ; и когда кошка дѣйствительно высовывала языкъ, тетушка брала съ блюдечка микроскопическій кусочекъ сахару и, давая его кошкѣ, прибавляла: „дансе, дансе, о мисинька, комъ се жоли!“

— Я, братецъ, была увѣрена въ удовольствіи увидать

васъ, говорила тетушка, обращаясь къ отцу, — завтра день Петра и Павла, и ты навѣрное поѣдешь поздравлять двоюроднаго брата Павла Васильевича Матвѣева, вѣдь его имѣніе отъ меня въ четырехъ верстахъ, и онъ очень цѣнитъ оказываемую ему честь. Тѣмъ пріятнѣе будетъ ему вниманіе такого человѣка, комъ ву, денъ омъ де во пренсипъ. А меня ты можешь поздравить, мой Капишъ произведенъ въ офицеры, но монъ-шеръ, гусарская форма, это такъ дорого, илъ мекри э демандъ боку даржанъ, о, боку даржанъ, о, боку даржанъ! Се тафре!

— Да вѣдь, сестра, нельзя же отказать въ необходимомъ.

— О, комъ де резонъ, но хлѣбъ нипочемъ и ду прандръ, монъ дье...

Хотя у тетушки еще со временъ покойнаго мужа были и повара и всякаго рода дворня, но должно-быть все это разладилось съ непривычки подавать одинокой старухѣ что-либо, кромѣ щей изъ сборной баранины и какой-либо домашней каши.

Худо ли, хорошо ли, тетушка угостила насъ сначала обѣдомъ, а затѣмъ ужиномъ и отправила спать по отдѣльнымъ комнатамъ большаго дома. На другой день часамъ къ 12-ти мы всѣ и тетушка въ своей допотопной каретѣ отправились на именины къ Павлу Васильевичу. Это былъ небольшаго роста сѣдой старикъ, съ зеленымъ зонтомъ надъ воспаленными глазами. Когда онъ женился и сталъ заниматься хозяйствомъ, у него были самыя ограниченныя средства. Но не выѣзжая изъ имѣнія, онъ постояннымъ земледѣльческимъ трудомъ достигъ значительныхъ результатовъ, расширивъ имѣніе покупкой земли, мало по малу отстроилъ прекрасный домъ съ флигелями и образцовою усадьбой, развелъ садъ и замѣчательный въ свое время рогатый скотъ. Я помню, какъ однажды отецъ сказалъ дядѣ: „нѣтъ, теперь Павла Васильевича голою рукой не возьмешь“.

— Не возьмешь, не возьмешь, отвѣчалъ дядя, умѣвшій въ свою очередь устроить свое состояніе, жить бариномъ въ позднѣйшіе годы и нажить капиталъ. Но бездѣтному дядѣ это было легче исполнить, чѣмъ Павлу Васильевичу съ пятью сыновьями и двумя дочерьми, изъ коихъ, я слышалъ, старшая,

очень красивая и развитая, вышла замужъ по любви противъ желанія отца и умерла отъ чахотки. Хотя Павелъ Васильевичъ и старался дать сыновьямъ наиболѣе широкое образованіе, но въ избраніи карьеры никому изъ нихъ не препятствовалъ и, не принимая въ разсчетъ послѣдней, давалъ всѣмъ сыновьямъ по 1.000 руб. ассигнаціями въ годъ. Какъ ни мало было такое содержаніе, но для помѣщика всетаки средней руки, при пяти сыновьяхъ и дочери живущей въ домѣ, задача была не изъ легкихъ, которую пояснить могла только поговорка Павла Васильевича: „хозяинъ вокругъ дома обойдетъ, копѣечку найдетъ“.

Когда мы пріѣхали и прошли въ гостиную поздравить именинника, все въ домѣ имѣло какой то торжественный видъ. Отецъ нашъ попеременно представилъ всѣхъ пятерыхъ братьевъ Матвѣевыхъ, своихъ двоюродныхъ племянниковъ. Всѣ они были въ парадныхъ мундирахъ: старшій Василій и третій Аѳанасій были въ офицерскихъ гусарскихъ, а меньшой Дмитрій въ юнкерскомъ гусарскомъ мундирахъ; второй Петръ былъ въ адъютантскомъ, а четвертый Александръ, бывшій на пятомъ курсѣ Московскаго университета, медикъ—въ студенческомъ. Въ качествѣ заклятаго охотника онъ только наканунѣ вернулся изъ отцовскаго имѣнія Мценскаго уѣзда на рѣкѣ Неручи, откуда привезъ много дичи и дупелей къ именинамъ отца.

— А, монъ шеръ еддеканъ, восклицала тетушка, припадая щекою къ щекѣ Петра Павловича и цѣлуя воздухъ мимо его уха.

Обѣденный столъ былъ щегольски сервированъ во всю длину залы, и хорошіе домашніе повара не ударили лицомъ въ грязь. Когда часа черезъ два обѣдъ кончился, молодые Матвѣевы раньше всѣхъ встали изъ-за стола, чтобы поцѣловать руку отца, и я помню, какъ Павелъ Васильевичъ, обращаясь къ отцу моему, сказалъ: „такъ пріятно, когда всѣ они приходятъ благодарить“.

Отецъ положилъ пуститься на другой день въ обратный путь прямо отъ Матвѣевыхъ, и потому намъ пришлось тамъ ночевать. Отцу и дѣвицамъ отведено было помѣщеніе въ домѣ, а я попалъ къ молодежи во флигель. Вечеромъ на сонъ

грядущій и утромъ во время кофею и чаю къ намъ приходила неугомонная старуха нѣмка, бывшая поочередно нянькою всѣхъ Матвѣевыхъ и прожившая въ домѣ болѣе 30 лѣтъ. Странно, что въ теченіи этого времени, продолжая обращаться ко взрослымъ гусарамъ какъ къ ребятишкамъ со словомъ „ду", она если и говорила по русски, то непосвященный въ ея жаргонъ ничего бы не понялъ. Но говоря со всѣми по нѣмецки, она во всеуслышаніе разсказывала вещи самыя невозможныя, называя ихъ по именамъ.

Отъѣзжая въ концѣ августа въ Москву, я оставилъ Лину, съ которой по случаю ея начитанности и развитости очень подружился, вполнѣ освоившеюся въ Новоселкахъ. Я бы рѣшился сказать, что доживалъ до періода, когда университетское общеніе и знакомство со всевозможными поэтами сгущало мою нравственную атмосферу и, придавая въ то же время ей опредѣленное теченіе, требовало настоятельно послѣднему исхода.

При трудности тогдашнихъ путей сообщенія, прошло нѣкоторое время до распространенія между нами роковой вѣсти о трагической смерти Лермонтова. Впечатлительный Шевыревъ написалъ по этому случаю стихотвореніе, изъ котораго память моя удержала только два разрозненныхъ куплета:

О грустный вѣкъ! мы видно заслужили
И по грѣхамъ намъ видно суждено,
Чтобъ мы въ слезахъ такъ рано хоронили
Все, что для думъ высокихъ рождено.

Мысль, что толпѣ все равно, кончается куплетомъ:

„Иль что орла стрѣлой пронзили люди,
Когда младой къ свѣтилу дня летѣлъ,
Иль что поэтъ, зажавши рану груди,
Безмолвно палъ и пѣсни не допѣлъ".

Добрый Аполлонъ, несмотря на свои занятія, продолжалъ восхищаться моими чуть не ежедневными стихотвореніями и тщательно переписывать ихъ. Вниманіе къ нимъ возникало не со стороны одного Аполлона. Нѣкоторыя стихотворенія ходили по рукамъ, и въ настоящую минуту я за малыми

исключеніями не въ состояніи указать на пути, непосредственно приведшіе меня въ такъ называемые интеллигентные дома. Однажды Ратынскій, пришедши къ намъ, заявилъ, что критикъ *Отечественныхъ Записокъ* Васил. Петров. Боткинъ желаетъ со мной познакомиться и просилъ его, Ратынскаго, привести меня. Ратынскій въ то время былъ въ домѣ Боткиныхъ своимъ человѣкомъ, такъ какъ приходилъ младшимъ дѣвочкамъ давать уроки. Боткинъ жилъ въ отдѣльномъ флигелѣ и въ 30 лѣтъ отъ роду пользовался семейнымъ столомъ и получалъ отъ отца 1000 руб. въ годъ. У Боткина я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ, котораго потомъ встрѣчалъ и въ другихъ московскихъ домахъ. Слушать этого умнаго и остроумнаго человѣка составляло для меня величайшее наслажденіе. Съ Вас. Петр. знакомство мое продолжалось до самой моей свадьбы за исключеніемъ періода моей службы въ новороссійскомъ краѣ.

Чтобы не говорить о слишкомъ будничныхъ явленіяхъ, я до сихъ поръ умалчивалъ о своихъ посѣщеніяхъ семейства Петра Петровича Новосильцова въ домѣ у Харитонія въ Огородникахъ и на дачѣ въ Сокольникахъ. Въ то время любезный ко мнѣ Новосильцовъ всетаки смотрѣлъ на меня, какъ на полумальчика, и потому я старался уходить въ классную къ знакомому уже намъ нѣмцу Фелькелю, продолжавшему съ той же нѣмецкой аккуратностью давать латинскіе уроки Ваничкѣ и уроки исторіи Катенькѣ на французскомъ языкѣ, вѣроятно болѣе ей понятномъ. За обѣдомъ у Новосильцова кромѣ Агрипины бывалъ нерѣдко въ бѣломъ галстукѣ старый полуглухой Текутьевъ, когда то поклонникъ свѣтскихъ красавицъ, у ногъ которыхъ оставилъ значительное состояніе; онъ по старой памяти весьма часто хаживалъ обѣдать къ Новосильцову. Къ обѣду появлялись иногда его весьма пожилыя дочери, и нерѣдко завязывался за столомъ такой разговоръ:

— Петръ!

— Что тебѣ, Текутичъ?

— Когда же мы съ тобой поѣдемъ къ ней?

— А прехорошенькая эта княжна.

— И не говори, Петръ!

— Папа, восклицаетъ одна изъ дочерей Текутьева.

Текутьевъ не слышитъ.

— Папа, продолжаетъ возвышая голосъ и пригибаясь на ухо къ отцу та же дочь:—папа, вамъ стыдно.

— Э! восклицаетъ онъ, махая на нее рукой:—что ты понимаешь! Не могу, я влюбленъ.

— Подумайте, вамъ скоро 80 лѣтъ, а ей 18.

— Не слышу.

— Текутичъ, говоритъ Петръ Петровичъ: хорошая мадера, не хочешь ли?

— Что, мадера? давай.

— Это онъ слышитъ, смѣясь говоритъ Петръ Петровичъ.

Тутъ же за столомъ нерѣдко сиживалъ Иванъ Петровичъ Борисовъ, бывшій фельдфебелемъ въ кадетскомъ корпусѣ и ожидавшій съ послѣднимъ лагеремъ выпуска въ офицеры. Два меньшихъ брата Борисова, Петръ и Александръ, къ немалому горю матери, умерли въ корпусѣ отъ чахотки.

На этотъ разъ по пріѣздѣ въ Москву я узналъ отъ Фелькеля совершенно неожиданную новость. Обожающій память покойной жены Мансуровой 48-лѣтній Петръ Петровичъ сдѣлалъ предложеніе и женится на 35-лѣтней дѣвицѣ Берингъ.

Прежде чѣмъ свадьба состоялась, на Лубянкѣ былъ нанятъ домъ Гиппіуса, въ который вмѣстѣ съ новобрачной переселилось и все семейство. Тутъ начались пріемы и званые обѣды.

Въ этомъ году выпущенный изъ корпуса офицеромъ въ артиллерію Борисовъ поселился въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ Ваничкой и Фелькелемъ. Приписанный къ штабу шестаго корпуса исправляющимъ должность адъютанта, Борисовъ посвящалъ службѣ весьма мало часовъ, такъ что во всякое время можно было его застать дома за чтеніемъ.

По воскреснымъ днямъ утромъ, а въ будничные дни послѣ лекцій я часто заходилъ въ отдѣленіе молодежи, гдѣ значительно старшій насъ ученый и солидный нѣмецъ Фелькель не прочь былъ во время приготовительныхъ уроковъ 14-ти лѣтняго Ванички забраться изъ сосѣдней классной въ комнату Борисова и предаться самому легкомысленному и не цензурному зубоскальству.

Сухощавый и длинноногій Ваничка былъ весьма сходною

копіей отца, но такой же подвижной онъ казался дергункомъ, которымъ забавляются дѣти, или пляшущимъ журавлемъ. Запирая за собою двери, мы очень хорошо знали, что Ваничка всѣмъ сердцемъ стремился къ намъ и, не будь грознаго Фелькеля, непремѣнно прибѣжалъ бы изъ своей спальни, гдѣ готовилъ уроки. Но когда Фелькель шелъ давать урокъ сестрѣ Ванички или куда либо отлучался, Ваничка бросалъ книжку и бѣжалъ мѣшать Борисову заниматься. При этомъ онъ становился противъ Борисова и начиналъ неутомимо выплясывать, причемъ ноги его мелькали съ необыкновенной быстротой. Черезъ полминуты раздавался голосъ Борисова: „Ваничка, перестань, уйди." Но мельканіе ногъ продолжалось.

— Ваничка, уйди, говорю. Вотъ ты улыбаешься, а какъ бы тебѣ плакать не пришлось.

Ноги продолжаютъ мелькать.

Однажды мускулистый Борисовъ всталъ и, приподнявъ легковѣснаго плясуна за талію, такъ безцеремонно ударилъ его ногами о паркетъ, что я невольно вскрикнулъ: „что ты?"

Впослѣдствіи плясунъ въ подобныя минуты убѣгалъ послѣ первой грозы.

Однажды, когда мы съ Борисовымъ сидѣли въ его комнатѣ, а Фелькель заставилъ Ваничку въ спальнѣ повторить урокъ, произошла пренелѣпая сцена. Противъ рабочаго стола къ глухой стѣнѣ комнаты стояла кровать Ванички съ висящимъ надъ нею ковромъ, на которомъ Ваничка размѣстилъ собранные имъ доспѣхи, начиная съ масокъ и рапиръ и кончая черкесскою шашкой въ старыхъ кожаныхъ ножнахъ. Не умѣя отвѣчать на вопросы Фелькеля, Ваничка пытался было рисовать карандашомъ по тетради, но получивши окрикъ и не зная, что дѣлать, машинально поднялъ глаза не на расходившагося Фелькеля, а на коверъ. Ученому педагогу представилось, что ученикъ замышляетъ на его жизнь. Въ предупрежденіе грозящей опасности, Фелькель бросился и схватилъ смертоносную шашку за свѣсившійся нижній конецъ, чтобы снять ее съ гвоздя. Онъ не сообразилъ, что старая кожа на ножнахъ протерлась, и судорожно охваченный клинокъ порѣзалъ ему палецъ. При видѣ обильнаго кровотеченія, Фелькель совершенно потерялъ голову и заревѣлъ бла-

писанный мною рядъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Снѣга*. Всѣ размѣщенія стихотвореній по отдѣламъ съ отличительными прозваніями производились трудами Григорьева.

Счастливъ юноша, имѣющій свободный доступъ къ сердцу взрослаго человѣка, къ которому онъ вынужденъ относиться съ величайшимъ уваженіемъ. Такой нравственной пристани въ минуты молодыхъ бурь не можетъ замѣнить никакая дружба между равными. Мнѣ не разъ приходилось хвататься за спасительную руку Степана Петровича въ минуты, казавшіяся для меня окончательнымъ крушеніемъ. Но не одинъ Шевыревъ замѣчалъ мое стихотворство.

Увлеченный до крайности выпуклыми и изящными объясненіями Дм. Льв. Крюковымъ Горація, я представилъ последнему свой стихотворный переводъ оды Горація, кн. I, XIV, *Къ республикѣ*. Какъ университетское начальство, отъ попечителя графа Строганова до инспектора П. С. Нахимова, относилось къ студенческому стихотворству, можно видѣть изъ ходившаго въ то время по рукамъ шуточнаго стихотворенія Я. П. Полонскаго, по поводу нѣкоего Данкова, писавшаго мизерные стишки къ Масляной, подъ названіемъ: *Блины*, а къ Святой, подъ названіемъ: *Красное Яичко*, и продававшаго эти небольшія тетрадки книгопродавцу издателю Лонгинову за десятирублевый гонораръ.

Привожу самое стихотвореніе Полонскаго, насколько оно удержалось въ моей памяти.

Второй этажъ, Платонъ сидитъ,
Предъ нимъ студентъ Данковъ стоитъ:
Ну, вотъ, я слышалъ, вы поэтъ.
На Масляницѣ сочинили
Какіе-то блины, и въ свѣтъ
По пятіалтынному пустили.
— Платонъ Степанычъ, я писалъ
Затѣмъ, что чувствовалъ призванье.
— Призванье? кто васъ призывалъ?
Я васъ не призывалъ, графъ тоже;
Тожь Дмитрій Павловичъ. Такъ кто же?
Скажите, кто васъ призывалъ?
— Платонъ Степанычъ, я пою
Въ пылу святаго вдохновенья,

И я мои стихотворенья
Въ отраду людямъ продаю.
— Опять не то, опять вы врете!
Кто вамъ мѣшаетъ дома пѣть?
Мнѣ дѣла нѣтъ, что вы поете:
Стиховъ-то не могу терпѣть.
Стиховъ-то только не марайте!
Я потому вамъ говорю,
Что мнѣ васъ жаль. Теперь ступайте!
— Покорно васъ благодарю!

Однажды когда только-что начавшій лекцію Крюковъ, прерывая обычную латинскую рѣчь, сказалъ по-русски: „М. г.,— въ качествѣ наглядной иллюстраціи къ нашимъ филологическимъ объясненіямъ одъ Горація, позвольте прочесть переводъ одного изъ вашихъ товарищей, Фета, книги первой, оды четырнадцатой, *Къ республикѣ*";—при этихъ словахъ дверь отворилась, и графъ С. Г. Строгановъ вошелъ въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ. Раскланявшись съ профессоромъ, онъ сѣлъ на кресло со словами: „прошу васъ продолжать",—и безмолвно выслушалъ чтеніе моего перевода. Такое въ тогдашнее время исключительное отношеніе къ моимъ трудамъ было тѣмъ болѣе изумительно, что проявлялось уже не въ первый разъ. Такъ, когда И. И. Давыдовъ въ сороковомъ году сказалъ мнѣ на лекціи, въ присутствіи графа Строганова: „вашу печатную работу я получилъ, но желалъ бы получить и письменную", графъ спросилъ: „какую печатную работу?" и на отвѣтъ профессора: „небольшой сборникъ лирическихъ стихотвореній",—ничего не отвѣтилъ.

Не помню хорошо, какимъ образомъ я вошелъ въ почтенный домъ Ѳедора Николаевича и Авдотьи Павловны Глинокъ. Вѣроятно это случилось при посредствѣ Шевырева. Не трудно было догадаться о небольшихъ матеріальныхъ средствахъ бездѣтной четы, но это нимало не мѣшало ни внѣшнему виду, ни внутреннему значенію ихъ радушнаго дома. Въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, въ одномъ изъ переулковъ близъ Срѣтенки, мнѣ хорошо памятны только три, а если хотите двѣ комнаты: тотчасъ направо изъ передней небольшой хозяйскій кабинетъ, куда желающіе уходили курить, и

гимъ матомъ, зажимая рану фуляровымъ платкомъ. Растворивъ дверь въ нашу комнату, онъ закричалъ: „Иванъ Петровичъ! у-у-у, вотъ онъ Ваничка, вы видите, это онъ, онъ разбойникъ".

Когда мы вышли въ комнату катастрофы, поблѣднѣвшій Ваничка сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Но Фелькель продолжалъ ревѣть во все горло: „у-у, онъ разбойникъ".

На грѣхъ, ѣхавшій на службу Петръ Петровичъ, проходя по корридору, услыхалъ крикъ и вошелъ къ намъ. Вмѣсто всякаго объясненія, Фелькель продолжалъ: „у-у, Ваничка разбойникъ, это онъ меня".

Петръ Петровичъ, выпуча глаза, (такими глазами онъ пугалъ дѣтей и называлъ ихъ львиными) схватилъ Ваничку за галстукъ и, тряся его, только восклицалъ: „Ваничка, а-а-а!" И когда убѣдился, что достаточно нагналъ страху на сына-проказника, не прибавляя ничего, вышелъ изъ комнаты.

Новая хозяйка въ домѣ и близящееся совершеннолѣтіе замѣчательно умной и образованной дочери внесли въ домъ Петра Петровича небывалое оживленіе. Сверхъ обычныхъ пріѣздовъ гостей, среди которыхъ чаще всѣхъ появлялся замѣчательно образованный и любившій широко пожить, московскій почтъ-директоръ Ал. Як. Булгаковъ, отецъ знаменитаго въ свое время по своимъ продѣлкамъ гвардейскаго офицера Кости Булгакова,—по временамъ давались великолѣпные и многочисленные обѣды. Эти обѣды, приготовляемые Власомъ изъ Англійскаго клуба и роскошно сервированные, казалось, могли бы удовлетворять насъ, я подразумѣваю: Фелькеля, Борисова и меня. Но на дѣлѣ выходило другое. Не знаю теперь сроковъ полученія Борисовымъ изъ штаба жалованья; помню только, что заручившись послѣднимъ онъ въ извѣстные дни, оставляя извощика у калитки Григорьевскаго дома, всходилъ ко мнѣ наверхъ со словами: „ну, ѣдемъ, и Фелька будетъ". И вслѣдъ затѣмъ мы отправлялись въ Печкинскую гостинницу, гдѣ прихихикивающій Фелькель ожидалъ насъ. Мы помѣщались въ комнатѣ близь музыкальной машины, подъ звуки которой съѣдали три очень хорошихъ обѣда по 60 коп., приправляя ихъ рейнвейномъ, портеромъ

и шампанскимъ. Ни я, ни Фелькель никогда не платили за обѣды; Фелькель — по разсчетливости, а я по неимѣнію денегъ; Борисовъ всегда былъ нашимъ амфитріономъ.

XXIV

Увлеченіе Гете и Гейне.—С. П. Шевыревъ.—П. С. Нахимовъ.—Мой переводъ изъ Горація.—Глинки. — Князь Шаховской.—Мой переводъ „Германа и Доротеи“. — Павловы.— Т. Н. Грановскій.—Подарокъ Погодина.—Калайдовичъ.—Аксаковы.

Между тѣмъ, хмѣль, сообщаемый произведеніями міровыхъ поэтовъ, овладѣлъ моимъ существомъ и сталъ проситься на волю. Гете со своими римскими элегіями и *Германомъ и Доротеей* и вообще мастерскими произведеніями подъ вліяніемъ античной поэзіи увлекъ меня до того, что я перевелъ первую пѣсню *Германа и Доротеи.* Но никто въ свою очередь не овладѣвалъ мною такъ сильно, какъ Гейне своею манерой говорить не о вліяніи одного предмета на другой, а только объ этихъ предметахъ, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношенія въ общей картинѣ, напримѣръ, плачущей дочери покойнаго лѣсничаго и свернувшейся у ногъ ея собаки. Гейне въ ту пору завоевалъ всѣ симпатіи; вліянія его не избѣжалъ и самобытный Лермонтовъ. Мои стихотворенія стали ходить по рукамъ. Не могу въ настоящую минуту припомнить, какимъ образомъ я въ первый разъ вошелъ въ гостиную профессора исторіи словесности Шевырева. Онъ отнесся съ великимъ участіемъ къ моимъ стихотворнымъ трудамъ, и снисходительно проводилъ за чаемъ по часу и по два въ литературныхъ со мною бесѣдахъ. Эти бесѣды меня занимали, оживляли и вдохновляли. Я чувствовалъ, что добрый Степанъ Петровичъ относился къ моей сыновней привязанности съ истинно-отеческимъ расположеніемъ. Онъ старался дать ходъ моимъ стихотвореніямъ, и съ этою цѣлію, какъ соиздатель *Москвитянина,* рекомендовалъ Погодину на-

затѣмъ налѣво столовая, отдѣленная аркой отъ гостиной, представлявшей какъ бы ея продолженіе. Зато это былъ домъ чисто художественныхъ интересовъ. Здѣсь каждый цѣнился по мѣрѣ своего усердія къ этому вопросу, и если, съ одной стороны, въ гостиной не появлялось чванныхъ людей напоказъ, зато не было тамъ и неотесанныхъ неуковъ, прикрывающихъ свою неблаговоспитанность мнимою ученостью. Мастерскіе переводы Авдотьи Павловны изъ Шиллера ручаются за ея литературный вкусъ, а *Письма русскаго офицера* свидѣтельствуютъ объ образованности ихъ автора. Въ оживленной гостиной Глинокъ довольно часто появлялся оберъ-прокуроръ Мих. Ал. Дмитріевъ, о которомъ я уже говорилъ по поводу его сына въ Погодинской школѣ. Между дамами замѣчательны были по уму и по образованію двѣ сестры дѣвицы Бакунины, изъ которыхъ меньшая, несмотря на зрѣлыя лѣта, сохранила еще неизгладимыя черты красоты. Мы собирались по пятницамъ на вечеръ, и почти каждый разъ присутствовалъ премилый живописецъ Рабусъ, о которомъ Глинки говорили, какъ о замѣчательномъ талантѣ. Онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, выказывая по временамъ горячія сочувствія той или другой литературной новинкѣ. Не знаю, по какому случаю на этихъ вечерахъ я постоянно встрѣчалъ инженернаго капитана Непокойчицкаго, и когда въ 1877 году я читалъ о дѣйствіяхъ начальника штаба Непокойчицкаго, то поневолѣ сближалъ эту личность съ тою, которую глазъ мой привыкъ видѣть съ ученымъ аксельбантомъ на вечерахъ у Глинокъ.

Услыхавъ о моей попыткѣ перевести *Германа и Доротею*, Глинки просили меня привезти въ слѣдующую пятницу тетрадку и прочесть оконченную первую пѣснь. Не трудно представить себѣ мое смущеніе, когда въ слѣдующій разъ, при появленіи моемъ въ гостиной, Ѳедоръ Николаевичъ, поблагодаривъ меня за исполненіе общаго желанія, прибавилъ: „Мы ждемъ сегодня князя Шаховскаго и рѣшили прочесть при немъ отрывокъ изъ его поэмы: *Расхищенныя шубы*. Это старику будетъ пріятно“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени въ гостиную вошелъ старикъ Шаховской, котораго я непремѣнно узналъ бы по чрезвычайно схожему и давно

знакомому мнѣ изъ ста русскихъ литераторовъ гравированному портрету.

Старому князю видимо было чрезвычайно пріятно слушать прекрасное чтеніе его плавныхъ и по своему времени гармоническихъ стиховъ.

Тѣмъ сильнѣе было мое смущеніе, когда, послѣ небольшаго всеобщаго молчанія, хозяйка напомнила мое обѣщаніе прочесть начало перевода. Вѣдь нужно же было судьбѣ заставить меня выступить съ моими неизвѣстными попытками непосредственно за чтеніемъ произведенія славнаго и присутствовавшаго писателя. Но робость стѣснила меня только до прочтенія первыхъ двухъ-трехъ стиховъ, а затѣмъ самое теченіе поэмы увлекло меня, и я старался только, чтобы чтеніе было по возможности на уровнѣ содержанія. Не менѣе смущенъ и восхищенъ былъ я общимъ одобреніемъ кружка, когда я окончилъ. Пріятнѣе всего было мнѣ слышать замѣчаніе Рабуса: „Я хорошо знаю *Германа и Доротею*, и во все продолженіе чтенія мнѣ казалось, что я слышу нѣмецкій текстъ“.

Около полуночи въ залѣ накрывался столъ, установленный грибками и всякаго рода соленьями, посреди которыхъ красовалась большая деревенская индѣйка и, кромѣ разныхъ водокъ, появлялись разнообразныя и превкусныя наливки.

Совершенно въ другомъ родѣ были литературные чайные вечера у Павловыхъ, на Рождественскомъ бульварѣ. Тамъ все, начиная отъ роскошнаго входа съ параднымъ швейцаромъ, и до большаго хозяйскаго кабинета съ пылающимъ каминомъ, говорило если не о роскоши, то, по крайней мѣрѣ, о широкомъ довольствѣ.

Находя во всю жизнь большое удовольствіе читать избраннымъ свои стихи, я постоянно считалъ публичное ихъ чтеніе чѣмъ то нескромнымъ, чтобы не сказать профанаціей. Вотъ почему я всегда старался придти къ Кар. Карл. Павловой, пока въ кабинетѣ не появлялось стороннихъ гостей. Тогда по просьбѣ моей она мнѣ читала свое послѣднее стихотвореніе, и я съ наслажденіемъ выслушивалъ ея одобреніе моему. Затѣмъ мало-по-малу прибывали гости, между которыми я въ первый и послѣдній разъ былъ представленъ не меньшей въ свое время знаменитости М. Н. Загоскину. За столомъ, за

которымъ сама хозяйка разливала чай, и появлялись рѣдкія еще въ то время мелкія печенья, сходились по временамъ А. И. Герценъ и Т. Н. Грановскій. Трудно себѣ представить болѣе остроумнаго и забавнаго собесѣдника, чѣмъ Герценъ. Помню, что увлеченный вѣроятно его примѣромъ, Тимоѳей Николаевичъ, которымъ въ то время бредили московскія барыни, въ свою очередь разсказалъ, своимъ особеннымъ невозмутимымъ тономъ съ пришепетываніемъ, анекдотъ объ одномъ лицѣ, державшемъ у него экзаменъ изъ исторіи для полученія права домашняго учителя.

„Видя, что человѣкъ и одѣтъ то бѣдно, говорилъ Грановскій,—я рѣшился быть до крайности снисходительнымъ и подумалъ: Богъ съ нимъ, пусть получитъ кусокъ хлѣба. Что бы спросить полегче? подумалъ я. Да и говорю: не можете ли мнѣ что-нибудь сказать о Петрѣ?—Петръ, заговорилъ онъ,—былъ великій государь, великій полководецъ и великій законодатель.—Не можете ли указать на какое-либо изъ его дѣяній?—Петръ разбилъ, былъ отвѣтъ.—Не можете ли сказать, кого онъ разбилъ при Полтавѣ? Онъ подумалъ, подумалъ и сказалъ: Батыя. Я удивился.—Кто же, по вашему мнѣнію, былъ Батый? Онъ подумалъ, подумалъ и сказалъ: протестантъ.—Мнѣ остается спросить васъ: что такое, по вашему мнѣнію, протестантъ?—Всякій не исповѣдующій православную греко-россійскую церковь.—Извините, сказалъ я,—я не могу поставить вамъ больше единицы.—Если вы недовольны и такимъ знаніемъ, сказалъ онъ уходя, то я и не знаю, чего вы требуете“.

Помню, что однажды у Павловыхъ я встрѣтилъ весьма благообразнаго иностраннаго нѣмецкаго графа, который, вѣроятно узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, не взирая на свои почтенныя лѣта, подсѣлъ ко мнѣ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ на чужбинѣ говорить о родной литературѣ. Услыхавъ мои восторженные отзывы о Шиллерѣ, графъ сказалъ: „вполнѣ понимаю вашъ восторгъ, молодой человѣкъ, но вспомните мои слова: придетъ время, когда Шиллеръ уже не будетъ удовлетворять васъ, и предметомъ неизмѣннаго удивленія и наслажденія станетъ Гете“. Сколько разъ пришлось мнѣ вспоминать эти слова.

Однажды сходя съ лекціи, Шевыревъ сказалъ мнѣ на лѣстницѣ: „Мих. Петр. готовитъ вамъ подарокъ“. А такъ какъ Ст. Петр. не сказалъ, въ чемъ заключается подарокъ, то я находился въ большомъ недоумѣніи, пока черезъ нѣсколько дней не получилъ желтаго билета на журналъ *Москвитянинъ*. На оборотѣ рукою Погодина было написано: „талантливому сотруднику отъ журналиста; а студентъ берегись! пощады не будетъ, развѣ взысканіе сугубое по мѣрѣ талантовъ полученныхъ“. *Погодинъ*.

Въ числѣ посѣтителей нашего Григорьевскаго верха появился весьма любезный правовѣдъ Калайдовичъ, сынъ покойнаго профессора и издателя пѣсенъ Кирши Данилова. Молодой Калайдовичъ не только оказывалъ горячее сочувствіе моимъ стихомъ, но, къ немалому моему удовольствію, ввелъ меня въ свое небольшое семейство, проживавшее въ собственномъ домѣ на Плющихѣ. Семейство Калайдовичей состояло изъ добрѣйшей старушки матери, прелестной дочери, сестры Калайдовича, и двоюроднаго его брата, исполнявшаго въ домѣ роль хозяина, такъ какъ самъ Калайдовичъ, кончивъ курсъ школы правовѣдѣнія, поступилъ на службу въ Петербургѣ, и у матери проводилъ только весьма короткое время. Старушка такъ полюбила и приласкала меня, что и по отъѣздѣ сына я нерѣдко просиживалъ вечера въ ихъ уютномъ домикѣ. Чтобы не сидѣть сложа руки, мы раскидывали ломберный столъ и садились играть въ преферансъ по микроскопической игрѣ, несмотря на мою совершенную неспособность къ картамъ. Черезъ молодаго Калайдовича я познакомился съ его друзьями: Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми. Однажды, начитавшись пѣсенъ Кирши Данилова, я придумалъ подъ нихъ поддѣлаться, и мы съ Калайдовичемъ рѣшили ввести въ заблужденіе любителей и знатоковъ русской старины братьевъ Аксаковыхъ. Отыскавъ между бумагами покойнаго отца чистый полулистъ, Калайдовичъ постарался поддѣлаться подъ руку покойнаго, передалъ рукопись Конст. Серг., сказавъ, что нашелъ ее въ бумагахъ отца, но желалъ бы знать, можно ли довѣриться ея подлинности. Въ слѣдующій мой приходъ я съ восхищеніемъ услыхалъ, что Аксаковъ, прочитавъ пѣсню, сказалъ: „очень можетъ быть,

очень можетъ быть; надо хорошенько ее разобрать". Но кажется въ слѣдующее затѣмъ свиданіе Калайдовичъ расхохотался и тѣмъ положилъ конецъ нашей затѣѣ.

XXV

Экзамены.—Единица изъ греческаго языка.—Дружба съ Линой.—Занятія съ Гофманомъ по греческому языку.—Григорьевъ—секретарь университетскаго правленія. — Кофейня Печкина.—М. С. Щепкинъ.—Д. Т. Ленскій.—Д. А. Галаховъ.—Бантышевъ.

Но никакіе литературные успѣхи не могли унять душевнаго волненія, возраставшаго по мѣрѣ приближенія весны. Святой недѣли и экзаменовъ. Не буду говорить о корпоративномъ изученіи разныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, статистики, причемъ мы, студенты, сойдясь у кого-либо на квартирѣ, ложились на полъ втроемъ или четверомъ вокругъ разостланной громадной карты, по которой воочію слѣдили за статистическими фигурами извѣстныхъ произведеній страны, обозначенными въ лекціяхъ Чивилева.

Но вотъ начались и самые экзамены и сдавались мною одинъ за другимъ весьма успѣшно, хотя и съ возрастающимъ чувствомъ томительнаго страха предъ греческимъ языкомъ. Мучительное предчувствіе меня не обмануло, и въ то время, когда Ап. Григорьевъ радостный принесъ изъ университета своимъ старикамъ извѣстіе, что кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, я, получивъ единицу у Гофмана изъ греческаго языка, остался на третьемъ курсѣ еще на годъ.

Дома болѣе или менѣе успѣшно я свалилъ вину на несправедливость Гофмана; но внутренно долженъ былъ сознаться, что Гофманъ былъ совершенно правъ въ своей отмѣткѣ, и это сознаніе, подобно тайной ранѣ, не переставало ныть въ моей груди. Впрочемъ, сердечная дружба и нравственная развитость сестры Лины въ многихъ отношеніяхъ облегчала и озаряла на этотъ разъ мое пребываніе въ де-

ревнѣ. Переполненный вдохновлявшими насъ съ Григорьевымъ мелодіями оперъ, преимущественно „Роберта“, я былъ очень радъ встрѣтить прекрасную музыкальную память и пріятное сопрано у Лины, и бѣдная больная мать въ дни, когда недугъ позволялъ ей вставать съ постели, изумлялась, что мы съ сестрою, никогда не жившіе вмѣстѣ, такъ часто пѣвали въ два голоса одно и то же.

Хотя, какъ я уже говорилъ выше, Лина пользовалась въ семействѣ, начиная съ нашего отца, самымъ радушнымъ сочувствіемъ, тѣмъ не менѣе привычка къ безусловной свободѣ очевидно брала верхъ, и она объявила, что возвращается въ Дармштадтъ. Самый отъѣздъ, какъ я помню, состоялся вначалѣ августа, когда въ прекрасномъ Новосельскомъ фруктовомъ саду поспѣли всѣ плоды и между прочимъ крупныя груши, подъ названіемъ „bon chretien“, не уступавшія иностраннымъ „дюшессъ“, хотя росли на открытомъ воздухѣ. Не помню, ходили-ли тогда по только что устроенному шоссе дилижансы изъ Орла въ Москву. Полагаю, что ихъ еще не было, и не могу припомнить, въ чемъ или съ кѣмъ Лина проѣхала изъ Мценска до Москвы. Понятно, съ какимъ чувствомъ больная мать навсегда разставалась со старшей дочерью; мы всѣ были взволнованы и растроганы. Въ минуту послѣднихъ объятій всѣ были изумлены неожиданнымъ возгласомъ отца: „что же это такое! всѣ плачутъ!“ Съ этими словами невозмутимый старикъ, котораго никто не видалъ плачущимъ, зарыдалъ.

— Каковъ папа! восклицала дорогою въ каретѣ Лина, обращаясь ко мнѣ:—я никакъ не ожидала отъ него такихъ дорогихъ для меня слезъ.

Это не помѣшало самовольной дѣвушкѣ развернуть данныя ей груши „bon chretien“, которыми отецъ просилъ ее похвастать передъ дядей Эрнстомъ.

— Куда я ихъ повезу болѣе чѣмъ въ 10-ти дневномъ пути? сказала она, доставая складной дорожный ножикъ и угощая меня половиною сочной груши.

— Дай мнѣ, сказала она,—что нибудь на память изъ своихъ вещей, бывшихъ въ ближайшемъ твоемъ употребленіи. Съ этими словами она сняла съ меня черный шейный платокъ и спрятала въ мѣшокъ.

Недѣли черезъ двѣ я и самъ вернулся въ Москву, гдѣ къ обычнымъ университетскимъ занятіямъ присоединился разъ въ недѣлю греческій урокъ у Гофмана, на что отцомъ было ассигновано по 10 р. за часъ. Не помню, что Гофманъ въ этомъ году читалъ въ университетѣ на моемъ курсѣ, но на частныхъ урокахъ мы съ нимъ читали Одиссею, переводя съ греческаго на латинскій, такъ какъ Гофманъ читалъ и преподавалъ греческую словесность по-латыни. Жилъ онъ въ этомъ году до глубокой осени, и съ открытіемъ слѣдующей весны 43 года до самыхъ экзаменовъ, на Воробьевыхъ горахъ, куда, какъ помнится, отправляясь изъ Москвы пѣшкомъ, заходилъ на Малую Полянку давать мнѣ урокъ, или же назначать время таковового у себя на Воробьевыхъ горахъ. Григорьевскій слуга Иванъ, заслужившій прозваніе Гегеля, соображая вѣроятно страданіе, причиненное мнѣ профессоромъ, каждый разъ, сообщая мнѣ о приходившемъ въ мое отсутствіе профессорѣ, говорилъ: „охъ-ма приходилъ“. И конечно я догадывался, что это былъ Гофманъ.

Но что случилось съ потерянными при самомъ началѣ необычными въ другихъ азбукахъ буквами *кси* и *пси*, не умѣющими у меня до сихъ поръ попасть при поискахъ въ лексиконѣ въ надлежащее мѣсто, случилось и съ греческой этимологіей и преимущественно съ глаголами, не усвоенными своевременно памятью. То, что при помощи толковаго репетитора могло быть достигнуто сравнительно легко, продолжало производить отталкивающее впечатлѣніе и мѣшало усвоенію.

Тѣмъ не менѣе обычная студенческая жизнь брала свое, не взирая ни на какія потрясенія и внутреннія перемѣны. Къ послѣднимъ принадлежало окончаніе университетскаго ученія Ап. Григорьевымъ, продолжавшимъ еще проживать со мною наверху Полянскаго дома. Освободившись отъ сидѣнія надъ тетрадками, Аполлонъ сталъ не только чаще бывать въ домѣ Коршей, но и посѣщать домъ профессора Н. И. Крылова и его красавицы жены, урожденной Коршъ. По привязанности къ лучшему своему ученику, Никита Ив. самъ не разъ приходилъ къ старикамъ Григорьевымъ и явно старался выхлопотать Аполлону служебное мѣсто, которое бы не от-

рывало дорогаго сына отъ обожавшихъ его родителей. Какъ нарочно, секретарь университетскаго правленія Назимовъ вышелъ въ отставку, и, при вліяніи Крылова въ совѣтѣ, едва окончившій курсъ Григорьевъ былъ выбранъ секретаремъ правленія. Радости стариковъ не было конца. Зато мнѣ по вечерамъ нерѣдко приходилось оставаться одному, по причинѣ отлучекъ Григорьева изъ дому.

Мои студенческія воспоминанія сороковыхъ годовъ были бы неполны безъ упоминанія кофейни Печкина. Подыматься въ нее въ бель-этажъ съ Воскресенской площади приходилось по неширокой и крутой лѣстницѣ, выходившей вверху въ небольшую комнату съ двумя или тремя столиками около окошекъ. У ближайшаго къ балюстрадѣ лѣстницы столика можно было ежедневно съ утра и до вечера видѣть густоволосаго и бѣлаго, какъ лунь, небольшаго старика, сидящаго спиною къ балюстрадѣ и лежащаго большею частію на краю стола лбомъ, подпертымъ кулакъ на кулакъ.

Старикъ этотъ, никогда не встававшій съ мѣста, былъ извѣстный всѣмъ посѣтителямъ Калмыкъ. Разсказывали, что онъ былъ въ свое время пріобрѣтенъ какою-то старухой-барыней, и когда послѣдняя умерла бездѣтной, то, оставшись безпріютнымъ, занялъ въ добрый часъ свое мѣсто въ Печкинской кофейнѣ.

Посѣтители знали только, что онъ очень старъ и не забывали его своимъ вниманіемъ. Самъ же Калмыкъ, страдая вѣроятно отъ болѣзненныхъ припадковъ, давалъ о себѣ знать, приподымая голову съ кулаковъ и испуская громкое восклицаніе: „охъ-охъ-охъ!". Сколько разъ, сидя въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, я слыхалъ, какъ тотъ или другой посѣтитель, позвонивъ слугу, говорилъ: „дай Калмыку солянки" или: „дай Калмыку стаканъ чаю". Вкусивъ присланное, Калмыкъ, простонавъ: „охъ-охъ-охъ", безмолвно снова опускался на кулаки.

Прямо противъ лѣстницы дверь вела въ болѣе просторную комнату, изъ которой вправо былъ ходъ въ билліардную, окруженную со всѣхъ сторонъ мягкими диванами. Въ эти комнаты я заглядывалъ очень рѣдко, но зато слѣдуетъ поговорить о небольшой комнатѣ вправо отъ передней

Калмыка и небольшомъ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ этой комнаты аркою. Комнату эту можно было по справедливости считать нѣкоторымъ центромъ московской науки и искусства. Тамъ стоялъ столъ съ шахматами, за которымъ можно было въ извѣстные часы встрѣтить профессора Дм. Матвѣев. Перевощикова въ состязаніи съ персіаниномъ или армяниномъ, носившимъ названіе Кирюши. Какъ теперь помню кудрявую, черную съ едва замѣтной просѣдью голову этого восточнаго человѣка, сидящаго въ суконномъ черномъ архалукѣ съ разрѣзными рукавами у шахматнаго стола противъ Перевощикова. Вѣроятно, Кирюша былъ весьма сильный шахматный игрокъ, чѣмъ только и можно объяснить постоянную игру съ нимъ Перевощикова. Сочувствуя съ своей стороны знаменитому астроному, Кирюша и въ отсутствіе своего партнера, стараясь усилить значеніе какой-либо вещи, выразительно прибавлялъ: „тутъ нужно матэматыкъ".

Заглядывалъ въ кофейню и Т. Н. Грановскій. Подобно Перевощикову, завсегдатаемъ кофейни былъ М. С. Щепкинъ, къ которому попеременно подходили то Ленскій, то только что начинавшій играть Садовскій, на котораго Щепкинъ смотрѣлъ, какъ на своего любимаго ученика. Помню, какъ однажды на слова Садовскаго, что N. N. вчера сидѣлъ въ третьемъ ряду креселъ, Щепкинъ сказалъ: „вотъ когда ты никого не будешь видѣть изъ сидящихъ въ театрѣ, тогда ты начнешь хорошо играть".

Помню, въ какое волненіе, чтобы не сказать негодованіе, пришелъ Щепкинъ, когда я подъ впечатлѣніемъ непріятности отъ рыбьихъ костей позволилъ себѣ сказать, что въ рыбѣ собственно ничего хорошаго нѣтъ.

— Какъ! воскликнулъ онъ: въ рыбѣ!—и произносилъ слово „рыба" такимъ жирнымъ голосомъ, какъ будто глоталъ янтарные куски осетрины или стерляди.

Только современемъ узналъ я, какъ два наклонные къ тучности пріятеля — Перевощиковъ и Щепкинъ ходили къ рыбьему садку облюбовывать подцѣннаго осетра, но такъ какъ цѣна за него казалась имъ всетаки не по средствамъ, они давали мальчику при садкѣ полтинникъ, обѣщая еще другой, если онъ прибѣжитъ съ извѣстіемъ, что осетръ сію

минуту заснулъ. Но сердце не камень, и Щепкинъ по временамъ отправлялся навѣстить своего избранника, и когда послѣднiй весело пошевелится, Мих. Сем., потрясая кулакомъ, воскликнетъ: „у-у подлецъ!“ и уѣдетъ домой.

Но неизмѣннымъ посѣтителемъ кофейни былъ страстный потребитель шампанскаго и неистощимый въ остротахъ Дм. Тим. Ленскiй. Соль его остротъ въ большинствѣ случаевъ была нецензурна, но порою онъ отпускалъ и самыя невинныя остроты. Такъ, слыша чей-то совѣтъ какому-то обросшему волосами обрѣзать волосы, Ленскiй замѣтилъ, что не всякому дано „остриться“. Помню, какъ однажды съ Я. П. Полонскимъ мы сидѣли на диванѣ въ небольшомъ кабинетѣ, о которомъ я ужь говорилъ, предъ полукруглымъ столомъ, и Полонскiй, желая позвать слугу, почему-то не являвшагося, много разъ принимался звонить стоявшимъ на столѣ колокольчикомъ.

— Согласитесь, крикнулъ намъ черезъ арку изъ смежной комнаты Ленскiй,—что между студентами иногда бываютъ пустозвоны.

Не менѣе постояннымъ посѣтителемъ кофейни бывалъ уже въ то время почтенный Д. А. Галаховъ, котораго хрестоматiя появилась около того времени. Однажды онъ вошелъ въ кофейню въ мундирномъ фракѣ со словами: „я только что отъ графа Строганова, который сказалъ мнѣ: „я васъ вызвалъ, чтобы замѣтить, что вы въ своей хрестоматiи помѣстили стихотворенiя Фета, не зная, можетъ-быть, что онъ еще студентъ“.

— Ваше сiятельство, отвѣчалъ я,—я выбиралъ стихотворенiя, заслуживающiя, по моему мнѣнiю, быть помѣщенными въ хрестоматiи, и виноватъ, не обращалъ вниманiя на положенiе автора.

Изъ билліардной порою приходилъ красивый брюнетъ, восторгавшiй насъ своимъ бархатнымъ теноромъ, неподражаемый „Торопка“—Бантышевъ. И этого Щепкинъ не оставлялъ своимъ вкрадчиво-любезнымъ наставленiемъ.

Кто знаетъ, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви къ наукѣ и искусству. Не знаю подлинно, кому принадлежала пародiя на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, изо-

бражающая кофейню Печкина. Мнѣ удалось слышать ее не болѣе двухъ разъ, и потому я могу на нее скорѣе намекнуть, чѣмъ передать ее въ настоящее время. Говорилось въ ней о бренности всего великаго на землѣ:

И прошло много лѣтъ,
И кофейни ужь нѣтъ...
. . . .
Но въ двѣнадцать часовъ...

— на билліардѣ гремятъ шары....

И на лѣстницу лѣзетъ Калмыкъ.
Ленскій пьянъ и румянъ,
Ленскій держитъ стаканъ,
Ухмыляется Ленскаго ликъ.

Стихи эти едва-ли не принадлежатъ Клюшникову.

XXVI

Булгаковы.—Ап. Григорьевъ поступаетъ библіотекаремъ въ университетъ.—Его отъѣздъ въ Петербургъ.—Греческій экзаменъ.—Переходъ на четвертый курсъ.—Переѣздъ матери въ Орелъ.—Дядя Иванъ Неофитовичъ.

Выше я упомянулъ объ образованномъ и свѣтскомъ почтъ-директорѣ Ал. Як. Булгаковѣ, какъ о своемъ человѣкѣ въ домѣ П. П. Новосильцова. По своему положенію онъ долженъ былъ принимать всѣхъ знаменитыхъ иностранныхъ артистовъ, рекомендованныхъ изъ Петербурга. Но независимо отъ его появленій въ гостиной Новосильцовыхъ, къ намъ, то-есть къ Ваничкамъ Новосильцову и Борисову, иногда заглядывалъ меньшой сынъ Ал. Як.—Паша Булгаковъ, проживавшій въ отцовскомъ помѣщеніи вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ нѣмцемъ Гауптомъ. Раза съ два и я былъ съ Борисовымъ у Паши, потѣшавшаго насъ разными выходками, между прочимъ, декламаціей извѣстной оды:

„Съ бѣлыми Борей власами“

— причемъ каждое слово онъ сопровождалъ соотвѣтственными дѣйствіями. Такъ при словахъ: „Сыпалъ инеи пушисты“,—онъ двигалъ пальцами рукъ, на подобіе ключницы, кормящей куръ, и затѣмъ закинувъ голову и сильно подувъ на воздухъ, продолжалъ: „И мятели воздымалъ“; а при словахъ: „Налагая цѣпи льдисты“,—хваталъ попеременно правою и лѣвою рукою свободную руку за тѣ мѣста, на которыя накладываютъ цѣпи.

Ко времени, о которомъ я говорю, Паша Булгаковъ, избавившись отъ надзора Гаупта, сталъ ежедневно появляться въ театрѣ, въ которомъ порою и мы съ Аполлономъ не переставали почерпать юношескіе восторги. Не удивительно, что до крайности чуткій на все изящное Аполлонъ приходилъ въ восторгъ отъ граціозныхъ танцевъ Андріановой. Дѣйствительно, она была плѣнительно граціозна при полетѣ черезъ сцену на развѣвающемся шарфѣ. Помню даже стихотвореніе Григорьева съ двустишіемъ:

Когда волшебницей въ Жизели
На легкой дымкѣ вы летѣли...

— если только память мнѣ не измѣнила.

И вдругъ по Москвѣ разнеслась дикая вѣсть: вчера Паша Булгаковъ изъ директорской ложи кинулъ Андріановой на сцену кошку.

Держась правила разсказывать только прямо соприкасавшееся съ моимъ прошедшимъ, воздерживаюсь отъ пересказа многочисленныхъ анекдотовъ о старшемъ братѣ Паши Константинѣ, умѣвшемъ остроумными шалостями не только составить себѣ извѣстность въ гвардіи, но и заслужить пощаду со стороны Вел. Кн. Михаила Павловича. Но судьбѣ было угодно показать мнѣ некрасивый закатъ этого несомнѣнно талантливаго человѣка. Въ первые годы женитьбы моей, когда судьба какъ бы нарочно закинула меня на ту же Малую Полянку въ нѣсколькихъ шагахъ отъ овдовѣвшаго уже Ал. Ив. Григорьева, я однажды увидалъ въ городскихъ рядахъ сѣдаго и сгорбленнаго старичка, въ которомъ призналъ тотчасъ же нѣкогда блестящаго Ал. Як. Булгакова. Онъ узналъ меня, въ свою очередь, но какъ-то сдержанно,

чтобы не сказать пугливо, отвѣчалъ на мои привѣтствія. Это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ.

Однажды Тургеневъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, сказалъ мнѣ: „вы вѣроятно знаете, что у бѣднаго Конст. Булгакова отнялись ноги, и онъ доживаетъ свой вѣкъ на квартирѣ у отца. Онъ просилъ меня познакомить его съ вами. Я увѣренъ, что вамъ интересно будетъ встрѣтиться съ этимъ оригиналомъ, и я завтра за вами заѣду въ два часа дня. Это самое его показное время, къ которому его успѣваютъ отмыть и пріодѣть отъ полуночнаго пьянства“.

На другой день мы съ Тургеневымъ съ отдѣльнаго крыльца черезъ какіе-то полутемные переходы взошли въ довольно просторную комнату съ прекраснымъ роялемъ и весьма незатѣйливою мебелью по стѣнамъ. На двухколесномъ креслѣ сидѣлъ, свѣсивъ неподвижныя, тщательно въ полосатые чулки и лаковые башмаки обутыя ноги, самъ хозяинъ Конст. Булгаковъ, бодрый на видъ, одѣтый съ нѣкоторымъ щегольствомъ.

Пожавъ мнѣ руку, онъ отрекомендовалъ своего пріятеля, рыжеватаго нѣмца съ одутловатымъ лицомъ, помнится, Ивана Ивановича.

— У насъ, обратился Булгаковъ къ Тургеневу,—вчера съ Иваномъ Ивановичемъ былъ балъ. Накрытъ былъ большой столъ, разставлены на столѣ свѣчи, мы запаслись двумя штофами очищенной, и гостямъ было полное угощеніе.

— А вашъ балъ, не безпокоитъ вашего сосѣда? сказалъ Тургеневъ, указывая глазами на запертую дверь, ведущую очевидно въ помѣщеніе старика Булгакова.

— Этого? тутъ нашъ хозяинъ разразился такими громогласными и нецензурными ругательствами противъ отца, котораго, вѣроятно, къ этому уже пріучилъ, что намъ сдѣлалось не по себѣ.

Подъ предлогомъ спѣшнаго дѣла Тургеневъ скоро уѣхалъ, оставивъ меня въ такой своеобразной средѣ.

— А что Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ Булгаковъ, подкатываясь въ креслѣ къ раскрытому роялю,—сыграемъ въ четыре руки, да посмотри прежде въ шкапчикѣ, есть ли угощеніе?

Иванъ Ивановичъ раскрылъ узкій дубовый шкапчикъ и

съ видимымъ удовольствіемъ приподнялъ одинъ за другимъ за нераспечатанное горлышко два полштофа драгоцѣнной влаги.

Успокоившись на этотъ счетъ, онъ въ свою очередь сѣлъ на стулъ играть баса на рояли. Заиграли музыку Глинки, играли довольно продолжительно и можно сказать вдохновенно. Наконецъ нервный Булгаковъ расплакался и кончилъ восклицаніемъ: „да я, что я? я навозъ, а Глинка божество! Затѣмъ поворачивая свое кресло, онъ воскликнулъ: „завтра вечеромъ у насъ балъ, пріѣзжайте, будетъ и освѣщеніе, и приличное угощеніе“.

Я поблагодарилъ за любезное приглашеніе, но признаюсь, побоялся имъ воспользоваться. Это была единственная моя встрѣча со знаменитымъ Конст. Булгаковымъ.

Можно было предполагать, что неуклонный посѣтитель лекцій и неутомимый труженикъ Ап. Григорьевъ будетъ безукоризненнымъ чиновникомъ. Но на дѣлѣ вышло далеко не то: списки, отчеты съ своею сухою формалистикой, требующей тѣмъ не менѣе настойчиваго вниманія, не возбуждали въ немъ никакой симпатіи, и совѣтъ университета въ скорости пришелъ къ убѣжденію въ совершенной неспособности Григорьева исполнять должность секретаря правленія. Какъ нарочно упразднилось мѣсто университетскаго библіотекаря, на которое Крыловъ успѣлъ помѣстить Ап. Григорьева. Надо сказать, что пробужденіе стариковъ посредствомъ музыки Аполлона продолжалось со стороны кандидата, секретаря правленія и библіотекаря точно также, какъ оно производилось студентомъ перваго курса. Хотя Аполлонъ наверху со мною жестоко иронизировалъ надъ догматизмомъ патеровъ, какъ онъ выражался, тѣмъ не менѣе по субботамъ сходилъ внизъ по приглашенію: „Ап. Ал., пожалуйте къ маменькѣ головку чесать“,—и подставлялъ свою голову подъ ея гребень. Соотвѣтственно всему этому Аполлонъ въ первое время поступленія на службу считалъ своею гордостью отдавать все жалованье родителямъ безъ остатка. И можно было только удивляться наивности стариковъ, не догадывавшихся, что молодой чиновникъ могъ нуждаться въ карманныхъ деньгахъ. Слѣдствіемъ такого недоразумѣнія было тайное сотрудниче-

ство Григорьева въ журналахъ и уроки въ богатыхъ домахъ. Къ этому Григорьевъ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ поступленіи въ масонскую ложу и возможности получить съ этой стороны денежныя субсидіи. Помню, какъ однажды посѣтившій насъ Ратынскій съ раздраженіемъ воскликнулъ: „Григорьевъ! подавайте мнѣ руку, хватая меня за кисть руки сколько хотите, но я ни за что не повѣрю, чтобы вы были масономъ“.

Насколько было правды въ этомъ масонствѣ, судить не берусь, знаю только, что въ этотъ періодъ времени Григорьевъ отъ самаго отчаяннаго атеизма однимъ скачкомъ переходилъ въ крайній аскетизмъ, и молился предъ образомъ, налѣпляя и зажигая на всѣхъ пальцахъ по восковой свѣчкѣ. Я зналъ, что между знакомыми онъ раздавалъ университетскія книги, какъ свои собственныя, и я далеко даже не зналъ всѣхъ его знакомыхъ. Однажды, къ крайнему моему изумленію, онъ объявилъ мнѣ, что получилъ изъ масонской ложи временное вспомоществованіе и завтра же уѣзжаетъ въ три часа дня въ дилижансѣ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего проситъ меня проводить его до Шевалдышевской гостинницы, откуда уходитъ дилижансъ, и затѣмъ вернувшись съ возможною мягкостью объявить старикамъ о случившемся. Онъ ссылался на нестерпимость семейнаго догматизма и умолялъ во имя дружбы исполнить его просьбу. Прожить уроками и литературнымъ трудомъ казалось ему самой легкой задачей.

Сборы его были несложны, ограничиваясь едва ли не бѣльемъ и платьемъ, бывшимъ на немъ въ данную минуту, такъ какъ остальное было на рукахъ Татьяны Андреевны, у которой нельзя было выпросить вещей въ большомъ количествѣ, не возбудивъ подозрѣнія. Въ минуту отъѣзда дилижанса мы пожали другъ другу руки, и Аполлонъ вошелъ въ экипажъ. Когда дилижансъ тронулся, я почувствовалъ себя какъ бы въ опустѣломъ городѣ. Это чувство сиротливой пустоты я донесъ съ собою на Григорьевскія антресоли. Не буду описывать взрыва негодованія со стороны Александра Ивановича и жалобнаго плача Татьяны Андреевны послѣ моего объявленія объ отъѣздѣ сына. Только успокоившись нѣсколько, на другой день они рѣшились послать вслѣдъ за сы-

номъ слугу Ивана-Гегеля съ платьемъ, туалетными вещами и нѣсколькими сотнями рублей денегъ. При отъѣздѣ Аполлонъ сказалъ мнѣ, у кого можно было искать его въ Петербургѣ. Оказалось, что Аполлонъ по добродушной безшабашности роздалъ множество книгъ изъ университетской библіотеки, которыя мнѣ пришлось не безъ хлопотъ возвращать на старое мѣсто.

Я продолжалъ еще съ осени (какъ уже говорилъ выше) брать частные уроки греческой словесности у Гофмана; но въ сущности безъ всякой для себя пользы по случаю моей грамматической неподготовленности. Какъ человѣкъ, Гофманъ во время уроковъ былъ со мною чрезвычайно милъ и потчивалъ дорогими сигарами, отъ которыхъ я отказывался. Такъ дѣло шло до самаго греческаго экзамена, который являлся рѣшающимъ мой переходъ на четвертый курсъ, такъ какъ былъ послѣднимъ изъ всѣхъ благополучно сошедшихъ предметовъ испытаній. Конечно я до послѣдней крайности цѣлыя ночи проводилъ, готовя и повторяя пройденное. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, придя на экзаменъ, я узналъ, что Гофманъ на него не пришелъ и экзаменуетъ лекторъ Меньшиковъ. Когда я въ ожиданіи вызова просматривалъ греческую книгу, круглолицый и рябоватый субъ-инспекторъ Пантовъ, проходя мимо скамеекъ, нагнулся ко мнѣ и сказалъ шепотомъ: „выбрѣйте вашу бороду“. Въ послѣднее время среди волненій я не подумалъ о туалетѣ и ничего не отвѣтилъ субъ-инспектору. Минуты черезъ двѣ Пантовъ снова повторилъ свое приглашеніе, но на этотъ разъ я, быть можетъ съ раздраженіемъ, вполголоса отвѣтилъ: „ради Бога оставьте меня“. Смотрю, Пантовъ прошелъ къ экзаменному столу и, склонившись къ уху инспектора, что-то ему прошепталъ. Добрѣйшій Платонъ Степановичъ поднялъ руку и, глядя мнѣ въ лицо, издали призывно закивалъ указательнымъ перстомъ.

— Вы являетесь въ университетъ небритымъ, сказалъ инспекторъ, да еще грубите субъ-инспекторамъ, ступайте сейчасъ наверхъ къ казеннымъ студентамъ и прикажите цирюльнику васъ обрить, а по окончаніи экзамена я васъ посажу въ карцеръ.

Экзаменъ сверхъ ожиданія сошелъ благополучно: Меньшиковъ поставилъ мнѣ четверку, а черезъ полчаса я былъ уже въ пріемной инспектора. Въ своихъ выговорахъ Платонъ Степановичъ впадалъ въ лирическій безпорядокъ, и будучи гонителемъ стиховъ, иногда говорилъ стихами, вродѣ: „штаны (не форменные сѣрые) усы, волоса! за эти чудеса, приходите ко мнѣ въ два часа“.

— Вотъ вы, воскликнулъ онъ, переходите на четвертый курсъ, а у меня жена, дѣти, графъ,—вотъ и въ карцеръ.

Спасеніе заключалось въ словахъ: „Платонъ Степановичъ, вѣдь вы нашъ отецъ“.

— Да вы то меня не жалѣете, ужь такъ и быть, на этотъ разъ ступайте, но впредь не попадайтесь.

Оказалось, что пришедшій въ совѣтъ для провѣрки балловъ Гофманъ нашелъ четверку, поставленную мнѣ Меньшиковымъ, преувеличенною и захотѣлъ переправить ее на тройку; но деканъ нашъ, профессоръ эстетики Ив. Ив. Давыдовъ не позволилъ этого, сказавши: „вы сами не экзаменуете, а приходите уменьшать баллъ, поставленный другимъ. Я, какъ деканъ, имѣю право прибавить студенту единицу“.

Велика была радость, по случаю перехода на 4-й курсъ, всѣхъ домашнихъ и дяди, начинавшаго тяготиться моимъ долгимъ пребываніемъ въ университетѣ. Но къ моей радости примѣшивалось мучительное сознаніе, что черезъ годъ всетаки не избѣжать карающей руки Гофмана при окончаніи университетскаго курса.

Не буду останавливаться на обычномъ пребываніи въ деревнѣ во время каникулъ. Все шло по старому, за исключеніемъ усилившихся болѣзненныхъ припадковъ бѣдной матери, которая вынуждена была переѣхать въ Орелъ, чтобы находиться подъ ежедневнымъ надзоромъ своего доктора Вас. Ив. Лоренца. Въ тѣ времена еще не было въ Орлѣ порядочныхъ гостинницъ, и мать занимала два номера на постояломъ дворѣ Кабанкова. Всходить въ бель-этажъ, гдѣ помѣщались эти номера, надо было со двора по высокой, деревянной лѣстницѣ черезъ открытую галлерею. Здѣсь то ежедневнымъ посѣтителемъ матери былъ проживавшій въ Орлѣ, въ своемъ домѣ, ея своякъ, а нашъ дядя, добрѣйшій Иванъ Неофитовичъ.

Выше мнѣ пришлось уже говорить объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ, который подъ рукою романиста-психолога могъ бы явиться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ. Что касается до меня, то я могу разсказать о немъ только внѣшнюю правду, отказываясь разгадать внутреннюю. Усердно преданный до старости, несмотря на зеленый зонтикъ на глазахъ, чтенію *Journal des Débats*, онъ никакъ не могъ быть названъ ни необразованнымъ, ни невѣжественнымъ человѣкомъ. Добрякъ по природѣ, онъ никогда не возводилъ чувства доброты въ нравственное ученіе, но осуществлялъ его по мѣрѣ возможности рядомъ съ примѣрнымъ чувствомъ бережливости. Все это дѣлалось само собою инстинктивно. Такъ, напримѣръ, онъ никогда не наказывалъ тѣлесно провинившихся и даже не бранилъ ихъ обычными ругательствами, но изобрѣталъ собственныя.

— Ты что̀ это выдумалъ? говорилъ онъ виноватому;—ты знаешь ли, я тебя сквозь стѣнку прогоню, и ты выйдешь свинья. Или: да я тебя ногами съ галкой свяжу и черезъ заборъ перекину, и ты будешь висѣть.

Ежели въ день пріѣзда нашего отца или матери, поваръ, зная требовательность послѣднихъ, подавалъ тщательно приготовленныя котлеты, то это со стороны Ивана Неофитовича ему не проходило даромъ.

— Что̀ это ты какія котлеты подаешь? Ты меня разорить хочешь? говорилъ онъ повару.

Зато отецъ нашъ, пившій за обѣдомъ по рюмкѣ бѣлаго вина, безцеремонно пріѣзжалъ со своею бутылкой, такъ какъ зналъ, что Иванъ Неофитовичъ сливалъ въ бутылку всѣ разнородные остатки и пилъ эту смѣсь. Независимо отъ семейнаго обѣда, онъ любилъ крошить хлѣбъ въ квасъ и дѣлать себѣ тюрю, говоря: „это прекрасное народное кушанье“.

Въ Доброводскомъ прудѣ было много карасей, и Иванъ Неофитовичъ предпочиталъ рыбную пищу мясной. Однажды я засталъ его прихворнувшаго въ кабинетѣ надъ ухой, изъ которой онъ пальцами доставалъ карасей и, избавляясь отъ рыбныхъ костей, обтиралъ пальцы объ остатки волосъ, которые оказывались покрытыми иглами.

Въ жилеткѣ Ивана Неофитовича всегда были мѣдныя ко-

пѣечки, и когда въ гостяхъ на зовъ: „малый, квасу!“ человѣкъ подавалъ ему на подносѣ стаканъ, онъ, выпивши его, клалъ на поднос копѣечку со словами: „это тебѣ на орѣхи“. Разъѣзжая въ троечныхъ дрожкахъ, онъ не дозволялъ кучеру озираться, ибо зная, что тотчасъ же заснетъ, говорилъ: „какъ увидитъ онъ, что я сплю, онъ меня будетъ шагомъ везти“.

По уваженію къ чужой собственности, онъ, замѣчая, что кучеръ направлялся съ корявой колчеватой дороги на накатанную по зеленямъ стежку, всегда приказывалъ сворачивать на колчеватую дорогу, говоря: „ты хочешь, чтобы люди тебѣ протирали дорогу, а ты долженъ ее протирать людямъ“.

Проводя лѣто въ своемъ родномъ имѣніи „Доброй Водѣ“, онъ нерѣдко посылалъ за 25 верстъ въ Орелъ за письмами, журналами и покупками, но постоянно верхомъ; при этомъ не забывалъ посылать двумъ крестницамъ-старушкамъ Аннѣ Ивановнѣ и Марьѣ Ивановнѣ гостинцевъ, вродѣ свекольника для щей, хотя бы и въ такую пору, когда застарѣвшій онъ не соблазняетъ даже и коровъ. „Тамъ у нихъ и лошади дашь овса, а чтобы самому поѣсть, возьми съ собою крупы, хлѣба, да вѣдь въ городѣ дрова дороги, такъ возьми и полѣно дровъ“. Сосѣди, увидавъ верховаго съ полѣномъ подъ мышкой, говаривали: „опять Шеншинскій съ дрекольемъ поѣхалъ“.

Надо отдать справедливость добряку, что онъ очень любилъ нашу мать и пообѣдавши дома, приходилъ въ номеръ, гдѣ она лежала за ширмами. Тутъ онъ садился за столикъ, на которомъ ему ежедневно приготовлялась тетрадка въ шесть листовъ бумаги, два-три пера и чернильница. Тетрадку онъ довольно искусно раздиралъ пополамъ, затѣмъ на четыре и окончательно на восемь частей, а потомъ начиналось писаніе приказовъ старостѣ, но на другой день приказы никогда не шли по назначенію, а кидались въ печку, чтобы появиться на слѣдующій день въ обновленномъ видѣ. Письменный трудъ задерживалъ его нерѣдко до полуночи, а затѣмъ откинувшись на вольтеровскомъ креслѣ, онъ засыпалъ; тогда больная звала дѣвушку и говорила: „подыми ноги братцу и положи ихъ на стулъ“.

После такого успокоенія болѣзненныхъ ногъ, братецъ сидя продолжалъ храпѣть до утра.

XXVII

Четвертый курсъ.—Полуденскіе.—Экзаменъ у Грановскаго.—Свиданіе съ Гофманомъ.—Окончаніе курса.

О новомъ академическомъ годѣ четвертаго курса распространяться не буду, во избѣжаніе повтореній. Пословица говоритъ: „чужая душа потьмы“, но неменьшія потьмы представляетъ и собственная, которая врожденными склонностями служитъ оправданіемъ пословицы: „каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку“. На это невольное размышленіе наводитъ меня воспоминаніе о тогдашнемъ сознаніи роковой необходимости сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы перешагнуть черезъ окончательный греческій экзаменъ. Казалось бы, не нужно было никакихъ измышленій, а стоило основательно изучить греческую грамматику. Но отчего же это тогда было для меня совершенно неподсильно? Отчего я теперь въ семьдесятъ лѣтъ съ наслажденіемъ изучаю фразу латинскаго поэта и не стѣсняюсь отыскиваніемъ незнакомаго слова, тогда какъ тотъ же самый трудъ въ то время былъ мнѣ совершенно неподсиленъ? Между тѣмъ тогда всѣ жизненные интересы требовали отъ меня подобнаго труда, а въ настоящее время, при отсутствіи всякихъ стороннихъ побужденій, я нахожу отраду въ самомъ трудѣ? Почему графъ Л. Толстой, совершенно незнакомый въ университетѣ съ греческимъ языкомъ, въ теченіи одного года при усидчивомъ трудѣ выучился читать въ подлинникѣ Гомера? Что можетъ быть несноснѣе и даже обиднѣе для самолюбія постояннаго сидѣнія на лекціяхъ, съ которыми справиться не въ состояніи? По моему, это хуже состоянія Прометея, прикованнаго къ скалѣ и терзаемаго коршуномъ скуки.

Съ самаго возвращенія въ Москву я далъ себѣ слово съ Аристофановыми „Облаками“ въ рукахъ не пропускать ни одной лекціи Гофмана, а тамъ будь что будетъ, и сдержалъ слово.

Не помню, по какому случаю я вошелъ въ домъ молодыхъ Полуденскихъ. Недавно кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, Полуденскій былъ женатъ на прелестной блондинкѣ. На скромныхъ домашнихъ вечерахъ ихъ царствовала самая изящная простота. Почти каждый разъ я заставалъ въ гостиной неистощимаго Ал. И. Герцена, смѣшившаго всѣхъ неожиданными остротами. Полуденскій самъ слѣдилъ за европейскою литературой, а жена его и молодая свояченица были страстными поклонницами поэзіи. Наши небольшія чтенія заканчивались прекрасно поданнымъ ужиномъ, а къ полуночи всѣ расходились по домамъ. Тихимъ, прекраснымъ людямъ недолго суждено было оставаться на землѣ: сначала чахотка унесла горячо любимую жену Полуденскаго, а немного лѣтъ спустя и его самого.

Несмотря на мои усердныя посѣщенія лекцій Гофмана, я, по мѣрѣ приближенія экзаменовъ, все сильнѣе чувствовалъ надвигающуюся роковую тучу. Только изрѣдка среди мрачнаго отчаянія возникало восклицаніе: если кончу курсъ, сойду съ крыльца университета, найму двухъ извощиковъ и поѣду домой, растянувшись на двѣ пролетки. Всю Страстную, Святую и Ѳоминую недѣли я только сходилъ внизъ къ обѣду и затѣмъ, проспавъ часа два, садился за работу и на ночь заказывалъ себѣ кастрюлю крѣпкаго кофею.

У Гофмана мы читали *Облака* Аристофана, которыя обязаны были переводить и объяснять по-латыни. Поэтому мнѣ предстояла египетская работа глазами ознакомиться со всѣми стихами комедіи, прилаживая къ нимъ латинскій переводъ и по возможности грамматически объясняя каждое слово. Излишне говорить о трудностяхъ такой мозаической работы. Погруженный въ нее въ безсонныя ночи, я буквально думалъ, что наши стѣнные часы испортились, такъ какъ почти безъ промежутка били одинъ часъ за другимъ.

Между тѣмъ, время экзаменовъ наступило, и всѣ они сошли для меня благополучно.

Это всего болѣе можно сказать про экзаменъ изъ средней исторіи у Т. Н. Грановскаго.

Не одаренный историческою памятью, я никогда не любилъ исторію, въ которой, по неправильному отношенію первоначальнаго моего преподаванія эпохи, событія и дѣйствующія лица представляли для меня мѣшокъ живыхъ раковъ, которые и по тщательному подбору и ранжиру ихъ немедля приходили въ прежнее хаотическое состояніе, какъ только я отнималъ отъ нихъ усталую руку.

Какъ ни противно было мнѣ изучать объемистыя записки о реформаціи, но пришлось читать ихъ. Опоздавъ съ этимъ занятіемъ среди другихъ пріуготовленій, я прочелъ тетрадь только до половины и отправился на экзаменъ въ надеждѣ на счастливую звѣзду, которая, быть можетъ, пошлетъ мнѣ билетъ изъ знакомой части лекцій.

Взошелъ я на самый верхній этажъ университета въ опустѣвшую аудиторію, въ которой на правой сторонѣ за столомъ передъ окнами во дворъ сидѣлъ Грановскій, а по лѣвую за такимъ же столомъ какой-то математическій профессоръ, чтò я сознавалъ какъ то непосредственно, такъ какъ въ данную минуту мнѣ было не до наблюденій.

Помню, что передъ профессоромъ налѣво, на скамьяхъ, мелькало нѣсколько студентовъ, тогда какъ передъ Грановскимъ было только двое, изъ которыхъ одинъ видимо кончалъ отвѣтъ, а другой вставалъ, чтобы отвѣтить. Я по алфавиту былъ послѣднимъ и, поставивъ портфель на лавку, не безъ волненія ждалъ рѣшенія участи.

— Господинъ Фетъ! наконецъ произнесъ Грановскій тихимъ и нѣсколько шепелявымъ, но яснымъ голосомъ.

Я всталъ и, подходя къ столу, усердно поклонился ему какъ профессору и какъ человѣку, котораго встрѣчалъ внѣ стѣнъ университета.

— Неугодно ли вамъ взять билетъ.

Протягиваю руку и читаю: „Крестьянская война“ (Der Bauernkrieg).

Слава Богу, подумалъ я, вопросъ знакомый, но, къ сожалѣнію, только наполовину. Мое чтеніе лекцій какъ разъ окончилось на томъ мѣстѣ, гдѣ крестьянская война переходитъ

въ Швейцарію, и тамъ уже мои свѣдѣнія равняются нулю. Какъ же выдти изъ бѣды? подумалъ я. Попробую извѣстные мнѣ факты убирать цвѣтами краснорѣчія и утомить профессора, такъ чтобы онъ на половинѣ вопроса сказалъ: довольно. Но вотъ краснорѣчіе мое на исходѣ, а между тѣмъ я вижу въ окно мчащійся фаэтонъ Дм. Павл. Голохвастова и его цилиндръ, подъѣзжающій къ университетскому подъѣзду. Я зналъ, что исторія была любимымъ предметомъ Голохвастова, и что онъ не пропускалъ случая задавать студентамъ историческіе вопросы помимо формальныхъ отвѣтовъ по билету.

Этого не доставало, подумалъ я: теперь или никогда нужна предпріимчивость. Лучше погибнуть домашнимъ образомъ, чѣмъ подвергнуться торжественному сраму. А вѣдь Дмитрій Павловичъ еще проворенъ, соображалъ я, и въ настоящее время уже бѣжитъ по лѣстницѣ къ намъ въ аудиторію.

При этой мысли я положилъ билетъ на столъ и почтительно поклонился Грановскому.

— Позвольте, г. Фетъ, тихо сказалъ онъ, взглянувъ на меня. Я отступилъ на два шага отъ стола и снова поклонился.

— Позвольте еще... повторилъ также тихо Грановскій.

Но я, отойдя уже до скамеекъ, еще разъ сдѣлалъ поклонъ.

Когда послѣ третьяго „позвольте“ я поклонился ему съ портфелемъ въ рукахъ, онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ прибавилъ: „ну все равно“.

Стремительно подбѣгая къ двери, я лицомъ къ лицу встрѣтился со входящимъ Голохвастовымъ.

Грановскій поставилъ мнѣ четыре.

На предпослѣднемъ латинскомъ испытаніи мнѣ пришлось сдавать экзаменъ изъ Горація не Крюкову, а за болѣзнію послѣдняго Гофману, и онъ, помнится, поставилъ мнѣ четверку. Дня черезъ три предстоялъ роковой греческій экзаменъ, и я почувствовалъ такое душевное томленіе, что рѣшился во что̀ бы ни стало разрубить немедля Гордіевъ узелъ. Погода стояла не только ясная, но жаркая, и я, нанявъ извощика, въ одномъ форменномъ сюртукѣ поѣхалъ на Тверскую въ хорошо знакомую мнѣ квартиру Гофмана. Квартира оказалась запертой, и только послѣ долгихъ разспросовъ я до-

бился адреса Гофмана, переѣхавшаго на дачу въ Петровскій паркъ. Конечно, я тотчасъ же нанялъ извощика въ паркъ. Но пріѣхавъ туда уже передъ захожденіемъ солнца, я и тамъ не засталъ Гофмана на квартирѣ. Слуга профессора объяснилъ, какъ отыскать квартиру барыни, сыновьямъ которой Гофманъ давалъ уроки. Солнце садилось, умаляя постепенно надежду найти обратнаго извощика, и я рѣшился попытать счастія вызвать Гофмана на минутку для объясненій. Я прошелся раза два подъ балкономъ указаннаго дома, и мнѣ показалось, что въ растворенную дверь я слышу голосъ и даже смѣхъ Гофмана. Проходя въ другой или въ третій разъ мимо калитки, я обратился къ стоящему передъ ней ливрейному лакею съ вопросомъ: тутъ ли профессоръ Гофманъ? На утвердительный отвѣтъ я просилъ доложить ему, что студентъ Фетъ желаетъ видѣть его на минутку. Минуты черезъ двѣ слуга вернулся со словами: „профессоръ проситъ васъ обождать у него на квартирѣ, куда онъ не замедлитъ придти“. Вернувшись на квартиру Гофмана, я въ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по окончательно потемнѣвшей комнатѣ. Наконецъ Гофманъ вернулся и, замѣтивъ меня, крикнулъ слугѣ: „что̀ жь ты не зажжешь лампу?“

— Какъ я радъ видѣть васъ! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Самоваръ готовъ? спросилъ онъ слугу.

— Готовъ.

— Давай. Становится свѣжо, обратился онъ ко мнѣ,—и мы съ вами выпьемъ чаю.

На столѣ, за которымъ мы усѣлись, появился огромный самоваръ съ чайнымъ приборомъ, двумя стаканами и большою непочатою бутылкой коньяку. Я еще изъ публичныхъ маскарадовъ зналъ, что Гофманъ не дуракъ выпить, и самъ инстинктивно обрадовался возможности подъ вліяніемъ коньяку набраться большей смѣлости для предстоящаго объясненія. Полагаю, что мы, усердно подливая въ стаканы вдохновительной влаги, просидѣли два или три часа, судя потому, что опорожнили по-братски вмѣстительную бутылку. Голова моя горѣла, но страхъ не дозволялъ мнѣ охмѣлѣть. Хмѣлю хватило только для храбрости высказаться. Уже давно я порывался встать и отправиться домой. но каждый разъ Гоф-

манъ удерживалъ меня словами: „куда вамъ спѣшить?“ Наконецъ на повторенный вопросъ я разсказалъ, какъ мучаюсь, готовясь къ экзамену, прибавляя нѣмецкое выраженіе: „надо окончательно приложить руку“—„letzte Hand anlegen“. Гофманъ расхохотался и сказалъ: „это для многихъ значитъ: въ послѣдній разъ въ жизни взять въ руки греческую книжку“.

— Признаюсь, отвѣчалъ я, при мысли объ экзаменѣ мнѣ не до смѣху.

— Напрасно вы такъ тревожитесь, отвѣчалъ Гофманъ: вы такъ усердно весь годъ посѣщали лекціи, что я ни въ какомъ случаѣ вамъ менѣе тройки не поставлю.

Я весьма сдержанно принялъ слова Гофмана, хотя въ сущности готовъ былъ задушить его въ объятіяхъ.

Крѣпко пожавши ему руку, я, поблагодаривъ за чай, вышелъ на улицу.

Пылая счастьемъ и коньякомъ, я съ наслажденіемъ почувствовалъ охватившій меня холодъ весенняго утра. Напрасно вслушивался я въ окружающее меня молчаніе, желая уловить стукъ пролетки. Не было слышно никакой жизни, за исключеніемъ собачьихъ басовъ съ лѣвой стороны еще обнаженной липовой аллеи, на которую я взошелъ изъ чувства самосохраненія. Вѣроятно шумъ моихъ торопливыхъ шаговъ раздражалъ собакъ, которыхъ густой лай не переставалъ провожать меня. Хорошо, думалось мнѣ, если собаки лаютъ на запертыхъ дворахъ, но онѣ бываютъ нерѣдко спущены на улицу, и тогда чѣмъ могу я отъ нихъ защититься съ голыми руками? Кромѣ собакъ, я легко могъ до Тріумфальныхъ воротъ подвергнуться нападенію мошенниковъ. Продолжая удваивать шаги, я услыхалъ за собою сначала легкій конскій топотъ, а затѣмъ стукъ колесъ. Такъ какъ время близилось къ разсвѣту, то я могъ хотя не съ полной ясностью различать предметы, и вскорѣ убѣдился, что догонявшая меня лошадь везла небольшой возъ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, спѣшившимъ очевидно на базаръ. Судя о его положеніи по собственному безпокойству, я даже не рѣшился сбѣжать съ дорожки аллеи на шоссе и попросить проѣзжаго за извѣстную плату прихватить меня до перваго извозчика. Дѣй-

ствительно ли мой неожиданный спутникъ торопился къ заставѣ, или впалъ въ сомнѣніе насчетъ моей личности, старавшейся равняться съ его повозкой. Вступая такимъ образомъ въ безмолвное состязаніе съ проѣзжимъ, я изъ самосохраненія рѣшился ни за что отъ него не отставать. Словно наперекоръ мнѣ, желая отъ меня уѣхать, проѣзжій на значительное разстояніе пускалъ свою лошадку рысью. Понимая, что въ случаѣ нападенія я могъ броситься подъ защиту живаго человѣка, я не рѣшался отстать отъ своего спутника и каждый разъ, когда онъ трогалъ рысью, пускался бѣжать по аллеѣ. Какъ благодарилъ я судьбу, что на мнѣ не было шинели, въ которой бы я никоимъ образомъ не могъ играть роли скорохода. Слава Богу, что проѣзжій по временамъ переходилъ съ рыси на шагъ, иначе я кажется упалъ бы, не добѣжавъ до Тріумфальныхъ воротъ, въ которыя мы вступили единовременно. Зато я могъ бы съ полной правдивостью повторить, прилагая къ себѣ стихъ Горація:

„Увы, въ какомъ поту и мужи, и кони“.

Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось до самой глазной больницы идти въ ожиданіи извозчика. Здѣсь я сѣлъ на дрожки и, постепенно остывая, добрался до Малой Полянки, стуча зубами отъ холода.

Въ день экзамена Гофманъ сдержалъ слово и поставилъ тройку, которая только и нужна была мнѣ для окончанія курса. Когда по окончаніи экзамена я вышелъ на площадку лѣстницы стараго университета, мнѣ и въ голову не пришло торжествовать какой-нибудь выходкой радостную минуту. Странное дѣло! я остановился спиною къ дверямъ корридора и почувствовалъ, что связь моя съ обычнымъ прошлымъ расторгнута, и что, сходя по ступенямъ крыльца, я отъ извѣстнаго иду къ неизвѣстному.

Отправился я благодарить добрѣйшаго Ст. П. Шевырева за его постоянное и дорогое во мнѣ участіе. Онъ оставилъ меня обѣдать и даже, потребовавъ у жены полбутылки шампанскаго, пилъ мое здоровье и поздравлялъ со вступленіемъ въ новую жизнь.

Былъ я и у Крюкова, который принялъ меня въ постели и никакъ не могъ понять моего намѣренія поступить на кавалерійскую службу.

XXVIII

Пріѣздъ въ Новоселки.—Письмо дяди.—Помолвка Лины.—Поѣздка въ Дармштадтъ.—Штетинъ.—Изъ Лейпцига въ дилижансѣ.—Семья дяди Эрнста.—Семья Нибергаль.—Мои подарки.—Обезьяна Жако.—Моя жизнь у дяди.

Въ скорости, простившись со стариками Григорьевыми, я отправился въ Новоселки, гдѣ засталъ мать окончательно поселившеюся въ такъ называемомъ новомъ флигелѣ, гдѣ она лежала въ постели, съ окнами, закрытыми ставнями, и кромѣ двухъ смѣнявшихся горничныхъ, никого къ себѣ не допускала, развѣ на самое короткое время въ случаѣ неизбѣжныхъ объясненій.

Въ Новоселкахъ ожидали меня двѣ новости: вопервыхъ, письмо дяди Петра Неофит., ворчавшаго на мое замедленіе въ университетѣ, гдѣ, по его словамъ, я добивался какой то премудрости. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ меня, что въ настоящее время пользуется кавказскими минеральными водами и чувствуетъ силы свои въ такой степени возстановленными, что на дняхъ скакалъ въ перегонку съ линейными казаками. При этомъ онъ звалъ меня поскорѣе въ Пятигорскъ для поступленія въ военную службу, чтобы при производствѣ занять мѣсто адъютанта при знакомомъ ему генералѣ.

Другою новостью было извѣстіе о письмѣ Ал. Павл. Матвѣева изъ Дармштадта, въ которомъ онъ испрашивалъ родительскаго соизволенія на бракъ съ Линой, давшей ему слово.

Съ своей стороны и Лина писала въ томъ же смыслѣ. Пока продолжались мои экзамены, Матвѣевъ писалъ уже изъ Кіева, что, будучи назначенъ профессоромъ и директоромъ клиникъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ возможности ѣхать снова заграницу за невѣстой. Въ виду этого послѣд-

няго письма отецъ сказалъ, что по обстоятельствамъ за Линой некому болѣе ѣхать, кромѣ меня. „Да кстати, прибавилъ онъ, по довѣренности матери онъ можетъ окончательно разсчесться съ адвокатомъ по наслѣдству матери, заключавшемуся въ каменномъ домѣ на главной площади, въ которомъ помѣщалась гостинница Траубе“. Вырученная отъ продажи дома сумма должна была дѣлиться между тремя братьями Беккеръ или же ихъ представителями въ нисходящей линіи.

Откладывать поѣздку было неудобно и по отношенію къ Матвѣеву, и ко мнѣ, безъ того потерявшему много лѣтъ въ университетѣ. Поэтому, получивши отъ отца небольшую сумму денегъ, я тѣмъ же путемъ вернулся въ Москву къ старикамъ Григорьевымъ и, доѣхавъ въ дилижансѣ до Петербурга, немедля взялъ мѣсто на отходившемъ въ Штетинъ пароходѣ „Николай“. Зная, что платье несравненно дешевле заграницей, я сѣлъ на корабль въ студенческомъ сюртукѣ.

Пока забота не отстать отъ другихъ и по какому либо упущенію не лишиться сравнительно дорогаго мѣста перваго класса не давала мнѣ сосредоточиться, — я, можно сказать, механически совершалъ переѣздъ отъ Англійской набережной до Кронштадта. Но совершенно успокоившись послѣ окончательнаго перехода въ Кронштадтѣ съ рѣчнаго на громадный морской пароходъ, я неотразимо подпалъ подъ вліяніе кругосвѣтной стихіи, обнимающей двѣ трети земнаго шара. Не смотря на сравнительную тишь, всплески на бокахъ громаднаго корабля напоминали мнѣ, что отъ могучей безпощадной бездны меня отдѣляетъ нѣсколько досокъ; что громадная постройка, въ которой я теряюсь какъ въ какомъ либо городѣ или крѣпости, по сравненію съ окружающей насъ стихіей, не имѣетъ права быть названной даже соринкою. На третій день мы прибыли въ Швинемюнде, откуда на рѣчномъ пароходѣ направились вверхъ по Одеру и его широкимъ гафамъ. Первое впечатлѣніе чужой страны было поразительное. Эти тщательно содержанные дома, садики и кіоски напоминали что то театральное. Высокіе берега виднѣлись направо и налѣво только вдали, а мы по Одеру очевидно прорѣзали его старинное русло, нынѣ представляющее великолѣпные заливные луга. Глубокій Одеръ мѣстами на

незначительномъ протяженіи такъ узокъ, что пароходъ едва обоими бортами не касался противоположныхъ береговъ. Небольшія лодки, служащія на всемъ протяженіи рѣки единственнымъ средствомъ сообщенія жителей, принуждены были плотно прижиматься къ берегу, чтобы не попасть подъ колеса парохода, и чуть не выбрасывались на берегъ внезапно возникающимъ волненіемъ. Непривычно было видѣть въ лодкѣ, нагруженной овощами, крестьянку подъ широкой шляпкой, гребущую въ два весла и долго бросаемую позади парохода его волненіемъ.

Но вотъ мы прошли уже широкіе разливы озера, называемые гафами, и прибыли до конца воднаго пути — Штетина. Пока мы въ гостинницѣ ожидали желѣзнодорожнаго поѣзда въ Берлинъ, жидки подкараулили мой выходъ изъ отеля и увели въ свои лавки, завѣряя, что въ Берлинѣ я не найду такого изящнаго готоваго платья, какъ у нихъ. Какъ ни мало вѣрилъ я этимъ нахальнымъ заявленіямъ, тѣмъ не менѣе вернулся въ гостинницу переодѣтый съ головы до ногъ въ штатское платье. Спѣша къ цѣли, я въ Берлинѣ ограничился обзоромъ музея и поѣхалъ до Лейпцига, удивляясь на каждомъ шагу возникшимъ, какъ мнѣ объясняли, въ послѣднее время, промышленнымъ городамъ вдоль желѣзной дороги. Переѣздъ до Лейпцига по невиданнымъ желѣзнымъ дорогамъ показался мнѣ чѣмъ то волшебнымъ. Но въ Лейпцигѣ наступило разочарованіе, такъ какъ пришлось лѣзть въ желтый рыдванъ дилижанса, который, набитый путешественниками, какъ бочка съ сельдями, тащился по шоссе на парѣ лошадей по семи верстъ въ часъ. Послѣ Николаевскаго шоссе, я былъ пораженъ дорогою, по которой дилижансъ одной стороной вынужденъ былъ забирать къ канавѣ, чтобы объѣхать извозчика съ кладью, или пропустить встрѣчный дилижансъ. Зато у нѣмцевъ вполнѣ олицетворялась поговорка: „въ тѣснотѣ да не въ обидѣ“. Изъятій изъ правилъ ни для кого. Помнится, что изъ Берлина на Лейпцигскомъ дебаркадерѣ отправлялся съ нами русскій дьячекъ въ Висбаденъ. Видя дверь на платформу открытою, нашъ соотечественникъ, вопреки надписи, вышелъ на нее изъ залы. Прусскій жандармъ объяснилъ ему, что безъ билета

сюда выходить не позволяется. Надо было видѣть рѣшительность движенія руки, которымъ дьячекъ, отмахиваясь, воскликнулъ по русски: „я не понимаю“. Не понимая въ свою очередь, жандармъ воскликнулъ по нѣмецки: „это вамъ нисколько не поможетъ, здѣсь нельзя ходить“. И такъ рѣшительно указалъ на дверь, что церковнослужитель мгновенно ретировался.

Въ Лейпцигскомъ дилижансѣ я чуть было не подвергся еще худшей участи. Справа и слѣва шоссе стояли громадныя деревья, усыпанныя черносливомъ, покрытымъ сизымъ пушкомъ спѣлости и шоссейной пыли. Въ душномъ дилижансѣ я сидѣлъ около опущеннаго окна, и каждый разъ, когда дилижансъ забиралъ къ канавѣ, я долженъ былъ заслонять лицо рукою, чтобѣ врывающаяся въ окно плодовая вѣтка не выколола мнѣ глаза. Нѣсколько разъ такимъ образомъ сливы проскользнули по моей рукѣ, и вдругъ я сомкнулъ пальцы и одна осталась у меня въ горсти. — Halt! раздался у самаго дилижанса голосъ очевидно полеваго сторожа, и дѣло не обошлось бы безъ штрафа, если бы почтальонъ не хлестнулъ бичемъ и не тронулъ рысью дилижанса. А вѣдь этимъ черносливомъ свиней кормятъ; но чужой человѣкъ его трогать не смѣй. Зато, куда въ Германіи ни оглянись,— какое благоустройство! Не токмо люди, даже животныя подчинены строгому порядку. Тогда какъ наши многоверстныя нивы не спасаются отъ скотскихъ и птичьихъ потравъ, въ Германіи на узкой полоскѣ сѣянной травы между хлѣбами мирно пасется огромное стадо гусей, за которымъ наблюдаетъ 12-ти лѣтняя дѣвочка, вяжущая чулокъ. При ней исполнительную власть представляетъ сидящая съ настороженными ушами крошечная шавочка. И не успѣетъ шея гуся повернуться къ недалекому овсу, какъ шавка со всѣхъ ногъ уже отрѣзала его отъ лакомства и лаемъ прогоняетъ на прежнее мѣсто.

Наконецъ то Франкфуртскій дилижансъ доставилъ меня до Дармштадта и до прекрасной гостинницы „Zur Traube“, оказавшейся частію моимъ собственнымъ домомъ. Понятно, мнѣ не сидѣлось въ гостинницѣ, и я тотчасъ же отправился по сосѣдству въ домъ дяди Эрнста Беккера. Начиная съ дяди и тетки Бетти, все довольно многочисленное семейство при-

няло меня съ величайшимъ радушіемъ. Дядю я засталъ въ домашней комнатѣ на креслѣ, съ головою и плечами, покрытыми бѣлой турецкой шалью.

— Ты застаешь меня, сказалъ онъ, мизерабельнымъ, у меня былъ небольшой ударъ, и хотя я владѣю всѣми членами, но чувствую постоянный ознобъ и главное въ головѣ.

Онъ дѣйствительно очень измѣнился съ послѣдней нашей встрѣчи. Исхудалое лицо было совершенно блѣдно, и только темно-каріе глаза свидѣтельствовали о прежней подвижности и оживленіи.

Тетка, свѣжая 40-лѣтняя женщина, тотчасъ же отнеслась ко мнѣ, какъ къ домашнему человѣку, и, пока дядя распрашивалъ о Новосельскомъ семействѣ, занялась тутъ же на маленькомъ столикѣ купаньемъ приблизительно годоваго ребенка. Исполняла она это очень ловко, пуская изъ мягкой губки тепловатыя струи воды по розовому тѣльцу ребенка, который шлепалъ ручками и очевидно былъ очень доволенъ. Познакомившись съ хозяевами, я попросилъ позволенія сбѣгать (въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ въ городѣ извозчиковъ не существовало) къ сестрѣ Линѣ. Мнѣ назвали улицу и номеръ дома, объяснивъ, что она живетъ въ домѣ замужней двоюродной сестры Шарлоты Нибергаль. Выйдя на улицу, я немало былъ изумленъ, что нѣсколько миловидныхъ горничныхъ, которыхъ я находилъ стоящими у воротъ, на мои разспросы о дорогѣ, одинаково терпѣливо выслушивали меня до конца и затѣмъ, прыская со смѣху, убѣгали подъ ворота. Не помню кто, сжалившись надо мною въ без людныхъ улицахъ, указалъ рукою, куда идти. Но когда я снова пришелъ въ недоумѣніе, то оглядываясь, увидалъ въ раскрытую дверь полпивной нѣсколько блузниковъ вкругъ стола за пивомъ.

Ну, подумалъ я, тутъ получу самое точное свѣдѣніе,—и обратился вѣжливо съ вопросомъ, называя ихъ: „Meine Herrn“. Поднялись голоса съ самымъ рѣзкимъ мѣстнымъ акцентомъ. Но такъ какъ наставленія: „ступайте направо, потомъ налѣво“ — въ два три голоса пересѣкались и скрещивались, я при всемъ желаніи не могъ уразумѣть надлежащаго пути, и нѣсколько разъ обращался за дальнѣйшимъ разъяс-

неніемъ. „Aber der Mann ist ja Weltfremd hier“. (Но вѣдь человѣкъ то совершенно чужой здѣсь). Безъ сомнѣнія, будучи мѣстнымъ жителемъ, я бы не безпокоилъ ихъ моими разспросами.

При помощи языка, доводящаго до Кіева, я наконецъ достигнулъ очень хорошенькаго домика и, взойдя на мезонинъ, нашелъ уютную комнатку Лины, умѣвшей устроиться наилучшимъ образомъ. Любительница животныхъ, она не забыла окружить себя нѣсколькими колибри и попугаями, золотыми рыбками и даже лягушкой въ банкѣ, замѣняющей барометръ. Свиданіе наше было самое радостное, и сестра захотѣла тотчасъ же свести меня въ бельэтажъ и познакомить съ двоюродной сестрой Шарлотой и ея мужемъ, весьма образованнымъ и добродушнымъ чиновникомъ, не прочь, какъ я слышалъ, порою выпить лишнюю бутылку вина. Послѣдняя замашка, какъ я впослѣдствіи узналъ, была причиною недружелюбнаго отношенія дяди Эрнста къ этому человѣку. Что касается до меня, тоя могу только вспоминать объ излишней его ко мнѣ даже обременительной любезности. Домикъ ихъ балкономъ выходилъ въ небольшой палисадникъ.

— Ахъ, какъ здѣсь мило, невольно сказалъ я, оглядывая стѣны дома, у которыхъ по деревяннымъ шпалерамъ до крыши подымались роскошныя лозы, увѣшанныя виноградными кистями. Виноградъ только что началъ поспѣвать и среди множества совершенно зеленыхъ гроздій изрѣдка висѣли уже покраснѣвшія и потемнѣвшія. Желая угостить заѣзжаго родственника, Нибергаль тотчасъ же полѣзъ по шпалерамъ, ломая цѣлыя вѣтви, на которыхъ между двухъ трехъ гроздій оказывалась одна потемнѣвшая кисть. Сначала я сталъ упрекать ретиваго хозяина въ такомъ варварскомъ опустошеніи, а затѣмъ къ просьбѣ присоединились и Лина, и кузина Лота. Но ничего не помогало. Новѣйшій Ликургъ продолжалъ отламывать и сбрасывать цѣлыя вѣтви съ незрѣлыми кистями. Только когда я догадался уйти въ комнату, опустошеніе прекратилось.

Услыхавъ отъ Лины, что я перевожу Горація, небогатый Нибергаль навязалъ мнѣ въ подарокъ миніатюрнаго Горація съ примѣчаніями, лондонское изданіе Бонда 1606 года.

Отъ Лины я узналъ нѣкоторыя подробности о родственникахъ со стороны матери. У матери нашей оставалось въ Дармштадтѣ два родныхъ брата: знакомый уже намъ Эрнстъ и проживающій въ маленькомъ городкѣ Дибургѣ, верстахъ въ 20 отъ Дармштадта, форстратъ Карлъ. Старшая дочь его Шарлота замужемъ за Нибергалемъ и была въ настоящую минуту нашей хозяйкой. Любившій же, какъ оказалось, хорошо пожить, дядя Эрнстъ женился на молодой вдовѣ, которая принесла ему, кромѣ дочери Анны отъ перваго брака, прекрасный домъ и благоустроенную типографію. Послѣднею завѣдывалъ благообразный и крайне сдержанный отецъ тетки Бетти, старикъ Брюль, проводившій съ утренняго кофе до обѣда въ 2 часа время въ конторѣ и снова отправлявшійся туда до 7 часовъ вечера, а затѣмъ ежедневно уходившій въ ближайшую гостинницу выпить einen Schoppen (бутылку) вина, несмотря на то, что пилъ его за обѣдомъ и всегда могъ получить изъ обильнаго и прекраснаго домашняго погреба. Тетка Бетти подарила дядю Эрнста нѣсколькими дѣтьми, изъ коихъ старшему сыну было лѣтъ 18, а младшая дѣвочка была, какъ мы видѣли, еще на рукахъ.

Когда я вернулся въ домъ дяди Эрнста, Анна провела меня въ антресоли и показала двѣ прекрасныхъ комнаты, для меня приготовленныхъ.

Еще въ Россіи я почему то узналъ о нѣмецкомъ обычаѣ дарить родныхъ и преимущественно тѣхъ, у которыхъ пользуешься гостепріимствомъ, и потому, не взирая на свой тощій карманъ, проѣздомъ черезъ Москву захватилъ для дяди серебряную табакерку подъ чернью, столь цѣнимою въ то время въ Германіи; для тетки Бетти я захватилъ такой же работы чайную ложку, но убѣдившись въ разговорѣ съ Линой въ чрезмѣрной скудности такого подарка, я прежде распаковки чемодана сбѣгалъ въ ближайшіе магазины и купилъ дѣйствительно прелестную фарфоровую чашку. На другой день, сдѣлавши видъ, что только что разложился, я передалъ подарки по принадлежности, и едва удерживалъ смѣхъ, слушая замѣчанія, что нѣмецкія фарфоровыя фабрики не достигаютъ подобнаго изящества.

Дядя, не выходя изъ шлафрока и не снимая съ головы

турецкой шали, повелъ меня по всему бельэтажу. Обзоръ начали мы съ запертыхъ на ключъ парадныхъ комнатъ съ малиновой штофной мебелью, предназначенныхъ для гостей. Въ этихъ комнатахъ молодыя кузины принимали знакомыхъ дѣвицъ на экстренномъ чайномъ собраніи (Tee-Geselschaft). Но параллельно съ парадной амфиладой шелъ свѣтлый корридоръ, увѣшанный старинными гравюрами съ изображеніями женщинъ, посаженныхъ среди площади верхомъ на деревяннаго коня, въ наказаніе за излишнюю сварливость. Выборъ этихъ картинъ указывалъ на вкусъ дяди къ подобнымъ курьезамъ. Въ концѣ корридора находился кабинетъ дяди, и тутъ то въ стеклянныхъ витринахъ красовалось цѣлое собраніе болѣе или менѣе смѣшныхъ рѣдкостей. Тамъ же на стѣнѣ висѣло нѣсколько очень хорошихъ ружей. Къ правой сторонѣ корридора примыкали комнаты мальчиковъ, выставлявшихъ по-нѣмецкому обычаю съ вечера обувь за дверь, гдѣ приходившій снизу изъ типографіи мальчишка забиралъ ее для чистки и утромъ снова выставлялъ передъ дверьми. Онъ же приходилъ и къ моимъ дверямъ.

Въ концѣ корридора, въ наибольшемъ отдаленіи отъ параднаго входа, домашняя лѣстница сводила черезъ нижній этажъ въ довольно просторный дворъ, противоположная стѣна котораго была занята всякаго рода сараями, начиная съ экипажнаго, хотя дядя не держалъ своихъ лошадей. Посреди двора торчала тонкая жердь, выкрашенная зеленой краской. Когда мы по лѣстницѣ сошли во дворъ со старшимъ сыномъ дяди Эдуардомъ, то я недолго оставался въ невѣдѣніи касательно назначенія зеленаго шеста.

— Это вотъ его забава, сказалъ Эдуардъ, указывая подъ самой крышей на рѣшетчатую дверку надъ амбаромъ, на которой, слегка погромыхивая тонкой стальною цѣпью, раскачивалась весьма почтеннаго росту мартышка. Догадываясь о приближеніи Эдуарда, Жако привѣтливо вытянулъ губы, испуская радостное хрипѣніе. Эдуардъ отвязалъ Жако и, тщательно завязавъ свободный конецъ цѣпи петлею около жерди, далъ Жако относительную свободу. При этомъ Эдуардъ предупредилъ меня, что надо особенно ухитриться завязывать узелъ цѣпи, такъ какъ пристально наблюдающій за

операціею Жако немедленно постарается развязать простой узелъ.

Въ одинъ мигъ предоставленный себѣ Жако былъ уже наверху шеста и, посмотрѣвши на насъ полунасмѣшливо, тотчасъ же занялся на вершинѣ шеста своимъ любимымъ занятіемъ: отыскиваніемъ насѣкомыхъ на отдѣльныхъ волоскахъ своей рѣдкой рыжеватой шерсти. Хотя насѣкомыхъ никакихъ не было, но Жако, протягивая каждый волосокъ между двумя ноготками, дѣлалъ видъ, что кладетъ добычу на зубы.

Въ концѣ двора противъ большихъ домовыхъ воротъ была садовая рѣшетка съ небольшою калиткой. Въ теплый и солнечный день самъ дядя съ видимымъ удовольствіемъ провелъ меня въ садъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно было подивиться безукоризненному его содержанію. Чего-чего тутъ не было, начиная съ разнородныхъ фруктовыхъ деревьевъ и всевозможныхъ сортовъ винограда, расположеннаго и бесѣдками, и шпалерами.

Въ саду былъ даже устроенъ тиръ изъ пистоннаго ружья, стрѣляющаго стальною шпилькой на шелковой кисточкѣ. Дядя не преминулъ похвастать мнѣ и своимъ дѣйствительно образцовымъ погребомъ, въ которомъ крашеные зеленые боченки, снабженные блестящими кранами и надписями съ обозначеніемъ года урожая, стояли кругомъ на такихъ же крашеныхъ козлахъ. Тутъ же на маленькомъ столикѣ стояли два стакана для желающихъ отвѣдать то или другое вино.

Чтобы сохранить извѣстный порядокъ повѣствованія, начну день своего утренняго пробужденія.

Такъ какъ по причинѣ беззавѣтнаго радушія и гостепріимства семьи дяди, я не чувствовалъ ни малѣйшаго поползновенія стѣснять свою лѣнь и сибаритство, то я ограничился, помня урокъ дяди Петра Неофитовича, подробнымъ знакомствомъ съ домашнимъ обиходомъ моихъ хозяевъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не переходить имъ дороги. Зато въ своихъ комнатахъ я заслуживалъ лѣнью полнаго порицанія.

Не находя надобности запирать дверь изнутри, я, просыпаясь обыкновенно въ 7 часовъ въ своей нѣмецкой пуховой постели, продолжалъ еще потягиваться и подремывать до

8-ми часовъ. Въ 8 часовъ дверь отворялась, и красивая брюнетка горничная въ черномъ плисовомъ корсажѣ вносила на большомъ подносѣ кофейникъ и молочникъ около большой чашки, сахарницы и свѣжей булки съ порціей превосходнаго сливочнаго масла. По уходѣ ея я тотчасъ же принимался за дымящійся завтракъ, по окончаніи котораго съ правильностью брегета въ 9½ часовъ, постучавшись въ комнату, входилъ въ щегольскомъ фракѣ молодой человѣкъ, о посѣщеніи котораго дядя предупредилъ меня. Это былъ годовой домашній цирюльникъ. Когда я въ первое его посѣщеніе изъявилъ нѣкоторое сожалѣніе, что не успѣлъ еще встать съ кровати, юноша спросилъ меня, — неугодно ли мнѣ дозволить ему выбрить меня лежащаго въ постели? Эта мысль дотого мнѣ понравилась, что въ теченіи 2-хъ недѣльнаго моего пребыванія въ Дармштадтѣ, цирюльникъ постоянно брилъ меня лежащаго въ постели. Сходя утромъ къ дядѣ въ бельэтажъ, я обыкновенно заставалъ тетку Бетти, возящуюся съ грудною своей дочерью, въ то время какъ мой цирюльникъ чесалъ ей голову. На мой вопросъ по этому предмету, тетка объявила, что ей гораздо удобнѣе отдавать ежедневно свою голову въ руки цирюльнику, котораго привычная рука исполняетъ всю операцію въ двѣ-три минуты, тогда какъ сама бы она потратила гораздо болѣе времени въ ущербъ другимъ неотложнымъ хлопотамъ и занятіямъ, начиная съ кухонныхъ. Нигдѣ у насъ въ Россіи мнѣ не приходилось видѣть ничего похожаго на теткину кухню. Вся мѣдь, каймою окружавшая плиту, всѣ краны и вся на полкахъ стоявшая мѣдная посуда сіяли безукоризненнымъ блескомъ. Молодая и стройная кухарка могла бы появиться въ своей роли прямо на театрѣ, до такой степени она была нарядна. Ни малѣйшаго удушливо жирнаго запаха, свойственнаго нашимъ кухнямъ.

Понятна до нѣкоторой степени зависть, съ которой три дочери хозяйки рвались въ кухню, правильно смѣняя черезъ два дня одна другую.

Обѣдъ дяди, состоявшій изъ трехъ блюдъ, былъ весьма тщательно приготовленъ и видимо составлялъ гордость хозяйки. Къ нему въ два часа дня и къ ужину въ 8 часовъ подавался превосходный рейнвейнъ изъ дядинаго погреба.

Я уже говорилъ о чисто нѣмецкой наклонности дяди къ остротамъ (Witze).

Такъ однажды за ужиномъ дядя наливалъ мнѣ свой рейнвейнъ въ роскошный рѣзной стаканъ.

Но когда я поднесъ послѣдній къ губамъ, то почувствовалъ, что залилъ себѣ грудь. На стаканѣ я ничего особеннаго не замѣтилъ. Кругомъ верхняго края шелъ тщательно выгравированный вѣнокъ незабудокъ съ матовыми лепестками и свѣтлою сердцевиной. Успокоившись, прикладываю кубокъ къ губамъ и еще болѣе заливаю грудь. Взглянувъ на дядю, вижу, что онъ молча смѣется до слезъ. Только тутъ догадавшись о какомъ нибудь фокусѣ, я замѣтилъ, что сердцевинки гравированныхъ незабудокъ были вездѣ сквозныя, за исключеніемъ небольшаго пространства, черезъ которое можно было пить не обливаясь виномъ.

Образцомъ нѣмецкой наклонности къ остротамъ могъ служить хранившійся въ кабинетѣ дяди патентъ Майнцкаго брюхатаго гвардейца (Ranzengardist), написанный стихами. Въ эту брюхатую гвардію, собиравшуюся ежегодно въ красныхъ мундирахъ и съ ружьями на товарищескій пиръ, принимались люди, вѣсившіе не менѣе девяти пудовъ и обладавшіе соотвѣтственнымъ аппетитомъ и жаждой, какъ о томъ говорится въ стихахъ патента:

Мы всѣ рубаки средь колбасъ,
И страшно жаждетъ всякъ изъ насъ.
(Wir hauen tüchtig ein in Wurst
Und haben ganz entsätzlich Durst).

Добрые хозяева, какъ я уже говорилъ, баловали меня. Обѣдъ и ужинъ при помощи рейнвейна бывалъ весьма оживленъ, и даже старый Брюль становился разговорчивымъ. Неудивительно, что въ тѣ времена Россія представлялась ему мало привлекательной, и онъ нерѣдко шуточно повторялъ (произнося по мѣстному нарѣчію molen вмѣстно malen) „Nicht gemohlt mögte ich in Russland sein". (Даже въ видѣ писаннаго портрета я не желалъ бы быть въ Россіи).

Послѣ обѣда въ самый полуденный зной я взбирался къ себѣ отдохнуть на часокъ. Въ концѣ обѣда я бралъ въ карманъ

пару грушъ или яблокъ для моего друга Жако, который страшно завидовалъ моему куренію изъ гибкаго чубука съ янтаремъ. Но напрасно передавалъ я ему раскуренную трубку и училъ втягивать щеки. Ничто не помогало, онъ держалъ въ зубахъ мой янтарь, изъ котораго никакъ не умѣлъ потянуть дыму, и я боялся только, чтобы онъ съ отчаянія не разгрызъ янтаря. Какъ только небольшая трубка была выкурена на воздухѣ, я развязывалъ искусный узелъ цѣпи, шедшей къ поясу Жако и удерживавшей его въ дверяхъ его клѣтки. Затѣмъ я шелъ въ антресоли, и Жако проворно шлепалъ за мною вверхъ по ступенямъ. Я подвигалъ тяжелое кресло къ кровати и, тщательно привязавъ къ нему конецъ цѣпи Жако, ложился на постель и начиналъ перебирать рукою свои тогда еще пышные волосы. Этого было достаточно, чтобы Жако въ ту же минуту съ полнымъ глубокомысліемъ усаживался на моей подушкѣ и впродолженіе всего моего сна самымъ усерднымъ образомъ перебиралъ на моей головѣ волосъ за волосомъ; то же самое дѣлалъ онъ съ усами и съ бровями. Просыпаясь я находилъ его съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ за тѣмъ же занятіемъ.

XXIX

Дядя Карлъ и его семья.—Адвокатъ.—Бауэръ.—Охота.

Приличіе требовало, чтобы я съѣздилъ въ Дибургъ къ другому дядѣ своему гессенъ-дармштадтскому ферстмейстеру Карлу Беккеру, съ особенной нѣжностью относившемуся къ сестрѣ моей Линѣ. Уговорившись съ сестрою, я заказалъ парную коляску туда и обратно, такъ какъ въ то время въ Дармштадтѣ не было ни одного извощичьяго экипажа на улицахъ. Конечно и въ Дибургъ пришлось запастись приличными подарками, и дядя Карлъ и жена его приняли насъ съ живѣйшимъ радушіемъ. Дядя очень сожалѣлъ, что мы не захватили сына его Карла, уѣхавшаго на сѣнокосъ за сѣномъ для пары дядиныхъ лошадей. Но пріятнѣе всего въ этомъ тихомъ

домѣ поражала меньшая дочь дяди Каролина. Это была, можно прямо сказать, 16-ти лѣтняя красавица; стройная черноглазая брюнетка съ пышными рѣсницами, волосами и бровями. Во всемъ ея существѣ было что то привлекательно мягкое, вродѣ анютиныхъ глазокъ, носящихъ названіе доктора Фауста. За обѣдомъ, на которомъ краснѣя прислуживала хорошенькая кузина, дядя, услыхавъ о полученномъ мною отъ отца порученіи привести въ ясность счеты съ адвокатомъ по общему Беккерскому наслѣдству, въ которомъ участвовала и мать моя, высказалъ явное осужденіе брату своему Эрнсту во время завѣдыванія его этимъ наслѣдствомъ.

Когда мы послѣ обѣда съ чашками кофе подсѣли къ окошку, на улицѣ показалась громадная фура, высоко навитая сѣномъ и легко провозимая парою рослыхъ, хорошо подобранныхъ, темно-гнѣдыхъ лошадей. Наверху воза сидѣлъ въ сѣрой блузѣ молодой брюнетъ.

— А, вотъ и Карлъ вернулся, воскликнулъ дядя,—какъ я радъ, что онъ познакомится съ вами, любезный племянникъ. Съ вашей Линой они давнишніе друзья.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ красивый брюнетъ, въ которомъ легко было угадать брата красавицы сестры.

Такъ какъ до Дармштадта нужно было проѣхать не менѣе двухъ часовъ, то на закатѣ солнца мы простились съ дядею, котораго мнѣ удалось видѣть только разъ въ жизни.

Какъ бы то ни было, независимо отъ всяческихъ иногда весьма пріятныхъ знакомствъ, приходилось отправлять значительную поклажу сестры Лины впередъ черезъ контору транспортовъ прямо въ Штетинъ, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до нашего отъѣзда, чтобы дать время вещамъ попасть на пароходъ. Надо было воспользоваться этимъ временемъ для окончанія счетовъ съ повѣреннымъ. Послѣдній принялъ меня съ изысканной вѣжливостью и угостилъ великолѣпными сигарами. Но когда мнѣ пришлось выслушивать его подробныя объясненія, то не взирая на хорошее знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, я ничего не могъ понять изъ этихъ объясненій. Мнѣ казалось, что со мною бесѣдуютъ древніе Мемфисскіе жрецы на священномъ языкѣ, и въ ушахъ моихъ разда-

вались слова, вродѣ: *Stadts - Schuld - Tilgun's - Casse* вмѣсто: государственный банкъ.

Напрасно я умолялъ адвоката прекратить свои объясненія, въ которыхъ все равно я ничего измѣнить не могъ. Я просилъ его выдать мнѣ полностью всѣ деньги, приходившіяся на долю моей матери. Черезъ нѣсколько дней онъ мнѣ вручилъ около 4 тысячъ рублей на наши деньги и счетъ за два моихъ съ нимъ совѣщанія. Тамъ сверхъ гонорара за каждый сеансъ выставленъ былъ и талеръ за двѣ дорогихъ сигары.

Въ домѣ дяди я познакомился съ весьма образованнымъ и оживленнымъ оберъ-форстратомъ Бауэромъ. Несмотря на сильную просѣдь, это былъ еще очень бодрый человѣкъ, полюбившій меня какъ охотника. Этому пріятному человѣку я былъ обязанъ не токмо знакомствомъ съ нѣмецкой охотой, о какой у насъ въ Россіи не можетъ быть и помину, но и съ характеромъ нѣмецкой сельской жизни.

Уже въ первый день, какъ мы встрѣтились въ домѣ дяди Эрнста, Бауэръ предложилъ мнѣ участвовать въ охотѣ, арендуемой имъ за 20 верстъ отъ Дармштадта, разумѣется по шоссейной дорогѣ, такъ какъ въ Германіи нѣтъ простыхъ грунтовыхъ дорогъ.

— Я завтра вечеромъ, сказалъ онъ, отправлюсь по своему обыкновенію пѣшкомъ и переночую въ охотничьемъ домѣ; а вы закажите себѣ крытую коляску въ одну лошадь и выѣзжайте въ 6 часовъ утра, взявши съ собою моего сына, мальчика лѣтъ 13-ти, который съ своимъ ружьемъ придетъ къ вамъ, а себѣ ружье вы выпросите у дяди.

Послѣдній снабдилъ меня ружьемъ и всѣми къ нему принадлежностями съ величайшимъ удовольствіемъ.

Черезъ день послѣ нашего уговора я съ мальчикомъ Бауэромъ ѣхалъ въ седьмомъ часу по хорошо знакомому ему шоссе, а въ 7 часовъ извощикъ предложилъ намъ остановиться передъ каменнымъ двухъэтажнымъ трактиромъ на четверть-часовой отдыхъ. Чтобы не сидѣть праздно въ коляскѣ, мы поднялись по лѣстницѣ въ большую комнату бельэтажа, и я изумился примѣрной чистотѣ, чтобы не сказать роскоши этого помѣщенія. Свѣже отполированная мебель

краснаго дерева украшала комнату вмѣстѣ съ такою же большихъ размѣровъ кроватью, покрытой, по нѣмецкому обычаю, пуховымъ одѣяломъ изъ блестящаго шелковаго муара. Когда мы спросили кофею, сама хозяйка принесла намъ изъ нижняго этажа кофею и горячаго молока въ прекрасномъ фарфоровомъ приборѣ и къ этому булокъ только что изъ печки. Оказалось, что нашъ завтракъ вмѣстѣ со свѣжимъ сливочнымъ масломъ стоитъ нѣсколько копѣекъ; тѣмъ стыднѣе было мнѣ, что увлеченный стремленіемъ къ охотѣ я забылъ кошелекъ, а денегъ у мальчика Бауэра конечно не было. Но хозяйка положила моему смущенію конецъ любезнымъ замѣчаніемъ, что этотъ случай даетъ ей надежду увидать насъ снова.

Когда въ 8 часовъ мы подъѣхали къ двухъэтажному охотничьему дому, то услыхали отъ собравшихся лѣсничихъ, что оберъ-форстратъ уже проснулся и допиваетъ свой кофе, а слѣдовательно сейчасъ же сойдетъ къ намъ. Противъ двери дома на лужайкѣ лежалъ только что застрѣленный громадный олень съ вѣтвистыми рогами. Покуда мы, выйдя изъ коляски, ходили вокругъ и любовались красивымъ животнымъ, сошелъ сверху Бауэръ и сказалъ, что онъ уже побывалъ на лѣсосѣкахъ съ ружьемъ и успѣлъ немного отдохнуть послѣ своей экскурсіи, а теперь, пока еще не слишкомъ жарко, слѣдуетъ и намъ пуститься на куропатокъ. Забравши ружья и прочія охотничьи принадлежности, мы съ сыномъ Бауэра и однимъ лѣсничимъ потянулись за хозяиномъ охоты, который дорогой пояснилъ мнѣ, что не взирая на свое званіе великогерцогскаго главнаго лѣсничаго, онъ, подобно всѣмъ другимъ, покупаетъ охоту данной мѣстности, такъ какъ право охоты не составляетъ собственность землевладѣльцевъ, а достояніе казны, которая продаетъ ее съ аукціона за довольно значительную сумму, наблюдая притомъ, чтобы пріобрѣтшій право охоты не злоупотреблялъ имъ, беззавѣтно истребляя дичину. Когда я заявилъ изумленіе значительной стоимости аренды, Бауэръ сказалъ, что охотники не пойдутъ на аукціонъ выше цѣны, которую можно выручить изъ за правильной продажи дичины, строго оберегаемой наравнѣ съ самыми лѣсами присяжными лѣсничими. Даже на собственной охотѣ нельзя появляться

безъ билета на право носить оружіе, и безъ позволенія владѣльца никто не имѣетъ права идти въ лѣсъ, гдѣ при малѣйшемъ посягательствѣ хотя бы на сухую вѣтку или еловую шишку каждый по оклику лѣсничаго „стой!“ долженъ остановиться, рискуя въ случаѣ неповиновенія быть остановленнымъ мѣткою пулей. Затѣмъ присяжный лѣсничій просто заявляетъ полиціи, что застрѣлилъ вора, а крестьянинъ, скосившій на своемъ полѣ нечаянно голову перепелки или куропатки, обязанъ заявить объ этомъ полевому сторожу подъ строжайшимъ въ противномъ случаѣ штрафомъ. Понятно, что собственность при такихъ порядкахъ крѣпко ограждена.

Передъ нами на извѣстномъ разстояніи носилась стройная и легкая сѣроватая лягавая собака съ коричневыми ушами и проступавшей по всему тѣлу такого же цвѣта мелкой гречкой. Раза съ два ретивый Гекторъ (такъ звали собаку) дѣлалъ стойки по картофельнымъ полямъ и бросался за вскакивавшимъ съ лежки зайцемъ. Но каждый разъ Бауэръ подзывалъ его и, глядя ему въ умные глаза, говорилъ: „стыдно, заяцъ;“ и Гекторъ стыдливо поджималъ хвостъ и болѣе не дѣлалъ стоекъ надъ зайцами.

— Вотъ здѣсь у этой опушки, сказалъ Бауэръ, держится выводокъ куропатокъ; вотъ онѣ, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, когда Гекторъ сдѣлалъ стойку и осторожно потянулъ впередъ.

Когда собака окончательно остановилась, мы съ мальчикомъ нетерпѣливо подошли къ самому Гектору, и Бауэръ изъ за насъ приказалъ собакѣ тронуться. Затрещалъ небольшой выводокъ куропатокъ, и мы съ мальчикомъ, дрожа отъ волненія, напрасно отпустили по два заряда, а затѣмъ два раза выстрѣлилъ самъ Бауэръ, и двѣ убитыхъ куропатки покатились въ кусты. Я ревностно сталъ заряжать ружье, но мальчикъ вѣроятно еще ревностнѣе заряжалъ свое дѣтское, разсыпая порохъ и дробь по землѣ.

— Постой, воскликнулъ Бауэръ, чего ты суетишься? дай сюда ружье! Посмотри, продолжалъ онъ, что ты тутъ надѣлалъ; хорошо, что я взялъ ружье во время, его могло разорвать въ твоихъ рукахъ, такъ какъ ты успѣлъ зарядить въ оба ствола по два заряда. Довольно, сказалъ Бауэръ, стрѣ-

лять куропатокъ изъ этого выводка, въ которомъ пары двѣ слѣдуетъ оставить на разводъ. Вонъ тамъ на площади низменнаго мозжевельника слѣдуетъ поискать новый выводокъ, который гораздо больше, и слѣдовательно будетъ надъ чѣмъ поохотиться.

Въ это время къ намъ подошелъ человѣкъ въ блузѣ съ ягдташемъ на плечѣ, но безоружный.

— Кто это? спросилъ я Бауэра.

Это Wildpretshändler (торговецъ дичью).

Когда собака нашла новый и большой выводокъ, Бауэръ совѣтовалъ намъ успокоиться и далъ обѣщаніе стрѣлять только въ томъ случаѣ, если мы дадимъ промахи. Успокоенные, мы настрѣлялись вволю и налюбовались Гекторомъ, который, когда стадо широко разсѣлось по кустамъ, доходившимъ намъ только до колѣнъ, держа въ зубахъ убитую куропатку, дѣлалъ мертвую стойку надъ другой. Отъ этого стада мы переходили постепенно къ другимъ, и къ закату солнца въ моемъ ягдташѣ набралось паръ шесть куропатокъ, которыхъ большую часть я передалъ носить лѣсничему. Но я съ гордостью предвидѣлъ мое возвращеніе въ Дармштадтъ и удовольствіе представить теткѣ Бетти пары три куропатокъ изъ моихъ трофеевъ.

— Я надѣюсь, вы позволите мнѣ взять три пары куропатокъ изъ числа убитыхъ мною, спросилъ я Бауэра.

— Очень жалѣю, что это невозможно, отвѣтилъ онъ: куропатки эти проданы торговцу дичи, и онѣ сегодня же отправятся во Франкфуртъ къ столу Ротшильда, для котораго заказаны, по гульдену (50 коп.) за штуку.

— Помилуйте, воскликнулъ я, ну чтожъ бы вы продавали, если бы я не набилъ куропатокъ?

— Тогда бы мы ихъ настрѣляли, лаконически отвѣчалъ Бауэръ.

Когда мы вышли на картофельное поле, зайцы то и дѣло стали вскакивать изъ подъ моихъ ногъ, и непривычный къ такимъ сюрпризамъ, я какъ то не вытерпѣлъ, выстрѣлилъ и убилъ зайца.

— Боже мой! эти проклятые русскіе! воскликнулъ Бауэръ, вѣдь я же вамъ толковалъ, что до осенней охоты нельзя

стрѣлять зайцевъ подъ большимъ штрафомъ; ну что мы теперь будемъ дѣлать съ вашимъ зайцемъ!

Къ счастію, бѣгавшіе за пивомъ мальчишки съ порожней корзиной увязались за нами.

Бауэръ приказалъ имъ уложить зайца въ корзину и отнести въ нашу коляску, посуливъ четвертакъ за ловкое исполненіе порученія.

Къ стыду моему я долженъ признаться, что, возвращаясь вечеромъ мимо гостепріимной трактирщицы, я не останавливался и не уплатилъ ей своего долга. Это не помѣшало мнѣ остаться у нея въ долгу за второй и даже третій завтракъ и, не надѣясь на новую охоту, я уже по возвращеніи съ третьей заплатилъ весь долгъ разомъ. Честной нѣмкѣ и въ голову не приходило, чтобы я могъ не заплатить ей.

На этотъ разъ, падавшій на воскресенье, я засталъ передъ окнами за столами пьющихъ крестьянъ и поющихъ весьма стройнымъ хоромъ. При этомъ не было ни одной женщины.

Черезъ 11 лѣтъ я по приглашенію Бауэра былъ на заячьей охотѣ послѣ обычнаго истребленія зайцевъ въ огромномъ количествѣ. Въ ожиданіи зайцевъ Бауэръ разставилъ насъ, стрѣлковъ, въ числѣ семи или восьми человѣкъ вдоль проселочной шоссейной дороги подъ грушевыми деревьями, шагахъ въ 150-ти одинъ отъ другаго. Такимъ образомъ заяцъ, гонимый съ поля кричаномъ, долженъ былъ неминуемо попасть подъ выстрѣлъ одного изъ смежныхъ охотниковъ. Когда цѣпь крестьянскихъ мальчиковъ, надвигаясь на насъ по полю, подняла крикъ, то, не взирая на предшествовавшія опустошительныя охоты, начало вскакивать по жнивью такое количество зайцевъ, какого, конечно, никакой кричанъ не могъ бы поднять на русскомъ полѣ. Всѣ эти зайцы, тихонько приближаясь и по временамъ ложась на нашихъ глазахъ, избирали наконецъ путь черезъ шоссе мимо того или другаго охотника, который обыкновенно стрѣлялъ, убивалъ зайца и посылалъ свою собаку принести его въ то время, когда охотникъ снова заряжалъ ружье.

Такъ мой товарищъ съ правой стороны убилъ уже трехъ зайцевъ, тогда какъ на меня не набѣжалъ ни одинъ. Но вотъ

наконецъ одинъ длинноухій тихонько приковылялъ сперва было къ моему товарищу справа, а затѣмъ, не переходя нашей линіи, тихонько направился къ товарищу слѣва и какъ разъ противъ меня, шагахъ въ 80-ти, сначала сѣлъ, а потомъ и легъ. Увѣренный, что продолжая идти, онъ станетъ только удаляться отъ меня, между тѣмъ какъ если онъ допуститъ меня на 20 шаговъ ближе къ себѣ, то мнѣ будетъ въ мѣру его стрѣлять. Послѣ такого соображенія я сталъ тихонько подходить изъ подъ своей груши къ зайцу, который однако не подпустилъ меня на ружейный выстрѣлъ. Такъ судьбѣ и неугодно было побаловать меня на этотъ разъ. Когда мы снова собрались за распорядителемъ охоты Бауэромъ, то онъ, смѣясь, промолвилъ: „у насъ въ Германіи никто на охотѣ не тронется съ указаннаго ему мѣста, и повѣрьте мнѣ, что когда эти молодыя груши станутъ старыми деревьями, то наши дѣти и внуки все будутъ говорить: „вотъ это та самая груша, изъ подъ которой русскій побѣжалъ за зайцемъ“.

На послѣдней охотѣ за куропатками у прекраснаго дядинаго ружья послѣ выстрѣла отлетѣлъ лѣвый курокъ. Боясь навлечь на себя неудовольствіе, я тотчасъ же по возвращеніи съ охоты отдалъ ружье весьма искусному дармштадтскому ружейнику Дельпу, который въ два дня поддѣлалъ новый курокъ такъ, что его невозможно было отличить отъ прежняго. Тогда только я отнесъ ружье къ дядѣ и объявилъ о случившемся.

— Напрасно, сказалъ дядя, ты боялся возбужденія во мнѣ непріятныхъ чувствъ, я скорѣе могъ бы радоваться, что эта непріятность случилась въ твоихъ, а не въ моихъ рукахъ.

По поводу этого небольшаго происшествія мнѣ приходитъ на умъ мой разговоръ съ Бауэромъ въ 1856 г., когда, хвастая своимъ громаднымъ отечествомъ, я сказалъ ему: „какъ жаль, что Германія, раздробленная на мелкія владѣнія, лишена всякаго политическаго голоса“.

— Это весьма можетъ быть, отвѣчалъ Бауэръ, но это раздробленіе имѣетъ для страны великое значеніе. Разбросанные всюду дворцы властителей представляютъ многочисленные центры духовнаго развитія; возьмите, напр., нашъ

Дармштадтъ, Гейдельбергскій университетъ отъ насъ въ двухъ шагахъ, въ нашемъ музеѣ прекрасные образцы всѣхъ школъ живописи, у насъ прекрасный театръ, весьма искусные живописцы, серебрянники и вообще всякаго рода выдающіеся ремесленники, тогда какъ во Франціи, напр., вся высшая жизнь сосредоточивается въ одной столицѣ, причемъ всѣ остальныя части государства коснѣютъ во мракѣ.

— Но можетъ ли, спросилъ я, представитель такого мелкаго государства возбуждать тотъ энтузіазмъ и преданность, какой свойственъ жителямъ громадной страны?

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Бауэръ, что народы, подобно птичьимъ породамъ, приносятъ съ собою modus vivendi; скворцы летаютъ безразлично разсыпаннымъ стадомъ, тогда какъ журавли, гуси и утки инстинктивно выставляютъ одного вожака; и что это обстоятельство мало вліяетъ на привязанность мирныхъ гражданъ къ своему главѣ, можно видѣть изъ того, что когда въ 48 году наши войска ушли на усмиреніе Баденцевъ, мы, частные ружейные охотники, взяли свои штуцера и заняли караулъ при велико-герцогскомъ дворцѣ.

XXX

Отъѣздъ въ Россію.— Извѣстіе о смерти дяди.— Возвращеніе домой.— Болѣзнь матери.—Свадьба Лины.—Смерть матери.

Но я забѣжалъ въ моихъ воспоминаніяхъ впередъ и возвращаюсь къ нашимъ съ сестрою сборамъ въ Россію. Сестра должна была разставаться не только со своей хорошей мебелью и бездѣлушками, но также съ кроликами, всякаго рода птицами и лягушкой. Зато оставить своихъ любимцевъ, сѣраго попугая Коко и колибри, она не рѣшилась, и мастера сдѣлали ей небольшую клѣтку, съ тѣснымъ помѣщеніемъ для Коко вверху и миніатюрнымъ внизу для колибри.

Наконецъ, когда мы разочли, что поклажа наша, согласно словамъ коммиссіонера, должна была прибыть въ Штетинъ.

мы въ свою очередь тронулись въ путь. Надо правду сказать, этотъ путь, при тогдашнихъ дилижансахъ да еще подъ дождемъ по грязному шоссе, представлялъ мало привлекательнаго. Изъ Штетина до Свинемюнде мы доѣхали на рѣчномъ прусскомъ пароходѣ подъ звуки весьма плохаго оркестра, пилившаго въ угоду русскимъ путешественникамъ Варламовское: „На зарѣ ты ее не буди“.

Когда прусскій пароходъ сталъ подтягиваться къ морскому *Николаю*, и оркестръ замолкъ, матросъ, чалившій канатъ, не вытерпѣлъ и сказалъ: „вотъ и мы добрались съ нашей Bürstenmusik“ (щеточной музыкой).

Несмотря на сильное волненіе, которымъ встрѣтило насъ Балтійское море, мы на третій день добрались до Кронштадта и затѣмъ набережной передъ петербургской таможней. Покуда причаливали и накладывали трапъ, я оглядывалъ толпу, встрѣчавшую пароходъ, и увидалъ за гранитнымъ парапетомъ кивавшую мнѣ голову въ каскѣ. Это была голова давнишняго товарища и друга Ивана Петровича Борисова. Не любя толкотни, я не спѣшилъ на берегъ, и Борисовъ показалъ намъ знакомъ, что онъ придетъ на пароходъ. Я сейчасъ же представилъ его сестрѣ, которая во время пребыванія въ Новоселкахъ настолько выучилась по русски, что могла съ грѣхомъ пополамъ объясняться. Чтобы не говорить среди шумной толпы, я увелъ Борисова въ опустѣвшую каюту.

— Ну что? спросилъ я.

— Мало хорошаго, отвѣчалъ онъ, скорѣе больше дурнаго: дядя твой Петръ Неофит., вызывавшій тебя на службу на Кавказъ, сперва было поправился молодцомъ отъ болѣзни, а затѣмъ скоропостижно въ Пятигорскѣ скончался. Тамъ онъ и похороненъ.

— А что сталось съ моими деньгами, о которыхъ онъ мнѣ столько разъ говорилъ?

— Деньги неизвѣстно какимъ образомъ изъ его чугунки пропали, и на долю твою ничего не осталось.

Какъ ни тяжела была такая неожиданная утрата, но я всегда держался убѣжденія, что надо разметать путь передъ собою, а не за собою, и поэтому въ жизни всегда заботило меня будущее, а не прошедшее, котораго измѣнить нельзя.

Еще отправляясь въ Германію, я очень хорошо понималъ, что въ виду отсрочки ѣхать къ дядѣ на Кавказъ, гдѣ черезъ полгода ожидалъ меня офицерскій чинъ, дававшій въ то время еще потомственное дворянство, я приносилъ тяжелую жертву, заботясь о судьбѣ сестры; но я счелъ это своимъ долгомъ и дорого за него заплатилъ.

До Москвы въ прекрасной почтовой каретѣ мы доѣхали и по старой памяти остановились у старика Григорьева, у котораго, чтобы доѣхать до Новоселокъ, я купилъ поѣзжанный двумѣстный фаэтонъ, а громоздкую поклажу отправилъ черезъ контору транспорта.

Бѣдная страдалица мать наша оставалась на одрѣ болѣзни безвыходно въ новомъ флигелѣ, въ комнатѣ съ постоянно закрытыми окнами, такъ что въ спальнѣ царила непрестанная ночь. Кромѣ смѣнявшихся при ней двухъ горничныхъ, она никого не принимала. Такъ и насъ въ свою очередь она приняла не долѣе двухъ минутъ, благословила и дала поцѣловать руку.

До отъѣзда моего въ Германію, больная принимала меня иногда въ теченіи 5—10 минутъ. Но какъ ужасны были для меня эти минуты! Вопреки увѣреніямъ доктора Лоренса, что ничего опредѣленнаго о ея болѣзни сказать нельзя, мать постоянно твердила: „я страдаю невыносимо, ракъ грызетъ меня день и ночь. Я знаю, мой другъ, что ты любишь меня; докажи мнѣ эту любовь и убей меня“.

Я очень хорошо зналъ, какому въ тѣ времена подвергалъ себя наказанію. Но я каждую минуту готовъ былъ зарядить свои пистолеты и прекратить невыносимыя страданія дорогой матери.

Черезъ нѣсколько дней на самый короткій срокъ пріѣхалъ изъ Кіева женихъ сестры профессоръ Матвѣевъ. Конечно, всѣ мы стали просить его осмотрѣть больную.

— Ну что? спросилъ я его, когда онъ выходилъ изъ спальни.

— Не могу понять, отвѣчалъ онъ, какое можетъ быть тутъ сомнѣніе: у ней ракъ въ лѣвой груди и внизу живота, и ей не прожить долѣе семи дней.

Свадьба Матвѣевыхъ справлена была самымъ скромнымъ домашнимъ образомъ, и въ виду кратковременнаго отпуска,

молодые на другой же день въ подаренной имъ отцомъ коляскѣ съ четверкою лошадей, кучеромъ и горничной отправились на своихъ въ Кіевъ, куда прибыли только на десятый день.

Несмотря на смертельныя муки, мать изъ своего мрачнаго заточенія заботилась о приданомъ Лины до мельчайшихъ подробностей. Съ отъѣздомъ молодыхъ въ цѣломъ семействѣ внезапно почувствовалась томительная пустота. Я большую часть времени проводилъ наединѣ въ банѣ, служившей мнѣ помѣщеніемъ.

Однажды, когда послѣ долгаго чтенія на сонъ грядущій, я только что заснулъ передъ утреннимъ свѣтомъ, меня разбудилъ голосъ горничной, воскликнувшей: „Аѳ. Аѳ., пожалуйте поскорѣе во флигель, мамаша кончается“.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ, надѣвъ сапоги и халатъ, я уже тихонько отворялъ дверь въ спальню матери. Богъ избавилъ меня отъ присутствія при ея агоніи; она уже лежала на кровати съ яснымъ и мирнымъ лицомъ, прижимая къ груди большой серебряный крестъ. Черезъ нѣсколько времени и остальные члены семейства, начиная съ отца, окружили ея одръ. Усопшая и на третій день въ гробу сохранила свое просвѣтленное выраженіе, такъ что несловоохотливый отецъ по окончаніи панихиды сказалъ мнѣ: „я никогда не видалъ болѣе прекраснаго покойника“.

Отпуская покойницу за 30 верстъ въ родовое село Клейменово, отецъ поклонился ей въ землю и сказалъ: „скоро и я къ тебѣ буду“. Тѣмъ не менѣе онъ прожилъ еще 11 лѣтъ.

XXXI

Мое рѣшеніе поступить въ военную службу, и отъѣздъ изъ Новоселокъ.— Въ Орлѣ у барона Сакена.—Кіевъ.—Новогеоргіевскъ.—Встрѣча съ Борисовымъ.—Баронъ Д. Е. Сакенъ.—Трубачъ.

Стараясь по возможности поручать воспитаніе дѣтей отдѣльному довѣренному лицу, отецъ соображалъ, что для брата моего Васи, воспитывавшагося, подобно мнѣ, въ Верро у Крюммера, не можетъ быть лучшаго мѣста для приготовленія въ университетъ, чѣмъ домъ Матвѣевыхъ въ Кіевѣ. Поэтому, дождавшись зимы, отецъ отправился въ завѣтныхъ кибиткахъ за сыномъ въ Верро, покуда я раздумывалъ объ окончательномъ направленіи своего жизненнаго пути. Положимъ, я давно рѣшилъ двѣ вещи: идти въ военную службу и непремѣнно въ кавалерію. Проживавшій въ это время въ годовомъ отпуску гусарскій ротмистръ двоюродный братъ мой Николай Васильевичъ Семенковичъ нерѣдко пріѣзжалъ къ намъ гостить и настойчиво совѣтовалъ мнѣ поступить на службу въ Кіевскій жандармскій дивизіонъ.

Не имѣя никакого понятія о родахъ оружія, я не могъ понять, почему Семенковичъ отдавалъ такое преимущество жандармскому дивизіону. Тѣмъ временемъ отецъ вернулся изъ Лифляндіи съ братомъ Васей, котораго я сперва не узналъ, принимая его по пестрой ермолкѣ за какого то восточнаго человѣка. Оказалось, что по причинѣ недавно перенесенной горячки онъ былъ съ бритой головою.

— Ну что же? спросилъ меня отецъ: надумался ли ты насчетъ своей карьеры?

— Надумался, сказалъ я; вамъ, какъ опекуну Борисова, извѣстно, что онъ вмѣсто вступленія въ академію изъ артиллеріи перешелъ въ кирасиры, и вотъ онъ зоветъ меня къ себѣ въ Орденскій полкъ и пишетъ: „пріѣзжай, службы никакой, а куропатокъ столько, что мальчишки палками ихъ бьютъ“.

— Ну, братъ, замѣтилъ отецъ, перспектива незавидная.

Я надѣялся, что изъ него выйдетъ военный ученый, а онъ, по просту сказать,—куропаточникъ. Ступай, коли охота беретъ; будешь отъ меня получать 300 руб. въ годъ, и отпускаю тебѣ въ услуженіе сына Васинькиной кормилицы Юдашку, а при производствѣ пришлю верховую лошадь.

Говорили, что попъ въ сердцахъ далъ моему будущему слугѣ имя Іуды. Какъ бы то ни было, хотя я и звалъ слугу Юдашкой, имя его много стѣсняло его, а черезъ него и меня въ жизни.

Такъ какъ ближайшій и наиболѣе удобный путь въ Елизаветградъ, корпусный штабъ дивизіи, въ которой первымъ полкомъ состоялъ кирасирскій Военнаго Ордена, лежалъ черезъ Кіевъ, то завѣтнымъ двумъ повозкамъ пришлось снова сослужить службу, увозя насъ съ отцомъ, братомъ Васей и тремя нашими слугами въ Кіевъ.

Дорогою въ Орлѣ отецъ повезъ меня вечеромъ представить зимовавшему тамъ съ женою сосѣду своему по Клейменову, барону Ник. Петр. Сакену, родному племяннику Елизаветградскаго корпуснаго командира, барона Дмитрія Ерофеевича Сакена. Я засталъ миловидную баронессу Сакенъ по случаю какого то траура всю въ черномъ. Она, любезно подавая мнѣ руку, просила сѣсть около себя.

Въ это время баронъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, изъ котораго вынесъ и передалъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему дядѣ. Напившись чаю, мы раскланялись и, вернувшись въ гостинницу, тотчасъ же ночью отправились на почтовыхъ въ путь, въ виду конца февраля, изрывшаго отмягшія дороги глубокими ухабами. Въ Кіевѣ мы помѣстились въ небольшой квартирѣ Матвѣевыхъ, гдѣ отцу отведена была комната, предназначавшаяся для Васи.

Мы же съ братомъ ночевали какъ попало по диванамъ. Успокоенный помѣщеніемъ Васи подъ непосредственный надзоръ старшей сестры и шурина, отецъ, тоже по случаю испортившейся дороги, торопился обратно и, благословивъ меня, далъ мнѣ 150 рублей на дорогу, сказавши, что справится дома и тотчасъ же вышлетъ мнѣ мое годовое содержаніе. Въ свою очередь и я съ Юдашкой отправился въ перекладныхъ саняхъ и съ большимъ чемоданомъ, заключавшимъ все мое

небольшое имущество, въ путь къ Борисову въ Новогеоргіевскъ на Васильково и Бѣлую церковь. Чѣмъ болѣе мы подвигались къ югу, тѣмъ начало апрѣля давало себя чувствовать болѣе. Снѣгъ становился все тоньше и наконецъ превратился въ блестящую ледяную кору, по которой уносила насъ тройка среди необъятной равнины. Въ воздухѣ днемъ было скорѣе жарко, чѣмъ холодно, и дикіе голуби, спугнутые нашимъ колокольчикомъ съ еще обнаженныхъ придорожныхъ ракитъ, съ плескомъ улетали впередъ и снова садились на деревья. Черезъ нѣсколько минутъ мы ихъ нагоняли, и они летѣли далѣе; и такъ на протяженіи многихъ верстъ пока птицы не догадывались, что имъ покойнѣе летѣть отъ насъ назадъ, чѣмъ впередъ. Пустыня и весеннее солнце производили на меня какое-то магическое дѣйствіе: я стремился въ какой-то совершенно невѣдомый мнѣ міръ и возлагалъ всѣ надежды на Борисова, который не откажетъ мнѣ въ своемъ руководствѣ.

Въ Новогеоргіевскѣ, куда мы прибыли рано утромъ, намъ скоро указали небольшой отдѣльный домикъ—квартиру корнета Борисова.

— Это ты, матушка, воскликнулъ Борисовъ, обнимая меня, — тутъ спозаранку звенишь у крыльца? Добро пожаловать! Отдохни съ дороги, а тамъ надо познакомить тебя съ нашими Орденцами; отличные, братецъ ты мой, люди!

Но узнавъ, что у меня рекомендательное письмо къ корпусному командиру, Борисовъ рѣшилъ, что мнѣ, въ виду окончательной распутицы, медлить нечего, а слѣдуетъ ѣхать въ Елизаветградъ представляться корпусному командиру.

— А когда опредѣлишься, то прямо несись сюда; вотъ это будетъ твоя комната.

Въ Елизаветградѣ я остановился въ скромной комнатѣ гостинницы.

Напившись чаю и недоумѣвая, что дѣлать дальше, я въ въ раздумьи сталъ ходить взадъ и впередъ по одной половицѣ; это упражненіе отчасти унимаетъ волненіе, но мало помогаетъ разрѣшенію трудныхъ задачъ.

Такъ какъ съ самаго Кіева ужь я привыкъ къ появленію

евреевъ со всяческими услугами, то не удивился, когда въ мою комнату вошелъ юркій еврейчикъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ я.

— Ну, я думалъ, что ви хотѣлъ быть юнкеръ и надо явиться къ корпусный командыръ?

— Правда, сказалъ я: ну что же?

— А то, что это все можно, и только Янкелю пожалуйте карбованецъ, и зàразъ все будетъ.

— Когда будетъ, тогда и получишь карбованецъ.

— Помилуйте! вы плюньте тому въ глаза, кто скажетъ, что Янкель сбрехалъ. Зàразъ!

Съ этимъ словомъ еврей исчезъ, а я, нѣсколько пріободрившись, занялся своимъ туалетомъ. Черезъ часъ тотъ же еврей вошелъ и сказалъ: „ну, одѣвайтесь и пойдемъ; я покажу вамъ недалеко отсюда квартыра корпусный командыръ, его высоко—пр—о Дмитрій Ерофеевичъ баронъ Сакенъ; тамъ васъ буде ждать его камердинъ и вшо такое; просилъ придти двѣнадцать часовъ, а теперча пора“.

Когда камердинеръ барона отворилъ передо мною дверь въ просторную залу, я увидалъ у накрытаго клеенкой рояля стоящаго небольшаго роста человѣка въ старомъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ лоскутомъ краснаго сукна на носу, на которомъ эта яркая крышечка держалась посредствомъ двухъ нитокъ, заложенныхъ за уши и связанныхъ на затылкѣ.

„Кто эта фигура?“ подумалъ я.

— Что вамъ угодно? почти шепотомъ спросилъ меня незнакомецъ.

— Я бы желалъ представиться его в—пр—у корпусному командиру, отвѣчалъ я, вынимая изъ кармана рекомендательное письмо.

— Это я, что вамъ угодно?

— Я снабженъ письмомъ къ вашему в—пр—у отъ барона Николая Петровича.

Сакенъ какъ-то конфузливо вскрылъ письмо и, прочитавъ его, спросилъ, чтобы сказать что-нибудь: „вамъ Ушаковы родня?“

Позднѣе я узналъ, что жена его Анна Ивановна была

рожденная Ушакова; но въ данную минуту, слыша въ первый разъ фамилію Ушаковыхъ, я не зналъ, полезно или безполезно мнѣ сказаться ихъ родственникомъ.

— Дальніе, ваше в—пр—о, отвѣчалъ я, выбирая средній путь.

— У васъ въ Орденскомъ полку землякъ Борисовъ, и вы желаете поступить въ этотъ полкъ; приходите къ намъ обѣдать въ 5 часовъ, а я велю приготовить вамъ бумагу въ дивизіонный штабъ въ посадѣ Новая Прага, это вамъ по пути въ полкъ.

Къ 5-ти часамъ я вошелъ въ кабинетъ барона, который представилъ меня бывшей тамъ женѣ своей Аннѣ Ивановнѣ; она оказалась гораздо разговорчивѣе и словоохотливѣе своего супруга.

— Дмитрій, сказала она, обращаясь къ мужу, все еще сохранявшему свой красный лоскутъ на носу; воображаю, въ какое недоумѣніе привело нашего гостя твое красное сукно на носу.

— У меня сегодня раскраснѣлся кончикъ носа, и я изъ опасенія рожи привязалъ сукна, натертаго мѣломъ.

— Скажите, что заставило васъ избрать Орденскій полкъ?

— У меня тамъ землякъ и, подобно мнѣ, страстный ружейный охотникъ.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула Анна Ивановна, въ этомъ случаѣ я вамъ нисколько не сочувствую: мнѣ такъ жаль избіенія бѣдныхъ птичекъ.

Послѣ обѣда, поблагодаривъ хозяевъ, я съ полученнымъ конвертомъ отправился въ Новую Прагу.

За неимѣніемъ въ Прагѣ гостинницы, я остановился у отставнаго трубача, ходившаго цѣлый день въ синемъ ватномъ халатѣ съ длиннымъ чубукомъ, украшеннымъ большимъ янтаремъ въ рукахъ. Трубачъ оказался великимъ моралистомъ. При видѣ большаго чемодана онъ началъ причитать.

— Все это отъ родителей, и вамъ слѣдуетъ почитать родителей. Обо всемъ хлопотали... Сегодня уже поздно, продолжалъ онъ, вамъ идти въ дивизіонный штабъ, а завтра съ десяти часовъ утра тамъ будетъ старшій дивизіонный

адъютантъ ротмистръ Малеваный; ему и подайте конвертъ изъ корпуснаго штаба.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь пообѣдать? спросилъ я.

— Знаю, знаю, сказалъ трубачъ, мы-то пообѣдали, да вы нашего и кушать не станете; ужь человѣка вашего мы накормимъ, чѣмъ Богъ послалъ, а вамъ самоваръ поставимъ, кубанъ молока подадимъ и яичекъ сваримъ.

На ужинъ появились тѣ же яички въ крутую, а на другой день они же представляли завтракъ, послѣ котораго я отправился въ дивизіонный штабъ. Ротмистръ Малеваный пригласилъ меня сѣсть и самъ за рабочимъ столомъ прочелъ поданное ему письмо.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, не родственникъ ли вамъ тотъ Фетъ, котораго имя часто встрѣчается на страницахъ Отеч. Записокъ?

— Это я самъ, отвѣчалъ я, причемъ Малеваный взглянулъ на меня съ гораздо большимъ удивленіемъ, чѣмъ я глядѣлъ на красный лоскутъ корпуснаго командира.

— По поводу вашего опредѣленія я сейчасъ же изготовлю бумагу въ полкъ и понесу ее къ подписи начальнику дивизіи, а затѣмъ пришлю вамъ ее на квартиру къ вашему трубачу; правда, тутъ и остановиться-то больше не у кого.

Къ вечеру бумага въ полкъ была мнѣ прислана изъ дивизіоннаго штаба, и, не теряя времени, я собрался въ Новогеоргіевскъ, предварительно потребовавъ счета у трубача; явился и счетъ, написанный крупными шатающимися буквами:

Завтракъ 5 яицъ 15 коп.
Обѣдъ 5 яицъ 15 коп.
Ужинъ 5 яицъ 15 коп.

При прощаньи трубачъ снова внушалъ мнѣ почтеніе къ родителямъ за объемистый чемоданъ.

XXXII

Знакомство съ однополчанами.—Братья Кащенки.—Рапъ и Каширинъ.—Небольсинъ.—Кудашевъ и Паленъ.—Крюднеръ.—Охота на вальдшнеповъ.—Троцкій.

У Борисова, изъ двухъ занимаемыхъ имъ комнатъ, я помѣстился въ задней болѣе просторной, и горя нетерпѣніемъ превратиться въ кирасира, спросилъ у Ивана Петр., какъ мнѣ это сдѣлать.

— Обратись, сказалъ онъ, къ полковому закройщику, и онъ живой рукой превратитъ тебя въ сермяжнаго рыцаря.

Черезъ часъ полковой закройщикъ, по фамиліи Лехота, снялъ съ меня мѣрку и черезъ два дня обѣщалъ одѣть меня въ рейтузы, подбитые кожей, и даже изготовить бѣлую фуражку съ номеромъ перваго эскадрона.

— Ну, братъ, отдыхай съ дороги, сказалъ Борисовъ, а тамъ надо тебѣ познакомиться съ полкомъ, въ который ты поступаешь. Самъ увидишь, какіе хорошіе люди!

Къ вечеру, пообѣдавши порядочнымъ супомъ, отличнымъ бифштексомъ и сырниками, изготовленными Борисовскимъ слугою Михайломъ, недаромъ принявшимъ фамилію Краснобаева, мы съ Борисовымъ отправились наискосокъ черезъ немощеную улицу къ одноэтажному домику съ калиткой у воротъ и входомъ съ обширнаго двора, занятому, какъ мнѣ сказалъ мой Вергилій, братьями Кащенко. Старшій Павелъ Васильевичъ, полковой квартирмейстеръ, жилъ въ комнатахъ, выходящихъ окнами на улицу, а младшій братъ его Петръ Васил. жилъ въ пристройкѣ, выходившей окнами во дворъ.

— Павелъ Васил., позвольте представить моего земляка, о которомъ я уже вамъ говорилъ, сказалъ Борисовъ сидѣвшему въ ватномъ халатѣ квартирмейстеру.

Послѣдній привсталъ и сказавъ „очень пріятно, садитесь пожалуйста“, подалъ мнѣ руку. „Акимъ! крикнулъ онъ въ другую комнату: давай чаю“.

Въ своемъ темнозеленомъ казинетовомъ халатѣ и кожаныхъ туфляхъ Павелъ Васил., которому могло быть лѣтъ 30,

не представлялъ на видъ ничего воинственнаго: кругловатое лицо его съ бѣлесыми бровями и широкимъ носомъ, съ жидкими волосиками надъ углами рта, напоминало скорѣе лицо женщины среднихъ лѣтъ, чѣмъ кирасирскаго поручика.

Пока Борисовъ перекидывался рѣчами съ хозяиномъ, я успѣлъ замѣтить, что за исключеніемъ дивана и двухъ трехъ сундуковъ, покрытыхъ малороссійскими коврами, да хозяйскаго стараго кресла, мебели въ комнатѣ не было. Замѣчательна въ комнатѣ была широкая голландская печка изъ желтыхъ поливенныхъ изразцовъ, покрытыхъ зелеными изображеніями какихъ-то хохлатыхъ птицъ; птицы не повторялись, какъ обыкновенно, однообразно на всѣхъ изразцахъ, а представляли въ сложности какую то непонятную картину.

— Что это такое за птицы? спросилъ я, чтобы нарушить свое молчаніе.

— Э! воскликнулъ Павелъ Васил. со слезливымъ выраженіемъ въ голосѣ: это написана пѣсня Мазепы послѣ Полтавскаго погрома. Вонъ та долгоносая птица куликъ, а эти хохлатыя чайки:

Куликъ чайку
Хипъ за чубайку:
Чайка кигиче
Своихъ дитокъ кличе.
Киги, киги, тай въ гору
Лучше втопиться въ Черному морю.

— А гдѣ вашъ домовый хозяинъ Варрава? спросилъ Борисовъ.

— Да должно быть опять уѣхалъ за Кременчугъ къ помѣщику Даниленкѣ; тотъ псовый охотникъ, такъ дуракъ Варрава все къ нему въ доѣзжачіе лѣзетъ; прошлую осень отъѣздилъ подъ гончими, да и опять наровитъ и на этотъ годъ занять то же мѣсто.

— Онъ мнѣ обѣщалъ, сказалъ Борисовъ, достать хорошаго лягаваго щенка отъ Даниленки.

— Какъ вернется, пришлю его къ вамъ.

Минутъ черезъ пять молодой малый въ казакинѣ внесъ три стакана чаю со сливками и малороссійской булкой. На порогѣ появился молодой сухощавый человѣкъ съ небольшой

головой, продолговатымъ носомъ, съ волосами, торчащими на макушкѣ, и тоже съ бѣднымъ признакомъ усовъ. Въ своемъ сѣренькомъ архалукѣ и сѣрыхъ военныхъ штанахъ онъ напоминалъ хохлатаго жаворонка.

— Братъ мой Петръ Васил. Кащенко, сказалъ Павелъ Васил., обращаясь ко мнѣ. Чаю! громко крикнулъ онъ, и черезъ минуту явился четвертый стаканъ.

— Кого это Богъ несетъ? сказалъ Петръ Вас., вслушиваясь въ тонкій топотъ у крыльца и раздавшійся говоръ.

— Развѣ не узнаешь хриповатаго голоса Рапа? сказалъ Павелъ Васил. Ну, такъ и есть, прибавилъ онъ, обращаясь къ подвижному кудрявому блондину, ворвавшемуся въ комнату, за которымъ шелъ стройный офицеръ съ замѣчательно красивымъ лицомъ.

— Зима, господа! воскликнулъ Рапъ, раскланиваясь со всѣми. Купи, баринъ, зиму!

— Что это вы, Рапъ, про какую то зиму толкуете? спросилъ Пав. Вас.

— Да это я въ Кременчугѣ въ инспекторскомъ караулѣ стоялъ, такъ ходилъ одинъ землякъ мой орловскій съ лубочными картинами: весна, осень, зима; ужь очень чувствительно онъ упрашивалъ: „купи, баринъ, зиму".

— Куда же вы это ѣдете? спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Да вотъ Каширинъ вздумалъ проѣхать домой въ Тясьминку, такъ и меня прихватилъ. Пообѣдаемъ да и назадъ. Тутъ всего 12 верстъ; да и не терпится мнѣ, хочу провѣдать, что такая за зима. Забѣгалъ я къ графу Палену, а тамъ Крюднеръ разсказывалъ, что будто Рихтеръ съ Крупенскимъ повздорили. Ну сами знаете, нашла коса на камень. Говорятъ, Рихтеръ уже уѣхалъ въ Тясьмину, только не къ Кашириным, а за версту дальше, въ шестой эскадронъ къ эскадронному товарищу Кази. Какъ бы чего не вышло! Зима! Ну пока прощайте, господа.

— Да вы хоть бы чаю напились, сказалъ Павелъ Васил.

— Нѣтъ, намъ некогда, мы только такъ на минутку.

— Нашего то полковаго командира, сказалъ, обратясь ко мнѣ, Пав. Вас., дома нѣтъ. Жена его постоянно проживаетъ въ Одессѣ, такъ вотъ нашъ Александръ Богдановичъ но вре-

менамъ и ѣздитъ въ Одессу; да вамъ никакой задержки не будетъ. Вы обратитесь съ просьбой къ нашему полковому адъютанту Ник. Ив. Небольсину, и онъ вамъ все устроитъ. Прелюбезный человѣкъ.

Боже, подумалъ я, помоги моей дырявой памяти разобраться въ этомъ хаосѣ новыхъ лицъ и именъ. Поневолѣ выйдетъ каша; съ одной стороны Крупенскій, а съ другой Кащенки и Каширины.

Чтобы не терять времени, мой Вергилій повелъ меня въ конецъ нашей улицы, выходящей на обширную площадь, часть которой была занята деревянными торговыми лавками, окруженными галереей съ навѣсомъ.

Небольшой городъ Крыловъ получилъ оффиціально имя Новогеоргіевска со времени поступленія въ него полковаго штаба Военнаго Ордена полка. Широкая, особенно въ весенній разливъ рѣка Тясьминъ, впадающая въ Днѣпръ и дозволяющая грузить большія барки, давала возможность мѣстнымъ купцамъ, промышлявшимъ большею частію убоемъ скота для соловаренъ, производить значительный торгъ саломъ, костями и шкурами. Зажиточные купцы, большей частію раскольники, держали свои калитки на запорѣ и ни въ какое общеніе съ военными не входили. Грунтъ улицъ былъ песчаный, но довольно твердый; зато во всемъ городѣ не было признака мостовой, какъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ того времени. „Вотъ этотъ сѣрый домъ съ рѣшеткою подъ окнами, стоящій противъ рядовъ, квартира полковаго командира генерала Энгельгардта, сказалъ Борисовъ; ты видишь, сейчасъ солдатикъ прошелъ и фуражку снялъ передъ окнами“.

— Почему же? спросилъ я:—вѣдь говорили, онъ въ Одессѣ?

— Все равно! у полковаго командира на квартирѣ стоятъ штандарты, и передъ этой святыней нижніе чины снимаютъ фуражки.

Мы повернули по площади налѣво и вошли въ калитку довольно веселенькаго домика.

Въ квартирѣ полковаго адъютанта мы застали трехъ офицеровъ за обѣденнымъ столомъ.

— Мое почтенье, господа! сказалъ Борисовъ, кладя по сво-

ему обыкновенію пригоршню правой руки въ пригоршню лѣвой и вызывая тѣмъ чужое рукопожатіе. Послѣдовали обычныя представленія. Хозяинъ Ник. Ив. Небольсинъ былъ красивый брюнетъ съ небольшими, тщательно причесанными волосами, тщательно выбритымъ подбородкомъ и большими выхоленными усами, черными, подстать глазамъ и бровямъ. Въ тѣ времена офицеры не надѣвали форменнаго платья безъ эполетъ, и Ник. Ив. даже дома былъ безукоризненно одѣтъ и застегнутъ. Нельзя было того же сказать про его сотрапезниковъ. Длинноносый, темнорусый офицеръ въ небрежно растегнутомъ сюртукѣ былъ князь Кудашевъ, а бѣлокурый, съ круглой головой на тонкой шеѣ и узкоплечій, какъ неоперившійся цыпленокъ, былъ графъ Паленъ.

— Ну пожалста, сказалъ послѣдній, вы, Николай Ивановичъ, не сердитесь. Я, душенька, такъ радъ, что вы принялъ меня обѣдать у ваше вкусный поваръ; что я захватилъ у Чибисова одну бутылку Редереръ, только одну.

— Я не сержусь, сказалъ вполголоса Небольсинъ, но нахожу только, что это излишне.

— По моему, сказалъ Кудашевъ, Небольсинъ слишкомъ съ тобою, графъ, деликатенъ. Я бы на его мѣстѣ выгналъ тебя вонъ. Какое ты имѣешь право къ его обѣду носить вино?

— Николай Ивановичъ, сказалъ покраснѣвшій какъ дѣвушка Паленъ, знаетъ наше общее къ нему уваженіе и вѣрно проститъ мнѣ мое желаніе налить ему стаканъ вина и выпить за его здоровье.

— Ты, я вижу, въ ожиданіи шампанскаго не тронулъ своего прекраснаго растегая. Позволь, я его доѣмъ, сказалъ Кудашевъ, протягивая руку черезъ тарелку Палена; но видно схватилъ очень неловко пирожокъ, такъ что послѣдній шлепнулъ въ соусъ на тарелкѣ Палена.

— Ахъ, Кудашевъ, свынья! воскликнулъ Паленъ, скорчивши гримасу омерзѣнія. Стоило бы за это тебѣ не давать вина!

— Видите, господа, сказалъ обращаясь къ намъ Кудашевъ: Паленъ всюду тычется съ своимъ шампанскимъ!

— А Кудашевъ съ своимъ неловкость, прибавилъ Паленъ.

Тѣмъ временемъ Небольсинъ вскрылъ переданный ему мною конвертъ изъ дивизіи и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ вполголоса: „будьте покойны, все будетъ исполнено, и чтобы вамъ проживать вмѣстѣ съ Иван. Петр. при штабѣ полка, вы будете зачислены въ первый эскадронъ и явитесь только къ своемубудущему эскадронному командиру Ростишевскому“.

Чтобы избавиться отъ нечаянно появившагося шампанскаго, Борисовъ раскланялся подъ предлогомъ необходимости побывать у барона Крюднера. Но къ Крюднеру мы съ Борисовымъ не попали, такъ какъ деньщикъ у калитки объяснилъ, что „поручикъ ушли, кажется, къ корнету Ревеліоти въ гости“.

— Ну, это значитъ на цѣлый вечеръ въ карты играть. Недаромъ говорятъ, что у Крюднера доходное имѣніе „преферансовка“, сказалъ Борисовъ.

Дома я очень обрадовался, увидавъ свою походную библіотеку, состоявшую главнымъ образомъ изъ Орелліевскаго изданія Горація, лексикона Люнемана и другихъ изданій того же поэта лежащими на столѣ возлѣ моей кровати. Нашлись у Борисова кое какія книжки изъ полковой библіотеки.

На другой день, напившись чаю и кофею (послѣдній пилъ я въ противоположность съ Борисовымъ, любителемъ чаю), мы пошли на квартиру къ Крюднеру, принявшему насъ съ восклицаніями: „честнòе слово, очень радъ знакомству съ новымъ охотникомъ! вѣдь пора, Иванъ Петр., и въ Реевскій лѣсъ! должно быть ужь есть вальдшнепы. Завтра утромъ заѣду за вами въ шарабанѣ и попробуемъ счастья“.

— Да вы, Крюднеръ, заходите сегодня къ намъ обѣдать, сказалъ Борисовъ.

— Честнòе слово приду, воскликнулъ Крюднеръ. Кстати посмотрю ружье новаго охотника. Ваше то, Ив. Петр., я знаю.

Въ это время раздался звонъ колокольчика, и шарабанъ прогремѣвъ остановился у калитки. Черезъ минуту въ комнату вбѣжалъ уже знакомый мнѣ Рапъ и слѣдомъ за нимъ Каширинъ.

— Здравствуй, капитанъ! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Крюднеру.

— Какой я капитанъ! хмурясь сказалъ Крюднеръ: прошу оставить эту фамильярность.

— Ну полно, полно, чего расходился! сказалъ Рапъ и затѣмъ, качнувъ кудрявой головой, вполголоса прибавилъ: вотъ зима то! вы тутъ ничего не знаете, а мы съ Каширинымъ набрались страху. Ужь и не знаемъ, говорить или молчать.

— Что такіе за секреты? сказалъ Крюднеръ: честное слово, вздоръ какой нибудь.

— Хорошо, кабы былъ вздоръ, а то зима! Тебѣ извѣстно хорошо, какіе любезные его родители, сказалъ Рапъ, кивнувъ на Каширина,—старикъ Никол. Ѳед. и матушка тоже. Ночуйте, говорятъ; такъ и не пустили; разугостили ужиномъ отличнымъ. Сегодня вотъ Николай Николаевичъ рано утромъ говоритъ: не будемъ пить дома чаю, а сбѣгаемъ сперва къ ротмистру Гайли въ шестой эскадронъ. Сестра будетъ очень рада насъ видѣть и напоитъ отличнымъ кофеемъ. Вы знаете, какой Гайли самъ хлопотунъ и охотникъ угостить не хуже жены. А тутъ смотримъ, на человѣкѣ лица нѣтъ; спрашиваемъ: что такое?—Развѣ вы не знаете, что случилось? спросилъ Гайли: вчера мы съ женой только что сѣли обѣдать, какъ прибѣгаетъ эскадронный вахмистръ и говоритъ: ваше бл—діе, несчастіе! въ манежѣ господа застрѣлили корнета Рихтера. Прибѣгаю въ манежъ и вижу, что Крупенскій съ помощью Кази и полковаго доктора, срѣзавъ съ пуговицъ окровавленный сюртукъ Рихтера, собираются нести послѣдняго къ стоящимъ близь манежа коляскѣ и тарантасу. Вижу, что Кази, этотъ богатырь, ломающій подковы, перетрусилъ до смерти; „скажите, говоритъ, Небольсину, что мы съ докторомъ увозимъ раненаго, если онъ только не умретъ дорогой, въ Кременчугъ. Надо хоть матери его написать, чтобы туда пріѣхала“. Покуда они укладывали раненаго, я насилу могъ понять, что Рихтеръ вызвалъ Крупенскаго на дуэль, и Кази да еще Головня не могли отказаться быть секундантами. И какъ нарочно все случилось, когда нашего Александра Богдан. нѣтъ въ полку. Что теперь будетъ, и не знаю. Дня черезъ два Кази вѣроятно пріѣдетъ изъ Кременчуга и все разскажетъ; жаль его, добряка, что онъ такъ попался въ чужомъ дѣлѣ.

Мы только на минутку, прибавилъ Рапъ, а то надо все передать Небольсину.

Потолковавши послѣ ухода пріѣзжихъ о судьбѣ, ожидавшей дѣйствующихъ лицъ драмы, мы пошли домой объявить Михайлѣ Краснобаеву о томъ, что Крюднеръ будетъ къ обѣду.

Въ 4 часа пришелъ Крюднеръ и, выпивъ двѣ рюмки водки, пообѣдалъ съ великимъ удовольствіемъ и выпилъ предложенный ему мною стаканъ кофею.

— Ко мнѣ, сказалъ онъ, соберется кое кто вечеромъ поиграть въ карты. Вечеръ чудесный, проводите меня до дому.

Когда мы прошли мимо квартиры Кащенокъ, навстрѣчу намъ попался Рапъ.

— А Небольсинъ давно ужь услалъ эстафетъ въ Одессу къ Александру Богдановичу; теперь одна надежда на него. Онъ у насъ молодецъ: своихъ не выдастъ.

— Заходите, сказалъ Крюднеръ, когда мы подошли къ его калиткѣ: потолкуемъ о завтрашней охотѣ; хорошее у васъ ружье, сказалъ онъ мнѣ. Вы сами его изъ Франкфурта вывезли?

— Самъ.

— Посмотрите мое ружье, сказалъ онъ, входя въ свою главную комнату. Ефимъ, подай сюда ружье!

— Ружье хорошее, замѣтилъ Рапъ, да легкоранно.

— Рапъ, перестаньте глупости говорить! вспылилъ Крюднеръ.—А ужь про собаку и говорить нечего! Бриганъ, иси! крикнулъ Крюднеръ; и на зовъ его изъ спальни явилась сѣрая въ краплинахъ французская собака.—Вы увидите, какое это сокровище на охотѣ.

— Собака хороша, замѣтилъ Рапъ, но безъ аппелю.

— Честное слово, Рапъ, это изъ рукъ вонъ! Ефимъ, выведи корнета Рапа! подай ему его фуражку и попроси выдти вонъ.

Взявши фуражку изъ рукъ Ефима, Рапъ самъ по дамски просунулъ руку черезъ локоть Ефима и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ въ дверь. Но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ снова вошелъ и раскланиваясь воскликнулъ: „добрый вечеръ, баронъ, и вамъ, господа!“

На другой день въ 6 ч. утра, лихо прозвенѣвъ колоколь-

чикомъ, Крюднеръ, сидя въ длинномъ плетеномъ шарабанѣ, запряженномъ доброй четверкою рыжихъ лошадей, управляемыхъ другимъ деньщикомъ, одѣтымъ по кучерски, остановился у насъ подъ окнами.

— Борисовъ! кричалъ Крюднеръ, пора въ Реевку, выходите!

Такъ какъ мы съ вечера все приготовили, то черезъ нѣсколько минутъ, усѣвшись на мягкомъ сѣнѣ, быстро покатили за городъ, мимо дома полковаго командира и затѣмъ широкой улицей, представлявшей какъ бы предмѣстье города, мимо полковаго манежа и конюшенъ перваго эскадрона.

Независимо отъ легкости самого экипажа, хорошо съѣзженная четверка бойко неслась и явно радовала Крюднера.

— Онъ у меня жуиръ, сказалъ Крюднеръ, указывая на кучера, выпить не дуракъ, но ѣздитъ хорошо. Ты не давай Любчику-то баловаться; да и Сашокъ то тоже подыгрываетъ.

— Вѣдь это, баронъ, вы надавали своимъ лошадямъ имена Каширинскихъ барышенъ, сказалъ Борисовъ.—Этимъ пожалуй Николай Каширинъ можетъ обидѣться.

— Какой вздоръ! воскликнулъ Крюднеръ: барышни хорошія и красивыя и лошадки красивыя. Вотъ я ихъ именами то еще подкрасилъ. На дняхъ надо собраться къ Кашириным обѣдать, они добрые люди.

Проѣхавши версты $1^1/_2$ по большой дорогѣ, мы увидали влѣво холмъ еще безлиственнаго лѣса.

— Видите ли, сказалъ Крюднеръ, когда мы вошли въ небольшую полосу лѣса по лѣвую сторону широкаго ручья, имѣвшаго въ настоящее время видъ весьма порядочной рѣки:—Бригашка то мой тянетъ; расходитесь по сторонамъ и караульте вальдшнепа.

Вальдшнепъ дѣйствительно взлетѣлъ и былъ убитъ Крюднеромъ.

— Ну, тутъ на этой сторонѣ теперь взятки гладки; если охотиться, то надо перебираться на правую сторону рѣчки; тамъ то главный лѣсъ и главная охота. Но какъ туда перебраться? лодки тутъ быть не откуда, а вотъ съ берега на берегъ изъ воды торчатъ колышки плетня, должно быть перегородили ручей для рыбной ловли. Попробуемъ перебраться

по плетню, придерживаясь гдѣ можно за колья и нащупывая самый плетень ногами подъ водою.

Въ главной части лѣса вальдшнеповъ дѣйствительно оказалось много, такъ что не только Крюднеръ, шедшій непосредственно за собакой, но и мы съ Борисовымъ, равнявшіеся съ боковъ, набили по нѣскольку вальдшнеповъ.

На обратномъ пути вымокшій подобно намъ баронъ былъ въ духѣ.

— Чудесно поохотились, Иванъ Петровичъ! воскликнулъ онъ; будемъ обѣдать вмѣстѣ; я только переодѣнусь дома и приду къ вамъ.

— Милости просимъ, добродушно сказалъ Борисовъ.

Но во все время моего сожительства съ Борисовымъ, Крюднеръ, не державшій дома стола, по крайней мѣрѣ раза два въ недѣлю, если не болѣе, приходилъ къ намъ обѣдать.

Борисовъ отъ своего опекуна, отца моего, получалъ навѣрное около 600 руб. въ годъ, кромѣ корнетскаго жалованья. Я же долженъ былъ устраивать годовое свое содержаніе на 300 руб. Очевидно, что хлѣбосольство Борисова, съ которымъ мы держали столъ на половинныхъ издержкахъ, не могло мнѣ нравиться; но всѣ мои намеки и даже явныя увѣщанія по этому предмету оставались тщетными.

— Э, душа моя! восклицалъ онъ, ну что за пустяки! Крюднеръ отличный человѣкъ.

Такое положеніе вещей не ускользнуло отъ зоркости Краснобаева, который, услыхавъ о предстоящемъ „будемъ вмѣстѣ обѣдать“, говаривалъ: „сегодня къ вамъ, а завтра къ вашей милости, послѣ завтра къ вашему здоровью, а къ намъ собаки лихи“.

Порою и у Крюднера сходилась молодежь, но не по поводу какихъ либо угощеній; не помню, подавался ли даже чай. Обыкновенно Крюднеръ бралъ гитару и напѣвалъ разныя шуточныя пѣсенки.

Большею частію пѣсни эти были хоровыя.

Такою напр., была пѣсня про богатаго и бѣднаго мужика, изъ которой привожу только одинъ цензурный куплетъ:

У богатаго мужика на стѣнѣ картина,
А у бѣднаго въ носѣ паутина.

— подпѣвалъ Крюднеръ. А затѣмъ хоръ подхватывалъ:

Совайся, Ничипоре, совайся.

Можно между прочимъ понять, что праздная молодежь отъ скуки сбиралась къ Крюднеровой гитарѣ, но нельзя понять, зачѣмъ у Крюднера по временамъ появлялся небольшаго роста толстоватый фурштадтскій офицеръ Ѳеофилъ Николаевичъ Троцкій. Съ темными волосами, коротко остриженными и, по причинѣ выступающихъ сѣдинъ, цвѣта перца съ солью, Ѳеофилъ Николаевичъ напрасно старался синими очками закрыть огромное бѣльмо на правомъ глазу.

Невзрачная эта фигура вѣроятно внушила Крюднеру музыкальное славословіе, зачастую распѣваемое хоромъ подъ гитару и въ отсутствіе Ѳеофила Николаевича. Но когда послѣдній попадалъ въ молодую компанію, Крюднеръ считалъ для себя обязательнымъ, взявши гитару, торжественнымъ голосомъ возглашать: „посвящается рабъ Божій Ѳеофилъ въ циклопы".

При этомъ возгласѣ Ѳеофилъ Николаевичъ вставалъ и, дѣлая попытки уйти, говорилъ: „оставьте, господа, оставьте пожалуйста".

Но каждый разъ бывалъ насильно удерживаемъ и выслушивалъ словословіе до конца.

Вслѣдъ за торжественнымъ возгласомъ, подъ мелкіе щипки гитары, Крюднеръ отчетливо выговаривалъ:

Не военный и не штатскій,
Просто сѣренькій фурштадтскій,
Троцкій молодецъ!

Послѣдній стихъ громогласно повторялся хоромъ.

Не мущина и не баба,
Просто сѣренькая жаба,
Троцкій молодецъ!
Не въ Крыловѣ, не въ Левадѣ,
Просто сѣренькій въ оградѣ,
Троцкій молодецъ!

Не пѣшкомъ и не верхомъ,
Просто сѣренькій съ брюшкомъ.
Троцкій молодецъ!
Не безглазый и не зрячій,
Просто сѣренькій смердячій,
Троцкій молодецъ!

Каждому предоставлялось право предлагать новый куплетъ съ условіемъ непремѣннаго эпитета „сѣренькій“, характерный цвѣтъ фурштадтскаго мундира.

XXXIII.

Ученье во фронтѣ. — Лисицкій и Веснянка.—Дм. Ер. Сакенъ. — Семейство Кашириныхъ и Гайли.

Давно закройщикъ Лихота принесъ мнѣ полную кирасирскую форму изъ толстаго армейскаго сукна́, и гордясь привинченными къ форменнымъ сапогамъ солдатскими шпорами, я съ непривычки не разъ бороздилъ ими сапоги, причиняя немалую боль подвернувшейся подъ репеекъ ногѣ.

Красивый и сдержанный командиръ лейбъ-эскадрона Ростишевскій сказалъ мнѣ, что я зачисленъ имъ во второй взводъ ко взводному вахмистру Лисицкому, который будетъ учить меня пѣшему фронту, а учить верховой ѣздѣ поручено эскадронному вахмистру Веснянкѣ.

Представиться полковому командиру мнѣ не удалось, такъ какъ прискакавшій рано утромъ Александръ Богдановичъ только переговорилъ съ Небольсинымъ и тотчасъ же ускакалъ въ дивизію, корпусный штабъ и штабъ инспектора резервной кавалеріи Никитина въ Кременчугѣ.

— Передайте Гайли, сказалъ генералъ Небольсину, чтобы его дуракъ вахмистръ не смѣлъ болтать выдуманныхъ имъ пустяковъ; весь полкъ хорошо знаетъ и можетъ на слѣдствіи показать, что это была просто несчастная случайность. Рихтеръ, хвастая передъ Крупенскимъ и Кази купленными пи-

столетами Лепажа, неосторожно дернулъ изъ подъ мышки заряженный пистолетъ и нечаяннымъ выстрѣломъ ранилъ себя въ грудь. Я сейчасъ скачу по начальству возстановить истину.

Часъ спустя, Энгельгардтъ летѣлъ уже въ Новую Прагу.

Черезъ нѣсколько времени было назначено формальное слѣдствіе, подтвердившее только рапортъ и разсказъ полковаго командира.

Тѣмъ временемъ мнѣ сильно хотѣлось преобразиться въ формальнаго кирасира, и я мечталъ о бѣлой перевязи, лакированной лядункѣ, палашѣ, мѣдныхъ кирасахъ и каскѣ съ гребнемъ изъ конскаго хвоста, высящагося надъ георгіевской звѣздой. Нерѣдко обращался я съ вопросами объ этихъ предметахъ къ Борисову, который, не любя фронтовой службы, хмурясь, отвѣчалъ мнѣ: „зачѣмъ ты, братецъ, поминаешь такія страшныя вещи? Пожалуйста, не превращай мою квартиру въ станъ воинскій“.

Я не зналъ, что всѣ эти принадлежности хранятся во взводномъ цейхгаузѣ и выдаются на руки только при исполненіи службы. Зато я со всѣмъ рвеніемъ предался изученію фронтовой службы, для чего ежедневно проходилъ отъ Борисовской квартиры черезъ весь городъ той самой дорогой, которой мы проѣзжали съ Крюднеромъ на охоту, въ 6 час. утра въ конюшню втораго взвода на пѣшее ученье къ вахмистру Лисицкому. Такимъ образомъ каждый день мнѣ приходилось пройти версты двѣ и столько же назадъ. По окончаніи пѣшаго ученія, продолжавшагося часа два, мнѣ вели изъ втораго взвода засѣдланную лошадь въ манежъ, куда являлся самъ эскадронный вахмистръ Веснянка гонять меня на кордѣ. Вмѣстѣ со мною училось пѣшему фронту пять или шесть новобранцевъ. Тутъ я могъ убѣдиться въ подспорьи, представляемомъ даже въ тѣлесномъ упражненіи извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ.

Видно было, какихъ усилій стоило рекрутамъ правильно дѣлать по командѣ поворотъ. Разсказывали, будто въ недавнемъ прошломъ, для укрѣпленія въ памяти противоположности праваго лѣвому, новобранцамъ привязывали къ одной ногѣ сѣно, а къ другой солому. До этого не доходило на нашихъ

ученіяхъ, не лишенныхъ, впрочемъ, трагизма. Такъ одинъ, помнится, Несторенко, при командѣ во фронтъ, никакъ не могъ привести своего тѣла въ линію соприкосновенія локтями съ локтями товарищей, а не взирая на фронтъ остальной шеренги, останавливался, не довернувшись на полъ или четверть оборота.

— Несторенко, ты какой губерніи? спрашивалъ инструкторъ Лисицкій.

— Пилтавской, отвѣчалъ рекрутъ.

— Чей ты?

— Генеральши... (Несторенко называлъ фамилію).

— Ты крещеный?— Глаза Несторенки мгновенно наливались слезами: „тоже крестъ на груди ношу“.

— Отчего жь ты не любишь своихъ товарищей и все отъ нихъ отворачиваешься? Я заставлю тебя всѣхъ ихъ перецѣловать.

Горячія слезы текли по щекамъ Несторенки, а онъ все не догадывался довернуться на одну осьмую. Надо было сознаться, что когда его гоняли на кордѣ, на пескѣ передъ конюшней, да къ тому же на немилосердно тряской лошади, которой всѣ во взводѣ обѣгали, онъ не имѣлъ никакого воинственнаго вида, а скорѣе походилъ на голаго воробья, готоваго ежеминутно вывалиться изъ гнѣзда.

— Охъ, Несторенко, говорилъ Лисицкій при концѣ ученія,— надѣну я на тебя полную парадную форму, осѣдлаю этого самаго Кадма и отправлю ординарцемъ къ твоей генеральшѣ: нехай полюбуется, какимъ сокровищемъ она насъ наградила.

Не буду говорить о важности моего коннаго инструктора Веснянки. Онъ зачастую обходилъ эскадронныя конюшни съ писаремъ, читавшимъ вслухъ приказы по полку, а затѣмъ при случаѣ, отваливая назадъ корпусъ, снабженный значительнымъ животомъ, онъ, совершенно неграмотный, съ важностью говорилъ взводу или эскадрону: „я намедни вамъ читалъ“.

Не знаю почему, принимая вѣроятно меня за богатаго юнкера, отъ котораго инструктору могутъ перепадать карбованцы, Веснянка самъ взялся за мое образованіе; но убѣдясь

современемъ въ противномъ, передалъ и конное обученіе мое Лисицкому. Конечно, Лисицкій не оставилъ моего предшествовавшаго образованія безъ критики.

— Не мудро, говорилъ онъ, посадилъ было васъ Веснянка: все бы хорошо, да средствія нѣтъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начнется у насъ полковой кампаментъ, и я безпремѣнно васъ поставлю на конѣ во фронтъ.

Но еще до сбора въ полковой штабъ пришло извѣстіе, что его выс—пр—ство Дмитрій Ерофеевичъ проѣздомъ черезъ штабъ изволитъ смотрѣть первый эскадронъ.

Однажды утромъ, когда я только что вернулся съ своего обычнаго ученія, прибѣжалъ нарочный со словами: „корпусный командиръ требуетъ васъ; пожалуйте на квартиру полковаго командира“.

Пока я одѣвался въ полную пѣшую парадную форму, прибѣжалъ самъ Николай Ивановичъ осматривать мой туалетъ и тщательно причесывать мои волосы, несмотря на то, что я былъ остриженъ по формѣ. Я уже выучился ординарческимъ шагомъ переходить черезъ порогъ и правильно становиться у притолоки.

— Здравствуйте, Фетъ, сказалъ корпусный командиръ.

— Здравія желаю, ваше выс—пр—во!

— Ростишевскій, каковъ онъ по службѣ? прибавилъ Сакенъ, обращаясь къ эскадронному командиру.

— Очень усерденъ и исполнителенъ, ваше выс—пр—во.

— Я былъ увѣренъ, сказалъ тоненькимъ голоскомъ Дм. Ероф., но жаль, прибавилъ онъ, что у него нѣтъ военнаго взгляда. Я спросилъ его, не замѣтилъ ли онъ чего въ моей племянницѣ, и онъ сказалъ: „ничего не замѣтилъ“, а черезъ три дня я получилъ письмо, что она родила дочь.

Часа въ 3 пополудни на песчаной площади за торговыми лавками, Сакенъ пропускалъ первый эскадронъ въ конномъ строю справа по одному. Желая вѣроятно похвастать неизмѣняемостью моей посадки на быстрыхъ аллюрахъ и въ особенности на рыси, Лисицкій поставилъ меня на унтеръ-офицерскомъ мѣстѣ въ задней шеренгѣ на такой лошади, которая, я чувствовалъ, плыла подо мною какъ лебедь. Увы! я не зналъ, что иноходь, столь покойная для всадника, составляетъ ве-

личайшій порокъ манежной лошади, порокъ, внушавшій Дмитрію Ерофеевичу одинъ изъ множества сарказмовъ, какими онъ награждалъ неудачныхъ кавалеристовъ. Покуда я проходилъ шагомъ, дѣло обошлось благополучно; но только что я по командѣ рысью поравнялся съ начальствомъ, Сакенъ воскликнулъ: „Боже мой, тарпота, налѣво!“ и я долженъ былъ выѣхать вонъ изъ фронта въ качествѣ забракованнаго. Правда, что ко мнѣ набралось еще нѣсколько, заслужившихъ другіе эпитеты, вродѣ: „дышло, налѣво“, „свинка, налѣво“; такимъ образомъ усердіе Лисицкаго еще разъ подтвердило для меня пословицу: „le mieux est l'ennemie du bien“.

Чтобы не возвращаться къ мелкимъ, но весьма характернымъ чертамъ Дм. Ероф., столь хорошо памятнымъ его подчиненнымъ, позволю себѣ сказать все, чему былъ личнымъ свидѣтелемъ, или что передавалось изъ устъ въ уста. Трудно брать на себя роль судьи исторической личности, какою былъ Дм. Ероф., но знавшему его близко—невозможно не любить этого безпримѣрно храбраго и благороднаго человѣка. Не берусь указывать на взаимную связь его набожности и храбрости; знаю только, что, садясь на коня, онъ едва замѣтно не только крестилъ грудь, но и сѣдло. Въ этомъ случаѣ набожность и отвага идутъ объ руку, но вотъ гдѣ храбрость выступаетъ въ одиночку.

Въ Севастополѣ, когда деньщикъ по случаю влетѣвшаго въ комнату снаряда сталъ будить Дм. Ероф., восклицая: „ваше сіятельство, бомба“; — Дм. Ероф. отвѣчалъ: „ты, дуракъ, прежде чѣмъ будить, поглядѣлъ бы, можетъ быть это ядро“. Какимъ оно въ дѣйствительности и оказалось.

Двойныя рамы въ такъ называемомъ дворцѣ, въ которомъ жили Сакены, были обиты кругомъ зеленымъ сукномъ; тѣмъ не менѣе, сидя отъ окна въ отдаленіи, генералъ сказалъ однажды при мнѣ женѣ своей: „Нина, здѣсь дуетъ“. Эта выходка задрала меня отчасти за живое по слѣдующему поводу.

Въ ненастный осенній день я въ качествѣ адъютанта сопровождалъ Дм. Ер. на ученье. Отъ частыхъ дождей степной черноземъ разгрязнился, и мокрыя лошади вязли въ грязь по щиколотку. При этомъ сильный сѣверный вѣтеръ пронизывалъ насъ стоящихъ на мѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ

при прохожденіи полковъ церемоніальнымъ маршемъ. Оставаясь въ кирасирской одеждѣ, я держалъ правую руку висящею внизъ и не замѣчалъ, что дождикъ, наливаясь въ раструбъ краги, заставлялъ ее толстымъ швомъ немилосердно врѣзаться въ кисть руки.

Когда я дома съ великимъ усиліемъ снялъ перчатку, оказалось на правой рукѣ расширеніе вены, которая на память этого дня осталась расширенной на всю жизнь.

Понятно, что лошади съ хвостами, пропитанными грязью, и съ растрепавшимися гривами не могли представлять красиваго строя. Видимо раздражаясь неудовлетворительностью церемоніальнаго марша, Дм. Ер., подобно намъ въ одномъ мундирѣ, забылъ дождикъ и стужу и продержалъ насъ на ученьи цѣлый день. Вечеромъ того же дня послѣдовалъ приказъ по корпусу: „замѣчено мною, что войска не умѣютъ ходить церемоніальнымъ маршемъ въ ненастную погоду, а потому предписываю начальствующимъ производить церемоніальные марши преимущественно въ ненастье“.

Услыхавъ жалобу Дм. Ер. на холодъ отъ оконъ, я спросилъ его: „ваше выс—пр—о жалуетесь на ревматическое ощущеніе, а между тѣмъ въ одномъ мундирѣ проводите цѣлый день на конѣ подъ холоднымъ дождемъ?“

— На царской службѣ простудиться нельзя, былъ лаконическій отвѣтъ.

Дошли до корпуснаго командира и нѣкоторыя строфы моего „Полковаго звѣринца“, и онъ, прихихикивая, декламировалъ:

Вотъ Кащенки и Петръ и Павелъ,
Я въ клѣткѣ ихъ держу одной,
Звѣрки ручные, честныхъ правилъ
И по домашнему съ лѣнцой.

— Какая вѣрная фотографія. Называйте мнѣ по очереди всѣхъ вашихъ эскадронныхъ командировъ.

Подтрунивши надъ дружбою Петровыхъ, онъ спросилъ: „а кто же у васъ теперь послѣ Гайли командуетъ шестымъ эскадрономъ?“

И когда я назвалъ ему завзятаго толстаго хохла Безра-

децкаго, онъ воскликнулъ: „о! это герой, но не моего романа“.

Въ этой истинѣ пришлось бѣдному Безрадецкому убѣдиться во время эскадронныхъ смотровъ корпуснаго командира въ манежѣ.

Многія мысли Дм. Ероф., выраженныя въ письменныхъ проэктахъ, являлись какъ бы зарею позднѣйшихъ нововведеній, начиная съ гимнастики на конѣ и кончая превращеніемъ всей кавалеріи въ драгунъ въ качествѣ летучей пѣхоты. Довольно странно было только требованіе нѣкотораго вольтижерства отъ кирасиръ на девяти-вершковыхъ лошадяхъ 6-го эскадрона. Спѣшивъ въ манежѣ людей 6-го эскадрона, Дм. Ероф. вдругъ скомандовалъ: „закинь стремена, садись“. При исполненіи этого генералъ замѣтилъ, что для болѣе удобнаго взлѣзанія одинъ солдатикъ стащилъ стремя съ сѣдла и при помощи его сѣлъ на лошадь. „Ротмистръ, обратился генералъ къ Безрадецкому,—вызовите средняго человѣка во второмъ заднемъ отдѣленіи 2-го взвода передъ эскадронъ“. И когда виновный выѣхалъ впередъ, Дм. Ероф. сказалъ: „ротмистръ, прикажите эскадрону повторять за вами: „измѣнникъ“. Надувшись и покраснѣвши какъ ракъ, осадистый Безрадецкій торжественно возгласилъ: „его выс—пр—сходытэльство, господынъ корпусный командыръ приказать изволилъ, шобъ вы повторали за мною: измынникъ“.

— Боже мой, Безрадецкій! воскликнулъ генералъ: зачѣмъ вы во фронтѣ говорите по хохлацки? Оставить! Повторите мою команду по русски; передъ вами не чумаки, а солдаты.

Новый приливъ крови къ лицу ротмистра и новое оглашеніе: „его выс—пр—о“ и т. д.

— Отставь, раздалось снова. И такъ нѣсколько разъ кряду.

Не буду утверждать, но у насъ говорили, будто слова кавалерійскимъ сигналамъ сочинены были Дм. Ероф., который весьма часто на эскадронныхъ смотрахъ заставлялъ солдатъ пѣть ихъ. Такъ заставилъ онъ въ 6-мъ эскадронѣ здоровеннаго кирасира пропѣть: строить фронтъ. Набравши воздуху въ богатырскую грудь, кирасиръ, вмѣсто словъ:

„Стремглавъ, друзья, постройтеся,
Чтобъ фронтомъ идти на врага“.

— проревѣлъ:

„Струмгламъ, друзьямъ, приструнтеся,
Шобъ рундомъ идти на руга“.

Выслушавъ пѣвца, Дм. Ероф. кротко сказалъ Безрадецкому: „ротмистръ, я васъ такъ приструню, что у васъ всѣ рога пропадутъ“.

Вообще при случаѣ Дм. Ер. не стѣснялся въ замѣчаніяхъ. При мнѣ однажды, замѣтивъ, что у являвшагося ему гусарскаго корнета шарфъ, вѣроятно по причинѣ тонкой таліи, былъ собранъ чрезмѣрно большими буфами у пряжекъ, генералъ, глядя ему въ лицо, тихо повторялъ: „у васъ уши очень длинны“. Бѣдный корнетъ переконфузился, думая вѣроятно, что въ этомъ была вина его матери. И только тогда нѣсколько справился съ мыслями, когда генералъ указалъ ему на пряжки шарфа.

Однажды, когда мы съ Борисовымъ сидѣли вечеромъ съ папиросами у раскрытаго окна, подъ послѣднимъ появился Крюднеръ, громко восклицая: „Иванъ Петровичъ, я собираю на завтра гостей къ Каширинымъ; поѣдемъ съ нами; честное слово, отличные люди. Надо ѣхать къ 4-мъ часамъ къ обѣду, и Гайли тоже тамъ будетъ; прекрасное семейство“.

— Да вѣдь мы, баронъ, недавно, кажется, тамъ были.

— Полно, Иванъ Петровичъ, что за счеты! Самъ Ник. Ник. Каширинъ зоветъ; они добрые люди, это имъ ничего не стоитъ.

Вотъ оригинальная логика, подумалъ я.

— Вы садитесь со мною въ шарабанъ, мѣста много: еще захватимъ кого нибудь. Я и Ревеліоти подговорилъ. Что ему, богатому человѣку, стоитъ нанять тройку Брайко. Ты, Иванъ Петровичъ, знаешь эту тройку сѣрыхъ: степныя небольшія лошадки, но чудесно подобранная тройка. Такъ завтра я за вами заѣду, сказалъ Крюднеръ, пускаясь отъ окна въ дальнѣйшій обходъ.

— Вотъ зима то! воскликнулъ подошедшій Рапъ: ходитъ этотъ капитанъ по всему городу и сзываетъ охотниковъ драть

съ Кашириныхъ кожу; вѣдь это, помилуйте, нагрянутъ двадцать человѣкъ къ обѣду, а тамъ своихъ однѣхъ барышенъ кажется шесть штукъ, да Гайли съ женою подъѣдетъ, да сами хозяева, вѣдь это больше 30 человѣкъ за столомъ.

— И вы будете? спросилъ Борисовъ.

— На кожу? нельзя же, зима! тутъ отъ капитана не уйдешь.

— Да отчего вы, спросилъ я, называете его капитаномъ, когда онъ поручикъ, а капитановъ въ кавалеріи нѣтъ?

— Да это не я, а корпусный командиръ окрестилъ его капитаномъ; воспитанникъ кадетскаго корпуса, онъ сохранилъ признаки строгой пѣшей выправки, и у него такія рыжія бакенбарды, какихъ у насъ ни у кого не бываетъ. „Боже мой! сказалъ увидавши его Дмитрій Ерофеевичъ: онъ совершенный капитанъ". Съ той поры и подхватили: капитанъ да капитанъ. Сперва онъ сердился, а теперь попривыкъ.

На другой день послѣ полудня нѣсколько бричекъ и телѣгъ, проѣхавши 10 или 12-ти верстное разстояніе мѣстами по зыбучему песку, взъѣхало на широкій дворъ большаго деревяннаго барскаго дома. Человѣкъ 15 офицеровъ, слѣзая у крыльца флигеля молодаго Каширина, входили туда, прося слугу обмахнуть налетѣвшую на нихъ пыль. Пока гости умывались и обчищались, изъ дому подошелъ во флигель самъ хозяинъ, отставной артиллерійскій капитанъ Ник. Ѳед. Каширинъ. Это былъ средняго роста сѣдой старичекъ въ отставномъ мундирномъ сюртукѣ съ короткимъ чубучкомъ сигарной трубочки въ рукахъ, въ которой почти не потухала сигара.

Справедливость требуетъ замѣтить, что дешевыя эти сигары испускали дымъ, далеко не благовонный. Происходилъ Каширинъ, если не ошибаюсь, изъ дворянъ Орловской губерніи и, будучи еще на службѣ, не знаю гдѣ, быть можетъ при передвиженіи батареи въ Польшу въ 30 году, женился на красивой и ловкой полькѣ и купилъ населенное имѣніе съ усадьбой на берегу рѣки Тясьмины.

— Пожалуйте, господа, очень рады, говорилъ онъ, пожимая руки пріѣзжимъ, и вся толпа вслѣдъ за нимъ пошла къ крыльцу большаго дома. Самъ полковой товарищъ нашъ, Ник. Ник. представилъ меня своимъ родителямъ и тремъ

старшимъ сестрамъ, такъ какъ три меньшихъ еще рѣдко показывались изъ дѣтской.

— Черезъ часъ послѣ нашего пріѣзда появилась и самая старшая изъ дочерей Кашириныхъ Ольга Никол., бывшая замужемъ за командиромъ близь стоящаго 6-го эскадрона ротмистромъ Гайли.

Но прежде чѣмъ говорить о послѣднемъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о дамахъ. Сама хозяйка ловкая и распорядительная, несмотря на сохранившіеся слѣды миловидности, носила въ букляхъ своихъ болѣе сѣдыхъ, чѣмъ черныхъ волосъ.

Всѣ дочери отличались замѣчательной красотой и пышными, свѣтлорусыми волосами, доходившими у нѣкоторыхъ до золотистаго оттѣнка. Всѣ онѣ носили семейное сходство, по которому, видя ихъ вмѣстѣ, невозможно было не признать ихъ сестрами. Любезность старшей дѣвицы Александры Николаевны доходила, несмотря на естественность, до нѣкотораго искательства. Вторая Любовь Никол., не взирая на красоту, была какъ-то холодно сдержанна; а о 16-ти лѣтней Алевтинѣ Николаевнѣ нельзя было ничего сказать, кромѣ того, что это было прелестное дитя. Въ домѣ всѣ звали ее Левтикъ, и подъ этимъ именемъ она была извѣстна и у насъ въ полку, но конечно только въ своемъ кругу.

Что касается до ротмистра Гайли, то это былъ типъ прежняго гусара. Средняго роста съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосъ на головѣ и съ висящими во всю грудь усами, Гайли являлъ видъ добродушно насмѣшливой безпечности. Признакомъ былаго щегольства, въ лѣвомъ ухѣ оставалась золотая пуговка мужской сережки. Несмотря на скудныя средства, доставляемыя жалованьемъ, онъ и женатый сохранилъ безшабашныя привычки гусарскаго поручика. Не думаю, чтобы Каширины помогали ему деньгами, но такъ какъ они жили, какъ и всѣ въ военномъ поселеніи, въ казенной отопленной и освѣщенной квартирѣ съ пайками на двухъ деньщиковъ, съ широкой возможностью кормить при эскадронѣ лошадей, коровъ и всякаго рода живность, то до нѣкоторой степени можно понять, какъ прелестная Ольга Николаевна умѣла всякій разъ выходить изъ внезапныхъ приглашеній Эдуардомъ

Ивановичемъ гостей. „Какой вздоръ! восклицалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ по поводу смущенія жены: мы солдаты, намъ не нужно вашихъ фрикасе; давайте намъ побольше говядины и каши; дайте намъ водки, простаго крымскаго вина, вотъ все, что намъ нужно“. И если кто либо при этомъ рѣшался замолвить слово о затрудненіяхъ, въ которыя онъ ставилъ красавицу жену, то, вытягивая свой длинный рыжеватый усъ, онъ обыкновенно говаривалъ: „я рѣшительно не понимаю нынѣшней молодежи; всего у нихъ много и ничего нѣтъ. У насъ было очень мало и все было. Бывало, на балъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ мы не нуждались въ экипажахъ. Сверхъ гусарскихъ чикчиръ надѣнешь строевые рейтузы, сверху накинешь шинель и отправляешься верхомъ. Тамъ вѣстовой гусаръ поможетъ снять рейтузы и уведетъ лошадей на конюшню; танцуешь всю ночь, да не такъ, какъ теперешняя молодежь, которая на балѣ похожа на мертвецовъ, а затѣмъ опять домой спать. А на чемъ спать? ту же шинель положишь и на нее кожаную подушку. У меня она была вся въ заплатахъ, и какъ бывало станетъ пухъ лѣзть, то и крикнешь деньщику: „неси въ сапожную швальню“. Тамъ нашьютъ заплатку, и опять спишь. Нужно бывало деньги, придешь къ товарищу и скажешь: „я у тебя возьму 25 р.“; „ну, скажетъ, бери“. А ему все равно: я ли возьму или вечеромъ онъ самъ проиграетъ“.

Неизвѣстно, почему плохой кавалеристъ былъ въ глазахъ Эдуарда Ивановича физикъ. Это презрительное названіе давалъ Эдуардъ Ивановичъ всякому неловкому и неуклюжему человѣку. Къ этому надо присоединить настойчивость, съ которою мысль Эдуарда Ивановича вертѣлась около выдающагося на лицѣ члена, — носа. Въ какую бы сторону носъ человѣка ни уклонялся отъ нормальнаго роста, Эдуардъ Иван. кратко обзывалъ его владѣльца носомъ. Такъ, у его деньщика литвина Макаренки, страстнаго, какъ и самъ Гайли, охотника, носъ былъ подобіемъ круглой гусарской пуговицы, и поэтому Гайли про него иначе не говорилъ, какъ „этотъ носъ“.

Единственная 7-ми лѣтняя дочь Гайли по сходству съ отцомъ снабжена была небольшимъ вздернутымъ носикомъ.

„Элеонорка, кричалъ Гайли, поди сюда, я долженъ тебѣ вытягивать носъ“. И каждый разъ онъ исполнялъ это самымъ серьезнымъ образомъ.

Пропуская эскадронъ справа по одному, Эдуардъ Иван., при видѣ плохаго ѣздока, восклицалъ: „вахмистръ, бери его за носъ, онъ физикъ“. И вахмистръ, подъѣзжая къ виновному, адралъ его за носъ.

Но вернемся въ залу Кашириныхъ, въ которой накрытъ длинный столъ, уставленный разными домашними водицами, дешевымъ виномъ и прекрасными наливками.

— Милости просимъ, говоритъ хозяинъ, указывая на столъ съ закусками, уставленный всевозможными водками, чудесной домашней ветчиной, вкусной таранью и маринованной рыбой и грибами. Всему этому многочисленные гости оказывали величайшую честь, равно какъ и простому, но вкусному и обильному обѣду. Въ лѣтнюю пору, когда липовая аллея представляетъ защиту отъ жара, два человѣка несутъ туда большой кондитерскій самоваръ, чайники, кофейники и кувшины съ превосходными сливками. Къ вечеру гости возвращаются въ домъ и охотники покозырять садятся за ломберные столы, а другіе отправляются къ дѣвицамъ болтать и упрашивать Алевтину Николаевну спѣть ея небольшимъ, но пріятнымъ голоскомъ какой нибудь романсъ. Начинается застѣнчивое отнѣкиванье и затѣмъ старшія сестры, вмѣстѣ съ Ольгой Николаевной во главѣ, а равно и подходящій съ неугасимой сигарой Никол. Ѳед., убѣдительно повторяютъ: „Левтикъ, спой, вѣдь ты не оперная пѣвица, спой, какъ можешь“. И Левтикъ развертываетъ ноты и поетъ:

„Petite fleure de bois
Toujours, toujours caché“.

Пѣніемъ очевидно болѣе всѣхъ восхищенъ Крюднеръ, котораго Гайли все время не забывалъ угощать то вишневкой, то сливянкой. Лицо Крюднера раскраснѣлось до самыхъ бѣлковъ, и онъ какъ ни въ чемъ не бывало развязно прислоняется къ дверному косяку изъ гостиной въ музыкальную комнату.

— Капитанъ, вполголоса говоритъ ему проходящій Гайли: ты fertig.

— Удивительно! возражаетъ капитанъ вмѣсто всякаго объясненія.

Но вотъ и ночь; пора возвращаться въ полкъ, и въ то время, когда часть гостей надѣваетъ шинели въ передней, а другая идетъ исполнить то же самое во флигелѣ, Ник. Ѳед. съ женою и со всѣми шестью дочерьми выходитъ въ просторную переднюю и громко говоритъ: „благодаримъ за честь“. Фразу эту повторяютъ всѣ члены семейства, такъ что въ концѣ слышно только, какъ маленькія дѣвочки повторяютъ: „за честь, за честь, за честь“.

Помню, однажды мы возвращались съ Борисовымъ и капитаномъ въ его шарабанѣ ночью подъ проливнымъ дождемъ, который засѣкалъ намъ прямо въ лицо. Баронъ былъ сильно выпивши, и поэтому въ крайне идиллическомъ расположеніи. Кажется, Гайли подтрунилъ надъ его страстью къ Левтику, а такъ какъ живущему жалованьемъ капитану было не подъ разсчетъ жениться на безприданницѣ, то и пришлось идти труднымъ въ подобномъ положеніи среднимъ путемъ. Въ данномъ случаѣ ищущее спасенія чувство нерѣдко инстинктивно заслоняется обидой. Я не могъ за шумомъ дождя и летѣвшей во весь духъ брички хорошенько понять, въ чемъ дѣло; но слышалъ, какъ ражій капитанъ дрожащимъ голосомъ говорилъ миніатюрному Борисову: „онъ мнѣ сказалъ, честное слово, мнѣ обидно, сердечно обидно, Иванъ Петровичъ; дай сюда твою руку, Иванъ Петр., твой палецъ: ты услышишь, что я плачу“. Съ этими словами Крюднеръ, насильно схвативъ руку Борисова, старался направить указательный его палецъ себѣ въ глазъ.

— Да вѣдь вы себѣ глазъ выколете, баронъ! горестно восклицалъ Борисовъ, принимая въ соображеніе нежданные толчки брички.

Должно быть и Крюднеровскій „жуиръ“ хлебнулъ въ гостяхъ, потому что мы скакали какъ угорѣлые.

XXXIV

Братья Петровы.—Ревеліоти и Кази.—Волковъ.—Потаповъ.—Богдановъ.—Бражниковъ.

Тѣмъ временемъ, въ виду приближающагося полковаго сбора, всѣ офицеры съѣхались на тѣсныя квартиры, а эскадроны расположились по ближайшимъ дворамъ военныхъ поселянъ. Такъ какъ Борисовъ, надъ которымъ отецъ мой смѣялся при мысли увидать его кирасиромъ, никогда не выѣзжалъ во фронтъ и даже не заводился фронтовою лошадью, то на всѣ кампаменты онъ наряжался въ Кременчугъ въ инспекторскій караулъ. Такимъ образомъ, оставшись одинъ, я вынужденъ былъ нанять квартиру поменьше и сократить расходъ до крайнихъ предѣловъ. Къ счастью, мой Юдашка обладалъ до извѣстной степени поваренньмъ искусствомъ, и мы пустились жить на собственную руку. Чаще всего посѣщалъ я своихъ ближайшихъ сосѣдей черезъ улицу — братьевъ Кащенко. У нихъ въ свободное время собирались представители всѣхъ слоевъ офицерскаго общества, начиная со старшихъ до самыхъ младшихъ. Тутъ появлялись два женатыхъ брата Перовы, изъ которыхъ старшій Василій командовалъ вторымъ, а меньшой Николай четвертымъ эскадрономъ. Хитрый хохолъ, по происхожденію ирландецъ, командиръ третьяго эскадрона Оконоръ, говорилъ, что Коля до такой степени раболѣпствуетъ передъ Васей, что завелъ себѣ точь въ точь такую же коляску какъ и у Васи, и увидавши, что у Васи фуражка запылилась, посыпалъ и свою пылью. Вася, (такъ по примѣру шаловливаго Оконора, звали старшаго Петрова), былъ старинный Орденецъ, разсказывавшій про полковаго командира Ипатова, который, когда толпа съ музыкой и съ краснымъ платкомъ на палкѣ съ танцами шла за новобрачными по улицѣ, самъ опоясывался полотенцемъ и присоединяясь къ толпѣ пускался въ плясъ. Вася былъ въ образцовомъ полку, видѣлъ свѣтъ и былъ по своему лихой служака, его разсказы про эпизоды кирасирскихъ атакъ подъ Грахо-

вымъ были исполнены эпическаго паѳоса. „Ворвется, говорилъ онъ, кирасиръ въ ряды пѣхоты, застрѣлятъ или заколятъ его лошадь, но издыхая эта громада, лягаясь куда попало, расчиститъ вокругъ широкое мѣсто, разрывая строй“. Разсказывалъ онъ и часто [слышанный мною впослѣдствіи эпизодъ атаки Новороссійскаго кирасирскаго полка, пробившагося черезъ три линіи польской пѣхоты, но вынужденнаго за неполученіемъ подкрѣпленія вернуться назадъ.

Когда полкъ съ своимъ командиромъ проносился обратно черезъ первую линію, то польскій офицеръ, вмѣсто того чтобы стрѣлять по проносящимся кирасирамъ, скомандовалъ: на плечо! и затѣмъ: на караулъ! — отдавая честь примѣрнымъ храбрецамъ.

Лестно заслужить такую честь отъ непріятеля. Что за лихой офицеръ былъ самъ Василій Алексѣевичъ, можно видѣть изъ случая, извѣстнаго всему полку.

Со времени моего поступленія, т. е. съ 1845 г., многочисленные смотры государя Николая Павловича происходили подъ Елизаветградомъ, а до того времени когда инспекторомъ всей южной кавалеріи и поселеній былъ графъ Виттъ, царскіе смотры происходили подъ Вознесенскомъ. Какъ человѣкъ, умѣвшій блистательно показать свою часть, Виттъ былъ геніально неистощимъ. Огромные плетневые сараи со скрытыми внутри колесами скакали на почтовыхъ впередъ въ ожиданіи проѣзда царской коляски, и небольшое количество сѣна, которымъ наскоро забрасывали эти плетни, отвѣчало за цѣлые ряды пышныхъ сѣнныхъ скирдъ, вблизи которыхъ паслись табуны красивѣйшихъ лошадей, набранныхъ у услужливыхъ помѣщиковъ. Табуны эти представляли скотоводство казенныхъ поселянъ. Разсказывали даже о цѣлыхъ скороспѣлыхъ придорожныхъ хуторахъ и деревняхъ съ колодцами, въ которыхъ не вырыто было ни одной лопаты земли. Въ то время пользовавшійся довѣріемъ государя графъ Клейнмихель часто появлялся вмѣстѣ съ императоромъ на маневрахъ. Когда свита вслѣдъ за государемъ проѣзжала мимо втораго эскадрона, которымъ еще тогда командовалъ ротмистръ Петровъ, дорогой и злобный жеребецъ послѣдняго, не взирая ни на какіе шпоры, поднялся какъ свѣча на дыбы

и бросился на графа Клейнмихеля. Видя неминуемую опасность, угрожавшую графу, сильный ротмистръ рукояткой палаша ударилъ своего жеребца по затылку, и послѣдній, падая мертвымъ, сбросилъ на землю своего хозяина. Жаль только, что спасенный графъ не озаботился вознагражденіемъ бѣднаго офицера, лишившагося самаго цѣннаго достоянія.

Все вмѣстѣ взятое заставляло младшаго Петрова благоговѣть передъ старшимъ. Себя же Коля считалъ только особенно искуснымъ въ техническихъ работахъ; но въ геніальномъ изобрѣтеніи конечно съ радостью уступалъ брату и съ умиленіемъ глядя на него говаривалъ: „Вася, ты выдумай, а я зроблю“.

По случаю полковаго сбора я мало по малу ознакомился со всѣми офицерами, между прочимъ и съ молодымъ небольшаго роста корнетомъ Ревеліоти. Сынъ отставнаго генералъ-лейтенанта, владѣвшаго въ Крыму богатыми имѣніями, юноша, надѣвъ офицерскіе эполеты, весь отдавался непосредственной радости молодой жизни; и когда я утромъ въ первый разъ взошелъ къ нему, то засталъ его въ халатѣ и въ восточныхъ сафьянныхъ туфляхъ на персидскомъ коврѣ передъ сидящимъ на стулѣ черномазымъ и усатымъ грекомъ Кази, сонаслѣдникомъ тоже значительныхъ крымскихъ садовъ.

— Ты думаешь, я не умѣю плясать по татарски? весело воскликнулъ Ревеліоти: смотри, Кази, такъ что ли?

И вмѣстѣ съ этимъ онъ запѣлъ гортаннымъ голосомъ: талалай-лай-лай, и желтыя туфли замелькали по полу.

— Молодецъ, сочувственно отозвался Кази, про котораго, по случаю его невольнаго ежедневнаго бритья бороды, какой-то полковой риѳмоплетъ, должно быть Гайли, сказалъ, будто дѣти Кази (онъ былъ холостой):

Вчера родились,
Сегодня брились.

Жажда дѣятельности при полной обезпеченной праздности нашла у юноши единственный исходъ въ азартной игрѣ. Веселый Ревеліоти жаждалъ не выигрыша, а волненій, и хотя не разъ приходилось ему выписывать отъ отца денегъ, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ карты любили его и въ

полку говорили, что не далѣе какъ вчера онъ выигралъ у Кудашева 1000 рублей и у молодаго корнета Бражникова 1500 руб. Необходимо сказать, что старшіе офицеры въ полку были большею частью люди съ самыми ограниченными домашними средствами, и потому картежная игра держалась только среди молодежи, и то въ самомъ небольшомъ кругу. Такъ, напримѣръ, богатый поручикъ Волковъ, катавшійся по городу не иначе какъ въ коляскѣ, запряженной щегольской четверкой гнѣдыхъ съ форейторомъ, никогда не игралъ въ карты, а говорилъ, что занятъ математикой и приготовленіемъ въ академію; но сколько мнѣ помнится, онъ всего болѣе предавался чтенію Беранже, изъ котораго съ видимымъ удовольствіемъ повторялъ наизусть наиболѣе игривыя пѣсенки.

Къ числу безшабашной молодежи, не чуждавшейся банка и штосса, надо причислить и рослаго красиваго Потапова, сына состоявшаго на службѣ генералъ-лейтенанта. Про молодаго корнета Иваненко, скоро оставившаго полкъ, не умѣю сказать ничего, кромѣ того, что онъ при небольшомъ ростѣ бросался въ глаза мелко вьющимися черными волосами на подобіе руна и необычайнымъ для мужчины развитіемъ таза, придававшаго таліи болѣе тонкій видъ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Было въ полку еще одно странное лицо: прапорщикъ Богдановъ. Онъ вмѣстѣ съ Ревеліоти и другими молодыми корнетами былъ въ свое время юнкеромъ Военнаго Ордена полка. Но потому ли что онъ не выдержалъ надлежащаго испытанія, или за отсутствіемъ реверса, онъ былъ произведенъ не въ кавалерію, а въ пѣхоту съ предоставленіемъ права выбора полка. Выборомъ этимъ онъ не воспользовался, а, обзывая самъ себя прапоромъ, продолжалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проживать въ полку то у одного, то у другаго изъ бывшихъ товарищей. Своихъ средствъ у него никакихъ не было, и какъ онъ пробивался, сказать не умѣю. Изъ всей молодежи наименѣе симпатичнымъ былъ для меня высокій, стройный и красивый корнетъ Краевскій. Ища въ свою очередь исхода праздности, онъ придирался съ своими шутками ко всѣмъ, но шутки его были болѣе чѣмъ неудачны. Ко времени, о которомъ здѣсь говорится, я успѣлъ познакомиться почти со всѣмъ полкомъ, и какъ-то подъ вечеръ

удалось мнѣ захватить дома Рапа, и то пожалуй потому, что у него сидѣли нѣкоторые офицеры, помнится и Богдановъ въ томъ числѣ.

— Вы знакомы, господа? воскликнулъ Рапъ, кивая на Богданова,—рекомендую прапоръ.

— Скажи пожалуйста, спросилъ Рапа Богдановъ, отчего тебя прозвали кобелемъ?

— Это, братецъ, зима, одна барыня въ Кременчугѣ сказала про меня на вечерѣ: „quel bel homme“. Подслушали, вотъ я и прослылъ кобелемъ.

— Однако что же никакого угощенія нѣтъ, хоть бы чаю дали. Верблюдъ! воскликнулъ Рапъ.

На этотъ зовъ, съ вытянутымъ равнодушнымъ лицомъ и вытянутыми бакенбардами вошелъ высокаго роста здоровенный лакей, который дѣйствительно всѣмъ очертаніемъ головы напоминалъ верблюда.

Однажды мнѣ пришло въ голову набросать стихами шуточную характеристику всѣхъ младшихъ офицеровъ, такъ какъ касаться старшихъ было бы безтактно. Прочелъ я свою характеристику сначала Борисову и еще двумъ тремъ, никакъ не предполагая, чтобы этотъ домашній соръ вылетѣлъ изъ избы и имѣлъ извѣстный успѣхъ даже у Дмитрія Ероф., любившаго пошутить и не чуждавшагося шутокъ. Передаю куплеты стихотворенія, насколько они сохранились въ моей памяти:

Въ звѣринецъ мой раскрыты двери,
Звѣрей подобныхъ въ мірѣ нѣтъ,
Разсортированы всѣ звѣри
И каждому данъ свой куплетъ.

—

Вотъ Крюднеръ, капитанъ хохлатый,
Онъ привезенъ изъ дальнихъ странъ,
Молодцоватый, грубоватый,
А вотъ при немъ его Бриганъ.

—

Вотъ Кащенки и Петръ, и Павелъ,
Я въ клѣткѣ ихъ держу одной,
Звѣрки ручные, честныхъ правилъ
И по домашнему съ лѣнцой.

—

Вотъ Паленъ, пѣтухомъ ли шпанскимъ,
Аистомъ ли его назвать?
Онъ поится однимъ шампанскимъ;
Полегче, ногъ бы не сломать!

—

Вотъ Рапъ кобель. Какимъ-то чудомъ
И Агапей при немъ всегда.
Кто кобелемъ, а кто верблюдомъ
Заняться можетъ, господа.

—

Кази усами разукрашенъ,
Турецкой силой одаренъ,
Онъ бородою только страшенъ,
И до клубнички падокъ онъ.

—

А вотъ Кудашевъ, онъ былъ княземъ
Вдали на южныхъ островахъ;
Силачъ, онъ всѣхъ кидаетъ на земь
И татуированъ въ....

—

А вотъ Краевскій; съ пальмы южной
Страны полуденной жилецъ,
Но какъ обманчивъ видъ наружный:
Онъ только съ виду молодецъ.

—

Вотъ Клопманъ,—ящикъ съ зеркалами,
Въ помадной банкѣ кормъ стоитъ,
Что день, то щетка, онъ духами
Отъ головы до ногъ облитъ.

—

Вотъ отдѣленье мелкой птицы:
Борисовъ, чтобы не забыть,
Онъ къ намъ пріѣхалъ изъ столицы
„Мое почтенье“ говорить.

—

А тутъ лишь клѣтку повернете,
Для крошки въ ящикѣ просторъ,
Та крошка Фонька Ревеліоти,
Мала, но ноготокъ востеръ.

—

Вотъ Иваненко для закуски
Въ бараньихъ завиткахъ кругомъ;
Не знаю, шпанскій или русскій,
Но только знаю, съ курдюкомъ.

Стихотвореніе мое пробудило, какъ видно, поэтическую жилку всеобъемлющаго ротмистра Гайли. Заставши меня въ многолюдномъ сборищѣ у Кащенокъ, онъ воскликнулъ: „я тоже постарался прекрасные стихи написать, которые сейчасъ я долженъ ему прочитать“; и съ приличной декламаціей онъ прочелъ стихотвореніе, котораго къ сожалѣнію полностію не помню, но въ которомъ разумѣется носъ игралъ главную роль.

Про этотъ главный членъ мой было сказано:

Стихи въ себѣ онъ носомъ будитъ,
И въ рогъ трубитъ, и рыбу удитъ,
Ну, словомъ, нашъ Аѳонька Фетъ,
Чрезъ носъ и физикъ и поэтъ.

Общимъ вниманіемъ и любовью полка пользовался корнетъ Бражниковъ. Это былъ рослый брюнетъ съ едва пробивающимися усами и сіяющей, можно сказать, красотою, на той свѣтлой границѣ, на которой развитіе торса и мускуловъ уже обличаютъ юношу, а очертаніе ланитъ все еще сохраняетъ дѣвственную нѣжность. Такимъ можно себѣ представлять Патрокла. Бражниковъ былъ не только единственный и любимый сынъ богатой вдовы, но добрякъ по природѣ онъ былъ въ то же время вполнѣ благовоспитанный юноша.

Однажды пришедшій къ Павлу Вас. Кащенкѣ выпить стаканъ чаю полковой нашъ докторъ Семенъ Семеновичъ, отхлебнувъ изъ стакана, сказалъ: „однако нашъ Бражниковъ-то не на шутку должно быть захворалъ; вчера вечеромъ онъ еще жаловался на головную боль, а сегодня я съ утра ходилъ къ нему. Вы знаете, за Левадой-то не ближній свѣтъ онъ живетъ, Положимъ, квартира хороша, да ужь больно на отлетѣ. Сегодня онъ совсѣмъ слегъ. Похоже на тифъ. А что, господа, нѣтъ ли у васъ хорошенькаго рецептика отъ тифу? Съ великой благодарностью списалъ бы“.

Выпрашиваніе всевозможныхъ рецептовъ было спеціальностью Семена Семеновича. Года черезъ два затѣмъ онъ получилъ мѣсто дивизіоннаго доктора.

Вѣсть о болѣзни Бражникова собирала на его квартиру всѣхъ офицеровъ, проживающихъ при штабѣ полка; но такъ

какъ больной находился въ безсознательномъ состояніи, то посѣщенія на нѣсколько дней прекратились. Вдругъ разнеслась вѣсть, что у Бражникова оказалось кровотеченіе изъ кишекъ, и онъ исходитъ кровью, не взирая на усилія докторовъ, обложившихъ его льдомъ.

Услыхавъ объ этомъ уже поздно вечеромъ и зная, что придется переходить довольно широкое поле Леваду, на которомъ можно ночью встрѣтить стаю бродячихъ собакъ, я захватилъ съ собой перцовую тросточку со стилетомъ внутри. Эту контрабанду мнѣ удалось провезти черезъ таможню. Луна великолѣпно освѣщала дорогу. И я старался ускорить шагъ, чтобы сократить скучный трудъ ходьбы. Вдругъ въ ту минуту, когда изъ яркаго мѣсячнаго сіянія я готовъ былъ ступить въ тѣнь ближайшихъ домовъ, изъ-за угла на меня съ какимъ-то гортаннымъ зыканьемъ устремилась огромнаго роста фигура. Догадавшись, что это какой либо докучливый шутникъ на ходуляхъ, я выхватилъ изъ палки стилетъ и громко крикнулъ: „рожа, рожа, не очень на меня насовывайся, а то можешь своей простыней наткнуться на этотъ стилетъ“. Съ этимъ вмѣстѣ раздался сконфуженный хохотъ, и, раздвинувъ свою простыню, прапорщикъ Богдановъ соскочилъ съ ходуль.

Когда я тихонько подошелъ къ постели больнаго, послѣдній неподвижно лежалъ на спинѣ съ блестящими глазами и ярко румяными щеками. Мнѣ сказали, что сильная потеря крови продолжается.

На другой день Бражниковъ тихо скончался; и такъ какъ дѣло было во время полковаго кампамента, то гробъ его былъ провожаемъ не только по его чину коннымъ взводомъ, но и хоромъ трубачей. Въ день его погребенія я написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Взводъ впередъ; справа по три,—не плачь!
Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!
Словно ясная тучка зарей
Ты погаснулъ, собратъ молодой.
Какъ печаль намъ утѣшить свою,
Что ты съ нами не будешь въ строю;
Гребень каски на гробѣ вѣдь нашъ,

Гдѣ съ ножнами скрестился палашъ.
Лишь тебя намъ съ пути не вернуть:
Не вздохнетъ молодецкая грудь,
И рука, цѣпенѣя какъ ледъ,
На прощанье ни чьей не пожметъ.
Но безмолвный красавецъ въ гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,
И тебѣ и въ землѣ не забыть,
Какъ тебя мы привыкли любить.
Взводъ впередъ, справа по три,—не плачь!
Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!

2 іюня 1845.

XXXV

Письмо отца.—Н. Ѳ. Золотницкій.—Каневальскіе. — С. М. Золотницкая.— Бржесскіе.—Березовка.

Какъ ни тяжело было просить отца о высылкѣ обѣщаннаго мнѣ полугодоваго содержанія, но въ виду опустошенія моего кошелька закройщикомъ Лихотой я принужденъ былъ довести до свѣдѣнія отца о моемъ полнѣйшемъ безденежьи. Тогда не существовало теперешнихъ путей сообщенія, и каково было мое грустное изумленіе, когда черезъ мѣсяцъ я получилъ письмо, въ которомъ отецъ спрашивалъ меня, куда я такъ скоро дѣвалъ высланныя мнѣ деньги.

Жутко припомнить, что такое недоразумѣніе, повторявшееся съ каждымъ отвѣтнымъ письмомъ отца, тянулось до самаго корпуснаго кампамента, т. е. до сентября мѣсяца. Положимъ, что жизнь въ новороссійскомъ краѣ въ то время была дешева: отборная говядина стоила 3 коп. фунтъ, курица 10 коп., десятокъ яицъ 5 коп., воловій возъ громадныхъ раковъ 1½ руб. За отдѣльную небольшую квартиру я платилъ 3 р. въ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе нужно было купить чаю, сахару, кофею и на простую провизію нужны были деньги, которыхъ сперва было очень мало, а затѣмъ окончательно не стало.

Надобно сказать, что р. Тясьминъ составляла границу нашей Херсонской губерніи съ Кіевской, которая кратко обзывалась Польшею, а слобода, находившаяся на лѣвомъ берегу Тясьмина, заселенная преимущественно евреями съ находящейся тутъ же синагогой, называлась Польскимъ Крыловымъ. Изъ этого Крылова въ Новогеоргіевскомъ полковомъ штабѣ по временамъ появлялись два еврея: черный, красивый и важный полковой офицерскій портной Шварцъ и офицерскій же сапожникъ Волька. Послѣдній назвался доставлять мнѣ въ долгъ чай, сахаръ, кофе, табакъ и стеариновыя свѣчи. Все это я старался расходовать съ крайней аккуратностью. Всетаки черезъ день, черезъ два, я вынужденъ былъ ходить къ добрѣйшему Павлу Вас. Кащенкѣ занимать иногда рубль, а большею частію полтинникъ на прожитіе съ моимъ Юдашкой.

Хотя кирасирская форма состояла преимущественно изъ бѣлаго суконнаго полуфрака (колета), но по маркости такого костюма на ежедневныхъ ученіяхъ надѣвались черныя куртки, замѣняемыя у офицеровъ черными фраками (оберроками). Эти оберроки были въ то же время и бальною формою, за исключеніемъ парадныхъ баловъ.

Во время, о которомъ я говорю, въ полкъ къ намъ пріѣзжалъ отставной нашего полка поручикъ Ник. Дм. Золотницкій, сохранившій не только дружескую связь съ офицерами, но и пользовавшійся репутаціей интеллигента. Въ качествѣ послѣдняго онъ счелъ нужнымъ сказать мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ по поводу моихъ появлявшихся въ журналахъ стихотвореній. Самъ онъ, пріѣзжая къ намъ изъ Александрійскаго уѣзда, отстоящаго десятковъ на шесть верстъ отъ нашего Крылова, останавливался у Потапова. Брюнетъ, средняго роста, съ прекрасными длинными усами, Золотницкій дѣйствительно носилъ отпечатокъ порядочности; и его двѣ сестры красавицы были замужемъ: одна за уѣзднымъ предводителемъ Каневальскимъ, а другая за уѣзднымъ судьею Егор. Ал. Касиновымъ.

Приглашая офицеровъ отъ имени предводителя на домашній праздникъ по случаю именинъ Ульяны Дм. Каневальской, Золотницкій настойчиво приглашалъ и меня, говоря,

что хорошій его пріятель и сосѣдъ Ал. Ѳед. Бржесскій, поэтъ, жаждетъ познакомиться со мною. Такое настойчивое приглашеніе не могло не быть лестно для заброшеннаго въ дальній край одинокаго бѣднаго юноши. Я далъ слово пріѣхать; но въ чемъ?—былъ почти неразрѣшимый вопросъ въ моихъ обстоятельствахъ. Я очень хорошо зналъ, что въ обществѣ невозможно было появляться въ мундирѣ изъ толстаго сукна. На вопросъ мой, что будетъ стоить пара, которую мнѣ, поступившему на полугодичномъ правѣ, придется скоро бросить, Шварцъ запросилъ 70 руб., тогда какъ у меня въ карманѣ не было и семи. Но изъ бѣды выручилъ Волька, доставши мнѣ готовую юнкерскую пару, въ которой онъ поставилъ новую подкладку. Такимъ образомъ явилась возможность ѣхать на праздникъ, который описывать не стану. Скажу только, что хозяинъ былъ чрезвычайно любезный и еще подвижной старикъ, лѣтъ 60; вышедшій въ отставку казачьимъ полковникомъ, онъ женился на прелестной брюнеткѣ Золотницкой, которой, когда я и представлялся ей, было около 23 лѣтъ. Всѣ пріѣзжіе размѣщались въ домѣ, гдѣ только было можно; но на другой день послѣ обѣдни, въ церкви, отстоящей отъ дома саженяхъ въ ста, къ кулебякѣ собралось значительное число гостей; а самый обѣдъ, по крайней мѣрѣ на 60 персонъ, въ пять часовъ былъ поданъ въ саду при громѣ двухъ смѣняющихся оркестровъ. Большинство гостей было изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Предоставленному самому себѣ въ такомъ совершенно неизвѣстномъ обществѣ, мнѣ конечно трудно было на первый разъ найтись; но судьба какъ бы нарочно послала мнѣ добраго генія въ видѣ родственницы хозяйки дома и отчасти замѣнявшей ее, Софьи Мих. Золотницкой. Темнорусая дѣвушка, носившая передніе волосы роскошными локонами, несмотря на свои 25 лѣтъ, сохранила всю свѣжесть первой молодости и съ первыхъ же словъ объявила себя поклонницей моихъ стиховъ. Случайно или намѣренно, она, любезно проболтавъ со мною передъ обѣдомъ, очутилась за столомъ моей сосѣдкой. Въ качествѣ хозяйки, она заботилась о томъ, чтобы мой бокалъ шампанскаго исправно наполнялся. Вечеромъ во время танцевъ, которымъ до упоенія предавалась именинница, Софья

Михайл. уводила меня въ дальнюю гостиную подъ предлогомъ отдыха; тамъ разговоръ нашъ самъ собою становился болѣе задушевнымъ.

Настоящій день именинъ явился для меня многозначительнымъ началомъ знакомства съ молодою парой Бржесскихъ, ближайшихъ сосѣдей предводителя. Когда эта пара передъ обѣдомъ входила въ гостиную, по всѣмъ угламъ зашептали: „Бржесскіе, Бржесскіе“. И дѣйствительно стоило того. Отставной поручикъ Ал. Ѳед. Бржесскій съ вьющимися по плечамъ русыми волосами и выхоленными усами могъ по справедливости быть названъ красивымъ мужчиной; но темнорусая и голубоглазая жена его, средняго роста, кидалась въ глаза своею несравненною красотой.

— Я давно жаждалъ познакомиться съ вами, сказалъ мнѣ Бржесскій, съ которымъ свелъ меня Николай Золотницкій:— и если есть вамъ хотя малѣйшая возможность, то мы оба съ женою (онъ представилъ меня женѣ)—просимъ васъ пріѣхать отобѣдать съ нами въ нашей Березовкѣ.

О мой дорогой, мой лучшій другъ поэтъ! могу ли я безъ умиленія вспомнить годы нашей встрѣчи и дружбы?

Въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ никакое злорѣчіе не могло бы отыскать ничего, кромѣ взаимной страсти къ поэзіи, страсти, которая кажется такъ смѣшна людямъ толпы, и которая съ такимъ восторгомъ высказывается тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ горячее сочувствіе.

Такъ какъ Березовка съ ея жителями и посѣтителями представляетъ главный центръ моей тогдашней задушевной жизни то позволю себѣ нѣсколько подробнѣе поговорить объ этомъ селѣ. И это село, подобно другимъ новороссійскимъ селамъ, сошло со степнаго уровня въ широкій оврагъ, такъ называемую балку, къ струямъ небольшой рѣчки, перепруженной надежною плотиной и превращенной въ громадный прудъ.

Близь плотины стоялъ сельскій винокуренный заводъ, представлявшій, по тогдашнему безъакцизному винокуренію и таковой же продажѣ, значительное подспорье хозяйству.

Къ этому пруду и выше заросшей камышами рѣчкѣ примыкалъ обширный англійскій садъ, обнесенный стрѣльчатой деревянной рѣшеткой съ двумя такими же воротами, выхо-

дившими на широкую улицу. Между воротами стоялъ большой одноэтажный домъ, обращенный подъѣздомъ къ саду, въ которомъ кромѣ ближайшей кухни построекъ не было, такъ какъ прекрасный флигель, конюшни и прочія постройки находились противъ дома по другую сторону улицы. Обширный садъ окаймленъ былъ старинными березами съ гнѣздившимися на нихъ аистами; но при этомъ въ глубинѣ его было столько липъ, кленовъ и тополей, что, выйдя на крыльцо, можно бы было принять паркъ за лѣсъ. Влѣво отъ лѣвыхъ воротъ въ той же оградѣ находилась прекрасная сельская церковь, куда по воскресеньямъ приходили крестьяне съ женами и дочерьми въ пестрыхъ платкахъ, со множествомъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ. Всѣмъ садомъ завѣдывалъ ученый садовникъ панъ Кульчицкій, гордившійся преимущественно тѣмъ, что передъ примыкающею къ гостиной теплицей, служившею зимнимъ садомъ, онъ содержалъ большой цвѣточный кругъ, на которомъ цвѣты были разбиты на 24 группы, изъ которыхъ на каждой они распускались послѣдовательно въ каждый часъ дня и ночи. Этотъ же Кульчицкій выводилъ въ двухъ скрывавшихся за деревьями сада оранжереяхъ безчисленное множество персиковъ, сливъ и абрикосовъ. Говоря о Березовскомъ прудѣ, нельзя забыть о парѣ лебедей, постоянно выплывавшихъ изъ тростниковъ. Не вдаваясь въ описаніе додомашней половины дома, скажу нѣсколько словъ о главныхъ комнатахъ.

Изъ большой прихожей единственная дверь вела въ залу, которая въ то же самое время служила и столовой. Изъ этой залы двери вели направо въ кабинетъ хозяйки и налѣво въ парадную гостиную. Кромѣ того изъ той же залы налѣво былъ ходъ въ корридоръ, проходившій на черное крыльцо. Изъ кабинета хозяйки былъ тоже выходъ въ цвѣтникъ, какъ я уже говорилъ, черезъ зимній садъ. Вправо изъ залы шла еще дверь въ угольную комнату, бывшую кабинетомъ хозяина. Эти двѣ комнаты, т. е. два кабинета хозяевъ, видимо были ихъ любимыми. Въ дамскомъ кабинетѣ независимо отъ экзотическихъ растеній, глядящихъ въ комнату черезъ зеркальное стекло двери, красовались пальмы, олеандры и цвѣтущія лимонныя деревья. Вся шелковая мебель съ великолѣп-

ной перламутровой инкрустаціей была выписана изъ Вѣны. На стѣнахъ висѣли прекрасныя гравюры, воспроизводившія сцены изъ Байрона, любимаго поэта Алексѣя Ѳедоровича.

Такъ какъ мнѣ придется часто говорить о ближайшихъ родственникахъ Бржесскаго, то скажу все, что я слышалъ объ его отцѣ, выдавшемъ при жизни двухъ дочерей: Екатерину за флота капитана Вл. Павл. Романова, а Елизавету за отставнаго поручика Военнаго Ордена полка Мих. Ильича Петковича. Сына Алексѣя, получившаго, если не ошибаюсь, домашнее воспитаніе, старикъ опредѣлилъ въ сосѣдній кирасирскій принца Петра Ольденбургскаго полкъ. Полкъ этотъ и въ мое время продолжалъ пребывать съ своимъ штабомъ въ посадѣ Новая Прага, въ которомъ находился и дивизіонный штабъ. Для избѣжанія недоразумѣній скажу, что первая бригада нашей дивизіи состояла изъ нашего Орденскаго и Стародубовскаго полковъ. Нашъ полкъ съ черными воротникомъ и обшлагами на бѣкомъ колетѣ и съ черными вольтрапами на гнѣдыхъ лошадяхъ; а въ Стародубовскомъ черный цвѣтъ замѣнялся на всемъ свѣтлоголубымъ на рыжихъ лошадяхъ. Вторая бригада состояла изъ третьяго полка съ зеленою отдѣлкою на караковыхъ лошадяхъ и полка Елены Павловны съ темносинимъ на вороныхъ. Въ противоположность первой дивизіи, одѣтой первоначально въ оставшіяся отъ 12-го года стальныя французскія кирасы и впослѣдствіи таковыя же каски, вся наша дивизія носила мѣдныя каски и латы.

Легко повѣрить неутомимой хозяйственной дѣятельности стараго вдовца Бржесскаго, принявъ въ соображеніе данныхъ имъ большимъ два имѣнія въ приданое: Романовой Снѣжково и Петковичъ Ѳедоровку, и оставившаго кромѣ того благоустроенную Березовку съ восемью тысячами десятинъ земли единственному сыну Алексѣю. Къ этому надо прибавить, что Ал. Ѳед. получилъ въ наслѣдство, кромѣ имѣнія, значительныя деньги. О трагикомической смерти старика я не разъ слышалъ отъ близкихъ къ дѣлу людей, но несмотря на тѣсную дружбу съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, никогда не рѣшался его распрашивать о подробностяхъ. Дѣло сложилось изъ самыхъ будничныхъ явленій, совпавшихъ неожиданнымъ образомъ. Ѣхавшій осмотрѣть осенніе посѣвы, старикъ под-

нялся на лошади верхомъ по откосу балки въ ту минуту, когда наклевавшееся зеренъ стадо гусей, вытянувшись въ веревочку, неслось надъ самой землей съ равнины къ родимымъ тростникамъ. Ни всадникъ, ни гуси не могли видѣть другъ друга до послѣдней минуты, когда передовой тяжеловѣсный гусакъ, ударившись въ грудь всадника, вышибъ послѣдняго изъ сѣдла, и самъ мертвый покатился за нимъ подъ гору. Къ вечеру старикъ Бржесскій отдалъ Богу душу.

Не удивительно, что красивый, образованный, богатый и начитавшійся Байрона юноша увлекался, какъ говорятъ, страстью порисоваться тѣмъ тономъ „все нипочемъ", который такъ часто сквозитъ въ твореніяхъ Байрона. Конечно, находились добрые пріятели, которые приходили къ корнету Бржесскому на квартиру и не стѣсняясь говорили: „Бржесскій, я у тебя возьму денегъ".—„Хорошо, отвѣчалъ равнодушно Бржесскій: Иванъ, подай деньги на столъ". И Иванъ вынималъ изъ шкатулки отсчитанныя пачки ассигнацій, изъ которыхъ одну или нѣсколько проситель небрежно клалъ къ себѣ въ карманъ и требовалъ у того же Ивана трубку.

Объ извѣстной въ свое время красавицѣ Ал. Льв. Бржесской я могу только сказать, что она была дочерью красивой вдовы Добровольской, у которой было два сына, служившихъ: одинъ въ Черноморскомъ флотѣ, а другой въ Петербургѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Полагаю, что Ал. Ѳед., женившись на Добровольской и получивши за нею 30 тыс. приданаго, скоро вышелъ въ отставку и уѣхалъ съ женою заграницу. Какъ молодая чета смотрѣла въ то время на жизнь, можно судить изъ слѣдующаго его разсказа за послѣобѣденной чашкой кофе. Несмотря на то, что я ни разу не слыхалъ со стороны Ал. Льв. ничего похожаго на жалобу, я хорошо зналъ и даже собственными глазами видѣлъ весьма сильную страсть Бржесскаго къ картамъ.

„Поѣхали мы, сказывалъ онъ, съ Саничкой (такъ онъ называлъ жену), заграницу черезъ Одессу, но намъ пришлось два дня поджидать парохода въ Вѣну, и отъ нечего дѣлать вечеромъ я ушелъ въ клубъ. Мнѣ страшно не повезло, и въ часъ ночи я вернулся въ номеръ и разбудилъ жену словами:

„Саничка, мы ѣхать заграницу не можемъ, я всѣ деньги проигралъ“.

— „Возьми ключикъ, отопри мой саквояжъ, отвѣчала жена тамъ пятьсотъ рублей, возьми ихъ, ты отыграешься.“. Съ этими словами она отвернулась къ стѣнѣ и мгновенно заснула. Къ четыремъ часамъ утра я вернулся въ гостинницу, отыгравъ весь свой значительный проигрышъ, присовокупивъ къ нему пять тысячъ рублей выигрышу“.

XXXVI.

Ученье въ манежѣ. — Кобыла Дашка. — Жуковъ. — Маіоръ Тарковскій. — Охота съ гончими. — Жгунъ и Макаренко. — Пирушка у Гайли.

Познакомившись съ моими будущими друзьями, вернемся, чтобы не забѣгать впередъ, въ штабъ полка къ ежедневному утреннему хожденію во второй взводъ къ вахмистру Лисицкому и въ манежъ, въ которомъ я каждый день усердно отъѣзжалъ по лошади, а иногда и по двѣ. Не знаю, для какихъ экспериментовъ взводный вахмистръ сталъ гонять меня подъ открытымъ небомъ на кордѣ, чуть ли не на такой лошади, на которой никто не ѣздилъ.

Равнымъ образомъ не могу объяснить, съ какою цѣлью этотъ взводный мудрецъ, не взирая на крупную рысь, съ которой я носился на кордѣ, безпрестанно громко нахлестывалъ мою лошадь, порывавшуюся срывать въ карьеръ. Я старался возстановить рысь, и вдругъ лошадь, лягнувши задомъ, вслѣдъ затѣмъ поднялась какъ свѣча передомъ и оттуда съ высоты, подгибая колѣни, упала чуть ли не грудью на песокъ. При этомъ, не взирая на всѣ мои усилія, она убрала голову на грудь, такъ что я въ сѣдлѣ очутился надъ пропастью. Маневръ этотъ она повторяла съ такою рѣзкостью и силой, что я разсчелъ, что надо мнѣ съ нея соскочить по возможности далеко, такъ какъ упади я близко, раз-

свирѣпѣвшая лошадища непремѣнно наподдала бы лежачаго задними копытами. Тщетно силачъ Лисицкій старался ударами корды подъ салазки оттащить ея голову отъ груди,— сверканіе задомъ и передомъ продолжалось. Тогда я, перенесши правую ногу какъ бы для слѣзанія, уперся ею въ сѣдло и однимъ толчкомъ отлетѣлъ быть можетъ на сажень отъ разъяреннаго животнаго. Упавъ на песокъ, я ушибся не больно, но какой то нервъ или мускулъ правой ноги очень болѣзненно отозвался на мой экспериментъ, и это ощущеніе надолго оставалось у меня и сказывалось при усталости отъ долгой ѣзды.

Заговоривши о лошадяхъ второго взвода и непостижимыхъ выходкахъ Лисицкаго, я долженъ упомянуть кобылу Дашку, вершковъ восьми росту и широкую, какъ бочка. Она была чрезвычайно зла, что хорошо знали солдатики, и замѣчательно, чего мнѣ не приводилось болѣе встрѣчать, она была плотоядна. Солдаты носили ей молодыхъ воробьевъ и лягушекъ. На Дашкѣ ѣздилъ самъ Лисицкій, и только онъ, при замѣчательной силѣ своей, могъ смирять ее. Но иногда и его она выводила изъ терпѣнія, и я самъ видѣлъ и слышалъ во фронтѣ, какъ Лисицкій, схвативъ ее за ухо, наклонялся и кусалъ ее, ворча или, лучше сказать, рыча: „у, подлая!"

Однажды на подобной продѣлкѣ эскадронный командиръ крикнулъ: „Лисицкій, что ты тамъ, мужикъ, дѣлаешь! я тебя сейчасъ съ коня сниму и такъ нафухтелякъ, что ты забудешь всѣ эти продѣлки!"

И на Дашку, осѣдланную на мундштукѣ, посадилъ меня Лисицкій и сталъ гонять на пескѣ передъ манежемъ.

Величайшаго труда стоило мнѣ заставлять эту грубую лошадь перемѣнять по командѣ аллюры и ноги, но Лисицкій не переставалъ кричать: „шпоры ей! хорошенько ей!" Поневолѣ приходилось мнѣ слушаться, и кончилось тѣмъ, что Дашка, разсвирѣпѣвъ, закусила мундштукъ и понесла въ поле, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои цуки. Ничѣмъ, кромѣ служебнаго удальства, я не могу объяснить такихъ выходокъ Лисицкаго, очевидно, любившаго меня и даже впослѣдствіи оставлявшаго у меня на дворѣ рано утромъ

свою собственную неосѣдланную лошадку, на которой доѣзжалъ до меня съ противоположной слободы города. „Извольте, сударь, говорилъ онъ, доѣзжать на ученье на моемъ вороненькомъ, а я отсюда дойду до взвода пѣшкомъ“. Конечно, мнѣ было съ руки быстро доѣхать безъ сѣдла до взвода, гдѣ вороненькій оставался цѣлый день на казенномъ фуражѣ.

Однажды, во время отсутствія полковаго командира, я, скрѣпя сердце, снова пошелъ къ Павлу Васил. Кащенкѣ испрашивать двухдневный полтинникъ.

На этотъ разъ хозяинъ, указывая на юношу въ форменномъ сюртукѣ, сказалъ: „позвольте познакомить съ вами будущаго вашего товарища, Пензенскаго гимназиста Жукова.

— Вы усердно занимаетесь ученьемъ? спросилъ меня Жуковъ.

— Конечно, отвѣчалъ я, на 6-ти мѣсячномъ правѣ нельзя достаточно заниматься службой въ виду скораго поступленія во фронтъ.

— Вы и завтра утромъ пойдете во взводъ?

— Непремѣнно, въ 6 часовъ утра.

— Позвольте мнѣ вамъ сопутствовать.

— Сдѣлайте милость, очень радъ.

На другое утро мы отправились съ Жуковымъ пѣшкомъ черезъ площадь и, поровнявшись съ квартирой полковаго командира, я машинально снялъ фуражку.

— Зачѣмъ это вы сняли фуражку? спросилъ Жуковъ.

— Это квартира полковаго командира.

— Да вѣдь онъ въ Одессѣ.

— Это все равно; здѣсь полковая святыня, штандарты, и нижніе чины должны снимать фуражку передъ окнами полковаго командира.

— Ну я бы ни за что не сталъ снимать фуражки! съ удареніемъ воскликнулъ Жуковъ.

— Мнѣ кажется, что, поступая въ военную службу, вы должны подчиняться ея уставамъ; но вы, вѣроятно, сами лучше знаете, какъ поступать.

Съ окончаніемъ полковаго кампамента эскадроны расходились по постояннымъ квартирамъ на травяное продоволь-

ствіе. Что бы тамъ ни говорили, но кавалерія на поселеніяхъ каталась какъ сыръ въ маслѣ. Въ конюшни доставлялось сколько угодно превосходной іюньской травы, и лошади выходили освѣженныя и точно смазанныя масломъ послѣ мѣсячнаго продовольствія. Офицеры, имѣвшіе малѣйшую возможность бѣжать, уѣзжали домой чуть не на цѣлое лѣто, т. е. до августа, до дивизіоннаго кампамента, и я, несмотря на крайнее матеріальное стѣсненіе, имѣлъ полную возможность предаваться охотѣ, примащиваясь къ кому нибудь, у кого была лягавая собака, которою я еще не успѣлъ завестись. Такъ охотились мы вмѣстѣ со щеголеватымъ барономъ Клопманомъ, не допускавшимъ даже малѣйшаго сомнѣнія въ высокихъ качествахъ его Нимврода. Разыскивая въ поляхъ куропатокъ, баронъ не забывалъ поминать свою остзейскую школу и нерѣдко говорилъ наизусть тотъ или другой стихъ Горація. Чаще всего бѣлокурый юноша повторялъ:

„Vitas hinnuleo me similis, Chloe“,

причемъ произносилъ *hinnuleo* такъ, какъ бы заключало въ себѣ одно n—и по крайней мѣрѣ четыре l.

Полкъ нашъ былъ поэскадронно расположенъ весьма широко, и при четвертомъ эскадронѣ проживалъ маіоръ Тарковскій, роптавшій передъ полковымъ командиромъ Энгельгардтомъ на долгое пребываніе въ одномъ чинѣ.

— Вамъ бы, маіоръ, слѣдовало нѣсколько познакомиться съ фронтовою службою, деликатно замѣтилъ Энгельгардтъ.

— Ваше пр—о, отвѣчалъ Тарковскій, я ее прекрасно отъ а до b знаю.

— Это очень хорошо, сказалъ невозмутимый Энгельгардтъ, но тамъ еще 23 буквы, съ которыми вамъ слѣдовало бы познакомиться.

Между тѣмъ отбывшій караулъ Борисовъ появился въ штабѣ, и мы зажили съ нимъ снова. Крюднеръ снова сталъ насъ возить, по техническому выраженію, „на кожу“ къ добрѣйшимъ Кашириным, повторяя не рѣшавшимся ѣхать свой неопровержимый аргументъ: „они добрые люди, это имъ ничего не стоитъ“.

Молодой Каширинъ держалъ гончихъ; было нѣсколько гончихъ и у Гайли, а завѣдывалъ ими знаменитый деньщикъ литвинъ Макаренко. Вотъ, на основаніи этого у насъ порой составлялась охота съ гончими въ польскихъ лѣсахъ, какъ обзывали лѣвый берегъ Тясьмина. Насъ, ружейниковъ и собакъ, перевозилъ выше мельничной плотины на дубѣ (лодка) однорукій мирошникъ мельникъ; а литвинъ Жгунъ, деньщикъ, исправлявшій у Гайли должность кучера, отправлялся черезъ плотину парой въ нетычанкѣ, нагруженной домовитою Ольгой Николаевной всякаго рода закусками, въ томъ числѣ и капустной солянкой въ паровой кастрюлѣ, которую стоило только поставить на нѣсколько минутъ на огонь, чтобы она показалась амврозіей послѣ стаканчика старой водки. Замѣчательно, что въ Россіи доѣзжачіе всѣ верхомъ на самыхъ выносливыхъ лошадяхъ, а въ западномъ краю они, подобно Макаренкѣ, пѣшкомъ и, надо прибавить, въ такомъ громадномъ лѣсу, какимъ былъ польскій. Я самый плохой охотникъ съ гончими, а съ борзыми лично не охотился всю мою жизнь. Недаромъ Тургеневъ, такой же ружейникъ, какъ и я, встрѣчаясь съ псовою охотой, восклицалъ: „это звѣри, глупые звѣри“. На этотъ разъ только что мы разстановились по различнымъ полянамъ, и Макаренко спустилъ гончихъ, какъ сосѣдъ шепнулъ мнѣ: „по волку гонятъ“, и тихонько пошелъ къ болѣе, по его мнѣнію, удобному мѣсту. Я никакого волка не видалъ, но, немного погодя, замѣтилъ въ травѣ неуклюже переваливающагося небольшими прыжками какого то сѣраго щенка.

Безъ всякаго усилія я нагналъ волченка и схватилъ его за шиворотъ: я зналъ, что выѣзжавшій на торную лѣсную дорогу Жгунъ долженъ быть недалеко, и вотъ, завязавши волченка въ носовой платокъ, я отдалъ его Жгуну, прося поберечь.

— Тутъ у меня есть плетеный кошель съ крышкою, нехай въ немъ до дому посидитъ.

Здѣсь я позволю себѣ разсказать охотничій эпизодъ, о которомъ покойный Тургеневъ говорилъ, что онъ ни за что не рѣшился бы его разсказывать, и даже въ лицахъ представлялъ, какъ бы онъ заикался на словѣ заяцъ.

Но такъ какъ я буду разсказывать письменно, и притомъ случившееся лично со мною, то и не вижу повода къ заиканію.

Зная, что гонные зайцы выбираютъ въ лѣсу дорожки и чистыя поляны, на которыхъ могутъ, прибавивъ бѣгу, успѣшнѣе уйти отъ набѣгающей стаи, я остановился на продолговатой полянѣ, вдоль прорѣзаемой лѣсною дорогою. На этой же полянѣ остановился съ фурою и Жгунъ, чтобы навѣсить торбы лошадямъ. Долго стоялъ я, прислушиваясь къ отдаленному гону; но вотъ лай все громче и видимо приближается; я весь превратился въ слухъ и черезъ минуту увидалъ зайца, очевидно, обращающаго все вниманіе назадъ и несущагося по дорожкѣ прямо ко мнѣ на штыкъ. Подпустивши его на довольно близкое разстояніе, я выстрѣлилъ, и заяцъ покатился черезъ голову, взмахнувъ, очевидно, перебитою заднею ногою. Не успѣлъ я броситься къ своей добычѣ, какъ заяцъ кинулся бѣжать прямо на меня; я приложился, чтобы добить его изъ лѣваго ствола, но лѣвый стволъ далъ осѣчку. Я рѣшился прижать ружьемъ зайца къ землѣ, когда онъ у меня будетъ бѣжать между разставленныхъ ногъ, но и тутъ я промахнулся: ружье плашмя легло на земь, а заяцъ, прошмыгнувъ между ногъ, продолжалъ бѣжать по дорогѣ. Въ жару неудачной гимнастики я не замѣтилъ, что стая гончихъ съ яростнымъ лаемъ обскакала меня и шагахъ въ пятнадцати по дорогѣ отъ меня схватила закричавшаго зайца. Зная, что черезъ минуту отъ моего зайца не останется ни клочка, я во весь духъ бросился, закричалъ на собакъ и вырвалъ зайца у нихъ изъ зубовъ; но если бы при этомъ я рѣшился опустить зайца ниже своей головы, то никакіе крики не помогли бы. Поэтому я поневолѣ долженъ былъ кружить зайца по воздуху вокругъ моей головы и ожидать, что прыгавшія на меня со всѣхъ сторонъ гончія вотъ вотъ ухватятъ круговращающагося зайца. Предвидя печальный исходъ дѣла, я, конечно, кричалъ, насколько было силъ: „Жгунъ, Жгунъ!“ Наконецъ явился Жгунъ и отозвалъ знавшихъ его голосъ собакъ. Чтобы не держать въ рукахъ изувѣченнаго зайца, я, со словами: „приколи его“, передалъ зайца Жгуну. Тотъ хладнокровно, доставши изъ голенища большой складной но-

жикъ, прямо отпазаничалъ зайца, т. е. отрѣзалъ ему по колѣнный суставъ заднія ноги.

— Подержите, сударь, сказалъ онъ, подавая мнѣ зайца обратно; но вмѣсто того, чтобы хотя теперь отколоть зайца, Жгунъ сталъ разрывать лапки по суставамъ пальцевъ и кидать куски жаднымъ гончимъ.

— Ахъ, Жгунъ, какія гадости ты дѣлаешь! воскликнулъ я и бросилъ зайца на земь. Каково же было мое удивленіе, когда заяцъ съ отрѣзанными по суставы задними ногами пустился бѣжать и притомъ съ такой быстротой, что мнѣ нельзя было и помышлять догнать его. Но увидавъ бѣгущаго, стая снова взревѣла, и черезъ полминуты заяцъ опять былъ пойманъ и на этотъ разъ отколонъ и уложенъ въ бричку.

Но вотъ на полянѣ показался Эдуардъ Ивановичъ и Макаренко, которому тотъ велѣлъ трубить въ рогъ, сзывая охотниковъ къ закускѣ. Надо сказать правду, послѣдніе оказали запасамъ полную честь; пошли охотничьи анекдоты и эпизоды только что прерваннаго полеванія.

— Каковъ этотъ носъ Макаренко! воскликнулъ вдругъ Эдуардъ Ивановичъ въ большомъ лѣсу заяцъ охотно дѣлаетъ кругъ; это носъ Макаренки хорошо знаетъ, и потому онъ всегда ходитъ съ своимъ кремневымъ ружьемъ. Стою я смирно подъ деревомъ на краю поляны и вижу, что Макаренко, припавши на колѣнку, готовится встрѣтить зайца, если тотъ къ нему вернется. Вижу, точно заяцъ показался изъ чащи и тихо ковыляетъ по полянкѣ, тогда какъ гончихъ едва слышно вдали. Макаренко, подпустивши зайца на небольшое разстояніе, прицѣлился и спустилъ курокъ,—осѣчка; а заяцъ, услыхавъ этотъ сухой звукъ, сѣлъ передъ Макаренкою и поднялъ уши. Макаренко торопливо взводитъ снова курокъ; — трикъ, опять осѣчка. Заяцъ дрогнулъ и повелъ ушами, продолжая сидѣть. Я сталъ въ свою очередь двигаться къ Макаренкѣ, скрываясь за стоящимъ передо мною деревомъ. Макаренко снова взводитъ курокъ, цѣлится, и затѣмъ третья осѣчка. Но ужь моя оплеуха тутъ была: „подлецъ, говорю, развѣ можно содержать такъ оружіе!“

Чтобы отчасти восполнить черты Эдуарда Ивановича Гайли, разскажу въ нѣсколькихъ словахъ про составившійся у него

въ эскадронѣ ужинъ, на которомъ присутствовали Крюднеръ, Клопманъ, Борисовъ и я. Сначала все шло самымъ скромнымъ образомъ, такъ какъ Ольга Николаевна сама предсѣдала за столомъ и отъ души угощала гостей. Но когда подъ конецъ ужина вино и „стара вудка“ стали вытѣснять кушанья, Ольга Николаевна исчезла, и оживленіе разговора перешло въ вавилонское столпотвореніе, а уѣхать было нельзя, потому что пошелъ проливной дождь. О чемъ шла рѣчь, сказать не берусь, потому что мы съ Борисовымъ не принимали въ ней участія; но полагаю, что дѣло касалось деликатнаго вопроса о Каширинскихъ барышняхъ,—вопроса, возбуждавшаго подвыпившаго Крюднера до крайней степени. Желая хоть сколько нибудь освѣжиться на воздухѣ, я вышелъ на крыльцо, на которомъ дождь засѣкалъ сбоку, не взирая на камышевый навѣсъ. Къ немалому удивленію я нашелъ на крыльцѣ склонившагося черезъ перила подъ самый дождь Клопмана. По нѣкоторымъ звукамъ можно было понять, что ему дурно.

— Вы бы, баронъ, вошли въ комнату, вѣдь вы совершенно вымокли.

— Нэтъ, тушенька, отвѣчалъ Клопманъ, мнѣ и здѣсь очень прекрасно.

Впрочемъ, это былъ единственный разъ, что я былъ на пирушкѣ у Гайли.

XXXVII.

Покупка Борисовымъ тройки лошадей. — Объѣзды Сакена по волостямъ и поселеніямъ.—Савицкій и Вернеръ.—Березки.—Свинья.—Письмо отъ отца съ присылкой денегъ.

Видно, Борисовъ получилъ изъ дому денежное подкрѣпленіе, такъ какъ въ одно прекрасное утро я узналъ, что дѣйствительно лихая сѣрая тройка Брайко съ телѣгой и упряжью куплена Иваномъ Петровичемъ. А вслѣдъ затѣмъ начались разъѣзды Борисова по охотамъ, начиная съ чет-

вертаго эскадрона, расположеннаго верстъ за десять ниже Кременчуга на Днѣпрѣ по сосѣдству съ бывшимъ Орденцемъ, помѣщикомъ Даниленко, извѣстнымъ во всей округѣ псовымъ охотникомъ. Иванъ Петровичъ видимо былъ доволенъ своей тройкой, и я не берусь сказать, назвалъ ли широкаго кореннаго гривача Весельчакомъ прежній хозяинъ Брайко, или самъ Борисовъ, или же Михайло Краснобаевъ. Но звеня колокольчикомъ съ малиной на широкой расписной дугѣ, Весельчакъ дѣйствительно неутомимымъ своимъ бѣгомъ веселилъ хозяина. Вѣроятно на усердное пребываніе Борисова въ четвертомъ эскадронѣ, въ которомъ онъ числился, вліяло то обстоятельство, что въ штабѣ полка эскадронный командиръ не отпускалъ чужимъ офицерамъ фуража на лошадей, тогда какъ не токмо ротмистръ Петровъ, командиръ эскадрона, не отказывалъ своимъ офицерамъ въ фуражѣ, но и самъ Тарковскій всегда умѣлъ настолько подладиться къ поселенному волостному командиру, что Весельчаку по части фуража была полная лафа.

Время между травянымъ продовольствіемъ и дивизіоннымъ кампаментомъ въ новой Прагѣ посвящалось барономъ Сакеномъ преимущественно на ревизіи поселенныхъ округовъ вообще и отдѣльныхъ волостей въ частности. Дмитрій Ерофеевичъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкомъ богато одареннымъ, хладнокровно храбрымъ, безукоризненнымъ и ревностнымъ въ исполненіи долга. Но это кажется не мѣшало ему, подобно многимъ русскимъ дѣятелямъ, не останавливаться затрудненіями при исполненіи самихъ по себѣ прекрасныхъ намѣреній.

Желая по возможности поднять благосостояніе поселенныхъ крестьянъ, Дмитр. Ероф. распредѣлилъ ихъ всѣхъ на три разряда. Владѣлецъ свыше двухъ паръ воловъ становился въ графу перваго разряда, съ двумя парами во второй разрядъ, съ одной парой въ третій разрядъ, и пѣшій хохолъ назывался безразряднымъ. Надо было видѣть усилія волостныхъ командировъ къ представленію прогрессивныхъ отчетовъ. Тутъ пара телятъ переводила крестьянина въ слѣдующій высшій разрядъ, и прогрессъ выходилъ великолѣпный. Также въ видахъ увеличенія доходности поселенія отъ

пшеничныхъ посѣвовъ почти круглый годъ составлялись приблизительныя смѣты будущихъ урожаевъ.

При этомъ невольно вспомнишь, что если прозваніе „хитрый хохолъ“ справедливо, то оно ни къ кому такъ не шло, какъ къ старому полковнику Савицкому, начальнику поселеннаго округа. Хорошо постигнувши нравъ Дмитр. Ероф., легко поддававшагося удачной шуткѣ, Савицкій всегда умѣлъ вывернуться отъ нагоняевъ барона Сакена, подшутивъ при этомъ случаѣ зло надъ кѣмъ либо. Чаще всего бывшій нашъ дивизіонеръ полковникъ Вернеръ, ставшій начальникомъ округа, въ которомъ находился нашъ полкъ, привлекалъ выходки Савицкаго. Небольшаго роста, кругленькій, Вернеръ былъ воплощенная суета и безпамятство. Однажды когда въ Елизаветградъ въ кабинетъ Сакена были приглашены окружные начальники съ подробными отчетами, Савицкій явился въ переднюю корпуснаго командира съ огромной кипой канцелярскихъ дѣлъ. Завидя подъ зеркаломъ треугольную шляпу съ перомъ, онъ узналъ отъ жандарма, что это шляпа полковника Вернера. Въ шляпѣ торчала сложенная тетрадка отчетовъ. Савицкій, заслонивши шляпу собою, ловко вытащилъ отчетъ и засунулъ въ свою кипу. Черезъ минуту изъ кабинета корпуснаго командира выбѣжалъ Вернеръ за своими отчетами.

— Боже мой, Боже мой! воскликнулъ Вернеръ: жандармъ! куда дѣвались отчеты?

— Не могу знать, ваше в—діе.

— Да кто тутъ былъ?

— Никого не было, вотъ кромѣ ихъ в—дія.

Повертѣвъ съ отчаяніемъ въ душѣ шляпу, Вернеръ вернулся къ Сакену извиниться, что не въ состояніи докладывать, такъ какъ изъ передней его в–ства пропалъ отчетъ.

— Боже мой! воскликнулъ Сакенъ: Вернеръ, я не понимаю, какъ вы можете исполнять какое либо дѣло съ вашими вѣчными попыхами и разсѣянностью. Подите отъ меня прочь и отправляйтесь въ Крыловъ, а черезъ недѣлю пріѣзжайте опять съ новыми отчетами. Какое легкомысліе въ ваши лѣта!

Очередь доклада была за Савицкимъ.

— Боже мой, что это у васъ, Савицкій, за груда бумагъ подъ мышкой?

— Отчеты, ваше в—ство.

— Судя по такому обилію бумаги, можно ожидать, что вы обѣщаете намъ самъ 12 или самъ 10 пшеницы.

— Глаза плохи, ваше в—ство, позвольте надѣть очки.

И съ этими словами Савицкій досталъ два громадныхъ мѣдныхъ колеса со вставленными стеклами. Увидя такой необычайный инструментъ, Сакенъ спросилъ: „какъ они вамъ показываютъ?“

— Самъ другъ, ваше в—пр—ство, самымъ наивнымъ образомъ отвѣчалъ Савицкій.

— Превосходно, Савицкій.

На этомъ кажется и кончился отчетъ.

Объѣзды свои по волостямъ и эскадронамъ Дмитр. Ероф. производилъ въ крытой сверху линейкѣ, въ которой по одну сторону сидѣлъ онъ самъ, а по другую его адъютантъ. Во время объѣздовъ по волостямъ, въ цѣляхъ указанія ему обработанныхъ полей, онъ требовалъ, чтобы рядомъ съ линейкою ѣхалъ и окружной или волостной начальникъ. Однажды (мнѣ пришлось это слышать отъ самого Савицкаго) Сакенъ, завидѣвъ воловъ, лежащихъ въ зрѣлой пшеницѣ, воскликнулъ, указывая на нихъ: „Савицкій, видите вы это?“—„А какъ мнѣ было не видать, когда громадные рога торчатъ поверхъ колосьевъ на большомъ разстояніи“.

— Вижу, отвѣчалъ я.

— И вамъ не стыдно подобное хладнокровіе на службѣ? Я могъ ожидать отъ васъ большей ревности, и т. д. въ такомъ же родѣ.

Когда громъ филиппики умолкъ, Савицкій жалобнымъ голосомъ спросилъ: „ваше выс — пр — ство, хибажъ мнѣ и за панскихъ воловъ отвѣчать и за панскую пшеницу?“

— Да развѣ пшеница-то панская?

— А то что жь! весь клинъ какъ есть панскій.

— Боже, какое примѣрное смиреніе! воскликнулъ корпусный командиръ.

Въ щекотливыхъ вопросахъ на требованія различныхъ лицъ и вѣдомствъ, Савицкій держался правила не отвѣчать на самыя настоятельныя повторенія.

— Нехай пишуть, пропишутся, говорилъ онъ.

И дѣйствительно вмѣсто удовлетворенія требованій онъ поджидалъ со стороны выведенныхъ изъ терпѣнія недозволенныхъ выраженій. И тогда заводилъ дѣло о дисциплинарномъ взысканіи.

Не одинъ Савицкій умѣлъ хотя съ виду исполнять требованія корпуснаго командира. Дмитр. Ероф. мечталъ о разведеніи въ Новороссіи лѣсовъ или по крайней мѣрѣ живыхъ изгородей и березовыхъ аллей. Однажды онъ пришелъ въ восторгъ отъ прекрасной молодой аллеи, соединявшей казенныя постройки, и горячо благодарилъ за нихъ волостнаго командира.

— Какъ ты думаешь, обращаясь съ вопросомъ къ вахтеру, сказалъ Сакенъ: примутся эти прекрасныя березки или нѣтъ?

— Безпремѣнно примутся, ваше выс—пр—ство.

— Боже мой, почему ты такъ утвердительно говоришь?

— Какъ ваше выс—пр—ство изволите отъѣхать, такъ мы ихъ сейчасъ въ чихаусъ на метлы и попринимаемъ.

— Боже мой, волостной командиръ, вы богоотступникъ! какая коварная ложь!

Конечно, такое происшествіе не прошло безъ урока какъ для волостныхъ, такъ и для корпуснаго командира. При слѣдующемъ осмотрѣ молодой березовой аллеи Дмитр. Ероф. безъ предварительныхъ разспросовъ лично выдернулъ одну изъ березокъ, оказавшуюся съ затесаннымъ клиномъ концомъ. При этомъ послѣдовали новыя обвиненія въ безбожіи, и уже при послѣдующемъ березки оказались прочно сидящими въ землѣ, такъ какъ были вдѣланы, подобно рождественскимъ елкамъ, въ кресты. Вѣроятно, Дм. Ероф. во всю жизнь не узналъ, почему посаженныя деревья упорно сопротивлялись усиліямъ вырвать ихъ.

Разсказывали, что въ одномъ округѣ, когда окружной начальникъ въ полной формѣ, со своими волостными командирами, шелъ у лѣваго плеча его выс—пр—ства по тротуару безконечнаго поселенія, вдругъ посреди самаго серьезнаго оффиціальнаго разговора, гдѣ-то вдали послышался пронзительный визгъ свиньи.

— Боже мой, полковникъ, какъ вамъ не стыдно такъ мучить животныхъ! воскликнулъ Сакенъ.

Конечно въ ту же минуту волостной побѣжалъ по направленію, откуда слышался крикъ; но черезъ нѣкоторое время крикъ не только не унялся, но возросъ до послѣдней болѣзненности.

— Полковникъ, какъ вамъ не стыдно такъ мучить животныхъ!

Оказалось, что когда грозный волостной прикрикнулъ на хозяевъ хатъ, между которыми въ водосточномъ отверстіи глиняной стѣны кричала завязнувшая свинья, хозяева бросились вытаскивать, не зная другъ про друга, что раздѣленные стѣною они предаются тѣмъ же усиліямъ, т. е. одинъ старается за заднія ноги вытащить ее на тротуаръ, а другой за переднія протащить въ огородъ. Не удивительно, что при этомъ свинья кричала до послѣдней возможности громко.

Передъ сборами въ дивизіонный кампаментъ, Борисовъ снова отправился въ инспекторскій караулъ въ Кременчугъ.

А я наконецъ получилъ отъ отца слѣдующее письмо:

„Справившись по своимъ запискамъ, я убѣдился, что денегъ на твое содержаніе дѣйствительно не высылалъ, а потому прилагаю присемъ 300 руб.“

Тутъ только, уплативши мой долгъ доброму П. В. Кащенкѣ, я могъ разсчитаться и съ Волькою за сахаръ, за который онъ мало того, что взялъ полуторную цѣну, но капитализируя его, взыскалъ за три мѣсяца по пяти процентовъ.

Странно, что мнѣ, привыкшему съ отроческихъ лѣтъ, по милости покойнаго дяди, швырять деньгами, послѣ четырехмѣсячнаго стѣсненія, граничившаго съ нищетою, 300 р. показались большими средствами. Хотя во избѣжаніе новаго подобнаго искуса я былъ крайне осмотрителенъ въ расходахъ, тѣмъ не менѣе на случайной офицерской попойкѣ, въ которой участвовали и юнкера, я съ видомъ полнаго равнодушія поставилъ бутылку шампанскаго.

XXXVIII.

Поѣздка къ Бржесскимъ на Борисовской тройкѣ.—Дивизіонный кампаментъ въ Новой Прагѣ. Громека.—Обѣдъ у Сакена.—Поѣздка на почту.—Арестъ Жукова.

Захотѣлось мнѣ повидаться съ Борисовымъ, и у насъ изъ Крылова въ Кременчугъ лѣтомъ было самое дешевое и пріятное сообщеніе по Тясьмину и по Днѣпру.

Стоило только улучить минуту отправленія рыбачьей лодки въ Кременчугъ, и за двугривенный можно было подъ парусомъ совершить одинъ изъ тѣхъ переѣздовъ, которые я описалъ въ стихотвореніи „Днѣпръ въ половодье".

Въ Кременчугѣ я нашелъ Борисова благодушествующимъ среди караульныхъ офицеровъ всѣхъ полковъ. Онъ открылъ какое-то необыкновенное бессарабское вино, которымъ угощалъ навѣщавшихъ его товарищей.

— Ты куда же отсюда? спросилъ меня Борисовъ.

— Да пробираюсь къ Бржесскимъ въ Березовку. Отсюда большой дорогой кажется 30 верстъ, и придется взять почтовыхъ.

— Возьми ты, братецъ мой, лучше мою тройку сѣрыхъ; на ней Краснобаевъ тебя въ два часа сомчитъ, тамъ переночуетъ, а завтра утромъ будетъ назадъ.

Сказано — сдѣлано. Продернувши длинный поводъ въ кольцо колокольчика, Михайла заставилъ послѣдній замолчать, обмотавъ поводъ вокругъ расписной дуги Весельчака. Я усѣлся на заднемъ переплетѣ телѣги, тогда какъ Михайла занялъ мѣсто кучера на переднемъ. Въ инспекторскомъ штабѣ даже курьеры подвязывали колокольчики.

Рысцой помаленьку выбрались мы изъ Кременчуга и переѣхали Днѣпръ по плашкоутному мосту, въ цѣлую версту длиною. Вотъ проѣхали песчаный Крюковъ и выбираемся изъ него между огородами по дорогѣ, на которой разливы мѣстами оставили свѣтлыя и глубокія лужи, широко перерѣзавшія путь. Когда Весельчакъ вошелъ въ одну изъ нихъ по

колѣна, Михайла, желая повеселиться колокольчикомъ, котораго я, признаюсь, терпѣть не могу, рѣшился развязать ему языкъ. А чтобы не мочить ногъ, онъ прямо съ козелъ по оглоблямъ полѣзъ на Весельчака и верхомъ сѣлъ ему на спину около самой сѣделки. Размотавъ длинный поводъ съ дуги и освободивъ колокольчикъ, Краснобаевъ воскликнулъ, бесѣдуя самъ съ собою: „вотъ бы чудесно Весельчака попоить!“ Но Весельчакъ и по освобожденіи повода не склонялъ головы къ водѣ.

— Ишь! воскликнулъ Михайла, взнузданный-то пить не хочетъ; изволь, другъ: скопаю съ тебя узду.

Но получивъ и полную свободу, Весельчакъ не опускалъ къ водѣ обнаженной головы, а пошатавшись съ ноги на ногу, сталъ тихонько трогаться съ мѣста.

— Тпр... ободрать тебя! крикнулъ Михайла; но Весельчакъ съ каждой секундой прибавлялъ шагу, и выйдя изъ лужи, въ самомъ скоромъ времени изъ шага перешелъ въ рысь, а затѣмъ въ галопъ и карьеръ.

Я могъ только сдерживать пристяжныхъ; что же касается до Весельчака, то натянувъ вожжи, я бы только уздою, приходящейся въ грудь Михайлѣ, стащилъ его съ лошади, тогда какъ онъ, держась обѣими руками за скачущую дугу, былъ радъ, что не валится долой.

Дѣло вѣроятно обошлось бы проскачкою тройки на нѣсколько верстъ по торной и песчаной дорогѣ.

Но Михайла и тутъ предался порыву негодованія и, нагнувшись по возможности впередъ, со всего розмаху ударилъ Весельчака по правой щекѣ съ восклицаніемъ: „ахъ, чтобъ ты сдохъ!“ Весельчакъ, не ожидавшій такого конфуза, тотчасъ же съ дороги поворотилъ цѣликомъ влѣво, и мы помчались, куда глаза глядятъ.

Глядѣли же мои глаза на одинъ изъ столѣтнихъ дубовъ, разбросанныхъ по песчаной равнинѣ, и я къ ужасу увидалъ, что наша колесница во весь духъ несется на эту роковую мету. Но и въ этомъ случаѣ я остался вѣрнымъ правилу не выскакивать на ѣздѣ. Оставалось нѣсколько скачковъ до роковаго дуба; но въ минуту, когда Весельчаку приходилось на всемъ скаку удариться лбомъ въ дерево, онъ свернулъ на-

столько вправо, что пронесся мимо, предоставляя лѣвой пристяжной встрѣтиться съ дубомъ.

Но и пристяжной такая перспектива не понравилась и, осадивши на всемъ скаку, она была не только постромками опрокинута навзничь, но и оторвана отъ телѣги.

Этотъ внезапный и сильный ударъ образумилъ Весельчака, и тотъ всталъ какъ вкопанный.

Оглянувшись налѣво назадъ, я ожидалъ, что увижу пристяжную если не убитой, то искалѣченной. Каково же было мое удивленіе, когда оторвавшаяся лошадь поднялась съ песку, въ который зарылась спиною, встряхнулась и, почувствовавъ себя на свободѣ, пустилась бѣжать.

А такъ какъ уцѣлѣвшій въ постромкахъ валекъ сталъ попадать ей по заднимъ ногамъ, то она понеслась по полю, вскидывая задомъ и отбивая валекъ.

Едва могъ я уговорить Михайлу воспользоваться смущеніемъ Весельчака, чтобы взнуздать его снова. Успокоенный на этотъ счетъ, я болѣе получаса слѣдилъ за быстрыми вольтами пристяжной, не удалявшейся, слава Богу, слишкомъ далеко отъ сѣрыхъ сотоварищей. Наконецъ съ помощью какого то прохожаго была поймана и игривая пристяжная, но этимъ приключеніе не кончилось. Оставалось Михайлѣ, привязавъ поводъ пристяжной къ лѣвому гужу, сѣсть на козлы. Но какъ оставить виновнаго безъ возмездія! и съ восклицаніемъ: „ахъ ты проклятый!“—Краснобаевъ изо всѣхъ силъ ударилъ кнутовищемъ Весельчака по переносью. Послѣдній, какъ свѣча поднявшись на дыбы, повернулъ нѣсколько влѣво, такъ что, опускаясь на землю, переломилъ попавшую ему на спину правую оглоблю. Пришлось искать гдѣ либо въ изгороди подходящаго кола, чтобы подвязать переломленную оглоблю. Наконецъ, худо ли хорошо ли, все было связано и закрѣплено, и мы, выбравшись изъ Днѣпровскаго прибрежья въ гору на степной уровень, проворно покатили по дорогѣ въ Александрію.

Солнце закатилось, и золотистый вечеръ царилъ надъ необъятною степью. Новая и ладная телѣга слабо погромыхивала по мягкой накатанной дорогѣ. Среди степнаго безмолвія ясны были удары бѣгущей тройки, и минутные басовые звуки проносившихся по зарѣ жуковъ.

— О... о... о! вдругъ вскрикнулъ Михайло, хватаясь за правый глазъ:—батюшки, смерть моя! окривилъ, разбойникъ! вопилъ онъ, казня кнутовищемъ упавшаго къ нему на колѣни навознаго жука.—Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, анаѳема! восклицалъ Краснобаевъ: что жь тебѣ бѣлый свѣтъ малъ что ли былъ, и только тебѣ и дороги, что прямо мнѣ въ глазъ!

Явно, въ этотъ вечеръ Михайлѣ не везло.

У милѣйшихъ Бржесскихъ я засталъ какого-то весьма приличнаго молодаго человѣка, кажется, кандидата Кіевскаго университета. Хозяйка угостила насъ прекраснымъ ужиномъ, орошеннымъ бутылкой рейнвейна; а въ 11 час. она сказала: „вы, господа, съ дороги, да и сама я устала; а потому позвольте пожелать вамъ покойной ночи. Вамъ, какъ всегда. прибавила она мнѣ, постель приготовлена въ кабинетѣ Алексиса; а васъ, обратилась она къ кандидату, мальчикъ проводитъ во флигель“.

Но только что кандидатъ исчезъ за дверью, какъ Александра Львовна сказала вполголоса: „я знаю, вамъ нужно перетолковать по душѣ, и я спровадила лишняго гостя; ступайте въ кабинетъ и вамъ сейчасъ подадутъ замороженнаго редерера“.

Вначалѣ августа пришлось и мнѣ съ полкомъ отправляться на тѣсныя квартиры въ Новую Прагу по случаю дивизіоннаго кампамента. Въ отведенной мнѣ горницѣ у простаго хохла было весьма недурно по причинѣ опрятнаго содержанія горницы его расторопною дочерью. При ничтожности моей тогдашней служебной роли, не умѣю ничего сказать объ этомъ времени. Не вступая въ новыя знакомства, я и здѣсь на тѣсныхъ квартирахъ продолжалъ бывать у своихъ же однополчанъ и, между прочимъ, у любезной и домовитой Ол. Ник. Гайли.

— Я нарочно, сказала она мнѣ смѣясь, выслала сюда за двѣ недѣли впередъ до своего пріѣзда кухарку съ коровой; я и не предполагала, что Крюднеръ, собирая вечеромъ офицеровъ на преферансъ и на чай, будетъ ежедневно посылать за сливками къ моей кухаркѣ, которая на вопросъ, слѣдуетъ ли давать сливокъ, услыхала возгласъ Эд. Иван.: „какой вздоръ! разумѣется, давать“; а когда я пріѣхала сюда,

кухарка повалилась мнѣ въ ноги, со словами: „матушка, ни масла, ни сметаны не собрала; Крендель все попилъ!“

Но августъ кончился, и мы потянулись походомъ въ Елизаветградъ. Здѣсь вся дивизія стала въ лагерныхъ баракахъ, выстроенныхъ любимымъ способомъ Дмитрія Ерофеевича изъ сыраго кирпича, подъ камышевой крышей. Замѣчательно, что военные лагери до сихъ поръ строго хранятъ римскій планъ, временъ Цезаря и Ювенала, съ офицерскими бараками или палатками на средней линейкѣ. Въ одномъ изъ домиковъ мнѣ пришлось занимать комнату какъ нарочно съ наименѣе для меня симпатичнымъ корнетомъ Краевскимъ. Болѣе всего не нравилось мнѣ въ немъ какое то безсердечное козыряніе. Такъ, напримѣръ, ему прислуживалъ крѣпостной его дворовый мальчикъ, торопливо исполнявшій разнообразныя требованія господина босикомъ и большею частію безъ шапки. При этомъ несчастный порѣзалъ себѣ стклянкой подошву и довольно сильно нахрамывалъ. Иногда Краевскій, пославши его куда нибудь, прикрикивалъ: „не хромать“! и видно было, какого самообладанія требовало исполненіе такого приказанія. Къ моему удовольствію мой сожитель, расхаживая по всѣмъ четыремъ полкамъ дивизіи, рѣдко оставался дома.

Однажды дверь отворилась, и на порогѣ явился молодой офицеръ съ быстрыми глазами и орлинымъ носомъ.

— Мнѣ сказали, проговорилъ онъ, что здѣсь живетъ юнкеръ Фетъ.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте рекомендоваться, поручикъ Громека, усердный вашъ поклонникъ; я полковой адъютантъ полковника Трубникова, который въ свою очередь жаждетъ съ вами познакомиться; надѣюсь, вы будете такъ любезны и позволите похитить себя прямо въ нашъ пѣхотный лагерь.

— Помилуйте, возможно ли это, отвѣчалъ я: нижнимъ чинамъ всякая ѣзда запрещена.

— Вы только заявите согласіе, и я перенесу васъ на коврѣ-самолетѣ.

Это запрещеніе напоминаетъ мнѣ порядочную муку, испытанную мною въ Елизаветградѣ. Находясь въ 2-хъ верстномъ разстояніи отъ города, я долженъ былъ явиться къ

корпусному командиру поблагодарить за неоднократно выраженное ко мнѣ вниманіе. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что для подобной явки въ невыносимый зной необходимо пройти двѣ версты въ толстыхъ, подбитыхъ кожей, рейтузахъ, въ бѣломъ колетѣ изъ солдатскаго сукна, въ перчаткахъ съ каляными раструбами, съ 8-ми фунтовымъ палашомъ у бедра и 10-ти фунтовой мѣдной каской на головѣ. Во всемъ этомъ надо стараться пройти, не запыливъ безукоризненно бѣлаго мундира. Какъ бы то ни было, добравшись до помѣщенія знакомыхъ мнѣ трехъ сыновей Сакена, я по возможности оправился и просилъ ихъ доложить отцу о моемъ приходѣ. Желая сохранить заслуженное у корпуснаго командира мнѣніе обо мнѣ, какъ о служакѣ, я, войдя въ залу со столомъ, накрытымъ на множество кувертовъ, вытянулся у притолки по всѣмъ правиламъ выправки, подаваясь на носки до крайней возможности. Говорившій большею частію полушепотомъ Дм. Ероф., оставивши въ гостиной многочисленныхъ генераловъ, прибывшихъ передъ пріѣздомъ государя, что то проворчалъ; а я, догадавшись, что онъ сказалъ: „здравствуйте, Фетъ“, правильно отчеканилъ: „здравія желаюваше в—пр—о“.

— Тишину, вполголоса буркнулъ генералъ.

Не смѣя переспросить, что ему угодно, я пустился въ догадки: кажется, подумалъ я, я едва дышу, и нѣмъ, какъ рыба, а онъ требуетъ какую то тишину. Пристально и почтительно глядя ему въ глаза, я еще болѣе подался на носки.

— Вышину, сказалъ генералъ и повернулся лицомъ къ гостиной.

Рискуя повалиться впередъ, я еще разъ надвинулъ корпусъ на носки, и тогда только разслушалъ слова: „vous resterez chez nous“.

Никогда не забуду я этого обѣда между корпусными командирами съ несгибающейся кожей, съ лядункой, цѣпляющейся за стулъ, и съ палашомъ, прицѣпленнымъ по пѣшему и не дающимъ возможности усѣсться. Не взирая на множество гостей, за кофеемъ Дм. Ер. нашелъ время попросить меня написать стихи для торжественнаго гимна, на которые искренно любимый имъ талантливый корпусный капельмей-

стеръ богемецъ Пейрекъ напишетъ музыку для вокальнаго хора кантонистовъ.

Въ бараки пришлось возвращаться вечеркомъ и не такъ мучительно озабоченнымъ донести свою окопировку въ безукоризненномъ видѣ.

Изъ полковой канцеляріи на другой день увѣдомили меня о полученіи заказнаго письма на мое имя со вложеніемъ пяти тысячнаго документа. Слухъ этотъ обошелъ всѣхъ карточныхъ игроковъ, и одинъ изъ самыхъ задорнѣйшихъ, князь Кудашевъ спросилъ меня, неужели эта сумма представляетъ мой доходъ, а не основной капиталъ?

Это дѣйствительно былъ вексель на мое имя, которымъ отецъ вздумалъ навсегда обезпечить получаемыхъ мною изъ дому 300 р.

Игроки успокоились, но мнѣ слѣдовало, заручившись удостовѣреніемъ изъ полковой канцеляріи, отправиться лично въ Елизаветградъ на почту, и любезный эскадронный командиръ Ростишевскій приказалъ осѣдлать параднымъ вьюкомъ лошадь изъ втораго взвода, и самъ я долженъ былъ отправляться на почту въ полной парадной формѣ, за исключеніемъ кирасъ. Если я еще не умѣлъ тонко проѣхать на собственно подготовленной лошади, то освоился уже съ верховой ѣздой настолько, что не думалъ о безпокойствѣ и непрестанномъ ржаніи лошади, которая, очутившись въ полѣ совершенно одинокой, пришла въ сильное волненіе. Почтовый домъ, принадлежавшій чуть ли не самому почтмейстеру Громекѣ, отцу знакомаго мнѣ адъютанта, имѣлъ съ обѣихъ сторонъ ворота. Разспросивъ кого то о почтовомъ домѣ, я повернулъ въ первыя ворота и въѣхалъ на довольно просторный дворъ. На дворѣ не оказалось никого, кого бы я могъ разспросить о подробностяхъ, а потому, слѣзши съ лошади, я подвелъ ее къ столбамъ какихъ то амбаровъ и старался привязать закинутыми напередъ поводками, оставя мундштучные поводья на лукѣ. Въ это время съ открытой веранды, окружавшей домъ со двора, я услыхалъ женскій голосъ, исходившій, какъ я убѣдился, изъ устъ брюнетки среднихъ лѣтъ, одѣтой въ полосатое шелковое платье: „солдатъ, солдатъ, здѣсь нельзя привязывать лошадь“.

— Сударыня, мнѣ нужно на почту.

— Тутъ никакой почты нѣтъ, въ почтовую контору надо отправляться въ тѣ ворота, что съ лѣвой стороны дома.

Я сѣлъ на лошадь и переѣхалъ на указанный дворъ. Здѣсь почтовая контора оказалась не въ домѣ, а въ особомъ флигелѣ направо отъ воротъ. Лошадь привязать было окончательно не къ чему. На дворѣ въ парадной, но облегченной лѣтней формѣ были два или три пѣхотныхъ солдатика, вѣроятно, по сходнымъ со мною надобностямъ.

— Братъ, сдѣлай милость, сказалъ я, обращаясь къ одному изъ нихъ:—подержи мою лошадку, покуда я сбѣгаю на почту. Она смирная, а станетъ баловаться, поводи ее вокругъ двора.

Прошло, быть можетъ, минутъ пять или болѣе, пока дошла очередь до моего документа. Но сердце мое трепетало за моего импровизованнаго конюха, а взглянувши въ окно, я увидалъ, что бѣлые штаны все чаще мелькаютъ по причинѣ усилившейся бѣготни съ лошадью вокругъ двора. Въ предчувствіи бѣды я со всѣхъ ногъ бросился на дворъ, но не успѣлъ перехватить бѣжавшихъ взапуски. Вмѣсто того, чтобы взять лошадь подъ самыя уздцы, солдатикъ держалъ ее за самый кончикъ трензельныхъ поводковъ и, наконецъ, испугавшись, чтобы она не поддала его задомъ, выпустилъ поводокъ изъ рукъ. Могучая лошадь бросилась со всѣхъ ногъ на улицу, а затѣмъ и по песчаному спуску къ рѣкѣ Ингулу. Если бы даже въ настоящую минуту мнѣ пришлось переживать то же самое, то я никакъ не сумѣлъ бы рѣшить, какая предосторожность была мною упущена, и какъ бы я долженъ былъ поступить иначе. Тѣмъ не менѣе, положеніе было весьма некрасиво. Все городское начальство увидало бы лошадь Орденскаго полка безъ сѣдока мчащеюся по улицамъ и портящею не только свои поводья, но, вѣроятно, и ротъ, отрабатывать который мучились цѣлый годъ. И какъ вернусь я въ полкъ, потерявши лошадь? Но вотъ навстрѣчу моему коню изъ подъ горы показался съ десятокъ уланъ, возвращавшихся пѣшкомъ, вѣроятно, отъ временныхъ кухонь.

— Братцы, воскликнулъ я отчаяннымъ голосомъ, перей":
мите моего коня!

И въ то же мгновеніе привычная рука малютки улана ухватила моего разыгравшагося носорога за поводъ. Уланъ подержалъ мнѣ и лошадь, покуда я ходилъ за своимъ пакетомъ въ контору, а потомъ, когда я снова умостился верхомъ, мы разстались на самомъ дружескомъ привѣтствіи, по крайней мѣрѣ съ моей стороны.

На другой или третій день послѣ этого, въ баракъ ко мнѣ вошелъ въ тонкомъ юнкерскомъ одѣяніи молодой человѣкъ и развязнымъ тономъ спросилъ: „вы меня не узнаете? я вашъ товарищъ юнкеръ Жуковъ, который сопровождалъ васъ на взводное ученіе“.

— Очень радъ васъ видѣть, сказалъ я, но какъ странно, что до сихъ поръ о васъ нѣтъ приказа ни по дивизіи, ни по полку, и удивляюсь, что при всемъ томъ вы рѣшаетесь въ запрещенномъ тонкомъ платьѣ появляться въ баракахъ.

— Что жь такое?

— Да то, что васъ только одинъ лѣнивый не арестуетъ.

— Я пріѣхалъ въ каретѣ.

— Ну смотрите, это ваше дѣло.

Черезъ день опасенія мои сбылись. Такъ какъ тогда на всѣхъ городскихъ заставахъ становился караулъ, обязанный въ лицѣ своего унтеръ-офицера соблюдать извѣстныя формальности по отношенію къ Августѣйшимъ Особамъ, то начальникъ нашей дивизіи Ант. Ант. Эссенъ производилъ репетицію подобной встрѣчи со спускомъ и поднятіемъ шлагбаума по командѣ: „бомъ высь“. При этомъ ѣхавшіе по шоссе въ городъ и изъ города экипажи принуждены были останавливаться въ ожиданіи поднятія шлагбаума.

Заглянувъ случайно въ стекло стоявшей кареты, Ант. Ант. къ немалому изумленію увидалъ юнкера въ формѣ изъ тонкаго сукна. Выманивъ знакомъ сидящаго въ каретѣ, онъ на вопросъ: „кто такое?“ услыхалъ отвѣтъ: „Жуковъ, юнкеръ Военнаго Ордена полка“.

— Это неправда, сказалъ Эссенъ;—я хорошо знаю всѣхъ Орденскихъ юнкеровъ, а это самозванецъ и проходимецъ. Взять его подъ арестъ и снять съ него самозванческій мундиръ.

На другой день заявившій себя пензенскимъ гимназистомъ Жуковъ былъ отправленъ по этапу на мѣсто жительства.

XXXIX

Я командую взводомъ.—Царскій смотръ.—Ѣду съ Громекой къ полковнику Трубникову.—Подалинскій.

Между тѣмъ государь Николай Павловичъ прибылъ къ назначенному дню въ Елизаветградъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ въ обычное время корпуснымъ командиромъ, а во время пребыванія государя носившемъ названіе дворца. Успѣвши познакомиться съ благодушнымъ и талантливымъ капельмейстромъ Пейрекомъ, я передалъ ему мою кантату, которая была напечатана въ корпусной типографіи и разучена кантонистскимъ хоромъ, но кажется не удостоилась быть выслушанной государемъ. За давностью времени помню только первый куплетъ:

Поднялася пыль степная,
Солнышко взошло,
Всюду сбруя боевая
Блещетъ какъ стекло.

Въ числѣ прочихъ ученій не забывались и пѣшіе по конному, производящіеся въ видахъ обученія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, причемъ взводы замѣнялись тремя рядами пѣшихъ людей, отчего и самыя ученія назывались трехрядными. Но чѣмъ менѣе были представляемыя части, тѣмъ яснѣе становились ошибки отдѣльныхъ командировъ. Если я твердо зналъ предстоящіе повороты въ конномъ строю, то объ эскадронномъ, дивизіонномъ и полковомъ ученіяхъ не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія. Назначено было пѣшее по конному, и я всталъ на унтеръ-офицерское мѣсто, надѣясь на суфлерство моего Лисицкаго. Оказалось, что офицеръ передъ первымъ взводомъ заболѣлъ. Мелкій дождикъ

сталъ накрапывать. „Юнкеръ Фетъ! крикнулъ Ростишевскій:—извольте встать передъ взводъ“. Снявши по формѣ фуражку и вытянувшись въ струнку, я воскликнулъ: „ваше бл—діе, я ничего въ этомъ ученіи командовать не могу, такъ какъ ничего не знаю и не понимаю!“—„На службѣ нѣтъ отговорокъ, извольте встать передъ взводъ“. Въ смущеніи я не помню, подъѣхалъ ли начальникъ дивизіи и кто командовалъ первое построеніе. Къ счастію, дождикъ полилъ какъ изъ ведра, и кто то скомандовалъ: „домой!“—причемъ я все-таки успѣлъ доказать свое знаніе, очутившись со взводомъ не только въ другомъ эскадронѣ, но даже въ другомъ полку, что и нарочно весьма трудно исполнить.

Назначенъ былъ день для одного изъ громаднѣйшихъ царскихъ смотровъ.

Полная луна стояла въ 12 час. ночи надъ передней линіей нашихъ бараковъ, когда выпивъ обычный стаканъ кофею съ булкой, я въ полномъ вооруженіи прошелъ туда къ нашему эскадрону и, сѣвъ на своего коня, ожидалъ на ряду со всѣми пріѣзда начальника дивизіи. Добрѣйшій Ант. Ант. не замедлилъ показаться передъ фронтомъ и воспользовался случаемъ сказать поощрительную рѣчь, до какихъ онъ былъ большой охотникъ.

— Ну ребятки, теперь мы будемъ идти на страшный судъ. Какъ государь насъ найдетъ, такими мы и останемся, и всѣ наши труды пропадутъ. Поэтому, ребята, каждый изъ васъ долженъ помнить пословицу: „солдатъ долженъ землю на небо хватать“. Нѣтъ, громко поправилъ онъ себя,—это будетъ не такъ: „солдатъ долженъ звѣзды на землю хватать“. Нѣтъ, и это не такъ, и не помню добился ли наконецъ Ант. Ант. того, что долженъ дѣлать солдатъ.

Намъ пришлось идти въ степи, верстъ за 6 за городъ въ противоположномъ отъ нашего лагеря направленіи. Конечно, подвигаясь медленно, мы пришли на мѣсто не раньше четырехъ часовъ утра, а смотръ назначенъ былъ въ 6 часовъ. Тутъ появились копытныя и всякаго другаго рода щетки, и конечно, употреблены были всевозможныя средства представиться государю въ самомъ блестящемъ видѣ.

Заключенный въ тѣсныя рамки нижняго чина, лишеннаго

даже возможности передвиженія съ мѣста на мѣсто, я ничего не могу на этотъ разъ лично сообщить о царскомъ смотрѣ. Помню только, что государь передъ нашими бараками смотрѣлъ кавалерійскихъ юнкеровъ, представляемыхъ къ производству въ офицеры. Какъ разъ къ нашимъ взводнымъ баракамъ прибыли два гусарскихъ юнкера на сѣрой и рыжей лошадяхъ со своими дядьками солдатиками, Что за трогательныя группы представляли обѣ пары со своими лошадьми! Надо было видѣть, какъ щегольски одѣты были молодые гусары въ свои мундиры изъ грубаго сукна. Прелестныя ихъ лошади были подстрижены, подщипаны и вычищены до послѣдняго совершенства.

— Сударь, обратился ко мнѣ Клясцицькій солдатикъ, убиравшій сѣрую лошадь, прикажите вашему дядькѣ одолжить на минуту чистой щетки. Вѣдь тоже шли сюда, неравно гдѣ пылинка позадержалась. Ну, крикнулъ онъ своему юнкеру, когда тотъ, сѣвши верхомъ, подобралъ своего молодецкаго сѣраго въ яблокахъ:—распеките ее, чтобы она орломъ ходила.

И дѣйствительно, можно было любоваться этими двумя юнкерами. Великое дѣло воинская красота; недаромъ она такъ цѣнится женщинами.

Дня черезъ два около 6 часовъ вечера въ баракъ ко мнѣ вошелъ торопливо знакомый уже адъютантъ С. С. Громека.

— Я пріѣхалъ просить васъ сдержать любезное обѣщаніе. Полковникъ Трубниковъ со всѣмъ штабомъ ожидаетъ васъ въ пѣхотномъ лагерѣ, и коляска ждетъ васъ у средней линейки. Надѣвайте фуражку и пойдемте.

— Какъ! воскликнулъ я:—нижній чинъ, я въ солдатскомъ мундирѣ поѣду съ вами по дорогѣ, кишащей генералами, да еще мимо императорскаго дворца.

— Предоставьте мнѣ, отвѣчалъ Громека, заботиться о вашей безопасности, съ которой въ данномъ случаѣ связана и моя собственная. Въ коляскѣ для васъ приготовлена дамская накидка и шляпка съ густымъ вуалемъ. Никто не можетъ разобрать, ѣду ли я съ моей женой или матерью.

Черезъ минуту я уже сидѣлъ въ дамскомъ нарядѣ рядомъ съ Громекою, который, при встрѣчахъ съ генералами, видя мою попытку юркнуть подъ фартукъ, не переставалъ шеп-

тать: „сидите, несчастный; если въ дамскомъ нарядѣ вы полѣзете подъ фартукъ, то мы пропали“.

Изъ остановившейся, невдалекѣ отъ палатки полковника Трубникова, коляски я вышелъ вслѣдъ за Громекою въ видѣ кирасирскаго унтеръ-офицера, въ толстомъ мундирѣ. У самаго входа въ палатку два стройныхъ парныхъ часовыхъ щегольски отдали честь проходившему Громекѣ.

Не стану описывать радушнаго пріема, оказаннаго мнѣ любезнымъ полковымъ командиромъ. Угощеніе ограничилось чаемъ съ лимономъ и сухарями. Зато желаніе показать весь запасъ лагерныхъ развлеченій было совершенно искренно какъ у самого полковника, такъ и у его немногочисленныхъ гостей, пожелавшихъ со мною познакомиться.

— Право, не знаю, чѣмъ угостить васъ на первое знакомство, сказалъ Трубниковъ.

— Полковникъ, сказалъ я, если вамъ угодно непремѣнно услыхать мою просьбу, то я признаюсь, что меня отчасти смущаютъ ваши ласки при сознаніи, что мои сотоварищи юнкера послѣ денной службы поставлены въ наказаніе на часы у вашей палатки. Мнѣ кажется, что моя признательность вамъ стала бы еще безусловнѣе, если бы вы соблаговолили простить моихъ сверстниковъ по чину.

— Очень радъ сдѣлать вамъ угодное, отвѣчалъ Трубниковъ, хотя истинно для ихъ же блага хлопочешь.

— Эй, кто тамъ, крикнулъ онъ къ выходу палатки:—отпустить юнкеровъ.

Это было мое первое и послѣднее свиданіе съ полковникомъ Трубниковымъ. Но отъ Громеки я узналъ, что дама, кричавшая мнѣ съ веранды почтоваго дома: „солдатъ, солдатъ, здѣсь нельзя привязывать лошади“,—была занимавшая половину дома—жена полковника.

Не помню въ настоящее время, по какому поводу попалъ я снова въ домъ родителей Громеки, но скажу нѣсколько словъ о томъ, что меня въ то время очень поразило. Я сидѣлъ въ довольно просторной комнатѣ съ сухощавой пожилой женщиной, матерью Громеки, которой онъ же, вѣроятно, меня и представилъ. Затѣмъ, помнится, пронесся его торопливый шепотъ: „Подалинскій пріѣхалъ“.

— Гдѣ же онъ? спросила его мать.

— Онъ прошелъ въ контору, былъ отвѣтъ.

— Кто такое Подалинскій? спросилъ я.

— Одесскій почтъ-директоръ, былъ отвѣтъ.—Какъ же вы не знаете Подалинскаго?! поэта? автора поэмы „Дивъ и пери?“

Люди нашего поколѣнія, не исключая и Тургенева, говорятъ объ особенномъ чувствѣ не то изумленія, не то уваженія, которыми мы наполнялись при встрѣчѣ воочію съ поэтомъ. Когда дверная ручка слегка задвигалась, то и безъ восклицанія m-me Громеки, „это Подалинскій“, я бы инстинктивно догадался, что онъ идетъ. M-me Громека, вставши, прошла нѣсколько шаговъ какъ бы навстрѣчу гостю, а я впился глазами въ довольно плотнаго брюнета, лѣтъ 45-ти, въ мундирномъ фракѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, войдя въ комнату, какъ стоявшая противъ него m-me Громека, какъ подрубленное деревцо, навзничь грянулась на полъ. Голова несчастной женщины гулко ударилась въ половицу.

— Боже мой, что такое? воскликнулъ, очевидно, смутившійся Подалинскій:—воды! воды!

Инстинктивно и я послѣдовалъ этому возгласу, за которымъ появились домашніе со стаканомъ воды. Не желая быть лишнимъ, я удалился и по сей день не знаю ни причины, ни значенія этой сцены.

XL

Кавалерійскія атаки.—Возвращеніе въ Новогеоргіевскъ.—Юнкерская команда.—Арцибалъ.—Поручикъ Критъ. — Спицынъ. — Командоръ.—Юнкеръ Кулаковскій.

Человѣку, незнакомому съ построеніями боевыхъ массъ на маневрахъ, въ которыхъ онъ принимаетъ личное участіе, всѣ эти движенія ломаными частями, исполняемыя въ кавалеріи, большею частію въ карьеръ, неизбѣжно покажутся чѣмъ то вродѣ круженія, о которомъ Пушкинъ такъ живописно говоритъ въ своихъ „Бѣсахъ“.

„Будто листья въ ноябрѣ“....

Мчишься въ тучѣ пыли, нерѣдко одними колѣнями да стременами чувствуя сосѣдей и догадываясь по ритмическому сотрясенію тѣла, что должно быть давно уже куда то несешься, такъ какъ среди Божьяго дня не только не видишь передняго всадника, но даже головы собственнаго коня. При подобныхъ же условіяхъ можно только говорить о личныхъ ощущеніяхъ, что я и дѣлаю, такъ какъ ни о ходѣ маневровъ, ни о пріѣздѣ многочисленныхъ посѣтителей царскаго смотра не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Но даже въ той тѣсной сферѣ наблюденія, которая выпадаетъ на долю всякаго солдатика въ задней шеренгѣ, невозможно не изумляться чудесамъ дисциплины, посредствомъ которыхъ она готовитъ массы людей къ геройству и самоотверженію.

Не будемъ говорить о механическомъ исполненіи всякаго рода движеній, входящихъ въ привычку у человѣка, одареннаго словомъ и разумомъ. Въ какой области, кромѣ кавалеріи, находимъ мы въ животныхъ такую привычку пониманія команды по одному звуку, хотя бы команда относилась не прямо къ тому, кто ее понялъ. Старую лошадь въ манежѣ нужно удерживать отъ исполненія команды по одному ея предварительному возглашенію, не дождавшись исполнительнаго: маршъ! Ученья кончаются во всякіе часы дня вполнѣ

независимо отъ отдыховъ, передъ которымъ кавалеріи командуется отдыхъ правой руки отъ держанія оружія. Такихъ отдыховъ во время жаркихъ ученій можетъ встрѣтиться два и болѣе. Но чѣмъ объяснить, что сколько бы разъ ни командовали: „палаши (или сабли) въ ножны, пики за плечо!“—лошади остаются безучастны къ такой командѣ; но едва начальныя слова той же команды раздадутся къ концу ученія передъ коннымъ фронтомъ, какъ ликующее ржаніе не даетъ дослушать словъ. Въ качествѣ унтеръ-офицера задней шеренги мнѣ лично довелось присутствовать въ колоссальной атакѣ цѣлой кавалерійской дивизіи развернутымъ фронтомъ, которую угодно было произвести императору.

Принимая во вниманіе шести-эскадронный составъ полковъ, слѣдуетъ представить себѣ кавалерійскую атаку фронтомъ, по крайней мѣрѣ, въ 2½ версты длиной. Конечно, и исполнять, и наблюдать такое движеніе можно только на плоскихъ возвышенностяхъ Херсонскихъ степей, тамъ, гдѣ онѣ не перерѣзаны громадными балками. Когда по командѣ: „маршъ! маршъ!“ мы бросились во весь духъ къ отдаленному холму, на которомъ со свитою стоялъ императоръ, вся чистая степь была передъ нами раскрыта, такъ какъ пыль и ископоть доставались на долю задней шеренги. Надъ самой моей каской что то стремительно визгнуло, и я догадался, что это подкова, проминовавшая мой лобъ. Между тѣмъ нашъ эскадронъ налеталъ на поперечную дорогу, на которой ясна была воловая фура съ сидящими на ней хохломъ и хохлушкой. Съ каждымъ мгновеніемъ перерѣзающая намъ дорогу фура становилась все ближе къ эскадрону.

Боже, подумалъ я, что станется съ несчастной фурой и съ нами, когда придется перескакивать черезъ это препятствіе?

Но къ моему удивленію, эскадронъ на всемъ скаку образовалъ прорѣху, въ которой фура проскочила; въ слѣдующую затѣмъ секунду прорѣха закрылась, и непрерывность фронта возстановилась.

Разсказывали о сценѣ, происходившей сзади насъ въ одномъ изъ полковъ дивизіи. Позади строющихся кирасировъ проѣзжалъ въ телѣжкѣ священникъ на бракованномъ конѣ.

Вдругъ послѣ построенія фронта трубы сигналистовъ протрубили: „карьеръ“, и съ этимъ вмѣстѣ пыль понеслась по всей шеренгѣ. Напрасно изумленный и встревоженный священникъ старался удержать своего преображеннаго коня: повернувши въ запряжкѣ съ торной дороги, бракусъ понесъ по межамъ телѣжку во весь духъ за своимъ бывшимъ полкомъ; при страшныхъ усиліяхъ нагналъ его и, врѣзавшись вмѣстѣ съ священникомъ въ свое прежнее мѣсто, продолжалъ неудержимо нестись до конца атаки.

Хваля Эссена за дружность и стройность атаки, государь промолвилъ: „этотъ маневръ могъ себѣ позволить я, но ты его себѣ не позволяй“.

Царскій смотръ кончился, и на третій день по отъѣздѣ государя тронулись и мы въ обратный походъ по своимъ квартирамъ. На третьей верстѣ отъ Елизаветграда нашъ Энгельгардтъ, простившись съ эскадронными командирами, слѣзъ съ лошади и сѣлъ въ коляску, чтобы уѣхать въ Одессу. Этому примѣру послѣдовали эскадронные командиры и субалтернъ-офицеры. Еще съ перваго дня похода мы могли любоваться жидовскою почтой, состоящей изъ жидка, скачущаго на неосѣдланной лошади. Такой наѣздникъ съ треплющимися пейсами и рукавами обгонялъ эскадронныя колонны, чтобы съ возможной скоростью дать знать шинкамъ по пути о прохожденіи войска. Шинкари превосходно разсчитають время и мѣсто привала и запасутся надлежащимъ количествомъ водки, которая въ то безакцизное время была и превосходна, и крайне дешева—отъ 60 до 70 коп. за ведро. Чѣмъ ближе первый эскадронъ приближался къ Новогеоргіевску, тѣмъ болѣе отставали отъ него офицеры. Съ послѣдняго ночлега Ростишевскій сѣлъ въ коляску со своей красавицей женой и уѣхалъ къ роднымъ, сказавши одному изъ нашихъ корнетовъ, что вполнѣ надѣется, что тотъ доведетъ эскадронъ съ полковыми штандартами и трубачами, такъ какъ безукоризненный Небольсинъ тоже уѣхалъ до штаба полка. Но и этотъ офицеръ послѣдовалъ примѣру всѣхъ другихъ, такъ что я остался единственнымъ охранителемъ дисциплины. Привыкши къ тому, что командующіе частями угощали на походѣ солдатъ водкой, я не могъ, не подвергаясь осужде-

нію, не купить на первомъ привалѣ эскадрону водки и, быть можетъ, не зная настоящаго размѣра, былъ некстати щедръ. Кажется, солдатики воспользовались случаемъ пустить и собственныя деньги въ ходъ; но черезъ полчаса удовольствіе вести эскадронъ превратилось въ томительное чувство страха. Мы знали, что древки нашихъ старыхъ штандартовъ были переломлены и держались на желѣзныхъ шпиляхъ. Нести свою обычную службу они могли вполнѣ. Но что долженъ былъ я испытывать при видѣ, какъ захмѣлѣвшіе штандартные унтеръ-офицеры, проѣзжая подъ придорожными ракитками, безцеремонно ломились сквозь нависшія вѣтви верхушками штандартовъ.

Боже мой, думалъ я, какой клубокъ беззаконій. Ни одного офицера въ наличности, нижній чинъ, распоившій эскадронъ и въ результатѣ сломанные штандарты. Но судьба сжалилась надо мною, и я благополучно довелъ эскадронъ до штаба и внесъ штандарты въ квартиру полковаго командира.

Въ концѣ сентября, по заморозкамъ, начинались снова безконечныя эскадронныя занятія въ манежѣ, и это время избиралъ Дм. Ероф. для своихъ отдѣльныхъ смотровъ, подобно тому, какъ во время травяпаго продовольствія осматривалъ волости.

Такъ какъ 6-ти мѣсячный срокъ къ производству въ офицеры, на основаніи университетскаго диплома, кончался, то я былъ вытребованъ оффиціальною бумагою изъ полковаго штаба въ дивизіонный, въ юнкерскую команду, состоявшую подъ ближайшимъ наблюденіемъ начальника дивизіи. Вмѣстѣ со мною выслана была изъ перваго эскадрона лошадь Арцибалъ. На этой лошади я проѣздилъ всѣ лѣтніе кампаменты и не могу не упомянуть объ ея замашкахъ вырываться во что бы то ни стало изъ рукъ солдатика, за что послѣднимъ не разъ приходилось слышать ругань, а подчасъ и выносить подзатыльники. Что касается до меня, то я долженъ сказать, что никогда не встрѣчалъ болѣе ручной лошади. Бывало, слѣзу въ разомкнутыхъ рядахъ съ Арцибала и положу на сѣдло свои краги да скажу: „ну, стой, братъ“, а самъ ухожу полакомиться пирожками у разнощика или поболтать съ пріятелями, и хотя бы отдыхъ продолжался цѣлый часъ, я все-

таки найду Арцибала не уронившимъ съ сѣдла моихъ перчатокъ.

Въ Новой Прагѣ, гдѣ дивизіонный штабъ совмѣщался съ полковымъ штабомъ принца Альберта Прусскаго полка, юнкерская команда состояла изъ юнкеровъ всѣхъ четырехъ полковъ дивизіи, и командиромъ ея былъ поручикъ полка принца Петра Ольденбургскаго Критъ. Нѣмца этого нельзя было назвать иначе, какъ человѣкомъ хорошимъ и ревностнымъ служакой. Юнкера размѣщались кто какъ могъ на наемныхъ квартирахъ, и черезъ день въ 8 час. утра всю зиму появлялись въ манежѣ на ученьяхъ.

Не знаю какъ теперь, но въ наше время всякая команда или начальство начинало свои уроки ab ovo.

Слѣдовательно и здѣсь у поручика Крита нужно было заслужить маршировку съ ружьемъ предварительно стойкой и поворотами на мѣстѣ, а ѣзду въ манежѣ ѣздою на кордѣ безъ стремянъ.

Пѣшія ученія производились намъ не въ манежѣ, а въ корридорахъ штабныхъ конюшенъ принца Альберта полка, въ которыхъ,—подобно тому какъ въ нашемъ Орденскомъ парадирскою и трубаческою конюшней завѣдывалъ берейторъ Лупалъ, — здѣсь завѣдывалъ чиновникъ 14-го класса берейторъ Спицынъ.

Глядя на этого сухощаваго старичка и клинообразный его носикъ, надо было признаться, что никакая другая фамилія не могла къ нему такъ хорошо пристать. Онъ самъ признавался, что когда отъѣздитъ ежедневно парочку лошадей, то и здоровъ, и что воскресенье для него еще небольшая бѣда, но зато на Святой, когда цѣлую недѣлю нѣтъ ѣзды, его спинная боль сгибаетъ въ три погибели.

Терпѣніе его съ лошадьми не знало границъ. Такъ, между прочимъ, въ командѣ была прекрасно выѣзжанная лошадь, обладавшая тѣмъ недостаткомъ, что когда на любомъ прекрасномъ аллюрѣ она вдругъ остановится, то никакія усилія и истязанія не могли ее стронуть съ мѣста. Вотъ на эту то лошадь сѣлъ Спицынъ съ увѣренностью, что она и на этотъ разъ не забудетъ своей привычки. Надежда сбылась. На великолѣпномъ вольтѣ галопомъ лошадь, вернувшись снова

къ стѣнѣ, стала какъ вкопаная. Спицынъ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Это случилось въ 8 час. утра. Въ 12 онъ крикнулъ солдатамъ: „ступайте, ребятки, обѣдать, а мнѣ захватите щецъ да кашки сюда“. Въ 2 часа дня лошадь тронулась съ мѣста сама; но Спицынъ энергически удержалъ ее на мѣстѣ и продержалъ до 4-хъ часовъ, жестоко наказывая шпорами за каждую попытку тронуться съ мѣста. Въ 5 часовъ онъ ее снова поднялъ въ галопъ и закончилъ урокъ вольтами на этомъ аллюрѣ. Съ той поры лошадь никогда уже не заминалась въ манежѣ.

Во время нашихъ сборовъ на конюшнѣ для пѣшаго ученія, въ числѣ развлеченій, до прихода поручика Крита, было стараться заглянуть за желѣзную рѣшетку и занавѣску въ дверь денника, въ которомъ за крѣпкими желѣзными засовами помѣщался славившійся своею лютостью громадный караковый жеребецъ Командоръ, принадлежавшій командиру принца Альберта Прусскаго полка. Бывало, палочкой отодвинешь немного висящую извнутри занавѣску, плюнешь и видишь, какъ Командоръ начинаетъ раскачивать головою сверху внизъ.

Но съ приходомъ Крита шеренга становилась въ ружье и, многократно продѣлавъ всѣ пріемы, поворачивалась направо, чтобы слѣдовать одинъ за другимъ въ пятую ногу тихимъ шагомъ мимо начальника. Изъ всѣхъ тѣлесныхъ упражненій маршировка съ ружьемъ тихимъ шагомъ была для меня самая трудная, и я былъ увѣренъ, что едва ли возможно было исполнять ее менѣе удовлетворительно, чѣмъ я. Надо прибавить, что какъ разъ за мною стоялъ юнкеръ Мазараки, постоянно подпѣвавшій вполголоса при первомъ выносѣ мною лѣвой ноги:

„Ты видишь эту лодку,
Ее несетъ волна“.

Какихъ усилій стоило мнѣ при этомъ сохранять полную серьезность, проходя мимо Крита. Помню, однажды въ коридорѣ раздался крикъ: „Командоръ, Командоръ“, и дѣйствительно, громадный конь, вслѣдствіе худо задвинутыхъ запоровъ, отбилъ дверь и мгновенно, какъ левъ, бросился въ

противоположномъ стойлѣ грызть неповинную фронтовую лошадь.

При этомъ злобный визгъ его раздавался по конюшнѣ.

Но недолго пришлось ему предаваться лютости.

Солдатики на нашихъ глазахъ набросились на него, какъ мордашки на медвѣдя: кто за ухо, кто за другое, кто за хвостъ, кто за гриву, стащили они его съ терзаемой лошади и запхнули снова въ денникъ.

Въ другой разъ, пока мы поджидали Крита, по всей конюшнѣ забѣгалъ, поднявши свой остренькій носикъ, Спицынъ. Онъ очевидно къ чему то принюхивался и, перебѣгая отъ одного денника къ другому, отворялъ дверь и заглядывалъ туда; наконецъ, растворивши дверь Командора, онъ громко воскликнулъ: „ба-ба-ба, вотъ они, голубчики, гдѣ“!

Бросившись въ свою очередь къ двери, мы еще захватили двухъ солдатиковъ, благодушно распивавшихъ косушку, сидя на соломѣ подъ брюхомъ Командора.

— То-то я слышу, воскликнулъ Спицынъ, водкой пахнетъ, да не могъ разобрать гдѣ. Ловкіе ребята! точно, не подумаешь искать у Командора.

Если я, ограничиваясь получаемыми 300 рублями въ годъ, долженъ былъ быть крайне разсчетливъ, то и командиръ нашъ, поручикъ Критъ, не получавшій, подобно многимъ остзейцамъ, изъ дому ни копѣйки, немногимъ превосходилъ меня въ матеріальныхъ средствахъ. Будучи весьма требователенъ во фронтѣ, онъ въ домашней жизни былъ нашимъ любезнымъ товарищемъ, но конечно не со всѣми, а только тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ, что его благодушіе никакъ не можетъ повредить службѣ. Между прочимъ разъ въ недѣлю онъ непремѣнно обѣдалъ у меня, у Мазараки и у старавшагося говорить басомъ Кандыбы. Въ свою очередь и мы обѣдали попеременно другъ у друга, въ томъ числѣ и у Крита, причемъ онъ повторялъ застольныя будто бы угощенія одного малоросса, приговаривавшаго: „кушайте, кушайте, це не куповано“.

Былъ въ командѣ юнкеръ Кулаковскій, про котораго я могу сказать, что онъ превосходно щелкалъ соловьемъ; но во всемъ другомъ испытывалъ крайнюю неудачу, такъ что

про него говорили, что онъ schwach по пѣшему и по конному; но и это еще была бы не бѣда, если бы онъ окончательно не пасовалъ передъ офицерскимъ экзаменомъ.

Отъ времени до времени самъ Эссенъ производилъ намъ конные смотры въ манежѣ, а пѣшіе въ просторной примыкающей къ манежу залѣ. Замѣчалъ ли онъ опытнымъ глазомъ мое рвеніе на службѣ или по какой либо другой причинѣ желалъ оказать мнѣ ласку, но однажды, поздоровавшись съ шеренгой, онъ спросилъ меня: „не написали ли вы какую нибудь новую поэзію“? (Фраза, очевидно буквально переведенная съ французскаго).

Когда на этотъ разъ мы продѣлали ружейные пріемы по командѣ Крита, Ант. Ант. сказалъ: „имъ предстоитъ скорое производство, и надо, чтобы они не только умѣли сами исполнять команду, но и командовать. Кандыба, станьте передъ фронтъ и командуйте ружейные пріемы“.

Когда вѣрный желанію говорить басомъ юнкеръ закомандовалъ, генералъ воскликнулъ: „Кандыба, вы точно тѣнь въ Гамлетѣ“.

Когда вслѣдъ затѣмъ сталъ командовать москвичъ Поповъ, стройный , добронравный и красивый юноша, но нѣсколько апатичный, генералъ остановилъ его словами: „Поповъ, вы заснете, они заснутъ, я засну,—всѣ мы заснемъ. У васъ предварительное „подъ ку“ и исполнительное „рокъ“ выходитъ усыпительно однообразно. А вы приготовьте сначала шеренгу, громко скомандовавъ: „подъ ку“, а потомъ выдержавъ, коротко хватите „экъ“, какъ орѣхъ разбить. Тутъ мы всѣ услышимъ, что вы живой человѣкъ. Кулаковскій! я сегодня подписалъ почтовое объявленіе на высланные вамъ 500 рублей. Зачѣмъ вамъ такъ много денегъ?“

— Это мнѣ, ваше пр—о на офицерскую обмундировку.

— Ну знаете что,—сшейте себѣ на эти деньги фракъ и поѣзжайте домой на господарство.

XLI

Поѣздка въ Кіевъ.—Встрѣча съ гр. Браницкимъ.—Быльчинскій.—Сапоги.—Принцъ. — Камрадъ.—Производство въ офицеры. — Поступленіе въ штабъ.

Оглядываясь на свое прошлое, я не разъ вынужденъ былъ признаться, что мною въ большинствѣ случаевъ руководили внѣшнія условія, которыхъ я даже, по совершенной неопытности, не въ состояніи былъ взвѣсить.

Непочатая неопытность въ первые годы практической жизни представляется мнѣ въ настоящее время чѣмъ-то смѣшнымъ и жалкимъ и объяснить ее я могу только, говоря вульгарнымъ языкомъ, своею врожденною лѣнью приняться за какое либо новое дѣло.

Но вникая глубже въ сущность явленія, я давно убѣдился, что слово лѣнь слѣдуетъ замѣнить словомъ неспособность. Верховая лошадь лѣнится въ тяжеломъ возу, а возовикъ на легкихъ аллюрахъ. Но въ своемъ дѣлѣ каждая лошадь является ретивой.

Почему, не будучи въ состояніи справиться безъ репетитора съ лекціями въ университетѣ, я махнулъ на нихъ рукой, а черезъ 25 лѣтъ съ охотою занимался отдѣльными отраслями знанія, даже съ извѣстнымъ наслажденіемъ, такъ какъ, не заваливая мозговъ разнообразными предметами, совершенно ясно понималъ, надъ чѣмъ я тружусь. Гораздо легче механически дѣйствовать въ незнакомомъ дѣлѣ по чужому указанію, чѣмъ самому добираться, основательно или нѣтъ намъ указываютъ.

Старшій адъютантъ дивизіоннаго штаба, объясняя мнѣ, что я записанъ на службѣ вольноопредѣляющимся дѣйствительнымъ студентомъ изъ иностранцевъ, сказалъ, что мнѣ нужно, въ видахъ производства въ офицеры, принять присягу на русское подданство и исполнить это въ ближайшемъ комендантскомъ управленіи, т. е. въ Кіевѣ.

Получивши надлежащую бумагу къ коменданту генералу Пенхержевскому, я отправился въ Кіевъ и остановился уже

не на квартирѣ зятя Матвѣева, а на Владимірской улицѣ въ собственномъ его домѣ. Тамъ же засталъ я и брата Василія, поступившаго въ университетъ и отчаянно предававшагося танцамъ на балахъ. Въ короткое время моего пребыванія въ городѣ я бывалъ на нѣсколькихъ интимныхъ балахъ въ ученомъ мірѣ, куда меня, какъ близкаго родственника профессора, любезно приглашали. Красивая Лина играла на этихъ пикникахъ не послѣднюю роль, но самъ Матвѣевъ болѣе пробавлялся за карточнымъ столомъ. Нерѣдко, отыскавъ въ курильной комнатѣ, онъ велъ меня въ танцовальную залу и говорилъ смѣясь: „посмотри, пожалуйста, на вальсирующаго Васеньку,—ну точно винты нарѣзаетъ".

Дѣйствительно, высоко подымая локти, братъ весьма походилъ на слесаря, нарѣзающаго винты.

Хотя къ коменданту мнѣ отправляться приходилось черезъ весь городъ, тѣмъ не менѣе я ѣхалъ туда, озираясь во всѣ стороны, чтобы тотчасъ же спрыгнуть съ извощичьихъ саней при видѣ офицерскаго, не говорю уже генеральскаго, мундира. Когда по причинѣ холодовъ и дальнихъ разстояній, я просилъ у коменданта разрѣшенія иногда проѣхать, то онъ спросилъ: „съ кѣмъ же это вы желаете кататься?"—и видимо успокоился, когда я назвалъ Матвѣева.

Послѣ формальной моей явки адъютантъ Пенхержевскаго Куманинъ пригласилъ меня въ гостиную и представилъ женѣ своей, прибавивъ: „не откажите отобѣдать съ нами послѣ завтра и передать отъ меня Александру Павловичу, что я жду его тоже, и что все будетъ какъ слѣдуетъ и будетъ подогрѣто". Объяснивъ мнѣ, что подогрѣтъ будетъ лафитъ, Матвѣевъ въ назначенный день отправился со мною къ столу къ богачу Куманину, у котораго обѣдъ оказался чѣмъ-то вродѣ священнодѣйствія съ многократнымъ приглашеніемъ повара для замѣчанія о приготовленныхъ блюдахъ.

Такъ какъ высланные мнѣ пять тысячъ оказались билетомъ Кіевскаго банка, то я воспользовался случаемъ приготовить себѣ въ Кіевѣ новую офицерскую обмундировку со всѣми принадлежностями, за исключеніемъ втораго сюртука, который мнѣ передѣлалъ изъ студенческаго домашній портной, слуга брата, Афиногенъ. Вѣроятно, сличая мою солдат-

скую обмундировку со своимъ болѣе тонкимъ сюртукомъ, Афиногенъ пришелъ къ заключенію, что мое настоящее положеніе представляетъ тяжелый временный искусъ, почему однажды философствуя сказалъ, что на это надо себя обременить. При прощаніи даже Лина спросила: „скоро ли, наконецъ, изъ невзрачнаго червяка ты превратишься въ блестящаго мотылька?“

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда я въ кабинетѣ сестры захотѣлъ закурить папироску, и потому, свернувъ бумажку, сталъ зажигать ее у лампы. Нагрѣвшаяся бумажка разомъ вспыхнула до самыхъ пальцевъ, такъ что я выронилъ ее въ лампу. Боясь бѣды, я схватилъ съ лампы стекло и нѣсколько секундъ раздумывалъ, куда его положить, не портя нарядной шерстяной салфетки.

— Брось, брось, кричала сестра,—что я исполнилъ, сильно обжегши руку. Сейчасъ же явился кувшинъ съ ледяною водою, и даже на другой день, не взирая на сильный морозъ, я облегчалъ боль въ рукѣ, выставляя послѣднюю безъ перчатки на холодъ. Напрасно спрашивалъ я, проголодавшись, чего либо съѣстнаго на станціи.

— У насъ ничего нѣтъ, былъ отвѣтъ, но на слѣдующей станціи найдете что угодно. На слѣдующей отвѣтъ повторился буквально; тѣмъ не менѣе я рѣшился ожидать еще три часа. Но когда услыхалъ тотъ же отвѣтъ въ третій разъ, то послалъ слугу разыскать что бы то ни было. Оказалось, что можно добыть хлѣба и приготовить яичницу. Усѣвшись за столикъ каморки, прилегающей къ главной станціонной комнатѣ, я дождался своей яичницы, почему-то оказавшейся безбожно измаранной сажей; тѣмъ не менѣе я жадно принялся за невзрачное блюдо, сожалѣя лишь о недостаточномъ его количествѣ. Въ это время дверь изъ сѣней въ станціонную комнату отворилась, и вошедшій высокаго роста брюнетъ, пройдя по залѣ, заглянулъ въ дверь моей комнаты и, приподнявъ свою черную эриванку, спросилъ: „что это вы дѣлаете“?

— Какъ видите, глотаю грязную яичницу.

— Пообождите минутку, отвѣчалъ незнакомецъ, я очень радъ, что могу утолить вашъ голодъ болѣе снѣдомымъ. Пойдемте къ большому столу въ залѣ.

Слѣдуя за незнакомцемъ, я увидалъ у крыльца станціи въ направленіи къ Кіеву отложенныя желтыя крытыя сани на подобіе коляски, а черезъ минуту въ дверь вошелъ несомнѣнно панскій гайдукъ, какого въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть. На немъ была мѣховая синяя чемарка и черная малороссійская шапка, изъ подъ которой сзади спускалась тщательно заплетенная коса, обошедшая по щекѣ лѣвое ухо, черезъ коротое перекидывалась спереди. Не было сомнѣнія, что это знаменитый *оселедецъ*.

— Неси сюда погребецъ, сказалъ незнакомецъ.

— Я графъ Браницкій и былъ у сестры моей Потоцкой, сказалъ мой амфитріонъ въ то время, какъ гайдукъ разставлялъ передъ нами всякаго рода паштеты и другія закуски, не успѣвшія еще окончательно замерзнуть. Не забыто было и превосходное венгерское. Справедливость требуетъ сказать, что я несравненно былъ усерднѣйшимъ цѣнителемъ завтрака, чѣмъ самъ хозяинъ. Прощаясь со мною, онъ почти силою навязалъ мнѣ пару благовонныхъ сигаръ. Я горячо поблагодарилъ графа за его любезность и потомъ уже не встрѣчался съ нимъ.

Въ нашей дивизіонной юнкерской командѣ въ мое отсутствіе произошла перемѣна. Критъ ушелъ въ свой полкъ, а командиромъ нашимъ назначенъ былъ поручикъ принца Альберта полка Быльчинскій. Этотъ хотя въ свою очередь былъ съ юнкерами весьма вѣжливъ, тѣмъ не менѣе никого не звалъ къ себѣ обѣдать и у юнкеровъ не обѣдалъ. Но у него, что тогда случалось довольно рѣдко, была явная наклонность и сочувствіе къ изящной словесности, и мы не разъ вмѣстѣ читали и восхищались его національнымъ поэтомъ Мицкевичемъ.

Въ то время, къ полному его удовольствію, я перевелъ размѣромъ подлинника „Воеводу;“ но нѣкоторыя подробности котораго въ позднѣйшее время показались мнѣ дотого неудачными, что я исключилъ этотъ переводъ изъ собранія 63 года.

Каждую недѣлю намъ приходилось являться утромъ къ начальнику дивизіи попарно на ординарцахъ, причемъ являвшійся за рядоваго былъ съ ружьемъ, а за унтеръ-офицера съ палашомъ.

Такъ какъ о калошахъ не могло быть и рѣчи, а подошвы по снѣгу набирались влаги, то дядькамъ солдатикамъ приходилось тщательно вытирать сапоги ординарцевъ, чтобы устранить паденіе на навощеномъ паркетѣ. Тѣмъ не менѣе, бывало, подходишь мѣрнымъ шагомъ и въ душѣ поминаешь царя Давида и кротость его. Одѣвали ординарцевъ дядьки въ казармѣ, а такъ какъ зеркала не было, то и приходилось поневолѣ довѣряться добросовѣстности дядекъ, застегивавшихъ портупею на пряжку, обнимая ординарца сзади по таліи.

Однажды, къ величайшему моему прискорбію, Ант. Ант., выслушавъ на свое: „здравствуйте"—мое формальное: „здравія желаю ваше пр—ство",—сказалъ: „ваша пряжка на портупеѣ нечищена, и вы съ грязной являетесь къ начальнику дивизіи".

На слѣдующій разъ, какъ нарочно, то же замѣчаніе было сдѣлано о пуговицахъ, причемъ Ант. Ант. прибавилъ: „взыщите съ вашего слуги, такъ какъ я во второй разъ вынужденъ вамъ сдѣлать замѣчаніе; а на слѣдующій я вынужденъ буду отправить васъ на гауптвахту".

Конечно, я не дозволялъ уже надѣть на себя амуниціи, не осмотрѣвъ ее предварительно. Но видно, гдѣ тонко, тамъ и рвется.

На слѣдующій разъ генералъ замѣтилъ, что у меня не форменные сапоги и приказалъ сдѣлать форменные съ прямо отрубленными носками, шириною въ три пальца. Какъ ни тяжко было мнѣ, въ виду скораго производства, тратиться на ненужные солдатскіе сапоги, я не безъ гордости явился въ слѣдующій разъ на ординарцы въ новыхъ сапогахъ.

— Это не форменные сапоги, воскликнулъ Ант. Ант., взглянувъ мнѣ на ноги; это опойковые, а нужно простые выростковые, личные.

Позвавъ сапожника, я ему буквально передалъ слова генерала, и онъ сшилъ мнѣ форменные сапоги личные, т. е. черною юхтовою клѣтчаткой наружу. Конечно, и эти сапоги были забракованы, и только въ третій разъ его пр—о воскликнулъ: „вотъ это настоящіе сапоги".

Мирное и формальное теченіе нашей жизни въ командѣ было однажды возмущено слѣдующимъ событіемъ.

Еще при Критѣ не довольно хорошо державшіе посадку наказывались при слѣдующемъ изреченіи, обращенномъ къ старшему унтеръ-офицеру команды: „по окончаніи ученія отгонять такого-то на кордѣ безъ сѣдла на Принцѣ“.

Помню я этого проклятаго воронаго Принца, на которомъ и мнѣ раза два пришлось отмучиться на кордѣ. Не говорю о невыносимой тряскости этой лошади: молодому всаднику тряскость нипочемъ; но губительна была у Принца невѣроятная подвижность кожи, которая на рыси при каждомъ шагѣ правой передней ноги со спины съѣзжала направо, а затѣмъ оттуда съ противоположнымъ движеніемъ лошади во мгновеніе ока съѣзжала настолько же налѣво, и если бы вы сильными толчками лошади не отдѣлялись отъ ея спины, то навѣрное были бы сброшены въ ту или другую сторону. Чаще всего оставаться для корды на Принцѣ приходилось бѣдному Кулаковскому. Но и это не помогало.

— Кулаковскій! воскликнулъ однажды Быльчинскій въ манежѣ: вы только понапрасну мучаете бѣдную лошадь, которая не знаетъ, чего вы отъ нея требуете. А это потому, что вы сами не знаете тѣхъ слѣдовъ, которыми исполняется отдѣльная команда, ни соотвѣтственнаго движенію лошади положенія рукъ. Поэтому извольте слѣзть и, занявши свое мѣсто въ смѣнѣ, исполнять пѣшкомъ, чего не умѣете исполнить верхомъ.

Кулаковскій слѣзъ съ лошади, но несмотря ни на какія убѣжденія командира, не сталъ на указанное мѣсто, такъ что Быльчинскій приказалъ ему отойти на середину и, окончивъ ученіе, сказалъ собравшимся юнкерамъ: „открытое нарушеніе дисциплины со стороны г. Кулаковскаго превышаетъ мѣру предоставленнаго мнѣ взысканія, и я долженъ представить его рапортомъ начальнику дивизіи, прося объ отдачѣ его подъ судъ“.

Съ этимъ Быльчинскій ушелъ изъ манежа. Мы окружили Кулаковскаго съ вопросами, почему ему вдругъ пришло въ голову такое сопротивленіе?

— Я не лошадь, отвѣчалъ онъ, чтобы поспѣвать за верховою смѣной. Если бы онъ скомандовалъ галопъ, стало быть и я долженъ бы былъ поспѣвать за лошадьми?

Напрасно разъясняли мы ему, что въ пѣшемъ по конному мы изображаемъ конный строй безъ всякаго ущерба нашему достоинству; съ упорствомъ норовистой лошади онъ повторялъ: „я не лошадь“.

Къ вечеру того же дня мы узнали, что Быльчинскій приготовилъ рапортъ для подачи его на утро въ дивизіонный штабъ, и, переговоривъ еще разъ между собою отправились къ поручику съ просьбой не подавать рапорта, слѣдствіемъ котораго было бы разжалованіе Кулаковскаго въ вѣчные рядовые, и неблагопріятная тѣнь, наброшенная на нашу юнкерскую команду.

Послѣ долгихъ колебаній Быльчинскій согласился не подавать рапорта съ тѣмъ, чтобы Кулаковскій на слѣдующій день попросилъ у него извиненія въ манежѣ передъ всей командой, а затѣмъ, ставши на свое конное мѣсто, исполнилъ по командѣ всѣ движенія пѣшкомъ.

Такъ и случилось.

Давно уже, какъ мы освѣдомились изъ корпуснаго штаба, пошло наше представленіе въ Петербургъ, но государь въ это время находился въ Палермо, и никто не могъ разсчитать срока нашего производства.

Будущему офицеру Военнаго Ордена полка слѣдовало запастись прежде всего хорошей гнѣдой лошадью.

Сравнивая тогдашнія цѣны вообше съ теперешними, поймешь ихъ громадную разницу.

Однажды начальникъ дивизіи предложилъ мнѣ купить за 200 руб. изъ подъ его сѣдла гнѣдаго красавца Камрада, которымъ мы всѣ любовались.

Немедля ни минуты, я написалъ отцу объ этомъ предложеніи, и черезъ мѣсяцъ получилъ съ почты требуемыя деньги.

Вспоминаю и теперь съ нѣкоторымъ восторгомъ о красавцѣ и умницѣ Камрадѣ. Не умѣю прибрать болѣе вѣрнаго и лестнаго для него сравненія, чѣмъ уподобивъ его съ трепещущей жизнью танцевщицей, съ легкостью пера повинующейся малѣйшему движенію танцора. Сила и игривость лошади равнялись только ея кротости. Бывало, на плацу передъ конюшней, давши пошалить Камраду на выводкѣ, мы

окончательно снимали съ него недоуздокъ и пускали на волю. Видя его своевольные и высокіе прыжки, можно было ожидать, что онъ, заносчиво налетѣвъ на какую-либо преграду, изувѣчится; но достаточно было крикнуть: „въ свое“, чтобы онъ тотчасъ же пріостановился и со всѣхъ ногъ бросился въ стойло.

Однажды, когда я утромъ, лежа въ постели, услыхалъ стукъ открывавшагося ставня и ждалъ слугу съ кофеемъ, послѣдній на подносѣ съ кофеемъ принесъ и казенный конвертъ, на которомъ я съ восторгомъ прочелъ: „его благородію корнету Фету“.

Только вновь произведенные нижніе чины способны понять восторгъ, который въ жизни уже не повторяется. Всѣ дальнѣйшіе чины и почести ничто въ сравненіи съ первыми эполетами.

По вскрытіи пакета я прочелъ слѣдующее:

„Дежурный штабъ-офицеръ проситъ васъ отвѣтить, для докладу его пр—у начальнику штаба, согласны ли вы быть прикомандированнымъ къ корпусному штабу“.

Во мгновеніе ока я уже былъ одѣтъ въ форменный сюртукъ съ эполетами, съ бѣлой фуражкой съ чернымъ околышемъ на головѣ и, захвативши штабную бумагу, побѣжалъ къ поручику Быльчинскому. Принявши его радушное поздравленіе съ производствомъ, я признался въ совершенномъ невѣдѣніи служебной карьеры и просилъ совѣта насчетъ того, что отвѣчать.

— Тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ Быльчинскій: если вы хоть малость разсчитываете на карьеру, то офицеръ можетъ на нее надѣяться только въ штабѣ, а не во фронтѣ, гдѣ при нашемъ тугомъ производствѣ и майора надо ожидать до сѣдыхъ волосъ. У васъ, безъ сомнѣнія, готова полная форма, а потому мой совѣтъ, надѣвайте ее, явитесь поблагодарить Ант. Ант. и немедля отвѣчайте дежурному штабъ-офицеру о вашемъ согласіи на прикомандированіе.

Узнавъ, что бумага о нашемъ производствѣ пришла въ дивизіонный штабъ, я въ тотъ же день въ полной парадной формѣ явился въ квартиру начальника дивизіи и просилъ доложить о себѣ генералу.

Въ залѣ, гдѣ я такъ часто бывалъ на ординарцахъ, Ант. Ант. встрѣтилъ меня въ сюртукѣ безъ эполетъ, повторяя многократно: „поздравляю, отъ души поздравляю".

Когда я нѣсколько сконфуженный высказалъ генералу мою чистосердечную признательность за его всегдашнее вниманіе и наставленія, онъ остановилъ меня словами: „и не говорите, и не благодарите". Тутъ, къ крайнему моему смущенію, онъ высказалъ мнѣ похвалы, которыхъ я, не взирая на давно минувшее, повторять не рѣшаюсь.

— Не вы меня, а я васъ долженъ благодарить, сказалъ онъ въ заключеніе,—за примѣръ, который вы подавали всей командѣ, и я васъ покорнѣйше благодарю.

При этомъ добрѣйшій Ант. Ант. троекратно низко поклонился мнѣ въ поясъ.

Соображая, что задачу быть хорошимъ ѣздокомъ на красивой лошади передъ фронтомъ я мѣняю на роль столоначальника, отъ котораго только въ исключительномъ случаѣ могутъ потребовать быть при корпусномъ сборѣ верхомъ за своимъ генераломъ, я разсчиталъ, что мнѣ даже нѣкогда будетъ заниматься такой доброѣзжей лошадью какъ Камрадъ, а потому купилъ у одного юнкера за 60 руб. бракованнаго гнѣдаго коня, еще весьма бодраго и красиваго, и продалъ Камрада вновь произведенному однополчанину своему за 300 рублей.

Дня черезъ два я уже былъ въ Елисаветградѣ и отъявился у всего начальства, начиная съ добродушнаго дежурнаго штабъ-офицера и кончая Дм. Ероф. Сакеномъ. Послѣдній принялъ меня необыкновенно любезно, прибавляя, что просьба, выраженная къ нему въ письмѣ Цурикова *), наконецъ сбылась.

— Я вамъ могу показать письмо, въ которомъ Цуриковъ пишетъ:

„Monsieur Fet
A une réputation faite
D'un homme de tête
Et d'un poète.

*) Знакомый Сакену орловскій помѣщикъ.

Accordez a monsieur Fet
Le rang de cornètte.

— Нина, прибавилъ Дм. Ероф., обращаясь къ женѣ, ты не можешь себѣ представить, какой Фетъ служака. Мнѣ жаловалась Софи Золотницкая, что онъ на деревенскихъ балахъ чуть не въ кровь изодралъ ей руки солдатскимъ сукномъ своего мундира.

Живо помню, что при этихъ словахъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, конечно, не за себя, а за милую дѣвушку, знавшую чѣмъ отрекомендовать меня въ глазахъ такого формалиста, какъ Дм. Ероф., и выдумавшую такую небывальщину.

— Приходите къ намъ обѣдать по воскресеньямъ, сказалъ генералъ.

— И пожалуйста всегда, когда вы будете свободны, прибавила Анна Ивановна, заходите къ намъ во всякое время, вы найдете свой приборъ на столѣ.

Не менѣе любезно былъ я принятъ и въ семействѣ моего непосредственнаго начальника генерала фонъ-деръ-Л., состоявшаго изъ весьма красивой блондинки его жены и дѣвицы-свояченицы баронессы Б.

Такъ какъ я сталъ получать 300 руб. жалованья, то жить мнѣ стало вдвое легче.

Сначала платя какую-то бездѣлицу за небольшую квартиру, я попрежнему держалъ собственную кухню, но потомъ убѣдился, что игра не стоитъ свѣчъ, и сталъ нанимать квартиру со столомъ для себя и даже, когда позднѣе обзавелся экипажемъ, для двухъ людей за 20 руб. въ мѣсяцъ. Кормили меня превосходно и въ этомъ отношенiи желать было нечего.

XLII

Кантонистская школа.—Сливицкіе.—Эмануэли.—Фильковичъ.—Марченко.

Кромѣ четырехъ главныхъ столовъ въ штабѣ: двухъ дѣйствующихъ и двухъ военнопоселенныхъ, былъ еще пятый кантонистскій, съ массою нерѣшенныхъ дѣлъ, доходившихъ до 2-хъ тысячъ номеровъ. Этотъ-то столъ мнѣ приказано было принять вмѣстѣ съ цейхаузомъ солдатскихъ вещей, уцѣлѣвшихъ при пожарѣ вновь отстроеннаго штаба. Замѣчательно, что въ этомъ безконтрольномъ цейхаузѣ я за два года управленія кантонистскимъ столомъ не былъ ни разу, но вручая ключъ старшему писарю, разрѣшалъ къ праздникамъ забирать холщевый, кожевенный и даже суконный товаръ для раздачи наиболѣе порядочнымъ и нуждающимся писарямъ. За дѣло свое я принялся со всевозможнымъ усердіемъ и не безъ успѣха, какъ о томъ свидѣтельствуетъ печатный приказъ по корпусному штабу, выражающій полную признательность корнету Фету за успѣшное веденіе кантонистскихъ дѣлъ съ съ очисткою прежнихъ нерѣшенныхъ. Этимъ однако же не окончились мои отношенія къ кантонистамъ четырехъ губерній: Херсонской, Кіевской, Подольской и Волынской, причисленныхъ къ нашему штабу. Кромѣ кантонистовъ, находившихся на рукахъ ихъ родителей, въ военномъ поселеніи были въ каждомъ округѣ по два кантонистскихъ эскадрона, въ которыхъ мальчики сверхъ грамоты обучались пѣшему и конному строю, для чего для старшаго возраста держались бракованныя лошади и изъ полковъ назначались спеціальные въ эскадронъ командиры.

Однажды начальникъ штаба объявилъ мнѣ желаніе корпуснаго командира, чтобы изъ всѣхъ кантонистскихъ эскадроновъ ко мнѣ были высланы въ Елисаветградъ лучшіе ученики для выбора изъ нихъ 25-ти человѣкъ въ предполагаемую школу старшихъ писарей. „Задача ваша, прибавилъ генералъ, будетъ немногосложна: выберите себѣ благонадежнаго, трезваго унтеръ-офицера изъ штабныхъ, и пусть

онъ, проживая съ мальчиками въ казармѣ, отвѣчаетъ вамъ за поведенiе ихъ; онъ же можетъ быть и вашимъ репетиторомъ; а въ школѣ мальчики должны научиться правильно и четко писать, знать вкратцѣ Ветхiй и Новый Завѣтъ, главныя молитвы, послѣдовательныя имена нашихъ императоровъ съ Петра, ариѳметику съ дробями включительно и общiя очертанiя материковъ и морей съ названiями главныхъ рѣкъ и столицъ каждаго государства".

Черезъ недѣлю для нашихъ классовъ была очищена просторная комната при корпусной типографiи, въ которой кромѣ всего мнѣ пришлось быть и корректоромъ. Рекомендованный мнѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Громовскимъ унтеръ-офицеръ Александровъ оказался трезвымъ, прилежнымъ и кроткимъ моимъ сотрудникомъ. Набравши человѣкъ 25 кантонистовъ, показавшихся наиболѣе способными, мы немедля приступили къ дѣлу.

Стараясь самому имѣть наглядное доказательство успѣховъ учениковъ, я раздалъ имъ пробные листки для написанiя рукописей, которые каждый скрѣпилъ своей подписью. Заклеймивъ рукописи казенной печатью, я заперъ ихъ въ шкафъ. Просидѣвъ ежедневно, за исключенiемъ воскресныхъ дней, съ 10 ч. утра до 12-ти въ канцелярiи, я отправлялся въ школу, гдѣ просиживалъ до двухъ часовъ, знакомясь съ отдѣльными способностями каждаго ученика. Помню, что одинъ изъ нихъ оказался тупъ на отвлеченности и однажды насмѣшилъ весь классъ, отвѣчая на вопросъ объ образованiи женскихъ нарицательныхъ изъ мужскихъ, по примѣру: левъ-львица, генералъ-генеральша,—съ величайшей развязностью 14-ти лѣтнiй мальчикъ отвѣчалъ: „домъ-домица".

Въ 2 часа у меня ежедневно на полчаса являлся прiятный отдыхъ, чтобы не сказать душѣ праздникъ. По дорогѣ въ штабъ приходилось проходить подъ окнами молодой, далеко некрасивой, но чрезвычайно любезной жены состоящаго по кавалерiи полковника Сливицкаго.

Коренастый, рыжiй съ просѣдью 50-ти лѣтнiй полковникъ, вѣроятно по случаю потеряннаго въ сраженiи пальца, былъ нѣсколько лѣтъ Таганрогскимъ городничимъ. Вслѣдствiе чего онъ потерялъ это мѣсто, мнѣ неизвѣстно, но въ данное

время состоя подъ судомъ, каждую минуту ждалъ оправданія и говоря, что его дѣло въ нѣсколько стопъ бумаги—самый интересный романъ, совѣтывалъ каждому его прочитать.

— Ахъ, Сливушка, Сливушка, говорила прихихикивая жена. Кто же добровольно согласится читать все это?

— Да вѣдь это романъ.

— Но интересный только для тебя.

Надо прибавить, что m-me Сливицкая была радушно принята въ лучшихъ домахъ города, начиная съ семьи корпуснаго командира. Кромѣ живаго задора ея голубыхъ глазъ и игривыхъ рѣчей, скользившихъ по самому краю излишней вольности, меня привлекалъ у нея отдыхъ съ благовонною папиросой, которою она меня каждый разъ снабжала.

Въ тѣ времена фабричныхъ гильзъ еще не было, и милая женщина съ величайшимъ искусствомъ приготовляла ихъ для мужа, причемъ около 30 штукъ приходилось на мою долю въ мѣсяцъ.

Въ матеріальномъ веденіи дома, я всю жизнь удивлялся и сочувствовалъ хозяйствамъ, подобнымъ тому, какое велось въ этомъ домѣ; всѣ знали, что средства Сливицкихъ были до крайности ограничены; но видно было, что полковникъ самъ прошелъ на службѣ строгую школу нужды. Сколько разъ онъ спрашивалъ меня, знаю ли я Arme - Ritter Suppe, къ которой онъ въ молодости часто прибѣгалъ?

— Надо, говорилъ онъ, поджарить въ чухонскомъ маслѣ бѣлаго хлѣба, а затѣмъ накрошить въ кипящую воду луку и всыпать поджаренные гренки, и выйдетъ превосходный супъ.

У Сливицкихъ была пролетка съ весьма красивой рыжей лошадью и другой нѣсколько сухопарой караковою; первую они называли денною, а вторую ночною. Къ этому надо прибавить, что m-me Сливицкая отъ времени до времени упрашивала меня приходить къ обѣду. Поваръ у нихъ былъ весьма хорошій, и обѣдъ нимало не напоминалъ Arme-Ritter Suppe.

Въ городѣ, среди немногихъ выдающихся семействъ, были два родственные дома Эмануэлей, обладавшихъ извѣстными средствами. То былъ домъ личнаго адъютанта корпуснаго командира, ротмистра Эмануэля, женатаго на молодой и прекрасной женщинѣ, напоминавшей меланхолическимъ оттѣн-

комъ типъ Офеліи. Жили Эмануэли въ полномъ довольствѣ, но весьма скромно, и я пользовался нерѣдко ихъ любезнымъ приглашеніемъ къ столу. Адъютантъ Эмануэль предоставилъ наслѣдственный домъ въ пользу двухъ родныхъ сестеръ, изъ которыхъ старшая, болѣзненная блондинка, была замужемъ за однимъ изъ нашихъ корпусныхъ адъютантовъ Вахомъ, а другая, брюнетка, съ розовыми щеками и небольшими усиками еще оставалась дѣвицей. Въ этомъ домѣ не помню, чтобы я обѣдалъ, но каждый разъ былъ приглашаемъ на танцовальные вечера и ужинъ, куда иногда появлялся съ женою корпусный командиръ. Тутъ приходилось намъ фигурировать съ m-me Сливицкой въ заученныхъ у нея въ домѣ фигурахъ „редовы". Такъ назывался танецъ, въ которомъ между прочимъ танцующіе, покидая другъ друга, дѣлали вольты въ противоположныя стороны, съ тѣмъ, чтобы не столкнувшись съ дамой, кавалеръ снова уловилъ ея талію и продолжалъ танецъ.

Что касается до старшаго адъютанта Карина, то стѣсненный въ средствахъ при многочисленномъ семействѣ, онъ ни жены не вывозилъ и никого не звалъ къ себѣ.

Хотя квартира дежурнаго штабъ - офицера, пожилаго и добраго полковника Евстафія Данил. Громовскаго, и была при штабныхъ представленіяхъ сборнымъ пунктомъ, но такъ какъ онъ былъ старый холостякъ, то мы въ качествѣ гостей собирались къ нему только разъ въ годъ въ день его именинъ на кулебяку.

Что касается до появлявшагося повсюду адъютанта Фильковича, въ которомъ съ перваго слова можно было узнать неисправимаго чеха, никто не зналъ, какъ его двери отворяются, такъ же какъ и двери штабныхъ гражданскихъ чиновниковъ, бухгалтера и казначея, которые и сами никуда не выѣзжали.

При штабѣ находился, кромѣ командира жандармскаго эскадрона, пожилаго, но веселаго француза штабсъ-капитана Шедевра,—и довольно оригинальный какъ по фамиліи, такъ и по своимъ функціямъ полковникъ Османъ, у котораго по вечерамъ собирались охотники поиграть въ карты. Кажется, въ качествѣ корпуснаго вагенъ - мейстера, Османъ успѣлъ

выхлопотать себѣ прекрасную квартиру, которую ловкій денщикъ его Прокофій содержалъ въ особенной чистотѣ и аккуратности.

— Вы знаете, спросилъ меня однажды Дм. Ероф., какъ просыпается Османъ? — сначала онъ кричитъ: „Прокошка, отворяй окошко“; а когда это исполнено, продолжаетъ: „Прокофій, дай кофей“.

Главнымъ офиціознымъ призваніемъ полковника было распоряжаться общественными удовольствіями. Набожный и трудолюбивый Дм. Ероф. особенно любилъ балы въ собраніи. Тутъ уже Османъ разсыпался въ предупредительности и умѣлъ даже зимой подносить каждой входящей дамѣ хотя небольшой свѣжій букетъ. До появленія и приглашенія корпуснаго командира кавалеры не садились и должны были съ высоты своего роста подъ громъ музыки разговаривать съ сидящими дамами.

Нельзя не упомянуть любезнаго семейства вдовы Марченко съ двумя дочерьми и мальчикомъ сыномъ, у которыхъ не разъ мнѣ приходилось танцовать на семейныхъ вечерахъ. Старшая носила волосы бантомъ на макушкѣ, что придавало ей какой-то вызывающій видъ, такъ что общая наша пріятельница Бржесская дала дѣвушкѣ прозваніе: плѣнительный одудъ *).

Бесѣды этой дѣвушки были необыкновенно живы и интересны; тѣмъ не менѣе, танцуя съ нею, я не предвидѣлъ въ ней будущаго знаменитаго Марко-Вовчка.

Вторая сестра, совершенно свѣтлая блондинка, отличалась задумчивой тишиной и составила, какъ я впослѣдствіи узналъ, богатую партію.

Я ничего не сказалъ бы о старомъ и миніатюрномъ, отставномъ съ мундиромъ, полковникѣ Попе, занимавшемъ въ военномъ Елизаветградѣ должность предсѣдателя магистрата, если бы должность этого вполнѣ безмолвнаго лица въ скорости не занялъ давно знакомый намъ, произведенный наконецъ въ маіоры, Э. И. Гайли.

---

*) Малороссійское названіе птицы удода.

XLIII

Занятія въ школѣ.—Юнкеръ Ягелло.—Ротмистръ Головнн.—Тарантулъ.— У Гайли.—Покупаю дрожки и пристяжную.—Муравьевъ.

Иногда во время моихъ утреннихъ переходовъ изъ штаба въ школу, на перекресткѣ близь дома Сливицкихъ, до слуха моего долеталъ неслыханный сумбуръ звуковъ, и я узналъ, что посрединѣ одного изъ прилегающихъ переулковъ въ отдѣльномъ домѣ живетъ, опекаемый Дм. Ерофеевичемъ, какой-то князь съ обезображеннымъ болѣзнью лицомъ и съ поврежденіемъ мозга. На улицу сумасшедшаго не показывали, а по вечерамъ онъ гулялъ въ саду своего дома, въ остальное же время съ увлеченіемъ игралъ на церковномъ органѣ, ставя пальцы на клавиши безъ всякаго разбору и толку. Какими ушами должны были обладать бѣдные его сосѣди!

Однажды послѣ обѣда Анна Иван. Сакенъ сказала мнѣ: „я хотѣла обратиться къ вамъ съ просьбой. Здѣсь есть гусарскій юнкеръ Ягелло, прослужившій 8 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, онъ бѣдный не можетъ выдержать офицерскаго экзамена. Нельзя ли вамъ сдѣлать доброе дѣло, дозволить ему приходить на ваши уроки въ кантонистскую школу“.

— Очень буду радъ, отвѣчалъ я, если онъ прислушается къ урокамъ школы и готовъ объяснить ему, чего онъ не пойметъ.

— Ахъ пожалуйста, сказала Анна Ивановна, съ вашего позволенія онъ завтра же явится въ школу.

На другой день высокій и красивый 24-хъ лѣтній блондинъ сидѣлъ на скамьѣ рядомъ съ моими мальчиками, изъ которыхъ старшему не было 16 лѣтъ.

— Ягелло, сказалъ я, если вы чего либо изъ слышаннаго не поймете, то обратитесь къ моему помощнику Александрову или ко мнѣ, и мы разъяснимъ ваши недоразумѣнія.

Однажды, когда я заставилъ ученика прочесть страницу

новаго урока по книжкѣ, онъ всталъ, пошевелилъ губами и сказалъ: „не могу прочесть, ваше бл—діе".

— Почему?

— Не вижу.

— Что за глупости, сказалъ я, не желая задерживать занятій: слѣдующій, читай.

Поднялся и тотъ съ тѣмъ же отвѣтомъ: „не вижу".

Послѣ нѣсколькихъ одинаково безполезныхъ пробъ, я не безъ нѣкотораго раздраженія сказалъ: „Александровъ, прочти". Каково же было мое удивленіе, когда и тотъ повторилъ: „не вижу".

— Да что случилось? спросилъ я.

— Не могу знать, отвѣчалъ Александровъ, — говорятъ, въ нашъ жандармскій эскадронъ попала мука съ рожками. Говорили, что и жандармы не видятъ отчищать амуницію.

Въ школѣ я не добивался многознанія, а старался, чтобы ученики ясно поняли, о чемъ имъ говорятъ. Такъ, напримѣръ, я разъяснялъ имъ самыя первоначальныя положенія математической географіи, причемъ помощь оказывала намъ карта обоихъ полушарій и большая карта Европы, висѣвшая на стѣнѣ.

Однажды самъ начальникъ штаба вошелъ въ школу и, повидимому, остался доволенъ отвѣтами учениковъ. На вопросъ его, черезъ какія государства слѣдуетъ ѣхать изъ Елизаветграда въ Лисабонъ, мальчикъ совершенно правильно отвѣчалъ, конечно, упоминая лишь имена крупныхъ государствъ. Читало большинство мальчиковъ вполнѣ удовлетворительно, писало несравненно лучше первоначальнаго и, твердо помня таблицу умноженія, разрѣшало довольно успѣшно ариѳметическія задачи до дробей, которыхъ мы еще не проходили. Этотъ сравнительный успѣхъ былъ причиною для меня нѣкотораго неудовольствія. По приказанію корпуснаго командира, всѣ начальники кантонистскихъ эскадроновъ должны были въ назначенный день явиться въ Елизаветградъ для присутствія на моихъ урокахъ, которые должны были принять за образецъ. Приказъ этотъ, вызывающій пожилыхъ эскадронныхъ командировъ, въ томъ числѣ и ротмистровъ, учиться у корнета, не могъ быть пріятенъ тѣмъ, кому слу-

жилъ какъ-бы укоризною въ малыхъ успѣхахъ кантонистовъ.

Я забылъ сказать, что каждую субботу. послѣ обѣда жандармскій офицеръ училъ моихъ мальчиковъ пѣшему строю.

Однажды Анна Ивановна, благодаря меня за участіе въ Ягеллѣ, прибавила: „вы бы испросили разрѣшенія начальника штаба представить ему Ягеллу на экзаменъ“. Я подумалъ: „не гораздо ли проще было бы ей самой сказать объ этомъ начальнику штаба, чѣмъ представлять мнѣ иниціативу въ такомъ рискованномъ дѣлѣ“.

Но мыслить вслухъ я не рѣшился и отвѣчалъ безмолвнымъ поклономъ. На другой день я сказалъ въ школѣ: „Ягелло, Анна Иван. желаетъ вашего представленія на экзаменъ; носъ чѣмъ же мы съ вами пойдемъ къ начальнику штаба?“

— Будьте покойны, г. корнетъ, отвѣчалъ Ягелло, я все знаю.

— Оставимъ ваше все, а скажите, сколько странъ свѣта?

— Три.

— Не торопитесь и обдумайте вопросъ: я спрашиваю не о частяхъ свѣта, изъ которыхъ три старыхъ, а о странахъ или сторонахъ свѣта. Сколько ихъ?

— Три.

— Вы учились фронту. Скажите, сколько главныхъ направленій вашего тѣла?

— Три.

— Какія?

— Направо, налѣво и впередъ.

— Назадъ, равняйся! скомандовалъ я: маршъ! стой, равняйся!—Сколько направленій у вашего тѣла?

— Три.

— Назовите ихъ.

— Направо, налѣво и впередъ.

— Ну, пока оставимъ это, сказалъ я: скажите мнѣ, сколько сторонъ или лучше сколько угловъ у этой карты?

— Три.

— Возьмите прутикъ и считайте, указывая на каждый уголъ.

— Разъ, два, три.

— Продолжайте считать, пока я васъ не остановлю.

— Разъ, два, три; разъ, два, три и т. д.

— Но почему же вы такъ упорно не считаете четвертаго угла?

— Помилуйте, г. корнетъ, тамъ написано: карта Европы.

Хихиканье учениковъ заставило меня прекратить попытку вразумить Ягеллу насчетъ четырехъ главныхъ направленій движеній его тѣла.

Цѣлый мѣсяцъ спустя послѣ этого я не рѣшался говорить начальнику штаба объ экзаменѣ юнкера. Но второе напоминаніе Анны Ивановны вынудило меня войти въ небольшой кабинетъ генерала, въ зданіи корпуснаго штаба, съ робкимъ замѣчаніемъ, - не угодно ли будетъ его пр—ству допустить Ягеллу до экзамена.

Боже мой, какую бурю я на себя накликалъ! генералъ воскликнулъ, что терпѣть не можетъ всяческихъ протекцій. Ужъ лучше бы ему сказать это Аннѣ Ивановнѣ. Конечно, я выбросилъ экзаменъ изъ головы, но черезъ мѣсяцъ получилъ отъ старшаго адъютанта штаба приглашеніе представить такого-то числа Ягеллу на экзаменъ къ его пр—ству.

Столъ въ кабинетѣ генерала стоялъ въ лѣвую сторону отъ двери, и остановившійся у притолки Ягелло не сообразилъ, что фронтъ тамъ, гдѣ находится начальникъ.

— Стоять не умѣетъ! воскликнулъ генералъ: поставьте его какъ слѣдуетъ.

И я повернулъ своего долговязаго ученика, взявши за плеча, лицомъ къ генералу. На письменномъ столѣ лежалъ № „Инвалида“.

— Заставьте его прочесть что-нибудь изъ газеты.

Чтеніе и диктовка прошли сравнительно благополучно.

— Теперь заставьте его сдѣлать грамматическій разборъ.

Фраза попалась вродѣ слѣдующей: нынѣ онъ уѣхалъ въ городъ.

— Нынѣ—имя сущ. муж. р., един. числа, имен. падежа; онъ—имя сущ., муж. р., един. числа, имен. падежа.

Напрасно, чуя неминучую бѣду, я дергалъ сзади за куртку своего воспитанника: ничего не помогло; *уѣхалъ* и *въ* оказа-

лись такими же именами существительными, муж. рода, единственнаго числа.

— Пошелъ вонъ, болванъ! крикнулъ генералъ, и Ягелло исчезъ за дверью. — Верните его! вскричалъ генералъ: въ Ганноверскомъ королевствѣ какой главный городъ? спросилъ онъ вошедшаго.

— Въ Ганноверскомъ королевствѣ, въ Ганноверскомъ королевствѣ, повторялъ растерявшійся юнкеръ.

— Да, да, да, нетерпѣливо повторилъ генералъ: въ Ганноверскомъ королевствѣ!

— Это... это... это Данія:

— Что?

— Это Данія, Ломбардо-Венеціанское королевство.

— Пошелъ вонъ, болванъ! Надо чтобы вашъ Александровъ съ нимъ занялся, прибавилъ генералъ, и нужно, чтобы онъ что нибудь платилъ ему за уроки.

— Дай Богъ, отвѣтилъ я, чтобы Ягелло самъ то прокормился. Чѣмъ онъ будетъ платить? Wo nicht's ist, прибавилъ я, da hat der Keiser sein Recht verloren.

Лѣтомъ въ праздничные дни мы нерѣдко всѣмъ штабомъ отправлялись въ казенный садъ, гдѣ лѣтняя дача корпуснаго командира была построена въ готическомъ вкусѣ изъ воздушнаго кирпича, и самый садъ содержался весьма тщательно корпуснымъ командиромъ. Ближайшій надзоръ за чернорабочими въ саду былъ порученъ поселенному ротмистру Головину, поражавшему всѣхъ и приводившему въ негодованіе корпуснаго командира необычайною изысканностью рѣчей. Такъ, на замѣчаніе корпуснаго командира: „какой сегодня прекрасный вечеръ послѣ дождя“,—Головинъ отвѣчалъ: „вся природа слилась въ одной картинѣ“. А въ другой разъ на вопросъ: „гдѣ ваши рабочіе?“ — Головинъ отвѣчалъ: „ушли въ домъ разврата и невѣжества“.

— Что вы говорите, Головинъ?

— Ушли въ кабакъ, ваше пр—о.

— Боже мой, какъ вы витіевато выражаетесь!

По дорожкамъ этого обширнаго парка, въ которомъ мнѣ приходилось даже осенью успѣшно охотиться за куропатками, мнѣ случалось не разъ сопровождать верхомъ на моемъ

бракованномъ конѣ, прозванномъ мною „Елизаветградомъ“, свояченицу начальника штаба, появлявшуюся на прогулкахъ верхомъ. Правда, что мой „Елизаветградъ“ былъ статный, рослый и хорошо содержанный конь; но никакъ я не ожидалъ, чтобы Дм. Ероф., встрѣтившій насъ съ m-lle Б. на прогулкѣ, сказалъ мнѣ: „какая прекрасная у васъ лошадь!“

Однажды, когда въ воскресенье я въ праздничной формѣ разговаривалъ въ присутствіи Дм. Ероф. съ Анной Ивановной въ большой залѣ дачи, моя собесѣдница сказала мнѣ: „выбросьте пожалуйста за окно этого тарантула“.

Надо сознаться, что я чувствую природное отвращеніе къ паукамъ. Но такъ какъ признаться въ этомъ было нельзя, а схватить руками огромнаго и мохнатаго тарантула, пробиравшагося по паркету, было противно, то, вынувъ палашъ, я старался поймать насѣкомое на продольную ложбину оружія, чтобы, какъ ложкой, вышвырнуть его въ открытое окно. Но не успѣвалъ я его еще отдѣлить отъ полу, какъ онъ снова скатывался долой. Неудача повторилась раза три. Вдругъ, къ стыду моему, вижу подошедшаго Дм. Ероф., который, со словами: „какое малодушіе!“ взялъ голой рукой тарантула и выкинулъ за окно.

По этому поводу ротмистръ Эмануэль разсказывалъ, что въ персидскую кампанію Сакенъ, бывшій начальникомъ штаба при графѣ Паскевичѣ, постоянно бралъ руками появлявшихся за чайнымъ столомъ ядовитыхъ тарантуловъ и фалангъ и жарилъ ихъ, бросая въ трубу самовара.

Такъ какъ мои занятія въ школѣ и у Гайли въ магистратѣ оканчивались приблизительно въ одно время, то и не удивительно, что мы иногда сходились на улицѣ.

— Я только здѣсь въ Елизаветградѣ, сказалъ онъ однажды, увидалъ васъ офицеромъ, и очень радъ, молодой человѣкъ, что вы прилично окопировались. Вамъ не достаетъ только завести собственныя дрожки и лошадь. Это очень важно для молодаго офицера; но не понимаю, что вамъ за охота сидѣть здѣсь въ штабѣ. Für einen jungen Menschen giebt es nichts nobleres als die Fronte.

— Куда вы теперь идете?

— Пора обѣдать, Эдуардъ Ивановичъ.

— Я самъ это думаю, и потому пойдемте къ намъ.

Какъ нарочно, еще кто то подвернулся, и къ нему за тѣмъ же вопросомъ обращено было то же приглашеніе.

— Помилуйте, Эд. Ив., восклицали мы: что скажетъ Ольга Ник. о приходѣ нежданныхъ гостей?

— Что за вздоры! восклицалъ подвигавшійся къ дому Гайли: мы хотимъ обѣдать, а не пировать.

Волей неволей послѣдовали мы за радушнымъ маіоромъ. Такъ какъ немощеный въ то время Елизаветградъ (за исключеніемъ главной улицы) былъ своею песчаною пылью весьма враждебенъ глазамъ, то Гайли, возвращаясь домой, прямо бѣжалъ въ кабинетъ къ тазу съ водой, окуная въ него свое усатое лицо. Тѣмъ не менѣе на ходу онъ успѣлъ уже крикнуть:

— Ольга Ник., давайте намъ обѣдать! Я привелъ съ собою двухъ гостей.

— Очень рада, послышалось изъ сосѣдней комнаты; но я боюсь, достаточно ли кушанья.

— Что за вздоръ! мы солдаты! намъ давайте хорошихъ щей и говядины побольше, да каши, то мы ничего не будемъ спрашивать.

Эдуардъ Ив. съ видимымъ наслажденіемъ окунулъ свое горящее лицо въ холодную воду. Это не помѣшало ему во время передышки громко воскликнуть:

— Ольга Ник., вы не можете окунуть лицо въ тазъ такъ, какъ я.

— Отчего же, Эд. Ив.? раздалось изъ сосѣдней комнаты.

— Носъ помѣшаетъ, онъ упрется въ дно таза.

— А вамъ—языкъ, отвѣчаетъ Ольга Ник.

Оказалось, что на этотъ разъ, какъ всегда, Ольга Ник. успѣла превосходно накормить нежданныхъ гостей.

Между тѣмъ слова Гайли о необходимости собственныхъ дрожекъ упали на плодотворную почву. Разсчитавши средства, я купилъ за дешево у мѣстнаго каретника старыя поновленыя дрожки и къ нимъ приладилъ небольшую гнѣдую лошадь съ новой сбруей, и на слѣдующее воскресенье, выѣхавъ съ деньщикомъ, одѣтымъ кучеромъ, заслужилъ полное одобреніе повстрѣчавшагося маіора Гайли.

— Слѣдовало бы, прибавилъ онъ, въ виду здѣшнихъ песковъ, имѣть пристяжную. Здѣсь и извощики то всѣ парные.

Узнавъ, что у начальника штаба продается гнѣдая пристяжная, мастью и ростомъ подходящая подъ моего коренника, и притомъ по цѣнѣ недорогая, я пріобрѣлъ и послѣднюю, и у меня составилась пара хоть куда.

Теперь въ праздничные дни я могъ уже отправляться въ казенный садъ къ корпусному командиру на собственныхъ дрожкахъ, прихвативъ съ собою кого либо изъ товарищей.

Однажды я привезъ къ Сакенамъ адъютанта Фильковича, въ тотъ день, когда въ числѣ гостей былъ извѣстный авторъ путешествія къ святымъ мѣстамъ Муравьевъ. Послѣдній былъ весьма разговорчивъ и любезенъ, и обращался ко мнѣ съ разными религіозными вопросами. Оказалось, что Муравьеву понравилась личность елизаветградскаго соборнаго протоіерея Бершацкаго, говорившаго въ праздничные дни проповѣди, приходившіяся особенно по вкусу Дм. Ероф. Такъ какъ было еще рано, общество, по приглашенію двухъ генераловъ, рѣшилось отправиться въ соборъ, и Муравьевъ, предложивши кому то мѣсто въ своемъ экипажѣ, заботливо спросилъ Фильковича, есть ли у него экипажъ. Послѣ утвердительнаго отвѣта, Муравьевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „какъ же вы доѣдете?“—„Я его довезу“, отвѣчалъ Фильковичъ.

И мы тронулись въ путь. Что касается до меня, то я не слишкомъ увлекался краснорѣчіемъ елизаветградскаго Демосѳена, тѣмъ болѣе, что греческій ораторъ излѣчился отъ заиканія, а елизаветградскій до крайности претыкался на буквѣ к, и, проповѣдуя на любимую тему — могущество нашего оружія, — произносилъ текстъ: „разумѣйте языцы и покоряйтеся“ — не иначе, какъ настойчиво повторяя по-ко-ко-ко-ко.

XLIV

А. П. Никитинъ. — Помѣщица Чумпалова. — Мой сосѣдъ по квартирѣ. — Пріѣздъ Бржесскихъ.—Букетъ гвоздикъ и ноты.—Пріѣздъ Листа.

Между тѣмъ въ штабѣ получено было увѣдомленіе о предстоящемъ въ сентябрѣ царскомъ смотрѣ, и все закипѣло различными мѣропріятіями. Стали очищать домъ, занимаемый корпуснымъ командиромъ и устраивать его въ качествѣ дворца. Пожаловалъ и инспекторъ резервной кавалеріи А. П. Никитинъ, котораго всѣ чрезвычайно боялись за его безцеремонныя замѣчанія. Заботясь о благоустройствѣ поселеній, онъ приказалъ снять общій ихъ планъ и, вставивъ въ рамку, помѣстить въ царской гостиной вмѣсто повѣшаннаго тамъ распорядителемъ гусарскимъ корнетомъ Цеге-фонъ-Мантейфелемъ портрета Государя.

— А портретъ то этотъ, сказалъ Никитинъ, помѣстить въ царскую спальню.

Когда на другой день Никитинъ снова пошелъ осматривать дворецъ, то нашелъ царскій портретъ снова въ гостиной.

— О, вотъ какъ! воскликнулъ старикъ, обращаясь къ слѣдовавшему за нимъ сторожу: — кто это приказалъ повѣсить сюда портретъ?

— Корнетъ изволили приказать.

Въ эту минуту Цеге вошелъ въ комнату. Надо сказать, что съ войны 12 года, когда Никитинъ былъ уже полковникомъ и батарейнымъ командиромъ, онъ терпѣть не могъ французовъ, и никто при немъ не осмѣливался говорить на этомъ языкѣ, не рискуя услыхать, не взирая ни на какой чинъ: „я тебя, батюшка, изъ службы вышвырну".

— Это ты, батюшка, приказалъ повѣсить портретъ царскій сюда, а мой планъ въ спальню?

— Точно такъ, ваше в—пр—о; здѣсь царскій портретъ украшаетъ гостиную, а тамъ государю въ тишинѣ удобнѣе разсмотрѣть планъ.

— О, вотъ ты какой! Ужь ты не изъ бонжуровъ ли?

— Изъ гутенморгеновъ, ваше в—пр—о.

— Ну, ну, пускай ужь будетъ по твоему.

— Вы хорошо знакомы, сказалъ мнѣ начальникъ штаба, съ Александрійскими помѣщиками, а потому поѣзжайте туда и помогите нашему театральному предпріятію. По поводу царскаго смотра мы пригласили изъ Яссъ французскую труппу во вновь отстроенный на ярморочной площади театръ. Но французы требуютъ впередъ значительнаго задатка; такъ предложите вашимъ знакомымъ подписаться на мѣста въ ложахъ и креслахъ по желанію. Абонементныя цѣны за десять представленій мы опредѣлили 25 руб. за кресло и 120 руб. за ложи.

Какъ ни неопытенъ былъ я въ мірскихъ дѣлахъ, но смутно предчувствовалъ, что буду для Александрійскихъ помѣщиковъ самымъ непріятнымъ гостемъ. Зная, что на службѣ отговорокъ нѣтъ, я захватилъ свой бритвенный приборъ, праздничную форму (оберрокъ), открытый листъ на взиманіе волостныхъ лошадей и отправился въ путь. Разумѣется, я прямо отправился въ милую Березовку къ Бржесскимъ, не столько съ цѣлью внести ихъ въ свой списокъ, сколько попросить совѣта насчетъ циркулярнаго посѣщенія помѣщиковъ, съ которыми даже и не былъ знакомъ.

Предчувствіе меня не обмануло. Даже милые Бржесскіе сказали, что въ настоящее время до хлѣбной уборки денегъ ни у кого нѣтъ, а что сами они въ сентябрѣ собираются въ Крымъ, и въ Елизаветградѣ быть не разсчитываютъ. Затѣмъ около недѣли пришлось мнѣ разыгрывать роль Чичикова поневолѣ и, воздерживаясь отъ описанія болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, остановлюсь для примѣра на одномъ моемъ посѣщеніи.

О великолѣпной каменной усадьбѣ селенія „Таловой балки“, черезъ которую мнѣ и раньше не разъ приходилось проѣзжать, я имѣлъ весьма смутное понятіе. Но на этотъ разъ, узнавши, что холостой сынъ владѣлицы этого огромнаго имѣнія проживаетъ не въ домѣ, а въ отдѣльномъ флигелѣ, тогда какъ сама владѣлица госпожа Чумпалова живетъ въ домѣ, я предпочелъ остановиться у флигеля. Я изумился

немало, когда въ комнату, служившую, повидимому, и кабинетомъ и прiемной, изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ человѣкъ болѣе сѣдой, чѣмъ темнорусый, хотя я ожидалъ видѣть паныча (барчука), какъ всѣ называли его, начиная съ матери. Когда я объяснилъ поводъ моего посѣщенiя, панычъ съ величайшей любезностью обѣщался позднѣе сказать свое послѣднее слово и тотчасъ же перевелъ разговоръ на всевозможные другiе предметы. Настаивать на этомъ послѣднемъ словѣ мнѣ не было разсчета, а панычу было что вспомнить, такъ какъ онъ въ 14 и 15 годахъ два раза пѣшкомъ сходилъ въ Парижъ и обратно. Неудивительно, что въ данную минуту панычу было подъ 60 лѣтъ, хотя мать продолжала на него смотрѣть, какъ на несовершеннолѣтняго и управляла сама всѣмъ имѣнiемъ.

Вотъ эта то оригинальная хозяйка, гноившая изъ году въ годъ громадные запасы хлѣба, говорила Бржесскому, что хлѣба продавать нельзя.

Панычъ дотого тянулъ время своими воспоминанiями, что я начиналъ терять терпѣнiе и хотѣлъ раскланяться, какъ вошелъ сѣдой старикъ, очевидно дворецкiй, со словами, что ея пр—о проситъ пожаловать откушать. Панычъ тотчасъ же засуетился, и мы по жарѣ отправились къ крыльцу громаднаго двухъэтажнаго дома. Ни у кого изъ сосѣднихъ помѣщиковъ не было комнатъ такихъ большихъ размѣровъ, въ которыхъ, начиная съ паркета и кончая громадными дверями и зеркальными рамами, все было, очевидно, превосходной домашней работы. Въ просторной гостиной, однако, гдѣ панычъ представилъ меня своей матери, на блестящихъ подзеркальникахъ возвышались тяжелые канделябры временъ Имперiи съ заправленными крупными свѣчами.

Вотъ, подумалъ я, что значитъ быть владѣтельницей большихъ пасѣкъ, вѣрно эти восковыя свѣчи домашняго производства. Сѣдая генеральша, къ изумленiю моему, оказалась еще совершенно бодрой старухой, что давало ей нѣкоторое право считать 60-ти лѣтняго сына панычемъ.

Но удивительно, откуда она могла набрать пару сидящихъ по сторонамъ ея компанiонокъ, которымъ за старостiю лѣтъ года опредѣлить было трудно. Обѣ онѣ, на подобiе своей

покровительницы, пользовались здоровой полнотой, но обѣ были горбаты спереди и сзади, и у одной вдобавокъ голова была искривлена налѣво, и лѣвый глазъ значительно ниже праваго.

Когда дворецкій попросилъ кушать въ столовую, я нарочно пріотсталъ и, проходя мимо канделябра, слегка коснулся свѣчи. Она оказалась сальною.

Послѣ кофею генеральша сказала: „не прогуляться ли намъ?“ Хотя это являлось для меня новой задержкой, отказаться было неловко, и мы впятеромъ вышли на прогулку, когда солнце начало смирять зной лучей своихъ. Такъ какъ, если не ошибаюсь, сада, прилегающаго къ усадьбѣ, не было, то мы отправились на огородъ, и пошли между грядами огурцовъ. Я сталъ окончательно падать духомъ. Чѣмъ это кончится? думалъ я: вотъ я въ оберрокѣ со старухами на огородѣ. А дадутъ ли мнѣ денегъ за мои страданія—неизвѣстно Наконецъ раскланявшись съ дамами, я пошелъ съ панычемъ во флигель, чтобы заказать своихъ лошадей. При прощаніи панычъ объявилъ мнѣ, что матушка никогда не выѣзжаетъ изъ усадьбы, и что ложа была бы для нея безполезна, а онъ желаетъ подписаться на кресло и затѣмъ вручилъ мнѣ 25 рублей.

Не входя въ дальнѣйшее описаніе моего странствія, съ ужасомъ припоминаю, что приходилось ежедневно брить лицо, болѣзненно нажженное чуть не отвѣсными лучами солнца, и въ результатѣ около 300 руб. привезенныхъ мною начальнику штаба.

Еще задолго до первыхъ чиселъ сентября стало сбираться все, что содѣйствовало многолюдности и блеску царскаго смотра. Кромѣ двухъ кирасирскихъ дивизій и нѣсколько легкой кавалеріи, за городомъ лагеремъ остановился весь шестой корпусъ, пришедшій съ Кавказа и помнится дивизія четвертаго. Все, что только въ городѣ оставалось незанятымъ офицерами, было переполнено пріѣзжими помѣщиками.

На другой половинѣ флигеля, въ которомъ я занималъ переднія двѣ комнаты, помѣщался ротный командиръ шестаго корпуса со своимъ офицеромъ. Они оказались весьма любезными и веселыми людьми, но черезчуръ неугомонными.

Такъ какъ квартира ихъ отдѣлялась отъ моей спальни только запертою дверью, то въ видахъ ночнаго спокойствія я заложилъ дверь отъ себя тюфякомъ изъ сѣна. Но и это не помогало. Энергическій и стройный брюнетъ кавказецъ, пояснивши, что на Кавказѣ служба считается годъ за два, прибавлялъ, а двѣ рюмочки одна, и обратилъ эту фразу въ любимую поговорку. Испытавъ безуспѣшность обращеннаго ко мнѣ приглашенія придти къ нимъ и послѣдовать за ними на Кавказъ, онъ не упускалъ случая извѣщать меня о своихъ подвигахъ. Бывало, придешь утомленный со службы и только что около полуночи приляжешь на постель, какъ раздается троекратный стукъ въ дверь за моей головой.

— Сосѣдъ, а сосѣдъ, на Кавказѣ годъ за два, а двѣ рюмочки одна.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ я.

— А вы не придете?

— Нѣтъ не приду, спать пора.

— А я сейчасъ основательно сдѣлаю годъ за два.

Однажды вернувшись изъ штаба домой, я былъ изумленъ, увидавши въ передней развѣшанныя женскія платья.

— Что это? вполголоса спросилъ я слугу.

— Это Алексѣй Өедоровичъ и Александра Львовна Бржесскіе остановились у насъ съ горничной, кушали чай, а теперь барыня у васъ въ спальной одѣвается.

Въ небольшой моей столовой Бржесскій принялъ меня въ объятія, объясняя, что поставилъ на время къ намъ на дворъ свою карету, а человѣка отправилъ искать при помощи жидка коммиссіонера свободной квартирки на время настоящаго наплыва.

— Покуда вы видите, мы пріютились у васъ, но къ завтрему необходима квартира, такъ какъ пріѣдетъ Саничкина maman.

Хотя я бралъ обѣдъ у хозяйки, тѣмъ не менѣе намъ со слугою удалось весьма сносно накормить нашихъ гостей.

На радости выпили Клико.

На другой день я нашелъ у себя на столѣ великолѣпный букетъ изъ прекрасныхъ гвоздикъ и ноты романса, который мнѣ такъ понравился, когда Бржесскіе пѣли его въ два го-

лоса. На вопросъ, откуда это?—слуга отвѣчалъ: „отъ А. Л. Бржесской“. На любезный подарокъ я отвѣчалъ небольшимъ стихотвореніемъ. Тогда я даже не спросилъ себя, откуда въ этой толкотнѣ и пыли взялись великолѣпные свѣжіе цвѣты и только теперь черезъ 45 лѣтъ я соображаю, что ихъ привезла пріѣхавшая изъ своей прекрасной деревни мать Бржесской Добровольская.

Единовременно съ Бржесскими появился весь сонмъ замѣчательныхъ по своей красотѣ дамъ Александрійскаго уѣзда. Прибыла и прекрасная французская труппа изъ Яссъ и кромѣ того начались представленія русской труппы, въ которой въ трагическихъ роляхъ выдавался замѣчательнымъ талантомъ Полтавцевъ, а жена его привлекала на сценѣ своею красивой наружностью.

Чтобы придать эстетическому кругу особый блескъ, пріѣхалъ и гремѣвшій тогда въ Европѣ любимецъ Жоржъ Зандъ Францъ Листъ и остановился у полковника Османа. Тутъ, кажется, по ночамъ онъ проигрывалъ гораздо больше того, что днемъ выручалъ за свои концерты.

Трудно описать энтузіазмъ, который онъ производилъ и своею игрою и своей артистической головой съ бѣлокурыми, зачесанными назадъ волосами. Впослѣдствіи Османъ разсказывалъ: „сидитъ, сидитъ да и пуститъ лѣвой или правой рукой по всей клавіатурѣ“.

Вечеромъ на балахъ собранія съѣздъ бывалъ громадный.

Кромѣ обычной офицерской гостинницы у еврейки m-me Симки, пригласившей повара отъ Лопухина, и услаждавшей посѣтителей кромѣ хорошаго вина и прекраснымъ органомъ, на той же главной улицѣ открылся и французскій ресторанъ. Какъ нарочно, къ этому времени умерла во Франціи мать знакомаго намъ уже жандармскаго капитана Шедевра и оставила ему наслѣдство въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ, а быть можетъ и сотенъ ящиковъ шампанскаго. Получивши черезъ Одессу свое наслѣдство, Шедевръ не забывалъ угощать себя и своихъ пріятелей, а намъ продавалъ вино ящиками по полтора рубля за бутылку. Мы съ Бржесскимъ не упустили воспользоваться этимъ, и купивши пополамъ ящикъ, раздѣлили его поровну; такъ что бывало онъ зайдетъ ко мнѣ рас-

пить бутылочку, а затѣмъ съ тою же цѣлью отправлялся я къ нему.

Однажды, когда идя съ Бржесскимъ по улицѣ, мы встрѣтили проѣзжавшаго въ коляскѣ Дм. Ерофъ., послѣдній остановилъ экипажъ, чтобы сказать нѣсколько словъ Алексѣю Ѳедоровичу. Конечно, я сдѣлалъ фронтъ, взявшись подъ козырекъ своей вицъ-каски, побаиваясь, чтобы генералъ не замѣтилъ, что я выпивши. Но никакъ не могъ понять, почему онъ, вопреки обычной своей любезности, не обратилъ на меня никакого вниманія. Только когда коляска отъѣхала, я съ ужасомъ замѣтилъ, что подъ вліяніемъ шампанскаго забылъ у Бржесскихъ свой палашъ.

Замѣтивъ неисправность, добрѣйшій Дм. Ерофъ. предпочелъ не замѣчать меня вовсе.

Съ высочайшаго пріѣзда и прибытія блестящей свиты, красавица Александра Львовна была постоянно окружена флигель-адъютантами и свитскими генералами. Такъ какъ отличаемые ею адъютанты были конногвардейцы, то она, приведя изъ деревни купленнаго у бывшаго командира конногвардейскаго полка, нынѣйшняго начальника дивизіи Ант. Ант. Эссена, воронаго красавца Канута, украшала свою прелестную головку на прогулкахъ верхомъ конногвардейскою фуражкой. Моду эту переняли у нея и другія красавицы, отмѣчая бѣлую фуражку, согласно избранному кирасирскому полку, чернымъ, голубымъ, зеленымъ или темносинимъ околышемъ.

Какія это были прелестныя фуражки и еще болѣе прелестныя головки!

Раза съ два пришлось и мнѣ въ видѣ ширмы галопировать за Канутомъ на своемъ Елизаветградѣ.

XLV

Отправляюсь на охоту.—Ночлегъ у священника. — Возвращеніе домой.—Любительскіе спектакли.—Пріѣздъ государя.—Маневры. —Добровольскій.

Я забылъ сказать, что моя пара гнѣдыхъ, которымъ я такъ радовался, оказалась словно одержима какимъ то бѣсомъ, и бѣсъ этотъ проявлялся главнымъ образомъ въ пристяжномъ Васькѣ, который вдругъ ни съ того, ни съ сего не билъ, а только заносилъ, сообщая этотъ задоръ и коренному Степкѣ, и тогда никакая сила не могла ихъ удержать, до тѣхъ поръ, пока дрожки и сѣдоки не будутъ на боку, а затѣмъ лошади останавливались.

Еще въ августѣ, въ самомъ началѣ появленія въ моемъ флигелѣ милыхъ кавказцевъ, я, уступая природной страсти къ охотѣ, объявилъ имъ, что собираюсь воспользоваться предстоящимъ праздникомъ Спаса, чтобы отправиться за дупелями въ мѣстность, отстоящую верстъ за 25 отъ города.

— Только, замѣтилъ я, очень неудобно ѣхать такъ далеко съ собакою и съ ружьемъ на дрожкахъ.

— Да возьмите мою бричку, сказалъ ротный командиръ;— она вдвое легче вашихъ дрожекъ и въ пять разъ удобнѣе.

Какъ я ни отнѣкивался, любезный капитанъ настоялъ на своемъ.

Наканунѣ праздника, выйдя изъ штаба, тотчасъ я выѣхалъ по большой дорогѣ по направленію къ рекомендованному мѣсту,разсчитывая разузнать подробный маршрутъ отъ встрѣчныхъ. Солнце значительно палило, и желая спастись отъ жажды, я приказалъ кучеру остановиться около баштана для покупки арбузовъ. Подозвавъ оказавшуюся распорядительницей баштана дивчину, я попросилъ ее продать мнѣ нѣсколько арбузовъ.

Она принесла три или четыре; я сталъ взрѣзывать одинъ за другимъ; но всѣ оказались неспѣлыми.

— За что же тебѣ платить деньги? сказалъ я: вотъ и этотъ арбузъ неспѣлый.

— Винъ поспіе, разсудительно отвѣчала продавщица.

Я отдалъ ей три уговорныхъ копѣйки и вышвырнулъ арбузы изъ брички. Не успѣли мы снова тронуться въ путь, какъ повстрѣчали одиночную телѣжку, сѣдока которой, по подряснику и широкополой шляпѣ, не трудно было признать за священника. Въ деревнѣ, гдѣ встрѣчи со священниками составляютъ исключеніе, я держусь правила почтительно съ ними раскланяться, тѣмъ болѣе отправляясь на охоту. На мой поклонъ священникъ не только любезно отвѣчалъ, но и пріостановилъ свою лошадку, сказавши: „не на охоту ли вы собрались“?

— Точно такъ, батюшка,—въ село такое то.

— Я священникъ этого села, и такъ какъ я раньше ночи не попаду домой, то покорнѣйше васъ прошу остановиться на ночлегъ у меня, сказавши домашнимъ, что вы приглашены мною.

Тутъ онъ подробно разсказалъ мнѣ дорогу, и мы разстались. Было довольно темно, когда мы добрались до села и до священникова дома, котораго жители погасили уже огонь. Тѣмъ не менѣе меня приняли на ночлегъ, и хозяйка предлагала поставить самоваръ и угостить меня чаемъ. Но я попросилъ молока и булки. Тѣмъ временемъ хозяйка подставила къ дивану стулья и устроила мнѣ въ столовой постель для ночлега. Не взирая на спертый воздухъ комнаты; я всетаки стремился къ постели, въ надеждѣ, что жужжащіе рои мухъ успокоются съ погашеніемъ стеаринового огарка. Раздѣвшись я прилегъ на отдыхъ, и дѣйствительно мухи въ темнотѣ скоро затихли, но зато минуты черезъ три я почувствовалъ, что безчисленныя блохи, а быть можетъ и клопы впились въ меня немилосердно. Пробовалъ я зажигать свѣчку, но ничто не помогало. При огнѣ къ прежнимъ мучителямъ присоединялись мухи. Такъ протерзался я до двѣнадцатаго часу, когда въ ворота раздался стукъ.

Въ сосѣдней съ моею комнатой спальнѣ поднялись, зажгли свѣтъ и минуты черезъ двѣ въ комнату вошелъ хозяинъ священникъ и требовалъ непремѣнно, чтобы домашніе поставили самоваръ и угостили меня чаемъ. Великаго краснорѣчія стоило мнѣ отклонить это безвременное угощеніе. „Ну, сказалъ

священникъ, если вы уже отказываетесь отъ чаю, то у меня есть вамъ угощеніе, отъ котораго вы не можете отказаться". И вернувшись въ темную переднюю, онъ подошелъ къ столу, держа въ рукахъ полбутылку донскаго, заткнутую скатанною изъ бумаги пробкой.

— Это мнѣ знакомые купцы отлили, сказалъ онъ, тряся полбутылкой, этого вамъ не выпить нельзя.

Когда онъ сталъ наливать въ поданный ему стаканъ переболтанную до бѣлой пѣны влагу, у меня морозъ пошелъ по спинѣ при мысли выпить это; разсыпаясь въ благодарности, я чуть не присягнулъ, что не пью ничего хмѣльнаго.

— Ужь если вы, батюшка, хотите меня угостить, то нѣтъ ли у васъ гдѣ либо на дворѣ мѣстечка попрохладнѣе комнатъ и подальше отъ насѣкомыхъ.

— Истинная ваша правда, сказалъ добродушный священникъ: мы заберемся съ вами ночевать въ сѣнной сарай: тамъ ужь ни мушки, ни блошки.

Черезъ пять минутъ мы лежали на просторѣ въ сараѣ, на свѣжемъ душистомъ сѣнѣ, передъ чѣмъ я предварительно усердно вытряхнулъ бѣлье. Не прошло и двухъ минутъ, какъ я уже потонулъ и въ душистомъ сѣнѣ, и въ безотчетномъ снѣ.

Вдругъ слышу, заскрипѣли ворота сарая, впуская бѣлую полосу свѣта.

— Отче батько, раздался хриповатый голосъ, скоро солнце того.

— Звони, былъ лаконическій отвѣтъ священника.

Не успѣли мы оба снова забыться сномъ, какъ раздался громкій, но отрывистый и какъ бы деревянный лязгъ явно разбитаго колокола.

Я вспомнилъ, что священникъ еще съ вечера обѣщалъ мнѣ дать проводникомъ на болото своего сына семинариста, который самъ, по выраженію отца, до этого охочъ. Не слѣдовало и мнѣ терять золотаго утренняго времени, и черезъ четверть часа мы съ семинаристомъ были уже за огородами у колодца гдѣ въ двухъ шагахъ отъ водопойной коняги поднялась пара дупелей. Я чуть не помѣшался отъ восторга; никогда я не помню такого множества сравнительно смирныхъ бекасовъ и дупелей. Хотя мой проводникъ и былъ съ кремневымъ ружь-

емъ, но стрѣлялъ однѣхъ сидячихъ утокъ, а я, не взирая на многочисленные и постыдные промахи, къ полуденному зною набилъ полный ягдташъ благородной дичи.

Въ домѣ священника за это время все приняло праздничный видъ, и на столѣ были яблоки, груши и душистые соты меду. Подкрѣпившись чаемъ, медомъ и молокомъ, я поблагодарилъ радушныхъ хозяевъ и поспѣшно покатилъ обратно въ городъ. Лошади, пробѣжавшія наканунѣ 25 верстъ, бѣжали хотя и проворно, но совершенно покойно.

Подъѣхавши къ воротамъ нашего двора, кучеръ мой покричалъ: „отворите", но не получивъ отвѣта, передалъ мнѣ возжи и самъ, слѣзши съ козелъ, прошелъ въ калитку.

Когда ворота были отворены, я шагомъ тронулъ лошадей во дворъ, направляя ихъ вправо къ отдѣльному ходу со двора въ мою квартиру.

Вдругъ я почувствовалъ, что пристяжной Васька, бросившись впередъ, безмѣрно натянулъ и постромки, и возжу. Напрасно, упершись въ стѣнку брички, изо всѣхъ силъ я удерживалъ лошадь; я чувствовалъ, что натянутой возжей она быстро надвигаетъ на себя задокъ брички, приподнимая его отъ земли. Кончилось тѣмъ, что я очутился лежащимъ на землѣ, въ то время какъ лошади помчали лежащую бокомъ бричку по немощеному двору за уголъ дома. Оказалось, что онѣ наткнулись на навозную кучу, на которую и повалились, порядочно изломавъ чужую бричку. Забывая о своемъ ушибѣ, я не находилъ словъ выразить любезному капитану сожалѣніе о случившемся.

— Пожалуйста не извиняйтесь, сказалъ капитанъ,—дѣло житейское, и бѣда невелика; у насъ свои мастера и живо все исправятъ.

Дичину я разослалъ своимъ елизаветградскимъ знакомымъ.

Состроенный на скорую руку досчатый театръ былъ не только весьма красивъ на видъ, но и оказывалъ обществу значительныя услуги. Кромѣ чередовавшихся изо дня въ день представленій русской и французской труппъ, и Листъ давалъ въ этомъ театрѣ нѣсколько разъ свои концерты. Кромѣ того, александрійское общество уговорилось дать нѣсколько любительскихъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ. Многіе изъ

мужчинъ прекрасно играли свои роли; но цѣлая плеяда красавицъ дамъ своею неподдѣльною граціей приводила всѣхъ въ восторгъ, начиная съ семейства корпуснаго командира.

Служившій впослѣдствіи въ Москвѣ въ дворцовомъ вѣдомствѣ и скончавшійся въ театрѣ В. П. Безродный неподражаемо игралъ въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“ роль помѣщика англомана. Невозможно было безъ восхищенія видѣть въ водевилѣ „Булочная“ Ал. Льв. Бржесскую, суетящуюся у „васисдаса“.

Но вотъ, наконецъ, въ назначенный заранѣе день прибылъ и государь. Кто не служилъ въ армейской кавалеріи, тотъ не знаетъ, что такое царскій ординарецъ. Кромѣ того, что офицера, унтеръ-офицера и рядоваго выбираютъ изъ лучшихъ ѣздоковъ на лучшихъ коняхъ, ихъ учатъ и разсматриваютъ во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ эскадроннаго командира до инспектора кавалеріи. Нечего прибавлять, что ординарецъ-офицеръ долженъ быть во всемъ новомъ съ головы до шпоръ, такъ же какъ и лошадь его должна быть осѣдлана всѣмъ новымъ. Отъ нашего Орденскаго полка былъ назначенъ ординарцемъ князь Кудашевъ, которому приказано было въ 6 часовъ утра явиться на правомъ флангѣ пѣхотнаго лагеря, гдѣ государю угодно принять ординарцевъ.

Проводя по обычаю ночь въ трактирѣ Симки за картами, Кудашевъ приказалъ своему солдатику, осѣдлавши великолѣпную верховую лошадь съ полученнымъ отъ Циммермана новымъ парадвымъ вальтрапомъ, отвести къ пяти часамъ на правый флангъ пѣхотнаго лагеря, куда, переодѣвшись въ 5 часовъ въ полную парадную форму, въ золотой каскѣ и кирасахъ отправился на биржевомъ извозчикѣ. Надо сказать, что во всѣхъ лагеряхъ для содержанія въ нихъ чистоты вырываются четыреугольныя ямы, на которыя накладываются доски. Такія ямы служатъ лагерными клоаками, и когда наполняются, то ихъ забрасываютъ снова землею, а доски перекладываютъ на вновь вырытую яму.

— Пошелъ, пошелъ! покрикивалъ горящій нетерпѣніемъ Кудашевъ своему извозчику, приближаясь къ собиравшейся на флангѣ группѣ ординарцевъ. Но каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ увидалъ, что его конь, вырвавшись изъ

рукъ солдатика, бросился по задней линейкѣ и провалился. Подъѣхавъ къ ординарцамъ, онъ, сбросивъ шинель и выхвативъ палашъ, съ крикомъ „зарѣжусь!“ побѣжалъ къ задней линейкѣ; но уже пѣхотные солдатики успѣли вытащить лошадь и съ шайками и котельчиками прибѣжали обмывать ее. Въ нѣсколько минутъ и лошадь и сбруя были совершенно омыты, и появилась надежда, что все обсохнетъ къ 6-ти часамъ. Дрожащій отъ волненія Кудашевъ, вернувшись къ дрожкамъ, вытащилъ изъ кармана шинели бумажникъ и отдалъ солдатикамъ 10 руб. на водку. Государь милостиво принялъ ординарцевъ.

Для царскихъ выѣздовъ богатый Ново-Миргородскій помѣщикъ Лопухинъ представилъ щегольскую коляску съ четверкою щегольски подобранныхъ собственнаго завода соловыхъ лошадей съ красавцемъ кучеромъ и такимъ же форейторомъ. Говорятъ, государь велѣлъ спросить Лопухина, не продастъ ли онъ ему всей упряжки; но Лопухинъ будто бы отвѣчалъ, что людей не продаетъ, а будетъ счастливъ поднести его величеству упряжку, отчего государь отказался.

Занятый въ корпусномъ штабѣ, я не былъ на смотру, но слышалъ, что церемоніальный маршъ былъ неудаченъ, и государь остался недоволенъ.

Когда я на слѣдующее утро засталъ Дм. Ероф. одного въ залѣ, онъ стоялъ спиною къ письменному столу, заложивъ по привычкѣ носокъ правой ноги черезъ лѣвую ступню.

— Государь, сказалъ онъ, недоволенъ; но я совершенно покоенъ, убѣжденный, что войска въ превосходномъ видѣ. Не сомнѣваюсь, что государь самъ въ этомъ убѣдится.

На слѣдующій затѣмъ день на маневрахъ предсказаніе Дм. Ероф. блистательно оправдалось. Маневры удались, и когда, подступая къ Елизаветграду, государь сказалъ: „не достаетъ только, чтобы теперь нагрянулъ Сакенъ съ своею кавалеріей“,—какъ въ ту же минуту изъ балки на полныхъ рысяхъ показался весь нашъ корпусъ съ тяжелой и легкой кавалеріей и артиллеріей. Государь былъ въ восторгѣ, милостиво обнялъ Сакена и тутъ же пожаловалъ ему Владимірскую ленту.

Во время своего пребыванія въ этомъ году въ Елизавет-

градѣ, государь утвердилъ постройку, если не ошибаюсь на средства поселенія, обширнаго дворца, для котораго при въѣздѣ въ городъ у самой рѣки были выстроены громадные кирпичные сараи и наготовлены милліоны кирпичей. По поводу этого сооруженія, которое позднѣе было употреблено на помѣщеніе кавалерійскаго училища, изъ Петербурга прибылъ казенный архитекторъ Шохинъ и инженерный полковникъ Мельцеръ. Молодая жена перваго рѣдко появлялась въ обществѣ; но миловидная дочь Мельцера не только каждый разъ появлялась въ собраніи, но и привлекала молодежь въ домъ родителей, гдѣ и я не разъ танцовалъ подъ фортопьяно. Но я забѣгаю впередъ.

На балахъ во время царскаго смотра дамъ этихъ еще не было. Зато залы собранія были полны роскошными туалетами и разнообразными мундирами.

Надо сказать, что въ то время умѣли веселиться на всякія средства. Не взирая на то, что иныя барыни, подобно Бржесской, заранѣе получали свои наряды изъ Парижа черезъ Одессу, другія въ то же время умѣли устроить изящный и недорогой туалетъ домашними средствами.

Однажды, забѣжавши наканунѣ бала въ квартиру Каневальскихъ, я засталъ Софью Михайловну въ большихъ попыхахъ; она рвала и рѣзала кусокъ розоваго тарлатана.

— Что вы такъ суетитесь? спросилъ я, садясь.

— Я оттого такъ хлопочу, что вы сидите сложа руки.

— Да я только что вошелъ. Что же мнѣ дѣлать?

— Шить, отвѣчала она полусеріозно.

— Очень радъ, давайте работу, и вы увидите, какъ я отлично сошью указанное вами.

— Вотъ вамъ два полотнища, сшейте ихъ вмѣстѣ.

— Будьте покойны за ваше платье, сказалъ я, принимая работу: я увѣренъ, что съ дѣтства не разучился шить въ передъ-иголку и сошью обѣ половинки, не посадивъ на одинъ бокъ.

На другой день я въ мазуркѣ любовался нарядомъ моей дамы, въ изготовленіи котораго принималъ участіе.

Но вотъ царскій смотръ кончился, Листъ уѣхалъ, и многочисленные посѣтители Елизаветграда стали разъѣзжаться.

Я пошелъ вечеромъ проститься съ Бржесскими, собиравшимися на другой день рано утромъ до жары уѣхать. Не знаю, по какому случаю я засталъ у нихъ за чаемъ Софью Мих. Золотницкую. Послѣ такого живаго столкновенія всевозможныхъ интересовъ, нашлось, конечно, обильное содержаніе для оживленной бесѣды. Самоваръ давно потухъ, прислугу отпустили спать, а мы вчетверомъ засидѣлись за полночь. Полная ясная луна врывалась бѣлою полосою свѣта въ полусумракъ гостиной, освѣщенной лампою подъ абажуромъ.

— Ну, господа, вы толкуйте и спорьте, сказали наконецъ Бржесскіе, а мы передъ дорогою пойдемъ соснуть.

Съ уходомъ хозяевъ голоса наши стали стихать, не взирая на то, что рѣчи принимали все болѣе для насъ интересное, хотя и неопредѣленное значеніе. Чѣмъ тише мы говорили, тѣмъ казалось мы болѣе понимали другъ друга. Такъ застала насъ заря и восходящее солнце. Проснулись Бржесскіе и вышли пить кофей, а затѣмъ къ крыльцу подъѣхала четвероместная вѣнская карета, запряженная шестерикомъ прекрасныхъ соловыхъ лошадей, и мы всѣ дружески разстались.

Когда къ 4 часамъ дня я вернулся изъ штаба на квартиру, къ крыльцу подъѣхалъ на извозчикѣ знакомый мнѣ старичекъ, родной дядя Бржесской, Добровольскій. Онъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, и только въ Елизаветградѣ во время царскаго смотра я познакомился черезъ Бржесскихъ съ этимъ тихимъ и далеко недюжиннымъ человѣкомъ.

Передаю все, мнѣ о немъ извѣстное.

Онъ былъ по природѣ карточный игрокъ и всю жизнь предавался своей страсти. Такъ какъ вдова Добровольская владѣла значительнымъ имѣніемъ, то надо предполагать, деверь ея проигралъ свое имѣніе. Но такъ какъ онъ игралъ съ извѣстною выдержкой, то къ концу жизни наигралъ значительную сумму денегъ.

Оставаясь тихимъ холостякомъ, онъ не измѣнялъ своей скромной жизни, предоставляя съ давнихъ поръ веденіе хозяйства преданной экономкѣ.

Когда онъ явился ко мнѣ, я искренно поблагодарилъ его

за любезное вниманіе, но онъ сказалъ, что отправляется сегодня же въ имѣніе сестры и пріѣхалъ проститься навсегда.

Напрасно, смягчая странность этого выраженія, я ссылался на то, что никто не знаетъ, кто кого переживетъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, я знаю, что вижу васъ послѣдній разъ.

Потомъ я узналъ, что въ деревнѣ у Добровольской онъ остановился во флигелѣ, продолжая невозмутимо появляться къ завтраку, обѣду и чаю. Всегдашнее выраженіе нравственной усталости и апатіи никого не удивляло. Однажды утромъ его нашли въ постели мертвымъ. Изъ небольшаго револьвера онъ черезъ подбородокъ пустилъ себѣ въ голову пулю. Пистолетъ замеръ у него въ рукѣ, и кровоистеченія было мало. Онъ оставилъ письмо, въ которомъ пояснилъ, что тяготясь жизнью, проситъ родныхъ значительно наградить оставшуюся въ Петербургѣ его экономку, а остальную сумму раздѣлить между собою по его назначенію.

XLVI

Балы въ городскомъ собраніи. — Утреннее собраніе. — Графиня Надгоричани. — Тимковскіе. — Экельны.

Начались осеннія и зимнія манежныя ученія эскадрона, а съ тѣмъ вмѣстѣ объѣзды корпуснаго командира въ неизмѣнной линейкѣ подъ балдахиномъ и въ формѣ буквы французскаго s, въ которой въ одномъ заворотѣ лицомъ къ козламъ сидѣлъ Дм. Ер., а въ другомъ спиною къ кучеру адъютантъ Эмануэль. Но вотъ и этотъ поздній объѣздъ окончился, и Елизаветградъ отъ шумной публичной жизни перешелъ къ тихимъ семейнымъ развлеченіямъ, къ которымъ слѣдуетъ отнести и столь любимые Дм. Ер. балы въ городскомъ собраніи, гдѣ игралъ очень хорошій струнный оркестръ. Здѣсь, кромѣ семейства корпуснаго и супруги и свояченицы начальника штаба, сбирались всѣ городскія дамы, о которыхъ я го-

ворилъ выше. Но надо признаться, что по чистотѣ греческаго профиля, тяжелой массѣ каштановыхъ волосъ, пышныхъ очертаній плечъ и рукъ, а равно и по безукоризненной свѣжести недорогаго платья болѣе всѣхъ выдавалась Ольга Николаевна Гайли. Казалось, отъ своего мужа она заразилась откровенною свободой. Мнѣ таки довольно часто приходилось танцовать съ рыженькой Терезой Мельцеръ, и я быть можетъ не обратилъ бы вниманія на неизмѣнность ея бѣлаго тарлатановаго платья, если бы Ольга Ник. однажды раздраженнымъ голосомъ не стала говорить мнѣ: „ну какъ имъ не стыдно пускать дѣвочку на всѣ вечера въ томъ же платьѣ, превратившемся въ грязную тряпку!“

Говорила она такимъ голосомъ, какъ будто я былъ настоящій виновникъ этого упущенія.

Не обходилось на нашихъ вечерахъ и безъ недоразумѣній. Такъ, заручившись обѣщаніемъ m-lle Терезы танцовать со мною первую кадриль, я прибылъ въ собраніе къ самому началу бала, но не нашелъ своей дамы. „Ну, подумалъ я, она сейчасъ будетъ; но возможна ли первая кадриль безъ визави?“ И вотъ я запасся соотвѣтственной парой. Скрипки настроены, и раздалось между парами: „Дм. Ерофъ. проситъ начинать контрдансъ“.

Все засуетилось и пошло по мѣстамъ.

— Пожалуйте, говоритъ мой визави, ведя подъ руку дѣвицу Эмануэль.

— Извините, моя дама.... говорю я въ замѣшательствѣ.

Играютъ ритурнель. Я становлюсь на свое мѣсто одинъ. Начинается первая фигура, которую моимъ визави приходится исполнять, какъ въ танцклассѣ, передъ стульями. Въ отчаяніи въ концѣ первой фигуры становлюсь на мѣсто съ приглашенною вновь дамой. Но не успѣлъ я, продѣлавши фигуру, вернуться на мѣсто, какъ сзади насъ прошелъ полковникъ Мельцеръ съ дочерью и, наклонясь надъ моимъ ухомъ, прошепталъ: „ah, monsieur, vous n'avez pas voulu danser avec ma fille“.

Къ сожалѣнію, я не могъ до легкихъ танцевъ исправить свою невольную ошибку, такъ какъ всѣ кадрили m-lle Мельцеръ были разобраны.

Между тѣмъ однажды по поводу этихъ собраній я попалъ еще въ бо́льшую бѣду. Иногда дамы начальника штаба приглашали меня на вечерній чай, который по лифляндскому обычаю сопровождался у нихъ закускою изъ холоднаго мяса.

— Вы никогда не видали, спросила меня генеральша, браслета изъ стеклянныхъ нитей? Это очень мило и изящно.

На отрицательный отвѣтъ мой она сказала, что получила прелестный изъ заграницы и сейчасъ принесетъ показать. Браслетъ изъ переплетенныхъ густыхъ прядей блестящихъ розовыхъ и серебристыхъ волосъ былъ дѣйствительно очень красивъ.

— Вы видите, какъ это гнется, сказала m-lle Б., взявши браслетъ изъ рукъ сестры и силясь производить между пальцами перегибы на переломъ. Первое время гибкія и гладкія пряди выскользали при такихъ погибахъ, и я напрасно предупреждалъ, что стекло не можетъ выдержать перегиба подъ острымъ угломъ.

— Видите, видите, продолжала баронесса, все круче и круче сжимая захваченную пальцами серебристую прядь.

Не успѣлъ я сказать: „сейчасъ лопнетъ“, какъ генеральша воскликнула: „ахъ, ты мнѣ его сломала!“

Когда волненіе по поводу браслета унялось, баронесса спросила меня,—буду ли я завтрашній день въ воскресенье на утреннемъ собраніи? На мой отвѣтъ, что я завтра дежурный по штабу, баронесса воскликнула, что это необходимо измѣнить, и что генеральша должна сейчасъ отправиться въ кабинетъ мужа, продолжающаго свою вечернюю работу и, возвращаясь оттуда, въ случаѣ благопріятнаго исхода просьбы, поднять руку съ носовымъ платкомъ въ качествѣ бѣлаго флага.

Черезъ минуту генеральша показалась въ дверяхъ съ бѣлымъ платкомъ надъ головою.

— Потрудитесь, сказала она, передать дежурному штабъ-офицеру, чтобы онъ замѣнилъ васъ слѣдующимъ по очереди. Слѣдующимъ оказался штатскій чиновникъ, чуть ли не корпусный казначей. Не желая производить непріятнаго впечатлѣнія на назначеннаго за меня не въ очередь, я отправился

на другой день въ пустой штабъ и объяснилъ чиновнику смягчающія обстоятельства, обѣщая въ свою очередь отдежурить за него. Холодъ на дворѣ былъ ужасный, и первый снѣгъ валилъ клочьями, не давая различать предметовъ на ближайшемъ разстояніи.

Что же это будетъ? невольно думалось мнѣ, при такой погодѣ.

Вдругъ къ немалому моему изумленію въ дверяхъ показался Османъ.

— Полковникъ! воскликнулъ я: отъ васъ, неизмѣннаго руководителя общественныхъ удовольствій, всего проще узнать судьбу сегодняшняго собранія.

— Черезъ часъ назначенъ съѣздъ, отвѣчалъ Османъ, а вы видите, что дѣлается на дворѣ. Ну кто же поѣдетъ?

Тѣмъ лучше, подумалъ я и оставшись въ штабѣ, попросилъ чиновника идти домой.

Дня черезъ два, когда я былъ у Сакеновъ, Анна Ивановна мнѣ сказала: „quelle bévue! дамы хлопотали о встрѣчѣ съ вами въ собраніи, а вы не явились. Это ужасно неловко, и онѣ на васъ въ претензіи“.

— Я въ отчаяніи, сказалъ я, и тѣмъ болѣе, что быть можетъ не понялъ словъ Османа, усомнившагося въ съѣздѣ по поводу ненастья.

Тѣмъ не менѣе я положилъ отправиться на слѣдующій вечеръ къ дамамъ съ извиненіемъ. Но дѣло къ несчастію приняло другой оборотъ.

Дм. Ер. вызвалъ Османа и встрѣтилъ его словами: „полковникъ, какъ вамъ не стыдно, вмѣсто того чтобы сближать общество между собою, преднамѣренно разрушать общественныя удовольствія“.

— Смѣю спросить, ваше в—пр—о, чѣмъ я заслужилъ это замѣчаніе? сказалъ Османъ.

— Вы сказали Фету, что никого не будетъ въ собраніи, и онъ не явился къ ожидавшимъ его дамамъ.

На другое утро, когда въ главной адъютантской комнатѣ начальникъ штаба, вспыливъ, распекалъ какого-то волостнаго командира, онъ вдругъ гнѣвно обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „что это у васъ тамъ съ Османомъ за исторія? Онъ

жалуется, что вы были причиной выговора, полученнаго имъ отъ корпуснаго командира“.

— Я только говорилъ о непонятыхъ мною словахъ Османа.

— На службѣ, воскликнулъ генералъ, вы можете говорить о погодѣ, происшествіяхъ, о чемъ угодно, но не поминать никакихъ именъ. Надѣюсь, что настоящая исторія послужитъ вамъ урокомъ.

Съ этими словами генералъ вышелъ изъ комнаты.

Выше я говорилъ объ одномъ изъ пріятнѣйшихъ городскихъ домовъ полковника Эмануэля. Бездѣтная пара любезныхъ хозяевъ занимала прекрасный бельэтажъ, въ который вела широкая деревянная лѣстница.

Направо изъ передней дверь вела въ кабинетъ полковника, а прямо въ залу, служившую въ то же время и столовой. За слѣдующей комнатой, служившей гостиною, виднѣлись домашнія комнаты, въ которыхъ однако мнѣ бывать не приходилось.

Милая, но нѣсколько болѣзненная блондинка хозяйка всегда находила для гостя любезное слово привѣта. Тѣмъ не менѣе гости Эмануэлей не были многочисленны. По временамъ появлялись родственные Вахи и молодые Сакены, но чаще всѣхъ я встрѣчалъ тамъ Фильковича, умѣвшаго всегда разсказать какой либо курьезъ, который съ его богемскимъ, скворца напоминающимъ щебетаньемъ выходилъ еще забавнѣе. Нѣсколько дней къ ряду онъ изощрялся въ разсказахъ о пріѣхавшей съ дочерью изъ Одессы графинѣ Надгоричани.

— Je vous assure, madame, восклицалъ онъ убѣдительно, c'est un monstre. Какъ она жива съ ея корпуленціей! Такая у нея уже устроена карета: двое лакеевъ на запяткахъ и двѣ горничныхъ противъ нея. Такъ какъ сама она въ карету войти не можетъ по опущеннымъ подножкамъ, то горничная закидываетъ ей за спину длинное полотенце, а затѣмъ, упираясь въ стѣнки кареты изъ середины, тащатъ ее въ то время, когда два лакея пихаютъ снизу. Завтра воскресенье, и какъ я слышалъ, она собирается къ вамъ съ визитомъ. Ради Бога, добрѣйшая Варвара Александровна дозвольте и намъ придти поздравить васъ съ праздникомъ. У ней, говорятъ, и дочь та-

кая же, о трехъ подбородкахъ. Я боюсь какъ бы онѣ не проломили вамъ лѣстницы.

На другой день я нашелъ полковника въ кабинетѣ.

— Кто васъ принималъ въ передней? спросилъ онъ.

— Ефимъ, отвѣчалъ я.

— Онъ только что недавно вернулся изъ собора, сказалъ Эмануэль.—А хорошо говорилъ Бершацкій проповѣдь? спрашиваю я.—Чудесно, отвѣчаетъ Ефимъ.—О чемъ же онъ говорилъ? продолжалъ пересказывать Эмануэль.—А кто жь его знаетъ, отвѣчалъ Ефимъ, должно быть о Богѣ.—Сегодня по случаю перваго дня масляной Варвара Ал. заказала блины, и у насъ будетъ графиня Надгоричани съ дочерью.

Въ гостиной сидѣлъ уже прихихикивающій Фильковичъ въ предчувствіи величайшаго наслажденія.

— Господа, замѣтила хозяйка, вы настраиваете свои нервы къ смѣху, но не забудьте, что она моя гостья, и я увѣрена, что вы не позволите себѣ какой либо нескромной улыбки.

Въ это время слуга, показавшись на порогѣ, доложилъ: „графиня Надгоричани", и мы услыхали трескъ парадной лѣстницы. Какъ молнія пронеслось у меня въ умѣ: тамъ лѣстница трещитъ, здѣсь хохотъ клокочетъ у меня въ груди. И вдругъ въ дверяхъ появятся дѣйствительно колоссальныя фигуры, и я пропалъ, хотя бы пистолетъ цѣлился мнѣ въ лобъ.

При этой мысли я вскочилъ и, закрывая за собой противоположную дверь гостиной, бросился по незнакомой мнѣ амфиладѣ комнатъ. Добѣжавъ до спальни хозяйки, я съ судорожнымъ хохотомъ упалъ на постель, затыкая раскаты смѣха пуховою подушкой. Когда наконецъ я собрался съ духомъ и и вернулся въ гостиную, то былъ представленъ хозяйкою двумъ брюнеткамъ, изъ которыхъ младшая обладала даже несомнѣнной южной красотой, указывая сходствомъ съ матерью единовременно на то, чѣмъ та была въ молодости, и чѣмъ дочь будетъ въ свою очередь.

Все, что Фильковичъ говорилъ о колоссальности графини, не было нисколько преувеличено. Казалось, полнота ея старалась расторгнуть всѣ препоны одежды. Обѣ графини были въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ. Когда глаза наши нѣсколько попривыкли къ необычайности явленія, хозяйка попросила

всѣхъ въ залу къ блинамъ. Здѣсь конецъ стола былъ занятъ отдѣльнымъ кувертомъ, передъ которымъ поставленъ былъ небольшой диванчикъ. Это мѣсто заняла графиня. Правда, блины были не болѣе чайнаго блюдечка, но всетаки при видѣ того, какъ графиня стала съ ними распоряжаться, мокая цѣлый блинъ, пропитанный масломъ, въ сметану и отправляя его въ нѣсколько согнутомъ видѣ въ широкій ротъ, я невольно припоминалъ, какъ у Гоголя Пацюкъ глотаетъ вареники: „Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова“.

Никогда уже въ жизни не приходилось мнѣ видѣть ничего подобнаго.

Справедливость заставляетъ сказать, что моя пріятельница m-me Сливицкая не ограничилась угощеніемъ меня папиросами своего издѣлія, но сняла мой акварельный портретъ, въ то время до извѣстной степени схожій.

Къ новому году семейство Марченковъ оставило Елизаветградъ и переселилось въ Одессу.

За обѣдомъ у Сакеновъ мнѣ довелось въ первый разъ встрѣтить оригинальную въ своемъ родѣ пару Тимковскихъ. Полковникъ Тимковскій прямо изъ образцоваго полка принялъ кирасирскій принца Петра Ольденбургскаго полкъ, состоявшій въ одной бригадѣ съ нашимъ Орденскимъ.

Давно уже въ дивизіи про него ходили многочисленные анекдоты.

Влад. Ив. усердно желалъ всего для своей солидной особы; ко всему же остальному въ мірѣ былъ невозмутимо равнодушенъ. Говорили, что легкія побѣды его жены въ Петербургѣ были безчисленны, но Влад. Ив. на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Всѣмъ корнетамъ своего полка полковница говорила: „ты, душенька“, и иногда прибавляла: „позволь мнѣ пожать твой мизинчикъ“. Мнѣ на балѣ она сдѣлала честь, сама выбравъ меня, и спросила, какъ нахожу я ея парижскій нарядъ и въ особенности виноградный вѣнокъ съ нѣсколькими ягодами.

Нарядъ былъ дѣйствительно весьма изященъ, и слышать ему похвалы доставляло полковницѣ, перешедшей далеко за 40 лѣтъ, видимое удовольствіе.

Нельзя не замѣтить, что людямъ, которыхъ всего вѣрнѣе назвать безпардонными, зачастую прощается то, что другому никогда бы не извинили.

О строгомъ приличіи, царствовавшемъ въ домѣ Сакеновъ, говорить излишне; тѣмъ не менѣе при разсказѣ m-me Тимковской за столомъ о небрежномъ погребеніи въ Петербургѣ тѣлъ бѣдняковъ, только будто бы покрытыхъ въ гробу лоскутомъ холста, полковникъ на восклицаніе жены: „ты помнишь, Влад. Ив., какъ на Невскомъ предъ нами уронили женщину“? отвѣтилъ: „совершенная правда“ и прибавилъ такую подробность, которую я и черезъ 45 лѣтъ повторить не рѣшаюсь.

Влад. Ив. страдалъ ревматизмами и по поводу этого лѣтомъ сиживалъ въ медвѣжьей шубѣ, изъ которой его выводили только настоятельныя служебныя занятія, надъ которыми онъ однако не надрывалъ силъ. При сравнительно небольшомъ жалованіи полковаго командира, Влад. Ив. съ супругой умѣли надѣлать столько долговъ, что полковой казначей высылалъ ежедневно 5 руб. на продовольствіе Тимковскимъ и ни подъ какимъ предлогомъ не давалъ ни копѣйки впередъ.

Всѣ подробности полковыхъ дѣлъ, какъ и частнаго хозяйства полковника, были на рукахъ полковаго адъютанта Бедера, бывшаго какъ бы членомъ семейства. До какой степени Влад. Ив. былъ равнодушенъ къ общественному мнѣнію, всего лучше можно было увидѣть изъ слѣдующаго.

На балѣ кто-то изъ числа не танцующихъ офицеровъ чужаго полка сказалъ своему товарищу: „посмотри, какъ Бедеръ трудится въ полькѣ надъ своею дебелой полковницей“. Вдругъ за спиною говорящаго громко раздались слова: „очень нужно ему замѣчать; я два года вижу, какъ онъ надъ ней трудится и ничего не говорю, а ему, разъ увидалъ, и нужно замѣтить“.

Влад. Ив. нюхалъ табакъ, и въ лѣвой его рукѣ на конѣ, кромѣ поводьевъ, всегда зажата была золотая табакерка, и

изъ подъ нея свѣшивался весьма длинный красный фуляровый платокъ.

Прослужившій весь вѣкъ въ конногвардіи Ант. Ант. Эссенъ хотя и очень любилъ понюхать табаку, но по привычкѣ къ бѣлому мундиру никогда не заводилъ собственной табакерки; зато никогда не отказывался отъ предлагаемой понюшки. Даже въ этомъ случаѣ Ант. Ант., потянувши щепоть ноздрею, далеко отводилъ руку назадъ, чтобы не засорить себя при отряханіи пальцевъ. Всѣми этими повадками генерала Вл. Ив. пользовался широко во время полковыхъ и дивизіонныхъ смотровъ.

Послѣ неудачнаго прохожденія полка, Влад. Ив. флегматически протягивалъ стоящему впереди его Ант. Ант. табакерку, который, нюхнувъ съ удовольствіемъ и отряхая съ далеко оттопыренной руки соринки, жалобно восклицалъ: „Влад. Ив., что это будетъ! что это будетъ! полкъ ходитъ не хорошо“!

На это Влад. Ив. вполголоса и въ носъ флегматически ворчалъ: „могу васъ увѣрить, что можно гораздо хуже ходить, гораздо хуже“!

Не надо полагать, что съ такою флегмой Влад. Ив. появлялся только передъ добродушнымъ Ант. Ант.

При не менѣе добромъ, но иногда причудливо строгомъ Дм. Ер. бывало то же самое. И когда при прохожденіи эскадроновъ справа по одному начинали раздаваться обычные возгласы Сакена: „Боже мой, трапота налѣво, дышло налѣво, свинка налѣво! ахъ, Боже мой, шутъ налѣво! за нимъ еще два шута налѣво! ахъ Боже мой, еще оберъ-шутъ налѣво!“— за корпуснымъ командиромъ слышно было ворчанье Тимковскаго всѣмъ присутствующимъ, въ томъ числѣ вѣроятно и Дм. Ер. „все шуты, все шуты, что же онъ самъ то такое? шутъ, шутъ, шутъ парадный“!

— Влад. Ив., восклицалъ Сакенъ: какое преступное равнодушіе! Я не знаю, какъ я васъ покажу государю.

И снова голосъ Тимковскаго: „желаю знать, куда онъ меня спрячетъ съ полкомъ“?

— Влад. Ив., вы вѣрно изъ окна учите полкъ?

Голосъ Влад. Ив.:

— Право прекрасная мысль! я ею непремѣнно воспользуюсь.

Я былъ бы весьма непризнателенъ, если бы не упомянулъ въ числѣ офицеровъ, по временамъ появлявшихся въ Елизаветградѣ, и милаго, образованнаго, начитаннаго поручика уланскаго полка Экельна, одного изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ моей музы. Свою симпатію къ поэту онъ не только перенесъ на человѣка, но умѣлъ чувство дружбы ко мнѣ внушить и своей молоденькой женѣ, миніатюрной блондинкѣ, напоминавшей больную канарейку. Наши отрадныя встрѣчи продолжались не болѣе года, такъ какъ на другой годъ Экельны исчезли съ нашего горизонта, и онъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ, въ главномъ штабѣ.

Гораздо позднѣе того времени, о которомъ я здѣсь говорю, слуга мой сказалъ, что видѣлъ Экельна, и что онъ теперь уже въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Въ тотъ же день Экельнъ разыскалъ меня, и мы по старинѣ предались тому, что Пушкинъ выражаетъ словами:

„Поговоримъ мой милый
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви".

Прощаясь, Экельнъ сказалъ: „не понимаю, что за охота вамъ сидѣть здѣсь въ этой степи, гдѣ я до сихъ поръ былъ бы поручикомъ. Начальникъ главнаго штаба ко мнѣ очень милостивъ, и я всѣ усилія употреблю перевести васъ къ намъ".

Судьба привела меня позднѣе въ Петербургъ, гдѣ я нѣсколько дней провелъ съ прелестною четою Экельновъ; но старанія Экельна перевести меня въ штабъ успѣхомъ не увѣнчались, и это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ. Сначала милая канареечка жена его не перенесла петербургскаго климата, а затѣмъ и самъ онъ угасъ на самомъ расцвѣтѣ жизни.

Дѣтей у нихъ не было; и въ моемъ воспоминаніи они являются прекрасными цвѣтами, сохранившими между страницами книги жизни нѣжныя очертанія и запахъ.

XLVII

Отъѣздъ Эссена.—Охота.—Архитекторъ Шохинъ.—Я ухожу изъ штаба.

Штабная жизнь въ Елизаветградѣ шла безъ измѣненія. Однажды я получилъ повѣстку прибыть такого то числа въ полной парадной формѣ на квартиру дежурнаго штабъ-офицера полковника Громовскаго. Отсюда вмѣстѣ съ начальникомъ штаба во главѣ мы отправились въ гостинницу откланяться отбывающему въ Петербургъ по случаю полученія гвардейской кирасирской дивизіи генералъ лейтенанту Эссену.

Выразивъ признательность всѣмъ за вниманіе, генералъ обратился ко мнѣ со словами: „при вашемъ производствѣ я уже имѣлъ случай благодарить васъ за службу въ моей дивизіи. Я буду очень радъ, если случай дастъ мнѣ возможность доказать это на дѣлѣ. Je vous porterai toujours dans mon coeur“.

Не взирая на высказанное мнѣ полное несочувствіе Сакеновъ къ ружейнымъ и инымъ охотникамъ, я, какъ мы видѣли, при возможности пользовался всякимъ случаемъ убѣжать на охоту. Такъ раннею весною я отправился въ казенный садъ, примыкавшій къ саду Эмануэлей и перерывавшійся огородами. Вальдшнеповъ оказалось достаточно, но въ густомъ вишнякѣ стрѣлять было трудно, и я на этотъ разъ стрѣлялъ очень плохо. Давши новый промахъ по вальдшнепу, я вдругъ услыхалъ что-то вродѣ плача и затѣмъ громкій порывистый говоръ. Опасаясь связи этого явленія съ какой либо бѣдой, причиненной моимъ выстрѣломъ, я сначала сквозь вишнякъ добрался до плетня, а когда перелѣзъ черезъ него, то увидалъ нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ, столпившихся около воющей бабы.

Хотя отъ самаго плетня до группы на огородѣ было по крайней мѣрѣ сто шаговъ, тѣмъ не менѣе я подумалъ: „чѣмъ врагъ не шутитъ? баба воетъ, закрывъ лицо руками: не попала ли шальная дробина ей въ глазъ“. Подхожу; огородники оказались русскими, а бабы хохлушками.

— Что случилось? спросилъ я.

— Да вотъ, ваше бл—іе, сказалъ старшій огородникъ: въ самую бабу втрафили. Извольте посмотрѣть.

При этомъ онъ схватилъ рукою воротъ рубашки воющей бабы и, сдвинувъ его книзу, показалъ на спинѣ ея посинѣвшій слѣдъ дробины. Поднявъ воротъ на прежнее мѣсто, я на холстинѣ рубашки увидалъ мѣсто, обозначенное обезсиленной дробинкой. Дробина очевидно ударила въ полотно и отвалилась. Я совершенно успокоился. Но не такъ легко было успокоить бабу.

— Ты видишь, говорилъ я огороднику: на рубашкѣ никакой скважины нѣтъ, а только синеватое пятнышко отъ свинца. Стало быть бѣды никакой нѣтъ.

— Оно такъ то такъ, отвѣчалъ огородникъ: а ну какъ она тамъ по подкожью въ нутро прошла, и баба на все лѣто останется не работница.

Конечно, при такой философіи вой и всхлипыванія бабы удвоялись.

— Ну хорошо, обратился я къ самой паціенткѣ: бѣды тебѣ никакой нѣтъ. Но что же нужно, чтобы ты не голосила?

— У-у-у! сквозь слезы провыла баба: два карбованци.

Въ тѣ времена мы получали жалованье не иначе какъ звонкой монетой. И такъ какъ я держусь правила не выходить со двора безъ кошелька, то два цѣлковыхъ тотчасъ были вручены по принадлежности, и плачъ мгновенно прекратился.

Моя гнѣдая пара лошадей стала между елизаветградскими евреями притчей во языцѣхъ.

— Ты слысялъ, дрозка Фетъ опеть на боку и лосади поймалъ на больсой улицы.

При послѣдней подобной продѣлкѣ я самъ лежалъ нѣсколько минутъ ошеломленный около опрокинутыхъ дрожекъ. Но этотъ ударъ имѣлъ и хорошее послѣдствіе. Еще на студенческой скамьѣ Ап. Григорьевъ, съ наслажденіемъ набивавшій свой носъ табакомъ, пріучилъ и меня къ этому зелью. А какъ кавалеристу въ то время трудно было прятать при себѣ табакерку, то я обзавелся небольшой агатовой. Тѣмъ не менѣе въ интересахъ бѣлаго колета я не разъ пытался

бросить табакерку, но не выдерживалъ характера. На этотъ разъ ударъ со всего размаха объ земь хотя и на немощеной улицѣ, расплющивъ рукоятку палаша, разбилъ на мелкіе куски и мою табакерку. Я понялъ, что сама судьба не велитъ мнѣ нюхать и бросилъ эту неопрятную привычку.

Между тѣмъ подошла весенняя елизаветградская ярмарка, отличавшаяся большимъ пригономъ скота и лошадей. Вывелъ и я своихъ гнѣдыхъ и, помнится, продалъ ихъ не съ убыткомъ. Къ ярмаркѣ появились и Бржесскіе, такъ какъ и съ ихъ верховаго завода было приведено нѣсколько лошадей на продажу.

Не желая оставаться безъ лошадей, я присмотрѣлъ пару караковыхъ, вершка по три, и не довѣряя собственному знанію, просилъ Бржесскаго взглянуть на мою покупку. Ал. Ѳед. остался доволенъ моимъ выборомъ и сказалъ, что лошади недороги и мнѣ послужатъ.

Дѣйствительное не всегда вѣроятно. Справедливость этого изреченія еще разъ подтвердилась при постройкѣ дворца въ Елизаветградѣ, о которой я уже говорилъ раньше. На этомъ громадномъ сооруженіи, требовавшемъ нѣсколько разъ новыхъ ассигновокъ со стороны казны, не взирая на возведеніе его домашними средствами поселенія, сосредоточены были всѣ заботы неутомимаго начальника штаба В. О. фонъ-деръ-Лауница. Главнымъ строителемъ былъ надворный совѣтникъ штатскій инженеръ Шохинъ, и кромѣ того для наблюденія за работами прибылъ изъ Петербурга полковникъ Мельцеръ, о которомъ я уже говорилъ.

Свѣтлорусаго Шохина, человѣка среднихъ лѣтъ, обязательно появлявшагося при нашихъ офиціальныхъ представленіяхъ у начальника штаба и у корпуснаго командира,—я не могъ не знать, хотя на квартирѣ у него ни разу не былъ. А небольшая бѣлокурая съ рыжеватымъ отливомъ жена его весьма рѣдко появлялась на балахъ въ собраніи.

Помнится, зданіе было возведено въ три этажа. И такъ какъ матеріалъ подавался на постройку со всѣхъ концевъ по лѣсамъ, приложеннымъ въ обширныя окна,—понятно, что всѣ ревизоры, въ томъ числѣ и начальникъ штаба, входили въ зданіе по лѣсамъ. Но кто повѣритъ, что однажды при

новомъ осмотрѣ фасада оказалось, что въ огромномъ дворцѣ нѣтъ нигдѣ дверей.

Разсказывала мнѣ Сливицкая, хорошо знавшая Шохину, что когда бѣдный Шохинъ узналъ о своемъ недосмотрѣ, то, вернувшись домой, схватилъ себя за голову и сталъ восклицать: „дверей нѣтъ! не понимаю! голова трещитъ, мозгъ вытекаетъ!“ Никакія усилія жены не могли его отвлечь отъ этой роковой мысли, и къ вечеру онъ сошелъ съ ума, а черезъ два дня умеръ.

Такъ какъ въ теченіи лѣта не произошло ничего новаго въ моей штабной жизни, то перехожу къ ея окончанію.

Однажды начальникъ штаба позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и поручилъ провѣрить въ нѣсколькихъ уланскихъ волостяхъ какія то отчетности. Въ настоящую минуту я не помню предмета моей повѣрки. Принимали меня въ этихъ волостяхъ дѣйствительно съ любезностями со стороны хозяевъ и хозяекъ, близко напоминавшихъ сцены изъ Гоголевскаго Ревизора.

Помню однако, что я записывалъ собственноручно все найденное и провѣренное мною и, составивши формальный докладъ уже въ Елизаветградѣ, явился съ нимъ къ генералу.

— Nun, haben sie wieder Recht viele Schweinereien endekt, (Ну вѣрно вы снова открыли множество свинствъ), сказалъ вполголоса генералъ, пристально смотря мнѣ въ лицо.

Эти слова меня совершенно ошеломили. Вопервыхъ, выраженіе „снова“ могло относиться развѣ къ предшествовавшимъ мнѣ ревизорамъ, такъ какъ я ѣздилъ впервые. Вовторыхъ, я не подозрѣвалъ обязанности раскрывать что либо, кромѣ спеціальнаго моего порученія, и наконецъ я не могъ понять, какими путями я могъ, не будучи уполномоченъ, принимать какія либо жалобы, открывать какія либо злоупотребленія по волостямъ. На заискивающій взглядъ и вопросъ генерала, я лаконически отвѣтилъ: „ничего не видалъ ваше пр—ство“.

Къ концу лѣта въ штабѣ открылась вакансія старшаго адъютанта, и конечно я былъ увѣренъ, что надѣну адъютантскій мундиръ. Каково же было мое изумленіе, когда я узналъ, что на это мѣсто вытребованъ и утвержденъ бывшій нашъ

юнкерскій командиръ поручикъ Критъ. При этой вѣсти мнѣ пришло въ голову любимое выраженіе Гайли: „für einen jungen Menschen giebt es nichts nobleres, als die Fronte“. И я подалъ формальный рапортъ объ отчисленіи меня въ полкъ.

— Какъ жаль! сказалъ мнѣ Дм. Ер., я слышалъ, вы оставляете нашъ штабъ.

Я прямо указалъ на назначеніе Крита и прибавилъ: „мнѣ кажется, ваше выс—пр—ство, неудобнымъ служить, не умѣя угодить ближайшему начальнику“.

— Какъ мнѣ ни жаль, что вы насъ покидаете, но думаю, вы совершенно правы, отвѣчалъ Сакенъ.

И я, раскланявшись со штабомъ, отправился въ полкъ.

Задумавъ разстаться съ городской жизнью, я успѣлъ промѣнять свои дрожки на плетеную бричку. Въ южныхъ степяхъ, гдѣ проселочныя дороги нарѣзаны воловыми фурами, парная плетеная бричка (нетычанка) самый легкій, вмѣстительный и сравнительно покойный экипажъ.

Проѣздомъ черезъ новую Прагу я засталъ у знакомаго офицера Ольденбургскаго полка полковника Тимковскаго.

— Такъ вы оставили корпусный штабъ? спросилъ Тимковскій.—Почему?

— Я убѣдился, что прямымъ путемъ тамъ успѣха добиться трудно.

— Отчего же вы не попробовали кривымъ? сказалъ ничемъ не затрудняющійся Тимковскій.

XLVIII

У Бржесскихъ.—Свадьба Золотницкой.—Дородные.—Балъ въ Александріи.—Свадьба Левтикъ Кашириной.

Еще изъ новой Праги я имѣлъ возможность дать знать Бржесскимъ, что дня черезъ два непремѣнно постараюсь побывать у нихъ. Въ Крыловѣ вѣчно пребывающаго въ Одессѣ Энгельгардта я разумѣется не засталъ и легко испросилъ разрѣшенія любезнаго Небольсина уѣхать къ Бржесскимъ.

Надо замѣтить, что отъ нашего Крылова и до Березовки Бржесскихъ 60 верстъ, и я никогда почти дорогой не кормилъ, а останавливался иногда на полчаса у знакомаго мнѣ 60-ти лѣтняго барчука Таловой Балки. Но по большей части моя добрая пара степняковъ легко въ 6 часовъ пробѣгала это пространство.

Не смотря на предупрежденіе, въѣзжая во дворъ и заворачивая къ крыльцу Березовскаго дома, я сильно боялся не застать хозяевъ, которые по временамъ бывали у сосѣдей, а иногда даже за Елизаветградомъ у матери Александры Львовны.

— Дома господа? спросилъ я выбѣжавшаго на крыльцо бѣлокураго Нестерку въ синемъ казакинчикѣ съ красными патронами на груди.

— Дома, весело отвѣчалъ мальчикъ, и схвативъ въ передней, въ которую я вошелъ, щетку, началъ обмахивать съ меня пыль.

— Пожалуйте, сказалъ онъ, растворяя обѣ половинки двери въ залу, служившую вмѣстѣ столовой, и глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина.

Прелестная Александра Львовна стоитъ съ подносомъ со стаканами а Алексѣй Ѳедоровичъ, ставши на одно колѣно, подымаетъ передо мною въ рукѣ бутылку Редерера.

По одному этому дружескому форсу можно судить о радости нашей встрѣчи. Не знаю почему, но въ этотъ періодъ моей жизни моя муза упорно безмолвствовала; зато мой

другъ Алексѣй Ѳедоровичъ кипѣлъ разными эпическими затѣями и начинаніями и походилъ въ этомъ отношеніи на всѣхъ поэтовъ, выше всего ставящихъ послѣднее неоконченное твореніе.

Въ то время стихотворною формою владѣли только немногіе, а Бржесскій прекрасно ею владѣлъ. У Гербеля сохранился милый переводъ Бржесскимъ стихотворенія, найденнаго въ библіи Байрона.

Въ этотъ пріѣздъ онъ прочелъ мнѣ слѣдующее стихотвореніе. Не знаю, было ли оно гдѣ нибудь напечатано:

Какъ дорожу я восторгами встрѣчи!
Какъ мнѣ отрадно въ вечерней тиши
Слушать твои вдохновенныя рѣчи,
Отзвукъ прекрасной и чистой души.
Какъ дорожу я подобнымъ мгновеньемъ,
Въ эти бъ минуты душѣ отлетѣть,
Сбросивъ земное, къ нагорнимъ селеньямъ....
Въ эти минуты легко умереть.

— Знаете ли вы новость, спросила меня хозяйка: наша, чтобы не сказать ваша, милая Софочка Золотницкая выходитъ замужъ за извѣстнаго вамъ своею шумливостью офицера принца Альберта полка Есиповскаго, про котораго философствующій нѣмецъ фонъ Брунстъ говоритъ, что это настоящій русскій „буяръ“. Надѣюсь, вы поживете у насъ, и на слѣдующей недѣлѣ мы вмѣстѣ поѣдемъ къ Каневальскимъ на свадьбу.

— Но со мной нѣтъ бальнаго оберрока.

— Ничего, мы пошлемъ за нимъ къ вашему человѣку.

Въ назначенный день мы дѣйствительно поѣхали на свадебный пиръ. Всегда красивая въ своихъ темнорусыхъ локонахъ Софья Михайловна была замѣчательно мила въ свадебномъ нарядѣ. Вечеромъ начались танцы подъ звуки полковаго оркестра, и Софья Михайловна привела меня въ отчаяніе, объявивъ, что будетъ танцовать со мною мазурку. Зная, какую радость доставитъ подобная фантазія злоязычію, я чуть не на колѣняхъ упросилъ новобрачную отказаться отъ выходки, могущей не понравиться вопервыхъ ея родственникамъ, хозяевамъ дома. Но все, слава Богу, обош-

лось самымъ обычнымъ образомъ. Желая обозначить празднество какимъ либо экономическимъ событіемъ, старикъ Каневальскій вспомнилъ про зарытыхъ за 20 лѣтъ въ первый годъ винокуренія его завода двѣ бочки очищенной водки. Отрыли одну изъ нихъ и торжественно собрались пробовать драгоцѣнную влагу, которая оказалась дѣйствительно красноватаго цвѣта старой водки, но только простою водой.

Въ описываемое время мнѣ, какъ строевому офицеру, кромѣ временнаго отбыванія карауловъ не обязанному никакою спеціальностью, всего свободнѣе было навѣщать моихъ добрыхъ Бржесскихъ и притомъ знакомиться съ весьма образованнымъ кругомъ зажиточныхъ помѣщиковъ Александрійскаго уѣзда. Какъ ни старался Дм. Ероф. оживить общество общественными балами, но никогда Елизаветградское собраніе не могло по блеску задушевной семейности и изящной свободѣ поспорить съ Александрійскимъ. Помѣщики не поскупились на постройку великолѣпнаго дома собранія. Кромѣ обширной залы съ хорами, въ собраніи было нѣсколько просторныхъ комнатъ для ломберныхъ столовъ и даже большая комната съ прекраснымъ роялемъ. Въ концѣ амфилады находилась зала для ужиновъ, гдѣ въ альковѣ за за длиннымъ прилавкомъ торговала услужливая и ловкая еврейка, арендаторша буфета. Тамъ въ вазахъ со льдомъ торчали соблазнительныя горлышки Редерера, за который въ тѣ счастливыя времена мы платили три рубля. На хорахъ во время баловъ постоянно игралъ превосходный домашній оркестръ красавицы вдовы генерала Красовскаго. Конечно я познакомился со всѣми красавицами, которыхъ перечислять было бы излишне. Но не могу не остановиться на сосѣднемъ съ Бржесскими семействѣ Дородныхъ. Образованный и красивый мужъ любилъ хорошо пожить и умѣлъ принять гостей съ достоинствомъ, причемъ прелестная брюнетка жена его представляла главный магнитъ. Мужъ, вполнѣ въ ней увѣренный, давалъ ей полную свободу, не измѣняя по отношенію къ ней искательной любезности, съ которою обращался ко всѣмъ женщинамъ. Не поминая никого изъ поклонниковъ Варвары Андреевны, скажу только, что я никогда не былъ въ нее серьезно влюбленъ, но при каждомъ

съ нею свиданіи мгновенно подпадалъ подъ ея неотразимую власть. Въ семейной средѣ Бржесскихъ она играла самую значительную роль. Нельзя было не замѣтить, что поэтъ, искренно любившій красавицу жену, носилъ въ груди горячую рану, нанесенную черными глазами Варвары Андреевны. Только на балахъ—

„Подъ звуки музыки и пляски“....

— я давалъ полную свободу своему ухаживанію. Въ гостиной, въ присутствіи Бржесскаго я старался сдерживаться ради друга. До сей минуты никто никогда не догадывался, что мое стихотвореніе—

„Я знаю, гордая, ты любишь самовластье“....

— написано къ ней.

Не стараясь заглянуть на дно истины, перескажу сцену которой я былъ свидѣтелемъ. Мы сидѣли втроемъ съ Бржесскими въ кабинетѣ хозяйки, когда мимо насъ къ крыльцу проѣхала щегольская вѣнская коляска, и слуга войдя доложилъ: „В. А. Дородная“. Приподымаясь съ кресла, чтобы встрѣтить гостью въ залѣ, Ал. Льв. взглянула на меня многозначительнымъ взоромъ и затѣмъ увела пріѣзжую въ гостиную, куда черезъ минуту послѣдовалъ и Ал. Ѳед. Оставшись одинъ, я колебался: идти мнѣ туда или нѣтъ? Войдя въ гостиную и раскланявшись, я скоро возвратился въ кабинетъ и сталъ просматривать какой то кипсекъ. Черезъ нѣсколько минутъ я разслыхалъ что то вродѣ рыданій. Теперь, подумалъ я, ни за что не пойду туда. Мнѣ показалось, что хозяйка ушла изъ гостиной вѣроятно въ спальню, а черезъ минуту Ал. Ѳед. съ раздувающимися ноздрями, какъ у Аполлона Бельведерскаго, вошелъ въ комнату и судорожно закинувъ мнѣ руку за шею, продекламировалъ:

Не женися молодецъ,
Слушайся меня!
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Черезъ полчаса коляска снова проѣхала отъ крыльца за ворота.

Хотя обычный сезонъ баловъ въ Александріи начинался позднею осенью, но бывали балы и лѣтомъ. Кѣмъ и какъ это рѣшалось, я никогда не любопытствовалъ знать. Бржесскіе обыкновенно одѣвались на балъ дома и въ каретѣ доѣзжали за 7 верстъ до Александрійскаго собранія. Однажды наканунѣ объявленнаго бала мы мирно ужинали въ залѣ, когда казачекъ подалъ мнѣ конвертъ съ казенной печатью. Сердце мое болѣзненно сжалось, и не безъ основанія. Сорвавъ печать, я прочелъ: „по приказанію командира полка, полковая канцелярія покорнѣйше проситъ ваше бл—діе немедля прибыть въ штабъ“.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросили мои хозяева.

— Въ пять часовъ утра сѣсть въ мою нетычанку и катить за 60 верстъ въ полкъ.

— Да что же за экстра такая? Нельзя ли обождать одинъ день?

— Я не позволяю себѣ ни малѣйшихъ уклоненій отъ службы и долженъ ѣхать.

— Ну идите спать въ кабинетъ Ал. Ѳед., а къ пяти чамъ кофей будетъ ожидать васъ.

Утро было свѣжее, и въ половинѣ 12-го я уже былъ въ Крыловѣ на своей квартирѣ. А пока кучеръ водилъ лошадей, я отправился къ Небольсину.

— Какой вы, Ник. Ив., злой человѣкъ, сказалъ я адъютанту: вѣдь сегодня въ Александріи балъ; ну что бы вамъ съ вашей бумагой обождать до завтрашняго дня!

— Вольно же было вамъ такъ торопиться, отвѣчалъ сдержанный Коко.

— Такъ стало быть можно до завтра уѣхать?

— Конечно можно.

Вернувшись домой, я напрасно разсылалъ слугу во всѣ стороны, чтобы раздобыться лошадьми за какую бы то ни было цѣну: офицеры разобрали все, на чемъ можно было доѣхать. Неужели я одинъ долженъ былъ понапрасну изнывать? Развѣ нельзя до четырехъ часовъ покормить лошадокъ и затѣмъ обратно пуститься къ Бржесскимъ и съ ними доѣхать

до собранія? Когда я объявилъ о своемъ рѣшеніи кучеру, онъ и руками развелъ, но я былъ неумолимъ. Приказавъ уложить бальный мундиръ въ небольшой чемоданчикъ, я въ 4 часа дня снова рысцою отправился въ путь. Все шло отлично, но съ захожденіемъ солнца сухая и легкая для лошадей погода измѣнилась, и пошелъ дождь, къ 9-ти часамъ разгрязнившій дорогу и покрывшій степь непроглядным мракомъ. Добрые, но усталые кони уже требовали понуканія, а я промокшій утѣшался мыслью, что кожа чемодана сохранитъ сухимъ мое бальное платье. Но всему бываетъ конецъ, и вотъ въ полумракѣ мы различаемъ широкую улицу передъ спящимъ Березовскимъ домомъ, у воротъ котораго сторожъ Пахомъ подъ дождемъ бьетъ въ чугунную доску.

— Дома господа? кричу я ему.

— Нема.

— Гдѣ же они?

— Уѣхали до Александріи.

Неужели почти у цѣли странствованія я долженъ потерпѣть неудачу?

— Трогай въ Александрію, сказалъ я кучеру, и по шлепающей грязи мы отправились за 7 верстъ, которыя вмѣсто получаса проѣхали по крайней мѣрѣ часа полтора.

Въ единственной убогой жидовской гостинницѣ я тоже никого не засталъ.

Извозчиковъ тогда въ Александріи не водилось, и поневолѣ пришлось за версту ѣхать въ собраніе на парѣ, пробѣжавшей въ одинъ день 127 верстъ. При помощи жиденка, державшаго передо мною сальный огарокъ и мое походное зеркальце, я наскоро окончилъ свой туалетъ и съ раскраснѣвшимся отъ вѣтра и дождя лицомъ вошелъ въ танцевальную залу. Привѣтливое изумленіе добрыхъ знакомыхъ, помирившихся уже съ мыслью о моемъ отсутствіи, вполнѣ вознаградило меня за перенесенныя невзгоды.

На другой день, разсчитывая на снисхожденіе Небольсина, я далъ отдохнуть моей доброй парѣ, которая, кстати сказать, кромѣ усталости, нисколько не пострадала отъ необычайныхъ переѣздовъ.

За послѣднюю зиму моего пребыванія въ Елизаветградѣ въ полку случилось, между прочимъ, слѣдующее.

Давно наши записные охотники, съ Крюднеромъ во главѣ, познакомились съ молодымъ сосѣднимъ помѣщикомъ Вуичемъ, вышедшимъ изъ Кіевскаго университета, для того чтобы въ имѣніи богатой своей матери, по сосѣдству съ Каширинской Тясьминкой, предаться любимой охотѣ. Мать, обожавшая единственнаго сына, давала ему полную свободу и средства держать гончихъ и борзыхъ и угощать пріятелей охотниковъ хорошими ужинами съ обильными возліяніями. Мы помнимъ, какъ влюбленный въ Левтика Крюднеръ плакалъ ночью подъ дождемъ въ нетычанкѣ. Это не мѣшало ему ясно понимать, что по неимѣнію ничего, кромѣ жалованья, онъ не могъ сдѣлать дѣвушкѣ формальнаго предложенія. Давно уже бѣдный Николай Каширинъ скончался отъ чахотки. И игривый Крюднеръ, желая въ свою очередь подтрунить надъ Рапомъ, сталъ прибавлять къ репертуару своихъ игривыхъ пѣсенъ новую:

Тили, тили тѣсто,
Левтикъ невѣста;
Тили, тили шокъ,
Рапъ женишокъ.

Желая замужствомъ любимицы семьи хотя бы отчасти отплатить за радушное гостепріимство, Крюднеръ ввелъ въ домъ Кашириныхъ молодаго Вуича. И неудивительно, что полумальчикъ Вуичъ увлекся прелестнымъ Левтикомъ. Ловкая полька Каширина рада была выдать дочь за богатаго человѣка, сдѣлавшаго въ скорости формальное предложеніе. Но самъ Каширинъ, узнавъ, что мать Вуича наотрѣзъ отказала сыну въ разрѣшеніи на бракъ, пришелъ въ негодованіе и запретилъ домашнимъ даже вспоминать о молодомъ человѣкѣ, которому отказалъ отъ дому.

Не добившись уступокъ отъ матери, Вуичъ, навѣщая полковыхъ пріятелей, горько жаловался на судьбу. Увѣренная въ согласіи Кашириной, молодежь рѣшилась помочь тоскующему пріятелю. Разыскали въ окрестности податливаго священника, и зимнею ночью, съ содѣйствіемъ матери невѣсты, двойная рама барышниной спальни была выставлена,

и одѣтая къ вѣнцу Левтикъ сдана на руки офицерамъ, которые на рукахъ донесли ее до ожидавшихъ у калитки сада саней.

Узнавши на другой день о случившемся, старикъ Каширинъ воскликнулъ: „что вы со мной сдѣлали! зачѣмъ вы опозорили мою сѣдую голову, — насильно навязали мою дочь!“ Онъ впалъ въ уныніе, пересталъ курить свою неугасимую сигару, захирѣлъ и черезъ двѣ недѣли скончался.

Молодые на первыхъ порахъ не были приняты матерью новобрачнаго и прожили дня два у офицеровъ; но подъ конецъ мать простила ихъ, и они отправились жить въ имѣніе.

XLIX

Холера.—Дежурство въ госпиталѣ.—Лѣкарство Головина. — Мое переселеніе въ эскадронъ.—И. П. Безрадецкій.

Должно быть Небольсинъ очень обрадовался моему появленію въ безлюдномъ штабѣ и тотчасъ же назначилъ меня дежурнымъ по госпиталю. Это было большое каменное зданіе въ одинъ этажъ, выходящій главнымъ фасадомъ на широкую улицу, ведущую отъ полковой церкви и канцеляріи мимо городскаго сада къ заставѣ, за которой находился знакомый намъ манежъ и конюшня втораго взвода. Противъ госпиталя близъ входа въ расположенный по горѣ казенный садъ, былъ крытый огромнаго размѣра колодезь, съ прозрачною какъ кристаллъ и холодною какъ ледъ водою. Не могу, если не съ ужасомъ, то не безъ гадливости вспомнить мѣсяца, проведеннаго мною на дежурствѣ черезъ день въ госпиталѣ. Подходя къ его воротамъ или главному входу, трудно было не увидать конныхъ или воловыхъ фуръ съ подвезенными холерными больными, или не встрѣтить подводы съ тремя четырьмя заколоченными гробами, отправляющейся по направленію къ кладбищу. Но всего тяжелѣе

для меня было проходить по обязанности рядъ больничныхъ залъ, такъ какъ тошнота и рвота немедля возбуждаютъ во мнѣ то же самое, а тутъ сидѣлки во всѣхъ палатахъ держатъ головы людей, страдающихъ холерными припадками, и никакая вентиляція не можетъ достаточно освѣжить комнатъ, пропитанныхъ противнымъ запахомъ. Надо прибавить, что и на дворѣ жара и духота были страшныя, и въ довершеніе удобства по обходѣ госпиталя въ первое время и сѣсть было негдѣ. Оказалось, что въ дежурной комнатѣ большой кожаный диванъ для прочности обивки и сохраненія вида смазывался солдатикомъ сажею на салѣ. Быть можетъ, прежніе дежурные по обходѣ палатъ никогда не оставались въ госпиталѣ, а потому и не садились на диванъ; но я, заставивши служителя по возможности счистить смазку, послалъ его къ себѣ на квартиру за простынею, и имѣлъ уже возможность, снявши каску, прилечь даже на ночь на диванъ. не снимая палаша и шарфа. нерѣдко попадавшаго подъ бокъ двумя своими колчушками. Зато внезапно появившееся начальство могло бы встрѣтить меня въ надлежащей дежурной формѣ, принадлежности которой иногда позволяли себѣ снимать не только дежурные по госпиталю, но и караульные офицеры на гауптвахтѣ.

Невольно приходитъ на память анекдотъ, слышанный мною на самомъ мѣстѣ происшествія въ Новой Прагѣ. Однажды пріѣхавшій туда во время дивизіоннаго кампамента Дм. Ер., проходя мимо гауптвахты, послалъ адъютанта сказать часовому, чтобы тотъ не звонилъ, и неожиданно прошелъ черезъ сборную комнату и отворилъ дверь въ офицерскую. Здѣсь онъ увидалъ слѣдующую сцену. Раздѣвшійся до бѣлья корнетъ лежалъ на диванѣ, а выводной солдатикъ стоялъ надъ нимъ съ липовою вѣткой, обмахивая мухъ. Можно себѣ представить, въ какомъ ужасѣ старался подскочить корнетъ, увидавъ корпуснаго командира.

— Лежите, преступникъ, тихо проговорилъ Дм. Ероф., иначе плохо вамъ будетъ. Что же ты такъ дурно обмахиваешь мухъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ солдатику: гони, гони, видишь на носъ корнета сѣла. Не позволяй имъ безпокоить корнета. Повторяю вамъ, лежите, преступникъ!

Продержавши такимъ образомъ преступника съ четверть часа подъ усерднымъ обмахиваніемъ мухъ, генералъ круто повернулся и вышелъ съ гауптвахты.

Подъ судъ корнета онъ не отдавалъ, но не забылъ сказать ему, что въ военное время онъ былъ бы разстрѣлянъ.

Хотя говорили, что во время холеры надо избѣгать сырой воды, но подъ палящимъ лѣтнимъ зноемъ я только и отводилъ душу частыми опоражниваніями громадной оловянной кружки, въ которой солдатикъ приносилъ мнѣ воду изъ холоднаго колодца. Не такъ спасались отъ жары и холеры другіе, въ этомъ я убѣждался каждый разъ, когда заходилъ въ ближайшій къ госпиталю казенный домикъ, занимаемый знакомымъ намъ витіеватымъ ротмистромъ Головинымъ. У послѣдняго въ штофахъ настаивался спиртъ стручками краснаго перца. Угощалъ Головинъ этой настойкой и меня, но каждый разъ послѣ глотка этой эссенціи углы губъ моихъ долго горѣли, какъ обожженные. Не такъ относился къ лѣкарственной влагѣ приходившій лѣчиться фельдшеръ Пошехоновъ. Можно было повѣрить, что дѣйствительно настойка имѣла цѣлебную силу, такъ какъ я ни разу не видалъ, чтобы паціенты ослабѣвали при частыхъ и значительныхъ пріемахъ лѣкарства.

Если холера представляла мнѣ много отталкивающихъ картинъ въ дежурные дни, то не менѣе неопрятной являлась она и на слѣдующій свободный.

Изъ оконъ моей квартиры съ одной стороны черезъ низкій заборъ виднѣлись окна сосѣдняго дома, а съ другой черезъ улицу окна противоположныхъ домовъ. Помню, что въ окно черезъ заборъ головою ко мнѣ лежалъ покойникъ въ ожиданіи своего выноса, и мухи усердно роями неслись изъ его окна къ моему. То же самое происходило и въ окнѣ черезъ улицу. Почему домашніе подвигали своихъ покойниковъ къ окнамъ, сказать не умѣю. Передъ окнами моими раздается погребальное пѣніе, и идутъ два или три священника въ ризахъ.

— Кого это хоронятъ? спросилъ я слугу.

— Да нашего отца Никандра, былъ отвѣтъ.

— Да вѣдь вчера, когда я шелъ въ госпиталь, онъ въ ризѣ провожалъ покойника.

— Точно такъ, а сегодня и самого понесли. Холерныхъ то долго не держатъ.

Однажды придя домой, я засталъ слугу и кучера больными холерой, такъ что ни тотъ, ни другой встать не могли, и мои караковыя стояли безъ корма и безъ пойла.

Колодезь былъ на сосѣднемъ дворѣ, и отвязавши лошадей я съ желѣзнымъ ведромъ въ рукахъ отправился на водопой, а затѣмъ набравши сѣна заложилъ его голоднымъ конямъ, а тревожить больныхъ разыскиваніемъ овсянаго куля не захотѣлъ.

Такъ какъ въ поселенныхъ полкахъ у насъ было принято, что эскадронные командиры даютъ своимъ офицерамъ фуражъ не только на верховыхъ, но и на упряжныхъ лошадей, то по окончаніи дежурства я тотчасъ отправился въ селеніе Стецовку, въ третій эскадронъ, въ который былъ зачисленъ. Своеобразный проказникъ, охохлачившійся ирландецъ Оконоръ принялъ меня, дружелюбно подхихикивая. И такъ какъ въ то время мы оба были холостые, то безотлагательно повели общее хозяйство. Онъ же познакомилъ меня съ весьма оригинальнымъ субъектомъ, не служащимъ дворяниномъ, старшимъ братомъ двухъ нашихъ Безрадецкихъ.

Перевалившій за 50 лѣтъ Иванъ Безрадецкій остался недорослемъ поневолѣ, такъ какъ въ двухъ-лѣтнемъ возрастѣ ослѣпъ отъ оспы, глубокіе слѣды которой сохранилъ на лицѣ до старости. Это не мѣшало ему плыть по жизненнымъ волнамъ съ полнымъ воодушевленіемъ и отвагою, которымъ могъ бы позавидовать иной зрячій.

Небольшое нераздѣленное имѣніе Безрадецкихъ, въ которомъ жилъ слѣпой, не могло приносить значительныхъ доходовъ, но Иванъ лично для себя держалъ грамотнаго мальчика Ѳедюшку, который, сидя съ нимъ рядомъ въ бричкѣ, сопровождалъ его во всѣхъ поѣздкахъ въ гости, а дома усердно читалъ ему вслухъ все, начиная съ библіи и четь-миней до литературныхъ журналовъ, которыми слѣпой пользовался изъ нашей полковой библіотеки при посредствѣ знакомыхъ офи-

церовъ. Тѣмъ не менѣе Иванъ Петровичъ любилъ говорить: „я эту книгу читалъ“. Любилъ онъ также присутствовать при конныхъ одиночныхъ ученіяхъ, производимыхъ Оконоромъ на плацу.

— Отъ сежъ, говаривалъ онъ по окончаніи ученія: нынче эскадронъ учился хорошо.

Когда я рискнулъ спросить его, почему онъ это полагаетъ, Иванъ Петровичъ отвѣчалъ: „внимательно брали дистанціи; я хорошо слышу конскій топотъ прямо передъ собою. И если онъ равномѣрно замѣняется слѣдующимъ, то значитъ есть строгое вниманіе и нѣтъ суеты. И кони то одномѣрно въ ладъ бьютъ ногами. Хорошо“!

Однажды заѣхавъ къ намъ, Иванъ Петровичъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать.

— Хоть тутъ и недалеко, говорилъ онъ, а всетаки садитесь ко мнѣ въ бричку; веселѣе будетъ дорогою вмѣстѣ.

Когда деревня и усадьба Безрадецкихъ стала видна, Иванъ Петровичъ, словно кто нибудь ему объ этомъ сказалъ, воскликнулъ: „а что, Ѳедя, не сгорѣла ли наша хата“? и успокоился только, когда мальчикъ сказалъ: „цѣла“.

Слѣпой былъ отчасти правъ, называя барскій домъ малороссійскимъ именемъ хаты. Дѣйствительно это была просторная выбѣленная хата, крытая тростникомъ. Съ лѣвой ея стороны, съ растворенною настежь дверью стояла еще небольшая хатка, оказавшаяся кухней. Въ самый домъ вели три яруса деревянныхъ ступенекъ, образовавшихъ нѣкотораго рода террасу.

— А что, господа, въ эдакую жару не слѣдуетъ отказываться до обѣда отъ дынь и арбузовъ. Ѳедюшка, вели-ка подать больше, да получше, да тутъ же на ступенькахъ и будемъ съ ними расправляться.

— А холера? прихихикнулъ Оконоръ.

Это замѣчаніе не помѣшало даже ему самому насладиться наравнѣ съ нами дынями и арбузами со льду. Въ это время вдоль ограды двора два хохла подводили подъ руки третьяго охающаго.

— Что ты, Акимъ? крикнулъ Иванъ Петровичъ, узнавшій больнаго по голосу.

— Не сдужаю, панычко, глухо хрипловатымъ голосомъ отвѣчалъ больной.

— Отъ цей уже не буде живъ, прошепталъ наклоняясь ко мнѣ Ив. Петр.

Больнаго провели въ растворенную дверь кухни и, раздѣвши до нага, положили на его свиткѣ на глиняный полъ и принялись усердно растирать конскими щетками.

Какія безыскусственныя были, подумаешь, времена! Что сказала бы современная гигіена о томъ, что для растиранія смертельно больнаго холерой какъ нарочно была выбрана тѣсная кухня, изъ которой тотчасъ же понесли намъ обѣдъ. Но въ то время намъ и въ голову не приходило сопоставлять обѣ операціи: врачеванія и обѣда.

L

Сборы въ походъ.—Цынга.—Ночлегъ у дьячка.—Наша жизнь въ Красно селье.—Калиновскій.—Оконоръ.—Пари.

Давно уже распространился слухъ о нашемъ передвиженіи къ Австрійской границѣ, и Венгерскій походъ становился съ часу на часъ болѣе вѣроятнымъ по разнымъ примѣтамъ. Напримѣръ, по приказанію представить офицерскихъ деньщиковъ въ формѣ и съ парою вьючныхъ лошадей. Затѣмъ казначеи роздали офицерамъ по парѣ форменныхъ кобурныхъ пистолетовъ по 25 руб. за пару, причемъ пистолеты оказались не только не пристрѣленными, но нѣкоторые даже съ недосверленными стволами.

Слѣдующей весной мнѣ въ качествѣ дежурнаго по госпиталю пришлось быть очевидцемъ новой эпидеміи, распространившейся въ народѣ.

Цынга, которой, говорятъ, подвергаются мореходцы, и которая на сушѣ рѣдко является повальною болѣзнью, вдругъ дотого распространилась въ военныхъ поселеніяхъ между крестьянамп и войсками, что всѣ госпитали были перепол-

нены, и болѣзнь нерѣдко не уступала лѣченію и кончалась мучительною смертью, а весьма часто и гангренознымъ пораженіемъ членовъ, преимущественно ногъ, которыя приходилось отрѣзать, какъ на полѣ сраженія. Кушанья по возможности приправлялись хрѣномъ и уксусомъ, и край по Высочайшей волѣ былъ буквально заваленъ привозными черезъ Одессу лимонами. Не забуду удручающей сцены, которой я былъ свидѣтелемъ въ нашемъ госпиталѣ.

Врачи заподозрили красавца солдатика брюнета, выздоровѣвшаго отъ цынги и державшаго правую ногу согнутою въ колѣнѣ, въ притворствѣ, ради полученія отставки. Тогда хлороформъ только что пріобрѣлъ въ нашей медицинской практикѣ право гражданства. Госпитальные эскулапы рѣшили хлороформировать испытуемаго, который въ безсознательномъ состояніи не будетъ въ силахъ продолжать притворства. Съ какимъ страхомъ несчастный мальчикъ крестился, молился въ предчувствіи пытки. Ничего не помогло. Минуты черезъ три онъ впалъ въ полное безсознаніе и позволялъ фельдшерамъ разбрасывать его руки на подобіе мертвыхъ членовъ.

— Давай бинтовъ! крикнули доктора: выпрямляй кривую ногу и притягивай ее бинтами къ желѣзной кровати. Но при полной податливости лѣвой ноги, правая продолжала упорно хранить сгибъ колѣна подъ прямымъ угломъ.

— Какое притворство, вошедшее въ привычку и сохраняемое даже въ безсознательномъ состояніи! восклицали врачи: нечего на него глядѣть: разгибай ногу насильно и притягивай къ кровати.

Вмѣстѣ съ симъ два фельдшера наступили колѣнями выше и ниже колѣна, въ то время какъ два другихъ притягивали расправляемое колѣно къ пруту кровати.

— Ну, теперь надо его привести въ чувство: брызгай ему въ лицо холодной водой.

За вторымъ вспрыскиваніемъ въ палатѣ раздался такой мучительный вопль, что и мудрые эскулапы закричали фельдшерамъ: развязывай!

Послѣ этого больная нога согнулась еще болѣе прежняго. Это однако не помѣшало врачамъ придти къ заключенію, что

паціентъ, если его отдать къ строгому эскадронному командиру, откажется отъ своей уловки.

Но вотъ, наконецъ, къ осени наши поселенные уланы, расположенные по направленію къ Кіевской губерніи, тронулись къ сѣверо-западу, очищая намъ свои квартиры.

Не упомню въ настоящее время имени селенія, въ которомъ на первое время пришлось простоять нашему эскадрону два или три дня при передвиженіи къ уланскимъ поселеніямъ. Мнѣ отвели квартиру у дьячка недалеко отъ церкви, въ которой, какъ я слышалъ, вся внутренняя отдѣлка, первоначально менѣе удовлетворительная, была вмѣстѣ съ утварью обновлена щедротами императрицы Екатерины. Слухъ этотъ могъ отчасти объяснить мнѣ предметъ, встрѣченный мною въ небольшой, но весьма чистой комнатѣ, въ которой, за исключеніемъ моей желѣзной кровати, складнаго кресла и хозяйскаго столика, никакой мебели не было. Зато примыкавшій къ этой комнатѣ полутемный чуланъ былъ весьма оригиналенъ. Вѣроятно, крыша надъ чуланомъ, провалившись, потребовала радикальнаго исправленія, вслѣдствіе чего въ качествѣ переметовъ были положены неочищенные отъ коры толстые ракитовые сучья. Но и послѣ такой починки раздутая вѣтромъ солома на крышѣ допуска ладостаточно свѣту для болѣе долгаго сохраненія дождевой влаги, вслѣдствіе чего ракитовыя перекладины пустили сочные отростки и листья.

Такое устройство чулана заставляло моего слугу убирать къ одной сторонѣ наши пожитки на случай дождя.

Но неизгладимо въ теченіи почти 45 лѣтъ сохранилась въ моей памяти дверь въ этотъ чуланъ. Это была узкая живописная доска на петляхъ съ правильнымъ закругленіемъ наверху, подобно тому, какъ это бываетъ на боковыхъ дверяхъ иконостаса. На коричневомъ фонѣ явно яичными красками былъ изображенъ человѣкъ въ рваномъ темнозеленомъ кафтанѣ до колѣнъ, отъ которыхъ шли голыя и босыя ноги. Рыжеватый этотъ человѣкъ безъ шапки держалъ въ рукахъ колоду картъ, а затѣмъ слѣдовали стихи, въ которыхъ поэтъ старался быть разносторонне назидательнымъ при изображеніи блуднаго сына. Несомнѣнно, что поэтъ былъ книжный малороссъ. Стихи я запомнилъ съ наслажденіемъ:

„Былъ въ юности моей зело, зело богатый,
Но карты, блудъ, вино и родъ той свелъ проклятый,
Что нынѣ нагъ и босъ и всѣхъ исполненъ бѣдъ,
Нѣтъ денегъ у меня, нѣтъ куска хлѣба въ снѣдь“.

Такъ нашъ третій эскадронъ перешелъ въ Красноселье, а штабъ полка за 15 верстъ далѣе въ село Елизаветградку, штабъ Елизаветградскаго уланскаго полка. Намъ, т. е. эскадронному командиру ротмистру Оконору, корнету Романовичу и мнѣ, отведенъ былъ казенный эскадронный домикъ, состоявшій изъ довольно просторной кухни, передней, маленькой гостиной и просторной комнаты, которую я въ видахъ уваженія къ эскадронному командиру уступилъ подъ спальню Оконору, а самъ помѣстился въ гостиной, которая была такъ мала, что между двумя ея голландскими печами моя походная желѣзная кровать не помѣщалась, а надо было поставить ее наискосокъ. Но въ виду предстоявшей быть можетъ зимовки эти двѣ печи и вліяли на мой выборъ комнаты. Комнаты, о которыхъ я говорилъ, обращены были окнами на сельскую улицу; но рядомъ съ кухней была еще небольшая комната съ окномъ въ поле, какъ разъ противъ старой почернѣвшей деревянной церкви, стоявшей шагахъ въ двухстахъ уединенно среди окружавшаго ее погоста. Въ этой комнатѣ помѣщался Романовичъ. Обстановка наша не могла быть названа особенно удобною. Въ сравнительно большой комнатѣ Оконора, кромѣ его кровати, никакой мебели не было. Зато въ моей, кромѣ походной кровати, было и мое складное походное кресло и два деревянныхъ ящика для храненія касокъ. Оба ящика служили табуретами вокругъ небольшаго стола, на которомъ мы между прочимъ и обѣдали. Наблюдая справедливость, мы садились на мягкое кресло по очереди.

Алек. Алекс. Оконоръ, кромѣ таланта рисовать каррикатуры, былъ страстный охотникъ съ ружьемъ, съ гончими и преимущественно съ борзыми. Борзыя его славились во всемъ полку, и любимая пара почти не выходила изъ его спальни. Въ мою комнату собаки не допускались, зато пребываніе собакъ въ комнатѣ Оконора не осталось безслѣдно: онѣ выбили въ окнѣ стекло, которое Оконоръ не собрался вставить, а все время довольствовался тѣмъ, что заклеилъ окно бумагой.

Насчетъ стола мы пожаловаться не могли. Крѣпостной мальчикъ Оконора, лѣтъ 14, варилъ намъ отличные борщи и бульоны и превосходно жарилъ битки, ростбифы и картофель. Изъ недалекой Полтавской деревни Оконора его ключница присылала намъ всякаго рода соленья и варенья и, признаюсь, я никогда не ѣдалъ такихъ превосходныхъ пикулей. Имени Оконоровскаго мальчика не помню, такъ какъ онъ откликался на прозвище „Казакъ“. „Позвать Казака“, говорилъ иногда въ концѣ обѣда Оконоръ; и когда тотъ являлся, ротмистръ прибавлялъ: „вотъ сегодня, Казакъ, ты отлично говядину зажарилъ. Чтобы всегда такая была, а то высѣкутъ. Слышишь?“

— Слушаю.

И Казакъ продолжалъ вкусно насъ кормить.

Описаніе нашего эскадроннаго сожительства было бы не полно, если бы не упомянуть 15-ти лѣтняго отставнаго кантониста изъ дворянъ Калиновскаго. Не знаю, почему онъ вышелъ изъ кантонистскаго эскадрона, въ которомъ еще находился меньшой братъ его. Былъ ли онъ крестникомъ Оконора, или по какой другой причинѣ Ал. Ал. имъ интересовался, но только мальчикъ этотъ проживалъ у насъ на кухнѣ, хотя и допускался къ нашему обѣду и чаю. Ал. Ал. требовалъ, чтобы Калиновскій готовился въ гимназію и въ видахъ этого твердилъ бы латинскую и французскую грамматики и вокабулы, обращаясь съ затруднительными вопросами ко мнѣ. Отъ скуки я не прочь былъ давать мальчику не то уроки, не то совѣты. Сверхъ уроковъ, на Калиновскомъ лежала обязанность вести наши домашніе счеты, записывая малѣйшія подробности расхода. Такъ, каждый вечеръ онъ обращался къ Оконору со словами:

— Ал. Ал., пожалуйте 2 коп. на свѣчку въ кухню.

Какъ-то разъ я спросилъ Оконора:

— Отчего вы разомъ не дадите 10 коп. на цѣлый фунтъ пятериковыхъ сальныхъ свѣчей?

— Ничего-то, посмотрю я, отвѣчалъ онъ, вы въ хозяйствѣ не понимаете: дай 10 коп., черезъ три дня опять придутъ просить денегъ, а тутъ я знаю всякій день—двѣ копѣйки на свѣчку и конецъ.

Такое воззрѣніе на дѣло въ скоромъ времени оправдалось, только на другомъ предметѣ. Задумали мы на очищенной водкѣ настоять полыновку и радовались, что передъ обѣдомъ у насъ будетъ хорошая настойка, хранившаяся на печкѣ въ духу. Когда недѣли черезъ двѣ хватились этого нектара, оказалось, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ стакановъ, настойка испарилась. Чай, сахаръ, кофе мы покупали на общій счетъ въ Кременчугѣ, и только на одномъ куреніи оправдывалась пословица: деньги вмѣстѣ, а табачокъ врозь.

Каждое первое число Оконоръ восклицалъ: „ну, Калиновскій, подводи счетъ и говори, много ли прожили?“

Какъ это ни невѣроятно, — расходъ оказывался изумительно малъ, и однажды въ памяти моеей запало 14 р. 50 к. Такимъ образомъ, расходъ нашъ не достигалъ и пяти рублей на брата.

Съ приближеніемъ осеннихъ вечеровъ мы собирались въ моей комнатѣ къ столу за единственной стеариновой свѣчей. И тутъ открывалось широкое поле насмѣшкамъ Оконора надъ однополчанами и вообще всѣми знакомыми.

Когда наступили холода, моя предусмотрительность въ выборѣ комнаты восторжествовала. Правда, при плохой исправности печей, квартира во время топки наполнялась по поясъ человѣка горькимъ дымомъ бурьяна; но по закрытіи печей моя комната одна даже въ зимнее время дозволяла сидѣть безъ верхняго платья. И Калиновскій съ удовольствіемъ жался къ натопленной печкѣ, держа за спиною развернутую французскую грамматику.

— Калиновскій! восклицалъ Оконоръ, — что ты жаришь французскіе вокабулы? Или ты думаешь, что этимъ путемъ они прочнѣе засядутъ въ твоей головѣ?

По утрамъ эскадронный вахмистръ Несвитайло, отрапортовавъ о благополучіи, докладывалъ, что эскадронъ собранъ для ученія.

— Учи, отвѣчалъ Оконоръ: я подойду.

Но по уходѣ вахмистра Оконоръ весьма часто садился за столикъ и съ самымъ серьезнымъ лицомъ принимался рисовать карандашемъ шеренгу марширующихъ фавновъ и сатировъ съ самыми смѣшными рожами.

— Что же вы нейдете на ученье? спрашивалъ я.

— Да вы посмотрите, говорилъ онъ, указывая на свою картинку: что это за эскадронъ? Ну можно ли обучить подобныхъ уродовъ?

Несмотря на такія выходки, третій эскадронъ былъ однимъ изъ самыхъ исправныхъ въ цѣломъ полку. И взгляды Оконора, несмотря на его ироническій тонъ, отличались особою практичностью. Такъ, подтрунивая надъ нами, онъ между прочимъ, по поводу моего жизненнаго поприща, сказалъ: „вамъ надо идти дорожкою узкою, но вѣрною". Изреченіе это невольно врѣзалось въ моей памяти.

Кромѣ склонности къ живописи, Оконоръ томился желаніемъ играть на скрипкѣ. Сопровождавшая его всюду скрипка въ деревянномъ ящикѣ лежала у меня подъ кроватью. Къ чести Оконора я долженъ сказать, что онъ не злоупотреблялъ своею какофоніей, но зато считалъ Калиновскаго чуть ли не виртуозомъ. При осмотрѣ скрипки оказалось, что баска нѣтъ; но догадливый Калиновскій помогъ бѣдѣ, натянувъ шнурокъ съ проблескомъ канители, вытянутый изъ стараго шарфа. Препятствій къ искусству Калиновскаго не было, и нерѣдко вечеркомъ послѣ чаю Ал. Ал., впадая въ идиллическое расположеніе, восклицалъ: „ну, Калиновскій, валяй:

„Да продала дивчина сала,
Тай купила козаку крицало".

— И едва смычекъ Калиновскаго начиналъ драть струны, какъ Оконоръ уже прикурныкивалъ:

Крицало за сало купила,
Коли жь его вірно любила.

—

Да продала дивчина гребень,
Тай купила козакови кремень.
Кремень за гребень купила,
Коли жь его вірно любила.

—

Да продала дивчина юбку,
Тай купила козакови люльку.
Люльку за юбку купила,
Коли жь его вірно любила.

— Вотъ какова, прибавлялъ онъ каждый разъ, наша милая хохлушка. Это не то что ваша бѣлобрысая русачка, которая только и умѣетъ пѣть:

> Подари меня рублемъ, полтиной,
> Золотою гривной.

Холера и цынга еще продолжали давать себя чувствовать, и изъ окошка комнаты Романовича мы ежедневно могли видѣть вновь прибывающіе на кладбище гробы къ свѣжимъ могиламъ.

Однажды мы какъ то въ полнолуніе засидѣлись у этого окна, и рѣчь сама собою сошла на прибывающихъ покойниковъ.

— А что, сказалъ Оконоръ, обращаясь ко мнѣ, вѣдь вы теперь не пойдете одинъ на кладбище?

— Напрасно такъ думаете, отвѣчалъ я,—пойду.

— О, о, подхватилъ Романовичъ.

— Хотите пари?

— Извольте; на что?

— Я держу бутылку Редерера, сказалъ Романовичъ.

— И я, прихихикнулъ Оконоръ.

— Извольте, принимаю ваше пари.

— Только дѣло надо дѣлать на чистоту, замѣтилъ Оконоръ.

— Что значитъ на чистоту? спросилъ я.

— Церковь какъ разъ посрединѣ кладбища, а съ противоположной ея стороны у сѣверныхъ дверей стоятъ нары, на которыя ставятъ мертвецовъ. Возьмите съ собою кусокъ мѣла, обойдите церковь, взлѣзьте на нары и нарисуйте на стѣнкѣ чёрта. Тогда мы утромъ пройдемъ и провѣримъ; если рисунокъ тамъ, то мы проиграли.

Вооружившись кускомъ мѣла, я тотчасъ же отправился шаговъ за двѣсти по освѣщенному луною полю. Кладбище оказалось въ окопѣ и, не зная въѣзда, я вынужденъ былъ перебираться черезъ заросшую бурьяномъ канаву. Не успѣлъ я перебраться на кладбище, какъ увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою темную фигуру съ непокрытою головою и раскинутыми врозь ладонями, заступившую мнѣ дорогу.

— Кто это? окликнулъ я стоящаго. Отвѣта не было.

— Кто это? повторилъ я, и пошелъ прямо на заграждавшаго мнѣ дорогу.

Оказалось, что это могильный крестъ съ тремя значительными закругленіями на концахъ.

Обошедши церковь, я взобрался при сильномъ лунномъ освѣщеніи на нары и начерталъ мѣломъ собачью морду съ рогами, съ когтями на рукахъ и крючковатымъ собачьимъ хвостомъ. Дѣло было сдѣлано, я спрыгнулъ съ наръ и пустился въ обратный путь.

— Не былъ, не былъ! раздались возгласы ожидавшихъ меня товарищей.

Но на другой день оба еще до кофею убѣдились воочію въ проигрышѣ своего пари, котораго—увы! я такъ и не получилъ.

LI

Знакомство съ Петковичъ. — Поѣздки Романовича къ тетушкѣ. — Старикъ Петковичъ.—Префацкія.—Буйницкіе. — Штернъ и Бедеръ. — Экономка.— Елена Ларина.—Святки.—Гаданье.—Свадьба Камиллы.

Когда переходъ нашъ изъ Стецовки въ Красноселье былъ уже рѣшенъ, Бржесскій при свиданіи сказалъ мнѣ:

— Тамъ вы будете въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ Михаила Ильича Петковича, женатаго на моей родной сестрѣ, Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ. Они очень милые и радушные люди, и будутъ сердечно вамъ рады.

Желая хоть сколько нибудь избѣжать однообразія нашего затворничества, я на своей вѣрной парѣ, распросивши дорогу, отправился въ Ѳедоровку. Среди новороссійскихъ степей, 15-ти верстное разстояніе считалось небольшимъ. Въ сухое время дорога разнообразилась переѣздомъ версты въ 4 черезъ казенное чернолѣсье, врывавшееся изъ Кіевской губерніи длиннымъ отрогомъ въ Херсонскую степь. По выѣздѣ изъ просѣки, проѣзжій натыкался на хуторъ, носившій на-

званіе Забара и составлявшій, такъ сказать, преддверіе къ Ѳедоровской усадьбѣ, отстоявшей на версту далѣе. Бржесскій былъ совершенно правъ: Петковичъ, худощавый брюнетъ съ просѣдью, лѣтъ 50, отставной штабсъ-ротмистръ нашего Орденскаго полка, оказался радушнымъ хозяиномъ. Жена его, брюнетка небольшого роста, не смотря на 45 лѣтъ, все еще подвижная, занятая туалетомъ, и безконечно привѣтливая.

— Какъ жаль, что вы проскучаете съ нами, не заставъ никого изъ нашихъ гостей; но позвольте считать васъ, въ качествѣ друга Алексѣя Ѳедоровича, за близкаго намъ человѣка. Мы ждемъ на дняхъ пріѣзда родныхъ на продолжительное время и надѣемся, что близкое сосѣдство доставитъ вамъ возможность радовать насъ своими посѣщеніями. Ужь какъ наши барышни то будутъ рады!

Не сидѣлось дома и Романовичу, и сказавши: „Ал. Ал., я собираюсь увеселиться къ тетушкѣ", онъ пропадалъ иногда на цѣлый мѣсяцъ. Такъ какъ для своихъ переѣздовъ онъ нанималъ хохловъ, то раза два, возбуждая веселость Оконора, возвращался на кобылѣ въ корню и двухлѣтнемъ жеребенкѣ на пристяжкѣ. Помнится, я спросилъ хохла, зачѣмъ онъ запрегъ жеребенка?

— А нехай гроши зaробляе, былъ отвѣтъ.

— Романовичъ, говорилъ Оконоръ, я подамъ рапортъ по начальству, что корнетъ Романовичъ заѣздилъ всѣхъ жеребятъ. Куда же вы дѣвали свою телѣжку?

— Продалъ тетенькѣ. У насъ съ нею всегда такъ: пріѣду къ ней и скажу: „вотъ не знаю, куда дѣвать свою телѣжку". „Да что она тебѣ, Андрюша, стоитъ?" спрашиваетъ тетенька. „Мнѣ то, положимъ, она стала 50 руб.".—„Прекрасная телѣжка!" говоритъ тетенька: „оставь ее мнѣ за 50 руб.". Вотъ теперь дѣло къ зимѣ подходитъ, я и получилъ 50 руб., а весной пріѣду и скажу: „не знаю, гдѣ купить себѣ телѣжку". „Да на что же, Андрюша, тебѣ покупать: у тебя тутъ своя телѣжка". Ахъ тетенька, я и забылъ". И вотъ уже третій годъ, какъ я продаю и получаю обратно свою телѣжку.

Иногда, когда мы бывали въ эскадронѣ, и Ал. Ал. уѣзжалъ на нѣсколько дней въ свое Полтавское имѣніе.

Въ слѣдующій разъ пріѣздъ мой въ Ѳедоровку былъ гораздо удачнѣе перваго: я засталъ тамъ большое и любезное общество. Общедоступныхъ парадныхъ комнатъ въ Ѳедоровскомъ домѣ, не считая лакейской, было всего три, или лучше сказать четыре.

Въ залу, съ окнами съ двухъ противоположныхъ концовъ, слѣва выходили двое дверей отъ двухъ симметрически расположенныхъ по угламъ комнатъ, изъ которыхъ первая была кабинетомъ хозяина, а вторая гостиною. Между этими комнатами съ лѣвой стороны въ ту же залу выходилъ альковъ безъ дверей. Днемъ онъ исполненъ былъ пріятнаго полумрака, а вечеромъ освѣщался разноцвѣтнымъ китайскимъ фонаремъ, озарявшимъ непрерывный по тремъ стѣнамъ турецкій диванъ.

Остальныя недоступныя намъ комнаты по правую сторону залы были домашними. Къ двумъ-тремъ флигелямъ вели досчатыя кладки, на подобіе тротуара, такъ что гости могли во всякую погоду переходить къ своему ночлегу, не загрязнивъ ногъ.

Хотя все семейство Петковичей состояло изъ нихъ двухъ и семилѣтней прелестной дочери Елены или Эли, какъ ее называли, но видно было, что принимать многочисленныхъ родственниковъ хозяина было великимъ наслажденіемъ не только для него лично, но и для добрѣйшей Елизаветы Ѳедоровны.

Полный ироніи Михаилъ Ильичъ любилъ разсказывать про своего старика отца, жившаго подъ Кременчугомъ въ собственномъ имѣніи. Однажды и мнѣ довелось видѣть этого сухаго, высокаго и какъ колъ прямаго старика, давнымъ давно вдоваго и застывшаго, можно сказать, въ своей скупости. Слѣдуетъ, однако, принять въ соображеніе, что оба его сына, штабсъ-ротмистры въ отставкѣ—Александръ и владѣтель Ѳедоровки Михаилъ въ молодости не слишкомъ радовали отца своимъ поведеніемъ.

Оба брата разсказывали, какъ деньщикъ привезъ ихъ зимою къ отцу, завернутыхъ подъ полушубками въ простыню за неимѣніемъ другой, заложенной евреямъ, обмундировки.

Увидя ихъ, искусственно поддерживавшихъ дорогою тепло, отецъ будто бы сказалъ: „эхъ-хе-хе! еще и пьяницы“.

На всякаго рода намеки на денежное вспомоществованіе многочисленнымъ своимъ потомкамъ, жесткій старикъ отвѣчалъ категорическимъ: „имѣйте мя отреченна“.

Старшему сыну Александру, женившемуся противъ воли отца, старикъ ничего не давалъ и не принималъ его. Михаила же Ильича, женившагося на богатой вдовѣ, онъ считалъ не нуждающимся въ помощи, и потому тоже ничего не давалъ. Не давалъ ничего и дочери своей, выданной замужъ за служащаго при коммисаріатѣ отставнаго полковника, поляка Кварда Андреевича Префацкаго. Не далъ онъ ничего и второй своей дочери, вышедшей замужъ за отставного генерала. Послѣдняя въ скоромъ времени умерла, оставивъ трехъ дочерей генералу, который, безвыѣздно проживая въ небольшомъ имѣніи и усердно занимаясь земледѣліемъ и пчеловодствомъ, успѣлъ при ограниченныхъ средствахъ дать дочерямъ, по крайней мѣрѣ двумъ первымъ (третьей я никогда не видалъ), блестящее образованіе.

Веселый, добродушный и шутливый Михаилъ Ильичъ представлялъ живую противоположность своего нелюдимаго отца. Трудно представить себѣ кого-либо гостепріимнѣе Ѳедоровской четы Петковичей, и надо было только удивляться вмѣстительности небольшой усадьбы.

Перечисляя Ѳедоровскихъ гостей, съ которыми мнѣ впослѣдствіи приходилось часто встрѣчаться, начну съ дамъ. Старики Префацкіе нерѣдко отпускали гостить къ брату двухъ дочерей своихъ: старшую Камиллу, брюнетку средняго роста съ замѣчательно черными глазами, рѣсницами и бровями, съ золотистымъ загаромъ лица и яркимъ румянцемъ. Это была очень любезная дѣвушка, но уступавшая младшей своей сестрѣ Юліи или, какъ ее называли, Юльцѣ въ рѣзвой шаловливости и необычайной граціи и легкости въ танцахъ.

Такъ какъ, начиная съ самой Елизаветы Ѳедоровны, многія дамы играли на рояли, то въ просторной залѣ, по снятіи обѣденнаго стола, часто заводились импровизованные танцы, и вальсировать или полькировать съ Юльцей было истиннымъ наслажденіемъ. Гостили и двѣ дочери генерала Ларина,

и притомъ старшая, замѣчательная красавица брюнетка съ мужемъ своимъ казначеемъ Ольденбургскаго полка ротмистромъ Буйницкимъ. Это былъ весьма красивый, находчивый и расторопный офицеръ, лѣтъ 35-ти. Сдержанный въ обществѣ, онъ, очевидно, зналъ цѣну своей красавицы жены и не удивлялся, что она въ полку представляла магнитъ, привлекавшій молодежь.

Удивительно, что не взирая на разнообразный составъ полковаго общества, каждый полкъ носитъ то, что Чацкій опредѣляетъ:

.... отъ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ...

Такъ при моемъ поступленіи большинство офицеровъ Воен. Ордена полка были богатые, охотники выпить шампанскаго, уѣхать въ отпускъ и просрочить въ своемъ имѣніи, предпочитать карты женскому обществу и, мало помышляя о щеголеватости, сорить деньгами безъ разсчета.

Принца Ольденбургскаго (Стародубовскій) полкъ представлялъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность съ нашимъ. Офицеры его, большею частію изъ Остзейскихъ нѣмцевъ, не получали изъ дому никакой поддержки, но умѣли на небольшое жалованіе сводить концы съ концами, отличаясь притомъ щегольскою обмундировкой. При крайней аккуратности не только эскадронные командиры, но даже самые младшіе офицеры, будучи любителями и знатоками конскаго дѣла, съ выгодою выдерживали и продавали лошадей, съѣзжая ихъ парами, тройками и четверками.

Только пребываніемъ въ Ѳедоровкѣ полковой красавицы Буйницкой я объяснилъ себѣ, что засталъ въ домѣ и другихъ офицеровъ Стародубовскаго пола, напр., эскадроннаго командира ротмистра Штерна и молодаго корнета его эскадрона Бедера, брата полковаго адъютанта, о которомъ я уже говорилъ.

Не знаю, какъ при большомъ наплывѣ гостей размѣщались дамы. Что же касается до насъ, то сборы были невелики: на время нашего пребыванія въ Ѳедоровкѣ, прачки изгонялись изъ своихъ двухъ комнатъ и сверхъ сѣна по гли-

нянымъ поламъ разстилались ковры, покрытые простынями, вдоль стѣнъ клали подушки, и ночлегъ былъ готовъ. По вечерамъ на сонъ грядущій долго не умолкали всякаго рода разсказы и шуточныя замѣчанія, съ которыхъ затѣмъ начиналось и утро. Много веселости придавало вышучиваніе Буйницкимъ стройнаго и красиваго Бедера. Мальчикъ этотъ былъ представителемъ той особенности, которая нерѣдко встрѣчается между людьми: онъ готовъ былъ явиться рѣзкимъ и даже безпощаднымъ по отношенію къ человѣку, но питалъ глубокую нѣжность къ беззащитнымъ животнымъ. Бедеръ воспитывался въ Лифляндіи въ Биркенруэ, и при первой рѣзкой выходкѣ мальчика, Буйницкій не упускалъ воскликнуть: „каковъ! каковъ! это у нихъ въ Биркенруэ этому учатъ! Нѣтъ, его такъ оставить нельзя; man muss ihn ummachen“.

Однажды, когда я преднамѣренно разсказывалъ Бедеру, что у насъ при опахиваніи деревни отъ коровьей смерти зарываютъ въ землю черную собаку и черную кошку живыми, Бедеръ воскликнулъ: „въ такой деревнѣ надо попа по шею въ землю зарыть и плугомъ голову оторвать“.

— Каковъ Биркенруэ! воскликнулъ Буйницкій: nein, nein, man muss ihn ummachen!

Въ отсутствіе Бедера Штернъ разсказалъ намъ слѣдующее:

„Равняя эскадронъ, я замѣтилъ, что лошадь Бедера на цѣлую голову впереди. „Корнетъ Бедеръ, соберите вашу лошадь!“ крикнулъ я ему, проѣзжая на лѣвый флангъ. Смотрю оттуда, лошадь Бедера, какъ ни въ чемъ не бывало, торчитъ впереди. „Вахмистръ! крикнулъ я: какъ корнетова лошадь то разъѣлась, и собраться не можетъ. Убавить ей два гарнца“. Проѣзжаю на правый флангъ, смотрю, лошадь Бедера собрана въ комокъ“.

Просыпаясь гораздо раньше дамъ, я въ халатѣ отправлялся въ пекарную избу и, садясь за безукоризненно бѣлый столъ, смотрѣлъ въ устье печи, гдѣ для меня передъ огнемъ кипѣли два поливенныхъ кувшинчика: одинъ съ кофеемъ, а другой со сливками. Накрывала салфетку и ставила передо мною кипящіе кувшинчики пожилая экономка; при этомъ она

угощала меня только что испеченными кренделями. Угощеніе свое она сопровождала затверженною мною рапсодіей, хотя я и до сихъ поръ не знаю, къ кому она относилась: „воздай имъ, Господи, говорила она, жила-жила, и ни при чемъ осталась. Вѣдь я на прежнемъ то мѣстѣ три сундука нажила! А тутъ, какъ наѣхали наслѣдники,—все и захватили. Когда бы не Елизавета Ѳедоровна, по милости своей, меня не пріютили, хоть помирать бы пришлось. Пошли имъ Господи!“

Кофе варить экономка была великая мастерица, но я такъ и не узналъ, кто забралъ ея сундуки.

Однажды, проходя по кладкамъ мимо кухни, я увидалъ громадный кулекъ, изъ котораго торчали ощипанныя утки, куры и индѣйки. „Мих. Ильичъ! воскликнулъ я шедшему мнѣ навстрѣчу хозяину: куда же вамъ такой громадный запасъ?“— „Нельзя, посмѣиваясь и растирая ладони, сказалъ Петковичъ: родителина ѣхали“ (такъ онъ называлъ родственниковъ).

Ни разу впродолженіе многолѣтняго знакомства не видалъ я Мих. Ильича въ дурномъ или раздраженномъ расположеніи духа. Но никогда его иронія не расцвѣтала такъ пышно, какъ за праздничнымъ обѣдомъ среди родственныхъ гостей на хозяйскомъ концѣ стола противъ разливающей супъ Елизаветы Ѳедоровны. По мѣрѣ того, какъ щеки его румянились отъ рюмокъ портвейна, хереса и шато-д'Икема, шутки его дѣлались все развязнѣе, и анекдоты изъ прежней военной жизни возникали безостановочно. Ходили слухи о многочисленныхъ невѣрностяхъ М. Ил., сильно огорчавшихъ его примѣрную супругу.

— Не знаю, кто какъ, восклицалъ онъ обыкновенно къ концу обѣда,—а я люблю свободу. Замѣтьте, когда приходится ѣхать въ гости, я наровлю завалиться одинъ на перину въ тарантасъ, и терпѣть не могу ѣхать въ каретѣ. Въ ноги наставятъ картонокъ со шляпками и чепчиками, и все чувствуешь кого то подъ правымъ локтемъ. Увѣряю васъ, свобода—великое дѣло! Инымъ приходится хоть когда нибудь жить безъ крахмалу, а у насъ денно и нощно все тотъ же накрахмаленный трескъ.

— Ахъ, Мишель! восклицаетъ покраснѣвшая какъ піонъ Елизавета Ѳедоровна.

— Какая это свобода! продолжаетъ Мих. Ильичъ: иныя женщины, уже передній жубъ шатается, а онѣ все продолжаютъ ревновать.

— Ахъ, Мишель! восклицаетъ снова вспыхнувшая Елизавета Өедоровна.

— Вѣдь вотъ, братъ, говоритъ Александръ Ильичъ: безъ превосходной вишневки Елизаветы Өедоровны ты былъ бы менѣе отваженъ.

— Совершенная правда, прихихикиваетъ Мих. Ильичъ;— вино много храбрости прибавляетъ. Я былъ этому самъ свидѣтелемъ въ Кременчугѣ. Зная, что изъ нашего Военнаго Ордена полка посланъ за пріемкою полковыхъ суммъ только что произведенный въ вагенмейстеры фурштадтскій унтеръофицеръ, я пріѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы тамъ же получить жалованье, и наткнулся на слѣдующую сцену. Въ самомъ большомъ номерѣ гостинницы шампанское льется рѣкой, за карточнымъ столомъ вновь произведенный подпоручикъ мечетъ банкъ, а наша полковая молодежь окружила его и придвинула къ себѣ большія кучи золота. Сразу понявъ, въ чемъ дѣло, я вызвалъ двухъ - трехъ товарищей за дверь и сказалъ: „господа, что вы это дѣлаете? Вѣдь вы всѣ подводите себя подъ военный судъ и вѣчную солдатскую шапку. Ступайте и нарочно проиграйте ему всѣ деньги“. Слава Богу, меня послушали, и все пришло въ должный порядокъ. Но я не выдержалъ и спросилъ понтирующаго: „поручикъ, давно ли вы ведете такую сильную игру?“—„А вамъ какое есть дѣло? отвѣчалъ подпоручикъ: отъ юности моея!“ Что касается до меня, продолжалъ Петковичъ, то мнѣ пришлось воочію убѣдиться въ трагическомъ исходѣ проигрыша казенныхъ денегъ. Стоялъ я въ Крыловѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ р. Тясьмина на одной квартирѣ съ моимъ пріятелемъ полковымъ казначеемъ. Однажды рано утромъ въ столовую вошелъ мой сожитель съ вопросомъ: „ты уже всталъ?“—„Какъ видишь“, отвѣчалъ я: „что это ты такъ блѣденъ?“—„Я къ тебѣ за совѣтомъ, сказалъ онъ: что мнѣ дѣлать? Полученныя казенныя деньги я до копѣйки проигралъ“.—„Тутъ ничего не придумаешь: пулю въ лобъ“, отвѣчалъ я.—„Спасибо“, сказалъ онъ, и черезъ нѣсколько минутъ прошелъ по комнатѣ

съ пистолетомъ въ рукѣ. Выстрѣлилъ онъ себѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ лобъ, стоя надъ прорубью на льду, разсчитывая при паденіи исчезнуть безслѣдно въ рѣкѣ. Но пистолетъ дожно быть при выстрѣлѣ соскочилъ съ мѣста и ударъ не былъ смертеленъ. Минутъ черезъ пять дверь растворилась, и въ столовую вошелъ мой товарищъ, закрывая рукою правый глазъ, изъ котораго кровь лила ручьемъ. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ сказалъ: „хорошъ мальчикъ!“ и, пройдя въ свою комнату, направился къ выходу съ другимъ пистолетомъ. На этотъ разъ онъ уже не возвращался.

Въ виду того, что настоящія воспоминанія не дневникъ, позволю себѣ разсказывать о происходившемъ, не стѣсняясь послѣдовательностью, такъ какъ Ѳедоровскіе гости были почти одни и тѣ же, съ прибавленіемъ развѣ Алекс. Ильича Петковича съ женою, да одного или двухъ Стародубовскихъ офицеровъ. На Рождествѣ гости были въ полномъ составѣ. Меньшая Ларина Елена, пользовавшаяся вполнѣ заслуженною симпатіей хозяевъ и задушевными ласками своего зятя Буйницкаго, мало участвовала въ шумномъ весельѣ подругъ и, будучи великолѣпной музыкантшей, предпочитала играть на рояли для танцующихъ.

Большаго роста, стройная брюнетка, она далеко уступала лицомъ своей сестрѣ, но зато превосходила ее необычайною роскошью черныхъ съ сизымъ отливомъ волосъ.

Насколько Надежда Буйницкая была рѣзва и проказлива, настолько Елена Ларина была сдержанна. Несмотря на это, Буйницкій при свиданіи утромъ въ гостиной дозволялъ себѣ подтрунивать надъ затрудненіями, доставляемыми Еленѣ черезчуръ пышными волосами.

— А что, птичка, спрашивалъ онъ, опять небось вырѣзала ножницами волосы и плакала, расчесывая ихъ.

Стояла морозная и тихая погода. Снѣгъ по полямъ лежалъ пышной периной. Офицеры сговорились катать дамъ на своихъ лошадяхъ. Главнымъ возницей оказался ротмистръ Штернъ, въ своихъ широкихъ саняхъ, запряженныхъ великолѣпною тройкой сѣрыхъ. Подпоясавъ енотовую шипель, онъ самъ правилъ, съ трудомъ сдерживая коней. Случайно

и я попалъ съ нимъ рядомъ на облучекъ. Въ нашихъ саняхъ сидѣли Камилла и Юльца, а на тройкѣ Буйницкаго, управляемой имъ самимъ, сидѣла его жена съ сестрою и на козлахъ Бедеръ.

— Не обгоняйте пожалуйста! крикнулъ Буйницкому Штернъ: насилу держу: того гляди подхватятъ.

Этого было достаточно для шаловливаго Буйницкаго, чтобы пустить свою тройку объѣхать нашу. Видя, что наши лошади подхватываютъ, я обѣими руками схватился за вожжу лѣвой пристяжной; но тотчасъ же убѣдился, что усилія мои напрасны: лошадь, подобно остальной парѣ, мчала сани не постромкой, а вожжей. Чтобы утомить лошадей, мы сбили ихъ съ дороги цѣликомъ и по ровной степи помчались въ снѣжномъ облакѣ, взметаемомъ напряженными копытами. Не знаю, какое именно разстояніе мы проскакали; но когда лошади стали уменьшать быстроту бѣга, мы увидали, что были въ степи одни, а Буйницкіе, вѣроятно, повернули уже къ дому. На другое утро нѣмецкій Геркулесъ Штернъ, прикладывая бритву къ щекѣ, вынужденъ былъ придерживать лѣвою рукою правую, которая со вчерашняго напряженія дрожала какъ осиновый листъ.

Настали святки. Гостей, начиная съ семейства А. И. Петковича, еще прибыло и по вечерамъ еще съ большимъ азартомъ танцовали. Въ тѣ времена жалованье въ полки получалось въ боченкахъ золотыми и преимущественно серебряными рублями. Помнится, что казначей Вел. Кн. Елены Павловны полка, получившій въ Кременчугѣ полковую сумму серебромъ въ боченкахъ, сбился въ мятель съ дороги, и его солдатикъ, сидѣвшій на боченкахъ, отморозилъ ноги. На просьбу нашу выдать сто рублей третнаго жалованья ассигнаціями, казначеи постоянно отвѣчали: „господа, откуда же мы вамъ возьмемъ ассигнацій, когда получаемъ звонкою монетой“? Такъ какъ невозможно помѣстить сто серебряныхъ рублей въ кошелекъ, то по примѣру многихъ я вкладывалъ монету въ носокъ и завязывалъ его веревочкой. При подобныхъ обстоятельствахъ я обыкновенно въ день пріѣзда просилъ Михаила Ильича припрятать отъ грѣха мои деньги, что онъ любезно исполнялъ, засовывая мое хранилище въ бюро.

Какъ то вечеромъ въ самый разгаръ веселья, Мих. Ильичъ, наткнувшійся вѣроятно на мое сокровище, вдругъ выставился изъ кабинета въ залу и держа въ рукахъ мой носокъ воскликнулъ:

— Mesdames, хотите видѣть кошелекъ Аѳ. Аѳ.?

Какой удобный предлогъ для проказницы Буйницкой похохотать.

Въ тѣ времена я не подвергалъ еще систематическому обобщенію своихъ врожденныхъ побужденій; но не сознавая разумомъ должнаго, инстинктивно чувствовалъ что не должно. Меня привлекало общество прелестныхъ женщинъ; но я чуялъ границу, которую я при сближеніи съ ними не долженъ былъ переступать; я очень хорошо понималъ, что степень моей заинтересованности и ухаживанья нимало не выражается большей или меньшей любезностью. Можно разсыпаться въ любезностяхъ передъ женщиной, и въ то же время другая, на которую вы, повидимому, не обращаете вниманія, пойметъ, что настоящая симпатія и стремленія ваши относятся къ ней, а не къ предмету вашихъ явныхъ любезностей. Разница большая смущать душевное спокойствіе неопытной дѣвочки или искать сближенія съ женщиной, которой общество находишь обворожительнымъ. И въ то время, припоминая совѣтъ Оконора, я ясно понималъ, что жениться офицеру, получающему 300 руб. изъ дому, на дѣвушкѣ безъ состоянія, значитъ необдуманно или недобросовѣстно брать на себя клятвенное обѣщаніе, котораго не въ состояніи выполнить. Кружиться въ танцахъ я постоянно искалъ съ Юльцей, но тихо бесѣдовать любилъ болѣе всего съ румяною Камиллой. Она такъ искренно искала всего благороднаго въ людскихъ дѣйствіяхъ, и когда разговоръ касался симпатичныхъ ей поступковъ, черные глаза загорались радостнымъ блескомъ, и щеки озарялись еще сильнѣе пылающимъ румянцемъ.

Въ святочный вечеръ приходили дворовые и брызгали пшеничными зернами, приносили пѣтуха, который спросонья велъ себя чрезвычайно флегматично и не захотѣлъ ни ходить, ни клевать. Барышни затѣяли гадать. Въ залѣ на столъ поставили суповую чашку съ водою и спиртовую кастрюлю съ растопленнымъ воскомъ, который разомъ выливали въ воду. Всѣ

подходили къ дебелой Марьѣ Ивановнѣ, жившей въ домѣ въ качествѣ компаніонки и принявшей на этотъ разъ роль гадалки. Весь домъ, говоря о Марьѣ Ивановнѣ, называлъ ее „благодатной“.

— Пожалуйста, Марья Ивановна, погадайте мнѣ! говорили всѣ, но конечно прежде всѣхъ гадали барышни. Выходили восковые горы, кустарники, лѣса и даже островерхія готическія зданія. Все это давало поводъ къ многоразличнымъ толкованіямъ и пророчествамъ. Настала очередь Камиллы. Не успѣлъ воскъ вылиться въ воду, какъ всѣ, въ томъ числѣ и я, единогласно воскликнули: „звѣзда! звѣзда!“ И дѣйствительно въ серединѣ чашки плавала орденская звѣзда, до того правильно и рельефно отлитая, что въ названіи фигуры не могло быть сомнѣнія.

На другой день гаданія уже не повторялись, но вечеръ былъ оживленъ не менѣе обыкновеннаго, и мы или упрашивали дамъ на кругъ легкихъ танцевъ, или, расхаживая съ ними по залѣ, старались сказать что нибудь пріятное. Вдругъ, слышу кто-то вкладываетъ руку подъ мой правый локоть, оглядываюсь,—наша добрѣйшая хозяйка.

— Аѳ. Аѳ., шепнула она мнѣ на ухо: вы не знаете нашего семейнаго событія?

— Не имѣю никакого понятія.

— Сейчасъ вонъ въ томъ альковѣ Штернъ сдѣлалъ предложеніе Камиллѣ; она поблагодарила и сказала, что окончательное рѣшеніе принадлежитъ ея родителямъ, и Мих. Ил. отправилъ уже нарочнаго въ Кременчугъ; завтра къ вечеру долженъ быть отвѣтъ. Мих. Ил. кстати, поздравляя Илью Александровича съ невѣстой внучкой, выражаетъ надежду на помощь въ приданомъ.

Конечно, всѣхъ поразило вчерашнее пророчество, и немногаго знанія нѣмецкаго языка нужно, чтобы понять, что звѣзда по нѣмецки Stern.

На другой день получено было конечно радостное согласіе стариковъ Префацкихъ и лаконическій отвѣтъ старика Петковича: „имѣйте мя отреченна“.

Какъ нарочно, а быть можетъ и дѣйствительно нарочно дня черезъ два пріѣхалъ на двухъ подводахъ извѣстный всему

околодку торговецъ дамскимъ товаромъ еврей Фавель, представлявшій весь свой товаръ въ безграничное распоряженіе Елизаветы Ѳедоровны. И тотчасъ же по всѣмъ комнатамъ раздался трескъ разрываемыхъ ситцевъ, кисеи и барежа. Дамы, хотя и не переставали бесѣдовать съ нами, занялись усерднымъ шитьемъ приданаго, тѣмъ болѣе, что съ общаго согласія заинтересованныхъ лицъ свадьба назначена была черезъ двѣ недѣли. Хотя Штернъ былъ лютеранинъ, невѣста его по матери была православная, и бракосочетаніе должно было произойти въ православной церкви.

Не желая съ моими искательствами являться послѣ ужина съ горчицей, я мало по малу перенесъ ихъ на Буйницкую. Принимая мои любезности, красавица не прочь была и подтрунить надо мною. Такъ, напримѣръ, по поводу шарады: мое первое — музыкальная нота, мое второе — буква, а цѣлое птица, — Буйницкая, очевидно учившаяся музыкѣ по французски, стала утверждать, что птица моей шарады: ut—ka, а не утка.

До дня свадьбы я успѣлъ съѣздить въ эскадронъ, и запастись параднымъ оберрокомъ. Возвратившись въ Ѳедоровку, я засталъ полонъ домъ гостей. Кромѣ родителей невѣсты и Алекс. Ильича съ женою,—къ Штерну пріѣхали изъ полка: холостой братъ Буйницкаго и его товарищъ въ качествѣ шаферовъ. Послѣ ранняго завтрака стали собираться въ приходскую церковь, отстоявшую отъ Ѳедоровки верстахъ въ 4-хъ. Какъ нарочно, была ужасная мятель, что говорится „свѣту Божьяго не видать". У крыльца стояли наши офицерскія лошади, запряженныя въ открытыя сани, а для дамъ было приготовлено три закрытыхъ возка. Шаферамъ нашили розовые банты, и наконецъ изумительно красивая въ свадебномъ нарядѣ въ залу вошла сіяющая счастьемъ Камилла.

Не знаю, какъ это случилось, но во второмъ четвероместномъ возкѣ оказалось свободное мѣсто, на которое дамы пригласили меня. Моимъ парнымъ санямъ пришлось идти порожнякомъ. Долгій переѣздъ по затрудненной переносами дорогѣ, сократился для меня пріятною бесѣдой. Но вотъ поѣздъ остановился, и между порывами мятели въ стекло возка можно было различить близкую церковную ограду. Значитъ

мы пріѣхали. Но почему же не въѣзжаемъ во дворъ и къ паперти?

Время тянется, вьюга воетъ, а мы неподвижно стоимъ на дорогѣ. Желая узнать, въ чемъ дѣло, я вышелъ изъ экипажа и у ограды наткнулся на слѣдующую сцену.

— И не просите, бо не могу. Пожалуйте разрѣшеніе отъ полковаго священника, безъ этого не стану вѣнчать.

— Батюшка, говорилъ дрожащимъ голосомъ Штернъ: буду васъ благодарить 200 рублями, не задерживайте только нашего поѣзда.

— И не просите, бо не могу, отвѣчалъ черезъ ограду толстый священникъ.

— Батюшка, говорили мы, мы всѣ дадимъ вамъ форменную росписку въ томъ, что доставимъ вамъ разрѣшеніе полковаго священника.

— И не просите, бо не могу.

Напрасно Штернъ чуть не со слезами на глазахъ предлагалъ 300 рублей.

Въ это время прибѣжалъ слуга ко мнѣ со словами: „Елизавета Ѳедоровна проситъ васъ къ ихнему возку“.

— Боже мой, что же намъ дѣлать? воскликнула сердобольная устроительница свадьбы: Аѳ. Аѳ., поѣзжайте домой и скажите Мих. Ильичу, что священникъ отказывается вѣнчать.

Признаюсь, порученіе это пришлось мнѣ по вкусу, такъ какъ я предпочиталъ отдохнуть и выкурить папироску въ теплѣ, вмѣсто невѣдомыхъ приключеній въ такую бурю. Пришлось возвращаться противъ вѣтра, и, порядкомъ прозябнувъ, я вошелъ въ переднюю Ѳедоровскаго дома. Между оконъ въ концѣ залы была приготовлена разнообразная закуска и во всю залу накрытъ безукоризненный обѣденный столъ. Наступали сумерки, и подъ легкою ихъ дымкой выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу старушка Префацкая съ вопросами: „что? что? зачѣмъ вы пріѣхали?“ — И на отвѣтъ мой, что посланъ хозяйкою дома сказать Мих. Ил., что священникъ не вѣнчаетъ, Префацкая воскликнула: „ахъ, какіе вы право вѣщіе!“

Вѣщій или нѣтъ, я передалъ обо всемъ Мих. Ильичу.

— Странное дѣло, сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ раздра-

женіемъ потирая ладони, какъ дѣлалъ это въ шуточномъ расположеніи: Лизочка думаетъ, что Мишельчикъ архіерей; что же я могу тутъ измѣнить и чѣмъ помочь?

Сумерки превратились въ ночь, комнаты освѣтились, и обѣденный часъ давно миновалъ, а свадебный поѣздъ все еще не возвращался. По глазамъ проходившей мимо накрытаго стола старушки Префацкой я видѣлъ, что ей ужасно хотѣлось меня побранить.

Отъ времени до времени и Мих. Ильичъ выходилъ изъ кабинета и какъ-то ожесточенно потиралъ ладони. Мятель не утихала, въ ожидающихъ невольно возникало тяжелое безпокойство и чувство совершенной безпомощности. Въ восьмомъ часу вечера засыпанные снѣгомъ кавалеры показались въ передней; затѣмъ вошли и дамы. Всѣ усталые и измученные. Начались поздравленія, а главное распросы: что и какъ.

— Слава Богу! восклицала добрая Елизавета Ѳедоровна: все благополучно кончено. Послѣ отказа священника мы поѣхали за 7 верстъ въ другой приходъ, гдѣ 75-лѣтній священникъ сказалъ, что съ радостію обвѣнчаетъ, такъ какъ его за старостью лѣтъ подъ судъ не отдадутъ. Но и набрались мы скандалу, да и еще при католикахъ провожатыхъ. По польскому обычаю на розовый коврикъ, подъ ноги жениха и невѣсты шафера наклали золотыхъ, которые должны были поступить священнику. Но послѣдній не разъ замѣчалъ, что пѣвшій дьячекъ, низко кланяясь, подхватывалъ съ коврика по золотому, и затѣмъ раздавался дребезжащій старческій голосъ: „не тронь, скотина!"

Но какъ бы то ни было, все обошлось благополучно, къ общей радости.

Чтобы не возвращаться къ четѣ Штернъ, скажу, что было мнѣ извѣстно о ней впослѣдствіи. Камилла явилась повтореніемъ своей матери, Любви Ильиничны, до самозабвенія обожавшей мужа и дѣтей. На слѣдующее лѣто, сопровождая мужа въ походѣ, она ѣхала въ коляскѣ впередъ до эскадронной квартиры, чтобы все приготовить Штерну, начиная съ кофея. Но чтобы дать возможность деньщику, снявши армякъ, поставить самоваръ и затопить печку, она отбрасывала ву-

алетку на шляпку и, забравши поводья, вываживала лошадей. Только однажды затѣмъ я встрѣтилъ ее на балѣ въ собраніи и содрогнулся: вмѣсто пышащей жизнью и здоровьемъ дѣвушки я увидѣлъ какой-то болѣзненный скелетъ со ввалившимися щеками и ключицами. Говорили, что она, испугавшись мысли обременить мужа новымъ пришельцемъ въ міръ, постаралась помѣшать его появленію. Впослѣдствіи я узналъ, что при уничтоженіи кирасирской дивизіи, Штернъ выписалъ себѣ паровую мельницу и съ помощью ея безбѣдно проживалъ.

Кромѣ щегольски одѣтаго слуги, въ Ѳедоровкѣ во время пріѣзда гостей появился мальчикъ, приносившій изъ кухни самоваръ въ переднюю и носившій кушанья. Съ простриженными на лбу по хохлацки воротцами въ тяжелыхъ сапогахъ и сѣрой свиткѣ — это былъ типъ неуклюжаго хохленка. Но однажды, когда гости разъѣхались, я, проходя черезъ переднюю, едва узналъ мальчика, остриженнаго подъ гребенку, въ новой суконной парѣ и новыхъ ясно начищенныхъ сапогахъ. Какъ бы чувствуя собственное достоинство, онъ какъ-то поднялся и выпрямился. „Каковъ молодецъ нашъ мальчикъ!“ сказалъ я Мих. Ив.; подходя къ закускѣ.—„Да, сказалъ онъ, потирая ладони, все было не до него, а теперь вымыли, остригли, одѣли, обули, — остается только высѣчь, и совсѣмъ будетъ молодцомъ!“

LII

Прибытіе Фитингофа. – Тарковскій у насъ въ гостяхъ. — Сближеніе съ Еленой Лариной.—Хохлушка невѣста.

Однажды къ намъ въ эскадронъ дошло увѣдомленіе о прибытіи въ извѣстный день на смотръ новаго начальника дивизіи, генерала Фитингофа, который, вѣроятно и будетъ кушать у насъ въ эскадронѣ. Хотя мой Юдашка и въ особенности Казакъ были очень искусные повара, но на эскадронную руку, а не для стола его пр—ства. По этому угощеніе

начальника дивизіи заставило насъ сильно призадуматься. Эскадронный ефрейторъ посланъ былъ съ запискою винъ и бакалей въ Кременчугъ, а два три стула выпросили мы у мѣстнаго волостнаго начальника.

Побывавъ снова въ Өедоровкѣ, я разсказалъ о нашемъ затрудненіи Мих. Ильичу.

— Я бы могъ вамъ рекомендовать превосходнаго повара, нашего крѣпостнаго, если бы онъ по случаю безпощаднаго пьянства не отбился отъ рукъ. Мы прогнали его, и онъ не пьетъ только потому, что не на что.

— О, у меня онъ не будетъ пить, сказалъ Оконоръ, когда я передалъ ему слова Петковича.

Наканунѣ пріѣзда начальника дивизіи, онъ сказалъ мнѣ: „пишите къ Петковичу, а я сейчасъ пошлю подводу за поваромъ“.

Когда вечеромъ поваръ пріѣхалъ, Оконоръ сказалъ вахмистру: „скажи повару, что когда отпуститъ обѣдъ и получитъ два цѣлковыхъ, то можетъ напиться хоть до смерти, а затѣмъ давай ему провизію, какую нужно, и поставь часоваго съ палашемъ у двери кухни и вели ему не допускать повара ни до какой водки. Слышишь?“

— Слушаю, ваше бл—діе.

— Какой однако у васъ прекрасный поваръ, сказалъ на другой день за обѣдомъ послѣ удачнаго смотра начальникъ дивизіи, не воображавшій, что обѣдъ изготовленъ содержавшимся подъ вооруженнымъ карауломъ поваромъ.

Отбывши благополучно смотръ, Оконоръ на нѣсколько дней ускользнулъ въ свое имѣніе, а насъ въ это время навѣстилъ уже знакомый намъ маіоръ Тарковскій. Мы помѣстили его въ комнату Оконора. Но такъ какъ въ ней было много холоднѣе противъ моей комнатки, то и гость цѣлый день проводилъ у меня. Когда на слѣдующее утро Тарковскій вышелъ къ чаю, то на вопросъ, хорошо ли онъ почивалъ, онъ отвѣталъ:

— Покорно благодарю, только тамъ волосы шевелятся, (что могло происходить буквально, если вѣтеръ дулъ въ окно. заклеенное бумагой, уголъ которой отклеившись дрожалъ какъ трещетка).

Въ это время я читалъ „Космосъ“ Гумбольдта въ переводѣ Фролова; и не имѣя общаго предмета для разговоровъ съ Тарковскимъ, я сталъ рисовать ему занимавшія меня картины устройства земнаго шара, объясняя притомъ, что сравнительное отношеніе твердой земной коры съ расплавленнымъ содержаніемъ почти то же, что скорлупки къ заключенному въ ней яйцу. Тарковскій уѣхалъ, кажется совершенно довольный нашимъ бивачнымъ гостепріимствомъ; но разсказы мои, какъ впослѣдствіе оказалось, произвели на него сильное впечатлѣніе.

— Былъ я въ гостяхъ у Фета, говорилъ онъ, да, признаться, страху набрался. Сказывалъ онъ, что ходимъ и скачимъ мы по земной корѣ, а она-то не толще яичной скорлупы.

Въ Ѳедоровкѣ я снова встрѣтилъ тѣхъ же дамъ, и какое-то внутреннее чувство говорило мнѣ, что мои ухаживанія за Буйницкой, искренно любящей своего мужа, всего болѣе напоминали риторическія упражненія. Я сталъ оглядываться, и глаза мои невольно остановились на ея сдержанной, чтобы не сказать строгой, сестрѣ Еленѣ. Обращаясь къ послѣдней безъ всякихъ фразъ, я скоро изумленъ былъ ея обширнымъ знакомствомъ съ моими любимыми поэтами. И между прочимъ она первая познакомила меня съ поэмой Тургенева „Параша“. Помню, какъ она не безъ ироніи прочла стихи:

„Сталъ какъ-то бокомъ
И началъ разговоръ
О Турціи, гонимой злобнымъ рокомъ“.

Помню, какъ мнѣ вдругъ сдѣлалось не желательно стать передъ нею въ такомъ невыгодномъ положеніи.

Но главнымъ полемъ сближенія послужила намъ Жоржъ-Зандъ съ ея очаровательнымъ языкомъ, вдохновенными описаніями природы и совершенно новыми небывалыми отношеніями влюбленныхъ.

Изложенія личныхъ впечатлѣній при чтеніи каждаго новаго ея романа приводило къ взаимной провѣркѣ этихъ ощущеній и къ нескончаемымъ ихъ объясненіямъ. Только послѣ нѣкотораго продолжительнаго знакомства съ m-lle Hélène, какъ я ее называлъ, я узналъ, что она почти съ дѣтства лю-

била мои стихотворенія. Не подлежало сомнѣнію, что она давно поняла задушевный трепетъ, съ какимъ я вступалъ въ симпатичную ея атмосферу. Понялъ и я, что слова и молчаніе въ этомъ случаѣ равнозначительны.

— Замѣтили вы, спросилъ я однажды, какъ въ скорости послѣ свадьбы Камиллы, провожая васъ и Юльцу вечеромъ по деревяннымъ кладкамъ до дверей вашего флигеля, я желалъ сказать вамъ: „bonsoir", но почему-то вдругъ выговоривши „bon", я испугался несообразности привѣтствія позднимъ временемъ, поправился и сказалъ: bonne nuit.

— Да, я сейчасъ это замѣтила и поняла, сказала Елена.

Ничто не сближаетъ людей такъ, какъ искусство вообще— поэзія въ широкомъ смыслѣ слова. Такое задушевное сближеніе само по себѣ поэзія. Люди становятся чутки и чувствуютъ и понимаютъ то, для полнаго объясненія чего никакихъ словъ недостаточно. Я уже говорилъ о замѣчательной музыкальной способности Елены. Мнѣ отрадно было узнать, что во время пребыванія въ Елизаветградѣ Листъ умѣлъ оцѣнить ея виртуозность и поэтическое настроеніе. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ ей въ альбомъ прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной красоты. Сколько разъ просилъ я Елену повторить для меня на рояли эту удивительную фразу. Подъ вліяніемъ послѣдней я написалъ стихотвореніе:

Какіе-то носятся звуки
И льнутъ къ моему изголовью....

Оцѣнила ли добрѣйшая Елизавета Ѳедоровна изъ племянницъ своихъ болѣе всѣхъ Елену, искала ли Елена отдохновенія отъ затворничества въ домѣ брюзгливаго отца и уроковъ, которые вынуждена была давать младшей сестрѣ, на строптивость и неспособность которой по временамъ горько жаловалась, но только при дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ моихъ Ѳедоровки я въ числѣ и немногихъ гостей встрѣчалъ Елену. Казалось, что могли бы мы приносить съ собою изъ нашихъ пустынь? А между тѣмъ, мы не успѣвали наговориться. Бывало, всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ, и время уже за полночь, а мы при тускломъ свѣтѣ цвѣтнато фонаря продол-

жаемъ сидѣть въ альковѣ на диванѣ. Никогда мы не проговаривались о нашихъ взаимныхъ чувствахъ. Да это было бы совершенно излишне. Мы оба были не дѣти: мнѣ 28, а ей 22, и намъ непростительно было совершенно отворачиваться отъ будничной жизни. Чтобы разомъ сжечь корабли нашихъ взаимныхъ надеждъ, я собрался съ духомъ и высказалъ громко свои мысли касательно того, насколько считалъ бракъ для себя невозможнымъ и эгоистичнымъ.

— Я люблю съ вами бесѣдовать, говорила Елена, безъ всякихъ посягательствъ на вашу свободу.

Позднія бесѣды наши продолжались.

— Елена, сказалъ я однажды, засидѣвшись за полночь, завтра утромъ я рѣшительно поблагодарю добрѣйшихъ хозяевъ, дружески пожму вамъ руку и окончательно уѣду. Такъ продолжать нельзя. Никто не можетъ не видѣть этого, и все осужденіе падетъ, конечно, не на меня, а на васъ.

— Мы ничего дурнаго не дѣлаемъ, спокойно отвѣчала она, а лишать себя счастья отрадныхъ бесѣдъ изъ-за сужденій людей, къ которымъ я совершенно равнодушна, я не считаю основательнымъ.

Бесѣды наши по временамъ повторялись.

Съ утра иногда я читалъ что-либо вслухъ въ гостиной, въ то время какъ она что-нибудь шила.

Такъ однажды мы услыхали шаги проходящаго по залѣ въ красномъ шлафрокѣ Мих. Ильича. Обычно потирая руки, онъ напѣвалъ на голосъ какого-то водевильнаго куплета:

Я только въ скобкахъ замѣчаю....

— Каковъ дядя! шепнула Елена, поднимая улыбающіеся глаза отъ работы.

— Видите, до какой степени я былъ правъ, сказалъ я.

Передъ Масляной, когда я рано утромъ раскрылъ глаза, собираясь встать съ моей Красносельской походной кровати, надъ изголовьемъ вдругъ очутилась прелестная бѣлокурая головка, съ распущенными по бѣлой сорочкѣ длинными волосами, и безъ дальнихъ околичностей поцѣловавъ меня трижды въ губы, послѣ поклона проговорила: „прохавъ батько, про-

хала матка и я просю на хлибъ, на силь и на веселье". Съ послѣднимъ словомъ она передала мнѣ небольшую булку, у которой хохолъ изъ тѣста былъ перевязанъ красною лентой. Въ отвѣтъ я отдарилъ ее серебрянымъ полтинникомъ.

LIII

Новый полковой командиръ К. Ѳ. Бюлеръ. — Назначеніе меня полковымъ адъютантомъ. Нашъ Орденскій полкъ.—Мои отношенія съ товарищами.—Знакомство съ Савскими.—Крещеніе еврея.

Подходило время къ веснѣ. Въ полку вмѣстѣ съ принятіемъ его барономъ Бюлеромъ произошли значительныя перемѣны. Вышелъ въ отставку полковой казначей Іосифъ Безрадецкій, удержавшій изъ перваго моего офицерскаго жалованья деньги за юнкерскую обмундировку. Когда я ему объяснилъ, что заплатилъ закройщику Лихотѣ сто руб., т. е. чуть не втрое противъ казенной стоимости сукна, Безрадецій сказалъ, что всѣмъ юнкерамъ строится обмундировка въ полковой швальнѣ на ихъ счетъ, а что, вѣроятно, я далъ Лихотѣ сто рублей на чай.

Пришла на мое имя бумага изъ полковаго штаба съ приглашеніемъ прибыть въ селеніе Елизаветградку для занятія должности полковаго квартирмейстера. Когда я являлся къ новому полковому командиру, Карлу Ѳед. Бюлеру, послѣдній сказалъ мнѣ: „я назначилъ васъ на должность квартирмейстера, но вамъ извѣстно, что Сакенъ получилъ пѣхотный корпусъ въ Западномъ краѣ, а новый нашъ корпусный командиръ баронъ Офенбергъ пригласилъ Н. И. Небольсина къ себѣ въ адъютанты. Поэтому я васъ прошу принять на время въ свое вѣдѣніе полковую канцелярію".

Привычный къ канцелярскимъ порядкамъ, я попросилъ было Николая Иван. сдать мнѣ дѣла, но онъ отвѣтилъ: „принимайте сами все, что тамъ есть".

Знакомясь съ крайне безпорядочнымъ состояніемъ канце-

ляріи, я убѣдился, что не канцелярскій порядокъ, а величайшій тактъ былъ причиною всеобщей любви и уваженія, какими пользовался Небольсинъ. Еще до моего прибытія въ штабъ Петръ Вас. Кащенко былъ назначенъ казначеемъ.

По разъ установленному правилу, адъютантъ и казначей ежедневно обѣдали у Карла Ѳедоровича, — и вотъ причина моего сближенія съ Кащенко.

Весенняя вода сошла и земля оттаяла. При этомъ ходить по уличному чернозему иначе не было возможности, какъ въ болотныхъ сапогахъ, въ которыхъ, однако, неловко было являться къ обѣду полковаго командира. Поэтому, отправляясь туда, я надѣвалъ болотные сапоги и садился верхомъ на одну упряжную, покрытую попоной, а слуга мой съ сапогами со шпорами ѣхалъ на другой упряжной. Въ передней я сбрасывалъ грязные болотные и надѣвалъ форменные, а черезъ часъ слуга возвращался за мною, и я переобувшись ѣхалъ домой. Такъ продолжалось дней пять. Но вотъ улицы стали просыхать и вдоль стѣнъ образовались тропинки, по которымъ можно было сухо пробираться.

Послѣ двухъ недѣль исполненія мною должности адъютанта, Бюлеръ, подписавъ доложенныя ему бумаги, сказалъ: „канцелярское дѣло у васъ идетъ, такъ успѣшно, что я думаю попросить васъ остаться въ этой должности“.

Понимая, что военная служба представляетъ мнѣ единственно доступную дорогу, я, конечно, былъ очень радъ предложенію такого любезнаго командира, какимъ былъ Карлъ Ѳедоровичъ. Хотя отъ Кащенки зналъ до какой степени наша молодежь другъ передъ дружкой добивается предлагаемаго мнѣ мѣста и раздражена моимъ назначеніемъ, тѣмъ не менѣе я рѣшился принять должность на основаніи поговорки: „на службѣ ни на что не напрашивайся и ни отчего не отказывайся“. Что завистники про меня распускали дурнаго между молодежью—я никогда не любопытствовалъ знать. Но что они успѣли вооружить противъ меня даже и старшихъ офицеровъ, это несомнѣнно. Многое пришлось мнѣ въ это тяжелое время передумать съ подушкой. Мы оба съ барономъ Бюлеромъ молча сознавали, что намъ предстоитъ многотрудная задача добиться въ полку нравственнаго равновѣсія.

Блестящій періодъ Энгельгардта невозвратно прошелъ: богатая молодежь, шедшая въ полкъ для того, чтобы красиво отпраздновать молодость или перейти изъ арміи въ гвардію, миновала. Богатый и всемогущій ремонтеръ Клевцовъ, водившій въ полкъ восьми, девяти и десяти вершковые фланги и даже приведшій въ первый эскадронъ 11-ти вершковаго Ринальда, оставилъ службу. Прошло то время, когда Энгельгардту стоило сказать: „господа, я увѣренъ, что вы меня поддержите",—для того, чтобы офицеры не пожалѣли никакихъ денегъ для блестящаго представительства полка; но за то этотъ блескъ выкупался полнымъ отсутствіемъ дисциплины. Богатые самонадѣянные офицеры безцеремонно по полугодіямъ проживали дома, и въ экстренномъ случаѣ, за отсутствіемъ телеграфовъ, разсылались эстафеты, а немногіе бѣдняки между тѣмъ тянули безысходную лямку. Въ тѣ времена немного бы нашлось конкуррентовъ на должность, обязывающую заботиться о дѣлахъ полка и безотлучно сидѣть въ штабѣ. Теперь большинство молодежи искало служебной дороги. Аммуничное хозяйство дошло до послѣдней невозможности. Небогатый Бюлеръ прямо говорилъ, что, потерявши по болѣзни Клястицкій полкъ, онъ не можетъ не принять Орденскаго, не рискуя остаться безъ полка; но что безъ этого обстоятельства онъ ни за что не принялъ бы полка отъ безпомощнаго Кноринга, принявшаго полкъ отъ Энгельгардта. Въ цѣломъ полку не было сотни крѣпкихъ шинелей; старые вальтрапы были въ лохмотьяхъ, а вновь построенные обрѣзаны до невозможности. И все въ такомъ родѣ. Дѣльный, добросовѣстный и опытный баронъ хорошо понималъ всю тяжесть предстоящей ему работы. Надо было въ теченіи долгихъ лѣтъ водить солдатъ чуть не нагишемъ, чтобы собрать и возстановить все расхищенное. Если прибавить, что халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу среди фронтовыхъ лошадей развели сапъ, то понятно, до какой степени раздумье могло овладѣвать полковымъ командиромъ. Но всего труднѣе было подтянуть окончательно расшатанную дисциплину между офицерами.

— Сегодня я иду въ конный лазаретъ, а корнетъ Пилипенко при встрѣчѣ раскланялся со мною, снимая фуражку,

какъ знакомый на бульварѣ, сказалъ мнѣ передъ обѣдомъ Карлъ Ѳедоровичъ: эти господа понятія о дисциплинѣ не имѣютъ. Объявите ему въ приказѣ по полку на первый разъ замѣчаніе и прибавьте, что я буду строго взыскивать за подобное нарушеніе устава.

Конечно, такіе призывы къ дисциплинѣ не могли нравиться распущенной молодежи, и мои завистники безъ сомнѣнія пользовались случаемъ давать чувствовать, что такой строгій тонъ возникаетъ не безъ моего вліянія. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ дѣйствительнѣе.

Въ блаженныя времена Энгельгардта полковой адъютантъ, мирволя богатымъ, могъ не въ очередь назначать бѣднаго на службу и въ случаѣ ропота держалъ въ запасѣ слова: „но какъ же не вызволить товарища! Выйдетъ исторія, непріятная полковому командиру".

Я же былъ глубоко убѣжденъ, что препираться со всякимъ насчетъ его очереди для меня немыслимо, и что мое спасеніе въ совершенно механическомъ веденіи очереди, не взирая ни на какое лицо. Но заводить годами разстроенный порядокъ не легко, какъ мнѣ это пришлось испытать на первыхъ порахъ. Приходитъ ко мнѣ на квартиру корнетъ Вишневскій.

— Вы назначили меня въ караулъ къ инспектору?

— Вы получили объ этомъ повѣстку.

— Я ни за что не поѣду, не моя очередь.

— Потрудитесь въ канцеляріи взглянуть на очередный списокъ, и вы убѣдитесь, что очередь ваша. Если же вамъ угодно отъ нея избавиться, то обратитесь къ полковому командиру, а я только веду очередь, но никого ни наряжать, ни увольнять не могу.

— Я ни за что не поѣду, такъ какъ не моя очередь.

Съ этими словами Вишневскій уходитъ и, не справляясь со спискомъ, идетъ безпокоить полковаго командира. У насъ съ Карл. Ѳед. происходитъ возбужденный разговоръ объ очередномъ спискѣ. И я съ трудомъ могу успокоить его своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этому дѣлу.

Нѣсколько дней спустя я засталъ Карла Ѳедор. въ сильномъ волненіи.

— Что въ этомъ полку дѣлается, сказалъ онъ,—уму непостижимо: вчера вечеромъ князь Кудушевъ прислалъ ко мнѣ своего слугу просить для его вечера трубачей. Говорятъ, что онъ имъ заплотитъ. Полковые трубачи не бродячая труппа, и я прошу васъ, Аѳ. Аѳ., никому безъ личнаго моего разрѣшенія трубачей не отпускать.

— Слушаю, Карлъ Ѳедор., сказалъ я, наклоняя голову.

Послѣ разноса приказа о Пилипенкѣ, писарь принесъ его ко мнѣ обратно, и рукою корнета Кревса послѣ росписки было написано:

„Хихихи—хахаха,
Какъ мнѣ жалко пѣтуха“.

Поставилъ меня этотъ пѣтухъ въ великое затрудненіе. Вопервыхъ, я не обязанъ былъ провѣрять подписей и могъ не видать неумѣстной выходки; вовторыхъ, кто былъ пѣтухъ: я или полковой командиръ? Докладывать объ этомъ Бюлеру значило навлекать на него глупѣйшую исторію. Требовать громогласнаго удовлетворенія отъ Кревса значило бы мальчишескую выходку возводить въ серьезный скандалъ, который въ концѣ концовъ, падая всетаки на полковаго командира, могъ заставить его пожалѣть о неудачномъ выборѣ адъютанта.

Не говоря никому ни слова, я отправился къ своему ближайшему сосѣду, казначею Кащенкѣ, которому сообщилъ и самое дѣло, и мои соображенія.

— Что они вооружены не противъ васъ, сказалъ Кащенко, а только злятся изъ-за должности,—видно изъ того, что они задираютъ и вновь прибывшаго въ полкъ племянника Кази, поручика Вангели, исправляющаго должность квартирмейстера. Въ прошлую ночь они схватили и перетащили на другой дворъ приготовленный для его кухни хворостъ; но Кази прямо имъ сказалъ: „вы не знаете Вангели; онъ не поцеремонится пустить пулю въ лобъ тому, кто на него наскочитъ“. Мой совѣтъ—покуда плюньте вы на все это. Чѣмъ скучать дома одному, поѣдемте къ здѣшнему окружному полковнику Савскому. Они оба съ женою прерадушные люди, и у нихъ двѣ барышни. Познакомилъ меня съ ними

Небольсинъ. И вотъ я иногда отправляюсь къ нимъ на вечерокъ; я представлю васъ, и они будутъ сердечно рады. Вы вѣрно пойдете надѣть сюртукъ поновѣе, а я велю запрягать пролетку и заѣду за вами.

Черезъ четверть часа мы уже на парѣ сѣрыхъ съ лихою пристяжной мчались къ концу села за казенный садъ. И я дѣйствительно нашелъ весьма радушное и простое семейство.

Разговоръ зашелъ о сравненіи ушедшихъ съ поселенія уланъ съ заступившими ихъ мѣсто кирасирами, которымъ дѣвицы изъ любезности отдавали предпочтеніе. Перешли къ шарадамъ, и тутъ ни мы, ни дѣвицы не ломали головы надъ особенною правильностью и изысканностью послѣднихъ. Помню, что старшая сказала слѣдующую шараду: „мое первое—частица отрицанія, мое второе — души и тѣла разслабленіе, мое третье—отца и матери утѣшеніе, а мое цѣлое — Орденскаго полка украшеніе“.

Не трудно было догадаться, что это Небольсинъ.

Черезъ нѣсколько дней нашъ полковой священникъ объявилъ мнѣ о желаніи одного кантониста изъ евреевъ креститься, и такъ какъ полк. адъютантъ въ этомъ случаѣ обычный крестный отецъ, то батюшка уже припасъ мнѣ куму.

— Кто такая? спросилъ я.

— Да старшую барышню Савскую; она уже дала мнѣ слово.

Когда въ назначенный день я вошелъ въ прекрасную каменную церковь Красноселья, то засталъ будущую свою куму уже на мѣстѣ, и тутъ же еврея лѣтъ 15, готовящагося принять крещеніе. Около лѣваго клироса были поставлены ширмы, за которыми скрывалась большая кадка. По прочтеніи надлежащихъ молитвъ и погруженіи крестящагося, священникъ надѣлъ на послѣдняго приготовленный мною крестикъ и припасенную воспріемницею сорочку. Затѣмъ священникъ поздравилъ насъ съ крестникомъ, который принялъ фамилію Аѳанасьева.

Впослѣдствіи въ должности полковаго адъютанта мнѣ привелось быть воспріемникомъ многихъ евреевъ. И такихъ Аѳанасьевыхъ оказалось не менѣе десяти.

По настоятельной просьбѣ Кащенки, я иногда по вече-

рамъ сопровождалъ его къ Савскимъ, и не трудно было замѣтить, что мой Петръ Вас. таялъ въ присутствіи старшей дѣвицы. Страсть его изливалась дома въ отчаянномъ пиленьи на скрипкѣ, и иногда даже въ своей квартирѣ, отдѣлявшейся только однимъ дворомъ отъ казначейской, я могъ слышать, какъ влюбленный Кащенко страдаетъ.

Однажды этотъ отчаянный скрипъ привлекъ и проходившаго мимо полковаго командира.

— Сегодня Карлъ Ѳед. ко мнѣ заходилъ, сказалъ мнѣ Кащенко, переставая пилить: да какой онъ мастеръ играть на скрипкѣ! „Дайте попробовать вашу скрипку“, сказалъ онъ мнѣ. Такъ она у него и запѣла! Но какъ я ни просилъ его продолжать, онъ не сталъ, а сказалъ: „я уже двадцать лѣтъ не играю“.

Впослѣдствіи, помнится, я слышалъ отъ одного изъ прежнихъ сослуживцевъ Бюлера, что будучи адъютантомъ графа Крейца, баронъ аккомпанировалъ на скрипкѣ дочери графа, а когда послѣдняя умерла, то съ той поры не бралъ уже скрипки въ руки.

LIV

Приказъ о выступленіи въ походъ. — Сдача ружей. — Выступленіе въ походъ.—Ново-Миргородъ.—Обѣды Бюлера. — Пріѣздъ Ел. Ѳ. Петковичъ въ Ново-Миргородъ.

Въ полкъ пришелъ приказъ о поступленіи нашемъ на военное положеніе и выступленіи черезъ недѣлю въ походъ къ австрійской границѣ.

Единовременно съ этимъ приказано намъ сдать оставленныя въ полковыхъ цейхаузахъ ружья, находившіяся въ полку для пѣшаго строя. Ружья эти были бракованныя еще съ 12 года, и изъ нихъ никогда не стрѣляли. Тѣмъ не менѣе съ одной стороны для исправленій и подѣлки ложъ въ полку находились нестроевые рабочіе, носившие спеціальное назва-

ніе ложныхъ мастеровъ, а съ другой, почти ежегодно изъ Тулы пріѣзжалъ съ мастерами артиллерійскій полковникъ, къ пріѣзду котораго ружья были разложены на смотръ и разбирались по номерамъ казенными мастерами, причемъ противъ ложи полковаго издѣлія полковникъ въ описи помѣщалъ бракъ, негодный для сдачи въ арсеналъ. Въ полученномъ приказѣ о сдачѣ ружій въ поселенное вѣдомство было сказано: „Его Величеству угодно, чтобы арсеналы принимали ружья не бракуя".

Полковой командиръ тотчасъ же отправилъ меня въ Крыловъ для сдачи ружій начальнику округа Ѳ. Ѳ. Вернеру.

Въ Крыловѣ, кромѣ Вернера, бывшаго дивизіонера нашего полка, я засталъ только нашего бригаднаго командира, Петра Павл. Пущина, къ которому тотчасъ же и явился въ качествѣ адъютанта его бригады.

— Приходите ко мнѣ запросто обѣдать, сказалъ добрѣйшій хлѣбосолъ Петръ Павловичъ: кстати приглашу и Ѳедора Ѳедоровича, и мы общими силами поторопимъ сдачу ружей. Я понимаю, что у васъ тамъ горячка по поводу выступленія въ походъ, и вамъ прохлаждаться здѣсь некогда.

Когда послѣ обѣда я сталъ говорить Вернеру о сдачѣ ружей, онъ пришелъ въ такое отчаяніе и комическое волненіе, что я рѣшительно не могъ совладѣть съ душившимъ меня смѣхомъ.

— Вы не хотите понять, жалобно пищалъ Ѳед. Ѳед., что вы меня грабите! Вы пьете кровь моихъ дѣтей!

— Ѳед. Ѳед., ради Бога успокойтесь! Зачѣмъ вы предполагаете во мнѣ такую кровожадность? Вѣдь вамъ извѣстна воля государя? У него двухъ словъ не бываетъ. Сказано, арсеналамъ не смѣть браковать, а принимать, что даютъ. Поэтому не безпокойтесь; и я съ васъ попрошу только росписку въ принятіи такого-то числа ружей съ всѣми принадлежностями. И вамъ Кіевскій арсеналъ выдастъ такую же.

Насилу въ три дня окончилъ я сдачу ружей.

Въ Елизаветградкѣ я дѣйствительно засталъ суету по поводу приготовленій къ скорому походу. Мы получили двойное жалованье и рублей 400 подъемныхъ.

Милый П. В. Кащенко впопыхахъ сдѣлалъ предложе-

ніе и былъ объявленъ женихомъ моей кумы. А такъ какъ я не привыкъ швырять деньги и не хотѣлъ возить лишней суммы по походамъ, то съ удовольствіемъ далъ 700 руб. Петру Вас. подъ росписку.

Въ послѣднее время мнѣ не удалось побывать у Петковичей, но на походѣ чуть ли не всему полку пришлось проходить мимо Ѳедоровки и притомъ не далѣе полверсты отъ конца липовой аллеи, выходившей въ поле.

Самъ Карлъ Ѳед. съ нами походомъ не шелъ, иначе подъѣхавъ къ лѣвому его стремени я считалъ-бы себя безопаснымъ отъ всякаго рода выходокъ собравшейся въ кучку съ лѣвой стороны походной колонны зубоскаловъ. Чтобы избѣжать завѣдомо враждебной среды, я безотлучно шелъ въ головѣ полка, передъ трубаческимъ хоромъ, начинавшимъ по знаку штабъ-трубача играть при вступленіи во всякое жилое мѣсто. Мои поѣздки къ Петковичамъ не могли быть неизвѣстны въ полку; но едва ли многіе знали, гдѣ именно Ѳедоровка.

Душа во мнѣ замирала при мысли, что можетъ возникнуть какой нибудь неумѣстный разговоръ объ особѣ, защищать которую я не могъ, не ставя ее въ ничѣмъ незаслуженный неблагопріятный свѣтъ. Поэтому подъ громъ марша я шелъ мимо далекой аллеи, даже не поворачивая головы въ ту сторону. Это не мѣшало мнѣ вглядываться скосивъ влѣво глаза, и—у страха глаза велики—мнѣ показалось въ темномъ входѣ въ аллею бѣлое пятно. Тяжелое это было прощанье....

Въ Ново-Миргородѣ пришло приказаніе остановиться до новаго приказа. Насъ размѣстили по отводу весьма широко; въ большомъ одноэтажномъ домѣ отведена была квартира полковому командиру, и тутъ же съ другого крыльца помѣщался я въ двухъ или трехъ комнатахъ. Во флигелѣ расположилась полковая канцелярія. Недалеко была квартира и трубаческаго взвода. За широкою площадью къ рѣкѣ начинался базаръ. Пока мы тянулись къ Ново - Миргороду, Бюлеръ въ свою очередь успѣлъ съѣздить въ Крыловъ распорядиться остающимся полковымъ добромъ. Онъ разсказалъ со свойственной ему ироніей, что былъ у добрѣйшаго П. П. [illegible]ина, и что послѣдній, какъ домовитый хозяинъ, придумалъ отправлять на баркѣ вверхъ по Днѣпру мебель въ свое

Минское имѣніе. А такъ какъ задѣланной въ ящики мебели приходится въ страшную жару долго ожидать попутной барки, то мебель на знойномъ берегу стрѣляетъ.

— Хороша она придетъ въ Минскъ, смѣялся Карлъ Ѳедоровичъ: — черезъ недѣлю и самъ Петръ Павл. прибудетъ сюда, и ему уже отведена квартира.

Такъ какъ эскадроны расположились съ своими офицерами кругомъ Ново-Миргорода отдѣльно, а въ Ново-Миргородѣ офицерскаго караула не было, то и пререканій по случаю нарядовъ никакихъ быть не могло.

Величайшимъ удовольствіемъ для Бюлера было накормить кого либо своимъ черезчуръ сытнымъ обѣдомъ. Служа когда то въ Варшавѣ съ молодымъ въ то время еще безденежнымъ княземъ Радзивиломъ, баронъ сохранилъ при себѣ своего неизмѣннаго деньщика литвина Петра и Радзивиловскаго повара поляка. Петръ постоянно заботился о столѣ полковаго командира, который, кушая однажды въ день, не зналъ никогда, что будетъ у него за столомъ. Къ хорошей водкѣ Петръ всегда припасалъ какую либо незатѣйливую закуску, вродѣ колбасы, сыру, ветчины или сардинокъ. Затѣмъ слѣдовалъ супъ, а большею частію борщъ или щи, сопровождаемый растегаями такихъ размѣровъ, какихъ мнѣ уже не приходилось встрѣчать. Навѣрное каждый изъ нихъ былъ длиннѣе четверти съ соотвѣтственной тому шириной. Этого одного кушанья достаточно бы было накормить самаго голоднаго. Но въ жаркое время появлялся превкусный малороссійскій хлудникъ со льдомъ. Затѣмъ нерѣдко сразы съ подливкой и гречневой кашей. Не буду перечислять всѣхъ блюдъ неистощимаго Петра. Подавалось всего съ избыткомъ, и Карлъ Ѳед. былъ доволенъ.

Тотчасъ по другую сторону рѣчки было имѣніе богатаго помѣщика Лопухина, съ которымъ познакомился Бюлеръ и однажды отправился къ нему обѣдать. На другой день я въ своей нетычанкѣ поѣхалъ сдѣлать конное ученіе застоявшемуся трубаческому взводу.

Воротясь за часъ до обѣда, нахожу Петра въ необычномъ возбужденіи бѣгающимъ по двору, очевидно, безъ всякаго толка.

— Что это ты, Петръ, въ такой суетѣ? спрашиваю я.

— Да какъ же тутъ быть! восклицаетъ онъ, подымая руки: скоро ли до базара то дойдешь! да и какой теперь базаръ: я, чай, всѣ разошлись. А вѣдь нашъ-то прибѣжалъ въ кухню да и спрашиваетъ: „что у тебя готовится? Лопухинъ будетъ обѣдать". Поваръ показалъ кастрюли. „Ракалья! закричалъ полковникъ: вали все въ лоханку! Чтобы сію минуту былъ новый обѣдъ!" Вотъ и поди ты!

— Да ты, Петръ, вмѣсто того, чтобы тыкаться, скачи на базаръ на моихъ лошадяхъ и забирай, что нужно.

— Дай Богъ вамъ здоровья! воскликнулъ шаровидный Петръ и, вскочивъ въ шарабанъ, помчался во весь духъ.

Наконецъ отыскался и нашъ бригадный Петръ Павловичъ.

Впродолженіе жаркаго дня и онъ, подобно намъ, отсиживался на квартирѣ; зато вечеромъ мы нерѣдко съ нимъ встрѣчались и втроемъ съ Бюлеромъ совершали прогулки по пустыннымъ улицамъ Ново-Миргорода.

Однажны, когда мы шли, направляясь къ главной улицѣ, я замѣтилъ невиданное въ Ново-Миргородѣ явленіе: навстрѣчу къ намъ шелъ по тротуару ливрейный слуга и подойдя обратился ко мнѣ со словами:—„Елиз. Өед. Петковичъ остановились въ гостинницѣ проѣздомъ на богомолье, и просятъ васъ пожаловать къ нимъ, такъ какъ завтра рано утромъ уѣзжаютъ".

Слуга исчезъ, а мы продолжали подходить къ единственной небольшой гостинницѣ.

— Какъ? что? восклицалъ Пущинъ: это онъ идетъ къ Бржесской, и я пойду.

Слава о красотѣ Бржесской очевидно дошла и до генерала. Но какая въ его изображеніи возникла связь между ея красотой и мной, объяснить не берусь. Представленіе это возбуждало въ немъ явную игривость. Напрасно повторялъ я, что это не Бржесская, онъ продолжалъ восклицать: „Бржесская! Карлъ Өед., пойдемте за нимъ!" приводя меня этими словами въ немалое смущеніе.

Когда я сталъ входить по деревяннымъ ступенямъ крыльца гостинницы, генералъ, какъ я втайнѣ предчувствовалъ, отсталъ отъ меня.

— Вы встрѣтили моего слугу, сказала, подавая мнѣ руку, Елиз. Ѳед.; такъ какъ я завтра рано утромъ уѣзжаю, то онъ отпросился кое-что купить въ городѣ. Здѣсь по близости въ монастырѣ чудотворная икона Божьей Матери. Такъ какъ на своихъ стоверстная дорога представляетъ цѣлое двухъ суточное путешествіе, то я пригласила съ собой добрую Марью Ивановну. Марья Ивановна, сказала Петковичъ, вы знаете, что Аѳ. Аѳ. никогда не откажется отъ кофею: угостите насъ кофейкомъ. Когда кофей былъ поданъ, Марья Ивановна попросила позволенія воспользоваться случаемъ свиданія съ одной знакомой.

— Сдѣлайте милость, отвѣчала Елиз. Ѳед. И по уходѣ компаніонки свела рѣчи о замѣтномъ опустѣніи края послѣ ухода кавалеріи.

Лѣтній вечеръ между тѣмъ погасъ, и голубая ночь вступила въ свои права. Полная луна, глядя въ окно, перерѣзала полусумракъ комнаты яркимъ свѣтомъ. Полоса эта озаряла стоящій подъ окномъ стулъ. Вдругъ Елизавета Ѳедоровна съ привычнымъ проворствомъ вскочила съ дивана и подхвативъ плетеный стулъ поставила его рядомъ съ освѣщеннымъ луною.

— Я попрошу васъ на минуту сѣсть сюда, сказала она, опускаясь на освѣщенный стулъ.

Люди усланы, подумалъ я, и я посаженъ такъ, чтобы видно было малѣйшее выраженіе моего лица. Тутъ какая-то тайна, но какая, я не могъ угадать.

— Я говорила вамъ, начала моя собесѣдница, что пріѣхала въ монастырь, но это далеко не вѣрно. Я пріѣхала къ вамъ.

— Я въ этомъ самъ убѣдился, сказалъ я, наклоняя голову.

— Я хотѣла спросить васъ, продолжала она, что намъ дѣлать съ Hélène: она въ такомъ отчаяніи, въ такой тоскѣ, что мы сами потеряли голову. Отправить ее въ такомъ положеніи къ отцу мы не рѣшаемся, и глядѣть на нее тоже невыносимо.

— Я увѣренъ, сказалъ я, что привела васъ сюда ваша врожденная доброта и участіе, которое вы принимаете въ

племянницѣ, но не могу повѣрить, чтобы это было по ея просьбѣ.

— О, въ этомъ случаѣ вы совершенно правы. Она ни о чемъ меня не просила; она неспособна ни на что и ни н кого жаловаться.

— Зная взаимное довѣріе ваше съ племянницей, сказалъ я, я былъ увѣренъ, что вамъ давно извѣстны наши съ нею взгляды на наши дружескія отношенія; извѣстно также, что я давно умолялъ вашу племянницу дозволить мнѣ не являться болѣе въ Ѳедоровкѣ.

— Вы должны были исполнить ваше намѣреніе, такъ какъ вы уже не мальчикъ, слѣпо увлекающійся минутой.

— Я принимаю вашъ вполнѣ заслуженный упрекъ. Я виноватъ; я не взялъ въ разсчетъ женской природы и полагалъ, что сердце женщины, такъ ясно понимающей неумолимыя условія жизни, способно покориться обстоятельствамъ. Не думаю, чтобы самая томительная скорбь въ настоящемъ давала намъ право идти къ неизбѣжному горю всей остальной жизни.

— Можетъ быть, можетъ быть! воскликнула Елизавета Ѳедоровна; но что же намъ дѣлать? чѣмъ помочь бѣдѣ?

— Позвольте мнѣ вручить вамъ письмо къ ней, и я могу васъ увѣрить, что она постарается успокоить васъ насчетъ своего душевнаго состоянія.

— Я васъ объ этомъ прошу.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, позвольте, поцѣловавъ руку вашу, пойти къ себѣ написать письмо къ раннему вашему отъѣзду.

Мы уже давно были съ Hélène въ перепискѣ, но она съ самаго начала писала мнѣ пофранцузски, и я даже не знаю, насколько она владѣла русской „почтовой прозой“. Я всегда писалъ ей порусски.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ по почтѣ самое дружеское и успокоительное письмо.

LV

Трубачи. — Лопухинъ. — Возвращеніе въ Крыловъ.—Балъ у польскаго помѣщика.—Продажа бракованныхъ лошадей.—Князь [illegible] Щербатовъ.— Полковая библіотека.

Скучное однообразіе уединенной ново-миргородской жизни насъ окончательно поглотило.

За исключеніемъ утренней ходьбы къ трубаческимъ конямъ да двумъ-тремъ взводнымъ трубаческимъ ученіямъ, я никуда не отлучался изъ дому, и немногія бумаги приносили мнѣ къ подписи изъ канцеляріи. Въ свободные часы Бюлеръ усердно читалъ французскіе романы, которыми всегда запасался, и по добротѣ своей дѣлился ими со мной. Въ Ново-Миргородѣ онъ доставалъ романы отъ Лопухиныхъ. Полный романтизмомъ Жоржъ - Зандъ, я постарался пріохотить и Карла Ѳед. къ ея романамъ и какъ то рекомендовалъ ему „André“, который, чтобы дать свободу любимой женѣ, бросается въ пропасть. Когда по прочтеніи я спросилъ мнѣнія Бюлера, онъ сказалъ: „очень глупый мужъ“.

И я убѣдился въ неумѣстности моей пропаганды.

Такъ какъ трубачи были въ одиночествѣ почти единственнымъ предметомъ моего вниманія, то немудрено, что именно въ это время я успѣлъ всмотрѣться въ ихъ физіономіи. Впослѣдствіи мнѣ въ Москвѣ пришлось любоваться прелестной картиной Маковскаго, изображающей пѣвчихъ Успенскаго собора. По всей фигурѣ и выраженію лица каждаго можно безошибочно судить, какимъ голосомъ онъ поетъ, начиная съ тенора и до густаго баса. Не обладая такимъ художественнымъ глазомъ, я бы и тогда, если бы меня спросили, кто изъ цѣлаго хора играетъ на cornet à piston, этомъ инструментѣ, требующемъ наибольшаго напряженія груди, не затруднился бы указать на стройную и могучую фигуру бѣлокураго штабъ - трубача Каліушки. Не странно ли, между прочимъ, и такое совпаденіе имени съ должностью, состоящей въ томъ, чтобы тончайшими звуками колоть слухъ. Но

Каліушка могъ нѣжными звуками своей трубы сопровождать даму, играющую на рояли. При этомъ онъ отлично наблюдалъ за игрою каждаго трубача и бѣгло читалъ ноты, будучи безграмотнымъ. Надо признаться, что хотя я никогда пьянымъ его не видалъ, — выпить онъ былъ не прочь, и быть можетъ это было одной изъ причинъ, почему онъ часто жаловался на приливы крови къ головѣ и нѣсколько разъ въ годъ просилъ позволенія бросить кровь. Какъ я его ни увѣрялъ, что такое излишество вредно, не могу и счесть, сколько разъ за 4-хъ лѣтнюю службу мою адъютантомъ приходилось мнѣ разрѣшать ему кровопусканіе. Если бы кто нибудь спросилъ о томъ, кто играетъ на самой громадной трубѣ С, въ извивъ которой трубачъ пролѣзаетъ головою, надѣвая, такимъ образомъ, трубу черезъ плечо, всякій, мнѣ кажется, указалъ бы на коренастаго, круглолицаго, рябаго брюнета Винокурова, бывшаго въ то же время во взводѣ за старшаго.

Какъ то послѣ полудня слуга доложилъ мнѣ о приходѣ Винокурова.

— Что тебѣ надо? спросилъ я вошедшаго.

— Вотъ, ваше бл—діе, пришелъ жалобу принести на шинкарку, сказалъ трубачъ, подымая правою рукою пустой полштофъ. Нацѣдила она намъ въ нашу посуду водки послѣ обѣда, и не осталось изо всей команды человѣка, котораго бы не стошнило. Какую же она держитъ водку послѣ этого!

— Развѣ ты, Винокуровъ, не видишь, сказалъ я, что ваша посуда на одну треть наполнена мухами? И вы пили муховку собственнаго приготовленія. Пойди, вытряхни мухъ до послѣдней, и вотъ на мои 15 коп. спроси водки и угости команду; и жаловаться на шинкарку вы не будете. Ступай!

— Слушаю, ваше бл—діе.

Однажды Карлъ Ѳед. объявилъ мнѣ, что ѣдетъ обѣдать къ Лопухину, который просилъ отправить къ нему къ пяти часамъ трубачей, по случаю его именинъ. Такъ какъ трубачи играли вѣроятно на открытомъ воздухѣ, то съ пяти часовъ я слышалъ до самой ночи съ небольшими перерывами знакомый мнѣ ихъ репертуаръ. Наконецъ трубный рокотъ умолкъ, и я собирался уже потушить свѣчку и лечь спать, когда слуга доложилъ мнѣ о нарочномъ отъ Лопухина.

— Что вамъ угодно? спросилъ я вошедшаго красиваго брюнета во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и тремя блестящими запонками на сорочкѣ.

— Господинъ Лопухинъ внезапно заболѣлъ, отвѣчалъ онъ, и я пріѣхалъ просить у васъ полковаго медика.

— Я сейчасъ напишу доктору и прикажу указать вамъ его квартиру. Можете захватить его съ собою въ экипажъ.

Получивъ мою записку, пріѣзжій ушелъ.

На слѣдующее утро Карлъ Ѳед. разсказалъ мнѣ, что плотно покушавшій Лопухинъ отправился съ гостями кататься на лодкѣ и должно быть застудилъ желудокъ; а къ вечеру того же дня вернулся нашъ эскулапъ и разсказалъ, что никакія употребленныя имъ средства не могли подѣйствовать на желудокъ больнаго, скончавшагося на рукахъ медика.

— Каково, какъ скоро убрался! восклицалъ Пущинъ, не упускавшій случая пофилософствовать.

Въ скоромъ времени Гергей положилъ передъ нашими войсками оружіе, и князь Варшавскій донесъ государю: „Венгрія у ногъ Вашего Величества!“ А намъ пришло приказаніе вернуться на постоянныя квартиры въ Крыловъ. Снова пришлось мнѣ идти съ трубачами во главѣ полка, но на этотъ разъ колонна составилась изо всего полка. Походомъ по Кіевской губерніи мы остановились на часовой привалъ въ деревнѣ около корчмы, чтобы дать людямъ по чаркѣ водки. Офицеры толпились къ корчмѣ, выдавая деньги каждый своему взводу. Не успѣлъ и я достать кошелекъ, какъ прибылъ слуга съ ближайшаго помѣщичьяго двора и сказалъ, что „паны просятъ пожаловать офицеровъ закусить“. Такъ какъ отказываться не было причинъ, то мы всѣ пошли въ каскахъ, кирасахъ, гремя отпущенными по конному палашами, къ гостепріимнымъ хозяевамъ. Тамъ въ залѣ былъ уже накрытъ длинный столъ, уставленный разнородными вкусными польскими блюдами, вѣроятно заранѣе приготовленными. Иначе какъ объяснить насыщеніе тридцати проголодавшихся человѣкъ? Не было недостатка ни въ винѣ, ни въ превосходныхъ наливкахъ; и въ высшей степени приличный и радушный тонъ хозяевъ не заставлялъ желать лучшаго.

Когда мы пошли въ домъ, я приказалъ штабъ-трубачу, посадивши хоръ на коней, въѣхать на барскій дворъ и стать противъ оконъ. Испросивъ позволеніе хозяйки, давшей мнѣ его съ видимымъ удовольствіемъ, я махнулъ платкомъ, и трубачи, проигравъ нашъ форменный маршъ изъ оперы „Бѣлая дама", продолжали играть во время всей закуски.

Черезъ полчаса мы стали благодарить радушныхъ хозяевъ и, сойдя съ крыльца, я хотѣлъ приказать трубачамъ идти со двора; какъ хозяйка, быстро сбѣжавши, обогнала меня и, приподнявшись наноскахъ, стала совать деньги въ руку штабъ-трубача. Какъ ни умолялъ я не дѣлать этого, ничто не помогло, и она передала Каліушкѣ два золотыхъ.

Вступая въ Крыловѣ по отводу на ту самую квартиру, въ которой въ день пріѣзда моего въ полкъ пріютилъ меня мой И. П. Борисовъ, я волновался самыми разнообразными, хотя не совсѣмъ опредѣленными чувствами. Я одинъ, Борисова, давно покинувшаго полкъ, со мной нѣтъ, но зато, какъ полковой адъютантъ, я долженъ, не взирая ни на какія волненія, прочно утвердиться въ своемъ новомъ положеніи.

Какъ по возвращеніи съ похода никакихъ новыхъ смотровъ не предстояло, то Бюлеръ, быть можетъ нѣсколько раньше, поручилъ мнѣ продать съ аукціона около 70 бракованныхъ лошадей. При небольшихъ средствахъ полковаго командира такая продажа была всетаки нѣкоторой матеріальной поддержкой, и я всѣми силами старался возвысить общую сумму продажи. И если бы удалось сбыть лошадей голова въ голову по 10 руб., то выручилось бы рублей 700.

Однажды утромъ, когда я собирался въ канцелярію, ко мнѣ вошелъ нашъ увѣсистый и пожилой священникъ.

— Я къ вамъ съ просьбой! нельзя ли батюшкѣ то уступить пару трубаческихъ сѣрыхъ?

Въ этой просьбѣ слышался отголосокъ старыхъ порядковъ, при которыхъ Небольсинъ дѣйствительно могъ подарить священнику пару бракованныхъ лошадей.

— Лошади составляютъ личную собственность командира полка, отвѣчалъ я, и объ уступкѣ ихъ слѣдуетъ обратиться къ ихъ хозяину; мнѣ же поручено продать ихъ съ аукціона, и я постараюсь продать ихъ подороже.

Къ Бюлеру священникъ не ходилъ и на аукціонъ не являлся.

— Прикажите, ваше бл—діе, кричитъ мѣщанинъ, тронуть ее съ мѣста; сейчасъ пять рублей набавляю.

— Здѣсь аукціонъ, а не выводка, отвѣчалъ я: торгуйся на то, что видишь.

А у громадной и красивой лошади, оцѣненной въ три рубля, такой шпатъ, что ее можно употреблять только на топчакъ. Тѣмъ не менѣе она идетъ за восемь рублей.

Довольный продажей, приношу Бюлеру слишкомъ 700 р.

На другое утро въ ту же убогую квартиру явился ко мнѣ плотный, высокаго роста молодой человѣкъ и объявилъ, что онъ дѣйствительный студентъ московск. университета кн. А. А. Щербатовъ, зачисленный дивизіей въ нашъ полкъ юнкеромъ. Узнавъ, что ему удобнѣе всего будетъ остаться до производства въ офицеры въ городѣ, я обѣщалъ зачислить его въ находящійся при штабѣ полка лейбъ-эскадронъ и посовѣтовалъ явиться къ полковому командиру, а затѣмъ и къ эскадронному ротмистру Цинготу.

Дня черезъ два не только князь былъ въ юнкерскомъ мундирѣ нашего полка и поселился въ сравнительно хорошей квартирѣ, но вслѣдъ за нимъ появились изъ Москвы два дѣйствительныхъ студента: В. И. Капнистъ и Вл. Ник. Чичеринъ.

Усердное занятіе службой подъ личнымъ надзоромъ эскадроннаго вахмистра Иванова не мѣшало Щербатову проявлять небывалое еще въ полку гостепріимство. Каждую недѣлю дворецкій князя отправлялся за 25 верстъ въ Кременчугъ за провизіей и винами, хотя послѣднихъ въ Крыловѣ было достаточно.

Самъ я почти не бывалъ у Щербатова, но кажется по вечерамъ собирались тамъ офицеры и, быть можетъ, играли въ карты. Я же былъ разъ или два на большихъ обѣдахъ.

Полную противоположность съ этими юнкерами представлялъ вновь поступившій юнкеръ Быковъ, привезенный отцомъ, помнится, изъ Полтавской губ.

Не помню, былъ ли въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ и юнкеръ Быковъ; но въ памяти моей остался его отецъ,

вошедшій къ Щербатову во фракѣ и воскликнувшій при видѣ акварельнаго портрета въ рамкѣ, стоявшаго на письменномъ столѣ и изображавшаго пожилую даму: „кто эта добродѣтель?“ причемъ Щербатовъ обернулся ко мнѣ, прошептавъ: „ахъ, какой подлецъ!“

Ѳед. Ѳед. Вернеръ, котораго мы съ Бюлеромъ посѣщали, и жена котораго угощала насъ прекрасными ужинами, не переставалъ говорить о своихъ заботахъ по округу вообще и по устройству офицерскихъ квартиръ въ частности.

— Вы посмотрите, восклицалъ онъ, какія петли на дверяхъ и рамы, какія дверцы и вьюшки въ печахъ! Это все я экономическимъ способомъ заводилъ. Отъ поселенія только одинъ кирпичъ да известь, а то все бѣдный Ѳед. Ѳед. отдувался! Карлъ Ѳед., и вашему адъютанту готова чудесная квартира съ пріемной, столовой и спальней, передней съ выходомъ въ сѣни и на улицу, а съ другой стороны въ кухню. Къ этому чудесный на дворѣ сарай съ конюшнями и помѣщеніе для экипажей. Да посмотрите, какъ все выкрашено масляной краской, начиная съ желѣзной крыши. Все готово, будете поминать Ѳед. Ѳед., а у меня все готово, хоть завтра переходите на постоянное житье.

— Благодарю васъ, Ѳед. Ѳед., и завтра же воспользуюсь вашимъ разрѣшеніемъ.

Квартира для Крылова оказалась дѣйствительно великолѣпной. Поселеніе отпускало сальныя свѣчи для ея освѣщенія, поступавшія прямо на кухню къ моей прислугѣ и, кромѣ того, достаточно камышу для отопленія. Зимою какъ то Карлъ Ѳед. сказалъ мнѣ:

— Закажите въ мастерской шкапы для книгъ полковой библіотеки и поставьте ихъ у себя на квартирѣ, а я прикажу командиру кантонистскаго эскадрона поручику Дурасевичу, у котораго книги находились во время похода, переслать ихъ вамъ. Вамъ необходимо принять должность полковаго библіотекаря.

— Карлъ Ѳед.! воскликнулъ я не безъ содраганія: воображаю, въ какомъ порядкѣ эта библіотека, и какъ бы мнѣ современемъ не пришлось за нее быть въ отвѣтѣ?

— Порядку и во всемъ полку я нашелъ немного, отвѣ-

чалъ Карлъ Ѳед.,—придется и вамъ привести библіотеку въ порядокъ, спасая что можно. А избавить васъ отъ этой должности неудобно. Вы знаете нашего инспектора: весною онъ пріѣдетъ и навѣрное скажетъ: „что это, батюшка, твой адъютантикъ то не по чину занимаетъ квартиру?“ А какъ я ему скажу: „ваше сія—ство, тутъ помѣщается полковая библіотека“,—онъ и замолчитъ.

Недѣли черезъ двѣ полированные шкапы были готовы, и скоро затѣмъ двое воловыхъ саней подвезли къ моей квартирѣ грудами сваленныя книги. Боже мой, что это было за собраніе! Многія произведенія классическихъ писателей были разрознены. Что же касается многолѣтнихъ собраній журналовъ, то почти не было ни одного полнаго года, а было, напротивъ, много годовъ, представителями которыхъ являлись двѣ-три книжки.

Въ канцеляріи отыскалась книжка, въ которой были записаны принадлежащія полку книги. О такомъ состояніи библіотеки я тотчасъ же донесъ полковому командиру и, составивъ алфавитный списокъ, хотѣлъ дать квитанцію Дурасевичу только въ полученномъ; но онъ сказалъ, что въ свою очередь далъ росписку бывшему казначею въ общихъ словахъ: книги полковой библіотеки получилъ, и другой не требуйте и отъ меня.

— Охота вамъ возиться съ недостающими старыми журналами, сказалъ Бюлеръ: нѣту ихъ, и не надо.

Тѣмъ не менѣе я въ видахъ порядка и собственной безопасности затопилъ печку и предалъ сожженію всѣ скудные остатки старыхъ журнальныхъ годовъ и завелъ тетрадь, не расписавшись въ которой никто не могъ получить книги на домъ.

Такимъ образомъ моя пріемная комната превратилась въ подобіе библіотеки. Это, конечно, не спасало книгъ отъ расхищенія, но, по крайней мѣрѣ, я былъ огражденъ подписью расписавшагося.

Такъ однажды поручикъ Рапъ спросилъ, есть ли у насъ въ библіотекѣ стихотворенія Лермонтова?

— Есть.

— Такъ дайте мнѣ, я хочу подарить ихъ одной барышнѣ.

— Распишитесь и берите.

Ни воззрѣнія полк. командира на предметъ, ни малый интересъ, возбуждаемый въ полку самою библіотекой, не спасли меня въ будущемъ отъ хлопотъ по этому дѣлу. Желавшій насолить мнѣ новый казначей поручикъ Гиржевъ поднялъ голословное дѣло о растратѣ будто бы мною книгъ на 300 руб. и потребовалъ съ меня этихъ денегъ по командѣ во время пребыванія моего на службѣ въ лейбъ-уланскомъ полку. Форменная бумага не могла отыскать меня во время моего отпуска заграницу, а затѣмъ, по отсутствію скорыхъ путей сообщенія, приходила въ Москву лѣтомъ и возвращалась въ дивизію съ надписью, что адресатъ выбылъ изъ Москвы въ Орловскую губ. А осенью отъ Мценскаго исправника была надпись объ отбытіи моемъ въ Москву. Какъ бы то ни было, только упраздненіе армейскаго кирасирскаго корпуса избавило меня отъ напраслины.

LVI

Вейнбергъ. —Зелинскій.—Майдель и Кошкуль. — Генеральша Боровская. — Офицерское собраніе въ саду.— Потаповъ. — Рѣчь Бюлера къ офицерамъ.

Между тѣмъ въ полку появился щегольски одѣтый высокій и плотный блондинъ, переведенный изъ конно-гвардіи съ чиномъ маіора Вейнбергъ. Любившій накормить обѣдомъ Карлъ Ѳед. пригласилъ новоприбывшаго ходить обѣдать. Въ это же время въ полкъ переведенъ былъ изъ гусаръ маіоръ Зелинскій. Это былъ широкоплечій, приземистый, весьма небогатый офицеръ. Не собравшись завестись легкими офицерскими кирасами, Зелинскій, хорошій ѣздокъ, служилъ въ конномъ строю въ тяжелыхъ солдатскихъ кирасахъ, и офицеры перешептывались между собою, какъ бы при его короткой шеѣ и раскраснѣвшемся затылкѣ его не ударилъ параличъ.

Глядя на этого коренастаго, почти лысаго, 50-ти лѣтняго человѣка, никто бы не повѣрилъ, съ какою легкостью и изяществомъ онъ танцуетъ мазурку.

Нѣкоторое время оба штабъ-офицера были почти ежедневными сотрапезниками у Бюлера.

Не дуракъ былъ покушать и красивый балагуръ Вейнбергъ, но всетаки въ дѣлѣ аппетита не могъ сравниться съ Зелинскимъ. Послѣдній носилъ высокій, изъ воротника выходящій шелковый галстукъ, и въ тихія минуты увлеченія сочнымъ кускомъ мы слышали ясно, какъ не чисто выбритая борода его мѣрно скребла по шелковому платку. Грѣшный человѣкъ, я не воздержался указать барону на этотъ щеточный аккомпаниментъ бороды Зелинскаго, и съ тѣхъ поръ улыбка удовольствія озаряла лицо Бюлера при этихъ звукахъ.

Оказалось, что полякъ Зелинскій, проведшій, подобно Бюлеру, ранніе годы службы въ Варшавѣ, былъ неистощимъ не только въ разсказахъ о Вел. Кн. Константинѣ Павловичѣ, но и въ воспоминаніяхъ о польскихъ блюдахъ, изъ которыхъ съ особымъ смакомъ поминался „бигосъ хультайскій“ (охотничья солянка). Блюдо это такъ часто поминалось Зелинскимъ, что когда я спрашивалъ, приходилъ ли „бигосъ хультайскій“, всѣ понимали, кого я подразумѣвалъ.

Въ полкъ между прочимъ поступили два эстляндца на двухлѣтнихъ правахъ: темнорусый и весьма живой Майдель и совершенно бѣлесый и флегматическій Кошкуль. Какъ истые остзейцы, они сейчасъ же принялись усердно знакомиться съ кавалерійской службой.

Недалеко отъ Кременчуга и верстахъ въ 15-ти отъ Крылова проживала въ имѣніи своемъ молодая вдова генерала Боровская съ сестрою дѣвицей. Независимо отъ того, что ради сестры она по временамъ охотно приглашала въ гости молодежь, она лично во всемъ краѣ была одной изъ вліятельныхъ особъ. Причиною этого было необъяснимое очарованіе, производимое ею на такого неподатливаго 80-ти лѣтняго старика, какимъ былъ пользовавшійся безграничною довѣренностью Монарха графъ Ал. П. Никитинъ.

Излишне говорить, что не только офицеры, но и генералы не осмѣливались сѣсть безъ приглашенія несговорчиваго графа. Позднѣе мнѣ случилось быть захваченнымъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, графомъ въ гостиной генеральши.

И безмолвно стоять и уйти было одинаково неловко. Увѣсистый старикъ опустился передъ нами на диванъ.

— Ваше сія—во, сказала хозяйка, позвольте моимъ гостямъ сѣсть.

— Если ваше пр—о прикажете, то мы, мало того, еще и попляшемъ, отвѣчалъ съ улыбкою графъ, подпрядывая на упругомъ диванѣ.

Въ описываемое мною время я не былъ еще вхожъ въ домъ Боровской. Но чтобы не возвращаться къ этому знакомству, игравшему слишкомъ ограниченную роль въ моей жизни, упомяну только о деревенскомъ балѣ, гдѣ я былъ съ моими трубачами, игравшими всю ночь, и гдѣ, когда я хотѣлъ тихонько уѣхать до конца танцевъ, мой кучеръ Калленикъ со смѣхомъ объявилъ, что ѣхать нельзя, такъ какъ у нетычанки украдено дышло. Пріемъ этотъ нерѣдко повторялся въ тѣ времена у гостепріимныхъ помѣщиковъ; но такъ какъ я положительно не желалъ идти во флигель ночевать, то снова отправился въ домъ, гдѣ огни уже были погашены. На порогѣ залы я въ полумракѣ увидалъ что то уходящее бѣлое и услыхалъ голосъ сестры хозяйки: „кто это?“

— Это я, Надежда Ивановна! воскликнулъ я лаконически: прикажите отдать мое дышло.

— Сейчасъ, былъ отвѣтъ. И не успѣлъ я дойти до коннаго двора, какъ Каленикъ съ тѣмъ же дѣтскимъ смѣхомъ объявилъ, что дышло наше и лежало то возлѣ самой нетычатки подъ сѣномъ. Въ памяти моей уцѣлѣлъ еще анекдотъ, разсказанный мнѣ самою Боровскою.

„Проходилъ черезъ нашу деревню, говорила она, пѣхотный офицеръ съ партіей безсрочно отпускныхъ. Узнавши, что имъ назначена дневка, я пригласила къ себѣ офицера. Когда послѣ обѣда я сѣла за фортепьяно, онъ всталъ за моимъ табуретомъ и вдругъ, прежде чѣмъ я начала играть, досталъ изъ кармана клѣтчатый платокъ и, поднося его къ носу, спросилъ: „вы позволите“? — „Конечно“, отвѣчала я. Вслѣдъ затѣмъ мой гость энергически высморкался и, кладя платокъ обратно въ карманъ, сказалъ: „покорно благодарю“.

Вотъ и всѣ личныя мои отношенія къ дому генеральши, но Карлъ Ѳедоровичъ былъ давно съ нею знакомъ и въ сво-

бодную минуту навѣщалъ ее въ своей коляскѣ-тарантасѣ, запряженномъ отличною гнѣдою четверкою фурштадтскихъ лошадей съ колокольчикомъ.

Стоялъ прекрасный май мѣсяцъ, и полкъ былъ въ полномъ сборѣ для кампамента. Чѣмъ больше происходило ученій, тѣмъ пріятнѣе было мнѣ лично, такъ какъ усиленныя занятія представляли удобный предлогъ избѣгать общества офицерской молодежи, въ которомъ тайное возбужденіе противъ меня, я чувствовалъ, все продолжалось. Въ воскресенье, за отсутствіемъ ученій, всего труднѣе было укрываться служебными занятіями; тѣмъ не менѣе, не смотря на воскресенье, я въ 6 час. послѣ обѣда сидѣлъ уже въ канцеляріи и нарочно задерживалъ ожидавшихъ приказаній вахмистровъ.

Карла Ѳед. въ городѣ не было; онъ уѣхалъ къ Боровской, приказавъ назначить на другой день въ 8 час. офицерскую ѣзду за торговыми рядами на городской площади. Окна канцеляріи выходили на ближайшій конецъ широкой улицы, такъ что можно было на версту до самаго манежа видѣть все на ней происходящее. Поднявъ голову, я увидалъ, какъ нагруженная телѣжка бакалейнаго торговца Чибисова проѣхала подъ окнами канцеляріи и, повернувъ вдоль улицы, остановилась у каменной калитки, казеннаго по горѣ расположеннаго сада. Садъ этотъ террасами восходилъ на крутой берегъ, составлявшій переходъ отъ плоской возвышенности къ стародавнему рѣчищу, на пескѣ котораго и основанъ былъ нашъ Крыловъ (Новогеоргіевскъ). Кѣмъ разведенъ этотъ садъ, я никогда не справлялся, но судя по каменной входной калиткѣ, по купамъ кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ, и главное—по деревянной готической бесѣдкѣ на верхней площадкѣ, я полагаю, что садъ этотъ былъ разведенъ въ угоду Дм. Ер. Сакену. Тотчасъ рядомъ съ нимъ расположены были съ правой стороны на той же полугорѣ полковыя мастерскія и цейхаузъ, а съ лѣвой моя квартира, отдѣленная отъ него небольшимъ заборомъ.

По остановившейся у калитки телѣжкѣ Чибисова съ ящиками не трудно было догадаться, что въ саду предстоитъ офицерское сборище, для котораго припасаются ящики шампанскаго. Кадка со льдомъ не заставила себя долго ждать.

Но когда я увидалъ вышедшихъ изъ калитки двухъ офицеровъ, повернувшихъ прямо къ канцеляріи, то издали еще узналъ въ нихъ двухъ весьма приличныхъ, сдержанныхъ корнетовъ. Сердце мое дрогнуло въ ожиданіи чего-то непріятнаго. Я еще усерднѣе принялся за свои бумаги, когда оба офицера вошли въ канцелярію, и одинъ изъ нихъ, Красносельскій, сказалъ: „г. адъютантъ, общество офицеровъ поручило намъ просить васъ о высылкѣ въ казенный садъ трубачей“.

Утвердительно качнувъ головою, я сказалъ, что немедля пошлю за трубачами, что тутъ же исполнилъ черезъ нарочнаго. Не прошло и часу, какъ я увидалъ трубачей съ нотами и пюпитрами, въ ногу идущихъ по направленію къ казенному саду. Между тѣмъ стало смеркаться. Такъ называемыя словесныя приказанія были записаны, и пришлось отпустить вахмистровъ.

Въ это время раздались изъ сада громкіе трубные звуки. До сихъ поръ канцелярскія занятія могли служить предлогомъ непоявленія моего въ средѣ веселящагося полка. Но дальнѣйшее отсутствіе имѣло бы видъ преднамѣреннаго моего удаленія отъ товарищей. Пославши вопреки приказанію полк. командира трубачей въ садъ, я долженъ былъ и самъ идти туда же, хотя среди выпившей молодежи могъ попасть на роковое столкновеніе.

Когда я вошелъ въ садъ, то офицеры расхаживали по дорожкамъ отдѣльными группами вокругъ беседки, освѣщенной, помнится, плошками. Тамъ въ одномъ изъ пролетовъ стояли люди, подававшіе шампанское, и не желая быть трезвымъ среди выпившихъ, я прямо отправился въ бесѣдку.

При входѣ въ нее, меня встрѣтили юнкера, находившіеся обыкновенно въ ближайшемъ завѣдываніи адъютанта.

— А, вотъ и нашъ адъютантъ! громко воскликнулъ Майдель, передавая мнѣ стаканъ: за здоровье адъютанта! воскликнулъ онъ.

— За здоровье адъютанта! крикнулъ флегматичный Кошкуль.

— За здоровье адъютанта! крикнулъ энергически князь Щербатовъ.

— Господа, позвольте васъ благодарить, отвѣчалъ я, посылая имъ съ своей стороны стаканы.

— Господа, крикнулъ Щербатовъ: давайте качать адъютанта.

Боже! подумалъ я: вся моя цѣль была проскользнуть незамѣтно, и вдругъ затѣвается такая громогласная демонстрація.

— Князь, ради Бога, прошу васъ, не дѣлайте этого! взмолился я.

Но гдѣ же мнѣ было устоять противъ широкоплечаго Щербатова, подкрѣпленнаго двумя могучими юношами, а быть можетъ и еще кѣмъ либо. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже леталъ по воздуху, и когда среди криковъ „ура“ ноги мои коснулись пола, я, конечно, постарался надлежащимъ образомъ отвѣчать всѣмъ подходящимъ ко мнѣ стаканами шампанскаго. Вдругъ, къ моему изумленію, бывшій въ непріязненной ко мнѣ партіи поручикъ Ревеліоти подошелъ и взявъ меня подъ руку проговорилъ: „позвольте мнѣ сказать вамъ пару словъ“.

Съ этимъ вмѣстѣ онъ увлекъ меня въ полумракъ изъ бесѣдки и нагибаясь къ моему плечу сказалъ вполголоса: „я передъ вами виноватъ. Про васъ говорили много дурнаго, и я до извѣстной степени этому вѣрилъ; но теперь я убѣдился, что это напраслина и прошу васъ великодушно простить меня“.

Въ то время какъ я крѣпко жалъ ему руку, по улицѣ за калиткой промчался и замолкъ громкій колокольчикъ, и Рапъ крикнулъ: „полковникъ вернулся“.

— Господа! сказалъ я громко, не обращаясь ни къ кому отдѣльно: я долженъ на минуту отлучиться съ докладомъ.

Съ этимъ вмѣстѣ я скорыми шагами сошелъ на улицу и направился къ дому командира.

Узнавшій меня часовой подтянулъ прикладъ, и я быстро отворилъ комнату дворецкаго Петра.

— Что полковникъ?

— Они уже ложатся.

— Ничего, доложи, что адъютантъ желаетъ видѣть полковника.

Я засталъ Карла Ѳедоровича въ красномъ бухарскомъ халатѣ, въ креслахъ передъ двумя свѣчами на рабочемъ столѣ его небольшаго кабинета. Очевидно, онъ вышелъ изъ спальни, чтобы принять меня.

— Извините, полковникъ, сказалъ я, что потревожилъ васъ въ такое позднее время: я не желалъ долѣе мучиться мыслью, что далъ трубачей вопреки положительному запрещенію.

Затѣмъ я кратко описалъ ему обстоятельства, при которыхъ дано было разрѣшеніе.

— Я, признаться, думалъ, что къ вамъ пріѣхали Бржесскіе, и музыка для нихъ играетъ. Но вы прекрасно сдѣлали, пославъ трубачей. Вамъ надо сейчасъ туда возвратиться, прибавилъ Карлъ Ѳедоровичъ, не взирая на окружавшій меня винный запахъ, который я самъ чувствовалъ.

Изъ сада я ушелъ однимъ изъ послѣднихъ, чтобы своевременно отпустить трубачей.

На другое утро, когда удачно кончилась офицерская ѣзда на площади, Карлъ Ѳедоровичъ, подозвавъ меня, сказалъ: попросите ко мнѣ гг. офицеровъ".

Пока я передавалъ соотвѣтственное приказаніе, въ толпѣ спѣшившихся офицеровъ оказался подошедшій посмотрѣть на ученіе бригадный генералъ Пущинъ. Подошелъ также и прикомандированный къ кирасирскому Е. В. полку поручикъ Потаповъ, купившій уже прекрасную рыжую лошадь и давно не являвшійся къ намъ на службу. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этой личности. По какимъ причинамъ Потаповъ не отправлялся въ гвардейскій полкъ, никто не зналъ. Но по слухамъ, проведя позднюю осень и зиму въ квартированіи 4-го эскадрона, онъ отъ скуки совершенно распустился и проводилъ время надъ пивомъ, приправленнымъ водкой. При этомъ отправлялся на недальнюю охоту и стрѣлялъ домашнихъ поселенныхъ гусей, утверждая, что они дикіе. Подогрѣвшись своимъ напиткомъ до полнаго благодушія, онъ дружески подѣлился имъ и съ приглашеннымъ въ комнату пѣтухомъ; а когда послѣдній, свалившись съ ногъ, сталъ околѣвать, Потаповъ началъ жалобно причитать надъ нимъ: „милый Петя, я не желалъ тебѣ зла, а хотѣлъ только

угостить тебя". Ко времени полковаго кампамента онъ давно уже изъ деревни перебрался въ городъ по сосѣдству съ городскимъ училищемъ. Тутъ швыряя въ окно мѣдныя деньги и пряники, онъ пріучилъ сбираться къ нему мальчиковъ, выходящихъ изъ школы. Онъ выучилъ ихъ громогласно подражать всевозможнымъ животнымъ, кричать пѣтухомъ, гоготать по гусиному, хрюкать по свиному, визжать поросятами, и награжденіе слѣдовало по степени громогласности.

Улица была самая глухая, и Потаповъ въ одиночку наслаждался своимъ скотскимъ концертомъ, къ немалому негодованію купцовъ-старообрядцевъ, державшихъ дома свои на запорѣ, и чуждавшихся офицерскаго общества. Дикимъ концертомъ не ограничивались однако продѣлки Потапова. Однажды, онъ положилъ куклу, составленную при помощи бѣлья и платья, на столъ, полъ въ комнатѣ засыпалъ травою, поставилъ вокругъ стола четыре зажженныхъ свѣчи, а деньщика, одѣвъ дьячкомъ, заставилъ бормотать надъ какой-то книжкой. Видя въ растворенное окно эту декорацію, прохожіе раскланивались съ покойникомъ, и вѣсть о смерти Потапова мгновеннно разнеслась по улицамъ. Пригналъ онъ эту комедію къ полнолунію, и когда вечеромъ хозяйки собирались ложиться спать въ своихъ двухъ-этажныхъ домахъ, Потаповъ въ бѣлой простынѣ на ходуляхъ останавливался передъ окнами.

— Потаповъ-то воскресъ! кричали испуганныя женщины, къ величайшему удовольствію проказника.

Излишне прибавлять, что этотъ заштатный офицеръ большею частью уже съ утра былъ выпивши. Когда я приглашалъ офицеровъ къ полковому командиру, Петръ Павл. Пущинъ закурилъ уже свою сигару, и всѣ не безъ удивленія замѣтили, что Потаповъ, доставая папироску и подходя къ генералу, сказалъ: „в. пр., позвольте закурить". Растерявшійся генералъ подставилъ сигару.

Никто не догадывался, для какой цѣли собралъ насъ полковникъ.

— Господа, сказалъ онъ совершенно твердымъ голосомъ, несмотря на смертельную блѣдность: вчера вечеромъ вы пили шампанское въ публичномъ саду. Я не только не противъ

вашего веселья, но и самъ готовъ въ немъ участвовать и съ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье. Но для такихъ сборищъ существуютъ частныя квартиры, а не публичныя мѣста, гдѣ офицера, растегнувшагося и вообще дозволившаго себѣ въ веселую минуту уклониться отъ обычной формы, можетъ черезъ заборъ видѣть всякій зѣвака. Могу увѣрить, что инспектору извѣстно всякое отступленіе наше отъ строгаго порядка, и конечно, все это будетъ отнесено на мой счетъ. Мнѣ такъ близки интересы полка, что, я полагаю, намъ не слѣдуетъ взаимно вредить нашей службѣ. Маіоръ Вейнбергъ! я знаю вліяніе, производимое вами на молодежь, и я въ этомъ случаѣ никакъ не могу быть вамъ благодаренъ.

Съ этимъ вмѣстѣ полковникъ взялся подъ козырекъ и ушелъ.

Начиная съ Вейнберга, стоявшаго взявшись подъ козырекъ при обращеніи къ нему полковника, никто не вымолвилъ ни слово въ присутствіи командира. Но не успѣлъ послѣдній уйти, какъ послышался взрывъ негодованія.

— Что выдумалъ! точно мы мальчишки, которыхъ Вейнбергъ можетъ вести, куда хочетъ!

Въ этомъ смыслѣ больше всѣхъ бушевалъ Потаповъ, хотя въ сущности давно не принадлежалъ къ полку.

LVII

Рана Крюднера.— Пропажа шкатулки. — Пирушка у Ревеліоти. — Смотръ лошадей.

Весною во время полковаго сбора въ воскресный день Крюднеръ съ поручикомъ Головнею были на охотѣ. Утомившись они прилегли, чтобы подкрѣпиться приготовленною въ ягдташахъ закуской. При этомъ Крюднеръ какъ-то неудачно потянулъ къ себѣ лежащее съ нимъ рядомъ ружье. Курокъ незамѣтно взвился и раздавшимся нежданно выстрѣломъ Крюднеру прорвало носокъ болотнаго сапога и раздробило

большой палецъ на ногѣ. Не знаю, по какому случаю, вмѣсто того, чтобы попасть на свою квартиру, онъ попалъ въ домъ кн. Щербатова, гдѣ и пролежалъ до выздоровленія послѣ операціи.

— Ну, да и крѣпышъ нашъ капитанъ! говорилъ Рапъ про Крюднера: цѣлый мѣсяцъ слуга Щербатова проходилъ за нимъ, какъ за роднымъ отцомъ, а онъ и копѣйки ему не далъ за труды.

Отпросившійся во время возвращенія полка въ Крыловъ Кащенко, женившись въ Елизаветградкѣ на моей кумѣ, занялъ бывшую, сравнительно прекрасную, квартиру Небольсина, гдѣ по вечерамъ офицеры играли въ карты и ужинали. Приходилъ играть и Карлъ Ѳед. А такъ какъ мнѣ эта премудрость положительно не далась, и я во всю жизнь ни разу не сидѣлъ за серьезною картежною игрою, то присталъ къ дамской партіи, гдѣ по причинѣ микроскопической игры, я могъ безнаказанно, какъ говорится, плести лапти.

Крѣпостной слуга мой, кромѣ небольшаго получаемаго отъ меня жалованья, на гулянкахъ зарабатывалъ порядочныя деньги изготовленіемъ папиросъ, въ томъ числѣ и для полковника. Кромѣ того онъ набилъ руку отчищать и бѣлить кирасирскіе мундиры и выворачивалъ такъ старые эполеты, что они являлись совершенно новыми.

Такъ какъ я, за исключеніемъ чаю и кофею, обѣдая у полковника, никакихъ продовольственныхъ расходовъ не велъ, то не имѣлъ даже случая заподозрить Юдашку въ недобросовѣстности.

Однажды, когда я сидѣлъ у Кащенокъ за дамскимъ столомъ, человѣкъ доложилъ мнѣ о приходѣ моего слуги. Выхожу въ переднюю и вижу блѣднаго какъ полотно Юдашку.

— У насъ несчастье, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, съ улицы вырѣзали стекло въ вашей спальнѣ и украли шкатулку.

Такъ какъ шкатулка стояла на столѣ, то явно, что кража произведена была вдвоемъ, причемъ одинъ, просунувъ руку, отодвинулъ задвижку рамы и влѣзши въ комнату подалъ шкатулку на улицу другому. Къ счастію, денегъ было въ шкатулкѣ рублей 40. Но самое обидное было для меня то, что

съ нею пропало прекрасное бриллiантовое кольцо, подарокъ матери. Для избѣжанiя новыхъ вторженiй въ спальню, я приказалъ въ мастерской сдѣлать внутреннiя створчатыя ставни на обоихъ окнахъ, по закрытiи которыхъ я спалъ въ темнотѣ. Люди спали отъ меня на другой половинѣ за капитальной каменной стѣною, и поэтому во избѣжанiе всякихъ враждебныхъ попытокъ я клалъ подъ подушку заряженный пистолетъ.

Несмотря на благосклонный вѣтеръ, подувшiй въ городскомъ саду въ мои паруса, по совершенно случайной инициативѣ кн. Щербатова, я не имѣлъ еще никакихъ данныхъ для безопаснаго плаванiя среди враждебныхъ шкеръ. Измѣнилось мнѣнiе Ревелiоти, но кто могъ поручиться за какого нибудь безалабернаго Витю Кудушева?

Было майское полнолунiе, и ночной холодъ заставилъ меня закрыть ноги чернымъ калмыцкимъ тулупомъ, служившимъ мнѣ иногда вмѣсто халата. Вдругъ около полуночи слышу шумъ двери въ библiотекѣ и громкiй, хотя и сиплый зовъ Кудушева: „Фетъ! Фетъ!“

Съ просонокъ я инстинктивно сунулъ было руку подъ подушку, но окончательно очнувшись крикнулъ идущему въ спальню: „что такое?“

— Одѣвайтесь скорѣй, сказалъ тотъ же голосъ: Ревелiоти очень дурно, онъ умираетъ; докторъ бросилъ ему кровь, но кровь не пошла. Мы потеряли голову, и меня послали за вами.

Надѣвши туфли, тулупъ и фуражку, я бѣгомъ пустился по крайней мѣрѣ за 200 саж. до квартиры Ревелiоти.

Войдя въ калитку и видя со двора освѣщенныя окна, я на ходу спросилъ: „какiя это тѣни мелькаютъ за окнами?“

— Это люди, потерявшiе голову, суются взадъ и впередъ, отвѣчалъ Витя.

Я торопливо вбѣжалъ по деревяннымъ ступенямъ крыльца.

— Да тутъ ромомъ пахнетъ! воскликнулъ я, отворяя дверь въ переднюю.

— И превосходная жженка, прибавилъ Витя, съ хохотомъ, толкая меня изъ передней въ столовую.

Въ комнатѣ, напитанной винными испаренiями, за столомъ сидѣла вся молодежь.

— А вотъ и способъ догнать насъ, сказалъ Ревеліоти, подавая съ полки шкафа припасенную для меня громадную кружку жженки, которую я залпомъ выпилъ при общемъ одобреніи.

— Ваше здоровье, господа, сказалъ я, озираясь вокругъ съ легкимъ поклономъ.

— Господа, воскликнулъ Вейнбергъ, подымая указательный палецъ правой руки: да будетъ тому стыдно, кто хотя бы малѣйшимъ намекомъ смутитъ нашъ вечеръ.

— Да будетъ тому стыдно, подтвердило все общество, и я въ ту же минуту почувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ человѣкомъ въ кругу товарищей.

И понынѣ не могу забыть великодушнаго порыва Вейнберга, подтвердившаго истину, что среди самыхъ непохвальныхъ наклонностей человѣка, въ душѣ его могутъ таиться перлы, какихъ не найдется въ душѣ самаго строго нравственнаго человѣка. Это отчасти и понятно, такъ какъ всякій хорошій или дурной порывъ представляетъ самобытную дѣятельность, тогда какъ безупречность—условіе только отрицательное.

По мѣрѣ хода полковаго кампамента приближался и срокъ 6-ти мѣсячной выслуги московскихъ студентовъ: Щербатова, Капниста и Чичерина для производства въ офицеры.

Къ этому времени Бюлеръ готовилъ подъ сѣдло Щербатова на нашей парадирской конюшнѣ мастерскими руками берейтора Лупала великолѣпнаго жеребца, несмотря на лютую злость и капризы лошади. Весь полкъ любовался дивнымъ конемъ, послушно шедшимъ подъ желѣзною рукой и шемпелями Лупала въ замкѣ полка, гдѣ предназначалось ѣхать на немъ кн. Щербатову. Но увы! надежды полковника не осуществились. На второмъ же церемоніальномъ маршѣ красавица лошадь пошла бочить подъ княземъ и наконецъ, обернувшись направо кругомъ, пошла задомъ за полкомъ.

Иногда милые остзейцы, Майдель и Кошкуль приходили ко мнѣ въ свободную минуту выпить чаю или кофе. И насколько Кошкуль прималчивалъ, настолько Майдель былъ игриво рѣчистъ. Не безъ ироніи разсказывалъ онъ о напутственныхъ рѣчахъ своей тетушки, безцеремонно обзывавшей

всю молодежь, поступающую на военную службу, „пушечнымъ мясомъ“ (Kanonenfutter).

Повторяя за мною титулы военныхъ чиновъ, начиная съ выс — пр — а, до бл — дія, Майдель вдругъ спросилъ меня: „что же мы-то, юнкера, послѣ этого? Не высокоблагородіе и не благородіе, а только стало быть „родіе“.

Прибылъ наконецъ и начальникъ дивизіи, баронъ Фитингофъ, на полковой кампаментъ и тотчасъ же приступилъ къ инспекторскому смотру лошадей на выводкѣ по годамъ.

Поставили для начальства стулья и столикъ, къ которому явился и я съ книгою полковыхъ описей.

— Полковникъ, вы довольны вашимъ исправляющимъ должность адъютанта? спросилъ Фитингофъ.

— Доволенъ, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ, и такъ какъ онъ произведенъ въ поручики, то прошу ваше превосходительство объ утвержденіи его въ должности.

Чтобы не сомнѣваться въ годѣ поступленія лошади на службу, каждый годъ ремонтъ назывался со слѣдующей буквы алфавита противъ прошлогодняго.

Названіе девяноста лошадей на одну и ту же букву дѣло далеко не легкое. А такъ какъ проводили лошадей большею частію взводные унтеръ-офицеры и вообще люди полированные, то поравнявшись съ лошадью противъ начальника дивизіи, каждый считалъ долгомъ отчетливо произнести имя лошади, прибавляя: „ваше превосходительство“.

Одинъ кричитъ: „Дудакъ, ваше пр—о“, другой кричитъ: „кобыла Душка, ваше пр—о“ и наконецъ: „конь Дурень, ваше пр—во“.

Надо было принять мѣры, чтобы люди, по желанію начальника дивизіи, не прибавляли словъ: ваше пр—о.

— Ваше пр-о, вполголоса сказалъ Карлъ Ѳед., наклоняясь къ генералу: разрѣшите адъютанту исправить въ описи имя коня Гротусъ: таково имя вашего адъютанта, и не совсѣмъ ловко будетъ, если въ присутствіи его поведутъ лошадь на поводу и выкрикнутъ: Гротусъ.

— Вы можете исправить это имя въ описи по желанію, сказалъ генералъ, но я тутъ обиднаго ничего не вижу, и былъ бы радъ, если бы хорошая лошадь называлась Фитингофъ.

Не одно начальство испытало на этотъ разъ нѣкоторую неловкость отъ оглашенія конской описи, на которую я, недавно вступивъ въ должность, не обратилъ надлежащаго вниманія и предоставилъ своему геніальному старшему писарю Бѣликову сочинить на цѣлый ремонтъ именъ на букву ж. Задавшись работой, онъ нашелъ въ ней случай блеснуть свѣдѣніями по части иностранныхъ языковъ и преимущественно французскаго. Кромѣ нѣсколько загадочнаго Жабоклицъ, появились очевидно французскіе: Жентабль, Жевуземъ, Жевузадоръ и другіе, которыхъ не припомню. Къ сожалѣнію унтеръ-офицеръ каждый разъ порочилъ коня, выговаривая Живозадеръ вмѣсто Жевузадоръ.

Не знаю какъ на другихъ, но на меня стараніе споспѣшествовать удачнымъ движеніямъ полка на линейныхъ ученіяхъ въ качествѣ адъютанта и при этомъ возможно быстрая скачка производили, въ особенности въ первое время, одуряющее дѣйствіе. При сосредоточенности вниманія на единственной цѣли я способенъ былъ на выходки, отъ которыхъ впослѣдствіи приходилось краснѣть. Такъ, помню, на полковомъ линейномъ ученіи, когда я почему то отсталъ отъ ушедшаго вдаль полка, мимо меня пролетѣлъ Карлъ Ѳед. по направленію къ начальнику дивизіи безъ праваго эполета, выскочившаго изъ подъ кираса. Мнѣ вдругъ пламенно захотѣлось сыскать потерянный эполетъ и, нагнавъ барона, исправить изъянъ. Но въ минуту, когда я самъ летѣлъ во весь опоръ, П. П. Пущинъ умѣреннымъ галопомъ пересѣкалъ мой путь, и я инстинктивно среди степи крикнулъ ему: „ваше пр — о, не видали ли вы эполета полковника“?

До сихъ поръ стыдно мнѣ этого вопроса, на который добродушный Пущинъ отвѣчалъ: „не видалъ“.

Но вотъ кончился кампаментъ, и вновь произведенные Щербатовъ, Капнистъ и Чичеринъ отпросились въ отпускъ, изъ котораго и не вернулись, занявши мѣста личныхъ адъютантовъ. Эскадроны разошлись по постояннымъ квартирамъ, и штабная жизнь вошла въ тихую однообразную колею.

LVIII

Познанскіе.— Парайкошецъ.—Еврей.—Кази и Пилипенко. — Охота съ Бюлеромъ.—Знакомство Вейнберга съ помѣщиками.—Ѣду къ Бржесскимъ съ Бюлеромъ.

Съ водвореніемъ откупа въ городѣ появился управляющій откупомъ Познанскій, католикъ полякъ, женатый на полькѣ. Познанскій сначала хаживалъ по вечерамъ составить партію преферанса у Карла Ѳед., а затѣмъ послѣдній сталъ иногда ходить на преферансъ и къ Познанскимъ.

Мало по малу у Познанскихъ стали появляться и прочіе немногочисленные штабные: командиръ лейбъ-эскадрона Цинготъ, новый полковой докторъ Парайкошецъ съ красивой и бойкой женой, казначей Кащенко съ женою и вашъ покорный слуга.

Кащенко съ Познанскимъ и съ Цинготомъ составляли партію полковника, а я пристраивался къ дамамъ. Сама же Познанская хлопотала объ ужинѣ, которымъ кончалась игра, и который состоялъ изъ двухъ самыхъ незатѣйливыхъ блюдъ, въ родѣ битковъ съ картофелемъ да вареников или чего нибудь въ этомъ родѣ. За рюмкою водки слѣдовало бессарабское вино, но Карлъ Ѳед. воздерживался отъ спиртныхъ напитковъ ради приливовъ къ головѣ.

Съ нашимъ новымъ докторомъ Парайкошецъ я раньше былъ знакомъ по слѣдующей встрѣчѣ. Вначалѣ весны Цинготъ простудился и заболѣлъ; а такъ какъ казенный домикъ его приходился почти противъ моего, то я и отправился навѣстить больнаго и засталъ его сидящимъ на диванѣ въ халатѣ, а доктора расхаживающимъ по комнатѣ. Когда я спросилъ, чтобы что нибудь сказать: „не венгерская ли его фамилія?“—онъ отвѣчалъ, что фамилія эта старинная малороссійская: порай, т. е. посовѣтуй и кошецъ — кошевой; а все де означаетъ: кошевой атаманъ.

Продолжая ходить по комнатѣ и что-то разсказывая Цинготу, потомокъ кошеваго атамана вдругъ остановился противъ меня и глядя въ лицо воскликнулъ: „знаете ли вы, что такое медикъ? это своего рода Наполеонъ“.

— А фельдшера его маршалы? прибавилъ я.

— Конечно; вотъ напримѣръ вчера: прибѣгаетъ ко мнѣ нарочный отъ инженернаго капитана и проситъ къ заболѣвшему внезапно деньщику. Захвативъ съ собой фельдшера, отправляюсь. „Брось ему кровь изъ правой руки“, говорю я. Бросилъ. „Брось изъ лѣвой!“—бросилъ. „Брось изъ правой ноги!“ Бросилъ. „Брось изъ лѣвой!“ Бросилъ.

— Да, помилуйте, докторъ! воскликнулъ я: что же за болѣзнь была у несчастнаго, котораго вы такъ растерзали?

— А чортъ его знаетъ! махнувъ рукою, отвѣчалъ отважный Наполеонъ.

Однажды цвѣтущая и бойкая г-жа Порайкошецъ, будучи моимъ партнеромъ за картами, въ минуту, когда я надѣялся, показавши ей свою масть задать нашимъ противникамъ шлемъ, ухитрилась по разсѣянности пойти въ руку противника и такимъ образомъ привела меня въ самое болѣзненное недоумѣніе, заставившее меня прикусить кончикъ языка.

— Каковъ адъютантъ! воскликнула барыня: языкъ показываетъ.

— Помилуйте, возразилъ я, вы заставили меня не показать, а окончательно прикусить языкъ.

Въ эту минуту вошелъ самъ Порайкошецъ.

Полушутя моя партнерка пожаловалась мужу.

— Что же! воскликнулъ онъ находчиво: адъютантъ знаетъ, кому показать языкъ: ты докторша.

Семейство Познанскихъ состояло, кромѣ двухъ мальчиковъ, находившихся въ школѣ въ Кременчугѣ, изъ одной только 5-ти лѣтней дѣвочки Анюты. Это былъ милый бѣлокурый ребенокъ, котораго всякій, начиная съ полковника, старался погладить по головкѣ, а она, на просьбу спѣть свой романсъ, отвѣчала пѣніемъ вѣроятно водевильнаго куплета:

„Ахъ, Анета,
Что же это?
Какъ измѣна велика,
Ты выходишь за кольнета
Килясильскаго полка“.

(Буквы р она произносить не могла).

Кстати припомню трагикомическій случай.

Пока мы сидѣли за картами, служанка вносила ножки и крышки кондитерскаго стола, который затѣмъ накрывался для ужина à la fourchette. При этомъ хозяйка пригоняла постановку блюдъ на столъ вдобавокъ къ приготовленнымъ грудамъ тарелокъ въ минуту вставанія полковаго командира изъ за карточнаго стола.

Однажды баронъ, разсчитавшись, пошелъ отъ стола, говоря; „я засидѣлся до головокруженія, точно пьяный". И при этомъ громадный Бюлеръ сталъ представлять зигзаги пьянаго; но вдругъ искусственный зигзагъ превратился въ естественный, такъ какъ подъ ногу полковника попалъ край половика. Съ этимъ вмѣстѣ онъ сильно толкнулъ обремененный посудою столъ; связанныя вѣроятно веревочками складныя ножки не выдержали, и всѣ присутствующіе сначала вздрогнули отъ грома, подобнаго землетрясенію, а затѣмъ остолбенѣли, какъ лица въ концѣ Ревизора. Бюлеръ стоялъ въ оцѣпенѣніи статуи командора. Къ счастію, неудержимый смѣхъ хозяйки заразилъ насъ всѣхъ и наконецъ сообщился виновнику злоключенія. Положимъ, побитая посуда была самая дешевая, тѣмъ не менѣе Бюлеръ просилъ у хозяйки позволенія прислать на другой день новую, противъ чего она протестовала.

Кромѣ дома Познанскихъ, мы по вечерамъ хаживали съ полковникомъ и къ добрѣйшему Пущину, любившему угостить хорошимъ ужиномъ при помощи отличнаго крѣпостнаго повара. Не странно ли такое радушное хлѣбосольство со стороны крайне разсчетливаго, чтобы не сказать скупаго генерала?

Не знаю, какимъ образомъ изъ гвардейской пѣхоты Пущинъ попалъ въ кавалерійскіе бригадные командиры. Ѣздилъ онъ верхомъ изъ рукъ вонъ плохо, и на ученіяхъ въ присутствіи старшаго начальства становился нѣмъ. Зато, являясь старшимъ, старался какъ можно болѣе выказывать свой авторитетъ и требованія, не всегда исполнимыя.

Однажды вечеромъ, появившись у генерала съ полковникомъ, мы застали тамъ въ блестящемъ люстриновомъ сюртукѣ черн准аго съ прыгающими черными глазами еврея.

Еврей этотъ былъ въ большомъ почетѣ, какъ говорили, у окрестныхъ дамъ въ качествѣ знахаря и врача. Видно было съ перваго раза, что ловкій еврей вполнѣ овладѣлъ Петромъ Павловичемъ. Когда мы вчетверомъ сѣли за прекрасный ужинъ, еврей не брезгалъ вкуснымъ маіонезомъ, хотя въ немъ и было трефное мясо. Въ пріятельской бесѣдѣ Петръ Павловичъ любилъ изрекать максимы и сужденія сомнительнаго достоинства. Этой слабостью еврей воспользовался съ блестящимъ успѣхомъ.

— Это вы, ваше пр—о, изъ Талмуда говорите.

— Какъ? неужели изъ Талмуда?

— Изъ Талмуда, ваше пр—о.

— Стало быть я знаю Талмудъ?

— Знаете, ваше пр—о.

— Карлъ Ѳед., слышите ли анъ-того! Я знаю Талмудъ. А онъ вотъ вамъ все разскажетъ, спросите хоть про себя.

На просьбу мою сказать что либо обо мнѣ, еврей, указывая пальцемъ на лѣвое плечо мое и рѣзко смотря мнѣ въ глаза, сказалъ:

— У васъ я вижу на правой сторонѣ не то родинка, не то царапинка.

— Дѣйствительно есть, сказалъ я, но только не на правой, а на лѣвой сторонѣ чуть замѣтная царапинка.

— Да вѣдь я же указывалъ на лѣвую, а для меня то она правая, отвѣчалъ еврей.

Такимъ образомъ онъ никогда не могъ ошибиться, такъ какъ нѣтъ человѣка, который бы отъ роду не былъ оцарапанъ съ той или съ другой стороны, хотя бы булавкой кормилицы.

Выходя отъ генерала вечеромъ, мы обыкновенно расходились съ Бюлеромъ, которому слѣдовало идти направо, а мнѣ налѣво, на улицу, ведущую къ канцеляріи и упирающуюся въ тотъ береговой кряжъ, на которомъ расположенъ былъ казенный садъ и мастерскія. При поворотѣ на эту улицу еврей догналъ меня. Въ нѣкоторомъ отдаленіи передъ нами въ сумракѣ ночи горѣли огни въ мастерскихъ, расположенныхъ террасами надъ уровнемъ плоской улицы. Еврей не захотѣлъ упустить случая блеснуть ученостью.

— Вонъ люди, сказалъ онъ, живутъ на толстотѣ земли.

— Что такое? спросилъ я, не понявъ выраженія.

Протягивая руку по направленію къ огнямъ, онъ объяснилъ:

— На толстотѣ географіи.

Я понялъ, и понялъ окончательно, что успѣхъ принадлежитъ подобнымъ мыслителямъ.

Хотя общество наше мало интересовалось астрономическими явленіями, но черезъ газеты дошли и до насъ свѣдѣнія о предстоявшемъ такого то числа солнечномъ затменіи. Въ лѣвомъ углу города находилась на рѣкѣ Тясьминѣ городская водяная мельница, подъ колѐсами которой былъ великолѣпный бассейнъ для купанья. Не умѣвшіе плавать пользовались отлогими песчаными и мелкими на нѣкоторомъ разстояніи берегами, за которыми начинался уже глубокій омутъ, доступный только для пловцовъ. Послѣдніе, напримѣръ Крюднеръ, переплывали гладкую поверхность бассейна и побѣдоносно садились на слань подъ мельничную струю, падавшую съ колесъ на голову купающагося. Такъ какъ это прекрасное купанье отстояло отъ моей квартиры не менѣе версты, то я ѣздилъ купаться всегда парою въ нетычанкѣ. Однажды не успѣлъ я доѣхать до полковой канцеляріи, какъ день, не смотря на 10 час. утра, сталъ постепенно темнѣть, такъ что заставилъ меня посмотрѣть на солнце, отъ котораго остался небольшой блестящій отрѣзъ. Наконецъ исчезъ и послѣдній, и пѣтухи запѣли по всему городу. Скромныя лошади мои зафыркали и, не смотря на усилія Каленика, подхватили и несли до тѣхъ поръ, пока свѣтъ дневной сталъ проявляться снова.

Я забылъ сказать, что замѣчаніе полк. командира насчетъ неумѣстности попоекъ въ городскомъ саду не мѣшало выпивкамъ во время кампамента у того или другаго офицера на квартирѣ.

Въ подобные дни силачъ Кази, разгибавшій подковы и рвавшій колоду картъ, и вдавливавшій большимъ пальцемъ въ деревянную стѣну желѣзный костыль, зная, что въ пьяномъ видѣ можетъ сдѣлаться опасно буйнымъ, постоянно просилъ товарищей не давать ему шампанскаго. Но если во-

преки предосторожностямъ онъ выпивалъ лишнее, то не знали что съ нимъ дѣлать.

Былъ, между прочимъ, въ 6-мъ эскадронѣ громадный офицеръ, корнетъ Вас. П. Пилипенко, обладавшій не меньшею противъ Кази физическою силой. Можно даже сказать, что молодой Голіафъ этотъ превосходилъ въ этомъ отношеніи коренастаго штабъ-ротмистра. Пилипенко былъ охотникъ покупать дикихъ табунныхъ лошадей и выѣзжалъ онъ ихъ со своимъ пріятелемъ Кази довольно оригинально. Ухватя заарканенную лошадь за ухо, онъ дѣлалъ ее тѣмъ самымъ вполнѣ неподвижною и, обращаясь къ Кази, говорилъ: „теперь, Алек. Андр., надѣвайте на нее уздечку и хомутъ, она ужь никуда не тронется.

Къ этому хомуту съ обѣихъ сторонъ привязывались веревки, за которыя брался Кази, изображавшій собою возъ, тогда какъ Пилипенко, взявшись за арканъ, обучалъ лошадь подаваться впередъ. Оставаться на мѣстѣ лошадь не могла подъ давленіемъ аркана Пилипенки, а наскочить на него разомъ не давали постромки Кази. Когда лошадь уже достаточно привыкала ложиться въ хомутъ, Пилипенко говорилъ:

— Вы, Алекс. Андр., потяжелѣ дѣлайте возъ то, да только не больно тяжелый, а то вѣдь я тутъ пожалуй ей голову то оторву.

Такимъ образомъ въ два-три дня дикая лошадь становилась шелковою.

Однажды во время полковаго сбора офицеры, выпивши шампанскаго, отправились освѣжиться купаньемъ подъ мельницей, не обративши должнаго вниманія на то, что Кази случайно превзошелъ дозволенную ему мѣру вина. Между купающимися былъ хорошо плававшій Пилипенко. Каково же было изумленіе всѣхъ, когда подошедшій къ берегу въ форменномъ сюртукѣ Кази, не умѣвшій плавать, громко крикнулъ: „и я пойду купаться“. И съ этимъ словомъ, вступая одѣтый въ рѣчку, смѣло направился къ омуту. Къ счастію, недалеко въ рѣкѣ находился Пилипенко. Не говоря худаго слова, онъ зашелъ сзади Кази и, прижавши его мускулистыя руки своимъ обхватомъ къ тѣлу, поднялъ богатыря и понесъ

на песчаный берегъ, приговаривая: „вамъ, Алекс. Андр., надо отдохнуть“.

— Вишь, что выдумалъ! ворчалъ Кази, шпоря нагаго Пилипенку по голенямъ.

Увидавъ струями текущую изъ ногъ Вас. Петр. кровь, и другіе бросились къ нему на помощь и, связавъ общими силами богатыря полотенцами и простынями, отправили на отдыхъ.

— Вѣдь я жь вамъ, чудаки, говорилъ, прихихикивая упрекалъ товарищей выспавшійся Кази: не давайте мнѣ шампанскаго, а вы все свое: выпей, да выпей! Когда нибудь я васъ всѣхъ переколочу.

Этого, однако, не случилось.

Не держа собственнаго стола, я отправлялъ приносимыхъ мною съ Реевскаго болота дупелей къ Бюлеровскому Петру; и появлявшаяся за обѣдомъ дичина возбудила охоту и въ баронѣ пострѣлять вмѣстѣ со мною дупелей. „Жаль, что у меня нѣтъ собаки“, говорилъ баронъ. Но я успѣлъ убѣдить его, что мой, хотя и не блистательный Трезоръ доставитъ намъ обоимъ возможность поохотиться. Дупелей нашлось довольно, и когда Трезоръ дѣлалъ стойку, я подзывалъ полковника и стрѣлялъ только въ случаѣ двухъ его промаховъ. Полковникъ видимо остался доволенъ.

Излишне говорить, что въ свободное въ теченіи травянаго продовольствія время я отправлялся въ Березовку къ Бржесскимъ; и тутъ я узналъ, что нашъ Вейнбергъ, успѣвшій завести пару бракованныхъ и нетычанку, сдѣлался любимымъ гостемъ во всѣхъ домахъ съ невѣстами.

Мы видѣли, что Карлъ Өед. не особенно благосклонно смотрѣлъ на его размашистый тонъ, тѣмъ не менѣе признавалъ въ немъ принесенное изъ гвардіи умѣнье щегольски одѣться. Кто помнитъ хотя бы въ хорошей фотографіи красивую статую Ватиканскаго Нила, можетъ сказать, что, за исключеніемъ бороды, видѣлъ портретъ Вейнберга. Бржесскіе были отъ него въ восторгѣ, и какъ я ни давалъ чувствовать, что не раздѣляю это, они продолжали называть его прелестью и цыганкой Матреной въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ, такъ какъ онъ съ большимъ увлеченіемъ подпѣвалъ подъ фортопьяно:

Эхъ, ну поди прочь, поди прочь,
Берегись.
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку
Да пониже поклонись.

Оказалось, что Вейнбергъ не только успѣлъ понравиться Бржесскимъ, но очутился и за Елизаветградомъ у матери Бржесской, Добровольской.

Такъ какъ имя Бржесскихъ было на устахъ всего края, и Карлъ Ѳедор. слышалъ отъ меня о прекрасномъ верховомъ заводѣ Бржесскаго, то въ слѣдующій разъ отправился со мною, прогостилъ въ Березовкѣ два дня, купилъ три лошади, въ томъ числѣ одну трубаческую сѣрую и вернулся очарованный любезностью хозяевъ.

Впослѣдствіи, когда я отпрашивался въ Березовку, онъ объявлялъ за столомъ:

— Аѳ. Аѳ. ѣдетъ въ рай.

LIX.

Лагерное.—Гаврикъ.—Корнетъ Ясноградскій.—Скворцовъ и Леонтьевъ. — Братья Торба.

Картина моей адъютантской дѣятельности была бы неполна, если бы я не сказалъ, что у насъ адъютантъ былъ непосредственнымъ начальникомъ не только всѣхъ штабныхъ нижнихъ чиновъ и писарей, но и женъ ихъ и всего женскаго элемента.

Въ этомъ отношеніи Лагерное было иногда источникомъ немалыхъ волненій. Лагернымъ вѣроятно и по сей день называется восходящій съ низменнаго мѣста и углубляющійся въ высокій берегъ оврагъ, залѣпленный по обѣимъ сторонамъ хатами семейныхъ мастеровыхъ и другихъ нижнихъ чиновъ. Такъ какъ это ущелье представляло отдѣльный міръ, то ни городская, ни военная полиція сюда не заглядывала, и только спеціальныя жалобы заставляли адъютанта поне-

волѣ приступать къ разбирательствамъ. Каждое утро въ 8 ч. я отправлялся въ канцелярію, не смотря на то, что Карлъ Ѳед. ежедневно въ 6 ч. утра проходилъ мимо моихъ оконъ, направляясь къ конному лазарету. Поблажая по возможности собственной лѣни, я не только пилъ кофе въ постели, но и принималъ рапортъ караульнаго вахмистра. Этими короткими минутами старались воспользоваться бабы для принесенія жалобъ.

При тогдашней малограмотности полковымъ канцеляріямъ стоило большаго труда образовать хорошихъ писарей. А такъ какъ грамотность у насъ постоянно шла объ руку съ нравственной неблагонадежностью, то понятно, что писаря были наилучшими представителями негодяйства. Штабы высшихъ инстанцій безъ труда брали лучшихъ писарей изъ полковыхъ канцелярій, взамѣнъ которыхъ присылали обратно совершенно отбившихся отъ рукъ. Въ числѣ подобныхъ подарковъ я получилъ изъ инспекторскаго штаба нѣкоего Гаврика, приводившаго меня иногда въ совершенное отчаяніе.

Однажды (къ сожалѣнію это было далеко не однажды, но такъ какъ тема оставалась все та же, то для краткости дозволю себѣ говорить, какъ объ единичномъ случаѣ).

Однажды, когда я еще допивалъ въ постели свой кофей, слуга доложилъ, что пришла съ жалобой какая то дѣвка.

— Какая?

— Да та, что уже раза два приходила. Должно быть съ жалобой на Гаврика.

— Зови.

Отворяется дверь и является дѣйствительно та же особа съ недовольнымъ, далеко некрасивымъ лицомъ, стройная, въ голубоватомъ кубовомъ капотѣ съ коротенькимъ воротничкомъ и съ громаднымъ розовымъ бантомъ на груди, отъ котораго до полу ниспадали широкія ленты.

— Ну что? спрашиваю я вошедшую.

— Да что онъ ко мнѣ пристаетъ! говоритъ она кислымъ голосомъ, проливая обильныя слезы: я его знать не хочу, а онъ ко мнѣ пристаетъ.

— Да кто? спрашиваю я. Не могу себѣ объяснить при-

чины, почему просительница считала неудобнымъ упоминать о своемъ тиранѣ, глядя мнѣ въ лицо.

— Да, звѣсно, заговорила она, мгновенно обращаясь ко мнѣ спиной и отмахиваясь на меня правою рукою: звѣсно, онъ, вашъ Гаврикъ, вродѣ какъ какой арештантъ.

— Гаврикъ у меня служитъ, это правда, но онъ не мой; и ты знаешь, что я въ послѣдній разъ по твоей жалобѣ его больно наказалъ.

— То то, всхлипывая продолжаетъ просительница, и я ему говорю: пожалуюсь адъютанту, а онъ говоритъ: знаю я твоего адъютанта: онъ дастъ двѣ розги да и говоритъ: ну смотри, а что тутъ смотрѣть! Рыло тебѣ сверну, вотъ те и все. Вотъ и теперь (рыданія усиливаются) всѣ рамы со ставнями вырвалъ, и всѣ иконы порвалъ.

Послѣднія слова, какъ горячимъ желѣзомъ, подняли меня съ кровати.

— Ну, ступай домой, я сейчасъ же буду въ Лагерноe. Вели поскорѣе запрягать дрожки, обратился я къ слугѣ, и черезъ четверть часа уже мчался въ романтическое ущелье.

Боже, думалъ я дорогой, что дѣлать, если этотъ негодяй спьяну посягнулъ на иконы!? Подымать такое скандальное дѣло значитъ оказать полковому командиру плохую услугу; замять дѣло—можно самому попасть подъ уголовщину.

Подъѣзжаю къ хатѣ, около которой встрѣчаетъ меня голубоватый капотъ. Дѣйствительно, глинобойное жилище представляетъ картину разрушенія: окна вырваны вмѣстѣ со ставнями и валяются на улицѣ.

— Гдѣ иконы? восклицаю я, входя въ хату.

— Да вотъ, говоритъ заливаясь слезами хозяйка въ синемъ капотѣ, указывая на сорванныя со стѣнъ и порванныя изображенія Бовы-королевича, Блюхера, Кульнева и графа Дибича-Забалканскаго.

Съ облегченною душою я готовъ обнять просительницу.

Когда я случайно жаловался на Гаврика окружному, поступившему на мѣсто Вернера, полковнику Гладкову, послѣдній спросилъ:

— А вы наказали Гаврика?

— Наказалъ, отвѣчалъ я.

— А голубую дѣвицу?

— Нѣтъ.

— Вотъ и будутъ васъ всякій день заставлять разбирать ихъ драки. У меня на это особый пріемъ: третьяго дня пришелъ ко мнѣ съ жалобой мѣщанинъ на то, что недѣлю тому назадъ сосѣдъ пришелъ къ нему на свадьбу незваный и пилъ водку. А вчера, говоритъ, я пошелъ къ нему на свадьбу и сталъ просить водки. А онъ меня въ шею.—Не хотите ли помириться?—Какъ это можно! Ты, говорю я драчуну, пилъ у него незваный водку?—Пилъ, говоритъ.—Вотъ, кабы ты не пилъ у него, онъ бы и къ тебѣ не пришелъ, и не сталъ бы ругаться, и ты бы его не отколотилъ. Хожалый, дай имъ по метлѣ, и пусть они оба пометутъ улицу.—Такъ это мы лучше помиримся.—Цѣлуйтесь.—Поцѣловались и пошли.

Въ августѣ полкъ нашъ перешелъ въ Новую Прагу, гдѣ на тѣсныхъ квартирахъ размѣщалась вся дивизія.

На главной улицѣ, кромѣ офицеровъ разныхъ полковъ, помѣщались и всѣ три полковыхъ командира, за исключеніемъ командира принца Альберта полка полковника Баумгартена, помѣщавшагося противъ плаца рядомъ съ гауптвахтой въ постоянной поселенной квартирѣ, составляя одну сторону карре при другой сторонѣ, образуемой квартирою начальника дивизіи.

При непрестанныхъ усиленныхъ занятіяхъ я не имѣлъ времени ходить по гостямъ, и разсказываю только ходившее изъ устъ въ уста.

Только и слышишь бывало: корнета Елены Павловны полка Ясноградскаго опять за какую-то шалость посадили на гауптвахту. Глядишь, а онъ тутъ же, близъ какого нибудь спеціальнаго смотра начальника дивизіи, гарцуетъ на черкесскомъ конѣ, осѣдланномъ по восточному.

— Какъ же это тутъ Ясноградскій? вѣдь онъ на гауптвахтѣ?

— А кто его знаетъ, отвѣчаютъ.

Зашелъ я какъ-то по дѣлу къ Цинготу, а тамъ Рапъ разсказываетъ про Ясноградскаго.

„У него, говоритъ, близъ рынка разбита палатка, и въ ней чуть не во всю ночь играютъ въ карты. Вчера вечеромъ хочу къ нему войти и слышу окрикъ: „кто идетъ?“ Посмотрѣлъ,

съ ружьемъ въ рукахъ стоитъ на часахъ уланъ. „Кто идетъ? повторилъ онъ: говори, убью!“ Принимая все это за пустую шутку, я отстранилъ карабинъ и вошелъ. „Какъ ты такъ не осторожно входишь? воскликнулъ Ясноградскій: моимъ часовымъ я приказываю стрѣлять; онъ могъ тебя убить“.

Кромѣ такихъ опасныхъ выходокъ, Ясноградскій каждую ночь высылалъ кучера, который въ два конца обязанъ былъ проходить по большой улицѣ, однообразно распѣвая: „успокойтесь, храбрые витязи!“

Если ироническое прозваніе „храбраго витязя“ могло относиться и ко мнѣ, то витязю не приходилось успокаиваться и въ ночное время. По настоятельному требованію инспектора, приходилось выводить въ конный строй по меньшей мѣрѣ 14 рядовъ во взводѣ. Такое требованіе эскадронные командиры считали раздирательнымъ, принимая во вниманіе людей, оставленныхъ въ эскадронныхъ штабахъ при цейхаузѣ, огородѣ, иногда и при квартирѣ женатаго эскадроннаго командира, при полковой швальнѣ, въ инспекторскомъ и полковомъ караулѣ, въ кашеварахъ и хлѣбопекахъ, въ лазаретѣ, и т. д.

Однажды, когда я мучился надъ составленіемъ 14-ти рядовъ, Карлъ Ѳед. сказалъ:

— Баумгартенъ обѣщалъ выручить насъ; у него множество пѣшихъ людей, и онъ пришлетъ ихъ ночью къ вамъ; а вы выберите болѣе видныхъ и разошлите ихъ по числу недостающихъ въ эскадроны.

Въ первомъ часу, въ самомъ глубокомъ снѣ слышу голосъ слуги: „извольте вставать; люди пришли изъ третьяго полка“. Сообразивъ въ чемъ дѣло, я велѣлъ взять фонарь на трубаческой конюшнѣ и въ халатѣ и туфляхъ вышелъ дѣлать смотръ присланнымъ солдатикамъ. Хотя я и напередъ былъ убѣжденъ, что будутъ присланы подонья полка, тѣмъ не менѣе совершенно растерялся отъ неуклюжести присланнаго подспорья, изъ котораго надлежало выбрать до 30 человѣкъ. озаряемыхъ по очереди обращеннымъ на нихъ свѣтомъ фонаря. До какой степени неуклюжи были люди, можно судить по возгласу одного изъ предстоящихъ: „ваше бл—діе, вотъ еще солдатикъ, извольте взять, больно красивъ!“

Возгласъ этотъ сопровождался сдержаннымъ хихиканьемъ остальныхъ; но процедура эта имѣла каждый разъ то благодѣтельное дѣйствіе, что эскадронные командиры выводили своихъ 14 рядовъ, не прибѣгая къ суррогату.

Около моей квартиры была квартира эскадроннаго командира 4-го полка, ротмистра Скворцова. Однажды разнесся слухъ, что Скворцовъ ѣздилъ на охоту, и что по неосторожности ранилъ себя смертельно въ бокъ и лежитъ въ квартирѣ съ завѣшанными окнами и съ кадками льду, разставленными для прохлады, такъ какъ невыносимо страдаетъ отъ воспаленія раны. Въ скорости, однако, исторія охоты передавалась другимъ образомъ. Разсказывали, что наканунѣ Скворцовъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе во фронтѣ своему поручику Самборскому, который послѣ ученія вызвалъ ротмистра на дуэль. Въ городѣ былъ случайно тесть Скворцова, сосѣдній помѣщикъ, отставной гусаръ Леонтьевъ, извѣстный всей округѣ какъ знаменитый хозяинъ. Вмѣсто того, чтобы стараться окончить дѣло примиреніемъ, Леонтьевъ прислалъ зятю пистолеты съ категорическимъ совѣтомъ драться. Несмотря на вынутую пулю, ожидали смертельнаго исхода, и все время старый Леонтьевъ почти не отлучался отъ больнаго. Вѣроятно, начальство сдѣлало бы видъ, что вѣритъ случайности на охотѣ; но Самборскій самъ отнесъ свой палашъ къ начальнику дивизіи, объявивъ, что убилъ на дуэли Скворцова, и пошелъ на гауптвахту.

Между тѣмъ рана приняла не смертельный исходъ, и когда Скворцовъ окончательно выздоровѣлъ, Самборскій только переведенъ былъ въ нашъ полкъ тѣмъ же чиномъ.

Съ Леонтьевымъ я познамился вскорѣ послѣ возвращенія полка на постоянныя квартиры, по случаю опредѣленія имъ двухъ рослыхъ и красивыхъ сыновей въ юнкера. Кажется, сравнительно небольшое имѣніе Леонтьева принадлежало его покойной женѣ, и потому, должно быть, онъ не могъ воспротивиться внезапному желанію взрослыхъ сыновей оставить Одесскій лицей для юнкерства въ кирасирскомъ полку. Но старикъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу такого рѣшенія, и говорилъ: „хомутологія очень полюбилась“. Двумъ дочерямъ своимъ старикъ умѣлъ дать прекрасное образова-

ніе, но при чрезвычайно скромномъ веденіи домашнихъ расходовъ и неусыпныхъ агрономическихъ трудахъ онъ успѣвалъ задерживать многолѣтніе урожаи пшеницы и сборы шерсти до болѣе благопріятныхъ цѣнъ. Разсказывали курьезный анекдотъ между нимъ и бывшимъ его сосѣдомъ Торбою.

По случаю посѣщенія милаго однополчанина Мержанова, (занявшаго впослѣдствіи должность полковаго казначея по выходѣ въ отставку П. В. Кащенки), мнѣ удалось раза два побывать въ имѣніи одного изъ братьевъ Торба. Тутъ же я находилъ и другаго брата съ женою. Оба Торба были весьма любезные люди, между 30-ю и 40 годами, а бѣлокурая хозяйка дома, хотя и не особенно красивая, была очень подвижна и любезна.

Мержановъ объяснилъ мнѣ взаимныя отношенія этихъ лицъ. Старшій Торба съ коротко остриженными волосами и бритымъ подбородкомъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ дома и мужемъ бѣлокурой дамы; а болѣе подвижной братъ его, съ тщательно расчесанными рыжеватыми бакенбардами, доходившими до пояса, давно успѣлъ продать свою часть имѣнія и увезти въ Одессу жену брата, который не переставалъ быть въ нее влюбленнымъ. Не взирая на такія отношенія, младшій Торба пріѣзжалъ со своей возлюбленной гостить у добродушнаго брата, и когда тотъ, впадая въ уныніе, плакалъ,—трепалъ его по головѣ, приговаривая: „ну что ты дурашка, дурашка, перестань!“

Можно легко представить, до какой степени одесская чета Торба нуждалась въ деньгахъ.

Услыхавши, что Леонтьевъ расторговался со своей пшеницей въ Николаевѣ, Торба на биржевомъ извощикѣ прикатилъ изъ Одессы и, торопливо входя въ обѣденную залу гостинницы, засталъ тамъ за столомъ старика.

— Какъ я радъ, что встрѣчаюсь съ вами, сказалъ онъ Леонтьеву, садясь около послѣдняго: — вы кажется удачно продали весь запасъ вашей пшеницы.

— Да, хорошо продалъ, отвѣчалъ старикъ: а что?

— Да признаться, въ настоящую минуту я нѣсколько стѣсненъ въ своихъ средствахъ и рѣшился обратиться къ вамъ за помощью. Я на всякія съ вашей стороны условія согла-

сенъ съ благодарностью; не одолжите ли мнѣ на время деньжонокъ.

— А много-ли вамъ надо? спросилъ Леонтьевъ, подставляя по глухотѣ къ уху ладонь.

— Одолжите тысячъ пять, сказалъ Торба.

Съ этими словами Леонтьевъ досталъ толстый бумажникъ изъ кармана и началъ усердно провѣрять лежавшія въ немъ пачки крупныхъ ассигнацій. Окончивъ провѣрку, онъ хладнокровно сказалъ: „пять тысячъ не могу",—и закрывъ бумажникъ спряталъ въ карманъ.

— Въ такомъ случаѣ одолжите хоть двѣ тысячи.

— Какъ это однако странно, говоритъ Леонтьевъ: вамъ нужно двѣ тысячи, а вы просите пять.

И возобновивъ провѣрку денегъ, онъ снова закрылъ бумажникъ и со словами: „двѣ тысячи не могу", положилъ въ карманъ.

— Да вѣдь мнѣ крайность въ деньгахъ, одолжите хоть 500 рублей.

— Вѣдь вотъ вы какой странный человѣкъ: вамъ нужно 500 руб., а вы просите 5 тысячъ.

Съ каждымъ уменьшеніемъ размѣровъ просьбы, возобновлялась и провѣрка бумажника и тотъ же отказъ.

— Ну, одолжите хоть 25 руб., чтобы заплатить извощику.

— Подумаешь, сказалъ старикъ: какія странности бываютъ у людей: нужно 25 рублей, а онъ проситъ 5 тысячъ. Такъ бы и говорили сначала.

Опять то же перелистыванье ассигнацій и окончательное: „25 руб. не могу".

LX.

„Нехай онъ курицу съистъ“.—Фитингофъ женится.—„Фетъ, все пропало“. Юнкеръ Быковъ.—Писарь Бѣликовъ.

Ожидали въ этомъ году въ Елизаветградѣ смотра наслѣдника цесаревича, и чтобы приготовить насъ ко встрѣчѣ, прибылъ въ Новую Прагу нашъ бывшій начальникъ дивизіи, а теперь свитскій генералъ-лейтенантъ Грюнвальдъ. Съ этимъ вмѣстѣ пошли чуть не ежедневныя батальонныя ученія въ пѣшемъ строю и репетиціи ординарцевъ отъ различныхъ полковъ и эскадроновъ. Можно себѣ представить, какъ бы разразился запальчивый Фитингофъ, если бы адъютантъ къ назначенному часу опоздалъ съ ординарцами. Между тѣмъ ничего не могло быть легче, благодаря флегмѣ нѣкоторыхъ эскадронныхъ командировъ. Распорядиться самому адъютанту въ эскадронѣ помимо командира было бы нарушеніемъ дисциплины, и приходилось посылать узнавать, готовится ли конный ординарецъ къ назначенному въ приказѣ часу. Такъ однажды, послѣ сытнаго обѣда у полковника, вернувшись по страшной жарѣ въ надеждѣ вздремнуть хоть полчаса и отвести душу великолѣпнымъ 10-ти копѣечнымъ арбузомъ, — узнаю, что 4-й эскадронъ и не думалъ сѣдлать ординарцевъ. Съ этимъ вмѣстѣ бѣгу въ небольшую особнякомъ стоящую квартиру женатаго ротмистра Петрова. Входная дверь съ улицы отворена настежъ, и испуганная моимъ быстрымъ бѣгомъ на ступени крыльца курица изъ сѣней прямо бросилась, хлопая крыльями и кудахтая, въ столовую. Отрѣзая курицѣ выходъ, я по тишинѣ, царствовавшей за закрытыми дверями сосѣдней комнаты, заключилъ, что супруги Петровы предаются послѣобѣденному сну. На произведенный курицею шумъ, Никол. Ал. въ красномъ бухарскомъ халатѣ растворилъ изъ спальной двери и воскликнулъ: „что такое?“ Просьбу мою сію же минуту назначить ординарца отъ эскадрона, кончавшуюся восклицаніемъ: „вѣдь начальникъ дивизіи меня съѣстъ“, —я не могъ достаточно громко передать Петрову по причинѣ

отчаяннаго крика курицы, испуганной появленіемъ человѣка и въ другихъ дверяхъ комнаты.

— Нехай же онъ сю курицу съистъ, коли винъ такой голодный, хладнокровно отвѣчалъ Петровъ, указывая пальцемъ на кружащуюся птицу.

Получивши распоряженіе Петрова, я лично наблюдалъ за снаряженіемъ ординарца, съ которымъ поспѣлъ на плацъ во время.

Передъ самымъ дивизіоннымъ кампаментомъ Фитингофъ, у котораго былъ уже 15-ти лѣтній сынъ, женился на молодой и красивой остзейской графинѣ. Офицеры дивизіи, начиная съ дивизіонныхъ адъютантовъ, постарались доставить новой начальницѣ возможныя удовольствія. Съ этой цѣлью въ казенномъ саду поставлена была громадная палатка съ деревяннымъ поломъ, затянутымъ сѣрымъ солдатскимъ сукномъ. Палатка была ярко освѣщена, и всѣ садовыя дорожки разубраны цвѣтными бумажными фонарями. Всѣмъ приглашеннымъ дамамъ, начиная съ виновницы торжества, поднесли великолѣпные букеты. Но и на этотъ разъ не обошлось безъ приключенія.

Считавшійся однимъ изъ первыхъ танцоровъ въ дивизіи личный адъютантъ Фитингофа, поручикъ Варпановскій, обладалъ необъяснимымъ несчастіемъ почти на каждомъ балѣ ронять свою даму. Только и слышишь бывало: „Варпановскій уронилъ такую-то".

И въ этотъ вечеръ онъ не измѣнилъ себѣ и приложилъ о земь виновницу торжества. На этотъ разъ раздражительный Фитингофъ только захихихалъ, когда дѣло обошлось безъ поврежденій и сказалъ: „А Варпановскій не можетъ..."

Въ Елизаветградѣ на корпусномъ сборѣ ничего выдающагося не случилось, кромѣ того, что мѣсто барона Сакена занялъ баронъ Офенбергъ, пользовавшійся справедливо или нѣтъ репутаціей надменнаго человѣка.

На одномъ изъ линейныхъ ученій ко мнѣ подскакалъ съ дружескими привѣтствіями личный его адъютантъ, мой однокашникъ по Верро, ротмистръ Перейра.

Не знаю, какъ дѣло состоитъ на теперешней службѣ; но въ мое время нерѣдко появлялись значительныя затрудненія

при исполненіи какихъ либо движеній и разсчетовъ, даже предписанныхъ уставомъ. Но главная бѣда частныхъ исполнителей и въ особенности полковыхъ адъютантовъ состояла въ томъ, что записные служаки и знахари задавались, такъ сказать, сочиненіемъ собственныхъ пріемовъ, довольствуясь самыми недостаточными объясненіями по адресу адъютанта, представлявшаго съ своимъ трубаческимъ хоромъ камертонъ какого нибудь церковнаго парада. Это неудобство мнѣ пришлось испытать въ полной мѣрѣ при лагерномъ церковномъ парадѣ въ Елизаветградѣ.

На газонномъ возвышеніи разбита была церковная палатка. Когда батальоны дивизіи расположились вокругъ нея, я, стоя во фронтѣ, не могъ ничего разслышать изъ энергическихъ разъясненій Фитингофомъ командующимъ батальонами ихъ обязанности. Когда же онъ подошелъ ко мнѣ, то изъ его объясненій я понялъ только давно мнѣ извѣстное, что по исполнительной командѣ: маршъ!—за знакомъ палаша слѣдуетъ играть въ тактъ подъ лѣвую ногу. Такъ я и сдѣлалъ; но когда послѣ прохожденія батальоны снова остановились у палатки, Фитингофъ подбѣжалъ ко мнѣ и, глядя въ упоръ мнѣ въ зрачки, слезнымъ голосомъ завопилъ:

„Фетъ, Фетъ, все пропало! все пропало!“

Какъ ни сочувствовалъ я его скорби, но и по сей день не знаю, что у него пропало.

По возвращеніи полка въ Крыловъ обычная наша штабная жизнь потекла своимъ чередомъ.

По желанію полковаго командира, уѣхавшаго на время по дѣламъ въ Кіевъ, я долженъ былъ продолжать, въ качествѣ хозяина, за его столомъ принимать штабныхъ офицеровъ, между которыми главное мѣсто занималъ маіоръ Зелинскій и Вейнбергъ, если только не былъ въ разъѣздахъ по помѣщикамъ.

При свиданія Познанская и другія городскія дамы, выѣзжавшія иногда по вечерамъ кататься на своихъ лошадяхъ, жаловались на невозможность появляться на улицѣ, вслѣдствіе свиста и гиканья юнкера Быкова изъ окна его квартиры. На первыхъ порахъ я попросилъ къ себѣ Быкова и объяснилъ ему, до какой степени его выходки мараютъ нашъ мундуръ.

Но жалобы повторились, и при новомъ вызовѣ юнкеръ Быковъ явился ко мнѣ безъ галстука съ растегнутымъ воротникомъ, подъ которымъ виднѣлась грязная рубашка. Тогда уже я объяснилъ ему, что при новомъ появленіи его въ подобнымъ видѣ я посажу его на гауптвахту и продержу до пріѣзда полковника.

Дамы болѣе не жаловались. Зато маіоръ Зелинскій, съ которымъ мнѣ пришлось обѣдать одному, вполголоса разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Вышелъ я сегодня рано утромъ изъ квартиры и вернувшись, по обычаю, спросилъ своего деньщика, который служитъ мнѣ 12 лѣтъ, кто безъ меня былъ у насъ.

— Никого, ваше бл — діе, отвѣчалъ деньщикъ, — приходилъ только юнкеръ Быковъ, посидѣлъ немного въ вашей комнатѣ да и ушелъ.

„Занадобилось мнѣ послать деньщика къ Чибисову за сахаромъ. Раскрываю кошелекъ, въ которомъ было 15 рублей бумажками. Что за чудо! денегъ то нѣтъ.

— Ты не бралъ денегъ? спрашиваю деньщика.

— Помилуйте, ваше бл—діе смѣю ли я безъ вашего приказанія!“

Разрѣшеніе этого казуса я оставилъ до пріѣзда полковаго командира, который, не желая зла Быкову и грязной исторіи въ полку, приказалъ написать въ министерство рапортъ о просьбѣ юнкера Быкова касательно перевода его въ пѣхоту по неимѣнію средствъ служить въ кавалеріи.

Такъ какъ иногда приходилось подавать рапортички о состояніи коннаго строя во время нахожденія полковаго командира въ томъ же строю, гдѣ подписывать ему бумаги было невозможно, то я разъ навсегда имѣлъ разрѣшеніе полковаго командира въ случаѣ надобности подписываться за него: баронъ Бюлеръ.

За пять лѣтъ моего адъютантства я дотого набилъ руку этой подписью, что и понынѣ въ состояніи былъ бы расписаться за бывшаго своего полковаго командира. Но когда съ разрѣшенія моего за полковника и за меня подписывался мой старшій писарь Бѣликовъ, тогда Бюлеръ восклицалъ: „это писалъ я, но когда, хоть убейте не помню“.

Бѣликовъ, мастерски подписывавшійся подъ всякіе почерки, зналъ не только всѣ уставы и помнилъ циркуляры, но былъ даже весьма свѣдущъ въ гражданскихъ законахъ. Талантами своими Бѣликовъ немало гордился и подъ пьяную руку повторялъ въ канцеляріи, что по справедливости ему бы давно слѣдовало быть военнымъ министромъ.

Доходили до меня слухи, что въ свободное отъ занятій время Бѣликовъ часто навѣщаетъ юнкера Быкова. Но на эти слухи я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Мѣсяца черезъ полтора вскрываю въ канцеляріи конвертъ изъ министерства, съ запросомъ, по какому случаю полкъ ходатайствуетъ о переходѣ юнкера Быкова въ пѣхоту, тогда какъ собственноручнымъ письмомъ, присемъ прилагаемымъ, престарѣлый отецъ его удостовѣряетъ, что не только представилъ надлежащій реверсъ, насчетъ возможности содержать сына въ кавалеріи, но и въ настоящее время не встрѣчаетъ къ тому затрудненія. Въ ту же минуту я понялъ всю продѣлку. Бѣликовъ, согласившись за деньги выручить Быкова изъ бѣды, поддѣлалъ руку старика Быкова и послалъ письмо въ Петербургъ. Такой продѣлки я скрыть отъ полковаго командира не могъ. Бѣликовъ былъ примѣрно наказанъ, а Быкова старика мы побудили исправить всю эту кутерьму угрозой отдать сына подъ судъ.

Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца пришло назначеніе Быкова въ пѣхотный полкъ.

XLI

Поѣздка въ Москву. — Встрѣча съ Мочаловымъ. — Александрійскіе балы. — Мазурка съ M-me Баумгартенъ. — Волкъ.

Вѣроятно, въ частыхъ разговорахъ съ Карломъ Ѳедоровичемъ я проговорился о томившемъ меня желаніи издать накопившіяся въ разныхъ журналахъ мои стихотворенія отдѣльнымъ выпускомъ, для чего мнѣ нужно бы недѣльки двѣ пробыть въ Москвѣ.

— Вотъ кстати, сказалъ полковникъ, я вамъ дамъ порученіе принять отъ поставщика черныя кожи для крышекъ на потники. Вы получите отъ меня формальное порученіе и подорожную по казенной надобности.

Я и понынѣ убѣжденъ. что эту командировку придумалъ баронъ, желая мнѣ помочь.

Пробывъ проѣздомъ въ Новоселкахъ самое короткое время, я прямо проѣхалъ въ Москву къ Григорьевымъ, у которыхъ помѣстился наверху на старомъ мѣстѣ, какъ будто бы ничто со времени нашей послѣдней встрѣчи и не случилось. Аполлонъ послѣ странствованій вернулся изъ Петербурга и занималъ попрежнему комнатки налѣво, а я занялъ свои по правую сторону мезонина. Съ обычной чуткостью и симпатіей принялся Аполлонъ за редакцію стиховъ моихъ. При скудныхъ матеріальныхъ средствахъ я не могъ тратить большихъ денегъ на переписку стихотвореній, подлежавшихъ предварительной цензурѣ. Услыхавъ о моемъ затрудненіи, старикъ Григорьевъ сказалъ: „да чего вамъ искать? возьмите бывшаго своего учителя П. П. Хилкова. Вы ему этой работой окажете великую помощь, такъ какъ онъ въ страшной бѣдности“.

— Какъ? великій франтъ Павелъ Павловичъ?

— Онъ пьетъ запоемъ и потому потерялъ мѣсто въ гимназіи и частные уроки.

Отыскавъ недалеко на Большой Полянкѣ небольшую квартиру Хилкова, проживавшаго попрежнему съ сестрой, я передалъ послѣдней за его отсутствіемъ мое предложеніе о перепискѣ.

— Покорно васъ благодаримъ, сказала она: завтра въ 9 часовъ утра Павелъ Павловичъ будетъ у васъ.

На другой день въ назначенный часъ Павелъ Павловичъ съ той же женственной застѣнчивостью пришелъ къ намъ. Но Боже, въ какомъ видѣ! Изъ прорванныхъ сапоговъ выглядывали босыя ноги. Этому соотвѣтствовала и остальная одежда. Переписывалъ онъ необыкновенно четко, проворно, грамотно и толково. Черезъ недѣлю рукопись была уже у бывшаго моего профессора В. Н. Лешкова, давшаго слово по старому знакомству не задерживать меня.

— Василій Никол., говорилъ я, вамъ тѣмъ легче исполнить слово, что все въ сборникѣ было уже напечатано.

Между тѣмъ образчикомъ тогдашней цензуры можетъ послужить слѣдующее.

Въ стихотвореніи „Гаданье на зеркало“ находятся стихи:

Вижу, вижу! потянулись:
Разъ, два, три, четыре, пять...

И далѣе:

Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя какъ чешуя...

— Василій Никол.! воскликнулъ я, почему же вы „Разъ, два, три, четыре, пять“ пропустили, а

„Шесть, семь, восемь“....

— замарали чернилами?

— Не могу, отвѣчалъ Лешковъ; можетъ быть тутъ скрывается что либо непозволительное.

— Почему же непозволительное не скрывается въ первомъ пяткѣ, а забралось во второй?

— Я и первый со страхомъ оставляю, а ужь втораго, извините, пропустить не могу.

— Но вѣдь это уже напечатано въ Москвитянинѣ и слѣдовательно пропущено цензурой.

— Покажите, тогда я пропущу.

Волей неволей пришлось изъ за этого стиха ѣхать изъ Лефортова, гдѣ жилъ Лешковъ, къ Погодину на Дѣвичье поле.

— Вотъ чудаки то! воскликнулъ Мих. Петр.: возьмите табуретку и посмотрите вонъ на той полкѣ: тамъ старый Москвитянинъ. Да привозите книгу назадъ.

Прочитавъ страшные стихи въ Москвитянинѣ, цензоръ пропустилъ ихъ.

Не помню, гдѣ судьба наткнула меня на моего К. К. Гофмана, оставшагося навсегда типомъ нѣмецкаго бурша. Кто повѣритъ, что Гофманъ приглашалъ меня бывать у него для того, чтобы онъ могъ давать мнѣ греческіе уроки.

Въ скорости я узналъ, что до правительства дошла его переписка съ французскими либералами 48 года, и ему было сказано выѣхать изъ Россіи, чтобы лично подавать совѣты единомышленникамъ.

Между прочимъ я нашелъ время забѣжать къ давно знакомому Вас. Петр. Боткину, литературнымъ судомъ котораго дорожилъ.

Хотя дѣло было въ дообѣденную пору, я засталъ у него на креслѣ въ поношенномъ фракѣ кудряваго съ легкой просѣдью человѣка средняго роста.

— Вас. Петр., сказалъ я, я пришелъ къ вамъ съ корыстною цѣлью воспользоваться часомъ вашего времени, чтобы подвергнуть мой стихотворный переводъ Шиллеровской Семелы вашему суду, если это не стѣснитъ васъ и вашего гостя.

И хозяинъ, и гость любезно приняли мое предложеніе, и, доставъ тетрадку изъ кармана, я прочелъ переводъ. Когда я, окончивъ текстъ, прочелъ: „Симфонія, занавѣсъ падаетъ“— посѣтитель во фракѣ всталъ и сказалъ: „конца то нѣтъ, но я понимаю, предоставляется актеру сдѣлать отъ себя надлежащее заключеніе“.

Съ этимъ онъ пожалъ хозяину руку и раскланявшись со мною вышелъ.

— Кто этотъ чудакъ? спросилъ я Боткина.

— Это нашъ знаменитый Мочаловъ, не безъ ироніи заключилъ Боткинъ.

Устроившись насчетъ печати съ типографіей Степанова и упросивъ Аполлона продержать корректуру, я принялъ кожи и черезъ Новоселки и Кіевъ вернулся въ полкъ.

Между тѣмъ выпала глубокая, рѣдкая въ Новороссіи снѣжная зима, и съ приближеніемъ святокъ въ Александріи назначенъ былъ рядъ баловъ въ собраніи. Хотя Карлъ Ѳедор. собирался на нѣкоторое время уѣхать изъ полка, я тѣмъ не менѣе испросилъ позволенія отлучиться дня на три въ Александрію. Изъ Новоселокъ во время побывки тамъ послѣ назначенія полковымъ адъютантомъ я привезъ крытую рогоженную кибитку, и теперь стоило ее только изготовить, и можно будетъ не морозясь на вѣтру благодушно докатить на своихъ до Александріи.

Но такъ какъ въ то время у меня была только пара караковыхъ, то я взялъ на лѣвую пристяжку прекрасную лошадь изъ подъемныхъ.

— Возьмите меня съ собою, сказалъ Вейнбергъ, услыхавъ о моихъ сборахъ;—мѣста у васъ въ повозкѣ много, тройка исправная, а со мною только небольшой чемоданчикъ, который мы поставимъ въ ноги.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я, вдвоемъ веселѣе будетъ ѣхать, а тутъ какъ хотите болѣе 60 верстъ.

И вотъ запасшись необходимымъ платьемъ и одѣвшись потеплѣе, мы предались искусству Каленика, доставившаго насъ часамъ къ тремъ въ Александрію. Зная навѣрное, что чѣмъ дальше въ городъ, тѣмъ болѣе риску не найти свободной квартиры, мы почти у въѣзда остановились на довольно крутомъ пригоркѣ, съ котораго спускалась улица къ центру города. Слуги я съ собою не взялъ и потому приходилось самому вылѣзать изъ повозки и спрашивать, нѣтъ ли свободной квартиры.

Снѣгъ на пригоркѣ сдуло и перебѣгая отъ калитки къ калиткѣ въ валенкахъ, я безпрестанно скользилъ и падалъ на гололедицѣ.

— Нѣтъ квартиры, отвѣчаютъ мнѣ; трогаюсь далѣе и падаю. Подбѣгаю къ другой калиткѣ и падаю. Каленинъ потихоньку трогаетъ тройку за мною вослѣдъ, а Вейнбергъ, завалясь на мягкое сидѣнье, и ухомъ не ведетъ, какъ будто бы ему квартиры не нужно.

— Вейнбергъ, воскликнулъ я наконецъ, раздраженный болью ушибовъ: слѣдовало и вамъ бы потрудиться при розыскѣ общей квартиры.

Вылѣзъ и Вейнбергъ изъ кибитки, но не крѣпче меня оказался на ногахъ.

Наконецъ мы отыскали за дощатою перегородкой отвратительнѣйшее помѣщеніе, въ которомъ принуждены были ночевать по крайней мѣрѣ двѣ ночи.

Два или три послѣдовательныхъ бала, въ томъ числѣ и маскарадъ, оказались одними изъ самыхъ удачныхъ и веселыхъ. Сама Красовская, красивая брюнетка среднихъ лѣтъ, появлялась на балахъ, и прекрасные музыканты ея превзошли

самихъ себя игривымъ задоромъ Штраусовскихъ вальсовъ и вызывающихъ мазурокъ. Шампаньеръ галопъ они сопровождали оттычками деревянныхъ дудокъ, изумительно подражавшихъ хлопанью пробокъ.

Въ промежутокъ между танцами я услыхалъ голоса: „пойдемте къ роялю, Бржесскіе поютъ“; и конечно отправился въ залу, гдѣ дѣйствительно засталъ Алексѣя Ѳедоровича, сидящимъ за роялемъ и распѣвающимъ симпатичнымъ, хотя и слабымъ теноромъ:

„Только узналъ я тебя“...

— а затѣмъ вдвоемъ съ женою они пропѣли только что появившуюся цыганскую пѣсню:

„Мы двѣ дѣвицы“...

Восторженные слушатели тѣснымъ кругомъ обступали поющихъ.

Танцуя то съ той, то съ другой знакомой дамой, я въ свободныя минуты навѣдывался въ игральную залу, гдѣ Бржесскій сидѣлъ за зеленымъ столомъ, держа на маленькомъ столѣ около себя подносъ съ холоднымъ шампанскимъ. Распрашивая о происходящемъ въ танцовальной залѣ, онъ не упускалъ случая влить въ меня полный стаканъ, такъ что къ мазуркѣ я почувствовалъ себя весьма хмѣльнымъ. Когда загремѣли стулья и всѣ бросились занимать съ своими дамами мѣста, я увидѣлъ, что жена полковаго командира Баумгартенъ, красивая и дебелая дама въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ великолѣпнымъ бюстомъ,—встала и пошла въ пріемную, гдѣ въ растворенныя двери я видѣлъ какъ мужъ ея, знакомый мнѣ по службѣ, командиръ 3-го полка, сталъ подавать ей бѣлую атласную, лебяжьимъ пухомъ опушенную, мантилью. Эка, подумалъ я, какіе увальни офицеры 3-го полка! вонъ стоятъ опершись на палаши, и ни одинъ не пригласилъ своей красивой полковницы на мазурку. Право, хоть я ей и не представленъ, но по свободѣ, допускаемой въ Александрійскомъ кругу, пойду и приглашу ее.

Съ этими словами я побѣжалъ, чтобы захватить отъѣзжаю-

щую, и она, ласково кивнувъ мнѣ, подала руку. Карлъ Ѳед. часто говорилъ мнѣ объ ихъ домѣ и объ ней какъ о пѣвицѣ, владѣющей прекраснымъ голосомъ.

Стараясь не круто поворачивать къ ней голову, чтобы не обдавать ее виннымъ запахомъ, я сталъ разговаривать о музыкѣ. А такъ какъ она пѣла большею частію изъ оперъ хорошо мнѣ знакомыхъ, то мнѣ легко было поддерживать разговоръ. Главнымъ стараніемъ моимъ было произносить какъ можно чище слова, такъ какъ безъ усилія рѣчь ежеминутно готова была сойти на косноязычіе.

Боже, съ ужасомъ думалъ я: ну какъ она замѣтитъ и пожалуется Карлу Ѳедор.? Этого онъ не проститъ своему адъютанту.

Завтракать я въ эти дни ходилъ къ Бржесскимъ, пріютившимся у исправника Золотницкаго. А Вейнбергъ съ утра уходилъ къ офицерамъ играть въ карты, и мы видались съ нимъ, только одѣваясь на балъ.

Наканунѣ возвращенія нашего въ полкъ, онъ, ссылаясь на неудачу, выпросилъ у меня 50 руб. на счастье. У меня не хватило духу отказать, но и эти деньги счастья ему не принесли. Такъ мы и уѣхали на другой день въ полкъ.

Не успѣли мы проѣхать Березовку, въ которую владѣльцы еще не вернулись, какъ между усадьбой и ближайшими кашарами *) наѣхали на огромнаго, по самой серединѣ дороги стоящаго волка. Въ воздухѣ было такъ тихо, что до лошадей, вѣроятно, не дошелъ запахъ звѣря, всегда внушающаго имъ страхъ. Волкъ повернулъ къ намъ свой широкій лобъ, флегматичнымъ шагомъ сошелъ съ дороги и сначала остановился шагахъ въ десяти отъ послѣдней вправо, а затѣмъ не спѣша сталъ забирать къ кашарамъ по глубокому снѣгу. Вейнбергъ заметался по кибиткѣ.

— Дайте мнѣ отпречь лѣвую пристяжную, восклицалъ онъ, я сейчасъ же погонюсь за волкомъ, а у кашаръ заулюлюкаю, и овчарныя собаки переймутъ его и поймаютъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, пристяжная фурштадтская, и я не могу давать на такую скачку чужую лошадь.

---

*) овчарнями.

— Ну, сказалъ Вейнбергъ, при первомъ свиданіи я разскажу обо всемъ Карлу Өедоровичу, и онъ, самъ будучи охотникомъ, конечно васъ не похвалитъ.

На первомъ обѣдѣ у возвратившагося въ полкъ Бюлера. Вейнбергъ, описавъ нашу встрѣчу съ волкомъ, не безъ ироніи выставилъ мой отказъ дать пристяжную.

— Ну знаете ли, сказалъ не безъ ударенія полковникъ: я нахожу, что адъютантъ не совсѣмъ дурно поступилъ. На его мѣстѣ я сдѣлалъ бы то же.

Я забылъ сказать, что болѣе году уже велъ формальную переписку объ утвержденіи за Бюлеромъ титула барона Россійской имперіи. При этомъ приходилось разыскивать всякаго рода бумаги, ради которыхъ Карлъ Өед. даже самъ ѣздилъ къ бывшему своему начальнику кіевскому коменданту генералу Пенхержевскому.

LXII

Подполковникъ Саргани.—Глухота Кази. — Портной Шварцъ.—Я арестованъ.—Въ гостяхъ у Даниленко.

Къ веснѣ къ намъ переведенъ былъ изъ гусаръ подполковникъ Саргани, кроткій любезный человѣкъ, любившій угостить прекраснымъ обѣдомъ, при помощи хорошаго крѣпостнаго повара. Не смотря на его сдержанную скромность, видно было, что онъ человѣкъ со средствами. Можно предполагать, что при такихъ условіяхъ въ гусарскомъ полку не слишкомъ налегали на его фронтовыя свѣдѣнія, оказавшіяся не совсѣмъ твердыми.

Если однимъ грекомъ въ штабѣ полка прибыло, то другимъ убыло, такъ какъ меньшой Петровъ вышелъ въ отставку, и штабъ-ротмистръ Кази принялъ 4-й эскадронъ.

Не мало пришлось намъ съ Карл. Өед. помучиться во фронтѣ съ Кази, весьма тугимъ на ухо и часто не слыхавшимъ команды. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ примѣрный эскадронный командиръ.

Я говорилъ уже, что со времени устройства ставенъ спалъ въ совершенной темнотѣ и, успокоившись насчетъ агрессивныхъ дѣйствій, давно уже повѣсилъ разряженные пистолеты на коверъ надъ кроватью въ числѣ другихъ военныхъ и охотничьихъ принадлежностей.

Однажды мнѣ послышалось, будто кто-то стукнулъ въ библіотекѣ входною дверью, а затѣмъ чьи-то шаги стали приближаться съ постепенно возрастающимъ шумомъ.

Вотъ отворилась дверь моей спальни и я, приподнявшись, громко воскликнулъ: „кто тутъ?“ Отвѣта не послѣдовало, но шаги стали приближаться къ кровати. Очевидно кто то, разсчитывающій на мою разобщенность съ прислугой, безцеремонно направляется къ постели не съ добрымъ намѣреніемъ. Стучать въ стѣну къ прислугѣ, значитъ съ точностью опредѣлять мѣсто моего нахожденія, которое напротивъ преднамѣренно слѣдуетъ перемѣнить, взявши съ своей стороны возможныя мѣры защиты. Схвативши ощупью на стѣнѣ кинжалъ, я съ выхваченнымъ клинкомъ сѣлъ въ ногахъ кровати съ намѣреніемъ ударить изо всѣхъ силъ того, кто нанесетъ ударъ по подушкѣ, разсчитывая встрѣтить на ней мою голову. Пока я исполнялъ свой мгновенный маневръ, сопящій посѣтитель, дойдя до стола около моего изголовья, снова направился къ дверямъ. Ну, подумалъ я, отдумалъ или струсилъ. Не успѣла эта мысль мелькнуть въ моей головѣ, какъ шаги неизвѣстнаго снова направились къ моему изголовью. Маневръ этотъ продолжался нѣсколько разъ, и вдругъ въ библіотекѣ мелькнулъ блескъ свѣчи.

Слава Богу, подумалъ я, на необычный въ такое время шумъ сюда идутъ. Между тѣмъ свѣча все приближалась, и когда слуга переступилъ съ нею порогъ спальни, я увидалъ продолжающаго ходить взадъ и впередъ Кази.

— Ахъ ты шутъ гороховый! крикнулъ я ему: чтожь ты не откликаешься, когда тебя спрашиваютъ въ потьмахъ: кто идетъ?—Посмотри, вѣдь я чуть тебя не убилъ.

— Да развѣ ты меня окликалъ?

— Громко.

— Ну, я, братецъ, ничего не слыхалъ.

Оказалось, что слуга, занявшійся выгрузкою чемодана изъ

повозки Кази, предварительно пустилъ его идти въ потьмахъ по знакомымъ комнатамъ.

Наступило весеннее время полковаго сбора, тѣмъ болѣе оживленнаго, что ожидали царскаго смотра въ Елизаветградѣ.

Привезши по приказанію полковаго командира съ кіевскихъ контрактовъ одноцвѣтнаго сѣраго сукна на всѣ офицерскіе рейтузы, полковой портной Шварцъ зашелъ и ко мнѣ снять мѣрку.

— А что, Шварцъ, сказалъ я, передъ царскимъ то смотромъ хорошій небось заработокъ будетъ?

— Ну, васе бл—діе, уныло отвѣчалъ Шварцъ, какой теперь заработокъ, теперь господа офицеры думаетъ одного сюртука въ годъ заказать. Теперь прежній господъ офицеръ нѣтъ. Вотъ былъ графъ Гудовицъ; тому сошьешь сюртука, а онъ пойдетъ лазить по заборамъ, по плетнямъ и черезъ мѣсяцъ говоритъ: Шварцъ, шей еще сюртука! Вотъ былъ заработокъ!

Какъ разъ передъ кампаментомъ въ полку почти единовременно получено было утвержденіе за Карломъ Ѳедоровичемъ баронскаго титула, а затѣмъ и производство его въ генералъ-маіоры. Не безъ ироніи разсказывалъ баронъ, какъ его со времени производства сталъ величать его деньщикъ-кучеръ, литвинъ.

Научившись, подобно земляку своему Петру, русской рѣчи, кучеръ Трофимъ почему то у однихъ словъ отнималъ по слогу, а къ другимъ прибавлялъ. Такъ, говоря о любимой своей маткѣ Арфѣ, онъ выражался вмѣсто: „надо въ тарантасъ запречь Арфу“—„надо рантасъ Арфумъ прягать“.

А къ генералу своему обращался не иначе, какъ говоря: „ваше прехатство“.

Зная, что Карлъ Ѳедоровичъ, отправившійся благодарить начальство за полученный чинъ, въ Новой Прагѣ непремѣнно побываетъ у Баумгартеновъ, я не безъ сердечнаго сжиманія вспоминалъ о своей не совсѣмъ трезвой мазуркѣ. Каково же было мое радостное изумленіе, когда въ день пріѣзда генералъ сказалъ мнѣ: „М-me Баумгартенъ вамъ кланяется; она видимо осталась вами очень довольна“.

Вслѣдствіе излишне усерднаго командованія или по другой какой причинѣ генералъ мой окончательно охрипъ и могъ на полковомъ ученіи говорить только шепотомъ, поручая мнѣ передавать команду громогласно. Конечно, я старался не заслужить упрека и отчеканивалъ каждое слово.

Но вотъ пріѣхалъ къ намъ для смотра начальникъ дивизіи, и Бюлеръ поневолѣ долженъ былъ сказаться больнымъ, предоставляя подполковнику Саргани командовать на ученьи полкомъ.

Зная разсѣянность и нетвердость Саргани по части фронта, я, по возможности, держался около его стремени и старался, ловя на лету, повторять для него команду начальника дивизіи. Но когда приходилось развертывать фронтъ, то я вынужденъ былъ скакать съ линейными на флангъ, и тогда Саргани лично передавалъ команду Фитингофа. Какъ теперь помню, я былъ на лѣвомъ флангѣ, и когда я стремглавъ бросился къ Саргани, навстрѣчу мнѣ по вѣтру слабо донеслась команда послѣдняго: „въ каждомъ дивизіонѣ повзводно слѣва“. Когда я несся мимо командира 3-го дивизіона Вейнберга, бывшаго во время раздавшейся команды ближе меня къ Саргани, Вейнбергъ закричалъ, вопросительно обращаясь ко мнѣ: „что командовали?“

— Въ каждомъ дивизіонѣ слѣва! прокричалъ я и промчался.

По исполнительной командѣ и знаку палаша, первыхъ два дивизіона построились въ колонны справа, тогда какъ третій построился въ колонны слѣва. При этомъ видѣ Фитингофъ закипѣлъ и поскакалъ къ Вейнбергу: „маіоръ Вейнбергъ, почему вы построились въ колонны слѣва?“

— Адъютантъ передалъ мнѣ такъ команду.

— Вы какъ передали команду? обратился ко мнѣ Фитингофъ.

Не входя въ объясненія, что я передалъ команду частнымъ образомъ, ничѣмъ къ тому не обязанный, я повторилъ какъ заслышалъ команду.

— Поѣзжайте за мной, сказалъ Фитингофъ и поскакалъ къ Саргани.

— Что вы командовали? спросилъ онъ смущеннаго старика.

— Я командовалъ... я командовалъ къ атакѣ въ колонны. Я командовалъ...

— Какая тутъ атака! я васъ спрашиваю: вы командовали справа или слѣва?

— Я командовалъ въ каждомъ дивизіонѣ.

При этихъ словахъ мы оба съ Фитингофомъ впились глазами въ глаза Саргани.

— Ну да! ну да! напиралъ Фитингофъ: справа или слѣва?

Голубчикъ, думалъ я, все равно напутали. Ужь скажи слѣва. Вѣдь ты же явно не знаешь, что сказать, а меня выведешь изъ незаслуженной бѣды.

— Я командовалъ повзводно справа.

— Отдайте вашъ палашъ моему адъютанту и станьте на свое мѣсто, сказалъ Фитингофъ, арестуя меня такимъ образомъ.

Ученіе кончилось безъ дальнѣйшихъ приключеній, и при концѣ его начальникъ дивизіи приказалъ возвратить мнѣ палашъ.

Къ концу кампамента остзейскіе юнкера Майдель и Кошкуль были произведены въ офицеры и, конечно, воспользовались во время травянаго продовольствія возможностью показаться въ новыхъ съ иголочки эполетахъ.

Живой Майдель не ограничился личными экскурсіями, а зная, что я завелся уже прекрасной четверкой рыжихъ, подбилъ и меня на непривычныя мнѣ поѣздки.

Давно со всѣхъ сторонъ, начиная съ завзятаго охотника Борисова, я слышалъ о бывшемъ нашемъ однополчанинѣ, а теперь богатомъ помѣщикѣ на правомъ берегу Днѣпра полковникѣ Даниленкѣ. Побывавъ, вѣроятно, предварительно у Даниленки, Майдель передавалъ мнѣ, что Даниленко усердно проситъ всѣхъ на обѣдъ и балъ въ день именинъ его жены. Вѣроятно, въ настоящее время хозяева Даниленки, которымъ и тогда было за 50 лѣтъ, давно уже не существуютъ, не оставивъ послѣ себя потомства. Проѣзжающій въ настоящее время на пароходѣ изъ Кременчуга въ Екатеринославъ можетъ верстахъ въ 3-хъ отъ Крюкова внизъ по теченію по группѣ гранитныхъ монолитовъ на правомъ крутомъ берегу

съ точностью опредѣлить мѣсто усадьбы, если послѣдняя уцѣлѣла.

Помѣстительный, возвышавшійся надъ рѣкою одноэтажный барскій домъ съ большими и высокими парадными комнатами далеко не былъ изъ числа заурядныхъ помѣщичьихъ строеній. Странно, что стоя посреди гранитныхъ монолитовъ, онъ по близости не выставлялъ ни одного дерева и даже ни одного куста, а между тѣмъ узкая терраса, съ которой всюду можно было заглянуть въ окна, опоясывала домъ со всѣхъ сторонъ. Въ просторной залѣ къ нашему пріѣзду уже накрытъ былъ большой столъ для именинной закуски, уставленный всякаго рода кулебяками, пирогами, свѣжей икрой, только что вынутой изъ осетра, разнородными вкуснѣйшими рыбами, между которыми въ первый и послѣдній разъ пришлось мнѣ ѣсть особенно нѣжную на вкусъ, про которую мнѣ сказали, что это веризубъ. При этомъ не было недостатка въ водкахъ, винахъ и наливкахъ. Плотный, съ сильною просѣдью, но весьма еще бодрый Даниленко встрѣтилъ насъ съ Майделемъ въ этой залѣ, а потомъ повелъ въ гостиную представить своей женѣ, весьма пожилой и некрасивой и плохо одѣтой женщинѣ. Хозяйка сказала намъ нѣсколько словъ самымъ нерѣшительнымъ образомъ, вродѣ: „очень рада“, и мы обрадовались появленію новыхъ гостей, какъ возможности стушеваться. Позднѣе я узналъ, что эта робкая дама была дочь знаменитаго Трощинскаго, сопровождавшаго въ 14 году императора Александра въ Парижъ и вывезшаго оттуда множество мебели Маріи Антуанеты, пріобрѣтенной имъ на аукціонѣ. По смерти его мебель эта вмѣстѣ съ Приднѣпровскимъ имѣніемъ и домомъ перешла къ его дочери, Даниленко. Подтвержденіемъ слышаннаго были туалетный столикъ и нѣсколько шкапчиковъ, великолѣпно отдѣланныхъ бронзою, съ медальонами тончайшихъ рисунковъ по фарфору въ кабинетѣ хозяйки.

Въ залѣ съ закуской вполнѣ оправдывалась главная характеристика хозяина борзятника: двѣ несомнѣнно красивыхъ бѣлыхъ борзыхъ безцеремонно ходили по залѣ и пристально глядѣли въ глаза хозяину, возвращавшемуся къ закускѣ. Послѣдній, хватая съ блюда подовый пирожокъ, цѣ-

ликомъ бросалъ его ловившей его на лету собакѣ. Не забывалъ онъ и другую свою любимицу. Не безъ удивленія увидалъ я, какъ вышедшая изъ гостиной хозяйка, нагнувшись къ мужу и указывая пальцемъ на блюдо, прошептала: „голубчикъ, позволь мнѣ взять этотъ кусочекъ". При этомъ противно стало мнѣ все явное довольство и самодовольство хозяина.

Вѣдь это же все ея, подумалъ я, а она не смѣетъ взять безъ спроса куска, небрежно швыряемаго собакамъ. Когда мы ушли покурить въ кабинетъ хозяина, обращенный окнами въ противоположную отъ рѣки сторону къ подъѣзду, къ крыльцу съ колокольчиками и съ бубенчиками тройкой подскакала легкая коляска, изъ которой, сбросивъ запыленную шинель, въ щегольскомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ вышелъ молодой человѣкъ и тотчасъ же забѣжалъ къ головамъ тяжело дышащей тройки.

— Ахъ, это бывшій корнетъ Ясноградскій, раздалось въ кабинетѣ.

Между тѣмъ Ясноградскій, вытащивъ изъ кармана шинели ланцетъ, обернутый покромкою, уже успѣлъ, перетянувъ шейную жилу лѣвой пристяжной, пустить ей кровь, а затѣмъ исполнилъ эту операцію тутъ же у крыльца надъ двумя остальными лошадьми.

Какъ логично, подумалъ я: сначала безъ всякой нужды загнать тройку по жарѣ, а затѣмъ подъ крыльцомъ бросать ей кровь.

— Какъ бы поскорѣе умывальникъ, сказалъ Ясноградскій, входя въ кабинетъ, идущему вслѣдъ за нимъ лакею. У меня всѣ руки въ крови, да, кажется, и сорочкѣ досталось.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ слуга; надо будетъ перемѣнить и сорочку.

Къ обѣду пріѣхала изъ Кременчуга главная гостья, встрѣченная хозяиномъ съ исключительнымъ вниманіемъ. Это была вдова полковника, энергичная и красивая брюнетка, лѣтъ подъ 40, съ 14-ти лѣтнею дочерью, про которую говорили, что это дочь Даниленки.

Послѣ обильнаго обѣда, впродолженіе котораго гремѣлъ привезенный изъ Кременчуга оркестръ, послѣ тостовъ и ту-

шей въ честь именинницы, встали изъ за стола и разошлись по комнатамъ, давая возможность приготовить залу для танцевъ.

Между гостями былъ скромный юноша, отчаянный заика. Вотъ къ нему то Яснoградскій поминутно приставалъ съ распросами о предстоящихъ танцахъ. Тогда только что стали танцовать вальсъ въ два такта, причудливо измѣняя направленіе спирали въ противоположную сторону au rebours.

Убѣждаясь на глазъ въ неспособности того или другаго провинціальнаго юноши дать надлежащій отпоръ, Яснoградскій приставалъ то къ тому, то къ другому съ вопросомъ: „а что мы будемъ танцовать вальсъ Оренбургъ?"

Когда люстры и канделябры были зажжены въ столовой, и мы взошли по музыкальному ритурнелю въ залу, то увидали, что всѣ наружныя галлереи были заняты любопытными челядинцами, которыхъ лица были видны за всѣми окнами. А когда во время танцевъ стали разносить конфекты, Яснoградскій, высыпавъ изъ кондитерской трубочки мелкія конфекты, насыпалъ туда нюхательнаго табаку и пошелъ, какъ бы играя ею, разсыпать табакъ по полу, „для пробужденія, какъ онъ говорилъ, сонныхъ дѣвицъ".

Удалось ему поймать и какую то рыжую кошку. Не знаю, какой операціи хотѣлъ онъ подвергнуть ее, но появившаяся въ дверяхъ гостиной старушка закричала на всю залу: „ахъ, батюшка, отдай, отдай мою кошечку".

И кошка была торжественно возвращена.

Послѣ этой поѣздки мнѣ еще разъ довелось видѣть Даниленко на охотѣ, на которой проживавшій у него снова въ качествѣ доѣзжачаго Варрава отнялъ у гончихъ смертельно раненую мною лисицу.

LXIII

Смотры Фитингофа. — Женитьба Оконора. — Безсрочные офицеры.

Въ этомъ 1851 году даже дивизіонный кампаментъ былъ гораздо оживленнѣе и суетливѣе по случаю предстоящаго царскаго смотра. Всегда требовательный во фронтѣ Фитингофъ доходилъ до самыхъ малѣйшихъ подробностей и безпрестанно обращаясь къ намъ, говорилъ, замѣчая, быть можетъ, не совсѣмъ щегольскую салютовку: „господа, я бы васъ просилъ у себя дома такъ немного съ палашомъ поиграть“.

Однажды какъ на грѣхъ на безбрежной степи поднялся сильный вѣтеръ всадникамъ въ тылъ, мѣшавшій первому темпу салютовки палашомъ, такъ какъ не успѣвало широкое лезвіе вылетать концомъ надъ головою всадника, какъ вѣтеръ, ударяя въ него, сильно наклонялъ палашъ впередъ, нарушая его перпендикулярность.

— Господа! повторялъ Фитингофъ: я васъ просилъ немножко съ палашемъ поиграть. Это такъ не трудно!

И съ этими словами начальникъ дивизіи тронулъ подъ вѣтеръ своего коня, чтобы показать намъ примѣръ.

Ну, подумалъ я, легко говорить, да каково-то исполнить.

Но къ изумленію моему, палашъ у стараго генерала и подъ дуновеніемъ урагана почти не дрогнулъ въ рукѣ.

Не забуду сцены на церемоніальномъ маршѣ, доставившей мнѣ нѣкотораго рода злорадное удовольствіе.

Когда нашъ полкъ въ эскадронной колоннѣ съ трубаческимъ хоромъ въ головѣ вышелъ на церемоніальную линію, то ѣхавшій впереди меня въ нѣсколькихъ шагахъ со своимъ адъютантомъ у стремени Пущинъ, обращаясь ко мнѣ, по обычной замашкѣ всюду соваться при отсутствіи старшаго, сказалъ: „вамъ пора заѣзжать“.

— Рано, ваше пр—о, отвѣчалъ я.

— А я вамъ говорю, пора! Извольте заѣзжать!

Взявши палашъ на подвысь и скомандовавъ: „полъ-оборотъ влѣво!“ я на рысяхъ исполнилъ заѣздъ и остановивши

трубачей отсалютовалъ. Не успѣлъ я окончить движенія, какъ адъютантъ Фитингофа Денисьевъ подскакалъ ко мнѣ со словами: „пожалуйте къ начальнику дивизіи“.

Подскакавъ къ генералу и отсалютовавъ, я смотрѣлъ въ его сѣровато-голубые блещущіе раздраженіемъ глаза.

— Поручикъ Фетъ, ви зачѣмъ? нѣтъ, скажите, когда адъютантъ долженъ исполнять заѣздъ?

Продолжая представлять на своемъ сѣромъ Арлекинѣ неподвижную статую, я отвѣчалъ словами устава: „не доѣзжая за сто шаговъ до начальника, адъютантъ взявши подвысь“....

— Ну, видите, ви знаете, зачѣмъ же ви не исполнаете?

— По личному приказанію его пр — ва бригаднаго командира.

— Денисьевъ, позовите... попросите ко мнѣ генерала Пущина.

И когда послѣдній, безобразно корчась, приковылялъ на своей лошадкѣ, Фитингофъ съ замѣтною яростью спросилъ его: „Петръ Павловичъ, когда адъютантъ долженъ заѣзжать?

— За двѣсти шаговъ... началъ было переконфуженный Пущинъ.

— Видите, Петръ Павловичъ, ви устава не читаете и не знаете, а все мнѣ тутъ путаете. Поѣзжайте на свое мѣсто, сказалъ мнѣ Фитингофъ.

Бывшій мой эскадронный командиръ Оконоръ неожиданно для всего полка измѣнилъ наконецъ своей полуцыганской холостой жизни, женившись на дочери вдовы полтавской помѣщицы. Когда единственная дочь помѣщицы уѣхала съ мужемъ на дивизіонный кампаментъ въ Новую Прагу, то мать не рѣшилась разстаться съ дорогими ей людьми и жила вмѣстѣ съ Оконорами. Ал. Ал., измѣнившій образъ жизни на болѣе удобный, не бросилъ привычки подтрунить надъ кѣмъ либо и избралъ на этотъ разъ свою тещу ближайшею цѣлью любимой потѣхи.

— Вотъ, говорилъ онъ, я и въ Елизаветградѣ на царскомъ смотру буду, какъ вы, маменька, видите, съ утра на службѣ. Царь насъ всѣхъ, эскадронныхъ командировъ, увидитъ во фронтѣ, а жену мою представлять царю будетъ некому. Такъ ужъ это, маменька, ваше дѣло.

— Батюшка, голубчикъ, Ал. Ал., да какъ же! Да куда же я то! я этихъ дѣлъ и ни-ни Боже мой! Воля ваша, а я никакъ!

— Это, маменька, дѣло ваше! мое дѣло было вамъ сказать. Вѣдь я же не прошу васъ, чтобы вы за меня представлялись царю.

— Да подумайте, родной! ну какъ же я и вдругъ къ царю.

Это мнимое представленіе ко двору происходило ежедневно, къ немалому восхищенію Оконора.

Говоря о корпусномъ сборѣ въ Елизаветградѣ, приходится упомянуть о весьма характерномъ явленіи, не пускаясь въ критику, а только передавая то, чему я былъ свидѣтелемъ.

Государю угодно было единовременно съ дѣйствующими войсками увидать и введенныхъ имъ безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Говорю какъ очевидецъ только о кавалеріи. Въ каждомъ полку составленъ былъ седьмой эскадронъ безсрочныхъ во сто человѣкъ на бракованныхъ лошадяхъ и въ каскахъ стараго образца. Сапоги и мундиры временно выдавались изъ полковыхъ цейхаузовъ. Офицеры становились передъ фронтомъ по возможности того же оружія и полка, но за недостаткомъ могли стоять передъ фронтомъ и чужіе въ своей формѣ.

Принявъ въ соображеніе, что въ каждомъ безсрочномъ эскадронѣ могло быть до шести офицеровъ, а всѣхъ полковъ было въ одномъ кирасирскомъ корпусѣ восемь и затѣмъ на смотръ приходило столько же гусарскихъ и уланскихъ, не трудно убѣдиться, что безсрочныхъ офицеровъ приходилось считать сотнями. Кто же были эти безсрочные офицеры? Очевидно, люди, желавшіе щеголять мундиромъ, но не желавшіе нести службы или удаленные изъ нея, какъ неудобныя личности. Казалось бы, въ виду извѣстной требовательности начальника нашего корпуснаго штаба можно было ожидать, что привычки безсрочно-отпускныхъ къ своеволію должны бы были тотчасъ стушеваться подъ давленіемъ неумолимой дисциплины, а вышло наоборотъ.

Выѣхавъ рано утромъ къ возводимому имъ дворцу на Ковалевку, начальникъ штаба встрѣтилъ идущаго по площади гусара въ растегнутомъ сюртукѣ. Подозвавъ гуляющаго, ге-

нералъ закончилъ строгій выговоръ обѣщаніемъ слѣдующій разъ ареста. Но только-что онъ тронулся было на своихъ дрожкахъ далѣе, офицеръ крикнулъ ему вослѣдъ:

— Ваше прев—о!

Обернувшись, генералъ не безъ раздраженія спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Вы, ваше пр—о, напрасно уѣзжаете. Я хотѣлъ вамъ показать много архитектурныхъ недостатковъ вашего дворца.

— Пошелъ! крикнулъ генералъ кучеру.

Передъ квартирой корпуснаго командира находился обширный газонъ, окруженный деревянною изгородью съ насаженными изъ середины липками. Для поливки на самомъ шоссе у изгороди поставлены были большіе выкрашенные зеленою краской чаны съ водою. Однажды утромъ увидали близь чановъ лежащую гусарскую одежду, а изъ нихъ самихъ торчащія головы купавшихся офицеровъ.

Приказъ, чтобы офицеры пріѣзжали въ городъ въ приличныхъ экипажахъ, повидимому, сильно возмутилъ безсрочныхъ. Такъ какъ къ царскому смотру сбирались отовсюду фокусники и шарманщики, то безсрочные, разыскавъ восемь послѣднихъ, подговорили ихъ къ извѣстнаго рода церемоніальному вступленію въ городъ справа по одному, причемъ за плечами каждаго на шарманкѣ долженъ былъ сидѣть офицеръ, а шарманщикъ, крутя рукоятку, сопровождать музыкой шествіе. Когда полиція рѣшилась имъ замѣтить о неудобствѣ такой процессіи въ корпусномъ штабѣ, они отвѣчали: „это вашъ генералъ насъ притѣсняетъ. Скажите ему, что мы краснаго пѣтуха ему подпустимъ“.

И когда полицеймейстеръ полковникъ Хартулари доложилъ объ этомъ генералу, послѣдній сказалъ: „оставьте этихъ дураковъ! оставьте этихъ дураковъ!“

Даже пріѣздъ государя не сдержалъ разгула безсрочныхъ офицеровъ.

Во время царскихъ пріѣздовъ въ Новороссійскій край любимымъ спутникомъ государя былъ начальникъ штаба инспекторъ князь Долгорукій. Послѣдняго государь постоянно сажалъ съ собою въ коляску. Неудивительно, что подчиненные искали камертона у князя. Когда нашъ начальникъ штаба

довелъ до свѣдѣнія князя, что черезъ переулокъ отъ дворца безсрочные офицеры пьютъ, играютъ въ карты и шумятъ въ трактирѣ Симки всю ночь напролетъ и могутъ обезпокоить царя, князь сказалъ: „не мѣшайте имъ веселиться".

Когда вслѣдствіе такого невмѣшательства собравшіеся офицеры не въ мѣру расшумѣлись, содержательница гостинницы Симка вошла въ залу со словами: „господа, ради Бога не шумите такъ. Часъ тому назадъ пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ и легъ спать. Вы помѣшаете ему заснуть".

— А! генералъ-адъютантъ! воскликнулъ кто-то изъ пирующихъ: очень рады! пусть и онъ съ нами выпьетъ.

Вздумано—исполнено. Со свѣчами и бокалами въ рукахъ толпа вошла въ спальню генералъ-адъютанта, и затѣйникъ обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: „ваше выс—пр—о, навѣрно не откажете намъ выпить за здоровье государя".

Схвативъ поданный ему бокалъ, генералъ крикнувъ: „ура"! выпилъ залпомъ вино и, обратясь къ слугѣ, прибавилъ: „дюжину шампанскаго!"

— Здоровье вашего выс—пр—а!

И проказники возвратились въ залу допивать новую дюжину.

Чтобы не возвращаться болѣе къ безсрочнымъ, прибавлю, что, оставаясь подъ Елизаветградомъ еще нѣкоторое время и послѣ отъѣзда государя, безсрочные окончили у Симки свои засѣданія значительнымъ скандаломъ. Передаю о немъ такъ, какъ я слышалъ отъ человѣка, близко знакомаго съ этимъ дѣломъ.

Послѣ обѣда человѣкъ десять безсрочныхъ гусаровъ сидѣли за столомъ, какъ вдругъ безсрочный кирасиръ первой дивизіи, какъ говорили московскій купеческій сынъ Манухинъ, остановился у свободнаго конца стола и началъ бывшимъ у него въ рукахъ хлыстомъ бить по столу между приборами. На замѣчаніе гусаръ о дерзости такого поступка, Манухинъ, не обращая вниманія, продолжалъ стегать по столу. Тогда гусары бросились къ нему, желая силой вырвать хлыстъ; но оттолкнувъ наступавшихъ на него, геркулесъ, потащивши часть стола за собою, заслонился имъ въ углу и за этимъ окопомъ ожидалъ нападенія, пользуясь собран-

ными въ углу пустыми бутылками шампанскаго. Когда натискъ былъ имъ отбитъ, онъ сталъ тѣми же бутылками швыркомъ поражать бѣгущихъ. При этомъ одна бутылка съ отбитымъ дномъ вонзилась будто-бы въ выходную дверь, а другая, разрѣзавъ щеку, перебила нижнюю челюсть оглянувшагося бѣглеца.

LXIV

Смотръ юнкеровъ. — Церемоніальный маршъ. — Центавръ. — Маневры. — Царскій обѣдъ.— Бондыревъ.

Возвращаюсь въ русло послѣдовательныхъ событій.

Желая предварительно осмотрѣть въ конномъ строю всѣхъ юнкеровъ, имѣющихъ право явиться на смотръ государя, корпусный командиръ приказалъ имъ явиться ко мнѣ, какъ къ адъютанту перваго въ корпусѣ полка, на Ковалевку, на площадь передъ дворцомъ, а мнѣ, выстроивши ихъ по порядку полковъ, ожидать прибытія къ 10 часамъ утра его выс—пр—а барона Офенберга.

Такъ какъ корпусъ состоялъ изъ четырехъ кирасирскихъ, четырехъ уланскихъ и двухъ гусарскихъ полковъ, то неудивительно, что на смотръ явилось отъ 15 — 20 юнкеровъ, представлявшихъ въ конномъ строю шеренгу въ 20 саж.

Выстроивъ юнкеровъ по порядку полковъ и сказавши: вольно! я, укрываясь отъ жары, взбѣжалъ по деревяннымъ кладкамъ во дворецъ покурить. Это было единственный разъ, что я побывалъ въ недостроенномъ еще дворцѣ. Но вотъ назначенный часъ приближался, и юнкера мои выравнялись въ одну линію съ правильностью чертежа.

Началась манежная ѣзда справа по одному съ захватомъ большаго пространства вокругъ пѣшаго корпуснаго командира. Генералъ видимо былъ доволенъ юнкерами и подъ конецъ скомандовалъ строиться снова въ первоначальную шеренгу. Когда команда была исполнена, Офенбергъ скоман-

довалъ шеренгѣ: „правое плечо впередъ, кругомъ! въ карьеръ!“

Исполненіе такого движенія безъ предварительной подготовки чрезвычайно трудно, такъ какъ требуетъ вѣрнаго глазомѣра праваго фланговаго при описаніи полнаго круга. При этомъ всѣ ниже-стоящіе должны единовременно обращать вдвойнѣ вниманіе: равняясь направо не отрываться налѣво.

Пока пыль отъ остановившейся шеренги разсѣявалась, я видѣлъ, какъ одинъ оторвавшійся отъ нижестоящаго поспѣшно принялъ влѣво, открывая такимъ образомъ прогалокъ между собой и слѣдующимъ вправо.

Въ этотъ прогалокъ и направился Офенбергъ, за которымъ и я послѣдовалъ.

— Ви болванъ! съ прибавленіемъ непечатнаго слова, сказалъ генералъ, обращаясь къ невиновному юнкеру.

— Ваше выс—пр—о, сказалъ я, взявшись подъ козырекъ и нагибаясь къ уху корпуснаго командира: онъ невиноватъ, оторвался нижестоящій.

— Ну, тогда ви болванъ! опять съ прибавленіемъ непечатнаго слова флегматически сказалъ нижеслѣдующему генералъ: ви дворянинъ, ви должны думатъ.

Не удивительно, что многочисленная публика всевозможныхъ пріѣзжихъ и по преимуществу дамъ собралась къ царскому пріѣзду у дворцоваго подъѣзда. Дамы во избѣжаніе толкнотни стояли въ широкихъ воротахъ, ведущихъ во дворъ дворца.

— Кто эта прелестная дѣвочка? спросилъ государь на стоявшую Добровольскую, за мѣсяцъ передъ тѣмъ вышедшую изъ Одесскаго института.

Такъ какъ только въ нашемъ полку были серебряные литавры, то я и былъ поэтому въ исключительномъ положеніи. Такъ на предварительномъ смотру инспектора, я, согласно уставу, сталъ не на правомъ флангѣ взвода и не на офицерскомъ мѣстѣ, занятомъ посреди взвода литаврщикомъ, а впереди литаврщика и слѣдовательно впереди всей офицерской линіи. Первый по фронту проѣхалъ бригадный командиръ и по привычкѣ своей сказалъ: „адъютантъ не знаетъ своего мѣста, извольте встать на правый флангъ“.

Становлюсь на правый флангъ. Проѣзжаетъ Фитингофъ.

— Адъютантъ не знаетъ своего мѣста! кричитъ съ пѣною у рта начальникъ дивизіи: извольте стать передъ литаврщикомъ.

Переѣзжаю туда и думаю: наконецъ то, слава Богу.

Скачетъ Офенбергъ, самъ выѣзжавшій своихъ горячихъ лошадей. Покуда неукрощенная кобыла произвольно мѣняетъ ноги то справа, то слѣва въ галопѣ, — только и слышно: „здорово первый эскадронъ!"

И затѣмъ: „фуй Катька! фуй Катька!"

Доскакавши до меня онъ, попридержавъ лошадь, сказалъ: „адъютантъ не знаетъ своего мѣста! извольте встать на флангъ".

Ковыляетъ шатающійся на свой лошадкѣ инспекторъ графъ Никитинъ.

— Ты батюшка адъютантъ, стань-ка на свое мѣсто передъ литаврщикомъ.

Такимъ образсмъ инспекторъ спасъ меня отъ справедливаго замѣчанія царя, которому я не сталъ бы докладывать, что стою по личному приказанію его в—пр—а.

Къ этому церемоніальному маршу всѣ начальники частей готовились заблаговременно насколько могли, зная напередъ, что царь все видитъ. Думалъ и я между прочимъ, что у меня въ трубаческомъ взводѣ казалось бы все хорошо, начиная съ ненадѣваннаго, расшитаго золотыми галунами мундира литаврщика.

Только ходящій подъ литавромъ 9-ти вершковый Центавръ, хотя еще вполнѣ крѣпокъ ногами, выдаетъ свою старость снѣжной бѣлизной.

На горестныя мои соображенія берейторъ Лупалъ сказалъ: „позвольте мнѣ его къ царскому смотру выкрасить. Отвѣчаю головой, ни одинъ знатокъ не замѣтитъ. А будетъ хорошо".

Послѣднее слово подзадорило меня, и я сказалъ: „валяй".

Вымазали они съ вечера Центавра сажей съ примѣсью синьки и дали такъ простоять всю ночь. Когда же утромъ все размазанное счистили скребницей и щетками, на Центаврѣ выступили всѣ бывшія въ молодости сѣрыя яблоки, и

когда Карлъ Ѳедоровичъ повелъ полкъ на плацъ, то, подъѣхавъ ко мнѣ, спросилъ: „что это у васъ за чудная лошадь подъ литаврщикомъ“?

— Да это нашъ Центавръ, отвѣтилъ я, только мы его подцвѣтили.

— Головой ручаюсь, воскликнулъ Карлъ Ѳедоровичъ, что никому это и въ голову не придетъ.

Когда мы обошли церемоніальную линію и, уступая ее другимъ полкамъ, стали на прежнее мѣсто, то находились по крайней мѣрѣ на версту разстоянія отъ царя, мимо котораго проходили другія дивизіи съ ихъ артиллеріей.

Государь остался очень доволенъ нащею кирасирскою дивизіей и сказалъ нашему полковому командиру: „Бюлеръ, возьми полкъ какъ онъ есть въ шкафъ и запечатай. Я лучше не хочу. Лучше моихъ кавалергардовъ. Живъ ли у тебя въ Крыловѣ старикъ купецъ Бондыревъ?“—„Въ настоящую минуту, Ваше Величество, отвѣчалъ Бюлеръ, его сынъ, коммерціи совѣтникъ, иногда бываетъ у меня. Все значительное дѣло ведетъ онъ, а старикъ только за воротами отдыхаетъ на лавочкѣ“.—„Поклонись ему отъ меня, сказалъ государь, и скажи, что я не забылъ, какъ онъ пожалѣлъ мнѣ дать сливокъ“.

Будучи въ духѣ, государь много разъ благодарилъ Фитингофа.

Такъ какъ войскъ было много, то восхищенный начальникъ дивизіи не захотѣлъ долгое время держать людей и лошадей въ строю и скомандовалъ: „слѣзай!“

Конечно офицеры, любопытствуя узнать въ подробности царскіе отзывы, пошли къ полковому командиру къ головѣ колонны.

Не успѣли мы еще всѣ собраться, какъ спѣшившійся Фитингофъ, обращаясь къ намъ, воскликнулъ: „благодарю васъ, господа, отъ души. Съ такими офицерами можно ходить на смотръ не только къ государю, но къ самому Господу Богу“.

При этомъ слезы въ два ручья оставляли бѣлыя полоски на запыленномъ лицѣ старика.

Свѣжій вѣтеръ равномѣрно подувалъ съ церемоніальной линіи, и вдругъ Фитингофъ, указывая рукой въ сторону жол-

нерской линіи повторилъ прихихикивая ясно до насъ долетавшее: „славно уланы! славно уланы!“

Вдругъ возникшій въ степи по близости полка громадный вихрь, захвативъ въ свою воронку черноземной пыли, ворвался въ полковую колонну. Это было неожиданное мгновенье, но страшное. Люди тоже увѣренные въ своихъ коняхъ отошли отъ нихъ прочь покурить и побалагурить.

И вдругъ посреди налетѣвшей ночи мы слышимъ единый грозный храпъ лошадей. При мысли, что полкъ на царскомъ смотру останется пѣшкомъ, мы всѣ поблѣднѣли какъ мертвецы. Но руки молодцовъ солдатиковъ уже были у поводковъ, и если успѣли захватить трехъ, то двѣ свободныхъ никуда не побѣгутъ.

— Садись! скомандовалъ Фитингофъ, словно хватающійся послѣ кораблекрушенія за доску.

Когда мы съ музыкой возвращались съ церемоніальнаго марша, нѣсколько флигель-адъютантовъ подъѣзжали ко мнѣ полюбоваться Центавромъ, въ томъ числѣ и адъютантъ прусскаго короля.

Въ тотъ-же день государю угодно было смотрѣть юнкеровъ на огороженномъ газонѣ противъ дворца. Оставшись доволенъ ѣздою, государь, сказавши: „поздравляю васъ офицерами“, скомандовалъ: „маршъ, маршъ по домамъ“.

Счастливцы, которые толпою и не могли бы попасть въ тѣсный въѣздъ аршинной ограды, во всѣ стороны понеслись черезъ нее; и только подъ однимъ лошадь, захватившая ногами барьеръ, упала, уронивъ ѣздока на песокъ переулка.

— Хоть упалъ, да офицеръ, сказалъ весело государь.

Всѣ отъ мала до велика чувствовали какой то налетъ веселья и оживленія, всего нагляднѣе проявившійся вечеромъ въ богато иллюминованномъ домѣ собранья. Излишне говорить, что вновь произведенные офицеры не упускали случая поблагодарить меня изъ желанія показаться въ новомъ блестящемъ мундирѣ.

Красивый Вейнбергъ тоже старался быть у всѣхъ на виду и по преимуществу у дамъ. Говорили, будто бы онъ обращался въ собраньи къ знакомымъ флигель-адъютантамъ со словами: „возьми пожалуйста меня подъ руку и пройдемся

вмѣстѣ по заламъ. Тебѣ это ничего не стоитъ, а здѣсь это чрезвычайно важно“.

На другой день всѣ восемь кирасирскихъ полковъ въ блестящихъ каскахъ и кирасахъ съ вальтрапами, флюгерами и пиками разныхъ цвѣтовъ стояли въ глубокой балкѣ резервными колоннами въ ожиданіи царскихъ маневровъ.

Подъѣхавъ въ коляскѣ къ возвышенію, съ котораго открывался видъ на войска, государь, садясь на лошадь, сказалъ Никитину: „какой чудесный цвѣтникъ! Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь покойнаго Витта. Онъ бы отъ души полюбовался своими кирасирами“.

При этихъ словахъ расплакавшійся графъ Никитинъ сказалъ: „вотъ, государь, я скоро пойду на тотъ свѣтъ. Тамъ я спрошу у этого нѣмца, чѣмъ онъ такъ тебѣ угодилъ, что ты и мертваго его все вспоминаешь“.

— Ну полно, полно, старикъ! сказалъ государь, наклоняясь съ лошади къ Никитину и кладя ему руку на плечо: я не хотѣлъ тебя обидѣть. Я тобою очень доволенъ, и жалую тебѣ свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Иностранные принцы и адъютанты, находившіеся въ свитѣ государя, были поражены красотою нашей кавалеріи.

Корнетъ Майдель передавалъ мнѣ, что адъютантъ прусскаго короля спрашивалъ его: какимъ образомъ онъ, служа въ гнѣдомъ полку, сидитъ въ свою очередь на гнѣдой лошади?

Своего Центавра я оставилъ вмѣстѣ съ тяжелыми литаврами дома, такъ какъ на линейномъ ученіи требуется скачка, и трубаческій хоръ разъѣзжается съ сигнальными трубами къ отдѣльнымъ командирамъ частей.

На этотъ разъ маневры нашего полка шли неудачно къ полному отчаянью Карла Ѳедоровича, не разъ повторявшаго: „говорятъ, страшно подъ ядрами. А между тѣмъ самая большая бѣда тамъ—смерть; гораздо страшнѣе тутъ, гдѣ при одномъ неудачномъ движеніи можно потерять плоды тяжкихъ трудовъ цѣлой жизни“.

Въ свою очередь я лѣзъ изъ кожи, чтобы точностью и быстротою собственныхъ движеній способствовать правильнымъ построеніямъ полка. Происходили сквозныя атаки, и

не успѣлъ нашъ полкъ построить дивизіонныхъ колоннъ, какъ подстрекаемый настоятельными понуканіями начальника штаба, не помню какой полкъ, не дождавшись открывшихся промежутковъ, на полныхъ рысяхъ наскочилъ на наше движеніе, произведя ужасную путаницу.

— Карлъ Ѳедоровичъ, сказалъ я, молодая трубаческая лошадь подо мною тупѣетъ и совсѣмъ легла въ мундштукъ.

— Зарѣжьте ее, чертъ ее возьми! сказалъ генералъ.

Когда порядокъ кое-какъ возстановился, намъ скомандовали строить фронтъ.

— Il faut au moins, que nous fassions bien ceci, mon cher, autrement nous sommes f.....

По предварительной командѣ я съ крайнимъ линейнымъ былъ уже на лѣвомъ флангѣ. И когда полкъ, вступая въ линію, безукоризнѐнно выравнялся, я во весь духъ бросился вдоль фронта къ своему командиру на правый флангъ. Вотъ я уже проношусь передъ серединою перваго эскадрона, какъ вдругъ изъ за фронта въ нѣсколькихъ саженяхъ передо мною выдвигаются шагомъ знакомыя очертанія Николая Павловича на любимой его вороной Москвѣ. Времени для раздумья не было, тѣмъ не менѣе электрическая искра мысли болѣзненно въ одинъ мигъ освѣтила передо мною все событіе.

Продолжая нестись на лошади съ одеревенѣлымъ ртомъ, я непремѣнно налечу на государя. Удержать лошадь на такомъ короткомъ разстояніи невозможно; взять влѣво и пронестись передъ самой головою царскаго коня—дерзость, за которую не сдобровать. Описать на глазахъ царя широкое налѣво назадъ — не менѣе страшно. Съ ужасомъ я сталъ, взявши лошадь въ шенкеля, сдерживать ее, насколько хватало силъ. Тѣмъ временемъ царскій конь настолько подвинулся впередъ, что самъ царь уже вышелъ изъ линіи моего пути. Тѣмъ не менѣе моя лошадь на всемъ скаку ударила царскую въ крупъ, такъ что государь всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ отъ удара. Выѣзжая изъ-за фланга, государь очевидно не замѣтилъ меня, иначе, ускоривъ аллюръ далъ бы мнѣ дорогу. Но почувствовавъ сильный ударъ и увѣренный, что это какой либо несчастный случай, онъ даже не повернулъ головы назадъ, чтобы увидать, что это такое.

Боже, подумалъ я, запоздай царскій конь на три секунды, ударъ пришелъ бы прямо въ лѣвое колѣно.

Въ концѣ концовъ государь остался очень доволенъ и, выстроивъ къ 5 часамъ дня полковыя колонны, приказалъ трубить подъ штандарты, а затѣмъ скомандовалъ: „пѣсенники впередъ!“ Это было верстъ за 5 до Елизаветграда, не считая версты до нашихъ бараковъ.

— Собирайте трубачей, сказалъ мнѣ Карлъ Ѳедоровичъ и на всѣхъ рысяхъ ведите ихъ въ бараки. Имъ надо разсѣдлать лошадей да самимъ обчиститься и умыться. Тѣмъ временемъ прикажите запречь фурштадтскія фуры и мчите трубачей въ переулокъ около дворца, такъ какъ нижнимъ чинамъ разъѣзжать иначе какъ верхомъ не полагается.

Большою рысью, переходившей порою въ растянутый галопъ, понесся я съ трубачами, даже миновавъ Елизаветградъ, черезъ рѣчку Ингулъ къ баракамъ. Куда въ это время поѣхалъ государь, сказать не умѣю, кажется смотрѣлъ стрѣльбу артиллеріи по деревянному городку. Мы успѣли умыться, обчиститься и прибыть ко дворцу, куда ко мнѣ прибыли остальныхъ три хора нашей дивизіи. Выставивъ привезенные пюпитры передъ собою съ разложенными нотами, (такъ какъ разучены были кромѣ форменныхъ многія другія музыкальныя пьесы) трубачи образовали передъ дворцомъ каре, въ которомъ нашимъ, какъ старшимъ въ дивизіи, пришлось стоять у самыхъ ступенекъ террасы, въ дверяхъ просторной галлереи, на которой сервированъ былъ царскій столъ.

Если вспомнить, что мы въ 12 ч. ночи выступили на маневры, а въ настоящую минуту было 5, то нечему удивляться, что я сильно проголодался. Распорядителемъ продовольствія временнаго царскаго дворца оказался все тотъ же К. К. Османъ.

— Карлъ Карловичъ, сказалъ я проходившему мимо меня полковнику: — говорятъ, государь еще не скоро будетъ. Нѣтъ ли у васъ чего нибудь перекусить? Я страшно голоденъ.

— Войдите въ залу, отвѣчалъ Османъ, — въ лѣвомъ углу позади царскаго прибора накрыта закуска. Тамъ и вино, и водка. Берите, что хотите.

Не заставляя себя упрашивать, я быстро пошелъ за Османомъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, наливая мнѣ порядочную рюмку, чудесное доппель-кюммель, прямо изъ Риги.

Живительная влага, попадая въ тощій желудокъ, мгновенно возбудила всѣ усталыя силы. Закусивъ немного, я попросилъ еще рюмку и ушелъ къ трубачамъ.

Черезъ четверть часа пріѣхалъ государь. Обѣдъ начался, и четыре хора трубачей по знаку корпуснаго капельмейстера Пейрека грянули какъ одинъ инструментъ. Пейрека я привыкъ видѣть въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ, и мнѣ какъ-то странно было увидать его въ однобортномъ мундирѣ военнаго покроя и треугольной шляпѣ, надѣтой по формѣ.

Все это было прекрасно. Не прекрасно только, что я къ ужасу своему почувствовалъ себя совершенно охмѣлѣвшимъ. Ну какъ государь, подумалъ я, выйдетъ къ трубачамъ? Въ десяти шагахъ, глядя мнѣ въ лицо, онъ со своей зоркостью неминуемо увидитъ, что я пьянъ. Но этого не можетъ быть, утѣшалъ я себя мысленно. Зачѣмъ онъ пойдетъ къ трубачамъ?

Между тѣмъ обѣдъ кончился, и трубачи перестали играть.

— Ну слава Богу, подумалъ я, сейчасъ уведу взводъ.

Для ясности звуковъ дверь изъ галлереи на террасу оставалась все время отворенной. Мои трубачи, обращенные къ пюпитрамъ въ середину каре, стояли спинами къ террасѣ. Вдругъ сердце во мнѣ дрогнуло: на террасѣ съ открытой головой одинъ передо мною стоялъ государь.

— Налѣво кругомъ! скомандовалъ я трубачамъ и самъ сталъ во фронтъ, взявшись подъ козырекъ.

Въ это время и Пейрекъ въ своей шляпѣ поперекъ головы выскочилъ изъ каре и сталъ по лѣвую мою сторону тоже съ рукой, поднятой къ кокардѣ.

— Ваши трубачи превосходно играютъ, сказалъ государь, обращаясь къ Пейреку, мягкимъ милостивымъ голосомъ на безукоризненномъ нѣмецкимъ языкѣ. У васъ новое устройство трубъ, прибавилъ государь тоже по-нѣмецки.

— Ja wochl, Ihre Königliche и спохватившись — Kaiserliche Maiestet.

Войдя въ нѣкоторыя подробности насчетъ устройства трубъ, государь милостиво взглянулъ мнѣ въ лицо и сказалъ: „вы можете уводить вашихъ трубачей“.

Желая щегольнуть исправностью, я по всѣмъ правиламъ искусства скомандовалъ: направо! Но не успѣли трубачи исполнить команды, какъ я замѣтилъ свой промахъ. Стоило взводу тронуться въ этомъ направленіи, пюпитры и ноты, бывшіе у него за спиною, остались бы на плацу. Поэтому я вынужденъ былъ еще разъ скомандовать: направо! но на этотъ разъ уже вполголоса прибавивъ: бери пюпитры!

Но государь повернулся уже кругомъ и исчезъ въ дверяхъ залы.

Съ царскимъ отъѣздомъ и нашимъ возвращеніемъ въ Крыловъ началась снова наша однообразная полковая жизнь. Карлъ Ѳедоровичъ не забылъ сходить къ Бондыревымъ передать старику царскій поклонъ вмѣстѣ съ попрекомъ, что хозяинъ пожалѣлъ сливокъ.

— Ахъ неправда! воскликнулъ Бондыревъ: я ей Богу не виноватъ. Тогда еще государь былъ великимъ княземъ и проѣздомъ остановился у меня. Приготовилъ я къ чаю и сливокъ, и лимоновъ, а бывшіе при немъ адъютанты, сказавши, что великій князь пьетъ съ лимономъ, потребовали сливки и всѣ выпили. Вдругъ бѣгутъ и кричатъ: „великій князь требуетъ сливокъ“. Покуда бросились добывать новыхъ, Николай Павловичъ откушалъ чай съ лимономъ. Вотъ какъ дѣло было.

LXV

Женитьба Вейнберга.—Поѣздка къ Родзянкамъ.—Градишскъ.—Въ гостяхъ у Болюбышъ.—Въ деревнѣ у Родзянокъ.—Буря на Днѣпрѣ.

Тѣмъ временемъ распространился слухъ, что Вейнбергъ женится на красавицѣ Добровольской, замѣченной государемъ. На первыхъ порахъ этому слуху мы не повѣрили. Извѣстно было, что Добровольская даетъ и за этой дочерью,

такъ же какъ и за двумя старшими, Левашовой и Бржесской, 30 тыс. рублей, кромѣ приданаго. Но сомнѣнію этому положилъ конецъ рапортъ Вейнберга, въ которомъ онъ испрашивалъ разрѣшенія полковаго командира на бракъ съ дѣвицей Добровольской, прося выдачи ему выписи изъ формуляра.

Не наученный трагическимъ исходомъ исторіи съ юнкеромъ Быковымъ, Бѣликовъ при появленіи моемъ въ канцеляріи сказалъ, когда я вскрывалъ пакетъ Вейнберга: „они просятъ слова формуляра „изъ иностранцевъ“ переправить на слова: „изъ иностранныхъ дворянъ“.

Конечно и на этотъ разъ Бѣликовъ старался не безкорыстно.

— Пиши согласно формуляру, сказалъ я, и не желая впутываться въ это дѣло, доложилъ о немъ полковому командиру.

Послѣдній конечно положительно сталъ на моей сторонѣ. Но это не прошло мнѣ даромъ. Хотя Вейнбергъ очень хорошо зналъ мои пріятельскія отношенія не только съ Бржесскими, но и съ матерью его невѣсты, онъ, пригласивши на свадьбу незнакомыхъ имъ своихъ товарищей, меня не пригласилъ.

Тѣмъ временемъ Оконоръ вышелъ въ отставку, и штабсъротмистръ Крюднеръ принялъ третій эскадронъ и переѣхалъ въ Стецовку.

Весною только что тронулось въ Днѣпрѣ второе русское половодье, какъ Майдель, пользуясь свободнымъ временемъ до полковаго сбора, сманилъ меня въ Полтавскую губернію къ Родзянкамъ, которыхъ я зналъ лишь по имени.

Майдель утверждалъ, что Родзянки приглашаютъ офицеровъ нашего полка на именины старшей дочери Маріи перваго апрѣля. Такъ какъ ѣхать черезъ Кременчугъ было бы очень кружно, то мы избрали кратчайшій путь черезъ Днѣпръ на большой лодкѣ, носящей названіе „дуба“. До Днѣпра, переѣхавши Тясьминъ по мельничной плотинѣ, приходилось добираться верстъ за пять черезъ кучегуры, представлявшіе лошадямъ не легкій переѣздъ. Мелкій ослѣпительной бѣлизны песокъ занималъ весь широкій клинъ между Днѣпромъ и Тясьминомъ, образуя цѣлую горную систему, у которой хотя вер-

шины и были покрыты ивнякомъ, зато подвижные скаты не дозволяли колесамъ оставлять замѣтныхъ слѣдовъ. Такъ какъ намъ приходилось пересѣкать рѣку при попутномъ вѣтрѣ, то при помощи паруса, двухъ дюжихъ гребцовъ и опытнаго кормчаго мы скоро миновали посрединѣ Днѣпра залитый водою зеленый лѣсъ, оглашаемый соловьинымъ пѣніемъ, и прибыли къ высокому скалистому лѣвому берегу Днѣпра, наверху котораго помѣщался Градишскъ, или Городище, какъ тамъ называли.

Хотя отъ рѣки подыматься приходилось не болѣе полуверсты, но за неимѣніемъ лошадей мы вынуждены были пригласить нашихъ лодочниковъ нести небольшіе наши чемоданы до единственной гостинницы, едва ли заслуживающей это имя.

На половинѣ подъема вправо отъ дороги стояла на широкой площадкѣ красная, небольшая, должно быть каменная церковь. Бросалось въ глаза, что, не будучи по отдаленности городскою, она въ то же время не была и сельскою, такъ какъ кругомъ не было никакого строенія для помѣщенія причта.

Въ Градишскѣ я узналъ, что она упразднена, и служба въ ней отправляется только однажды въ годъ причтомъ городскаго прихода. Тамъ же услыхалъ я о событіи, случившемся за какихъ либо 20 лѣтъ тому назадъ. Въ то время близь церкви въ прекрасной хатѣ помѣщался молодой священникъ съ красавицей женой. Такъ какъ зимою Днѣпръ представляетъ самое удобное сообщеніе съ Херсонской губерніей, нечему удивляться, что священникъ порою заѣзжалъ къ знакомому ему кирасирскому ротмистру выпить хорошей мадеры или хересу, и что ротмистръ въ свою очередь отъ скуки забѣгалъ къ священнику, захвативши съ собою вина. Дружескія возліянія совершенно сблизили пріятелей, такъ что они ничего не скрывали одинъ отъ другаго.

Однажды ротмистръ, зазвавъ пріятеля въ гости и приведя послѣдняго въ веселое расположеніе, сказалъ: „ну любезный другъ, у меня есть къ тебѣ большая просьба, въ которой ты мнѣ отказать не долженъ. Церковь твоя, удаленная отъ жилья, представляетъ наилучшія условія для твоей услуги“.

— Да полно тебѣ заходить окольными дорогами, сказалъ священникъ. Я по первому слову понялъ тебя и напередъ говорю: радъ стараться. Погоди, позволь мнѣ говорить: ты противъ воли семьи хочешь обвѣнчаться съ любимою особой. Такъ ли?

— Такъ, сказалъ ротмистръ: повѣнчай, и я не пожалѣю для тебя тысячи рублей.

(Въ тѣ времена это были большія деньги).

Въ условленный вечеръ ротмистръ подъѣхалъ къ крыльцу священника, и за нимъ изъ саней появились бутылки съ разнымъ виномъ и шампанскимъ. „Шафера еще черезъ часъ привезутъ невѣсту, сказалъ онъ, а потому выпьемъ на радости и главное для храбрости“.

— Выпьемъ, сказалъ священникъ и обратясь къ женѣ прибавилъ: давай стаканы и ступай къ себѣ.

Замѣтивъ болѣе чѣмъ веселое расположеніе духа священника, ротмистръ сказалъ: „ступай отворяй церковь и жди, да смотри, чтобы не было излишняго освѣщенія. Невѣста не желаетъ, чтобы ее разсматривали и признавали. Когда выпросимъ прощенья, тогда просимъ милости къ намъ, а теперь ступай. Черезъ полчаса будетъ невѣста со свидѣтелями продолжалъ онъ, взглянувъ на часы. А вмѣстѣ съ ними явлюсь и я“.

Пока священникъ отпиралъ церковь и готовился, ротмистръ передалъ молодой попадьѣ небольшой узелокъ, и черезъ полчаса она вышла изъ спальни въ локонахъ, нависшихъ на лицо, подъ густою вуалью.

Когда обрядъ былъ совершенъ, шаферъ увезъ молодую, а ротмистръ остался со священникомъ и свидѣтелями для формальной и обстоятельной записки метрики. Какъ ни настаивалъ священникъ на томъ, что книгу можно взять на домъ, такъ какъ здѣсь въ холодной церкви нѣтъ и чернилъ, ротмистръ былъ неумолимъ, и по его желанію одинъ изъ свидѣтелей сбѣгалъ за чернильницей въ домъ священника.

— Ну спасибо, батька, сказалъ ротмистръ, передавая другу толстую пачку ассигнацій. Свидѣтели уѣдутъ, а мы съ тобою пойдемъ выпить на радости.

— Ну, матушка попадья, сказалъ священникъ, входя къ

себѣ въ домъ: гость то нашъ привезъ и закусочки. Собирай-ка что Богъ послалъ, а шампанскаго то мы и стаканчиками выпьемъ. Да вотъ прибери и заработанныя деньги, прибавилъ онъ, бросая на столъ пукъ ассигнацій.

Подавъ все, попадья ушла, а пріятели усѣлись за пирушку. Угощая друга, ротмистръ по отношенію къ себѣ соблюдалъ разсчетъ и, доведя сотрапезника до полнаго опьяненія, при помощи попадьи уложилъ его на кровать. Когда хозяинъ заснулъ мертвымъ сномъ, попадья успѣла собраться и одѣвшись по дорожному уѣхала съ ротмистромъ. Преданіе говоритъ, что она захватила съ собою и деньги. Поутру проснувшійся попъ убѣдился, что повѣнчалъ собственную жену и такимъ образомъ самъ себѣ отрѣзалъ путь ко всякой жалобѣ. Прибавляли, что онъ будто бы перешелъ священникомъ во флотъ, и желая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кругосвѣтнаго плаванія повидать родныя мѣста въ одномъ городѣ, гдѣ квартировалъ кавалерійскій полкъ, случайно услыхалъ знакомую ему фамилію полковаго командира. Чтобы провѣрить догадку, онъ вошелъ въ домъ полковника, и первой особой, встрѣтившей его въ дверяхъ залы, была крайне смущенная бывшая его жена.

— Я и не думалъ, сказалъ онъ, мѣшать вашему счастью: я здѣсь проѣздомъ, и дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь.

Хозяинъ заѣзжаго двора, носившаго незаслуженное имя гостинницы, воспроизвелъ передо мною образъ трубача, пріютившаго меня въ первый мой пріѣздъ въ Новой Прагѣ: то же званіе отставнаго трубача, та же облысѣлая голова, тотъ же толстый носъ на подобіе зрѣлой сливы, тотъ же круглый и крупный янтарь на короткомъ чубукѣ и тотъ же наставительный тонъ бесѣды. Къ счастію этотъ мудрецъ скоро досталъ намъ парнаго извощика, и мы отправились въ дальнѣйшее странствіе, но не прямо къ Родзянкамъ. Судьбѣ угодно было познакомить меня съ г-жею Болюбышъ, тою знаменитою тетенькой, которой корнетъ Романовичъ такъ удачно сбывалъ ежегодно подаренную ею телѣжку. Въ гостепріимномъ домѣ тетушки мы нашли въ нѣкоторомъ родѣ колонію Орденскаго полка, въ видѣ слезливой сентиментальной и черезчуръ полной воспитанницы Смольнаго монастыря,

племянницы г-жи Болюбышъ, двоюродной сестры нашего Романовича. Не взирая на то, что слезливая особа эта обладала по сосѣдству съ тетенькой значительнымъ имѣніемъ, ради котораго очевидно и женился на ней нашъ штабъ-офицеръ Ласенко, сентиментальная М-ме Ласенко предпочитала жить у гостепріимной тетеньки вмѣстѣ съ единственнымъ 9—10 лѣтнимъ сыномъ. Находившійся подъ жениным башмакомъ Ласенко видимо не могъ сдерживать шаловливаго любимца матери. И я помню, что этому мальчишкѣ за обѣденнымъ столомъ удавалось, сидя рядомъ со мною, пребольно щипать меня за ногу, въ полной надеждѣ, что, какъ новый гость, я не захочу выдать его шалости. Сначала я дѣйствительно безотвѣтно вытерпѣлъ боль; но затѣмъ, поддѣвъ своимъ колѣномъ подъ его шаловливую ляшку, я прищемилъ послѣднюю къ острому краю подстольнаго бруска. Шалуну пришлось въ свою очередь вытерпѣть значительную боль, освобожденный отъ которой онъ уже не возвращался къ своей проказѣ.

Прося насъ заѣхать на возвратномъ пути, дамы предвѣщали великолѣпный праздникъ у Родзянокъ.

Дѣйствительно было чему подивиться въ обширной усадьбѣ послѣднихъ. Необыкновенно было уже встрѣтить среди безлѣсной равнины старинный огромный паркъ со столѣтними липами, дубами и кленами. Подходившая къ парку и перепруженная рѣчка разливалась обширнымъ прудомъ. Широкая дорога, огибающая просторный съ пестрыми клумбами газонъ, вела къ большому одноэтажному дому. Тутъ же на дорогѣ, не доѣзжая до дому, находился флигель, у котораго насъ просили сойти, чтобы занять въ немъ приготовленныя комнаты. Даже при поверхностномъ взглядѣ нельзя было не замѣтить симметрично разставленныхъ на газонѣ четырехъ небольшихъ пушекъ, носившихъ названіе салютовокъ. Не успѣли мы расположиться во флигелѣ, какъ явился самъ стройный высокаго роста и уже съ сильною просѣдью хозяинъ просить насъ не стѣсняться въ своихъ требованіяхъ, объявляя, что по утрамъ гостямъ подается во флигелѣ по ихъ желанію чай или кофей, а въ домѣ обычные часы завтрака въ 12 час. и обѣдъ въ 5.

— Наше правило, говорилъ Родзянка, стараться доставить гостямъ возможныя въ нашей мѣстности удобства и развлеченія, не стѣсняя ихъ никакими съ нашей стороны требованіями. У насъ конный заводъ и потому для желающихъ кататься во всякое время готовы экипажи, одиночные шарабаны и верховыя лошади подъ дамскимъ и мужскимъ сѣдломъ. Для ружейниковъ есть ружья, егеря и лягавыя собаки. Для псовыхъ охотниковъ гончія и борзыя. Для катаній на водѣ и рыбной ловли лодки парусныя и весельныя, рыбачьи сѣти и удочки. Въ саду въ аллеѣ мальчикъ, заряжающій пистолеты, ожидаетъ постоянно охотниковъ выбить флагъ. Можетъ быть вы соберетесь къ завтраку, прибавилъ онъ, любезно пожавъ намъ руки.

Видно было, что строитель большаго барскаго дома не задавался никакими архитектурными задачами, помышляя только объ удобствѣ расположенія большихъ комнатъ, начиная съ залы съ окнами по обоимъ концамъ. При появленіи нашемъ въ домъ, хозяинъ повелъ насъ въ гостиную и представилъ своей женѣ, еще красивой, но нѣсколько располнѣвшей брюнеткѣ лѣтъ за 40.

Поздравивъ хозяйку съ именинницей, старшей дочерью Мари, мы принесли послѣдней наши поздравленія, а равно и сестрѣ ея Софьѣ.

Обѣ сестры совершенно несходнаго типа замѣчательны были безыскусственною прелестью каждая въ своемъ родѣ. Бѣлокурая Мари была какимъ-то стройнымъ воздушнымъ видѣніемъ, тогда какъ темнорусая, съ черными глазами газели, Софи напоминала опредѣленный образъ, созданный кистью Мурильо.

— Если вы, господа, желаете играть на билліардѣ, то на моей половинѣ два билліарда съ аспидными досками, и за вѣрность ихъ я могу поручиться. Пойдемте, я васъ провожу на свою половину. Видите, тутъ мой кабинетъ, а за нимъ двѣ комнаты, перегороженныя шкафами библіотеки. Тутъ же и зеленые столы для желающихъ читать или работать.

Когда, познакомившись съ двумя сыновьями хозяевъ, меньшою дочерью 12-ти лѣтней Сашей, и ея гувернанткой француженкой, мы усѣлись за роскошный завтракъ, хозяинъ

между прочимъ сказалъ: „полагаю, людямъ, впервые посѣщающимъ нашъ домъ, странно видѣть въ день именинъ въ большомъ домѣ такъ мало гостей. А между тѣмъ вы убѣдитесь, что и къ обѣду соберется насъ не болѣе 15 человѣкъ, такъ какъ сверхъ молодыхъ пріятелей, которые, какъ вы видите, пріѣхали изъ Петербурга къ сыновьямъ моимъ, своимъ лицейскимъ товарищамъ, мы ожидаемъ вашего ремонтера Ильяшенку, обычнаго покупателя нашихъ верховыхъ лошадей; прибудутъ, быть можетъ, еще два, три пріѣзжихъ. Что же касается до окрестныхъ помѣщиковъ, то они никогда у насъ не бываютъ, такъ какъ, полагаю, мы мало интересуемся другъ другомъ“.

Послѣ завтрака всѣ разошлись, и я между прочимъ пошелъ въ библіотеку просмотрѣть нѣкоторые новые журналы, которыхъ полкъ не выписывалъ. Нѣсколько времени спустя я услыхалъ громкіе звуки рояля. Войдя въ громадную залу, я изумился, увидавъ у четырехъ роялей исполненіе одной и той же піесы въ 16 рукъ. Исполнителями были всѣ члены семьи. Кончивши играть, хозяинъ сказалъ мнѣ: „не удивляйтесь нашему домашнему концерту. Мы всѣ по природѣ музыканты, начиная съ меня, играющаго на всѣхъ инструментахъ. Даже и гувернантка наша прекрасно читаетъ ноты“.

Не желая мѣшать, быть можетъ, болѣе интимной между собою молодежи, я передъ обѣдомъ сперва ушелъ въ прохладный флигель, а затѣмъ, когда зной началъ спадать, пробрался въ тѣнистую липовую аллею, гдѣ дѣйствительно нашелъ желѣзный дискъ съ выскакивающимъ флагомъ и мальчика у стола съ заряженными пистолетами. Такъ какъ я и дома нерѣдко упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета, то не безъ удовольствія выбилъ нѣсколько разъ кряду флагъ въ благоустроенномъ тирѣ.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ именинницей. Во время шампанскаго салютовки такъ усердно палили, что при безвѣтріи покрыли весь дворъ облакомъ дыма.

— За здоровье отсутствующихъ, сказала Мари, чокаясь со мною.

Желая затронуть видимо интересный для нея вопросъ, я

сказалъ: „les absents ont tords“. Глаза ея сверкнули, и она сказала: „для низменныхъ душъ“.

Ну, подумалъ я, тутъ есть какой то интересный отсутствующій.

Когда общество послѣ обѣда снова разошлось, я воспользовался наступающею вечерней прохладой для осмотра громаднаго парка. Всходя на просторную лужайку, я почувствовалъ себя въ мигъ перенесеннымъ въ какую либо изъ Прирейнскихъ окрестностей, при видѣ столба съ бѣлою доскою и нѣмецкою готическою надписью: „Sofienplatz“. Иду далѣе; на болѣе просторной лужайкѣ нахожу надпись: „Marienplatz“; и въ лѣвой сторонѣ газона большую бесѣдку, къ закрытымъ дверямъ которой вели деревянныя ступени террасы. Поравнявшись съ дверями, я услыхалъ сперва громкую прелюдію на рояли, а затѣмъ теноромъ и сопрано въ два голоса исполняемый Варламовскій романсъ: „На зарѣ ты ее не буди“.

Не успѣлъ я тихонько отворить створчатой двери бесѣдки, какъ музыка прекратилась, молодые люди и дѣвицы зарукоплескали, и послѣднія бросили въ меня розами. Благодаря за благоуханное привѣтствіе, я въ то время только поднялъ съ полу прекрасные цвѣты, не справляясь, откуда они. Но въ настоящую минуту самъ собою возникаетъ передо мною вопросъ: были ли эти цвѣты тепличные, или на югѣ Полтавской губерніи перваго апрѣля могутъ распуститься розы?

На другой день между молодежью устраивались кавалькады, катанье въ лодкахъ и рыбная ловля. Но такъ какъ я былъ всю жизнь врагомъ праздныхъ прогулокъ, то, помнится, только изъ приличія позволилъ хозяйкѣ дома забрать себя во время кавалькады въ коляску.

Надо прибавить, что самымъ оживленнымъ и веселымъ оказался пожилой хозяинъ.

Вечеромъ передъ нашимъ отъѣздомъ онъ затѣялъ плясать „журавля“. Вѣроятно, въ подражаніе птицы, любящей стоять поджавши одну ногу, самый танецъ исполняется на одной ногѣ. Всѣ, участвующіе въ хороводѣ, взявшись за руки сосѣдей, образуютъ общій кругъ и, оставаясь только на лѣвыхъ ногахъ, подымаютъ и кладутъ ступни правыхъ ногъ на лѣ-

вое колѣно сосѣда. При этомъ всѣ, подскакивая на лѣвой ногѣ, подпѣваютъ:

Ой бувъ бувъ журавель, журавель,
Ой бувъ бувъ молодой, молодой,
Таки таки журавель, таки таки молодой.

Затѣмъ, взглядываясь между собою, весь хороводъ перемѣняетъ лѣвыя ноги на правыя и продолжаетъ:

Тутъ была тутъ перепелочка,
Тутъ была тутъ невеличичка.
Таки таки журавель, и т. д.

И затѣмъ слѣдуетъ заключеніе:

А я тому журавлю, журавлю
Крылья ноги обломлю, обломлю.

Еще съ вечера мы простились съ любезными хозяевами, чтобы съ утра заѣхать къ „тетенькѣ“.

Въ настоящую минуту не помню, гдѣ въ этой поѣздкѣ мы разстались съ Майделемъ. Остался ли онъ у Родзянокъ, или отъ тетеньки поѣхалъ въ Кременчугъ, предоставивъ мнѣ въ одиночку добираться до постоялаго двора въ Градишскѣ.

Счастливый случай привелъ меня снова въ большой дубъ трехъ перевозчиковъ, взявшихся за два рубля доставить меня на правый берегъ Днѣпра. На этотъ разъ намъ пришлось, держа внизъ по теченію, плыть противъ вѣтра, дующаго снизу. Поэтому о парусѣ не могло быть и рѣчи, и весь переѣздъ дюжіе гребцы должны были вынести на своихъ рукахъ. Мы уже миновали нѣсколько островокъ, покрытыхъ молодымъ камышемъ и зеленою травою; но когда добрались до середины рѣки, появилось совершенно непредвидѣнное препятствіе. Широкая, свѣтлозеленая стихійная змѣя, запрокидывая подъ дыханіемъ вѣтра шипящіе бѣлые всплески, раздѣляла водное пространство на двѣ половины. Еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣнящагося хребта дюжіе гребцы видимо напрягали всѣ силы, чтобы разогнать свой дубъ и заставить его проникнуть въ предстоящую преграду. Дѣйствительно, въ первое мгновеніе дубъ до половины влѣзалъ

въ пѣну, но, склоняясь бокомъ за ея волнистымъ бѣгомъ противъ рѣчнаго теченія, ни на вершокъ не подавался впередъ, не взирая на усилія гребцовъ. Раза два, переставая гресть, перевозчики дозволяли дубу пятиться назадъ изъ бѣлой пѣны на темное стекло общаго теченія. Отдохнувъ минуты съ двѣ, они снова старались перескочить черезъ кипящій хребетъ, сажень въ пять шириною. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ они повернули назадъ къ пройденному нами острову. Убѣдившись, что къ такому отдыху привела ихъ не лѣнь, или какое либо другое побужденіе, а сила вещей, я ничего не возражалъ, когда наша лодка, съ разгону взбѣжавъ на песчаную отмель, была затѣмъ чуть не до половины вытащена на берегъ.

Сошелъ и я, какъ говорится, ноги размять по превосходному газону, покрывавшему островъ среди песчаныхъ отмелей и высокихъ камышей.

Во время моей прогулки гребцы достали изъ лодки три палки съ висящимъ между нихъ крючкомъ и котелокъ, котораго душку они закинули за крючекъ, послѣ того какъ раздвинули свободные концы палокъ въ видѣ треножника. Одинъ изъ гребцовъ взялъ котелокъ, зачерпнулъ воды изъ Днѣпра и снова повѣсилъ его на крюкъ. Пока другой ходилъ въ тростникъ набрать наломаннаго зимнимъ снѣгомъ прошлогодняго камышу для топлива, кормчій вырубилъ огня и развелъ подъ котелкомъ яркое пламя. Когда вода закипѣла, онъ изъ небольшаго мѣшечка посыпалъ въ котелъ пшена, а затѣмъ, доставши изъ мѣшка тарани, изрѣзалъ ее ножомъ и положилъ куски въ кашицу. Одинъ изъ гребцовъ тѣмъ временемъ набралъ на островѣ снитки, и кашеваръ, видимо не безъ удовольствія изрѣзавъ ее, сунулъ въ тотъ же котелъ. Черезъ четверть часа гребцы сняли котелъ съ огня и, усѣвшись кругомъ, за отсутствіемъ хлѣба, стали съ видимымъ удовольствіемъ хлѣбать бѣловатую кашицу.

Проголодавшись въ свою очередь, я попросилъ у одного изъ нихъ ложку попробовать кашицу, и до сихъ поръ помню удовольствіе, съ какимъ наѣлся ихъ кулеша.

— Пора, сказалъ часа черезъ два рулевой, и мы снова усѣлись въ лодку.

Ослабѣлъ ли нѣсколько вѣтеръ снизу, или перевозчики въ самомъ дѣлѣ отдохнули, только на этотъ разъ мы при страшныхъ усиліяхъ гребцовъ, задержавшись нѣсколько мгновеній неподвижно на серединѣ гребня, наконецъ перевалили черезъ него, и затѣмъ уже безъ всякаго препятствія достигли праваго берега Днѣпра.

LXVI

Свиданіе съ Бржесскимъ.— У Крюднера.—Пріѣздъ государя.—Маневры.— „Не тѣ".—Збышевскій.—Церковный парадъ.

Когда послѣ майскаго сбора эскадроны разошлись на травяное продовольствіе, я отпросился на нѣсколько дней и прежде всего проѣхалъ къ моимъ Бржесскимъ. Если я искренно жаловался своему другу Алексѣю Ѳедоровичу на кого либо, то только на себя, не находящаго никакого исхода тому томленію, которое выражалось въ письмахъ хорошо знакомой имъ дѣвушки. Она не менѣе меня понимала безысходность нашего положенія, но твердо стояла на томъ, что не желая ни въ какомъ случаѣ выходить замужъ, она, насильственно порывая духовное общеніе, только принесетъ никому ненужную жертву и превратитъ свою жизнь въ безотрадную пустыню. Не высказавъ никакого опредѣленнаго мнѣнія, Бржесскій совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Ѳедоровку, гдѣ Елена гоститъ въ настоящее время, и постараться общими силами развязать этотъ Гордіевъ узелъ.

Конечно, восторженная наша встрѣча не повела ни къ какой развязкѣ, а только отозвалась на насъ еще болѣе тяжкою и безнадежною болью.

Такъ какъ я ѣздилъ на собственной четверкѣ, то на половинной дорогѣ изъ Ѳедоровки пришлось кормить въ Стецовкѣ, и я заѣхалъ къ новому командиру третьяго эскадрона Крюднеру. Крюднеръ, вѣроятно, уже пообѣдалъ, да въ тяжкомъ расположеніи духа я бы отказался отъ всякой пищи.

Но желая быть любезнымъ хозяиномъ, Крюднеръ сказалъ: „я привезъ съ собою изъ Лифляндіи рижскаго доппель-кюммелю, и мы съ тобою выпьемъ“.

Времени для угощенія было довольно, такъ какъ я никогда не кормилъ дорогою лошадей менѣе 3½ часовъ; и мы сначала довольно лѣниво относились къ прекрасному доппель-кюммелю, но мало по малу дѣло пошло успѣшнѣе. Самъ Крюднеръ, бывшій не дуракъ выпить, разогрѣлся и, взявши гитару, началъ наигрывать разные вальсы, а затѣмъ, исполняя Шубертовскаго „Лѣснаго царя“, фальцетомъ выводить куплеты о танцующихъ царскихъ дочеряхъ.

Стараясь заглушить раздумье и гнетущую тоску, я усердно выпивалъ рюмку за рюмкой, но мрачное настроеніе не впускало въ себя опьяненія. Крѣпко пожавъ руку Крюднера, я сѣлъ въ нетычанку и покатилъ домой.

— Ты шути, говорилъ впослѣдствіи чуть ли не Рапу Крюднеръ, честнóе слово я сталъ уважать Фета съ тѣхъ поръ, какъ онъ заѣзжалъ ко мнѣ въ эскадронъ. Я нарочно считалъ: онъ выпилъ двадцать рюмокъ кюммелю и поѣхалъ ни въ одномъ глазѣ.

Не знаю, въ какомъ видѣ Добровольская обезпечила свою дочь Вейнбергъ 30-ю тысячами приданаго; но на первую обстановку молодыхъ она видимо не поскупилась, и во время дивизіоннаго смотра въ Новой Прагѣ мы чуть ли не ежедневно видѣли Вейнберга, рядомъ съ красавицей женой въ модной коляскѣ, проносящагося на парѣ сѣрыхъ рысаковъ, завода Добровольской.

По прибытіи въ Елизаветградъ къ царскому смотру, мы заранѣе были предупреждены о днѣ пріѣзда государя и о томъ, что почетный караулъ назначенъ отъ нашего полка.

Излишне говорить, сколько ранжировки, маршировки и чистки предшествовало торжественному дню выхода караула противъ царскаго крыльца. Для пріуготовленія въ послѣдніе часы была отведена близь дворца просторная казарма; и вотъ туда то караулъ пришелъ въ обычной старой обмундировкѣ, тогда какъ новые мундиры доставлены были на фурѣ. Чтобы не трепать по дорожной пыли золотой перевязи (панталера) для ношенія штандарта, послѣдній былъ отнесенъ мною на

ременномъ панталерѣ, употреблявшемся для квартирьерскихъ значковъ. Подполковникъ князь Манвеловъ былъ назначенъ командующимъ карауломъ. Такъ какъ пріѣзда государя ждали около полудня, то къ 10 часамъ караулъ, одѣтый съ иголочки и съ нафабренными усами, подъ музыку вышелъ изъ казармы и остановился спиною къ лужайкѣ, а лицомъ къ царскому подъѣзду.

О ненормальности общаго настроенія при ожиданіи появленія всезрящаго царя можно судить по слѣдующей сценѣ.

Все начальство, пока выравненному караулу сказано было стоять вольно, собралось на ступеняхъ царскаго крыльца. Однимъ изъ старшихъ находился тутъ же и нашъ корпусный командиръ, знаменитый своею гордыней и неприступностью И. Ѳ. Офенбергъ. Смирялся онъ только передъ гр. Никитинымъ, который одинъ не смирялся ни передъ кѣмъ и заслужилъ отъ государя прозваніе „Русская правда“.

Всходя на крыльцо, нашъ кн. Манвеловъ замѣтилъ, что на каскѣ Офенберга одна кнопка вывалилась, и потому бронзовый ободокъ отошелъ отъ козырька. На такое замѣчаніе Офенбергъ, убѣдившись въ его истинѣ, сказалъ: „я очень вамъ благодаренъ. Но что же мнѣ теперь дѣлать?“

— Позвольте мнѣ, ваше выспр—о, вашу каску, сказалъ Манвеловъ, я пробѣгу къ нашимъ солдатикамъ спросить, нѣтъ ли у кого дратвы или черной нитки, чтобы хотя слегка прихватить ободокъ.

— Ахъ, пожалуйста, берите мою каску.

Минуты черезъ двѣ Манвеловъ подошелъ съ поправленной на живую нитку каской и, передавъ ее Офенбергу, сказалъ: „только не трогайте, ваше выспр—о, козырька, когда будете поднимать руку. Какъ бы опять не разладилось“.

— Ну, сказалъ генералъ: даю вамъ честное благородное слово, что не буду трогать козырька.

Въ это время подъ бѣдною тѣнью липокъ на газонѣ за спиною нашего караула баронесса Офенбергъ сидѣла за чайнымъ столомъ.

Около полудня на самомъ дальнемъ пунктѣ шоссе за Ингульскимъ мостомъ поднялся столбъ бѣлой пыли и сталъ быстро подвигаться къ намъ черезъ весь городъ.

— Смирно! раздалась команда, и черезъ минуту изъ столба приблизившейся пыли показалась тройка, а затѣмъ въ пролеткѣ сидящій волостной командиръ, отчаянно шатающійся изъ стороны въ сторону и кричащій благимъ матомъ: „ѣдетъ! ѣдетъ!“ Не успѣли мы разслышать этихъ возгласовъ, какъ остановившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ караула пролетка развалилась и сѣла на шоссе, запруживая собою улицу. Но безпорядокъ длился не болѣе 2 — 3 минутъ: появились чьи то руки и въ одинъ мигъ унесли и увели черезъ натянутый канатъ всю разладицу въ переулокъ.

Въ это время князь Манвеловъ подбѣжалъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо: „у васъ штандартный унтеръ-офицеръ безъ золотаго панталера“.

Взглянувъ на середину караула, я вмигъ убѣдился, что забылъ панталеръ.

— Карлъ Өедоровичъ, сказалъ я стоящему около меня Бюлеру: я забылъ панталеръ.

— Тутъ стоитъ въ переулкѣ, отвѣчалъ Бюлеръ, моя нетычанка. Велите унтеръ - офицеру гнать во весь духъ въ лагерь въ мой баракъ, и пусть хоть зарѣжетъ лошадей....

Не успѣлъ онъ договорить, какъ уже унтеръ - офицеръ рысью добѣжалъ до гнѣдой пары полковаго командира, которая понеслась какъ вихрь.

Не желалъ бы я снова пережить тѣхъ пяти минутъ, въ теченіи которыхъ я боялся рѣшить, кто скорѣе будетъ у почетнаго караула: панталеръ или царь?

Наконецъ, унтеръ - офицеръ, соскочившій съ нетычанки съ панталеромъ въ рукѣ, перепрыгнувъ черезъ балясникъ газона, кратчайшимъ путемъ по діагонали понесся къ караулу. Перескочилъ черезъ балясину и я къ нему навстрѣчу, и наши руки сошлись какъ разъ надъ головою баронессы Офенбергъ, сидѣвшей за чайнымъ столомъ. Успокоился я только тогда, когда Манвеловъ, зайдя сзади, незамѣтно скинулъ съ унтеръ-офицера ременный и накинулъ на него золотой панталеръ.

Недолго пришлось ожидать и царя. Когда шестерикъ его остановился на мѣстѣ крушенія волостнаго, государь вышелъ изъ коляски, снялъ фуражку и, потянувшись, взъеро-

шилъ правой рукой свои волосы на затылкѣ, затѣмъ, надѣвши фуражку и сказавъ: „здорово люди!" пошелъ вдоль фронта. Пропустивши караулъ мимо себя скорымъ шагомъ, государь какъ будто бы остался недоволенъ и сказалъ: „люди малы", хотя на серединѣ караула не было людей ниже 9-ти вершковъ, а на правомъ флангѣ стоялъ новый вахмистръ 1-го эскадрона, красавецъ Ивановъ, 12-ти вершковъ.

Не упоминая на этотъ разъ о состоявшемся на слѣдующій день удачномъ церемоніальномъ маршѣ, передамъ въ нѣсколькихъ словахъ, что память вѣрно сохранила мнѣ изъ линейнаго ученія, послѣдовавшаго на слѣдующій день.

Нашъ полкъ, сформированный при Екатеринѣ изъ георгіевскихъ кавалеровъ, носилъ названіе кирасирскаго Военнаго Ордена, а на каскѣ и лядункѣ георгіевскую звѣзду, но на штандартахъ 1709 года значилось: „Гренадерскій Ропа полкъ". (Нынѣ драгунскій Военнаго Ордена). Слѣдующіе затѣмъ по нумерамъ полки дивизіи: принца Петра Ольденбургскаго, принца Альберта Прусскаго и Великой Княгини Елены Павловны—первоначально носили тоже иныя имена. Исторія каждаго передавалась изъ устъ въ уста; причемъ краснорѣчивыми рапсодами событій польскаго похода 30 и 31 годовъ являлись старослуживые очевидцы.

Еще наканунѣ отданъ былъ приказъ кавалеріи выходить на одну изъ елизаветградскихъ большихъ дорогъ и къ шести часамъ утра выстроиться въ резервномъ порядкѣ въ общую колонну, тыломъ къ городу, такъ чтобы въ промежуткахъ между правыми и лѣвыми полками приходилась самая дорога. Начальникъ дивизіи просилъ выѣхать „молодцами, женихами". Въ полночь принесли изъ дивизіи на нѣсколькихъ листахъ такъ называемое словесное приказаніе: выходить въ походной формѣ. Эскадронные командиры возбудили вопросъ: фабрить или не фабрить усы? Напрасно указывалъ я на походную форму, мнѣ указывали на слово: „женихами". Во избѣжаніе могущаго вкрасться разнообразія, разъяснено: не фабрить.

Въ 2 часа утра офицеры генеральнаго штаба разбили мѣста полкамъ, а высланные къ нимъ линейные унтеръ-офицеры воткнули на отмѣренныхъ мѣстахъ пики. Къ 4 часамъ

эскадроны сторонкой по стѣнѣ, справа рядомъ и стараясь не пылить, стали подходить къ сборному мѣсту. Все, что должно сіять, сіяло какъ зеркало. Эскадроны спѣшились, и въ каждый прибѣжали запасные пѣшіе солдатики со щетками и копытною мазью.

— Карлъ Өедоровичъ! замѣтилъ я черезъ полчаса полковому командиру,—1-я кирасирская дивизія садится.

— Тѣмъ хуже для нихъ, отвѣчалъ онъ: пока мы будемъ равняться, ихъ утомленные кони станутъ разравниваться. А вы знаете, что большую разравнявшуюся массу кавалеріи снова никакая сила не выравняетъ. Это тѣ же живые раки: тотъ впередъ, этотъ назадъ, а этотъ въ сторону бокомъ. Вы думаете, государь этого не знаетъ? Посмотрите, онъ не заставитъ насъ дожидаться.

— Это такъ, замѣтилъ я, но что скажутъ начальникъ дивизіи, корпусный и инспекторъ, если замѣтятъ насъ пѣшими или за линіей?

— Ничего не скажутъ. Будутъ смотрѣть, какъ мы входимъ въ пику и равняемся. Въ ожиданіи царя они вѣдь тихенькіе. Что хочешь дѣлай, только бы вышло хорошо.

Къ 5 часамъ всѣ полки вошли въ свои мѣста, все успокоилось, и голоса отдѣльныхъ начальниковъ мало по малу затихли. Только полковые командиры продолжали шнырять передъ колоннами, однимъ движеніемъ палаша или громкимъ голосомъ равняя невнимательныхъ или неловкихъ.

— Затылки! покрикивалъ нашъ Карлъ Өедоровичъ. Горeликъ! правый шанкель! много! такъ. Эй, ты тамъ! какъ тебя! 3-й эскадронъ, 4-й взводъ, задняя шеренга, 2-й рядъ. Эй, не слышишь, что-ли? заснулъ! чортъ!

Послѣднее выраженіе было единственнымъ браннымъ словомъ барона и измѣнялось только соотвѣтственно степени волненія, умноженіемъ буквы р.

За нѣсколько минутъ до 6 часовъ по войскамъ разнеслось электрическое слово: ѣдетъ! и вслѣдъ затѣмъ среди мертвой тишины, за спинами нашими, послышался приближающійся топотъ царской свиты. Извѣстно, что Николай Павловичъ никогда не возвышалъ голоса до крика, даже командуя громадными массами войскъ. Онъ только громко говорилъ,

но каждое его слово доносилось на невѣроятномъ разстояніи.

— Какая славная аллея! сказалъ государь, въѣзжая между восемью кирасирскими полками, въ которыхъ меньшая мѣра одномастныхъ лошадей была 4 вершка и на флангахъ доходила до девяти и десяти, а въ нашемъ полку даже былъ конь Ринальдъ 11 вершковъ.

Съ каждымъ мгновеніемъ приближался мѣрный топотъ царскаго коня, уносившагося большимъ галопомъ впереди свиты, и вотъ передъ обращенными налѣво глазами нашими ясно нарисовалась монументальная конная фигура императора.

— Здорово, кирасиры, гренадеры! здорово, стародубцы! здорово, новороссійцы и малороссійцы!

Цѣлая буря ура! покрыла послѣднія слова государя, назвавшаго полки ихъ старыми именами.

Наконецъ все замолкло. Государь со свитой ускакалъ впередъ. Но куда? что затѣмъ будетъ? не было никому извѣстно. Вниманіе каждаго напрягалось соразмѣрно предстоящей ему личной отвѣтственности. Стоя на лѣвомъ флангѣ 6-го эскадрона, я выдвинулся впередъ на полъ-лошадь, чтобы обратить на себя вниманіе моихъ линейныхъ унтеръ-офицеровъ, и убѣдился, что они не спускаютъ съ меня глазъ. Мало по малу старшіе начальники стали въѣзжать на большую дорогу, чтобы на лету поймать царскую команду.

Минутъ черезъ десять въ промежуткахъ между полками, въ пыли, нигдѣ не задерживаясь и погоняя нагайками лошадей, пронеслись флигель-адъютанты, громко повторяя команду: „линейные унтеръ-офицеры къ государю императору“.

Разумѣется, команда съ трескомъ была повторена всѣми главноначальствующими, исключая моего барона, который и рта не разинулъ. Какіе линейные? Куда къ государю императору?

Вслѣдъ затѣмъ новые флигель-адъютанты, не менѣе стремительно разносятъ ту же команду. На этотъ разъ въ повторительной командѣ начальниковъ уже слышно раздраженіе, какъ бы обвиняющее кого-то въ неисполнительности. Я началъ предчувствовать, что вся эта буря голосовъ оборвется

на мнѣ, но рѣшился не скакать съ унтеръ-офицерами занимать линію, пока не будетъ произнесено имя нашего полка. Еще разъ отчаянные голоса повторяютъ команду. Главные начальники видимо растерялись, и кто-то произнесъ мою фамилію. Преступникъ былъ отысканъ, и фамилія моя съ самою назойливою стремительностью стала по всѣмъ интерваламъ вылетать изъ начальническихъ устъ въ облегченіе стѣсненнаго дыханія. Самъ флегматическій корпусный командиръ не выдержалъ. Правда, онъ подъѣхалъ ко мнѣ шагомъ и, тыча указательнымъ пальцемъ по направленію ко мнѣ, не совсѣмъ хладнокровно сказалъ: „ну, эте! тутъ адъютантъ, какъ пули, долженъ быть тамъ!“

Это было уже несомнѣнное приказаніе. Оглянувшись еще разъ на линейныхъ, я бросился впередъ по дорогѣ, насколько позволяла быстрота моего лихаго сѣраго Арлекина. Куда скачу? Въ силу какой команды? Кстати ли? Не вышелъ ли первый блинъ да комомъ? Всѣ эти вопросы разомъ мелькнули въ моей головѣ. Но разсуждать было поздно. Надо было возможно хорошо исполнить то, что дѣлаешь. Выскакавъ изъ интервала въ открытую степь, пришлось отыскивать государя.

— Володаренко, не заносись! окликнулъ я праваго фланговаго, который, увлекаясь чувствомъ молодечества, пустилъ во весь махъ своего богатырскаго коня и выносился изъ линіи равненія.

Приблизительно въ верстѣ разстоянія влѣво отъ дороги, мы замѣтили одинокаго всадника и угадали въ немъ государя. Дѣло упрощалось. Оставалось всѣмъ намъ четыремъ, не теряя интерваловъ и равненія, проскакать какъ можно скорѣе это пространство, правильно съ маршъ-марша осадить лошадей шаговъ за шестнадцать до государя, выслушать приказаніе, выравняться и неподвижно остаться до прибытія полка. Оставалось скакать съ четверть версты, а величественная фигура на конѣ съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе убѣждала меня, что мы не ошиблись направленіемъ. Но вотъ новая неожиданность. Между нами и государемъ желтою змѣею извивается глубокій непрерывный оврагъ. Я поискалъ глазами мѣстечка поуже и убѣдился, что ширина приблизительно вездѣ одинакова, отъ 3 до 4 аршинъ. Сердце дрог-

нуло, не за себя, а за унтеръ-офицеровъ на ихъ тяжелыхъ лошадяхъ. Подведя на всемъ скаку лошадь къ оврагу, я далъ ей шпоры, какія только могъ, и въ ту же минуту увидалъ, что тяжеловѣсный № 9-й какъ птица перелетѣлъ черезъ ровъ. Оставалось нѣсколько скачковъ до мѣста, на которомъ слѣдовало остановиться. Я взялъ Арлекина въ шенкеля и подбирая поводья сталъ задерживать ходъ. При послѣднемъ прыжкѣ Арлекинъ, прокатившись на заднихъ ногахъ, какъ говорилось, добылъ хвостомъ земли и, круто собравшись, плавно опустилъ переднія ноги на землю. Единовременно съ послѣднимъ движеніемъ лошади палашъ мой, подъятый на подвысь, отвѣсно опустился во всю руку, и конецъ его, описавъ полукругъ, повисъ за правою шпорой. Между тѣмъ линейные молодцами осадили коней и выравнялись въ струнку.

— Какого полка? спросилъ государь, милостиво глядя мнѣ прямо въ глаза.

— Кирасирскаго Военнаго Ордена, Ваше Императорское Величество.

— Не тѣ! на свои мѣста!

Взявъ на подвысь, я правильно, какъ въ манежѣ, повернулъ лошадь направо кругомъ и съ мѣста въ карьеръ тѣмъ же слѣдомъ поскакалъ съ линейными къ полку. Съ половины дороги мы, щадя лошадей, поѣхали большимъ галопомъ.

— Ну что? спросилъ баронъ, когда на отдувающейся лошади я сталъ около него.

— Извѣстно: не тѣ. Только лошадей измучили напрасною суетой. У насъ все такъ, прибавилъ я невольно.

— Черти! лаконически заключилъ баронъ.

Для меня осталось необъяснимымъ, какимъ образомъ провидецъ императоръ, смотря въ пятнадцати шагахъ на единственную во всей арміи георгіевскую звѣзду на каскѣ, могъ спросить, какого полка линейные.

Послѣ разнообразныхъ движеній кирасирскій корпусъ очутился въ резервныхъ дивизіонныхъ колоннахъ въ надлежащемъ порядкѣ, т. е. первая дивизія на правомъ, а мы вторая на лѣвомъ флангѣ.

Вдругъ раздалась команда государя: „въ каждомъ полку перемѣна фронта налѣво кругомъ“.

Не взирая на эскадронные промежутки между полковыми колоннами, сердце во мнѣ екнуло при мысли о трудности исполненія движенія, при которомъ при малѣйшемъ невниманіи фланговыхъ можно на смерть передавить людей въ серединѣ колонны. Такого движенія никто никогда не производилъ, и исполнить его безъ смертоубійства могли только въ совершенствѣ обученные полки. Къ счастію, сказано было это исполнить шагомъ; и по командѣ: маршъ!—все зашевелилось, какъ раки, выпущенные изъ мѣшка. Черезъ двѣ минуты маневръ былъ безукоризненно исполненъ, и государь, назначивъ дирекцію, скомандовалъ: рысью!

И по командѣ Фитингофа, сопровождаемой знакомъ его палаша, мы тронулись въ ходъ.

Исполненные чувства удачи, мы только что предались однообразному сотрясенію сѣдла, какъ надъ гулкимъ конскимъ топотомъ и звономъ металлическихъ ножонъ и стремянъ ясно раздался царскій голосъ: „вы спите, Фитингофъ!“

Какъ ни напрягалъ я вниманія, но не могъ понять значенія царскаго окрика.

— Прибавь рыси! съ видимымъ отчаяніемъ прокомандовалъ Фитингофъ.

Но не успѣли мы удвоить ходъ, какъ тотъ же грозный голосъ повторилъ: „вы спите, Фитингофъ! я васъ разбужу! вы не то дѣлаете. Вы вторая дивизія, а не первая“.

Тогда только Фитингофъ понялъ, что перемѣнивъ фронтъ каждаго полка, государь всетаки желалъ сохраненія порядка мѣстъ дивизій и скомандовалъ: шагомъ! для того, чтобы имѣть возможность, пропустивъ первую дивизію, зайти по лѣвую ея сторону.

Сохраняя то же самое построеніе, государю угодно было дать кавалеріи отдыхъ, съ тою только разницей, что первая дивизія, описавши четверть круга, сдѣлала заѣздъ налѣво, образуя съ нашею прямой уголъ, а легко-кавалерійская дивизія образовала такой же прямой уголъ съ нашею лѣвой стороною. Не помню, кто, желая облегчить людей, придерживавшихъ все время правыми руками пики и палаши, скомандовалъ: „палаши въ ножны, пики за плечо“,—гдѣ послѣднія не придерживаемыя повисали на темлякахъ. Но очевидно

такая команда была, ибо замѣтивъ, что только наша бригада держитъ пики въ рукахъ, я передалъ объ этомъ своему полковому командиру.

— Поѣзжайте, сказалъ онъ, къ Петру Павловичу и попросите его скомандовать: пики за плечо.

Признаюсь, не очень охотно скакалъ я на сѣромъ конѣ на открытое мѣсто, отдѣляясь отъ всѣхъ на глазахъ государя. Но дѣлать нечего, скачу къ бригадному генералу и отсалютовавъ говорю: „ваше пр—о, полковой командиръ проситъ васъ скомандовать усталой бригадѣ: пики за плечо. Такъ какъ только одна она не отдыхаетъ среди всѣхъ“.

— Это, это, зачастилъ генералъ, это не мое дѣло. Поѣзжайте къ начальнику дивизіи и попросите скомандовать.

— Слушаю, ваше пр—о, но какъ бы Иванъ Андреевичъ не прогнѣвался.

— А я вамъ говорю: не мое дѣло.

Не успѣлъ я обратиться съ просьбой къ начальнику дивизіи, какъ уставивши на меня стеклянные мутно-сѣрые глаза, послѣдній воскликнулъ: „я сейчасъ отправлю васъ на гауптвахту, если будете безпокоить меня такими пустяками. Обратитесь къ бригадному генералу.

— Онъ-то и послалъ меня къ вашему пр—у.

И не дожидаясь новой бури, я помчался къ Петру Павловичу.

— Не мое дѣло, сказалъ послѣдній.

— Подлецы! воскликнулъ Карлъ Өедоровичъ, выслушавъ мое донесеніе и затѣмъ, обратившись вдоль фронта, громко скомандовалъ: „бригада, пики за плечо!“

Въ общемъ маневры въ этотъ день окончились благополучно.

Сосредоточивая все вниманіе на отдѣльныхъ маневрахъ своего полка и дивизіи, я не зналъ и не могъ знать лично ничего происходившаго за непосредственными ихъ предѣлами. Но за позднимъ обѣдомъ послѣ маневровъ, Карлъ Өедоровичъ разсказалъ о встрѣчѣ своей съ начальникомъ легкой кавалерійской дивизіи Гр.

Еще раньше вспоминая то или другое изъ прежней гусарской службы, Бюлеръ разсказывалъ о необузданности бри-

гаднаго командира Гр., бросавшагося во фронтѣ на солдатъ, кусавшаго ихъ и вырывавшаго сережки изъ ушей франтоватыхъ унтеръ-офицеровъ.

„Онъ говоритъ, прибавлялъ Карлъ Ѳедоровичъ, что не можетъ воздержаться. Отчего же онъ этого не дѣлаетъ въ присутствіи Николая Павловича? Бѣшеный и при царѣ не удержится“.

Я не забылъ словъ, какими Гр. передавалъ Бюлеру о гнѣвѣ царя за путаницу на маневрахъ: „подъѣхалъ ко мнѣ государь колѣно въ колѣно и, грозя пальцемъ передъ самымъ моимъ носомъ, сказалъ: ты вспомни, что я въ прошломъ году на этомъ самомъ мѣстѣ отнялъ дивизію у такого же генерала, какъ ты. Помни это!“

„Въ эту минуту, говорилъ Гр., я забылъ, что я на степи, сижу верхомъ и передо мною государь; я только видѣлъ одинъ грозящій палецъ и вокругъ него на весь свѣтъ золотистый песокъ“.

Если подумать о громадной русской и иностранной свитѣ Николая Павловича, стекавшейся въ бѣдномъ и немощеномъ Елизаветградѣ, то станетъ понятно стѣсненіе, въ которомъ мы находились по отношенію къ экипажамъ. Зато корпусный и дивизіонный штабы съ нами не церемонились. Не говорю объ экипажахъ полковаго командира или дивизіонера, у кого они были; приведу только въ примѣръ самого себя.

Три единственныхъ моихъ пары выѣзжали ежедневно подъ свиту въ пролеткѣ, нетычанкѣ и тарантасѣ. Казалось бы, что требовать невозможно тамъ, гдѣ все отдано; на дѣлѣ выходило другое.

Приходившій въ 11 час. вечера, а иногда и позже, съ такъ называемымъ словеснымъ приказаніемъ писарь нежданно приносилъ между прочимъ и такой параграфъ: прислать завтра въ 7 часовъ утра къ дивизіонному штабу одинъ экипажъ отъ кирасирскаго Военнаго Ордена полка.

Другими словами это значило, чтобы я прислалъ такой то экипажъ; а потому понятно, что у каждаго родственника нашихъ офицеровъ или юнкеровъ, прибывшихъ на царскій смотръ, я по возможности выпрашивалъ экипажъ.

Послѣ утомительнаго дня, нерѣдко до двухъ и трехъ ча-

совъ приводилось сидѣть въ канцеляріи и сначала поджидать за полночь распоряженія изъ дивизіи; а затѣмъ уже диктовать шести эскадроннымъ писарямъ такъ называемое словесное приказаніе, трепеща каждую минуту опустить какую либо подробность, вслѣдствіе чего поутру можетъ произойти неисправимое недоразумѣніе.

Если прибавить къ этому, что иногда забирался ко мнѣ въ канцелярію тяжеловѣсный командиръ 6-го эскадрона Безрадецкій, тотъ самый, котораго Сакенъ заставлялъ передъ фронтомъ говорить по-русски, то положеніе дѣлалось совершенно невыносимымъ.

„Уборному унтеръ-офицеру, диктую я, отъ 6-го эскадрона въ 6 час. утра прибыть къ квартирѣ полковаго адъютанта для осмотра“.

— Да помилуйте, за что же отъ 6-го эскадрона! восклицаетъ ротмистръ: уже такой безотвѣтный эскадронъ: все съ него да съ него.

— Николай Петровичъ, ради Бога! вы мѣшаете!

Не безъ мучительныхъ недоразумѣній бывало иногда между мною и Карломъ Ѳедоровичемъ.

Помню, однажды онъ прикатилъ изъ дивизіоннаго штаба въ третьемъ часу ночи прямо къ моей канцеляріи.

— Отъ нашего полка, сказалъ онъ, видимо взволнованный, нѣтъ до сихъ поръ людей на заставу. Вы объ нихъ забыли.

Послѣднія слова, не желая мнѣ дѣлать выговора при писаряхъ, онъ сказалъ по-французски, прибавивъ: voyes vous, mon cher, c'est parce que cela vous êtes indifferent.

Боже, подумалъ я, гдѣ же справедливость, когда такой добродушный командиръ говоритъ это человѣку, сидящему надъ работой чуть не до зари послѣ утомительнаго дня.

— Не знаю, отвѣчалъ я, куда дивизія дѣвала нашихъ людей, но распоряженіе пришло ко мнѣ въ 6 час. вечера, а въ 7 я осмотрѣлъ людей и отправилъ ихъ въ штабъ.

Къ безсоннымъ канцелярскимъ ночамъ присоединялось слѣдующее.

Въ этомъ году мы стояли на тѣсныхъ квартирахъ въ самомъ Елизаветградѣ, уступая бараки кирасирамъ первой дивизіи. Не успѣвалъ я добиратѣся до своей кровати, какъ

дверь растворялась, и слуга мой вполголоса говорилъ: „какой-то господинъ желаетъ васъ видѣть. Я докладывалъ, что вы только что легли; они просятъ на одну минуту“.

— Проси.

Въ комнату во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ входитъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, несомнѣнно принадлежащій къ хорошему обществу.

Послѣ взаимныхъ извиненій онъ садится около кровати, заявивъ, что онъ отецъ нашего юнкера Збышевскаго.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваю я.

— Не откажите дать моему сыну 2-хъ мѣсячный отпускъ домой въ Волынскую губернію.

— Извините, что не могу исполнить вашего желанія: юнкеръ Збышевскій двѣ недѣли назадъ переведенъ въ первую дивизію, и потому со всякими формальными просьбами ему слѣдуетъ обращаться къ новому полковому командиру. Давая отпускъ чужому нижнему чину, я сдѣлаю подлогъ, могущій привести меня къ строжайшей отвѣтственности.

— Помилуйте, мы дворяне; мы неспособны злоупотребить вашей снисходительностью.

— Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, но на превышеніе власти и явный подлогъ согласиться не могу, хотя бы и могъ исполнить это безнаказанно. Просите у его теперешняго начальства.

— То начальство его не знаетъ, а вы знаете его за благовоспитаннаго юношу, и т. д.

Тѣмъ не менѣе эта сцена повторилась и въ слѣдующую ночь, такъ что я положительно запретилъ принимать несвоевременнаго просителя.

— Это удивительно, сказалъ однажды, вернувшись къ сумеркамъ изъ дивизіоннаго штаба, Карлъ Ѳедоровичъ:—почему нашъ полкъ долженъ непремѣнно отдуваться за всѣхъ? Завтра въ 8 часовъ утра по случаю воскресенья церковный парадъ отъ нашего полка. Разошлите сейчасъ по эскадронамъ приказъ вывести на репетицію парада по десяти человѣкъ отъ эскадрона, съ которыми эскадроннымъ командирамъ немедля прибыть на плацъ, а равно и маіору Вейнбергу, который назначается командовать батальономъ.

Черезъ полчаса командиры и люди въ фуражкахъ были уже на плацу. Прибылъ и флигель-адъютантъ, вѣроятно приглашенный предварительно Карломъ Ѳедоровичемъ. Командиры съ Бюлеромъ во главѣ обступили флигель-адъютанта, толковавшаго имъ о порядкахъ церковныхъ парадовъ въ присутствіи государя. Увѣренный, что по чувству самосохраненія всѣ эти лица воспользуются наставленіями флигель-адъютанта, я не вмѣшивался и не вслушивался въ ихъ жаркіе вопросы и толки, а только, испытавши на себѣ повадку начальства сваливать всякую безтолочь на адъютанта, караулилъ, какъ котъ мышенка, минуту, когда флигель-адъютантъ, окончивъ наставленія, пойдетъ къ своей пролеткѣ. Не успѣлъ послѣдній отдѣлиться отъ толкующей между собою офицерской группы, какъ я, подсовывая правую руку подъ его лѣвый локоть, сказалъ: „извините, полковникъ, что я въ свою очередь рѣшаюсь прибѣгнуть къ вашему знанію, въ виду совершеннаго недоумѣнія насчетъ завтрашней моей роли“.

— Станьте вы на правомъ флангѣ батальона передъ вашимъ развернутымъ взводомъ и по командѣ батальону шага скомандуйте вашему взводу: налѣво, а затѣмъ по командѣ: маршъ! сыграйте подъ лѣвую ногу и батальону и себѣ, но не трогайтесь съ мѣста до тѣхъ поръ, пока весь батальонъ не пройдетъ къ церемоніальной линіи и не очиститъ вамъ мѣсто. Тогда подъ тотъ же маршъ идите параллельно жолнерамъ и противъ государя поверните взводъ во фронтъ и отсалютуйте.

На другой день къ 7 часамъ утра полкъ нашъ въ батальонномъ составѣ ждалъ на плацу царя. Прибылъ и Фитингофъ, къ которому мало по малу стали собираться генералы всѣхъ частей войска. Съ полной въ себѣ увѣренностью, я стоялъ съ трубачами на правомъ флангѣ батальона, передъ которымъ во всей сановитой красотѣ стоялъ маіоръ Вейнбергъ.

Вдругъ къ немалому моему удивленію Вейнбергъ громогласно сказалъ:

— Г. адъютантъ, извольте стать съ трубачами передъ батальонъ.

Я сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ команды; но подумалъ: охота человѣку, ничего не зная, мѣшаться не въ свое дѣло.

Вейнбергъ повторилъ команду еще съ большею настойчивостью, но также безуспѣшно. Послушай я его, подумалъ я, путаница выйдетъ неизбѣжная, и я никому не пойду объяснять, что послушалъ командующаго батальономъ.

— Г. адъютантъ! воскликнулъ Вейнбергъ: извольте исполнить, что вамъ приказываютъ.

— *Убирайтесь вы съ вашимъ приказаніемъ!* громогласно воскликнулъ я въ свою очередь, прибавляя къ этому совѣту самую грубую брань.

— Карлъ Ѳедоровичъ! воскликнулъ Фитингофъ, обращаясь къ Бюлеру: поставьте передъ трубачей другаго офицера: тамъ Фетъ все споритъ.

При этихъ словахъ Бюлеръ своими длинными ногами поспѣшно зашагалъ по діагонали ко мнѣ и подошедши въ упоръ сказалъ:

— Аѳанасій Аѳанасьевичъ, вы бранитесь во фронтѣ, и начальникъ дивизіи желаетъ поставить вмѣсто васъ другаго офицера.

— Ваше пр — ство, я стою тамъ, гдѣ мнѣ указалъ флигель-адъютантъ, и готовъ уступить свое третное жалованье офицеру, который, ставши на моемъ мѣстѣ, произведетъ путаницу по милости Вейнберга.

— Маіоръ Вейнбергъ, обратился Бюлеръ къ командующему парадомъ: прошу васъ оставить моего адъютанта въ покоѣ.

Но вотъ на плацу появился государь въ конно-гвардейскомъ мундирѣ и милостиво спросилъ Фитингофа,—какъ онъ тутъ со своею больною ногой?

Лицо старика генерала засвѣтилось такимъ счастіемъ, что можно было подумать, что онъ исцѣленъ царской милостью.

Государь остался чрезвычайно доволенъ парадомъ; милостивая улыбка не сходила съ его лица. Но по мѣрѣ того, какъ взводы батальона послѣдовательно упирались въ ведущую съ плаца къ церкви калитку, запирая собою къ ней доступъ, я совершенно терялся въ догадкахъ, какъ я доберусь до калитки, въ которую съ трубачами долженъ войти первымъ, и что для этого долженъ командовать передъ ца-

ремъ. Когда по минованіи послѣдняго взвода, трубы замолкли, и я не зналъ, что командовать, раздались громкіе голоса начальства: „адъютантъ, ступайте на свое мѣсто“!

— Не суетить его, раздался ласковый и рѣшительный царскій голосъ.

И скомандовавъ налѣво, я пошелъ за лѣвый флангъ батальона и, дойдя до ограды, сказалъ трубачамъ вполголоса: „пробирайтесь и стройтесь какъ можно“.

LXVII

Смерть Елены Лариной.—Романовы.—Послѣднія событія.

Разсказывая о событіяхъ моей жизни, я до сихъ поръ руководствовался мыслью, что только правда можетъ быть интересной какъ для пишущаго, такъ и для читающаго. Въ противномъ случаѣ не стоитъ говорить.

При такомъ убѣжденіи я не проходилъ молчаніемъ значичительныхъ для меня событій, хотя бы они вели къ моему осужденію или къ сожалѣнію обо мнѣ.

Казалось, достаточно было бы безмолвно принести на трезвый алтарь жизни самыя задушевныя стремленія и чувства. Оказалось на дѣлѣ, что этотъ горькій кубокъ былъ недостаточно отравленъ.

Въ скорости по возвращеніи въ Крыловъ я выпросился на нѣсколько дней въ Березовку, и въ самый день пріѣзда моего къ Бржесскимъ появился Михаилъ Ильичъ Петковичъ и, здороваясь со мною, воскликнулъ:

— А Лена то!

— Что? что? съ испугомъ спросилъ я.

— Какъ! воскликнулъ онъ, дико смотря мнѣ въ глаза: вы ничего не знаете?

И видя мое коснѣющее недоумѣніе, прибавилъ: да вѣдь ея уже нѣтъ! она умерла! И, Боже мой, какъ ужасно!

Когда мы оба немного пришли въ себя, онъ разсказалъ слѣдующее:

„Гостила она у насъ, но такъ какъ ко времени сѣнной и хлѣбной уборки старый генералъ посылалъ всѣхъ дворовыхъ людей, въ томъ числѣ и кучера, въ поле, то прислалъ за нею карету передъ покосомъ. Пришлось снова биться надъ уроками упрямой сестры, послѣ которыхъ наставница ложилась на диванъ съ французскимъ романомъ и папироской, въ увѣренности, что строгій отецъ, строго запрещавшій дочерямъ куренье, не войдетъ.

„Такъ въ послѣдній разъ легла она въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и, закуривъ папироску, бросила, сосредоточивая вниманіе на книгѣ, на полъ спичку, которую считала потухшей. Но спичка, продолжавшая горѣть, зажгла спустившееся на полъ платье, и дѣвушка только тогда замѣтила, что горитъ, когда вся правая сторона была въ огнѣ. Растерявшись при совершенномъ безлюдьи, за исключеніемъ безпомощной дѣвочки сестры (отецъ находился въ отдаленномъ кабинетѣ), несчастная, вмѣсто того чтобы, повалившись на полъ, стараться хотя бы собственнымъ тѣломъ затушить огонь, бросилась по комнатамъ къ балконной двери гостиной, причемъ горящіе куски платья отрываясь падали на паркетъ, оставляя на немъ слѣды роковаго горѣнья. Думая найти облегченіе на чистомъ воздухѣ, дѣвушка выбѣжала на балконъ. Но при первомъ ея появленіи на воздухъ пламя поднялось выше ея головы, и она, закрывши руками лицо и крикнувъ сестрѣ: „sauvez les lettres“, бросилась по ступенямъ въ садъ. Тамъ, пробѣжавъ насколько хватило силъ, она упала совершенно обгорѣвшая, и нѣсколько времени спустя на крики сестры прибѣжали люди и отнесли ее въ спальню. Всякая медицинская помощь оказалась излишней, и бѣдняжка, протомясь четверо сутокъ, спрашивала—можно ли на крестѣ страдать болѣе, чѣмъ она?

Въ теченіи моихъ разсказовъ мнѣ не разъ приходилось говорить о сестрѣ А. Ѳ. Бржесскаго, Елиз. Ѳед. Петковичъ. Но теперь, соблюдая послѣдовательность, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ старшей сестрѣ Екат. Ѳед. Романовой. Она была гораздо ровнѣе характеромъ подвижной

сестры своей. Совершенная брюнетка съ правильными чертами и съ восточнымъ загаромъ лица, она, походящая романтизмомъ и нѣжностью на брата Алексѣя, вышла замужъ за морскаго капитана Вл. Павл. Романова. Это былъ въ свою очередь милый и благодушный человѣкъ.

Хотя вмѣстѣ съ Петковичами я на одинъ день ѣздилъ изъ Ѳедоровки въ имѣніе Романовыхъ Снѣжково, но окончательно свела насъ судьба въ Крыловѣ, куда это семейство переѣхало по случаю поступленія нѣжно любимаго сына Романовыхъ Владиміра въ наши юнкера.

Года за четыре передъ тѣмъ я по рекомендательному письму Бржесскаго былъ любезно принятъ въ Москвѣ въ домѣ Романовыхъ, которые, приглашая меня къ обѣду на слѣдующій день, объявили, что пригласятъ и моего университетскаго товарища Сергѣя Михайловича Соловьева.

Вернувшись въ Елизаветградъ, я на вечерѣ у полковника Мельцера узналъ, что Романовы дали слово Соловьеву отдать за него дочь.

Юнкеръ Романовъ, до невозможности избалованный матерью, могъ бы въ домашнемъ быту служить типомъ шаловливаго ребенка. Питаясь вечеромъ сластями и приглашая въ домъ товарищей, онъ, не стѣсняясь, клалъ въ растворъ дверей грецкіе орѣхи и, такимъ образомъ, съ громкимъ трескомъ добывалъ изъ нихъ ядро.

На это добрая Екатерина Ѳедоровна только восклицала: „ахъ, Володя!“

Говоря въ моихъ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ о переходѣ въ гвардію, по причинѣ полученія Бюлеромъ другаго высшаго назначенія, я долженъ былъ разсказать о матеріальныхъ затрудненіяхъ при неполученіи помощи изъ дому.

Разсказывая о службѣ своей въ Орденскомъ полку, я забылъ упомянуть о томъ, что года за два передъ тѣмъ отецъ прислалъ мнѣ гнѣдаго жеребца своего завода имени Фелькерзамъ. Лошадь эту весьма бережно выѣздилъ нашъ берейторъ Лупалъ, и Карлъ Ѳедоровичъ, бывало, любовался ею. Но такъ какъ у меня былъ уже старый конь Елизаветградъ, то Бюлеръ купилъ его за ту же цѣну, за которую я его пріобрѣлъ, т. е. за 50 руб. Этотъ старецъ, заслужившій когда то одо-

бреніе Сакена, поступилъ на такъ называемую свитскую конюшню, откуда выдавались лошади пріѣзжимъ адъютантамъ. Прослуживъ два года подъ свитскимъ сѣдломъ, Елизаветградъ всетаки не потерялъ своей цѣны, такъ какъ адъютантъ гр. Никитина упросилъ Бюлера уступить ему лошадь за ту же цѣну.

Въ полку я не нуждался въ собственной верховой лошади, такъ какъ ѣздилъ на красивомъ сѣромъ Арлекинѣ. Но въ гвардію я желалъ явиться исправнымъ офицеромъ. Телѣга, которая могла бы проѣхать съ кладью двѣ тысячи верстъ отъ Крылова и до Краснаго села, должна была быть весьма прочна, и отправка четырехъ лошадей и двухъ проводниковъ требовала значительныхъ издержекъ. Да если бы и были деньги, то всетаки необходимо было распродать экипажи и лишнюю четверку лошадей, хотя бы и за полцѣны— за 300 руб. Но наши штабные офицеры не держали лошадей, и найти въ короткое время покупателя было немыслимо. Не имѣя причины скрывать отъ добрыхъ Романовыхъ своего затрудненія, я однажды не безъ удивленія и радости услыхалъ отъ Владиміра Павловича о желаніи его воспользоваться случаемъ дешевой покупки моихъ вещей. Не смотря на дѣйствительно дешевую оцѣнку имущества, я и понынѣ увѣренъ, что главной побудительной причиной немедленной выдачи причитающейся мнѣ суммы было желаніе Романовыхъ выручить меня изъ бѣды. При отношеніяхъ нашей семьи къ отцу, безъ любезнаго участія Романовыхъ переходъ мой въ гвардію состояться не могъ, а потому вся послѣдующая жизнь должна бы была сложиться другимъ образомъ.

При сдачѣ полка намъ съ Бюлеромъ приходилось сопровождать кн. Голицына въ третій дивизіонъ, и за три дня до поѣздки Вейнбергъ явился ко мнѣ съ приглашеніемъ къ обѣду для полковыхъ командировъ. Однако, Карлъ Ѳедоровичъ по добротѣ своей избавилъ меня отъ этой поѣздки, взявъ лично мой портфель.

О дальнѣйшей судьбѣ Вейнберга я слышалъ слѣдующее. Не знаю, какого рода столкновеніе произошло между нимъ и моимъ бывшимъ товарищемъ Романовичемъ, послѣ Крымской кампаніи, когда кирасиры двинулись къ югу, а я съ

лейбъ-гвардіи уланскимъ полкомъ выступилъ къ Балтійскому порту. Дѣло въ томъ, что свѣтлѣйшій князь Голицынъ предложилъ обоимъ по окончаніи кампаніи подать въ отставку. Романовичъ года черезъ два послѣ того умеръ, а Вейнбергъ, воспользовавшись гвардейскими связями, получилъ мѣсто полицеймейстера въ Одессѣ. Здѣсь онъ щеголялъ своими выѣздами, красотою и нарядами жены. Соображать его матеріальныя средства со внѣшней обстановкой никому не приходило въ голову. Все въ городѣ шло обычной чередой; но по временамъ стали возникать небывалыя явленія. Начали пропадать молодыя красавицы дѣвушки, и всѣ поиски полиціи оставались безплодными.

Однажды богатый банкиръ, приходившій въ отчаяніе по случаю пропажи красавицы дочери, получилъ отъ своего пріятеля слѣдующее письмо изъ Константинополя:

Проходя третьяго дня по невольничьему рынку, я замѣтилъ дѣвушку, которой черты показались мнѣ знакомыми. Заговоривши съ нею сперва по французски, а затѣмъ по нѣмецки, я узналъ, что она твоя дочь, и о своей судьбѣ она разсказала слѣдующее: подъ предлогомъ посѣщенія больной, она была съ вечера задержана въ глухомъ переулкѣ на неизвѣстной ей квартирѣ, усыплена и ночью перевезена на отходящій въ Константинополь пароходъ, причемъ прибавила, что когда въ лодкѣ она очнулась и стала звать на помощь, полицейскій служитель зажалъ ей ротъ и крикнулъ гребцамъ грести дружнѣе. Торговецъ, выставившій дѣвушку на продажу, заявилъ, что эта невольница дорогая, и я заплатилъ за нее на русскія деньги 3 тыс. руб. Въ настоящую минуту она у меня, и я жду твоихъ распоряженій насчетъ ея переѣзда въ Одессу.

Твой NN.

Когда содержаніе этого письма, ставши общеизвѣстнымъ, объяснило исчезновеніе прочихъ жертвъ незаконной продажи, Вейнбергъ выстрѣлилъ себѣ въ лобъ изъ пистолета, и такъ какъ ожидали его смерти, то и самое дѣло прекратилось.

Но какимъ-то чудомъ рана Вейнберга оказалась не смертельной, и онъ выздоровѣлъ. Оставивши службу, онъ переѣхалъ въ Петербургъ по желанію жены. Здѣсь во время моего

пребыванія, по случаю пріуготовленія къ смотру наслѣдника цесаревича въ 1853 г., Григорьевъ сказалъ мнѣ однажды:

— Пойдемъ какъ-нибудь вечеромъ къ m-me Вейнбергъ. Она премилая и интересная женщина. А мужа держитъ вродѣ разсыльнаго. Онъ охотникъ кутнуть, но она ему ни копѣйки не даетъ.

Если, подумалъ я, не взирая на ихъ приглашеніе, я не бывалъ у нихъ и въ ихъ блестящее время, то въ настоящемъ не къ чему возобновлять знакомство. И я не пошелъ.

Черезъ годъ я узналъ, что безвозмездная роль разсыльнаго должно быть показалась Вейнбергу невыносимой, и онъ, зарядивъ пистолетъ водою, разнесъ себѣ черепъ.

Если бы въ настоящую минуту, разставаясь умственно со славнымъ кирасирскимъ Военнаго Ордена полкомъ, кромѣ встрѣчъ съ бывшими однополчанами (о чемъ я уже говорилъ въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ), упомянулъ о встрѣчахъ съ другими однополчанами, напр., съ кн. А. А. Щербатовымъ, гр. В. И. Капнистомъ и В. Н. Чичеринымъ, проживающими въ Москвѣ, то исчерпалъ бы кругъ личныхъ моихъ наблюденій.

У Карла Өедоровича я не разъ бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ занималъ должность помощника Великаго Князя Николая Николаевича. Онъ встрѣчалъ меня какъ роднаго сына, и въ числѣ многихъ его практическихъ изреченій я никогда не забывалъ слышаннаго мною еще въ Орденскомъ полку: „хорошій эскадронный командиръ всегда будетъ хорошимъ хозяиномъ“. Распространяю это изреченіе при воспоминаніи о своей Орденской службѣ такъ: никакая школа жизни не можетъ сравниться съ военною службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошаго стальнаго клинка въ сношеніяхъ съ равными и привычку къ мгновенному достиженію цѣли кратчайшимъ путемъ.

Когда я сличаю свою нравственную распущенность и лѣнь на школьной и университетской скамьяхъ съ принужденнымъ самонаблюденіемъ и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то долженъ сказать, что кирасирскій Военнаго Ордена полкъ былъ для меня возбудительною школой.

Оглавленіе.

Стр.

Стр.

Стр.